НОЯ
24 ФЕВ
24 МАР.

4/I 921

25/b

30/b

4/4
11/V 22

25/8
30/5

11/1
52
30/11

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 2.

ФЕВРАЛЬ, 1909.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1909.

стр.

ДВѢ АНГЛІЙСКІЯ ГЕЛІОГРАВЮРЫ: ВЛ. С. СОЛОВЬЕВЪ И Ч. ДАРВИНЪ.

I.—„ДНИ СВОБОДЫ" ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.—**Кн. С. Урусова** 461

II.—ПАМЯТИ В. Д. СПАСОВИЧА.—V-VIII.—Проф. **М. И. Чубинскаго** . . 484

III.—ДУША СОБАКИ.—**К. С. Баранцевича** 513

IV.—ПУШКИНЪ И ГР. Е. К. ВОРОНЦОВА (1824).—**М. О. Гершензона** . . 530

V.—НИК. ИВ. ТУРГЕНЕВЪ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.—IV-VII.—**В. И. Семевскаго** 548

VI.—ПОХОДЪ.—Разсказъ.—**Морского** 581

VII.—КОАЛИЦІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ.—**А. Дживелегова** 609

VIII.—НА МЕЛЬНИЦѢ.—**С. Семенова** 621

IX.—ПИСЬМА ИЗЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ.—IV-VI. **Николая Морозова** 630

X.—С. Ю. ВИТТЕ И К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.—**Каменева** 651

XI.—ПАНЪ.—Стих. **Анатолія Доброхотова** 692

XII.—МОЛОДЫЯ ДѢВУШКИ. — Романъ В. Маргерита. — „Jeunes filles", par V. Margueritte.—VI-XIII.—Съ франц. **О. Ч.** 693

XIII.—НА ЗАКАТѢ.—Изъ Поля Верлена.—**Зинаиды Ц.** 723

XIV.—ЧЕГО ПРОСИТЪ ДЕРЕВНЯ?—**С. Аникина** 724

XV.—ВЪ МАСТЕРСКОЙ ЧАСОВЩИКА.—Стих. **Михаила Гальперина** . . . 741

XVI.—„ПѢСНЯ ПѢСНЕЙ".—Романъ Г. Зудермана. — Hermann Sudermann, „Das Hohe Lied".—VIII-XIII. — Съ нѣмецк. **З. В.** 743

XVII.—ФЕВРАЛЬ.—Стих. **П. С. Соловьевой** 780

XVIII.—ЧАРЛЗЪ ДАРВИНЪ. — 12 февраля (н. с.) 1809 г. — 12 февраля 1909 г. **К. А. Тимирязева** 781

XIX.—ХРОНИКА. — ПАМЯТИ ИВАНА ЕГОРОВИЧА ЗАБѢЛИНА. **А. Прѣснякова** 805

XX.—ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТУПИКЪ.—**Ѳ. Ѳ.** 812

XXI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Продленіе чрезвычайной охраны въ Петербургѣ.—Кому она нужна и полезна?—Рѣчь П. А. Столыпина при открытіи съѣзда должностныхъ лицъ. — Новое примѣненіе статьи 87-ой основныхъ законовъ.—Различія и сходства.—Смертная казнь безъ суда.—Что такое безпартійность?—Новая эволюція октябризма 821

XXII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**И. Жилкина** 839

XXIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Д. Г. Коноваловъ. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Ч. I, вып. 1.—**А. Л. Погодина.** — II. Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—06 гг. Обзоры по районамъ: Б. Б. Веселовскаго, В. С. Голубева, В. Г. Громана, А. Е. Лосицкаго, П. П. Маслова, С. Н. Прокоповича, Д. И. Рихтера, А. М. Рыкачева, П. В. Чернышева. Ч. 1 и 2. — **В. В.** — III. А. В. Пѣшехоновъ. Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей. — **М. И. Фридмана.** — IV. Проф. Э. Д. Гриммъ. Революція 1848 года во Франціи. Ч. I. — Подготовка революціи 1848 года во Франціи. Часть II. — Февральская революція. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.—**И. Бороздина.**—V. В. Герье. „Францискъ, апостолъ нищеты и любви".—**Л. Карсавина.**—Новыя книги и брошюры 848

XXIV.—ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ ИТАЛІИ.—Письмо изъ Рима.—**Мих. Осоргина.** 866

XXV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Балканскій кризисъ и австрійская политика. — Вопросъ о конституціонной роли Вильгельма II. — Императоръ предъ судомъ общественнаго мнѣнія. — Мечты о прусской избирательной реформѣ.—Французскія дѣла. 875

XXVI.—ДВА ПИСЬМА М. Г. ЧЕРНЯЕВА О ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ. **Л. З. Слонимскаго** 887

XXVII.—ОТВѢТЪ ЕЛ. ИВ. АПРѢЛЕВОЙ.—По поводу протеста г-жи Маріанны Дюверруа-Віардо.—**М. М. Стасюлевича** 892

XXVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Общественно-политическая задача момента.—Споръ о классовой основѣ союза 17 октября.—Признаки поворота въ земствѣ.—Предстоящіе земскіе выборы.—Агентъ охраны и революціонеръ-бомбистъ Азефъ. — Арестъ А. А. Лопухина. — Дѣло Алексѣева (Брута).—Урокъ депутату въ городской думѣ.—„Общество улучшенія народнаго труда".—Достойный вниманія приказъ.—О. І. Кронштадтскій †.—Ѳ. Н. Плевако † 894

XXIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-II. 912

XXX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. 914

XXXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Библиотека имени Ленина. Ленинградская Петровскаго

„ДНИ СВОБОДЫ“

ВЪ

СЕВАСТОПОЛѢ

Культурный фонд Московской обл. библиотеки

22508

Манифестъ 17 октября 1905 года въ настоящее время не приходится, повидимому, разсматривать какъ дѣйствующую основу русскаго государственнаго устройства. Выполненіе непремѣнной Высочайшей воли, выраженной въ трехъ пунктахъ манифеста, не составляетъ болѣе обязанности правительства, по крайней мѣрѣ въ его собственномъ сознаніи. Но недалеко еще то время, когда „незыблемыя основы гражданской свободы“, расширеніе избирательныхъ правъ населенія и непремѣнное участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ казались близкими къ осуществленію, реальными фактами. У всѣхъ еще въ памяти вызванный появленіемъ манифеста подъемъ духа, проявившійся въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны.

До сихъ поръ еще не выяснена ближайшая обстановка, при которой, неожиданно для многихъ,—въ томъ числѣ и для большинства лицъ, стоявшихъ въ то время у власти,—появился этотъ знаменательный документъ. Извѣстно только, что представители центральнаго административнаго управленія проявили при опубликованіи манифеста небрежность, походившую на желаніе немедленно получить доказательство ошибочности принятаго свыше либеральнаго мѣропріятія. Дѣйствительно, почти во всѣхъ городахъ Россіи мѣстные администраторы не только не получили своевременнаго предупрежденія о готовившемся событіи, но узнали о манифестѣ одновременно съ редакціями мѣстныхъ га-

зетъ и частными подписчиками телеграфнаго агентства. Бывали случаи, когда въ городахъ уже начинались уличныя манифестаціи, въ то время какъ на губернаторскихъ столахъ, въ числѣ прочей корреспонденціи, лежали нераспечатанныя телеграммы, дававшія знать о происшедшей перемѣнѣ формы правленія русскаго государства.

Положительно извѣстно, что нѣкоторые губернаторы еще только собирались запрашивать министерство о томъ, какъ имъ понять полученное извѣстіе, въ то время какъ у воротъ губернскихъ тюремъ уже собирались толпы народа, ожидавшаго освобожденія политическихъ арестантовъ, а растерявшаяся полиція не знала, что̀ ей дѣлать: ликовать ли вмѣстѣ съ толпой, или же принять крутыя мѣры для обузданія восторженныхъ манифестацій, внезапно нарушившихъ внѣшній порядокъ и уличную тишину. „Незыблемыя основы гражданской свободы", да еще притомъ утвержденныя „на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности", нелегко было понять и усвоить людямъ, привыкшимъ къ требованіямъ совсѣмъ иного рода. Что̀ дѣлать съ лицами, арестованными безъ постановленія судебной власти? Ни губернаторы, ни прокуроры окружныхъ судовъ, ни начальники жандармскихъ управленій, не могли въ то время отвѣтить на этотъ вопросъ. Гдѣ предѣлы возвѣщенной свободы собраній—этого не зналъ, конечно, ни одинъ полицеймейстеръ, твердо усвоившій лишь мнѣніе о незаконности всякаго собранія, имъ не разрѣшеннаго. При серьезномъ и сочувственномъ отношеніи къ манифесту, правительственныя лица, стоявшія въ то время во главѣ управленія, не упустили бы изъ вида, что мѣстные административные чины, воспитанные въ неустанной борьбѣ съ обывателемъ, во имя охраны самодовлѣющей власти, не могли быть оставлены безъ инструкцій въ то время, когда власть внезапно заговорила другимъ языкомъ и провозгласила формулу, хотя и очень древнюю, но показавшуюся всѣмъ новой, заявивъ, что „благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народа и печаль народная—Его печаль".

Разнообразные эпизоды, разыгравшіеся послѣ 17 октября по всей Россіи, стали извѣстны преимущественно изъ отчетовъ судебныхъ засѣданій, наглядно выяснившихъ внутреннее противорѣчіе между вложенными въ содержаніе манифеста высокими началами и тѣмъ отношеніемъ къ этимъ началамъ, которое неоднократно проявлялось въ дѣйствіяхъ властей. Но на этомъ вопросѣ мнѣ теперь останавливаться не приходится. Здѣсь, на этихъ страницахъ, я выступаю не въ качествѣ историка или

судьи. Я хочу возможно точнѣе вспомнить и возможно правдивѣе описать нигдѣ не прошумѣвшія событія, свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ Севастополѣ, въ памятные октябрьскіе дни. Особенность ихъ заключается въ неожиданно совершившемся перемѣщеніи власти, благодаря которому управленіе городомъ перешло на три дня изъ рукъ мѣстной администраціи, опиравшейся на тридцати-тысячное войско, въ руки трехъ десятковъ людей, случайно оказавшихся въ роли представителей населенія и находившихъ опору главнымъ образомъ въ бодрости своего духа.

Осенью 1905 года мнѣ пришлось прожить въ Ялтѣ около трехъ недѣль. Въ началѣ октября я взялъ въ мѣстномъ желѣзнодорожномъ агентствѣ билетъ до Москвы на поѣздъ, отходившій изъ Севастополя десятаго вечеромъ, а девятаго, присоединившись къ компаніи знакомыхъ, выѣхалъ на лошадяхъ въ Бахчисарай, откуда намѣревался заѣхать слѣдующимъ утромъ въ Севастополь за ожидавшимъ меня тамъ москвичемъ-попутчикомъ.

Послѣдніе дни пребыванія моего въ Ялтѣ представляли лишь ту особенность, что вечерній севастопольскій пароходъ не всегда привозилъ намъ столичныя и одесскія газеты. Разносчики часто приносили съ пристани пустыя сумки, а если нумера какой-нибудь газеты по временамъ и появлялись, то ихъ расхватывали немедленно, тутъ же на набережной, по тройной цѣнѣ. Сообщалось о забастовкахъ типографскихъ рабочихъ; чувствовалось, что вдали, въ центрѣ, происходитъ какое-то броженіе, но въ Ялтѣ въ то время не придавали этому обстоятельству особаго значенія.

Первые признаки приближавшихся серьезныхъ событій обнаружились десятаго утромъ, на станціи Бахчисарай. Когда я пріѣхалъ на вокзалъ, оставалось еще много времени до прихода поѣзда. Свѣдѣній о выходѣ его съ послѣдней станціи или же о его запаздываніи получено не было, но отъ вниманія привычныхъ путешественниковъ не могло ускользнуть необычное настроеніе станціонныхъ служащихъ. Какая-то озабоченность, не суетливая, не похожая на опасеніе, но заставлявшая предполагать существованіе важной, интересной тайны, проявлялась на ихъ лицахъ и отражалась въ тонѣ отвѣтовъ на наши нетерпѣливые вопросы. „Поѣздъ не опаздываетъ“?..—„Пока ничего неизвѣстно, можетъ быть и совсѣмъ не придетъ“.—„Скоро будутъ выдавать билеты“? — „Если получимъ свѣдѣнія о выходѣ поѣзда съ послѣдней станціи, то откроемъ продажу“. Всѣ эти оговорки возбудили любопытство публики, и вскорѣ кое-кому уда-

лось узнать отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, что ожидается повсюду прекращеніе движенія поѣздовъ, вслѣдствіе общей забастовки.

Между тѣмъ прозвучалъ звонокъ, выдали билеты и вскорѣ подошелъ поѣздъ. Немедленно мы узнали подробности. Оказалось, что движеніе отъ Лозовой къ Москвѣ уже прекращено и что нашъ составъ пущенъ изъ Синельникова послѣднимъ по направленію къ Севастополю. Ожидавшаяся желѣзнодорожная забастовка стала дѣйствительностью.

Не предполагая, что остановка движенія продлится, и разсчитавъ, что въ Севастополѣ удобнѣе ожидать поѣзда, нежели въ Ялтѣ, я не измѣнилъ первоначальнаго маршрута и сѣлъ въ вагонъ. Вспоминая теперь о часовомъ переѣздѣ, совершенномъ мною утромъ 10-го октября, я могу отмѣтить одну особенность, значенія которой я въ то время не оцѣнилъ, но которая теперь получаетъ въ моихъ глазахъ нѣкоторый интересъ: никто изъ пассажировъ нашего поѣзда не имѣлъ удрученнаго, недовольнаго вида; ни одинъ изъ нихъ не выражалъ досады по поводу прекратившагося движенія, хотя нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ возвращались въ Севастополь поневолѣ, въ виду невозможности продолжать путь по противоположному направленію. Никто не бранился, не возмущался забастовкой; всѣ относились къ ней съ интересомъ, иногда съ добродушной ироніей, но большею частью даже съ извѣстнаго рода сочувствіемъ. Къ кондукторамъ обращались весело и шутливо съ разными вопросами, на которые тѣ отзывались незнаніемъ, обнаруживая однако своимъ видомъ и тономъ приподнятое и какъ бы радостное настроеніе.

Съ вокзала я поѣхалъ въ гостинницу, помѣщавшуюся противъ Морского Собранія, близъ площади, на которой стоитъ новый памятникъ Нахимову. Отыскавъ своего спутника, я обсудилъ съ нимъ положеніе, въ которомъ мы очутились, вдали отъ Москвы, съ легкими по случаю окончанія нашей поѣздки кошельками, при полной неизвѣстности относительно срока предстоявшаго намъ плѣненія. Мы рѣшили поселиться вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ севастопольскія гостинницы, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, были переполнены.

Наступилъ рядъ однообразныхъ дней, съ ежедневными посѣщеніями станціи желѣзной дороги, гдѣ мы постоянно получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „о времени возобновленія движенія ничего не извѣстно“. Уѣхать въ Ялту, и вообще покинуть Севастополь, мы не рѣшались, опасаясь пропустить первый поѣздъ, съ которымъ намъ предстояло ѣхать какъ первымъ кандидатамъ,

имѣвшимъ билеты ближайшей очереди. Дня черезъ два я рѣшилъ внести въ свой образъ жизни извѣстнаго рода порядокъ. Съ семи часовъ утра я отправлялся пѣшкомъ на далекія прогулки, среди дня справлялся о поѣздахъ, послѣ ранняго обѣда бродилъ по городу, а часовъ съ пяти садился за придуманное мною въ виду особыхъ обстоятельствъ занятіе: вынужденное бездѣлье навело меня на мысль писать воспоминанія о прошедшихъ годахъ моей жизни.

Такъ прошла недѣля, безъ газетъ, безъ опредѣленныхъ извѣстій о происходившихъ въ Россіи событіяхъ, безъ писемъ изъ дома и безъ отвѣтовъ на посланныя въ Москву телеграммы. Окрестности города стали надоѣдать, жизнь въ гостинницѣ стала тягостна; финансы наши истощались и настроеніе духа стало падать. Нѣкоторое разнообразіе въ жизнь города внесъ морской министръ, пріѣхавшій незадолго до забастовки и затѣявшій плаваніе съ эскадрой для ознакомленія съ командой судовъ, а также съ цѣлью выправить духъ моряковъ, находившихся еще подъ впечатлѣніемъ фантастическихъ приключеній броненосца „Потемкина Таврическаго“. Я присутствовалъ при красивомъ зрѣлищѣ выхода изъ порта эскадры въ полномъ ея составѣ. Остался въ Севастополѣ лишь проштрафившійся „Потемкинъ“, стоявшій въ гавани съ большой заплатой изъ парусины, скрывавшей его названіе. Въ тотъ же день по городу распространился слухъ о томъ, что броненосцу дано новое имя — „Пантелеймонъ“, при чемъ среди бульварной публики сейчасъ же стало циркулировать мнѣніе, что новое крещеніе нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ Пантелеймономъ будто бы звался предводитель возмутившейся команды Потемкина — матросъ Матюшенко. Насколько я знаю, обстоятельство это не подтвердилось, но все же интересно было наблюдать сказавшееся лишній разъ однородное настроеніе случайно собравшихся на бульварѣ, незнакомыхъ между собою лицъ. Всѣ радовались по поводу того, что власти опять попались въ просакъ, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ передавали другъ другу о томъ, кому принадлежалъ, будто бы, выборъ названія для крамольнаго броненосца.

Но вотъ уже прошло восемь дней севастопольскаго сидѣнія и, наконецъ, свершилось событіе: вечеромъ 18-го октября въ корридорахъ нашей гостинницы произошло необычное движеніе; послышались восклицанія, громкіе разговоры, поспѣшные шаги и хлопанье дверями. Я вышелъ на лѣстницу и вскорѣ получилъ возможность прочесть печатный листъ съ манифестомъ 17 октября, а черезъ часъ на мое имя пришла телеграмма, подписанная

предсѣдателемъ комитета министровъ, съ приглашеніемъ прибыть въ Петербургъ.

Я долго не могъ заснуть въ этотъ вечеръ. Было уже очень поздно, когда я услышалъ сначала отдаленный гулъ, постепенно приближавшійся, затѣмъ отрывки пѣсенъ, отдѣльные возгласы и, наконецъ, топотъ ногъ проходившей мимо нашей гостинницы большой толпы. Затѣмъ все кругомъ стихло.

Утромъ слѣдующаго дня я рано вышелъ на улицу и сразу обратилъ вниманіе на необычную картину городской жизни. По троттуарамъ прилегавшихъ къ Морскому Собранію улицъ двигались люди, въ одиночку и группами, направляясь къ городскому саду. У многихъ были въ рукахъ цвѣты; нѣкоторые имѣли въ петлицахъ ленточки и розетки краснаго и зеленаго цвѣта. Случайные прохожіе, въ томъ числѣ и я, присоединились къ идущимъ и вскорѣ у воротъ сада образовалась густая колонна людей. Всѣ мы направились къ павильону, гдѣ обыкновенно по вечерамъ играла музыка, и размѣстились около скамеекъ и стульевъ, почти сплошь занятыхъ разнообразной по составу толпой. Здѣсь были люди разныхъ классовъ и состояній, рабочіе и матросы, гимназисты и молодыя дѣвушки, а также не мало взрослыхъ изъ среды, обыкновенно именуемой „чистой публикой". На эстрадѣ павильона стояли столъ и нѣсколько стульевъ. Полиція, представленная двумя-тремя городовыми, въ садъ не вошла, оставшись на улицѣ за рѣшеткой.

Вскорѣ на эстрадѣ появилась группа лицъ, въ пиджакахъ и блузахъ, съ какими-то значками въ петлицахъ, и среди нихъ молодая дѣвушка въ скромномъ черномъ платьѣ, коротко остриженная, съ больнымъ, измученнымъ, но радостнымъ и возбужденнымъ лицомъ. Намъ объявили съ эстрады, что въ саду происходитъ митингъ, созванный по почину комитета севастопольской соціалъ-демократической группы, въ союзѣ съ представителями мѣстныхъ рабочихъ, и что за временнымъ отсутствіемъ предсѣдателя комитета, товарища Андрея, обязанности предсѣдателя митинга приметъ на себя товарищъ Марья. Въ это время какой-то мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, съ большимъ трудомъ и усиліями втащилъ на эстраду длинный шестъ съ краснымъ флагомъ и пытался утвердить его около стола. Толпа немедленно и энергически запротестовала: „Не нужно краснаго флага! Уберите красный флагъ"! Нѣсколько голосовъ потребовали бѣлаго флага, раздалось нѣсколько предложеній за національный флагъ, но всѣ эти отдѣльныя пожеланія потонули въ общемъ крикѣ: „Убрать

флагъ“! На эстрадѣ пошептались—и флагъ былъ положенъ на полъ.

Молодая дѣвушка, которую намъ представили подъ именемъ „товарища Марьи“, заняла среднее мѣсто за столомъ и, стоя, объявила собраніе открытымъ. „Вчера я такъ много кричала, привѣтствуя свободу, что теперь охрипла“ — такъ начала она свою рѣчь, извиняясь за недостатокъ своихъ голосовыхъ средствъ. И дѣйствительно, мы, стоявшіе далеко отъ павильона, плохо слышали ея слова. Можно было однако разобрать, что прошедшею ночью собравшаяся по случаю манифеста группа лицъ ходила къ градоначальнику и, не добившись отъ него толка, отправилась въ тюрьму, надѣясь присутствовать при освобожденіи политическихъ арестантовъ. Въ тюрьму никого изъ пришедшихъ не пустили и произвели въ собравшуюся передъ воротами толпу залпъ изъ ружей, положившій на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ.

Рѣчь была выслушана молча; собравшіеся передъ павильономъ не обнаруживали ничѣмъ своего настроенія, выжидая, что̀ будетъ дальше. На эстраду вошелъ молодой человѣкъ, брюнетъ съ красивымъ и смѣлымъ лицомъ, въ фуражкѣ съ околышемъ, повидимому студентъ какого-то высшаго спеціальнаго училища. Это и былъ ожидаемый товарищъ Андрей, взявшійся очень твердо и умѣло за обязанности предсѣдателя. Яснымъ и раздѣльнымъ голосомъ онъ сообщилъ намъ о манифестѣ, о томъ, что самодержавія въ Россіи болѣе не существуетъ, и затѣмъ перешелъ къ описанію происшедшей ночью драмы, назвавъ ее гнуснымъ предательскимъ убійствомъ и не скупясь на сильныя выраженія по адресу правительства и мѣстныхъ властей.

Рядъ ораторовъ, которымъ затѣмъ по очереди давалось слово, выступилъ передъ нами. Всѣ они требовали отъ насъ протеста по поводу убійства товарищей, взывали къ отмщенію, къ преслѣдованію виновныхъ, но въ реальную форму своихъ предложеній не облекали. Нѣкоторые изъ нихъ излагали при этомъ отрывки соціалъ-демократической программы, но такъ туманно, въ такихъ книжно-высокопарныхъ выраженіяхъ, которыя не могли поднять настроенія толпы. Мы слушали и молчали. Живой связи между дѣйствующими на эстрадѣ лицами и нами, зрителями, какъ-то не создавалось.

Появился новый ораторъ (къ сожалѣнію я забылъ его имя), который съумѣлъ добиться напряженнаго вниманія публики и заставилъ ее высказаться. Это былъ одинъ изъ старшихъ мастеровъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, заявившій, что товарищи

его знаютъ, такъ какъ онъ 15 лѣтъ работалъ въ Севастополѣ, начавъ съ самыхъ низшихъ должностей. И дѣйствительно, въ толпѣ немедленно послышались голоса, подтверждавшіе популярность оратора и ободрявшіе его къ продолженію рѣчи. „Интересы рабочихъ мнѣ близки и знакомы,—продолжалъ новый докладчикъ, я самъ все испыталъ съ малыхъ лѣтъ, знаю нужду рабочаго люда и знаю, какъ ему тяжело. Вотъ теперь вышелъ манифестъ, говорятъ про свободу, а что для насъ рабочихъ и для всѣхъ трудящихся принесетъ эта свобода—вотъ о чемъ надо поговорить. Надо подумать о томъ, чтобы свободой воспользовались не только господа и богатые люди, а также и мы, рабочіе, и крестьяне, и всѣ тѣ, кому теперь живется плохо, кто живетъ въ безпросвѣтной темнотѣ. Надо грамотѣ выучить, повысить заработокъ, дать возможность рабочему имѣть семью и вѣрный кусокъ хлѣба. Намъ товарищи все говорятъ: „соціалъ-демократія, соціальное устройство, соціальная республика", а что это за соціальная республика — этого мы не понимаемъ. Можетъ быть она и хороша, да ждать ея долго, а намъ ждать нельзя. Вы намъ о томъ скажите, что насъ близко касается, а вы все изъ книжекъ. Правильно ли я говорю, товарищи?" — „Правильно, вѣрно, такъ, молодецъ!"—раздались въ отвѣтъ голоса изъ толпы. Тогда ободренный ораторъ перешелъ къ главному вопросу, поставленному на обсужденіе, и высказалъ по поводу ночного происшествія въ тюрьмѣ рядъ неожиданныхъ мыслей. „Вотъ здѣсь говорили о томъ, что мы должны отомстить за товарищей, которые погибли по винѣ тюремнаго начальства. А я вамъ скажу, что мое мнѣніе по этому совсѣмъ иное. Тюремное начальство не виновато. Оно отвѣчаетъ передъ своимъ начальствомъ и не можетъ безъ него распорядиться выпустить арестантовъ. Нынче ночью произошло нехорошее дѣло, но виноваты въ немъ тѣ, кто повелъ народъ ночью къ тюрьмѣ. Развѣ можно такъ поступать? Почемъ знаетъ тюремный начальникъ, кто пришелъ, и зачѣмъ пришли, да еще ночью? Можетъ быть, не политическихъ пришли освобождать, а воровъ и разбойниковъ? Да и кто васъ знаетъ въ тюрьмѣ, кто вы такіе и откуда пришли? Можетъ быть иностранцы, французы или англичане, опять высадились передъ Севастополемъ? Тюремное начальство этого знать не можетъ, оно присягало въ своей должности и самовольничать не должно. Что же ему было дѣлать, какъ не защищаться, когда ночью въ ворота ломятся?"

Во время этой рѣчи, видимо понравившейся аудиторіи, засѣдавшій на эстрадѣ комитетъ по временамъ обнаруживалъ не-

терпѣніе. Члены его перешептывались между собой, пожимали плечами. Предсѣдатель неоднократно хотѣлъ остановить говорившаго, но публика каждый разъ требовала продолженія рѣчи. Странный случай помогъ комитету освободиться отъ оратора, не вполнѣ попадавшаго въ общій тонъ.

Гдѣ-то за павильономъ внезапно раздалось отчетливое восклицаніе, напоминавшее военную команду. Какой-то громкій окрикъ, въ родѣ угрожающаго распоряженія, заставилъ зрителей вскочить съ мѣстъ и безпорядочно шарахнуться въ сторону. Раздались крики, произошла давка, падали стулья, наступилъ переполохъ. Черезъ нѣсколько минутъ выяснилось, что тревога была напрасная. Понемногу всѣ заняли свои мѣста, приготовились слушать, но, увы—популярнаго оратора уже не было на эстрадѣ, и на требованіе публики, чтобы продолжалъ говорить N. N., намъ сообщили, что товарищъ N. N. кончилъ свою рѣчь и ушелъ.

Кто-то сталъ объяснять, по поводу предыдущей рѣчи, что соціалъ-демократическая программа задается именно тѣми цѣлями, о которыхъ говорилъ ушедшій товарищъ, и постарался примирить теорію съ его практическими запросами; но слушатели опять стали равнодушны и неотзывчивы. Затѣмъ на эстраду поднялся пожилой военный, въ генеральскомъ сюртукѣ, съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, и получилъ слово, въ качествѣ товарища Л—а.

Генералъ говорилъ какъ гласный мѣстной городской думы, очень обстоятельно и спокойно. Общій смыслъ его рѣчи сводился къ тому, что городское управленіе озабочено происшедшимъ печальнымъ событіемъ и намѣрено посвятить ближайшее засѣданіе обсужденію вопроса о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять съ цѣлью привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности. Онъ просилъ собравшихся соблюдать закономѣрность и спокойствіе и не прибѣгать къ самостоятельнымъ выступленіямъ, довѣрившись своимъ выборнымъ людямъ — представителямъ города,—а также мѣстному представителю прокурорскаго надзора, который обѣщалъ возможно скорѣе выяснить вопросъ о практическихъ послѣдствіяхъ возвѣщенной манифестомъ свободы личности для заключенныхъ въ административномъ порядкѣ политическихъ арестантовъ. Генералъ добавилъ, что засѣданіе думы соберется черезъ часъ, напомнилъ о томъ, что дума засѣдаетъ при открытыхъ дверяхъ, и заявилъ, что она готова будетъ выслушать представителей собравшагося митинга съ цѣлью выяснить желанія населенія.

Л—ъ удалился, послѣ чего комитетъ предложилъ избрать делегатовъ и приступилъ къ выработкѣ ряда пунктовъ, выражавшихъ „требованія народа". Само собою разумѣется, что собравшаяся передъ эстрадой толпа могла принять лишь самое слабое участіе какъ въ обсужденіи вопросовъ, такъ и въ избраніи лицъ. Вопросы читались, имена оглашались, при чемъ отсутствіе возраженій принималось за согласіе. Боясь пропустить начало засѣданія думы, я покинулъ садъ и направился къ зданію Севастопольской городской управы.

Небольшой домъ мѣстнаго городского управленія въ то время ремонтировался и былъ окруженъ лѣсами. Мнѣ пришлось войти въ него со двора, черезъ заднюю дверь, послѣ чего я попалъ сначала въ корридоръ, а затѣмъ—въ продолговатую залу засѣданій думы, выходившую окнами на улицу. Въ залѣ, вокругъ длиннаго стола, стояли группами городскіе гласные, а посторонніе зрители, которыхъ было немного, помѣщались въ глубинѣ, на противоположной отъ входа сторонѣ, вдоль узкой стѣны комнаты. Я сѣлъ въ углу, между стѣной и шкафомъ, и приготовился слушать.

Исправлявшій должность городского головы открылъ засѣданіе сообщеніемъ о манифестѣ и о происшедшемъ близъ тюрьмы столкновеніи, причемъ среди гласныхъ, которыхъ было около двадцати, сразу установился взглядъ на виновность градоначальника и полицеймейстера, не принявшихъ никакихъ мѣръ для предотвращенія столкновенія, кончившагося смертью нѣсколькихъ лицъ. Приступили къ обсужденію вопроса о подачѣ жалобы на дѣйствія мѣстныхъ властей; предлагалось послать къ градоначальнику депутацію съ просьбой освободить содержавшихся въ тюрьмѣ по постановленію администраціи политическихъ арестантовъ; говорили о собравшемся въ городскомъ саду митингѣ и объ ожидаемомъ появленіи выбранныхъ имъ делегатовъ. Всѣ сходились на томъ, что городскому населенію надо дать какое-нибудь реальное доказательство измѣнившагося политическаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться о томъ, чтобы вызванное манифестомъ возбужденіе умовъ не проявилось въ безпорядкахъ и не послужило поводомъ для новыхъ насильственныхъ дѣйствій. Указывалось на то, что отъ градоначальника не удалось добиться опредѣленнаго отвѣта по поводу того образа дѣйствій, котораго онъ, стоя во главѣ полиціи, намѣревался держаться, въ виду происшедшихъ событій. Кто-то сообщилъ, что

мѣстный товарищъ прокурора поѣхалъ въ Симферополь за инструкціями и что севастопольскій полицеймейстеръ выѣхалъ изъ города, опасаясь безпорядковъ и отвѣтственности. Говорили, что градоначальникъ, не давъ обратившейся къ нему наканунѣ ночью толпѣ никакого отвѣта по поводу ея ходатайствъ, успѣлъ секретно распорядиться посылкой въ тюрьму роты солдатъ и что, благодаря его колебаніямъ, недоумѣніямъ, уклончивому и неискреннему поведенію, создалась ловушка, жертвой которой и явились погибшіе у тюрьмы люди.

О самомъ фактѣ стрѣльбы передавали разно. Между прочимъ, указывалось и на то, что въ тюремныя ворота никто не ломился въ то время, какъ они внезапно были отворены изнутри и въ толпу былъ произведенъ, безъ предупрежденія, ружейный залпъ. Словомъ, слушая пренія, можно было вынести впечатлѣніе, что гласные вполнѣ сходились между собою и въ сочувственномъ отношеніи къ акту 17 октября, и въ стремленіи охранить въ городѣ порядокъ, и въ особенности въ недовѣріи къ тому, чтобы мѣстная администрація постаралась и съумѣла быть на высотѣ создавшагося положенія.

Пренія понемногу подвигались впередъ, и уже начали обрисовываться въ общихъ чертахъ проекты постановленій: посылка телеграммы новому правительству съ жалобой на мѣстную администрацію и ходатайствомъ о скорѣйшемъ примѣненіи началъ манифеста къ лицамъ, пострадавшимъ за преданность этимъ началамъ; посылка депутаціи къ градоначальнику съ подробнымъ изложеніемъ взгляда думы по поводу необходимости принять манифестъ къ дѣйствительному руководству. Въ это время слова попросилъ стоявшій у окна молодой человѣкъ, одѣтый въ черный сюртукъ съ погонами и мѣдными пуговицами. Мнѣ была видна только верхняя часть его туловища, и я издали принялъ его за чиновника судебнаго вѣдомства. Сидѣвшая рядомъ со мной молодая дѣвушка разсѣяла мое недоумѣніе, назвавъ имя, которому предстояло въ скоромъ времени получить громкую извѣстность. „Вѣдь это же лейтенантъ Шмидтъ“—сказала она съ оттѣнкомъ недоумѣнія по поводу моей неосвѣдомленности.

Я не могу, къ сожалѣнію, точно передать содержаніе рѣчи, произнесенной Шмидтомъ необыкновенно горячо, съ большимъ подъемомъ и яркимъ ораторскимъ талантомъ, притомъ безъ всякой рисовки и аффектаціи. Почему-то выраженіе его лица, звукъ его голоса отвлекали вниманіе, мѣшая сосредоточиться и слѣдить за ходомъ его мыслей. Какіе-то неуловимые оттѣнки въ его фигурѣ и тонѣ заставили меня сразу почувствовать, что передъ нами

находится человѣкъ не вполнѣ нормальный, потерявшій душевное равновѣсіе, съ чувствительностью чрезмѣрно повышенною. Шмидтъ весь горѣлъ какимъ-то внутреннимъ пламенемъ, смотрѣлъ куда-то вдаль, мимо лицъ и предметовъ, какъ будто спѣша навстрѣчу чему-то торжественному, прозрѣваемому имъ въ будущемъ. Видно было, что всѣ соображенія практическаго характера, вопросы своевременности, осуществимости и личнаго интереса для него не существуютъ, какъ для человѣка, освободившагося разъ навсегда отъ житейскихъ путъ, которыя могли бы остановить полетъ устремленной на одну точку мысли. Рѣчь свою онъ произнесъ безъ запинки, слова у него какъ будто сами становились въ очередь, безъ всякаго напряженія мысли. Гласные думы слушали оратора внимательно; повидимому, онъ былъ хорошо знакомъ имъ и раньше. Самый фактъ полученія имъ слова въ оффиціальномъ собраніи, членомъ котораго онъ не состоялъ, доказывалъ, что говорившій былъ человѣкъ извѣстный, мнѣніе котораго надо было выслушать.

Насколько я помню, Шмидтъ проводилъ, между прочимъ, ту мысль, что высшее правительство доказало 17 октября свое желаніе вести Россію по новому пути и что проявленная наканунѣ севастопольской администраціей жестокость настолько же противорѣчитъ намѣреніямъ и волѣ творца манифеста, насколько она вообще возмущаетъ нравственное чувство собравшихся представителей города. Это стремленіе оратора отдѣлить дѣйствія исполнителей отъ воли носителя верховной власти я хорошо запомнилъ, какъ и всю ту часть его рѣчи, въ которой звучали ноты радости и надежды, сказывалась любовь къ родинѣ, вѣра въ славную будущность Россіи, преданность и довѣріе къ русскому царю. Идеализмомъ было проникнуто и то предложеніе, которымъ ораторъ закончилъ свою рѣчь. Не оспаривая необходимости для думы послать проектированную жалобу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не придавая большого значенія уголовной отвѣтственности, Шмидтъ задумалъ примѣнить къ севастопольской администраціи такую мѣру, которая въ его глазахъ представлялась суровымъ возмездіемъ: онъ предложилъ думѣ „заклеймить особымъ постановленіемъ“ дѣйствія градоначальника, полицеймейстера и еще нѣкоторыхъ чиновниковъ и, переписавъ это постановленіе „на пергаментѣ“, вставить его въ раму и повѣсить на стѣнѣ той залы, въ которой мы находились, „на вѣчныя времена“.

Наступалъ моментъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Но въ это время, подъ окнами, на улицѣ стала собираться покинувшая

городской садъ толпа, а выбранные ею делегаты, одинъ за другимъ, вошли въ залу. Здѣсь я снова увидѣлъ знакомыя фигуры— и товарища Андрея, и товарища Марью, и прочихъ организаторовъ утренняго собранія, въ томъ числѣ популярнаго рабочаго желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Были среди явившихся и новыя лица, не замѣченныя мною раньше. Всѣхъ делегатовъ собралось около тридцати; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ исписанные карандашомъ листы бумаги. Гласные встрѣтили пришедшихъ очень привѣтливо и предупредительно, предложили присутствовавшимъ зрителямъ потѣсниться и велѣли принести нѣсколько лишнихъ стульевъ, которые были разставлены между стѣнами и столомъ. Кое-кто изъ пришедшихъ занялъ освободившіяся мѣста, прочіе стали вблизи стола. Такимъ образомъ въ залѣ образовались три отдѣльныя группы: засѣдающіе за столомъ гласные, делегаты населенія и посторонняя публика.

Одинъ изъ делегатовъ, котораго моя сосѣдка назвала „главнымъ здѣшнимъ соціалъ-демократомъ“, прочелъ изложенныя въ длинномъ рядѣ пунктовъ „требованія народа“. Смѣна градоначальника, полицеймейстера, начальника гарнизона и начальника тюрьмы, немедленное преданіе ихъ суду, замѣна отставленныхъ чиновниковъ лицами, пользующимися довѣріемъ населенія, установленіе городской милиціи, съ порученіемъ ей полицейской охраны города, торжественныя похороны убитыхъ—такова была часть программы, касавшаяся мѣстныхъ дѣлъ. Затѣмъ слѣдовали требованія болѣе общаго характера, скорѣе похожія на пожеланія, имѣвшія въ виду разнообразныя потребности обновляемой страны. Въ нихъ опять отразилось то теоретически програмное направленіе, которое показалось утреннему собранію нѣсколько чуждымъ и непонятнымъ.

По мѣрѣ чтенія отдѣльныхъ пунктовъ представленнаго делегатами перечня, въ настроеніи гласныхъ стала происходить перемѣна. Вопросы видимо были захвачены, съ ихъ точки зрѣнія, неожиданно широко; явилось сомнѣніе въ возможности столковаться и придти къ опредѣленнымъ, осуществимымъ рѣшеніямъ. Обнаружилась основная разница во взглядахъ обѣихъ сторонъ. Одни считали возможнымъ дѣйствовать въ тѣсномъ кругѣ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, считая свое собраніе учрежденіемъ, ограниченнымъ извѣстными законными рамками. Другіе признавали старый порядокъ сокрушеннымъ до основанія и хотѣли немедленно приступить къ строительству.

Сначала была сдѣлана попытка къ соглашенію. Городской голова сообщилъ делегатамъ, что часть прочитанныхъ требованій

думой уже обсуждалась, что вопросъ о жалобѣ на дѣйствія властей можетъ считаться принятымъ, что многія изъ выраженныхъ населеніемъ пожеланій будутъ предметомъ ходатайства думы передъ правительствомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался выяснить,—и въ этомъ его поддержали нѣкоторые изъ гласныхъ,—что Дума не считаетъ возможнымъ сойти съ почвы закона и должна дѣйствовать на основаніи положенія, опредѣляющаго ея права. Онъ упомянулъ о безцѣльности слишкомъ общихъ и широкихъ постановленій, объ отвѣтственности предсѣдателя собранія за незаконныя дѣйствія послѣдняго и объ обязанности своей сохранять закономѣрность во всѣхъ дѣйствіяхъ городского представительства.

Изложенные доводы представителей городского управленія не были высказаны въ связной рѣчи. Слова ихъ постоянно прерывались возраженіями прибывшихъ. Стройность и порядокъ засѣданія были въ значительной мѣрѣ нарушены. Говорили по нѣскольку человѣкъ сразу, голоса по временамъ сильно повышались, отдѣльныя лица спорили между собой и право отдѣльнаго непрерываемаго слова пріобрѣталось съ большимъ трудомъ.

Въ числѣ аргументовъ въ пользу постепенности и терпѣнія предсѣдатель указалъ на личныя свойства главы новаго правительства. „Нѣкоторые изъ нашихъ гласныхъ знаютъ графа Витте",—сказалъ онъ,—„это человѣкъ не похожій на другихъ сановниковъ. Онъ стоялъ за манифестъ, онъ нашъ единомышленникъ, мы вполнѣ надѣемся на то, что онъ пойметъ и удовлетворитъ какъ наши нужды, такъ и нужды Россіи".

Сдержанность гласныхъ делегатамъ не понравилась, высказанныя предсѣдателемъ соображенія ихъ не убѣдили. Ни ссылка на законы, ни имя предсѣдателя совѣта министровъ на нихъ не подѣйствовали. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ споровъ, они заявили, что старыхъ законовъ, выработанныхъ безъ участія народныхъ представителей, народъ не можетъ признать и что гласные думы напрасно считаютъ себя представителями города, такъ какъ они являются избранниками лишь небольшой группы состоятельныхъ горожанъ, и населеніе, въ цѣломъ, ихъ не избирало.

Ожидаемаго сближенія въ точкахъ отправленія двухъ встрѣтившихся группъ не произошло. Напротивъ, конфликтъ все усиливался. Начался второй актъ происходившихъ передъ нашими глазами сценъ изъ дѣйствительной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько видоизмѣнился и характеръ ролей дѣйствующихъ лицъ. Вмѣсто городской думы и делегатовъ митинга передъ нами встрѣ-

тились и вступили въ борьбу два общественные класса: буржуазія и пролетаріатъ.

Проба силъ началась съ вопроса, заданнаго „главнымъ соціалъ-демократомъ“ своимъ товарищамъ: „Да что же, наконецъ, мы здѣсь изъ себя представляемъ: гостей, или уполномоченныхъ населенія?“ —Отвѣтъ не долго заставилъ себя ждать. Второй делегатъ указалъ на стоявшую подъ окнами толпу и, обратившись къ думѣ, торжественно произнесъ: „Пять тысячъ народа ждутъ здѣсь вашего отвѣта. Мы принесли вамъ ихъ требованія. Если они не будутъ немедленно удовлетворены, то мы за послѣдствія не ручаемся. Мы согласны обсуждать вмѣстѣ съ вами представленную здѣсь програму, но не иначе какъ въ качествѣ полноправныхъ членовъ этого собранія. Другая роль не соотвѣтствовала бы достоинству народныхъ избранниковъ“.

Стулья делегатовъ быстро подвинулись къ думскому столу и происшедшее затѣмъ минутное замѣшательство имѣло результатомъ перемѣщеніе части гласныхъ къ верхнему концу стола; большая часть его, съ нашего конца, оказалась занятой новыми членами соединеннаго собранія.

Не трудно было усмотрѣть, что, одновременно съ перемѣщеніемъ лицъ, произошло и перемѣщеніе силъ. Имѣя голосовъ десять лишнихъ и сверхъ того живое доказательство своей связи съ населеніемъ въ видѣ ожидавшей подъ окнами толпы народа, прибывшіе делегаты должны были остаться побѣдителями. Съ этого момента городское управленіе фактически перешло въ ихъ руки. „Буржуазное“ представительство продолжало оставаться у дѣлъ, но лишь въ качествѣ номинальнаго учрежденія. Прежняя власть сохранила только свое названіе, а подъ ея фирмой начали дѣйствовать новыя силы.

Послѣдующій актъ происшедшаго въ думской залѣ эпизода мнѣ наблюдать не пришлось. Я былъ чрезмѣрно утомленъ, въ комнатѣ было душно, неудержимо тянуло на воздухъ. Я съ трудомъ выбрался изъ залы и пошелъ домой.

Въ тотъ же вечеръ въ Севастополѣ можно было наблюдать результаты дѣятельности новыхъ правителей города. По улицамъ уже ходили патрули вновь учрежденной городской милиціи, группами человѣкъ по десяти, имѣя во главѣ распорядителей со значками въ видѣ розетокъ краснаго цвѣта. Магазины и лавки, бывшіе въ серединѣ дня полуотворенными, а частью закрытые съ самаго утра, начали вновь торговать. На базарѣ и въ мѣстахъ большого скопленія публики милиціонеры дежурили непрерывно, и надо сказать, что порядокъ вездѣ наблюдался образцовый.

Циркулировалъ слухъ, что новой полиціи былъ данъ ея организаторами лозунгъ: „чтобы ни одна булка съ лотка не пропала". И дѣйствительно, обычно подаваемый градоначальнику рапортъ полиціи о происшествіяхъ, нарушившихъ порядокъ въ городѣ, несомнѣнно содержалъ больше извѣстій, нежели тотъ отчетъ, который могли бы составить лица, наблюдавшія за уличнымъ порядкомъ въ описываемые мною дни. Передъ наступленіемъ ночи, когда зажглись фонари, главная улица Севастополя—Нахимовскій проспектъ—представляла видъ, можно сказать, праздничный. Троттуары переполнились гуляющими, публика была необыкновенно оживлена и радостно настроена. Всѣхъ видимо занимало то обстоятельство, что полиціи не видно, войска не показываются, а между тѣмъ все обстоитъ благополучно, тихо и „благородно". На представителей городской милиціи смотрѣли съ любопытствомъ, иногда шутили по поводу ихъ торжественнаго и озабоченнаго вида, но, въ общемъ, относились къ нимъ очень доброжелательно. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за происходившимъ на улицахъ движеніемъ. Мнѣ казалось, что я присутствую при экзаменѣ городскихъ массъ на аттестатъ житейской зрѣлости, и я крайне интересовался результатами распоряженій, исходившихъ отъ лицъ, которыя въ этой области пока занимались только критикой и никогда не имѣли случая показать себя въ роли охранниковъ и блюстителей внѣшняго порядка. Я долженъ, конечно, оговориться,—мои наблюденія охватывали только небольшую, центральную часть города, и я не могу утверждать, что въ остальныхъ частяхъ его мирное теченіе уличной жизни ничѣмъ не было нарушено. Однако, характеристика дѣятельности милиціонеровъ, которую пришлось слышать впослѣдствіи, черезъ нѣсколько дней, въ гостинницахъ и ресторанахъ, въ магазинахъ и въ поѣздахъ, подтверждала полученное мною впечатлѣніе. Всѣ тѣ, съ кѣмъ мнѣ приходилось говорить по этому поводу, выражали мнѣніе, что „демократы чисто повели дѣло", или что „товарищи не ударили лицомъ въ грязь".

Я только одинъ разъ, за весь вечеръ, былъ свидѣтелемъ небольшого уличнаго безпорядка, или скорѣе попытки произвести дебошъ. Гдѣ-то, вблизи Нахимовскаго проспекта, по направленію къ городскому рынку, въ небольшихъ торговыхъ помѣщеніяхъ, торговля производилась съ прилавковъ. Кто-то стащилъ съ одного изъ нихъ товаръ и хотѣлъ скрыться. На крикъ торговца сбѣжались прохожіе; произошли обычная давка и суета. Но, кромѣ празднаго любопытства, публика въ данномъ случаѣ проявила активную дѣятельность: воръ былъ за-

держанъ и переданъ въ руки милиціонеровъ, немедленно явившихся на мѣсто происшествія. Носитель красной розетки вернулъ украденную вещь владѣльцу, а задержаннаго нарушителя права собственности куда-то отправилъ въ сопровожденіи двухъ своихъ подчиненныхъ агентовъ.

Вспоминаю также, что меня, какъ отставного администратора, не переставала смущать мысль о томъ, куда же наконецъ дѣвалась севастопольская полиція, что дѣлаетъ мѣстный градоначальникъ, какъ онъ себя чувствуетъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, и какъ вообще относится къ событіямъ, благодаря которымъ полицейская власть города внезапно ускользнула изъ его рукъ? Кое-что по этому поводу выяснилъ слѣдующій день.

Ночью я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ нашей гостинницы и прислушивался, думая уловить какой-нибудь шумъ, услышать какое-нибудь движеніе. Но все было тихо и только по временамъ, на углу площади, у фонаря, сходились и обмѣнивались краткими словами все тѣ же обходившіе городъ патрули новой городской стражи. Утромъ, часу въ восьмомъ, я снова былъ на улицѣ, снова увидѣлъ приготовленія къ созванному въ городскомъ саду собранію и въ восемь часовъ опять стоялъ у знакомаго павильона.

Второй митингъ оказался многолюднѣе перваго. Среди собравшихся исчезла та осмотрительная и недовѣрчивая сдержанность, которую я наблюдалъ наканунѣ. Вмѣшательства полиціи, появленія войскъ видимо уже не боялись, а къ организаторамъ митинга замѣтно стали относиться съ большимъ довѣріемъ. Ихъ какъ будто признали и молчаливо утвердили въ исправленіи принятыхъ ими на себя обязанностей.

Отличалось отъ предшествовавшаго и то сообщеніе, которое намъ сдѣлали съ эстрады. Теоретическія построенія, широкіе планы соціальныхъ реформъ, общія разсужденія на тему о несовершенствахъ существующаго государственнаго строя должны были, естественно, уступить мѣсто обсужденію ближайшихъ задачъ дня. Насъ познакомили въ общихъ чертахъ съ организаціей городской милиціи и убѣждали населеніе города сохранять порядокъ, спокойствіе и бережно относиться къ укрѣпленію молодой свободы, поставивъ для себя задачей и вопросомъ чести доказательство на дѣлѣ преимуществъ народнаго управленія. Съ эстрады говорили большею частью прежніе ораторы, но со вчерашняго дня они приняли на себя извѣстнаго рода обязанности, и намъ понятны были то чувство отвѣтственности и то

208508

страстное желаніе выдержать испытаніе, которыя измѣнили ихъ нѣсколько гордый наканунѣ тонъ и боевое настроеніе.

Между прочимъ, собравшейся публикѣ было объявлено о предстоявшихъ на слѣдующій день похоронахъ убитыхъ близъ тюрьмы лицъ и о намѣченномъ церемоніалѣ процессіи къ кладбищу. Намъ сообщили, что около полудня предстоитъ выносъ покойниковъ изъ городской больницы и что въ два часа дня тѣла ихъ будутъ преданы землѣ. Одновременно съ этими сообщеніями мы узнали также о томъ, что среди населенія города ходятъ слухи о готовящихся контръ-демонстраціяхъ, въ видѣ грабежа лавокъ, и, въ частности, объ организуемыхъ гдѣ-то и кѣмъ-то избіеніяхъ евреевъ, проживавшихъ въ Севастополѣ въ очень небольшомъ числѣ. Ораторы выясняли передъ нами опасность проявленія національной розни, указывали на то, что погромы выгодны только для враговъ новаго порядка, и приглашали всѣхъ друзей свободы, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и партій, сплотиться и оказать единодушное сопротивленіе всякой попыткѣ нарушить неприкосновенность жителей города. При этомъ неоднократно подчеркивалась необходимость соблюдать полное безпристрастіе и не пользоваться добытымъ преимуществомъ положенія съ цѣлью мстить за прежнія обиды: общая неприкосновенность личности и имущества, ожиданіе общихъ реформъ, которыя слѣдуетъ добыть открытымъ, благодаря манифесту, закономѣрнымъ путемъ — таковъ былъ лозунгъ той группы, которая такъ недавно признавалась враждебной государственной власти и общественному порядку.

Мой московскій спутникъ, ярый юдофобъ, не преминулъ заподозрить, что все происходившее на нашихъ глазахъ движеніе явилось дѣломъ еврейской агитаціи, и въ доказательство правильности своего взгляда указалъ на то, что во главѣ отрядовъ городской милиціи замѣчаются преимущественно брюнеты, а главный руководитель дѣйствовавшаго на эстрадѣ комитета также навѣрное „жидъ“. Какъ разъ въ это время появился товарищъ Андрей и передалъ собравшимся нѣсколько интересныхъ новостей:

„Я сейчасъ былъ у градоначальника“, сказалъ онъ намъ, „и сообщилъ ему объ устраиваемыхъ населеніемъ города похоронахъ. Я потребовалъ отъ имени народа, чтобы на пути слѣдованія процессіи не присутствовалъ ни одинъ полицейскій чинъ, чтобы народъ не видѣлъ ни одного полицейскаго или военнаго мундира. Градоначальникъ отдалъ распоряженіе объ удовлетвореніи этого требованія“.

Раздались апплодисменты. Ораторъ продолжалъ говорить: „На N-ой улицѣ, по которой предстоитъ двигаться процессіи, у воротъ казеннаго дома стоятъ двѣ пушки. Хотя онѣ стоятъ тамъ давно и только для вида, но я сказалъ градоначальнику, что народъ не желаетъ видѣть образцы орудій, которыя были противъ него направлены. Я потребовалъ, чтобы пушки убрали. Онѣ уже убраны“.

Апплодисменты возобновились съ еще большею силой. Затѣмъ собраніе разошлось.

Похороны состоялись около двухъ часовъ дня и были обставлены весьма торжественно. По пути къ кладбищу заранѣе собрались со всѣхъ концовъ города разнообразныя группы лицъ; все время происходилъ приливъ новыхъ участниковъ процессіи изъ смежныхъ улицъ и переулковъ. Толпа сопровождавшихъ росла поминутно и вскорѣ образовала сплошную массу тысячъ въ пятнадцать народа, двигавшагося въ молчаніи и полномъ порядкѣ. Ни улыбокъ, ни шутокъ, ни праздныхъ разговоровъ, обычныхъ при оффиціальныхъ похоронахъ, нельзя было замѣтить. Напротивъ, на всѣхъ лицахъ отражалось серьезное, отчасти торжественное настроеніе. Полицейскихъ мундировъ, какъ и было утромъ заявлено, не было видно нигдѣ; военныхъ было нѣкоторое количество, но солдаты и нѣсколько офицеровъ, которыхъ я замѣтилъ въ толпѣ, присутствовали, конечно, не по наряду, а добровольно, придя отдать послѣдній долгъ покойникамъ.

На кладбищѣ, послѣ того какъ тѣла были опущены въ могилу, изъ рядовъ толпы выступилъ лейтенантъ Шмидтъ и взволнованнымъ голосомъ произнесъ прощальное слово. Благодаря мертвой тишинѣ, рѣчь его была слышна даже издали, и потому я, стоя въ заднихъ рядахъ, могъ уловить почти каждое слово оратора. Шмидтъ говорилъ о „вѣстникахъ радости“, поспѣшившихъ объявить о свободѣ тѣмъ, кто боролся и пострадалъ, добывая свободу; онъ говорилъ о „послѣднихъ жертвахъ прошлой жестокости“ и о трагической ихъ судьбѣ. Затѣмъ онъ перешелъ къ настоящему моменту, къ обязанности присутствовавшихъ помянуть погибшихъ братьевъ не столько молитвой о прощеніи и упокоеніи ихъ душъ, сколько словами любви и благодарности за ихъ подвигъ. Послѣ призыва свято хранить то высшее благо жизни—свободу, которую погибшіе завѣщали живущимъ, Шмидтъ, достигшій въ своей рѣчи момента наивысшаго нервнаго подъема и видимо находившійся во власти несшей его волны чувства, потребовалъ отъ присутствовавшихъ клятвы, содержаніе которой,

принятое единодушно и подтвержденное съ силой и убѣжденіемъ, можно было счесть выраженіемъ общаго настроенія толпы.

„На могилѣ нашихъ братьевъ поклянемся не уступать завоеванныхъ правъ“, говорилъ Шмидтъ, и послѣ его словъ по всему кладбищу пронесся гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, отвѣтившихъ: „клянусь! клянемся!“ Также точно клялись „положить жизнь за свободу“ и „работать на пользу и просвѣщеніе темнаго и неимущаго люда“. Было произнесено еще нѣсколько клятвъ, повторявшихъ обычные въ то время пожеланія и принципы, но нужно замѣтить, что всѣ эти примелькавшіяся на страницахъ газетъ и повторявшіяся на всѣ лады во время митинговъ и собраній общія мѣста пріобрѣтали въ устахъ Шмидта особенно торжественный смыслъ, дѣйствительно соотвѣтствовавшій ихъ серьезному и важному содержанію.

Прошелъ еще одинъ день, общее возбужденіе начало смѣняться привычкой къ происшедшимъ въ городской жизни перемѣнамъ и уличная жизнь Севастополя приняла обычное теченіе: магазины торговали безъ опаски, публика гуляла на бульварѣ и по улицамъ; только полиція, послушная приказанію товарища Андрея, не показывалась на глаза. Но въ тотъ же день возвратилась въ портъ окончившая свою прогулку эскадра, а съ нею прибылъ и начальникъ порта, адмиралъ Ч., которому были подчинены какъ военныя, такъ и гражданскія власти Севастополя. Я былъ знакомъ съ однимъ изъ оффиціальныхъ лицъ города, N. N., принявшимъ участіе въ совѣтѣ, немедленно созванномъ адмираломъ для обсужденія создавшагося „чрезвычайнаго“ положенія и для выработки мѣръ къ обратному полученію выпавшей изъ рукъ градоначальника власти. Благодаря этому знакомству я узналъ, что Ч. задумалъ проявить крайнюю рѣшительность. Онъ заготовилъ проектъ приказа, согласно которому на слѣдующее утро вооруженныя силы города должны были выйти на улицы и разгонять всякаго рода сборища, дѣйствуя оружіемъ. Легко представить себѣ картину той бойни, которую могъ произвести мѣстный гарнизонъ, по численности равный остальному, не военному, населенію города, среди безоружныхъ обывателей, добросовѣстно полагавшихъ, что всякаго рода собранія, въ томъ числѣ и уличныя, отнынѣ разрѣшены, и совершенно не ожидавшихъ крутой перемѣны въ образѣ дѣйствія властей. Вдвоемъ съ моимъ севастопольскимъ знакомымъ мы стали раздумывать, какъ помочь дѣлу, и въ результатѣ пришли къ заключенію, что N. N. долженъ предпринять все возможное для спасенія ни въ чемъ неповиннаго населенія отъ пуль и штыковъ. Пользуясь

своимъ сравнительно независимымъ отъ администраціи положеніемъ, мой знакомый долженъ былъ объяснить командиру порта, что событія послѣднихъ трехъ дней естественно произвели крутой переломъ въ сознаніи населенія: манифестъ о свободахъ и совершившееся мирнымъ путемъ, при полномъ невмѣшательствѣ мѣстной администраціи, перемѣщеніе власти были приняты всѣми какъ совершившіеся факты. Никто манифеста намъ не разъяснялъ, ни отъ кого не послѣдовало указаній по поводу условій, которыя слѣдовало соблюдать при собраніяхъ въ публичныхъ мѣстахъ, никто, наконецъ, не видалъ противодѣйствія съ чьей-либо стороны распоряженіямъ городской милиціи. Адмиралу надлежало выяснить, что во время его отсутствія мы всѣ, не видя полиціи, отвыкли отъ нея и, наоборотъ, настолько присмотрѣлись къ нашимъ милиціонерамъ, что стали совершенно добросовѣстно относиться къ нимъ, какъ къ людямъ, облеченнымъ никѣмъ неоспоренными правами. При такихъ условіяхъ было бы совершенно нелѣпо и, въ смыслѣ поддержанія авторитета власти, неправильно начать разъяснять манифестъ выстрѣлами. Слѣдовало, очевидно, избрать другой путь и прежде всего обратиться къ населенію съ воззваніемъ, изъ котораго мы могли бы узнать, въ чемъ заключаются требованія пожелавшей вновь заявить о себѣ правительственной власти. Проектъ такого воззванія, разъяснявшій манифестъ, приглашавшій всѣхъ соблюдать порядокъ на улицахъ и заявлявшій о намѣреніи администраціи исполнять свои обязанности въ духѣ правительственнаго акта 17 октября, былъ заготовленъ и представленъ адмиралу. Кажется, N. N. заявилъ начальнику порта о намѣреніи своемъ телеграфировать въ Петербургъ въ томъ случаѣ, еслибы его представленіе не было уважено. Моему знакомому пришлось, должно быть, потратить не мало труда, чтобы убѣдить адмирала отмѣнить свой первоначальный планъ. Во всякомъ случаѣ, никому другому, какъ ему, обязанъ городъ тѣмъ, что на слѣдующій день на улицахъ не имѣли мѣста тѣ кровавыя сцены, которыя, къ несчастію, черезъ нѣсколько времени все же разыгрались въ Севастополѣ. Рано утромъ на всѣхъ уличныхъ столбахъ появилось объявленіе командира порта, хотя и мало похожее на представленный ему наканунѣ осмысленный и грамотно составленный проектъ, но все же болѣе напоминавшее актъ разумной власти, нежели первоначальное распоряженіе взволнованнаго и ожесточеннаго адмирала. Въ воззваніи, между прочимъ, содержалось объявленіе о томъ, что мѣстная администрація и, въ частности, полиція

остаются единственными законными представителями правительственной власти въ городѣ и что сопротивленіе имъ вызоветъ вмѣшательство военной силы. Объ этомъ мы узнали часамъ къ восьми утра.

Потомъ мнѣ говорили, что городскіе милиціонеры, охранявшіе порядокъ въ городѣ въ теченіе трехъ сутокъ, совершенно измучились и, нуждаясь въ отдыхѣ, сдали свои посты безъ борьбы и сопротивленія. Они, будто бы, пошли спать. Не думаю, чтобы исключительно ихъ усталостью объяснялось то обстоятельство, что для насъ, уличныхъ обывателей, моментъ перехода распорядительной власти въ прежнія руки прошелъ совершенно незамѣтно. Быть можетъ, вчерашніе руководители и охранители наши думали, что новый порядокъ уже пустилъ достаточные корни и что вся жизнь пойдетъ по новому пути безъ ихъ активнаго вмѣшательства. Возможно, что они избѣгали кровопролитія, не желая омрачить дней, казавшихся въ то время свѣтлыми. Во всякомъ случаѣ, съ ихъ стороны, повидимому, не было сдѣлано попытки бороться за власть, и на улицахъ появились сначала полицейскіе мундиры, а затѣмъ и военные патрули. Бродя по городу въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней, которые пришлось мнѣ провести въ Севастополѣ въ виду того, что желѣзнодорожные поѣзда все еще не ходили, я не встрѣтилъ явленій, которыя сохранились бы въ моей памяти, какъ указаніе на дальнѣйшія перемѣны въ настроеніи жителей города. Интересъ къ событію, совершившемуся въ государственной жизни страны, повидимому довольно скоро понизился въ массѣ населенія; обычныя насущныя заботы, казалось, смѣнили временный подъемъ духа, вызванный появленіемъ манифеста. Тѣмъ не менѣе отношеніе къ „товарищамъ", встряхнувшимъ на три дня сонный городъ, осталось, въ общемъ, благопріятнымъ и дѣятельность ихъ не вызывала ни жалобъ, ни упрековъ. Милиціонеровъ называли молодцами, а если и приходилось иногда слышать о нихъ другого рода отзывы, то въ видѣ добродушной насмѣшки по поводу ихъ быстраго исчезновенія. Но за то мнѣ вовсе не приходилось слышать похвалъ по адресу прежней администраціи города и ни разу я не встрѣтилъ выраженія радости и успокоенія по поводу ея возвращенія къ власти. Если дѣло севастопольской молодежи нельзя было, судя по этимъ признакамъ, счесть вполнѣ народнымъ дѣломъ, если населеніе въ массѣ заняло положеніе любопытствующихъ зрителей и разошлось по своимъ занятіямъ, когда представленіе было окончено, то все же было ясно, что общія симпатіи склонялись

не на сторону тѣхъ лицъ, которыя воплощали собой прежніе порядки.

Вскорѣ появилось извѣстіе о прекращеніи желѣзно-дорожной забастовки, и 24-го октября вечеромъ я съ первымъ поѣздомъ покинулъ Севастополь. Пріѣздъ въ Москву, свиданіе съ близкими лицами, немедленный отъѣздъ въ Петербургъ и рядъ иныхъ впечатлѣній, вызванныхъ участіемъ въ обсужденіи состава новаго министерства—всѣ послѣдовавшія событія, которыя еще не пришло время предавать гласности, скоро заслонили для меня воспоминанія о пережитыхъ въ Севастополѣ дняхъ.

Теперь, когда наступила полоса, при которой содержаніе манифеста 17-го октября почти не имѣетъ примѣненія въ жизненномъ укладѣ страны, когда изданіе манифеста, съ точки зрѣнія правящихъ круговъ, разсматривается какъ досадная ошибка,— въ моей памяти снова возстаютъ образы недавняго прошлаго, и событія, которыя я въ то время наблюдалъ на окраинѣ Россіи, получаютъ въ моихъ глазахъ новое значеніе. Маленькая революція, свидѣтелемъ которой я былъ въ октябрѣ 1905 года, представляетъ собою, по моему мнѣнію, нѣкоторый урокъ и подаетъ нѣкоторую надежду. Невольно приходитъ на мысль, что еслибы осенью 1905 года наши правители встрѣтили поднявшуюся освободительную волну съ довѣріемъ къ народному здравому смыслу и если бы протянутая къ народу въ критическую минуту рука не была взята назадъ слишкомъ поспѣшно, то естественная горячность передовыхъ отрядовъ освободительнаго движенія нашла бы сама и мѣрило, и сдержку въ разумѣ народныхъ массъ и въ собственномъ сознаніи отвѣтственности передъ страной. Послѣ краткаго періода неудержимо проявившихся чувствъ и страстей наступило бы, вѣроятно, общее сознаніе необходимости мирнаго выполненія предстоявшихъ государственныхъ задачъ — и тѣмъ скорѣе, чѣмъ крѣпче была бы увѣренность въ томъ, что возвратъ къ прежнему невозможенъ. Такому сознанію прочности новаго курса повсемѣстно мѣшалъ образъ дѣйствій правительственныхъ агентовъ, встрѣтившихъ появленіе манифеста сначала съ недоумѣніемъ, а затѣмъ и съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ. Вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста, началась борьба администраціи съ возвѣщенными имъ началами — и вотъ почему нельзя возлагать на населеніе отвѣтственность за то, что мы все еще не имѣемъ ни „реформъ“, ни „успокоенія“.

Кн. С. Урусовъ.

Ноябрь, 1908.

ПАМЯТИ
В. Д. СПАСОВИЧА

Окончаніе.

V *).

Мы ознакомились съ богатымъ содержаніемъ учебника В. Д. Спасовича и съ основными его взглядами на преступленіе и наказаніе. Но еслибы мы ограничились этимъ учебникомъ, мы не получили бы полнаго представленія о В. Д., какъ криминалистѣ. Его взгляды въ теченіе многихъ лѣтъ развивались, дополнялись, отчасти измѣнялись, и сверхъ того по многимъ конкретнымъ вопросамъ онъ гораздо свободнѣе и обстоятельнѣе высказался въ статьяхъ, гдѣ онъ не былъ стѣсненъ основной для учебника педагогической цѣлью, требующею сжатости и равномѣрности изложенія.

Начнемъ съ вопросовъ, касающихся исторіи, содержанія и направленія науки уголовнаго права. Впервые (не считая учебника) онъ касается этихъ вопросовъ при разборѣ „Уголовно-статистическихъ этюдовъ" Неклюдова [1]). Привѣтствуя появленіе перваго тома этого труда, посвященнаго вопросу о вліяніи возраста на преступность, усматривая въ немъ рядъ цѣнныхъ качествъ, съ „глубиной и плотностью мысли" включительно, рецензентъ подробно остановился на примѣненіи авторомъ новаго

*) См. январь, стр. 146.

[1]) См. Неклюдовъ, „Этюды". Значеніе различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію", 1865; Спасовичъ, „За много лѣтъ", стр. 113—134.

(статистическаго) метода. Глубоко характернымъ и важнымъ, по нашему мнѣнію, является здѣсь то, что В. Д., высоко цѣня *юридическое* изученіе преступленія и наказанія, признаетъ въ то же время для криминалиста возможнымъ и необходимымъ выходъ за предѣлы строго-юридическихъ рамокъ. Главнымъ достоинствомъ книги Неклюдова онъ считаетъ примѣненный послѣднимъ „превосходный методъ“ и заявляетъ, что къ этому методу „должны почаще прибѣгать наши криминалисты“, ибо при его помощи они могутъ дѣлать „неожиданныя сближенія и любопытныя открытія“. Проявленнаго Неклюдовымъ безпредѣльнаго увлеченія новымъ методомъ Спасовичъ, однако, не раздѣляетъ. Онъ отмѣчаетъ, что Неклюдовъ сводитъ все къ *внѣшнимъ* условіямъ и трактуетъ ихъ чрезвычайно широко, относя сюда „и знаніе, и глупость, и силы физическія, и страсти, и имущественныя отношенія, и порядокъ управленія, и характеръ человѣка“; отсюда и статистика, изучающая внѣшнія условія, признается у Неклюдова „царственнымъ ребенкомъ“ и единственной опорой правильно поставленной уголовной политики. В. Д. отмѣчаетъ здѣсь ошибку—смѣшеніе внутренняго и внѣшняго,—и такимъ образомъ открываетъ путь отъ монистической теоріи факторовъ преступности къ болѣе сложной и научной. Онъ отказывается всѣ основы уголовной политики сводить къ статистикѣ, ибо, считая послѣднюю чрезвычайно полезнымъ научнымъ орудіемъ, не желаетъ забывать о *внутреннемъ*, въ противовѣсъ внѣшнему, и особо выдвигаетъ важность *психологіи*, важность изученія души человѣка вообще и преступника въ частности. Не одна статистика должна сдѣлаться „правой рукой и помощницей уголовной политики“; важно вообще введеніе новыхъ методовъ, взамѣнъ исключительнаго господства метафизики въ наукѣ уголовнаго права.

Исповѣдуя такой взглядъ, В. Д. отнюдь не отрицаетъ прошлыхъ заслугъ метафизическаго (или, какъ иногда онъ выражается, идеалистическаго) метода. Онъ глубоко цѣнитъ старыхъ корифеевъ науки уголовнаго права. 3 іюня 1890 года, на IV-мъ международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ, онъ произноситъ рѣчь о Говардѣ и, отдавая должное этому „великому человѣколюбцу“, даетъ блестящія характеристики какъ Говарда, такъ и Беккаріи, заявляя, что „даже въ мысляхъ“ его нераздѣлима эта „достославная чета родоначальниковъ уголовной реформы въ XVIII столѣтіи“. А между тѣмъ самъ же В. Д. отмѣчаетъ, что Беккарія „беретъ за исходныя точки (своихъ) умствованій только одни общія мѣста, аксіомы или даже лже-аксіомы, имѣвшія обязательный по тому времени курсъ въ современной

философіи", и что онъ „вѣрнѣе чувствуетъ, нежели разсуждаетъ". Но что же изъ этого? В. Д. не хочетъ умалять заслугъ побѣдителя указаніемъ на несовершенства его вооруженія; онъ помнитъ, что „маленькій камень, брошенный изъ пращи ловкою рукою этого молодого Давида, поразилъ въ самое чело и ниспровергъ гиганта средневѣковой юриспруденціи", а потому не подобаетъ „отрицать или даже умалять громадныя заслуги Беккаріи и важность достигнутыхъ его починомъ результатовъ".

Отмѣтимъ здѣсь же, что благоговѣніе къ наукѣ, присущее Спасовичу, не ведетъ его къ иллюзіямъ, въ родѣ признанія науки всемогущею. Характерно опредѣляетъ онъ взаимоотношеніе между наукой и обществомъ въ тѣ моменты, когда предстоятъ серьезныя реформы. По поводу необходимаго и коренного переустройства тюремнаго дѣла въ Россіи онъ говоритъ: „Наука—великое дѣло, но ея не хватитъ на осуществленіе великой реформы... (переустройство) совершится только тогда, когда къ нему примкнетъ все общество и... поддержитъ его искренно и безкорыстно не своими только денежными взносами, но своими личными услугами, посѣщеніемъ тюремъ, участіемъ въ обученіи арестантовъ, въ особенности опекою и патронатствомъ надъ освобожденными по отбытіи наказанія"...

Какъ и теперь далеки мы отъ этого! Аналогичныя идеи давно проникли въ сознаніе лучшей части общества, а дѣло все не подвигается впередъ. По прежнему высшія руководящія сферы не желаютъ проникнуться сознаніемъ, что общественная иниціатива и общественная поддержка являются необходимымъ условіемъ какой бы то ни было реформаторской дѣятельности, а голосъ науки... да вѣдь наука интернаціональна, она не знаетъ ни эллина, ни іудея, она живетъ коллективнымъ разумомъ человѣчества, такъ что же можетъ значить ея голосъ въ періоды увлеченія „самобытностью" во что бы то ни стало и отвращенія къ „чужеземнымъ цвѣтамъ"...

„Примѣръ Говарда—говоритъ Спасовичъ—дорогъ потому, что онъ доказываетъ, какъ много можетъ иногда совершить частный человѣкъ, не имѣющій оффиціальнаго характера, ни власти, по своему личному почину, когда онъ упорно работаетъ для добра" [1]). Признаемъ правильность этихъ словъ, но съ одной оговоркой: для успѣха частнаго труженика-иниціатора нужно также и то, чтобы на каждомъ шагу онъ не наталкивался на „скалы и тайныя мели", именуемыя „независящими обстоятельствами"...

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VIII, стр. 191—208, особ. стр. 194—196, 207—208.

Итакъ, мы встрѣчаемъ у В. Д. широкій взглядъ на науку уголовнаго права и ея задачи. Этотъ взглядъ съ годами еще расширился, какъ, впрочемъ, и заранѣе можно было ожидать, зная положенія, высказанныя имъ еще въ шестидесятыхъ годахъ и намъ уже извѣстныя. Но это не мѣшаетъ В. Д. высоко цѣнить и признавать основнымъ въ наукѣ уголовнаго права *юридическій* ея элементъ, блестящую защиту котораго онъ далъ уже въ одной изъ раннихъ своихъ работъ, называемой „Теорія взлома". Эту работу по справедливости можно назвать единственной въ своемъ родѣ во всей литературѣ уголовнаго права за вторую половину XIX вѣка. Въ ней данъ примѣръ изложенія яркаго и популярнаго по формѣ, глубоко и истинно научнаго по содержанію. Это микроскопическая, но исчерпывающая монографія по вопросу о взломѣ и его наказуемости—и въ то же время философское обсужденіе вопроса о *сути* юриспруденціи, заключающее въ себѣ панегирикъ ея вѣковому соціальному значенію и сатиру на ея крайности и излишества. Изъ этого маленькаго перла нельзя выбросить ни одного слова, ибо въ формѣ сжатаго діалога авторъ даетъ квинтъ-эссенцію доводовъ за и противъ. Наиболѣе характерные изъ этихъ доводовъ мы и приведемъ.

Авторъ знаетъ обычныя нападки не-спеціалистовъ на дефекты юриспруденціи, многимъ изъ нихъ сочувствуетъ и формулируетъ ихъ такъ, въ словахъ, обращенныхъ къ юристамъ: „Хороши вы, господа юристы, съ вашею доктриной по дѣламъ гражданскимъ, что la forme emporte le fond, съ вашимъ дѣленіемъ правды на матеріальную и формальную, съ вашимъ ученіемъ, что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ закона, между тѣмъ какъ извѣстно, что закона почти никто не знаетъ, съ вашими фикціями и искусственными предположеніями, съ вашей законностью, которая опутываетъ паутинной сѣтью только мухъ, но черезъ которую прорываются болѣе крупныя или болѣе изворотливыя животныя, (съ вашимъ юридическимъ жаргономъ, который) изобрѣтенъ какъ будто бы нарочно для того, чтобы мутить пониманіе человѣка, не посвященнаго въ тайны юриспруденціи"...

Таковъ серьезный обвинительный актъ, выставленный В. Д. противъ юриспруденціи; но отъ него же слышимъ мы далѣе и вѣское защитительное слово. Прежде всего онъ указываетъ, что извѣстная доля формализма неизбѣжна. „Съ-поконъ вѣка водятся юристы и всегда они были формалисты; съ-поконъ вѣка законовѣдѣніе... сновало свою паутинную сѣть, которая, со временемъ, сдѣлалась до того густа и крѣпка, что сквозь нее должны были прорубиться топорами и мечами разные политическіе и соціаль-

ные перевороты; таковъ уже порядокъ вещей". Во-вторыхъ, многія темныя стороны юриспруденціи являются результатомъ не ея сущности, а историческихъ переживаній, и съ ними не только можно, но и должно бороться, изгоняя „избытокъ формъ, потерявшихъ смыслъ, и избытокъ тонкостей, недоступныхъ пониманію общества, для котораго право создано". Авторъ признаетъ не только возможность, но и желательность „тѣснѣйшаго сближенія права съ жизнью народною". Въ-третьихъ, юридическихъ формъ вовсе не такъ много, какъ обыкновенно утверждаютъ, и сверхъ того „онѣ не изобрѣтаются человѣкомъ, а *даются самой жизнью*, вытекаютъ прямо и непосредственно изъ сложившихся извѣстнымъ образомъ отношеній". Это придаетъ имъ устойчивость и тягучесть, но отнюдь не мѣшаетъ разрушать извѣстныя формы, по мѣрѣ исчезновенія вызвавшихъ ихъ къ жизни обстоятельствъ.

Особенно ярко рисуетъ В. Д. громадную соціальную полезность юриспруденціи. Юридическая концепція дѣлаетъ то „великое и простое" дѣло, что благодаря ей охраняется личность и ея права безъ употребленія на каждомъ шагу грубой физической силы. Вѣка примѣненія юриспруденціи создали извѣстные соціальные навыки и воспитали глубоко полезныя сдержки. „Одинъ полицейскій арестуетъ и ведетъ на веревочкѣ цѣлую дюжину преступниковъ, какъ будто бы онъ имѣлъ цѣлую роту подъ своей командою. Вы отправляетесь въ публичный садъ и, читая на дощечкѣ: „травы не топтать, цвѣтовъ и плодовъ не срывать", сообразуетесь съ этими правилами, какъ будто бы изъ-за каждаго куста за вами присматривали невидимые соглядатаи. Вы вкладываете документъ въ конвертъ и заклеиваете этотъ конвертъ наглухо; этимъ дѣйствіемъ вы сообщаете въ юридическомъ отношеніи такую неприкосновенность вашему документу, какую бы онъ имѣлъ, еслибы лежалъ въ желѣзномъ сундукѣ за тремя ключами и семью печатями".

Это признаніе заслугъ юриспруденціи и ея громаднаго соціальнаго значенія отнюдь не ведетъ В. Д. къ обоготворенію права, къ слѣпому преклоненію передъ дѣйствующимъ законодательствомъ, словомъ—къ тѣмъ крайностямъ „юридизма", которыя и до, и послѣ Спасовича нерѣдко проявлялись въ литературѣ и преклоненіе передъ дѣйствительностью прикрывали громкимъ именемъ „философіи положительнаго права". Маленькая работа В. Д. оканчивается скромнымъ, но вѣскимъ и трезвымъ выводомъ: „Юридическія теоріи и формы похожи на тѣ лѣса, которые ставитъ архитекторъ при возведеніи зданія; они некра-

сивы, но безъ нихъ нельзя обойтись; ихъ можно разобрать, но вмѣсто разобранныхъ надо поставить новые" [1]).

Итакъ, уваженіе къ основному юридическому моменту науки уголовнаго права, признаніе такъ называемаго идеалистическаго метода и его заслугъ въ прошломъ и одобреніе примѣненія новаго позитивнаго метода (психологическаго и статистическаго)— таковъ, въ основныхъ чертахъ, взглядъ Спасовича на науку уголовнаго права, высказанный имъ въ періодъ его дѣятельности на каѳедрѣ.

Проходитъ много лѣтъ. Проносился въ наукѣ уголовнаго права цѣлый вихрь новыхъ ученій. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ онъ начинаетъ выливаться въ два болѣе или менѣе опредѣленныхъ теченія, получившихъ названіе антропологической и соціологической школъ. Можно было бы ожидать, что такой осторожный и снабженный значительной долей скептицизма изслѣдователь, какъ В. Д., отрицательно отнесется къ новымъ теченіямъ, тѣмъ болѣе, что старость вообще мало располагаетъ къ новаторству, особенно въ случаяхъ, подобныхъ данному, когда новаторы осыпаютъ тяжкими ударами многое изъ того, что̀ за долгіе годы сдѣлалось привычнымъ и дорогимъ.

Съ В. Д. этого не случилось. Онъ высказался относительно новыхъ теченій частью въ 1890 году (въ упомянутой уже нами рѣчи о Говардѣ), частью въ 1891-мъ, въ публичныхъ лекціяхъ, напечатанныхъ затѣмъ въ видѣ статьи подъ заглавіемъ: „Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права". Оцѣнка новаторства въ общемъ оказалась благосклонной.

Мы не можемъ отрицать, что эта оцѣнка не чужда нѣкоторыхъ противорѣчій и неполноты; такъ напримѣръ, В. Д. даетъ отзывъ о соціологической школѣ исключительно на основаніи работъ Тарда, оставляя безъ разсмотрѣнія такихъ видныхъ представителей школы, какъ Листъ и Принсъ; онъ отвергаетъ нѣкоторыя изъ основныхъ положеній Тарда въ области матеріальнаго права, считаетъ его идеи относительно будущаго судоустройства „болѣе блестящими, нежели солидными"—и на ряду съ этимъ признаетъ, что у Тарда вѣрно поставлены такіе основные принципы, какъ принципъ отвѣтственности, и правильно сдѣланы изъ него надлежащіе выводы, что по поводу ученія антропологовъ Тардъ „даетъ остроумные и своеобразные отвѣты", и что вообще основной трудъ Тарда „богатъ содержаніемъ для соціологіи и въ особенности для уголовнаго права". Точно также относительно

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. III, стр. 277—292, особ. 278, 279, 236 и 291.

антропологовъ сперва отмѣчается та важная ихъ заслуга, что они „нарушили... рутину, утвердившуюся въ области криминалистики“, а затѣмъ оказывается, что они „не дали положительныхъ результатовъ“. Но для насъ важны не эти противорѣчія, вполнѣ объяснимыя массою нахлынувшаго совершенно новаго матеріала. Для насъ важны крупныя положительныя стороны разбираемаго труда В. Д.—В. Д. раньше другихъ въ русской литературѣ далъ изложеніе *сути* новыхъ теченій и оригинальную ихъ характеристику; громадное большинство его критическихъ замѣчаній является вѣскимъ и обоснованнымъ; даже тамъ, гдѣ трудно согласиться съ В. Д. (напримѣръ, когда онъ высказываетъ почти отрицательное отношеніе къ антропологическимъ факторамъ преступности, держится формальнаго взгляда на преступниковъ-помѣшанныхъ и не согласовываетъ его со своимъ же взглядомъ на такъ называемое нравственное помѣшательство),—приходится серьезно продумать его замѣчанія и посчитаться съ ними.

Наконецъ, что особенно важно, В. Д. уловилъ въ новыхъ теченіяхъ біеніе пульса жизни, и хотя во многомъ они шли въ разрѣзъ со сложившимся за долгіе годы его міросозерцаніемъ, онъ оттѣнилъ ихъ свѣтлыя и полезныя стороны.

Уже въ работѣ о Говардѣ онъ, хотя и очень осторожно, призналъ нѣкоторую односторонность старой классической школы уголовнаго права, констатируя недостаточное огражденіе ею общества отъ преступниковъ по привычкѣ, ея вредное для правосудія сосредоточеніе вниманія на объектѣ преступленія и почти полное упущеніе изъ виду личности виновнаго. Въ работѣ „о новыхъ направленіяхъ“ сужденія В. Д. являются еще болѣе рѣшительными; при всѣхъ отмѣченныхъ имъ недостаткахъ антропологической школы, онъ, не обинуясь, признаетъ несомнѣнную ея пользу, ибо она „обнаружила полную несостоятельность и безрезультатность нынѣшней системы наказаній, легкомысленную торопливость, съ которою разбираютъ на судѣ по эмоціямъ, а не на основаніи научныхъ пріемовъ — не самого человѣка, а искусственно отдѣленное отъ его личности его дѣяніе, послѣ чего судимый человѣкъ для юстиціи исчезаетъ, и о дальнѣйшихъ его судьбахъ она перестаетъ заботиться“.

Признавъ, далѣе, что благодаря новымъ школамъ въ уголовномъ правѣ, пребывавшемъ многіе годы въ застоѣ, закипѣло могучее броженіе и движеніе, В. Д. заканчиваетъ такъ: „Открываются новые горизонты, расшатываются основныя положенія, считавшіяся очевидными истинами. Можетъ быть, не все то пройдетъ и сбудется, о чемъ мечтаютъ храбрые радикальные

реформаторы, но несомнѣнно, что въ не очень продолжительномъ времени вся область уголовнаго права и процесса явится въ совсѣмъ отличномъ отъ настоящаго и до неузнаваемости новомъ видѣ" [1]).

Такимъ образомъ новое теченіе науки уголовнаго права оцѣнено въ настоящемъ и поставленъ весьма благопріятный прогнозъ для его будущаго.

Обратимся теперь къ статьямъ В. Д., посвященнымъ темамъ болѣе конкретнымъ. Мы отмѣтимъ изъ нихъ четыре: двѣ статьи по вопросамъ, связаннымъ съ дѣломъ печати, замѣтку о смертной казни и рефератъ въ юридическомъ обществѣ о преступленіяхъ противъ вѣры.

Въ статьѣ: „Права авторскія и контрафакція", помѣщенной въ собраніи сочиненій подъ заглавіемъ: „О такъ называемой литературной собственности", В. Д., слѣдуя въ принципіальной постановкѣ вопроса за Шефле и Маколеемъ, даетъ и отъ себя много интереснаго. Для криминалиста важно, какъ въ этой области проводится грань между преступнымъ и непреступнымъ, и какъ эта грань отражается на общественныхъ интересахъ. Взята слишкомъ широко охрана правъ авторовъ — eo ipso сейчасъ не расширяется кругъ вольныхъ и невольныхъ нарушеній этихъ правъ, а наоборотъ. Спасовичъ стремится найти и установить гармонію между поддержкой правъ литераторовъ и охраной существенныхъ интересовъ общества. Онъ рисуетъ яркую картину того, что получилось бы отъ уничтоженія всѣхъ авторскихъ привилегій. Тогда, говоритъ онъ, „слагать пѣснопѣнія будутъ только тѣ, которымъ обезпеченъ хлѣбъ насущный", будутъ гибнуть люди „съ задатками геніальности, но подобно большинству аполлоновыхъ избранниковъ небогатые и голодные", явится „печальная необходимость запродавать свое перо въ услугу партіямъ, втираться въ дружбу къ меценатамъ, искать казенныхъ синекуръ". Въ связи съ этимъ авторъ опровергаетъ рядъ ходячихъ нападокъ на существованіе авторскаго права.

Но, принимая близко къ сердцу по указаннымъ причинамъ интересы авторовъ, В. Д. еще болѣе важными признаетъ интересы всего общества, интересы просвѣщенія, свободы и быстраго обращенія мысли. Онъ находитъ, что въ наше время институтъ охраны авторскихъ правъ разросся не въ мѣру, что не мѣшаетъ произвести здѣсь значительныя сокращенія и отсѣчь нѣкоторыя

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VIII, стр. 211—300, особ. стр. 213, 230—232, 261—264, 268—271, 296, 299—300. Ср. ibid. рѣчь о Говардѣ, стр. 195—196.

„дикія вѣтки". Особенно важнымъ считаетъ онъ сокращеніе существующаго у насъ пятидесятилѣтняго срока исключительнаго пользованія авторскимъ правомъ; затѣмъ онъ требуетъ свободы переводовъ и тяготѣетъ, въ интересахъ исторіи, къ праву свободнаго, безъ разрѣшенія наслѣдниковъ, публикованія писемъ и бумагъ, остающихся послѣ усопшихъ писателей.

При такой постановкѣ вопроса авторъ вооружается противъ „почти нигдѣ невиданнаго по строгости наказанія за плагіатъ, существующаго у насъ", но за то требуетъ наказуемости даже неосторожной контрафакціи и серьезной репрессіи въ видѣ широкихъ денежныхъ пеней за умышленную контрафакцію.

Съ совершенно другой стороны подходитъ В. Д. къ вопросу о печати и преступленіяхъ печати въ своей полемикѣ съ Лохвицкимъ по вопросу о диффамаціи—полемикѣ, которую онъ велъ въ 1864 и 1865 гг. подъ псевдонимомъ Киріака Данилова.

Дѣло въ томъ, что въ наукѣ и въ жизни издавна борются двѣ системы: система клеветы, при которой наказуется только ложное сообщеніе о комъ-либо позорящихъ фактовъ и свѣдѣній, и система диффамаціи, при которой запрещается всякое, а слѣдовательно и вполнѣ правдивое оглашеніе подобныхъ данныхъ. Время привело къ извѣстному компромиссу: обычно и при системѣ клеветы не допускается доказательство правдивости, разъ дѣло касается интимной или семейной жизни, а при системѣ диффамаціи установляются случаи, когда можно доказывать истинность сообщеннаго.

Очевидно, болѣе цѣлесообразной и высокой является первая комбинація, гдѣ охраняется торжество правды, а не вторая, гдѣ эту правду могутъ отдать на пропятіе въ угоду весьма субъективной и растяжимой личной щекотливости.

Наше право до 1865 года знало лишь клевету. Лохвицкій, „во имя гуманности и уваженія къ личности", старался ввести и къ намъ диффамацію, и весьма можетъ быть, что именно вліяніе его статей сказалось въ законѣ о печати 6-го апрѣля 1865 г. (ст. 1039 улож. о наказ., изд. 1866 г.), впервые установившемъ у насъ понятіе диффамаціи и ея наказуемость.

Спасовичъ энергично возсталъ противъ идей Лохвицкаго, заимствованныхъ изъ французскаго законодательства реакціонной эпохи. Рядомъ блестящихъ аргументовъ доказываетъ онъ преимущество нашей системы, родственной системамъ англійской и германской, передъ французской системой, по введеніи которой, какъ ѣдко замѣчаетъ В. Д., „плутоватый купецъ, несовсѣмъ честный адвокатъ, продажный журналистъ могли спать

спокойно, зная, что угроза закона заставитъ всѣхъ держать языкъ за зубами". Далѣе онъ съ жаромъ нападаетъ на знаменитую и превратившуюся чуть не въ прогрессивный догматъ формулу Ройе Колляра: „La vie privée doit être murée". В. Д. требуетъ здѣсь самыхъ серьезныхъ ограниченій, и напоминаетъ, что между частной и государственной дѣятельностью стоитъ еще дѣятельность общественная, причемъ точно отграничить a priori частное отъ общественнаго почти невозможно; онъ склоняется къ мнѣнію, что нравы должны клеймить вторженіе въ частную жизнь, а уголовный законъ долженъ карать лишь ложь [1]).

Въ полемикѣ побѣдилъ Спасовичъ, въ жизни—Лохвицкій. Законъ о диффамаціи явился и дожилъ до нашихъ дней, служа прочнымъ щитомъ для взяточниковъ, истязателей дѣтей и вообще для всякаго рода недобросовѣстныхъ дѣльцовъ. Общественный интересъ принесенъ въ жертву частному, и притомъ сплошь да рядомъ сомнительному. Тѣмъ большей мы должны признать заслугу В. Д., который умѣлъ провидѣть будущее и дать вѣское опроверженіе, имѣющими уши не услышанное.

Особаго вниманія заслуживаетъ также небольшая, относящаяся еще къ 1865 году, замѣтка В. Д. о смертной казни. Она служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ разбору того же вопроса въ его учебникѣ и даетъ мѣткую характеристику военно-полевой юстиціи, первую и едва ли не единственную въ литературѣ доконституціонной эпохи.

Въ качествѣ альтернативно возможнаго В. Д. пророчески здѣсь указалъ на возможность превращенія военно-полевыхъ судовъ въ постоянную юрисдикцію для самыхъ тяжкихъ злодѣяній, причемъ принципъ отмѣны смертной казни за общія преступленія останется въ законѣ, но будетъ искусственно обойденъ de facto. Спасовичъ рѣшительно возстаетъ противъ такого порядка; будучи принципіальнымъ врагомъ смертной казни, онъ говоритъ, что еслибы ея примѣненіе оказалось неизбѣжнымъ по особымъ обстоятельствамъ государственной жизни и въ виду роста тяжкой преступности, то и тогда она можетъ быть примѣняема лишь „къ немногимъ тягчайшимъ преступленіямъ" и налагаема *„приговорами обыкновенныхъ судовъ, а не исключительныхъ какихъ-либо юрисдикцій, не дающихъ необходимаго максимальнаго ручательства правильности приговоровъ"* [2]).

Да, здѣсь требовалось немногое, и велика иронія судьбы,

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. III, стр. 361—392, особ. стр. 363, 364, 380 и 389.
[2]) Спасовичъ, „За много лѣтъ", стр. 88—92.

что почти черезъ полвѣка и послѣ реформы, имѣющей конституціонный характеръ, это немногое все еще намъ недоступно, все еще составляетъ предметъ стремленій для людей, которыхъ противники готовы въ лучшемъ случаѣ презрительно именовать чуждыми жизни доктринерами и теоретиками, а въ худшемъ — обвинять чуть не въ измѣнѣ...

Послѣдняя изъ работъ В. Д. по матеріальному уголовному праву, на которой мы остановимся,—это его великолѣпный рефератъ: „О преступленіяхъ противъ вѣры", къ сожалѣнію извѣстный лишь въ сокращенномъ изложеніи протокола одного изъ засѣданій петербургскаго юридическаго общества. Анализъ нашего дѣйствующаго права здѣсь сдѣланъ необыкновенно сильно, образно и глубоко. В. Д. убѣдительно доказываетъ, что свобода вѣры, якобы провозглашенная нашими основными законами, есть свобода мнимая, ибо въ дѣйствительности каждому предоставлено (да и то съ изъятіями) лишь право „славить Бога своихъ праотцевъ", но отнюдь „не своего собственнаго Бога". Онъ сравниваетъ различное положеніе у насъ религій съ табелью о рангахъ Петра Великаго и утверждаетъ, что и религіи у насъ также раздѣлены на ранги и клѣточки разнаго іерархическаго достоинства. Высоко вверху поставлено православіе, рангомъ ниже — католицизмъ и протестантство, далѣе — магометанство, іудейство, язычество и проч., вплоть до знаменитыхъ сектъ и ученій, особо вредныхъ въ государственномъ отношеніи.

Авторъ пламенно стремился къ кореннымъ реформамъ въ этой области, къ сокращенію репрессій, къ истинной свободѣ совѣсти, позволяющей каждому исповѣдывать своего собственнаго Бога, и во имя всего этого возвышалъ свой голосъ во время тяжкой реакціи восьмидесятыхъ годовъ.

Въ наши дни провозглашенъ уже принципъ свободы совѣсти, но мы далеки еще отъ того, чего желалъ В. Д. Все еще идетъ борьба, хотя уже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ это было при В. Д., въ лицѣ котораго мы должны почтить одного изъ піонеровъ великаго дѣла.

Теперь, чтобы покончить съ научной характеристикой В. Д., мы должны были бы остановиться на его работахъ по процессу и на его рѣчахъ; но мы ограничимся послѣдними, ибо въ нихъ многіе процессуальные вопросы получили подробную разработку наравнѣ съ вопросами матеріальнаго права, а изложеніе отдѣльныхъ процессульныхъ работъ, изъ коихъ нѣкоторыя уже устарѣли, чрезмѣрно расширило бы нашъ очеркъ. Укажемъ только, что въ самомъ выборѣ темъ проявились большая отзывчивость

В. Д. и его умѣнье откликаться на важнѣйшіе вопросы, поставленные на очередь жизнью. Передъ введеніемъ судебной реформы онъ читаетъ и печатаетъ рядъ публичныхъ лекцій, на тему „о теоріи судебно-уголовныхъ доказательствъ“ — этомъ чувствительнѣйшемъ нервѣ уголовнаго процесса. Политическія причины вызываютъ стѣсненіе правъ обвиняемаго по вызову свидѣтелей къ судебному слѣдствію, — и немедленно является рефератъ В. Д. на эту тему. Въ связи съ появленіемъ нападокъ на судъ присяжныхъ являются рефераты „о судѣ присяжныхъ“ и о „заключительномъ словѣ предсѣдателя“, въ связи съ вопросомъ о формахъ участія народнаго элемента въ судѣ уголовномъ — интересный докладъ „о гминныхъ судахъ въ царствѣ польскомъ“, въ которомъ авторъ защищаетъ эту своеобразную форму, по типу близкую къ германскому суду шеффеновъ. Рефератъ „о языкѣ въ области судопроизводства“ направленъ противъ пышно развившихся нивеллирующихъ обрусительныхъ тенденцій и доказываетъ не только возможность, но и необходимость, во имя истинныхъ и при иной постановкѣ дѣла страдающихъ интересовъ правосудія, допустить въ судъ на ряду съ государственнымъ и мѣстные языки.

Наконецъ, рефератъ „о преданіи суду за преступленія по должности“ бьетъ въ самое больное мѣсто нашей административной системы, развивающей произволъ и безотвѣтственность путемъ запрещенія привлекать виновныхъ чиновниковъ къ суду безъ согласія ихъ начальства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ области процессуальной Спасовичъ оставилъ богатое и разнообразное наслѣдство, несмотря на то, что центръ его вниманія лежалъ въ вопросахъ матеріальнаго права.

VI.

О Спасовичѣ, какъ ораторѣ, о внѣшней сторонѣ его рѣчей, ихъ конструкціи, свойствахъ и особенностяхъ—мы уже говорили выше. Теперь намъ предстоитъ остановиться на содержаніи и на юридическомъ и общественномъ значеніи этихъ рѣчей. Исчерпать относящійся сюда обильный и разнообразный матеріалъ въ предѣлахъ статьи абсолютно невозможно; мы ограничимся общими выводами и важнѣйшими отдѣльными штрихами.

Прежде всего нужно отмѣтить громадное вниманіе, оказываемое В. Д. субъективной сторонѣ преступленія и личности виновника.

По основному вопросу о вмѣняемости онъ идетъ въ самую глубину, когда, не ограничиваясь общими соображеніями и мастерскимъ очеркомъ отдѣльныхъ формъ душевныхъ заболѣваній, обращается къ сложному и трудному проведенію раздѣльной черты между вмѣняемостью и невмѣняемостью въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо бреда, нѣтъ чистаго клиническаго типа душевной болѣзни, но есть рядъ серьезныхъ ненормальностей, свидѣтельствующихъ о разстройствѣ душевной дѣятельности [1]).

То же стремленіе идти въ глубину сказывается въ неизмѣнномъ и серьезномъ вниманіи В. Д. къ мотивамъ преступленія. Столкновенія въ адвокатской дѣятельности съ разнообразными, сложными и подчасъ трагическими житейскими комбинаціями заставили В. Д. придти къ болѣе широкому взгляду на значеніе мотивовъ, чѣмъ высказанный въ его учебникѣ. Прежде всего (въ духѣ теоріи, лишь много лѣтъ спустя намѣченной въ нѣмецкой литературѣ Листомъ) онъ связываетъ вопросъ о вмѣняемости съ вопросомъ о правильной опредѣляемости мотивами. Онъ считаетъ характернымъ доказательствомъ ненормальности „безпричинность поступковъ, отсутствіе мотивовъ". Воля не можетъ не опредѣляться мотивами и не можетъ, „свободно выбирая мотивы, подставлять тотъ или другой изъ нихъ". Вотъ почему во всякомъ дѣлѣ присяжные и судьи должны прежде всего „доискиваться мотива дѣйствія". Разъ человѣкъ нормаленъ, вмѣняемость и отвѣтственность остаются, ибо „виновный дѣйствовалъ сознательно и долженъ отвѣчать за недостатокъ нравственнаго чувства, котораго онъ не выработалъ въ теченіе всей своей предыдущей жизни", но это не исключаетъ нашей обязанности дать оцѣнку мотиву побѣдившему, а такимъ всегда бываетъ индивидуально-сильнѣйшій изъ мотивовъ, „оказывающійся самымъ могущественнымъ по особенностямъ характера дѣйствующаго лица".

Поэтому В. Д. всегда почти занимается тщательнымъ и подробнымъ выясненіемъ мотивовъ и съ горечью указываетъ, что нерѣдко „о мотивахъ никто и не думаетъ; зачѣмъ ихъ доискиваться? эти изслѣдованія разсматриваются, вѣроятно, какъ роскошь". Наоборотъ, онъ утверждаетъ, что мотивъ—это „клѣтка и сердце состава преступленія", а потому иногда прямо говоритъ судьямъ: „вы должны разобрать мотивы дѣйствій подсуди-

---

[1]) См., напр., вторую рѣчь Спасовича по дѣлу Островлевой, „Сочиненія", т. VII, стр. 54—57.

мыхъ и съ этими мотивами сообразовать наказаніе", а присяжнымъ внушаетъ, что для нихъ мотивы и вообще внутренняя сторона дѣла имѣютъ и должны имѣть больше значенія, чѣмъ сторона внѣшняя [1]).

Намъ важно это отмѣтить, ибо, становясь на такую точку зрѣнія, Спасовичъ отдѣлялся отъ старой доктрины, видѣвшей центръ тяжести въ объективной сторонѣ преступленія и пренебрегавшей мотивами. Онъ шелъ здѣсь на встрѣчу грядущимъ научнымъ вѣяніямъ и устанавливалъ новые важные исходные пункты.

Укажемъ еще на одинъ конкретный фактъ. Изъ глубокаго пониманія субъективной стороны преступленія и ея значенія у В. Д. между прочимъ вытекаетъ установленіе рѣзкой демаркаціонной линіи между *преступнымъ* съ одной стороны и *безчестнымъ* — съ другой; это установленіе сдѣлано съ чрезвычайной выпуклостью и рѣдкой убѣдительностью въ слѣдующихъ словахъ: „Въ высшей степени ненаучно и нелогично отождествленіе понятій: безчестное и уголовно-преступное, представленіе о томъ, якобы они покрываются, якобы преступное есть второй этажъ безчестнаго, безчестное, такъ-сказать, въ квадратѣ, и что достаточно сказать: преступное, потому что безчестнымъ будетъ оно неминуемо само по себѣ. Въ дѣйствительности и эти понятія, и ихъ мѣрила несоизмѣримы... Большое число людей вполнѣ безнравственныхъ по разсчетамъ благоразумія остерегаются переступать уголовный законъ. Съ другой стороны, есть еще бо̀льшее количество людей вовсе не безчестныхъ, которые подлежатъ иногда тяжкимъ карамъ уголовнымъ, не будучи увлечены никакими нравственно унижающими ихъ побужденіями. Къ числу такихъ преступленій относятся почти всѣ преступленія противъ вѣры, многія преступленія государственныя, множество полицейскихъ проступковъ, даже преступленія противъ жизни и неприкосновенности тѣлесной частныхъ лицъ, когда они совершены по аффекту" [2]).

Казалось бы, что̀ можетъ быть проще и очевиднѣе? А между тѣмъ, какъ упорно не могутъ или не хотятъ усвоить эти истины многіе и очень многіе не только изъ современниковъ Спасовича, но и изъ „дѣятелей" нашего времени; какъ упорно закрываютъ они глаза и стойко держатся скользкой и несостоятельной,

---

[1]) См. дѣло дворянина П., обвинявшагося въ истязаніи дочери, дѣло поручика Всев. Крестовскаго, дѣло Архипова, дѣло объ убійствѣ Нины Андріевской и мн. др. Спасовичъ, Сочиненія, т. VII, стр. 21—22; т. VI, стр. 66, 79—82, 219, 239—240, 283.

[2]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VII, дѣло Дорна, стр. 258.

но выгодной въ цѣляхъ политической борьбы позиціи, дающей имъ возможность клеймить противниковъ и наклеивать на нихъ ярлыкъ „безчестности". Еслибы истинно научный и справедливый до очевидности взглядъ Спасовича хотя въ близкомъ будущемъ восторжествовалъ и получилъ общее признаніе, это былъ бы тотъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ правосознанія, на который, къ сожалѣнію, мало надеждъ подаетъ наша дѣйствительность, съ ея „торжествомъ побѣдителей" и преклоненіемъ не передъ силой правды и права, а передъ правомъ силы.

Обратимся теперь отъ субъективной стороны преступленія къ тѣмъ отдѣльнымъ дѣяніямъ, въ которыхъ выражается преступное настроеніе дѣятеля. Изъ массы относящихся сюда рѣчей Спасовича, въ которыхъ различныя преступленія глубоко вскрыты его анатомическимъ ножомъ и изслѣдованы какъ бы подъ особымъ юридическимъ микроскопомъ, наиболѣе имѣютъ значенія его рѣчи по преступленіямъ политическимъ, преступленіямъ печати и преступленіямъ формальнымъ, т.-е. по преступленіямъ, относящимся къ тѣмъ областямъ, гдѣ наше устарѣвшее право особенно отстало отъ европейскихъ кодексовъ и выросшихъ общественныхъ потребностей. Конечно, и за этими предѣлами находится много весьма интересныхъ рѣчей В. Д.,— напримѣръ, по дѣламъ объ убійствѣ (особенно по дѣлу объ убійствѣ на Кавказѣ Нины Андріевской), о поджогѣ (дѣло милліонера Овсяникова) и мн. др.

По дѣламъ политическимъ В. Д. выступалъ какъ защитникъ въ цѣломъ рядѣ выдающихся процессовъ. Часть рѣчей его, сюда относящихся, появилась въ печати въ Россіи и попала въ собраніе его сочиненій; другая, значительно большая часть была напечатана за границей, такъ какъ эти рѣчи относятся къ тому недавнему времени, когда политическіе процессы не только слушались при закрытыхъ дверяхъ, но и проходили въ совершенной тайнѣ; русской печати запрещалось сообщать какія бы то ни было свѣдѣнія о судѣ, о приговорѣ и даже о совершенныхъ преступленіяхъ; признавалось желательнымъ, чтобы общество, лишенное всякихъ свѣдѣній подобнаго рода, находилось въ увѣренности, что политическихъ преступленій больше въ Россіи не совершается, что наступило полное успокоеніе, крамола вырвана съ корнемъ и все обстоитъ благополучно. Мы знаемъ, что разсчеты не оправдались и что изъ кажущагося затишья выросла революціонная буря; но тогда ничего подобнаго никто не ожидалъ, старый режимъ дѣйствовалъ неукоснительно, и ознакомиться съ рѣчами Спасовича по такимъ важнымъ и серьезнымъ

дѣламъ, какъ, напримѣръ, дѣло Лопатина и др., такъ называемое „дѣло девятнадцати“, дѣло Вѣры Фигнеръ, дѣло о варшавскомъ „Пролетаріатѣ“,—можно было лишь контрабанднымъ путемъ.

Лишь одинъ уголокъ завѣсы оказался случайно приподнятымъ. Послѣ нашумѣвшей повсюду такъ называемой якутской исторіи 1889 года, административные ссыльные въ Балаганскѣ составили и распространили воззваніе подъ заглавіемъ: „Русскому правительству“, гдѣ описали самыми яркими красками картину обращенія съ ссыльными въ Сибири вообще и якутское избіеніе, съ послѣдовавшимъ судомъ и жестокимъ приговоромъ—въ частности, и заканчивали протестомъ, выраженнымъ въ рѣзкихъ и сильныхъ формахъ. Старые сибирскіе суды приговорили протестантовъ къ каторгѣ. Спасовичъ выступилъ при пересмотрѣ дѣла въ старомъ 5-мъ департаментѣ сената и произнесъ рѣчь, которая попала въ печать и такимъ образомъ ознакомила хоть немного русское общество съ якутской трагедіей. Какъ ни была сдержанна эта рѣчь, картина получилась настолько яркая, что даже сенатъ былъ видимо потрясенъ и постановилъ ходатайствовать передъ государемъ о замѣнѣ подсудимымъ каторги ссылкой на поселеніе въ Сибирь, въ которой они уже и раньше находились, но не по суду, а въ административномъ порядкѣ.

Въ другихъ своихъ рѣчахъ по дѣламъ политическимъ В. Д. нерѣдко выдвигаетъ и разрѣшаетъ весьма важные вопросы. Въ рѣчи по такъ называемому дѣлу пятидесяти онъ отстаиваетъ *свободу защиты въ политическихъ процессахъ*. Онъ утверждаетъ, что безъ свободы, хотя бы относительной, „защита существовать не можетъ и будетъ только притворная, а слѣдовательно безполезная и унизительная“. Здѣсь же онъ рѣшительно высказывается противъ допущенія какихъ бы то ни было недоказанныхъ презумпцій во вредъ подсудимымъ, называя эти презумпціи „юридической миѳологіей“. Здѣсь, наконецъ, онъ даетъ глубокій анализъ статей уложенія о наказаніяхъ, трактующихъ о политическихъ преступленіяхъ, и бьетъ въ самое больное мѣсто системы, создаваемой этими статьями, указывая, что она ниспровергаетъ основныя начала науки, ибо „въ этой системѣ все послѣдовательно, но она вся покоится на предположеніи, что одна *идея* почти равна *дѣлу*, что надо тушить идею въ ея зародышѣ, что зажигательная революціонная идея, хотя она мала какъ спичка, отъ которой не можетъ сыръ боръ загорѣться,—совершенно равна по злокачественности рефлексамъ, вызваннымъ этой идеей, когда организмъ общественный ее усвоилъ и перерабатываетъ“.

Такимъ образомъ главная язва стараго уложенія, заключавшаяся въ томъ, что въ области политическихъ преступленій ставились на одну доску слово и дѣло, умыселъ и покушеніе, недонесеніе и совершеніе—была обнажена и вскрыта.

Въ другой рѣчи, произнесенной въ защиту Томиловой по такъ называемому „Нечаевскому дѣлу", В. Д. бьетъ по другому, не менѣе важному и не менѣе больному мѣсту. Въ данномъ процессѣ, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ и послѣдовавшихъ за нимъ процессахъ, проявилась тенденція обвинительной власти, заключающаяся въ томъ, чтобы, наклеивъ на обвиняемыхъ ярлыкъ принадлежности къ извѣстной группѣ или партіи, считать далѣе *всѣхъ* обвиняемыхъ отвѣтственными соучастниками въ томъ, что доказано лишь въ отношеніи *одного или нѣсколькихъ*; усматривалось также, согласно софизму: post hoc—ergo propter hoc, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, прямое подстрекательство со стороны подсудимыхъ, если населеніе, послѣ ихъ пребыванія гдѣ-либо, стало дѣйствовать въ духѣ, соотвѣтствующемъ ихъ преступнымъ убѣжденіямъ.

Спасовичъ энергично протестуетъ противъ такого безбрежнаго и несправедливаго расширенія ученія о соучастіи вообще и о подстрекательствѣ—въ частности. „Когда является общее движеніе въ массахъ, предполагать, что это—подстрекательство, значило бы поступать какъ тотъ публицистъ, который, въ виду ли французской революціи, или польскаго движенія, или студенческихъ сходокъ, или сепаратистическихъ стремленій, кричитъ, не умолкая: „интрига, интрига!" Очевидно, что такое объясненіе доказываетъ только или убожество пониманія, или неразборчивость въ средствахъ, или то и другое вмѣстѣ" [1]).

Перейдемъ теперь къ рѣчамъ В. Д. по дѣламъ литературнымъ. По дѣлу Дорна, обвинявшагося въ клеветѣ въ печати, Спасовичъ далъ рядъ вѣскихъ соображеній относительно состава клеветы и въ особенности относительно субъективной стороны этого преступленія; нѣкоторая ихъ часть легла въ основу обширнаго руководящаго сенатскаго рѣшенія, опредѣлившаго на многіе годы направленіе судебной практики по дѣламъ соотвѣтствующей категоріи. Въ рѣчи по дѣлу М. М. Стасюлевича, принесшаго жалобу за клевету на редактора „Новаго Времени" Федорова и сотрудника Буренина, В. Д. даетъ превосходную сравнитель-

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VI, стр. 125 и сл., особ. 126, 127, 137; т. V, стр. 135 и сл., особ. 186—188; т. VII, стр. 291 и сл., особ. 292, 297, 298. См. также Спасовичъ, „Семь судебныхъ рѣчей", Берлинъ, 1900 г.

ную характеристику клеветы, диффамаціи и брани въ печати съ юридической и съ бытовой точки зрѣнія; онъ обстоятельно разъясняетъ, что преслѣдованіе судомъ клеветы и злословія вовсе не является посягательствомъ на свободу слова и печати, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда литературный противникъ бьетъ васъ, укрывшись за псевдонимъ, ибо „нельзя допустить, чтобы повременное изданіе пользовалось правомъ какого-то убѣжища, которымъ не пользуется домъ частнаго лица, жилище каждаго гражданина", а безнаказанность злословія и безчинства въ печати отнюдь не способствуетъ ея свободѣ и процвѣтанію и даже, наоборотъ, иногда „совпадаетъ съ крайне приниженнымъ общимъ состояніемъ литературы, когда *невозможность говорить возмѣщается полною свободою злословить*".

Наконецъ, въ рѣчахъ по цѣлому ряду однородныхъ дѣлъ В. Д. борется противъ покушеній на литературу со стороны духовной цензуры.

Законъ 1865 года предоставилъ право печатать и выпускать въ свѣтъ сочиненія извѣстнаго объема безъ предварительной цензуры; но такъ какъ духовная цензура для сочиненій религіознаго характера была сохранена, то комитетъ духовной цензуры продолжалъ изъявлять притязаніе на то, чтобы каждое сочиненіе, *хотя бы косвенно касающееся религіи*, выходило въ свѣтъ не иначе, какъ послѣ его просмотра и разрѣшенія. Не исполнившіе этого условія по иниціативѣ комитета духовной цензуры привлекались къ суду. Спасовичу удалось (дѣла Гайдебурова, Щапова, Полякова и др.) сократить эти непомѣрныя притязанія, добиться руководящихъ рѣшеній сената въ пользу бо̀льшей свободы авторовъ и издателей и, въ частности, отстоять то важное положеніе, что ни на авторѣ, ни на издателѣ не лежитъ обязанности сомнѣваться и догадываться, нѣтъ ли въ книгѣ мѣстъ, подлежащихъ духовной цензурѣ [1]).

Что касается такъ называемыхъ преступленій формальныхъ, то здѣсь В. Д. особенно ярко характеризовалъ бродяжество и недозволенное оставленіе отечества. По дѣлу о „бродягѣ" Хаимѣ Янкелѣ Симесѣ онъ ставитъ вопросъ: „Что̀ такое бродяжество? Несчастное ли положеніе человѣка, который доказательствъ своего состоянія не имѣетъ, или—хотя изъ кожи лѣзетъ, чтобы его доказать, но сдѣлать этого не можетъ; или же (бродяжество есть) преступленіе, преслѣдованіе котораго обусло-

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. V, стр. 3 и сл., 101 и сл., 200 и сл., особ. 203; т. VI, стр. 342 и сл., особ. стр. 374.

вливается проявляющеюся въ немъ злою волею неизвѣстнаго, котораго настоящее званіе пытаются раскрыть"? Ораторъ становится на сторону второй изъ поставленныхъ альтернативъ и опирается на ту часто забывавшуюся на практикѣ простую истину, что уголовный законъ „имѣетъ дѣло только съ преступленіями и преступниками, а не съ несчастными случаями". Сенатъ въ данномъ случаѣ съ толкованіемъ В. Д. согласился. По дѣлу Гросмана, обвиняемаго въ „недозволенномъ оставленіи отечества" и принятіи германскаго подданства, Спасовичъ даетъ ядовитый анализъ этого неизвѣстнаго теперь культурнымъ странамъ преступленія, въ силу существованія котораго въ кодексѣ „качество подданнаго есть нѣчто нестираемое и вѣчное", а основной долгъ подданства находится въ соотвѣтствіи съ заботой правительства о томъ, „чтобы не убывалъ въ населеніи россійскаго государства ни одинъ изъ родившихся подданныхъ, *разсматриваемыхъ какъ государственная собственность*" [1]).

Таковъ научный вкладъ, сдѣланный рѣчами Спасовича въ область матеріальнаго уголовнаго права. Не менѣе дано имъ и въ области уголовнаго судоустройства и судопроизводства, особенно по такимъ кардинальнымъ вопросамъ, какъ организація суда, правильные способы нахожденія истины на судѣ, охрана правъ обвиняемаго, постановка суда присяжныхъ, роль и значеніе адвокатуры.

Говоря объ устройствѣ суда, онъ даетъ мѣткую критику апелляціоннаго процесса. Онъ указываетъ, что часто при пересмотрѣ дѣла по существу въ высшемъ судѣ „условія изслѣдованія и наблюденія гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ въ низшей инстанціи", ибо она всегда „имѣетъ дѣло съ живыми лицами, съ подсудимыми, свидѣтелями, экспертами" и почерпаетъ свое знаніе изъ наблюдаемаго ею, т.-е. „изъ непосредственныхъ источниковъ", тогда какъ второй инстанціи прежде всего приходится имѣть дѣло съ протоколомъ, куда кое-какъ „заносится, можетъ быть, одна десятая часть того, что̀ въ дѣйствительности на судѣ происходило"; обыкновенно не вызываются ни свидѣтели, ни эксперты, и „производство по необходимости превращается въ формалистическое и бумажное". Отсюда выводится требованіе, которое должно бы сдѣлаться безусловно обязательнымъ и которое тѣмъ не менѣе и до нашихъ дней очень часто не исполняется: требованіе, чтобы вторая инстанція, не касаясь того, что̀ не обжаловано, не замалчивала и не обходила

---

[1]) Ibidem, т. VII, стр. 208 и сл., особ. стр. 218; стр. 310 и сл., особ. стр. 312.

ни одного изъ доводовъ, соображеній и фактовъ, изъ которыхъ состоитъ приговоръ первой инстанціи, и ничего не отвергала безъ надлежащей критической повѣрки.

Далѣе, въ виду охраны достоинства суда и интересовъ подсудимаго, В. Д. требуетъ недопущенія въ судъ (какой бы то ни было инстанціи) матеріала, который „возникаетъ изъ слуховъ и темной молвы". Вліяніе этого непровѣреннаго въ судебномъ порядкѣ матеріала онъ справедливо считаетъ бѣдствіемъ и утверждаетъ, что „поэзію, вымыслы, легенды... надо преслѣдовать и искоренять", ибо „судъ двухъ господъ не имѣетъ и служитъ одной только сухой, простой, иногда вовсе не поэтической, но за то безсмертной истинѣ", а элементъ вымысла, когда онъ „проникаетъ контрабандою въ дѣло судебное", оказываетъ плохія услуги и является какъ бы заразой [1]).

Особенное, даже исключительное вниманіе проявляетъ В. Д. къ суду присяжныхъ. Въ молодости, выступивъ съ публичными лекціями на тему о теоріи судебныхъ доказательствъ, онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, сможетъ ли при низкомъ культурномъ уровнѣ русскаго народа, въ которомъ никогда не воспитывали чувства законности, успѣшно дѣйствовать у насъ судъ присяжныхъ. Сомнѣніе оказалось неосновательнымъ, хотя самая возможность его вполнѣ понятна: вѣдь оно было высказано не только до установленія основныхъ началъ будущей судебной реформы, но даже до освобожденія крестьянъ. Когда смѣлый опытъ былъ сдѣланъ и увѣнчался успѣхомъ, скептицизмъ Спасовича исчезъ; онъ созналъ свою ошибку, сдѣлался твердымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ суда присяжныхъ и много поработалъ для уясненія правильной постановки этого института.

Такъ, въ рѣчи по дѣлу Островлевой В. Д. подробно разбираетъ вопросъ о томъ, какъ надо поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные, оставляя безъ отвѣта часть вопросовъ, выносятъ неполный вердиктъ, или когда въ ихъ отвѣтахъ оказывается явное противорѣчіе. Наше право прямо не предусмотрѣло этого случая и пробѣлъ былъ восполненъ сенатомъ путемъ толкованія. Отнесясь критически къ преподаннымъ сенатомъ руководящимъ указаніямъ, В. Д. убѣдительно доказываетъ, что въ принципѣ данное рѣшеніе составляетъ заслугу сената: „возвращеніе присяжныхъ въ совѣщательную комнату для новыхъ совѣщаній есть пріемъ безусловно необходимый и вполнѣ цѣлесообразный", ибо иначе, на основаніи неяснаго или неполнаго

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VI, стр. 256; т. VII, стр. 263—264.

вердикта, суду приходилось бы выносить неправильный приговоръ и „терпѣть и допустить хроманіе правосудія“.

Но это не мѣшаетъ оратору признать, что „обстановка, которая сообщена этому обряду кассаціонной практикой, крайне своеобразна, идетъ въ разрѣзъ со всѣми западно-европейскими кодексами судопроизводства и является запутанной и противорѣчивой“. Онъ находитъ, что „пора выйти изъ этого лабиринта“, и съ своей стороны даетъ рядъ указаній, изъ которыхъ мы отмѣтимъ то важное и прямо вытекающее изъ закона положеніе, что „утвержденіе того, чего присяжные не разрѣшили, *не предполагается*... И утвержденіе, и отрицаніе (по каждому пункту) должны быть выражены *ясно* и *точно*“. Не вина Спасовича, что сенатъ остался при своей прежней несостоятельной точкѣ зрѣнія и безъ всякихъ основанныхъ на законѣ доказательствъ подтвердилъ, что „тѣ изъ означенныхъ въ вопросахъ признаковъ преступленія, противъ которыхъ въ отвѣтахъ присяжныхъ засѣдателей нѣтъ явнаго отрицанія, должны быть почитаемы утвержденными“. Что В. Д. былъ глубоко правъ— показала дальнѣйшая судебная практика, съ рядомъ недоразумѣній и рядомъ приговоровъ, не соотвѣтствующихъ тому, что желали вложить присяжные въ свой вердиктъ. Яркимъ тому примѣромъ является случай, описанный Л. Н. Толстымъ въ его романѣ „Воскресенье“.

Еще глубже, разностороннѣе и сильнѣе пришлось В. Д. заняться вопросомъ о судѣ присяжныхъ въ знаменитой рѣчи его въ сенатѣ по дѣлу Мельницкихъ. Она была произнесена 13 марта 1884 года, т.-е. въ разгаръ реакціи, послѣ того какъ закономъ 1878 года изъ компетенціи присяжныхъ былъ изъятъ цѣлый рядъ дѣлъ, а въ обществѣ и въ печати извѣстнаго лагеря умножились страстные разговоры объ излишней слабости присяжныхъ, о „судѣ улицы“ и т. п.; Спасовичъ поставилъ вопросъ прямо и рѣшительно, не закрывая глазъ на недостатки суда присяжныхъ, но и съ полнымъ сознаніемъ незамѣнимыхъ его достоинствъ. Онъ указалъ, что по данному дѣлу „судятся не лица... а обвиняется и судится самъ институтъ присяжныхъ, обвиняемый въ дурномъ и неправильномъ дѣйствіи. Этотъ институтъ выросъ на нашихъ глазахъ, взлелѣянъ нашими руками, на него мы молились, его мы нѣжили и чествовали, а теперь, можетъ быть, будемъ собственными руками разрушать“.

Допуская далѣе, что „институтъ боленъ, серьезно боленъ“, В. Д. указываетъ, что во многомъ виноватъ все же не институтъ самъ по себѣ, а тѣ неправильныя условія, въ которыя онъ

поставленъ и въ которыхъ ему приходится функціонировать. Спасовичъ настаиваетъ на необходимости хоть немного повысить образовательный цензъ присяжныхъ и „дать въ руки суду болѣе удовлетворительный и порядочный уголовный кодексъ“ вмѣсто устарѣвшаго уложенія о наказаніяхъ; онъ утверждаетъ, что значительная часть грѣха лежитъ не на присяжныхъ, а на такихъ элементахъ, оказавшихъ вліяніе на развитіе и дѣятельность суда присяжныхъ, какъ слѣдователи, прокуратура, адвокатура, судьи и самый сенатъ, которому по отношенію къ суду присяжныхъ подобала „роль опытнаго педагога“, а онъ между тѣмъ сдѣлалъ много противорѣчивыхъ и неправильныхъ „надстроекъ къ законамъ“, въ области опредѣленія условій дѣятельности суда присяжныхъ вообще и въ указаніяхъ относительно постановки вопросовъ—въ частности.

Въ заключеніе В. Д. категорически осуждаетъ стремленіе смотрѣть на присяжныхъ какъ на какую-то „mimosa pudica“ и даетъ вѣрное опредѣленіе сущности суда присяжныхъ, утверждая, что они—не только судьи факта, судьи конкретныхъ обстоятельствъ (какъ говорила вслѣдъ за Буцковскимъ старая доктрина и съ ней вмѣстѣ говорилъ сенатъ), но и судьи „*вопроса о виновности въ полномъ его объемѣ*“ [1]).

Ставъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, мы должны сдѣлать надлежащіе изъ нея выводы и признать (какъ это значительно позже было сдѣлано сенатомъ въ отзывѣ на проектъ реформы суда присяжныхъ, составленный министромъ юстиціи Манасеинымъ [2]), что слова „*совершилъ*“ и „*виновенъ*“—не синонимы, что формальная точка зрѣнія короннаго суда можетъ не совпадать съ жизненной точкой зрѣнія суда совѣсти, и что поэтому вердикты, неправильные съ формальной точки зрѣнія, могутъ находиться въ полной гармоніи съ общественной совѣстью и правдою жизни.

В. Д. первый сталъ проводить этотъ взглядъ въ судебную практику; своей рѣчью онъ ослабилъ ударъ, грозившій суду присяжныхъ, и въ этомъ—его крупная заслуга.

Мы привели уже многое изъ рѣчи В. Д. по дѣлу Мельницкихъ, но богатое содержаніе оказывается еще неисчерпаннымъ. Въ дѣлѣ была еще одна важная сторона: при разсмотрѣніи его былъ затронутъ вопросъ о свободѣ защиты. Предста-

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VII, стр. 31 и сл., особ. 37, 38 и 39; ibid., стр. 59—84, особ. стр. 61—68, 73 и 83.

[2]) См. подробнѣе въ нашей брошюрѣ: „Современная борьба взглядовъ за и противъ суда присяжныхъ“.

...ный фонд
...ской обл. библиотеки

витель оберъ-прокуратуры, ученикъ Спасовича, талантливый ученый и судебный дѣятель, Н. А. Неклюдовъ, выступая въ сенатѣ съ заключеніемъ, произнесъ рѣзкую и сильную рѣчь, въ которой обрушился на адвокатуру. Возмущаясь „скандальными оправдательными приговорами присяжныхъ", онъ приписывалъ ихъ злоупотребленіямъ защиты, настаивалъ на ея обузданіи, на принятіи строгихъ мѣръ къ тому, чтобы защита не могла попирать законы морали и общественнаго строя, превращать судебныя рѣчи въ „судебный потопъ" и „требовать, чтобы ей былъ отпущенъ ея Варавва", „распиная" при этомъ свидѣтелей, потерпѣвшаго, обвинителя и „самый законъ".

Спасовичъ поднялъ брошенную ему перчатку и энергично выступилъ на защиту свободы адвокатуры и ея правъ на судѣ. Въ своей рѣчи онъ сперва ограничился краткой репликой; отмѣтивъ, что требуемыя мѣры еще не приняты и „слово защиты еще свободно", онъ просилъ позволенія „можетъ быть въ послѣдній разъ воспользоваться своимъ словомъ во всемъ объемѣ этой свободы". Все уже извѣстное намъ дальнѣйшее содержаніе рѣчи дало сдержанный, строго дѣловой и неотразимый отвѣтъ Неклюдову. В. Д. детально выяснилъ, что цѣлый рядъ серьезныхъ причинъ оказываетъ вліяніе на характеръ вердиктовъ присяжныхъ, и что, слѣдовательно, невѣрно и несправедливо сваливать все на злоупотребленія адвокатуры.

А такъ какъ слова Неклюдова были подхвачены печатью, то Спасовичъ, вмѣстѣ съ тремя бывшими старшинами петербургскаго адвокатскаго сословія и однимъ состоявшимъ въ это время въ званіи предсѣдателя совѣта, выступилъ и въ печати съ протестомъ, въ которомъ подробно и убѣдительно была разбита вся аргументація Неклюдова и было доказано, что при установленіи желаемыхъ имъ рамокъ въ сущности исчезла бы всякая свобода защиты, а предложенные имъ „надрѣзы и прижиганія" неспособны ни въ малѣйшей степени содѣйствовать „дѣлу суда и правды" и „оздоровленію судейскаго организма, если бы и были установлены какія-либо ненормальности въ отправленіяхъ правосудія" [1]).

Протестъ, подписанный такими именами, какъ Дмитрій Стасовъ, Константинъ Арсеньевъ, Владиміръ Спасовичъ, Алексѣй Унковскій и Вильгельмъ Люстихъ, сыгралъ серьезную общественную роль, выяснилъ истинное положеніе дѣла и достигъ

---

[1]) Спасовичъ, ibid., стр. 84 — 90. Ср. „Новое Время" № 2899 отъ 24 марта 1884 года.

цѣли. Отвѣта со стороны Неклюдова не послѣдовало. Слово адвокатуры осталось въ предѣлахъ той относительной свободы, какую оно имѣло до дѣла Мельницкихъ, и новыхъ скорпіоновъ на долю адвокатуры не выпало.

VII.

Мы могли бы теперь сдѣлать попытку подведенія нѣкоторыхъ итоговъ, но это было бы дѣломъ преждевременнымъ, ибо рѣчи В. Д., помимо богатаго юридическаго содержанія, тонкаго анализа дѣйствующаго права и сенатской практики и блестящихъ психологическихъ и философскихъ экскурсовъ, нерѣдко даютъ весьма важные, съ общественной точки зрѣнія, штрихи нашихъ нравовъ и картины неприкрашенной русской дѣйствительности.

Мы, напримѣръ, слыхали, что при казенныхъ подрядахъ бываютъ злоупотребленія — а В. Д. даетъ цѣлую соотвѣтствующую картину. Онъ говоритъ, что выполненіе у насъ подрядовъ обыкновенно соотвѣтствуетъ „извѣстной *средней недобросовѣстности*“, ибо съ одной стороны вліяетъ конкурренція между подрядчиками, а съ другой — приходится считаться съ чрезвычайно глубокимъ и укоренившимся „историческимъ зломъ“: снизу и доверху, начиная „отъ послѣдняго канцеляриста, протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять“.

Захотимъ ли мы узнать что-либо не о томъ судѣ, какимъ долженъ быть судъ, начертанный въ судебныхъ уставахъ, а о судѣ реально у насъ существующемъ—и В. Д. удовлетворяетъ наше любопытство. Въ рѣчи по дѣлу члена суда Савицкаго, произнесенной въ 1880 году въ сенатѣ, онъ не отрицаетъ, что подсудимый готовъ былъ на каждомъ шагу протестовать и являться никѣмъ неуполномоченнымъ „печальникомъ о судебныхъ порядкахъ“, и тутъ же съ горечью прибавляетъ: „Право же эти качества недурныя, въ особенности вслѣдствіе того, что *судебные уставы значительно пообносились и духъ ихъ улетучился, а рутина то и дѣло что засасываетъ ихъ, и доля живого дѣла становится все меньше и меньше*“...

Коснемся мы еврейскаго вопроса — и отъ В. Д. услышимъ, что съ конца восьмидесятыхъ годовъ „повалили цѣлыми группами дѣла о евреяхъ, судимыхъ какъ бродяги“. Объясняетъ онъ этотъ фактъ вовсе не тѣмъ, что возросла еврейская пре-

ступность, а просто тѣмъ, что „*измѣнилась политика*; она пошла *въ антисемитическомъ направленіи*; приняты энергическія мѣры противъ состоянія вещей, на которыя въ теченіе десятилѣтій, а можетъ быть и цѣлаго вѣка, смотрѣли сквозь пальцы".

Если мы пожелаемъ ознакомиться съ тѣмъ, въ какихъ формахъ расцвѣтаетъ въ Россіи народившійся капитализмъ, мы находимъ у В. Д. обстоятельныя свѣдѣнія. Капитализмъ, наряду съ печатью, онъ признаетъ величайшей общественной силой нашего времени, особенно тяготѣющей въ сторону акціонерныхъ предпріятій. Здѣсь „крупный капиталъ находится какъ у себя дома, какъ въ своемъ элементѣ; онъ прохаживается на просторѣ и не стѣсняется никакими заботами, никакими преградами, даже и тѣми, которыя ему ставятъ акціонерные уставы... Крупный капиталъ не желаетъ, чтобы нраву его препятствовали. Онъ постоянно боится, какъ бы маленькіе капиталы, поддерживаемые печатью, его не придушили. Онъ прежде всего желаетъ распоряжаться самовластно. Предъ нимъ преклоняется все, пока не наступитъ крахъ, въ которомъ гибнутъ сбереженія сотенъ тысячъ и милліоны".

Но В. Д. не ограничивается тѣмъ, что нарисовалъ картину; онъ требуетъ борьбы съ эксцессами капитализма въ области акціонернаго дѣла; онъ желаетъ „проникновенія свѣта и гласности въ это, по истинѣ, темное царство", усиленія всѣхъ законныхъ средствъ, которыми могло бы защищать свои права меньшинство въ общихъ собраніяхъ акціонеровъ, и не только не преслѣдованія, а напротивъ, всемѣрной поддержки печати, поскольку она старается разоблачать и предупреждать злоупотребленія.

Приведемъ, наконецъ, еще одинъ яркій примѣръ, относящійся къ религіозной сферѣ. Мы знаемъ, что по оффиціальнымъ версіямъ присоединеніе иновѣрцевъ къ православію всегда достигается мѣрами кротости и силою убѣжденія; извѣстно, напримѣръ, что послѣ массоваго присоединенія уніатовъ къ православію въ царствованіе императора Николая I была выбита медаль съ надписью: „отторгнутые насиліемъ возсоединены любовію" — и вотъ, Спасовичъ въ рѣчи передъ сенатомъ по дѣлу гродненскаго крестьянина Малиновскаго касается болѣе позднихъ временъ и показываетъ намъ, каковы иногда бывали внѣшнія проявленія помянутыхъ любви и кротости.

За массовымъ присоединеніемъ крестьянъ къ православію въ шестидесятыхъ годахъ въ западномъ краѣ очень быстро послѣдовало привлеченіе къ суду „упорствующихъ" и „отступни-

ковъ", которые въ своихъ показаніяхъ раскрывали вопіющіе факты. Оказалось, что „однихъ обращали посредствомъ истязаній и насилія", другихъ — путемъ прямого подлога, „при помощи составленія отъ имени ихъ росписокъ, которыхъ они никогда не давали". Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по присоединенію былъ одинъ священникъ, привлеченный къ отвѣтственности по обвиненію въ вымогательствѣ у прихожанъ денегъ за требы и настолько жестокій, что даже полиція отказывалась выполнять такія его требованія, какъ требованіе доставить къ нему въ церковь *силою, съ помощью казаковъ*, опасно заболѣвшую дочь „упорствующаго". Помощниками священника въ дѣлѣ присоединенія оказались мѣстные чиновники, писаря и... жандармскіе нижніе чины и унтеръ-офицеры... [1])

Если мы вспомнимъ теперь, что В. Д. рисовалъ въ рѣчахъ эти картины и затѣмъ дѣлалъ ихъ достояніемъ печати въ то время, когда далеко было даже до принципіальнаго признанія свободы совѣсти и печатнаго слова, то безспорное и глубокое общественное значеніе его рѣчей еще болѣе возрастетъ въ нашихъ глазахъ.

VIII.

Попробуемъ теперь, подводя итоги нашего обзора жизни и дѣятельности В. Д., установить, къ какимъ основнымъ идеаламъ онъ стремился и какіе завѣты послѣ себя оставилъ, какъ ученый и какъ гражданинъ.

Какъ ученый, онъ не только много и плодотворно работалъ для науки, не только чтилъ ее, пропагандировалъ и примѣнялъ въ своей дѣятельности въ сферѣ суда, но и желалъ установить ея постоянную связь съ жизнью и сдѣлать ее свѣтильникомъ для общественной мысли. „Надо ежеминутно", — даетъ онъ однажды свой завѣтъ — „прибѣгать за содѣйствіемъ къ наукѣ и употреблять на живое дѣло всѣ стремленія общества къ идеалу".

Какъ гражданинъ, онъ являлся стойкимъ и неуклоннымъ прогрессистомъ, хотя по свойствамъ своего ума, глубоко аналитическаго и не чуждаго скептицизма, отрицалъ всякія крайности и не былъ склоненъ къ утопіямъ. Наиболѣе дорогіе ему гражданскіе идеалы онъ выразительно и кратко формулировалъ въ своей работѣ „о языкѣ въ области судопроизводства"; здѣсь

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VI, стр. 24, 330—331; т. VII, стр. 208—209, 246—247; т. VI, стр. 312—313, 314—315 и 323.

мы читаемъ, что на государственномъ знамени онъ желалъ „поставить магическія слова: *гуманность, терпимость и свобода*“.

Теперь, когда мы подробно ознакомились съ характеромъ и содержаніемъ ученыхъ трудовъ и рѣчей Спасовича, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что девизъ, который онъ желалъ начертать на государственномъ знамени, былъ его собственнымъ девизомъ, и что дѣйствительно онъ всю жизнь положилъ въ работу для осуществленія идеаловъ гуманности, терпимости и свободы.

Въ частности относительно свободы мы отмѣтимъ, что онъ не только любилъ, но и глубоко понималъ ее. Одинъ изъ первыхъ онъ созналъ ту опасность, которая заключалась въ несоотвѣтствіи либеральныхъ началъ судебной реформы съ основами существовавшаго политическаго строя, и уже въ день десятилѣтія судебной реформы выразилъ въ своей рѣчи твердое пожеланіе, „чтобы были обновлены и пересозданы всѣ политическія учрежденія, среди которыхъ новыя судебныя установленія стоятъ одиноко“.

Въ то же время свободу онъ цѣнилъ отнюдь не какъ нѣчто „отвлеченное и неопредѣленное“. Любовь „къ свободѣ вообще“, не подкрѣпляемая никакими активными дѣйствіями, въ его глазахъ отнюдь не является добродѣтелью; за свободу нужно бороться, ибо ей приходится „осуществляться не въ воздухѣ, но въ отношеніяхъ между людьми, отношеніяхъ, регулируемыхъ такими условіями, которыя каждое общество вырабатываетъ себѣ потомъ и кровью въ ежедневномъ направленномъ къ тому трудѣ“. Вотъ почему онъ самъ выступалъ въ защиту своихъ понятій о свободѣ словомъ и перомъ, не останавливаясь ни передъ потерею каѳедры, ни передъ тѣмъ, что его нежеланіе гнуться ни вправо, ни влѣво, ни въ сторону шовинизма, ни въ сторону соціализма, нерѣдко создавало ему враговъ и вело къ пристрастной или односторонней оцѣнкѣ его дѣятельности. Вотъ почему, наконецъ, этотъ скептикъ и аналитикъ далъ такой пламенный завѣтъ товарищамъ по адвокатурѣ: „Не робѣйте и смѣло откликайтесь, когда будутъ происходить кругомъ событія, въ которыхъ подобаетъ заявить себя гражданами, какъ люди безбоязненные и вольные, не покупавшіе существованія своего уступчивостью, не отдѣлявшіе себя отъ среды, отъ интересовъ общества“ [1]).

Работа наша закончена. Мы были бы глубоко удовлетворены,

---

[1]) Спасовичъ, Сочиненія, т. VIII, стр. 207; т. III, стр. 321; т. II, стр. 149. Его же, „Застольныя рѣчи“, стр. 13 и 35—36.

еслибы оказалась достигнутой основная наша цѣль, и передъ глазами читателя во весь ростъ встала оригинальная и яркая фигура покойнаго Спасовича, съ важнѣйшими чертами его талантливаго научнаго облика, съ его рѣдкой и поразительной разносторонностью.

И въ самомъ дѣлѣ, въ немъ уживались качества, которыя природа рѣдко соединяетъ въ одномъ человѣкѣ. Талантливость шла у него рука объ руку съ умѣньемъ упорно и усидчиво работать; глубокая любовь къ польскому народу, его языку и культурѣ соединялась съ широкой терпимостью, съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было клерикальныхъ тенденцій и съ искреннимъ признаніемъ и пониманіемъ лучшихъ качествъ русскаго народа, его литературы и его языка, на которомъ В. Д. написалъ большую часть своихъ работъ и произнесъ всѣ свои важнѣйшія рѣчи. Ученый по призванію и глубокой подготовкѣ, онъ становится знаменитымъ ораторомъ-адвокатомъ и одновременно вдумчивымъ историкомъ литературы и литературнымъ критикомъ. Умѣя быть вполнѣ коллегіальнымъ и чтущимъ товарищескую дисциплину членомъ профессорской коллегіи, адвокатской корпораціи и журнальной редакціонной семьи, онъ въ то же время въ высокой степени обладаетъ рѣдкимъ даромъ иниціативы: первый въ Россіи приступаетъ онъ къ чтенію публичныхъ лекцій по юридическимъ вопросамъ и первый ставитъ у насъ на высоту преподаваніе уголовнаго права, однимъ изъ первыхъ вступаетъ въ только-что возникшее сословіе присяжныхъ повѣренныхъ; не ослабѣвая, будитъ онъ энергію въ различныхъ новыхъ научныхъ и литературныхъ кружкахъ и является однимъ изъ иниціаторовъ петербургскаго юридическаго общества. Наконецъ, будучи человѣкомъ уравновѣшеннымъ и имѣя умъ склонный къ скептицизму, онъ въ то же время, какъ мы видѣли, способенъ, въ важные моменты и по дорогимъ для него вопросамъ, выступать не только съ вдохновеніемъ, но даже съ энтузіазмомъ.

Мы переживаемъ трудное время. Старые вожди русской интеллигенціи понемногу сходятъ въ могилу, не дождавшись дѣйствительнаго обновленія родины. Михайловскій умеръ въ предразсвѣтную эпоху, С. Трубецкой—на порогѣ земли обѣтованной. Нѣсколько счастливѣе оказался Спасовичъ, который ушелъ изъ жизни въ тотъ моментъ, когда 17-е октября было уже фактомъ свершившимся, но еще не произошелъ окончательный поворотъ отъ лозунговъ свободы къ торжествующему лозунгу: „назадъ". Умирая, В. Д. имѣлъ то утѣшеніе, что ему удалось увидѣть первые проблески лучшаго будущаго и дождаться если не осу-

ществленія, то хоть провозглашенія тѣхъ началъ свободы и терпимости, которыя особенно дороги были его сердцу, и для осуществленія которыхъ онъ внесъ свой вкладъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ.

„Онъ нашъ“ — говорятъ поляки. „Онъ нашъ“ — имѣемъ такое же право сказать мы, русскіе. „Онъ нашъ“ — говорятъ представители адвокатуры и журналистики. „Онъ нашъ“ — съ полнымъ основаніемъ скажетъ русская профессура.

Не будемъ спорить: великая память не дробится на части; передъ нами единый цѣльный образъ почившаго, и мы поступимъ наиболѣе правильно, если сольемъ свои голоса и скажемъ всѣ вмѣстѣ одной дружеской семьей: „Онъ нашъ!“

Свѣжа еще могила В. Д. Еще не утихла у близкихъ боль утраты. Но пройдутъ года, а память его все будетъ оставаться живой въ наукѣ, въ лѣтописяхъ суда и въ культурной исторіи славянства вообще, а Россіи и Польши—въ частности.

Его могила — одна изъ тѣхъ могилъ, которыя „травою забвенья“ не порастаютъ.

М. П. Чубинскій.

ДУША СОБАКИ

I.

Это была довольно большая собака, дворняжка, ублюдокъ, нѣсколько напоминавшій породу, называемую „пинчеръ", съ бородою и усами. Особенно выразительны и умны были ея глаза, большіе, свѣтлые, въ которые какъ-то странно было глядѣть—до того они казались не глазами собаки, а какого-то другого, одухотвореннаго разумомъ существа.

Въ семью бѣдныхъ людей она попала щенкомъ и когда стала непомѣрно быстро расти и къ году сдѣлалась большой собакой—ея ростъ послужилъ источникомъ для нея цѣлаго ряда злоключеній и несчастій.

Ее назвали Джальмой. Она принимала самое близкое, непосредственное участіе въ жизни семьи, въ ея радостяхъ и горестяхъ. Она постоянно была тутъ, около каждаго члена семьи, смотрѣла на всѣхъ своими глубокими, выразительными глазами, внимательно вслушивалась въ разговоры и, казалось, принимала активное участіе во всемъ, что происходило вокругъ нея.

„Только не говоритъ", сообщали про нее, „а все, все понимаетъ!" Да, она все понимала, и только не говорила,—въ этомъ было ея несчастіе, общее всѣмъ собакамъ. Ея пониманіе, такое глубокое и далекое, какое можетъ быть свойственно только человѣку, выражалось въ ея глазахъ. Но кто же смотритъ въ глаза собаки, кто станетъ искать въ нихъ отвѣта на свои запросы—и съ другой стороны, кто же станетъ согласовать свои намѣренія съ желаніями животнаго, какъ бы они ни были законны. Несчастія Джальмы начались съ того, что она была велика не по квартирѣ, состоявшей всего изъ двухъ низенькихъ

комнатъ, въ которыхъ жили, медленно задыхаясь отъ недостатка воздуха, отецъ, мать и трое дѣтей. Собака была молода, любопытна, отзывчива на все окружающее, нервная, горячая, старавшаяся все понять.

Она толкалась между людьми, мѣшала проходить, занимала не свое мѣсто и дѣлала жизнь, и безъ того тяжелую въ тѣсной квартирѣ, совершенно невыносимою. Ее ласкали, когда она была маленькая, забавлялись ея дѣтскими играми съ туфлей, съ другимъ какимъ-нибудь предметомъ домашняго обихода; она доставляла радость и утѣху угрюмой, бѣдной семьѣ. Но когда выросла, она стала мѣшать. На нее начали кричать, требовать неподвижности, посылать на мѣсто, отведенное ей въ темномъ и тѣсномъ углу передней, наконецъ—бить.

Она терпѣла эту несправедливость, не понимая хорошенько ея источника, терпѣла, потому что любила этихъ людей, жизнь которыхъ казалась ей такой большою, сложною и въ высшей степени интересною. Ея благородная душа не помнила обидъ и ударовъ, черезъ минуту забывала, прощала ихъ, а люди думали, что это такъ и должно было быть, потому что у нея нѣтъ ни разума, ни души, потому что она—животное.

II.

Наконецъ, ее не могли дольше держать въ квартирѣ и отдали начальницѣ одного пріюта для престарѣлыхъ женщинъ.

Начальница была сухая, высокая женщина, съ холоднымъ блескомъ сѣрыхъ глазъ, прямая и чопорная, очень рѣдко показывавшаяся изъ своей комнаты.

Она нашла, что взятая ею собака по росту и силѣ какъ нельзя болѣе подходитъ къ типу цѣпныхъ собакъ, и приказала дворнику, глуповатому и грубому парню, поселить Джальму въ будкѣ, стоявшей у стѣны большого пріютскаго сада.

Была осень, холодная и сырая; съ большихъ кленовъ и липъ падали желтые листья; вѣтеръ сгонялъ ихъ къ подножію стѣны. Во внутренность будки брошена была охапка соломы, но она плохо защищала изнѣженное комнатною жизнью тѣло Джальмы. И она дрожала и выла съ утра до глубокой полуночи глухо и жалобно. И не столько холодъ и непривычная суровая обстановка заставляли выть собаку, сколько чудовищная несправедливость ея бывшихъ хозяевъ, людей, у которыхъ она выросла,

съ которыми молча по-своему, по-собачьи, привыкла раздѣлять невысказанныя радости и горе.

Она не хотѣла вѣрить, что такъ добровольно поступили съ нею ея хозяева; они не могли, не должны были сдѣлать это. Не они ее отдали, а пришелъ этотъ грубый человѣкъ въ курткѣ и огромныхъ, тяжелыхъ сапогахъ, обвязалъ вокругъ ея шеи веревку, повелъ и приковалъ къ будкѣ. Вѣдь она ничего не знала объ отношеніяхъ людей между собою и думала, что всякій можетъ взять и увести ее. Была страшная несправедливость, но отъ кого она зависѣла—Джальмѣ трудно было разобраться.

И всѣ помыслы ея, всѣ силы ея души и ума были направлены къ тому чтобы освободиться отъ ненавистной будки, вырваться на волю.

Тотъ же грубый человѣкъ въ тяжелыхъ сапогахъ приносилъ ей пищу—какіе-то остатки, что-то смѣшанное изъ хлѣба, чечевицы и какой-то похлебки; она почти не притрогивалась къ ней, и не потому что ей была противна эта смѣсь,—тамъ, дома, ее кормили не лучше,—а просто потому, что всѣ силы духа ея, желанія, воля были направлены къ одному: какъ бы вырваться на свободу.

По ночамъ ея глухой, протяжный вой далеко разносился по улицѣ и тревожилъ сторожей. Но дворникъ, дежуря у воротъ, въ бесѣдѣ съ другими сторожами и дворниками сообщилъ, въ чемъ дѣло, и всѣ успокоились и перестали обращать вниманіе на собаку.

Тревожился маленькій, пятилѣтній мальчикъ, также привезенный въ пріютъ и отданный туда на время матерью, вынужденной уѣхать куда-то изъ города. Онъ жилъ въ большой, холодной комнатѣ почти безъ мебели, съ двумя окнами, выходившими въ садъ.

Къ нему въ качествѣ няньки была приставлена зловѣщаго вида старуха съ крючковатымъ носомъ и изсиня-бѣлыми тонкими губами. Она спала тутъ же подлѣ кроватки мальчика и отъ нея пахло чѣмъ-то невыносимо противнымъ, не то какимъ-то масломъ, не то лекарствомъ.

Мальчикъ былъ блѣдный, хилый и тонкій какъ тростинка; его выпускали гулять въ садъ каждое утро, но не надолго—на какіе-нибудь четверть- или полъ-часа. На него надѣвали синее ватное и очень тонкое пальтецо съ кошачьимъ, выкрашеннымъ въ черную краску воротникомъ, шапочку изъ поддѣльнаго барашка, галоши, выводили на большую аллею сада, говорили, что дальше этой аллеи онъ не долженъ никуда уходить, и оставляли одного.

Мальчикъ ходилъ какъ взрослый, хмуро и сосредоточенно глядя впередъ, приподнявъ худенькія плечики и отъ холода постукивая ногою объ ногу.

Деревья были такія толстыя и большія, съ полуобнаженными сучьями, и небо сѣрое, скучное, и холодный вѣтеръ знобилъ плечи до костей. Иногда на голубые глаза мальчика навертывались слезы и студеными струйками медленно ползли по щекамъ; мальчикъ торопливо вынималъ изъ кармана платокъ въ комочкѣ и украдкой быстро вытиралъ слезы.

Не нужно было плакать, сохрани Богъ плакать, — говорила ему мама, — иначе добрые люди увидятъ, скажутъ, что онъ неблагодарный, и не захотятъ давать ему пріютъ.

А дѣваться некуда.

Мальчикъ пилъ чай, обѣдалъ и ужиналъ въ общей столовой съ старушками. Ихъ было немного, человѣкъ восемь; онъ зналъ ихъ всѣхъ даже по именамъ. Кромѣ его „няни", всѣ онѣ были добрыя, но какія-то глупыя, смѣшныя и капризныя. Никто не любилъ чечевицы, которою ихъ кормили каждый день и характерный запахъ которой въ воспоминаніи мальчика остался на всю жизнь. Жаловались и на чай, что онъ жидокъ, и на то, что начальница не давала кофе, а его многія старушки любили до такой степени, что откуда-то добывали свой и заваривали потихоньку. Ссорились между собою ежеминутно и обидчивы были по пустякамъ, но, поссорившись, тотчасъ мирились и заливались счастливыми дѣтскими слезами.

III.

Блѣдный мальчикъ больше всего не любилъ вечеровъ. Они были такіе длинные, томительные, скучные. Въ большой залѣ пріюта, куда собирались поговорить и почитать призрѣваемыя старухи, съ потолка спускалась всего одна керосиновая лампа подъ зеленымъ желѣзнымъ абажуромъ; свѣтъ этой лампы сосредоточивался въ серединѣ круглаго стола, за который садились кое-кто изъ старухъ съ книгой или вязаньемъ; остальное пространство большой холодной комнаты оставалось въ полутьмѣ, и по угламъ, подобно призракамъ, неясными контурами обозначались безмолвныя фигуры старухъ.

Блѣдному мальчику предоставлена была полная свобода ходить гдѣ захочетъ, и онъ безцѣльно и трусливо бродилъ по темнымъ

корридорамъ, въ пустой темной столовой, и заходилъ на огонекъ въ залу.

Старухи относились къ нему безразлично, какъ бы его вовсе не существовало; не говорили съ нимъ, не спрашивали его ни о чемъ, интересуясь исключительно каждая сама собою, жизнью и порядками пріюта. Въ восемь часовъ откуда-то изъ глубины слышался звонъ колокольчика, призывавшій призрѣваемыхъ въ столовую къ чаю. Восемь кружекъ чаю съ восемью ломтями чернаго хлѣба, экономно намазанными масломъ, ожидали старухъ. На углу стола, отдѣльно отъ всѣхъ, стояла маленькая кружка блѣднаго мальчика.

Старухи приходили, садились на свои мѣста; начиналось общее прихлебываніе и чавканье старческихъ, беззубыхъ ртовъ.

Была одна старуха, по имени Ѳекла Ильинишна, маленькая, сухая и необыкновенно злобная.

Лѣвый глазъ отъ какой-то болѣзни закрылся у нея навсегда, и эта часть лица казалась мертвой, какъ у покойницы; правый, круглый и яркій, съ приподнятой бровью, горѣлъ какой-то неизъяснимой ненавистью ко всѣмъ и ко всему, какъ бы мстя за своего потухшаго собрата.

Ѳекла Ильинишна первая поднимала ропотъ изъ-за чечевицы и грубаго, яко бы разстраивавшаго желудки хлѣба, первая негодовала и подбивала другихъ негодовать на жидкій чай, маленькіе и слабые, послѣдняго сорта, куски сахара.

Начиналось съ легкаго фырканья, похожаго на пофыркиванье ежа, и кончалось открытой и громкой бранью по адресу пріютской администраціи.

Но стоило скрипнуть чему-нибудь въ корридорѣ, какъ старухи умолкали и настораживались въ ожиданіи увидѣть начальницу, которая, однако, никогда не появлялась. И, можетъ быть, то, что она никогда не появлялась, больше всего устрашало старухъ.

Послѣ чая всѣ, медленно шлепая туфлями, расползались по своимъ комнатамъ; блѣдный мальчикъ тоже уходилъ въ свою непріютную большую комнату, гдѣ приставленная къ нему нянька вязала чулокъ при свѣтѣ маленькой керосиновой лампочки.

Мальчикъ садился тутъ же и развертывалъ единственную бывшую въ пріютѣ и отданную въ его распоряженіе книгу: „Робинсонъ Крузо“. Книга была большая, въ трепаномъ переплетѣ изъ папки, на которомъ былъ изображенъ самъ Робинсонъ, сидѣвшій подъ пальмами рядомъ съ его другомъ, чернымъ Пятницей. Въ текстѣ книги эта же картинка была повторена, и больше никакихъ картинъ не было. Нянька, къ которой мальчикъ обра-

тился впервые за объясненіемъ картинки, сказала ему, что черный человѣкъ—арабъ, въ страну котораго попалъ заблудившійся Робинсонъ. Больше ничего не было сказано, и мальчику предоставлялось дополнять и развивать сообщенное по волѣ его фантазіи.

И когда онъ сидѣлъ въ длинные, тоскливые осенніе вечера на стулѣ передъ жестяной керосиновой лампочкой и подолгу, вдумчиво смотрѣлъ на картинку, то ему казалось очень близкимъ и аналогичнымъ положеніе его въ этомъ пріютѣ съ положеніемъ Робинсона.

Онъ тоже былъ одинокъ, и если не заблудился въ пустынѣ, то все равно оставленъ въ этихъ пустыхъ, неуютныхъ, холодныхъ комнатахъ. Положеніе Робинсона все-таки было лучше—у него былъ, хотя черный и страшный, другъ—у мальчика же не было никого. И благодарный за то, что Робинсонъ не былъ оставленъ однимъ, мальчикъ съ любовью смотрѣлъ на Пятницу и даже слегка поглаживалъ его.

Затѣмъ нянька кончала свое вязанье, раздѣвала мальчика, заставляла его молиться Богу, укладывала спать, тушила лампу и ложилась сама.

Нѣкоторое время мальчикъ лежалъ съ открытыми глазами, но потомъ передъ нимъ постепенно выростали высокія, высокія пальмы, теплый вѣтерокъ пробѣгалъ по ихъ верхушкамъ и навѣвалъ хорошій, тихій сонъ.

Такъ было много дней до появленія Джальмы. Однажды, сидя за книгой и разсматривая въ сотый разъ характерную курчавую голову Пятницы, мальчикъ услышалъ за окномъ глухой, протяжный вой. Онъ прислушался, вой повторился. Испуганный, съ подергивающейся нижней челюстью, мальчикъ дотронулся до руки старухи и спросилъ:

— Няня, что это?

— Что такое?—хриплымъ баскомъ спросила старуха.

— Тамъ... кто-то воетъ. Слышишь?

Старуха послушала минуту и отвѣчала:

— Собака это.

— Почему она воетъ?

— А я нéшто знаю? Заперли, должно быть.

— Куда заперли? Зачѣмъ?

— Въ сарай, или куда... нéшто я знаю!

„Зачѣмъ заперли?“ — тихо про себя прошепталъ мальчикъ, слезы наполнили его глаза, и уже не такъ отчетливо былъ виденъ черный Пятница.

Обычно кончилось вязанье; стоя на колѣняхъ передъ образомъ, обычно не вникая, не думая о словахъ молитвы, помолился мальчикъ, легъ въ свою кровать, свернулся калачикомъ и натянулъ одѣяло до подбородка.

Но не было уже высокихъ пальмъ, тихо вѣтеръ не шелестилъ ихъ верхушками—и другая картина внезапно возникла въ памяти блѣднаго мальчика.

Вертѣлся у ногъ, визжа, радостно, отрывисто и звучно лая и благодарно полизывая горячимъ языкомъ руку, маленькій, пестрый, съ стоячими ушами, песикъ Ѳомка. Кругомъ были деревья, кусты, высокая трава, испещренная синими, лиловыми и желтыми цвѣточками. И мама была тутъ, и блѣдный мальчикъ собирался съ мамой идти въ лѣсъ. А Ѳомка все прыгалъ, все радостно визжалъ и лаялъ, и то бѣжалъ впереди, то возвращался и снова мелькалъ бѣлымъ хвостомъ между деревьями, счастливый тѣмъ, что съ нимъ пошли, желающій услужить чѣмъ можетъ.

И деревья, шумѣвшія своими верхушками, и трава вся въ цвѣтахъ, и красивый, глубокій, мягкій, какъ коверъ, мохъ, голубое съ бѣлыми облачками небо, и нѣжный, ласковый вѣтерокъ, что обвѣваетъ словно цѣлуетъ лицо — какое счастье! какое счастье!

И вдругъ—ничего. Мамы нѣтъ, Ѳомки нѣтъ,—его также увели куда-то, кому-то отдали... „заперли въ сарай"... и вотъ онъ воетъ, и вотъ онъ проситъ: „Пустите, пустите меня на волю, зачѣмъ вы меня заперли!? Я хочу домой, я хочу къ тѣмъ, кто меня любитъ". Мальчикъ проснулся. Собака выла.

IV.

Джальма выла, сидя передъ будкой, въ которой она была привязана на цѣпь, кончавшуюся у шеи веревкой. Дрожа всѣмъ тѣломъ, она смотрѣла въ темноту большими горящими глазами. Во мракѣ осенняго вечера ничего не было видно, даже стволовъ деревьевъ, и только вѣтеръ тихо и продолжительно шуршалъ сухими, согнанными въ кучу листьями. За стѣной, съ улицы, доносились звуки проѣзжавшихъ экипажей и шаговъ прохожихъ. Но эти звуки, замирая постепенно, наконецъ стихли, и тогда вой собаки сдѣлался слышнѣе.

Джальма все смотрѣла въ темноту. Ея воображенію рисовались хозяева, которые одинъ за другимъ могли и должны были

придти отвязать веревку отъ шеи и увести ее домой. Если этого не могли сдѣлать хозяинъ и хозяйка, занятые другимъ дѣломъ, то это должны были сдѣлать дѣти, въ особенности та старшая дѣвушка, которая всегда ласкала Джальму, гуляла съ нею по улицамъ огромнаго города, заходила въ лавки и магазины, кормила ее, наконецъ. Вѣдь Джальмѣ всегда казалось, что она была тоже членомъ семьи и была въ правѣ разсчитывать на помощь въ тяжелыя минуты жизни. А что̀ можетъ быть тяжелѣе — въ осенній холодъ быть привязанной на чужомъ дворѣ въ будкѣ! И Джальма все смотрѣла въ темноту ночи, все старалась вызвать изъ нея дорогіе ей образы хозяевъ, въ которыхъ она вѣрила, на которыхъ надѣялась такъ, какъ можетъ только вѣрить и надѣяться собака.

— Няня!

Боязливый шопотъ тихо прозвучалъ въ темнотѣ, и громкій съ присвистомъ храпъ отвѣчалъ ему.

Призывъ не повторился; блѣдный мальчикъ зналъ, что онъ безполезенъ: зловѣщая старуха обыкновенно спала крѣпко, и не мальчику съ его тихимъ шопотомъ было разбудить ее. Мальчикъ лежалъ на спинѣ, такъ же, какъ Джальма, вперивъ горящій, испуганный взглядъ въ темноту, а въ головѣ одинъ за другимъ роились вопросы... Что это за собака? Откуда? Чья она? Откуда слышенъ ея вой? Попала ли она въ ихъ садъ случайно и черезъ запертыя ворота не можетъ выбраться на улицу, или ее, какъ говоритъ няня, дѣйствительно заперли въ сарай? Зачѣмъ въ сарай? И что̀ съ нею будутъ дѣлать?

И страшная догадка заставила вздрогнуть мальчика... Онъ слышалъ, что бездомныхъ собакъ ловятъ на улицахъ и убиваютъ.

Можетъ быть и это—бездомная собака, и можетъ быть гдѣнибудь рядомъ есть такое мѣсто, гдѣ ихъ убиваютъ.

И новая догадка охватила его ужасомъ. Что̀ если эта собака—Ѳомка? Что̀ если его выгнали тѣ люди, которые взяли сначала, и вотъ онъ сталъ бѣгать по улицамъ, сдѣлался бродячимъ, и тѣ, которые уничтожаютъ собакъ, поймали его. И это-то и есть призывъ къ нему, къ его прежнему хозяину. Ѳомка тоскуетъ, плачетъ и говоритъ: „Выручи, спаси меня, вѣдь ты мой хозяинъ. Я любилъ тебя, оберегалъ тебя. Помнишь, какъ однажды въ лѣсу, когда къ намъ навстрѣчу вышли какіе-то страшные люди, я смѣло бросился къ нимъ и, лая, не допускалъ ихъ до тебя. Неужели ты забылъ все, наши прогулки, игры, нашу дружбу, и не поможешь мнѣ?!“

Мальчикъ сидѣлъ въ кроваткѣ, вздрагивая худыми плечиками

и глядя безпомощно въ темноту. Что онъ можетъ сдѣлать, куда пойти? Глухая ночь, его никто не слышитъ. И если ему удастся даже уйти изъ этой комнаты, никто не откроетъ тяжелыхъ дверей на улицу.

А Джальма все выла, и мальчикъ по голосу силился опредѣлить, голосъ ли это Ѳомки, или другой какой собаки. Минутами, когда онъ былъ увѣренъ, что это голосъ его друга, сердце сжималось въ комокъ, что-то подкатывало къ горлу, щемило въ глазахъ и слезинки, одна за другой, катились по блѣднымъ щекамъ. Такъ, измученный слезами и горемъ, сиротливо ткнулся онъ въ уголъ подушки и нечаянно для себя заснулъ.

Утромъ, послѣ чая, онъ нетерпѣливо ожидалъ момента наступленія прогулки, суетливо, съ лихорадочной поспѣшностью помогалъ надѣть пальто и галоши и вышелъ въ садъ съ твердымъ намѣреніемъ узнать про собаку.

Главная аллея, отведенная ему для гулянья, была, какъ всегда, пустынна и скучна. Листья почти всѣ облетѣли, небо было сѣрое, холодное, и холодный осенній вѣтеръ по прежнему знобилъ плечи. Боязливо оглянувшись на окна пріюта и не видя въ нихъ никого, мальчикъ свернулъ въ боковую аллею и при поворотѣ вдали, у неоштукатуренной красной стѣны, увидѣлъ большую собачью будку, съ тяжелой цѣпью, втащенной внутрь. Онъ быстро пошелъ по направленію къ будкѣ. Маленькое сердце его стучало въ тревогѣ ожиданія и страха. Вотъ уже нѣсколько шаговъ отдѣляютъ его отъ будки... ближе, ближе, и вотъ, гремя цѣпью изъ круглаго отверстія, вышла большая, желтаго, канареечнаго цвѣта собака и завиляла хвостомъ. Это не былъ Ѳомка, нѣтъ. Но это тоже была добрая, съ большими, умными, умоляющими о чемъ-то глазами собака, добрая потому, что когда мальчикъ приблизился къ ней, она ткнула ему усатой мордой въ руку и лизнула ее.

И неблагодарный маленькій человѣкъ, обрадованный тѣмъ, что его предположенія не оправдались, спокойно отошелъ отъ несчастнаго, молившаго о помощи животнаго и вернулся домой.

Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ собака, гремя цѣпью, вползла въ будку и свернулась клубкомъ, задомъ къ выходному отверстію.

Теперь ей не нужно было ни свѣта, ни воздуха, ни людей, ни ихъ сочувствія; глухое отчаяніе овладѣло ея душою, а въ такомъ состояніи лучше всего было отвернуться отъ всѣхъ къ темнотѣ. Но вечеромъ, когда зажглись фонари, Джальма снова вышла изъ будки. Около будки стояла логушка съ отбросами и за-

манчиво пахло чечевицей, но Джальма не притронулась къ ней; она сѣла на заднія лапы, подняла къ сѣрому небу усатую морду съ большими ясными глазами, полными слезъ, и завыла. И такъ выла она до ночи, когда наконецъ забралась въ будку и, ощутивъ около своей шеи толстую веревку, яростно, съ ожесточеніемъ принялась ее грызть. Работа эта продолжалась всю ночь; ярость уступила спокойному разсчету, и собака, не торопясь, раздирала скрученную паклю; куски этой пакли набивались ей между зубами, она выталкивала ихъ языкомъ, какъ бы сплевывала и снова методически принималась за работу. И когда отъ веревки оставалась одна тоненькая полоса, она придавила ее съ одного конца своей сильной лапой, дернула головой и освободилась отъ цѣпи. Она не сразу вылѣзла изъ будки, какъ бы не вѣря освобожденію, но, почувствовавъ, что уже ничто болѣе не удерживаетъ ее на мѣстѣ, вышла и, поспѣшно нюхая землю, побѣжала вдоль стѣны.

Здѣсь не было никакого выхода, нужно было искать его въ другомъ мѣстѣ. Джальма вспомнила про ворота, черезъ которыя ее привелъ сюда дворникъ, и бросилась къ нимъ. Но высокія и тяжелыя ворота были заперты. Тогда Джальма стала бѣгать по саду, все время обнюхивая землю, ища лазейки, черезъ которую она могла бы вырваться изъ этого проклятаго мѣста, но вездѣ былъ каменный фундаментъ стѣнъ, хотя и искрошившійся мѣстами, но настолько крѣпкій, что ни пролѣзть, ни подрыться нечего было думать. Тогда она сѣла у воротъ и снова принялась выть.

V.

Съ наступленіемъ утра Джальма инстинктомъ почувстовала, что придутъ люди и нужно быть осторожнѣе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ находился небольшой навѣсъ, въ которомъ помѣщались метлы и лопаты. Собака забралась туда и изъ-за метелъ, наваленныхъ цѣлой кучей, ея не было видно; но она слѣдила за всѣмъ, видѣла все. Она видѣла, какъ человѣкъ въ курткѣ и тяжелыхъ сапогахъ вышелъ изъ помѣщенія для дворниковъ и, зѣвая и почесываясь, пошелъ къ воротамъ; она видѣла затѣмъ, какъ бывшимъ въ его рукѣ ключомъ онъ отомкнулъ калитку, раскрылъ ее настежь и снова пошелъ во внутрь двора за какимъ-то дѣломъ.

Пользуясь его отсутствіемъ, Джальма моментально очутилась

за калиткой. Наконецъ-то она была свободна, и первое, какъ ей казалось, что она должна была сдѣлать—отыскать во что бы то ни стало своихъ хозяевъ; но это не такъ-то легко было исполнить.

Джальма хорошо знала свой околотокъ, десятокъ улицъ, прилегавшихъ къ той, на которой жили ея хозяева. Дальше—весь огромный городъ, кипящій съ утра до ночи движеніемъ пѣшеходовъ и экипажей, кричащій, звенящій, съ его площадями, садами и безчисленнымъ множествомъ улицъ, былъ ей совершенно неизвѣстенъ.

И собака принялась искать. Съ опущеннымъ хвостомъ, покрытая комками грязи до самыхъ глазъ, возбужденная, усталая, съ высунутымъ языкомъ, она пробѣгала громадныя пространства, минуя площади и улицы одну за другой, по нѣскольку разъ возвращаясь на то мѣсто, гдѣ уже была, ошибаясь и путаясь.

Минутами на нее нападало отчаяніе; она садилась гдѣ-нибудь посреди улицы и застывала въ одной позѣ, вперивъ въ пространство безумные, широко раскрытые глаза.

Такъ продолжалось два дня, два дня безумія и страсти и полной, небывалой свободы, два дня, въ теченіе которыхъ Джальма не только совершенно забыла предшествовавшій плѣнъ, но и своихъ хозяевъ, къ которымъ такъ неудержимо стремилась ея душа, и даже самое себя.

Потомъ все прошло такъ же неожиданно быстро, какъ и явилось, и Джальма, голодная, отощавшая, измученная бѣготней, съ новымъ рвеніемъ принялась за поиски. Всѣ эти ночи она, конечно, не спала; случалось иногда вздремнуть на часъ, на полтора гдѣ-нибудь въ глухой улицѣ, въ какомъ-нибудь тупикѣ, прислонившись къ сырымъ доскамъ забора. На утро четвертаго дня одна изъ улицъ, по которой пробѣгала Джальма, показалась ей какъ будто знакомой. На углу должна была быть мелочная лавочка. Джальма добѣжала до угла,—лавочка дѣйствительно была тамъ. Это былъ исходный пунктъ поисковъ собаки. Она знала, что если отъ этой лавочки пробѣжать прямо, повернуть въ пересѣкавшую улицу, пробѣжать ее всю и взять направо, то тамъ будетъ маленькій магазинчикъ, въ который недавно заходила съ нею старшая дочь хозяевъ. Отъ этого магазинчика всего только черезъ улицу былъ тотъ свѣтло-шоколадный домъ, въ которомъ жили ея хозяева. Джальма вдругъ ожила, закружила, забѣгала, черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣла передъ дверями квартиры, а снизу по лѣстницѣ молодыми, бойкими шагами поднималась ея любимица. Собака взвизгнула, бросилась къ дѣвушкѣ, положила обѣ лапы ей на грудь и горячимъ языкомъ лизнула щеку.

— Боже мой, Боже мой, какъ это ты! Ну, что̀ я буду дѣлать съ тобой? И какая грязная! Фи, испачкала все пальто! Довольно, довольно—Джальма, отстань!

На эту возню съ собакой открылась дверь и въ пространство выглянуло сердитое, отечное лицо матери.

— Паша, съ кѣмъ ты это? Ахъ, Боже мой, Джальма... убѣжала! Ну, куда мы ее, ну, что̀ мы будемъ дѣлать? Я ужъ не знаю, пускать ли?

— Пустите, мама, что же дѣлать. Тамъ будетъ видно.

— Да, „пустите"! А вотъ придетъ отецъ — будетъ исторія.

Въ безумной радости Джальма думала, что близкіе ей люди испытываютъ то же самое. Ее не оттолкнули, не прибили, ей позволили лизнуть себя, ее обтерли чистой тряпкой и, наконецъ, дали поѣсть. Дали то самое, родное, хорошее, что̀ давали всегда, и Джальма съ жадностью набросилась на ѣду. И сразу освоилась и повела себя какъ раньше, потому что ей въ голову не могло придти, что ее не хотятъ и не хотѣли, и пробовали избавиться отъ нея. Поѣвши, Джальма пошла на свое мѣсто и растянулась.

Наконецъ-то кончились всѣ злоключенія, наконецъ можно дать отдыхъ усталымъ, наболѣвшимъ ногамъ! Такъ прошло часа два, когда въ передней хрипло звякнулъ звонокъ и въ квартирѣ появился тщедушный человѣкъ съ рѣденькими бачками, съ какимъ-то неопредѣленнымъ цвѣтомъ волосъ на головѣ, какой-то общипанный и потухлый, и во взглядѣ его безцвѣтныхъ глазъ, которые онъ кинулъ на собаку, вдругъ блеснулъ злой огонекъ.

— Опять!—воскликнулъ человѣчекъ:—ну, ужъ это, извините пожалуйста, сейчасъ же нужно отвести обратно.

— Я и то говорила Пашѣ: зачѣмъ впустила! — замѣтила отекшая женщина.

— Мама, но вѣдь она такая голодная, жалкая...

— Ну, да, жалкая!—понизила тонъ мать.—А что̀ мы тоже будемъ дѣлать? Куда ее? Сама знаешь.

— Удивительно, какъ это она изловчилась убѣжать?

— Олухъ дворникъ не доглядѣлъ!

Былъ цѣлый семейный совѣтъ, въ которомъ принялъ участіе пришедшій къ чаю гость. Что собаку нельзя было держать въ квартирѣ, это было рѣшено безповоротно. Кто-то выразилъ опасеніе, возьмутъ ли ее обратно, на что отецъ семейства отвѣтилъ:

— Ну, что-жъ! придется тогда отравить.

И при этомъ словѣ „отравить" только у старшей дочери Паши слегка сжалось сердце; она заморгала бѣлесоватыми рѣсницами

и отвернулась. Всѣ же остальные не чувствовали ни малѣйшей жалости къ собакѣ—до того имъ самимъ жилось плохо. Бѣдность не бываетъ жалостлива, наоборотъ, въ бѣдности грубѣетъ сердце и сохнетъ мозгъ. Пришли къ рѣшенію, что Паша сама отведетъ собаку; дѣвушкѣ не по душѣ было предательство, но дѣлать было нечего. Всѣ участвовавшіе въ совѣщаніи убѣдили дѣвушку, что педантичная начальница пріюта не пошлетъ больше своего человѣка за собакой, вовсе ей даже не нужной и взятой изъ снисхожденія къ семьѣ. Тогда какъ если Паша приведетъ собаку сама, старая дама тронется любезностью и не рѣшится отказаться отъ собаки. Нужно только попросить ее, чтобы собаку караулили хоть первое время; животное, конечно, привыкнетъ, потомъ все будетъ хорошо и всѣ будутъ довольны.

Тяжелую миссію взяла на себя Паша. Она это почувствовала на другой день утромъ, когда стала одѣваться, собираясь въ пріютъ. Джальма смотрѣла на нее недовѣрчиво своими выразительными глазами. Ей какъ будто и хотѣлось идти съ дѣвушкой, и какъ будто она чего опасалась. Глаза ея говорили:

„Ты меня куда-то хочешь вести? Если на прогулку или за какими-нибудь покупками, то я—съ удовольствіемъ. Но у тебя грустное лицо и ты смотришь на меня съ такимъ жалостливымъ выраженіемъ. Я подозрѣваю что-то, но что—не могу высказать. Вѣдь и у меня, у собаки, есть предчувствіе, и оно говоритъ мнѣ, что тутъ что-то не ладно. Я не поняла вашей вчерашней бесѣды, но я *почувствовала* ее, и боюсь, что вы замышляете что-то противъ меня“.

Такъ сказала бы Джальма, еслибы она могла говорить, но именно это самое выражали ея большіе умные глаза.

И онѣ пошли—собака и дѣвушка. Джальма уже не бѣжала, какъ прежде, впереди, отъ избытка радости не лаяла на извозчиковъ, а шла тихо сбоку дѣвушки. И по мѣрѣ того какъ обѣ приближались къ улицѣ, гдѣ помѣщался пріютъ, и Джальма начинала узнавать мѣста, по которымъ велъ ее человѣкъ въ курткѣ, замедлялись шаги собаки. Она уже не поднимала головы, ласково не смотрѣла на дѣвушку, не виляла хвостомъ; она уже начинала понимать, въ чемъ дѣло, понимать, что то, что хотятъ сейчасъ сдѣлать, называется предательствомъ.

Да, ее предаютъ, какъ предали раньше. И не человѣкъ въ курткѣ и тяжелыхъ сапогахъ виноватъ въ томъ, что ее приковали на цѣпь, не этотъ исполнитель чужой воли, а тѣ, чью волю онъ исполнялъ. Тѣ, которыхъ она любила съ перваго момента своей сознательной жизни, къ которымъ она стремилась

всѣми помыслами своей души, тѣ разумные, большіе, могучіе, кто называются людьми и могутъ сдѣлать все, во власти которыхъ находятся всѣ твари, тѣ наконецъ, которыхъ она, собака, не перестала любить даже теперь, тѣ предали ее.

Въ знакомой калиткѣ, изъ которой она съ такимъ полнымъ ощущеніемъ свободы и счастья выскочила нѣсколько дней тому назадъ, Джальма остановилась.

— Пойдемъ, пойдемъ, Джальмочка милая!—позвала ее Паша.

И ласковый тонъ любимой дѣвушки подкупилъ собаку. Она переступила порогъ, калитка захлопнулась.

VI.

Въ это утро съ проблесками солнца блѣдному мальчику позволено было гулять дольше. Онъ не ограничился одной главной аллеей, прошелъ въ боковую, подошелъ къ кирпичной стѣнѣ и увидѣлъ будку съ прикованной къ ней на цѣпь прежней желтой собакой. Но веревки уже не было и цѣпь доходила до новаго широкаго, изъ толстой и крѣпкой кожи ошейника. Собака недружелюбно взглянула на него изъ отверстія будки, завертѣлась, гремя цѣпью, и улеглась, повернувшись задомъ. Она не выла уже больше ни въ этотъ день, ни въ другой, ни въ послѣдующіе, и когда мальчикъ, гуляя, останавливался передъ ея будкой и задумчиво смотрѣлъ на нее, какъ бы рѣшая вопросъ, можно ли подойти ближе и приласкать собаку, она уже не выходила къ нему, а все такъ же недружелюбно смотрѣла на него своими ясными и умными глазами.

Однажды утромъ, подойдя къ окну своей комнаты, мальчикъ увидѣлъ, что весь садъ былъ запорошенъ снѣгомъ. Онъ не обрадовался, какъ это бывало раньше, когда онъ жилъ съ матерью и когда ему разрѣшалось возить по снѣгу его маленькія санки, и грустно отошелъ отъ окна. Когда его выпустили гулять, онъ снова очутился около будки и долго стоялъ, задумчиво смотря на ея крышу, покрытую толстымъ пластомъ снѣга. Онъ думалъ, что хорошо было бы, еслибы желтая собака вышла изъ будки и довѣрчиво подошла бы къ нему, какъ тогда. Они бы сдѣлались друзьями, и въ честь этого онъ уже придумалъ ей кличку: Дружокъ, но собака и въ это зимнее утро смотрѣла на него такъ же недружелюбно, и слово Дружокъ, которымъ мальчикъ хотѣлъ позвать ее, застыло у него на губахъ.

И такъ началась зима—не веселая, какая была раньше, когда

мальчикъ жилъ съ матерью, ходилъ съ нею въ какой-то большой садъ, возилъ тамъ свои саночки и катался на нихъ самъ съ невысокой горки, — а скучная, тоскливая, когда и въ саду-то ему позволялось оставаться только полчаса, а о саночкахъ нечего было и думать. Въ пріютѣ рано зажигались лампы, въ столовой и общей комнатѣ съ круглымъ столомъ, и рано погружались во мракъ остальныя комнаты и длинные корридоры. Въ нихъ было холодно и жутко, гулко раздавались шаги и казалось, что въ темныхъ углахъ кто-то злой притаился и ждетъ; казалось, что тамъ сидятъ другія Ѳеклы Ильинишны, такія же сухенькія и злыя, каждая съ однимъ, ярко горящимъ глазомъ, и потихоньку слѣдятъ за мальчикомъ, не выйдетъ ли онъ въ корридоръ, не очутится ли въ другой комнатѣ. Но онъ не выходилъ никуда, тотчасъ же послѣ обѣда и чая цѣплялся за платье няни и уходилъ съ нею въ свою комнату. Тамъ по прежнему горѣла небольшая лампочка, тянулось безконечное вязанье, тотъ же неизмѣнный „Робинсонъ“ лежалъ передъ глазами мальчика; онъ смотрѣлъ на своего друга Пятницу и прислушивался къ тихому и тонкому свисту за окномъ. Свистѣлъ зимній вѣтеръ, гулявшій на просторѣ въ саду, между столѣтними стволами деревьевъ. Иногда онъ какимъ-то чудомъ пробирался въ вентиляторъ или въ трубу большой голландской печи и заводилъ тамъ свои тоскливыя пѣсни. Мальчикъ любилъ эти пѣсни, заслушивался ими до того, что забывалъ объ этой комнатѣ, нянькѣ, пріютѣ, и переносился въ какую-то другую, волшебную страну. Тамъ не было снѣга и морозовъ, тамъ всегда было тепло, росли высокія, высокія пальмы и журчали ручьи. Можетъ быть, тамъ теперь была его мама, скучала по немъ, ждала его къ себѣ.

Однообразно скучные зимніе вечера тянулись безъ конца. Скука дѣйствовала на всѣхъ усыпляющимъ образомъ, и весь пріютъ, съ призрѣваемыми въ немъ старухами, мальчикомъ-гостемъ и штатомъ прислуги, казался завороженнымъ сномъ. Мимо тѣхъ оконъ, которыя выходили на улицу, то и дѣло проѣзжали сани съ закутанными въ шубу сѣдоками, но ни одни изъ этихъ саней не останавливались у подъѣзда пріюта и электрическій звонокъ парадной лѣстницы бездѣйствовалъ.

Прошло мѣсяца два. Дни становились свѣтлѣе. Сѣрое, зимнее небо прорѣзывалъ иногда лучъ солнца и въ угрюмомъ пріютскомъ саду становилось свѣтло и весело. Пласты нетронутаго, чистаго снѣга сверкали накатнымъ серебромъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, гуляя по саду, блѣдный мальчикъ по обыкнове-

нію остановился передъ будкой. Въ отверстіе смотрѣла голова Джальмы; мальчикъ приблизился и сказалъ:

— Дружокъ!

Въ отвѣтъ послышалось сердитое рычанье, напугавшее мальчика. У Джальмы было четверо щенковъ, и она не желала, чтобы кто-нибудь ихъ видѣлъ, справедливо опасаясь, что ихъ отъ нея отнимутъ. Она хотѣла во что бы то ни стало сохранить за собою естественное право матери — воспитаніе своихъ дѣтей. Но не такъ разсуждали люди, въ силу своего разума присвоившіе себѣ право власти надъ животными. Грубый человѣкъ въ курткѣ и тяжелыхъ сапогахъ, первый обнаружившій въ будкѣ присутствіе щенковъ, сказалъ объ этомъ горничной начальницы, а та сообщила барынѣ. Послѣдовалъ приказъ объ уничтоженіи щенковъ. И тутъ опять, какъ и въ томъ бѣдномъ семействѣ, которое сперва воспитало собаку, а затѣмъ отдало ее чужимъ людямъ, былъ употребленъ одинъ и тотъ же способъ предательства. Боясь, что Джальма будетъ кусаться, защищая, не отдавая щенковъ, дворникъ выманилъ ее кускомъ говядины изъ будки въ сарай и заперъ ее тамъ на нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ утопилъ щенковъ и зарылъ ихъ даже въ этомъ же самомъ саду. Затѣмъ онъ вывелъ воющую собаку изъ сарая и снова прикрѣпилъ на цѣпь къ будкѣ. Джальма бросилась во внутрь будки—тамъ не было никого. Обнюхавъ и перерывъ солому, она выскочила наружу, стала рваться съ цѣпи, лаять и выть, но все было напрасно. Цѣпь была крѣпка, отъ собаки не только были отняты ея дѣти, но она лишена была даже возможности искать ихъ.

И ночью блѣдный мальчикъ снова былъ разбуженъ въ своей холодной, неуютной комнатѣ глухимъ, надрывающимъ душу воемъ. Это не былъ вой вѣтра въ вентиляторѣ, въ печной трубѣ или за окномъ, знакомый, убаюкивающій, переходящій въ пѣсню; нѣтъ, это былъ скорбный, душу надрывающій вой отчаянія, это былъ вопль матери, безвозвратно потерявшей своихъ дѣтей.

И когда, недѣлю спустя, блѣдный мальчикъ, вѣрный обыкновенію, гуляя, остановился передъ будкой, изъ нея вылѣзла тощая, со всклоченной шерстью, большая желтая собака и взглянула на него такимъ скорбнымъ, потухшимъ взглядомъ большихъ умныхъ глазъ, что мальчикъ не только не испугался и не отошелъ, а подошелъ ближе и, преисполненный жалостью, довѣрчиво протянулъ маленькую руку съ худыми, блѣдными пальцами,

Собака тихо и скорбно ткнула ему въ руку усатой мордой; онъ погладилъ ее и позвалъ:

— Дружокъ!

Она ничѣмъ не отвѣчала на зовъ и сидѣла подлѣ, печально опустивъ голову.

Тогда ему показалась неудачной эта кличка по отношенію къ этой большой и вначалѣ казавшейся страшною собакѣ, а теперь такъ довѣрчиво, тихо и печально сидѣвшей у его ногъ. Онъ вспомнилъ, что такъ сиживалъ часто и подолгу рядомъ съ нимъ его прежній любимецъ, погладилъ по головѣ собаку и нѣжно сказалъ:

— Ѳома!

И пошелъ домой, страшно довольный и счастливый, что ему пришла на умъ прежняя кличка его друга и что ею отнынѣ онъ будетъ, непремѣнно будетъ называть большую собаку.

А Джальма снова влѣзла въ будку и уткнулась носомъ въ солому, сохранявшую запахъ ея щенковъ, напоминавшій ей счастливыя минуты материнства и хоть немного утѣшавшій ее въ ея тяжеломъ горѣ.

И такъ изо дня въ день стали жить эти два ежедневно видавшіяся существа, которыхъ сблизила одинаковость ихъ положенія: оставленный и забытый, быть можетъ, ребенокъ, въ тоскливомъ одиночествѣ создававшій картины фантастической жизни съ черными курчавыми людьми, высокими, высокими пальмами, ручейками и грустными пѣснями за окномъ зимняго вѣтра, и— благороднѣйшее, самое приближенное къ человѣку животное, все въ своей скорби простившее этому человѣку и готовое въ любую минуту съ восторгомъ броситься къ его ногамъ...

К. Баранцевичъ.

ПУШКИНЪ
и
ГР. Е. К. ВОРОНЦОВА
(1824)

I.

Обстоятельства, результатомъ которыхъ явилась высылка Пушкина изъ Одессы на родину въ іюлѣ 1824 года, остаются до сихъ поръ совершенно невыясненными. Въ этой исторіи несомнѣнно есть какое-то темное мѣсто. Факты, намъ извѣстные: оскорбительное отношеніе Воронцова къ Пушкину и взаимная антипатія между ними — объясняютъ не все. Есть достаточно основаній думать, что острая ненависть къ Пушкину, заставившая надменнаго и выдержаннаго „лорда" унизиться до жалкой мести человѣку, стоявшему такъ неизмѣримо ниже его по общественному положенію, была вызвана какимъ-то личнымъ столкновеніемъ между ними на интимной почвѣ. Эта увѣренность заставляетъ отвести данному эпизоду видное мѣсто не только во внѣшней біографіи Пушкина, но и въ исторіи его душевной жизни. Тѣмъ важнѣе разобраться въ обстоятельствахъ этого дѣла.

Въ Пушкинской литературѣ прочно установилось мнѣніе, что причиною высылки Пушкина изъ Одессы была ревность, возбужденная въ Воронцовѣ отношеніями поэта къ его женѣ, гр. Елиз. Ксавер. Воронцовой. Считается доказаннымъ, что Пушкинъ, во вторую половину своего пребыванія въ Одессѣ, при-

близительно съ конца 1823 года (т.-е. послѣ отъѣзда Ризничъ), полюбилъ Воронцову и пользовался ея взаимностью. Большинство біографовъ думаетъ даже, что чувство, внушенное Пушкину Воронцовой, и было той единой, сильнѣйшей любовью Пушкина, которая, начиная съ одесскаго времени, не покидала его всю жизнь и которую онъ такъ тщательно скрывалъ. Насколько справедливы эти два утвержденія?

Прежде всего, они должны быть строго раздѣлены. Что въ жизни Пушкина была такая „вѣчная", таинственная любовь, это не подлежитъ сомнѣнію: она оставила много слѣдовъ въ его поэзіи. Но, какъ справедливо указалъ уже П. Е. Щеголевъ [1]), женщина, внушившая Пушкину эту любовь и, повидимому, отвѣчавшая ему взаимностью, рано умерла. Чрезъ все позднѣйшее творчество Пушкина, *начиная съ 1825 года* (отрывокъ: „Все въ жертву памяти твоей"), проходитъ рядъ пьесъ, вдохновленныхъ воспоминаніемъ объ *умершей* женщинѣ. Такова, кромѣ названнаго сейчасъ отрывка, въ особенности трилогія 1830 года: „Разставаніе", „Заклинаніе" и „Для береговъ отчизны дальной". Тайна, которою Пушкинъ окружалъ эту любовь, позволяетъ думать, что какъ разъ имя *этой* женщины онъ скрылъ подъ буквами N. N. въ составленномъ имъ спискѣ женщинъ, которыхъ онъ любилъ. Это, очевидно, была не Воронцова: Воронцова пережила поэта на много лѣтъ (она умерла только въ 1880 г.). Но въ томъ же спискѣ значится и Воронцова („Элиза"): доказательство, что Пушкинъ дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ.

Эта запись въ „донъ-жуанскомъ" спискѣ, да отмѣтка въ записной книгѣ Пушкина подъ 8 февр. 1824 г.: „soupé chez C. E. V."—вотъ и все, что мы знаемъ достовѣрнаго объ отношеніяхъ Пушкина къ гр. Воронцовой. Все остальное, что біографы умѣютъ разсказывать объ этихъ отношеніяхъ — легенда и домыселъ. Этотъ фактъ необходимо установить, чтобы очистить поле изслѣдованія. Надо твердо помнить, что легенда эта не опирается ни на какія документальныя свѣдѣнія. Посмотримъ же, чего она стоитъ.

Ея первоисточникомъ являются показанія двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ очевидцемъ событій, другой передаетъ слышанное имъ отъ современниковъ: это Вигель и гр. П. Капнистъ. Въ основномъ оба показанія сходятся. Оба свидѣтеля согласно показываютъ, что дѣло было такъ: жившій тогда въ Одессѣ Александръ Раевскій, другъ Пушкина и родственникъ

---

[1]) „Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина", „Вѣстн. Европы" 1904, янв.

Воронцовой, любилъ послѣднюю и пользовался нѣкоторой взаимностью; чтобы отвлечь вниманіе мужа и общества, онъ воспользовался Пушкинымъ; дѣйствительно, введенный имъ въ салонъ Воронцовой, поэтъ не замедлилъ влюбиться въ графиню, и вотъ на него-то и обрушилась мстительная ревность Воронцова. Показаніе Капниста очень лаконично; напротивъ, Вигель расцвѣтилъ свой разсказъ эффектными драматическими подробностями. Раевскій, говоритъ онъ, не довольствовался прямымъ успѣхомъ своей уловки: съ адскимъ злорадствомъ онъ еще разжигалъ страсть Пушкина, тѣшился его муками, игралъ роль его повѣреннаго и помощника въ отношеніяхъ къ Воронцовой. Словомъ, Раевскій является у Вигеля если не дьяволомъ, то, по крайней мѣрѣ, Яго. Надо замѣтить, что Вигель вообще страстно ненавидитъ этого Раевскаго, можетъ быть потому, что, благодаря „тайнымъ наговорамъ" Раевскаго, для Вигеля, по его собственнымъ словамъ, закрылась гостиная графини. Надо думать, что именно сплетни, которыя Вигель распространялъ объ отношеніяхъ Раевскаго къ графинѣ, и заслужили ему ненависть обоихъ.

Такова легенда. Біографы и издатели сочиненій Пушкина придаютъ ей полную вѣру. Мало того, они находятъ ей подтвержденіе въ поэтическомъ свидѣтельствѣ самого Пушкина — въ его стихотвореніи „Коварность" (1824 г.). Напомню основную часть этой пьесы:

Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье,
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ,
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ,—
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей:
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

Въ этихъ строкахъ, говорятъ намъ, Пушкинъ заклеймилъ коварное предательство Раевскаго. Итакъ, мы должны вѣрить, что Пушкинъ и самъ видѣлъ въ Раевскомъ своего Яго и поэтически разсчитался съ нимъ.

Все это сложное зданіе, т.-е. и Вигелевская легенда, и домыселъ комментаторовъ, разрушается неопровержимымъ фактомъ:

отношенія между Пушкинымъ и А. Раевскимъ остались тѣснодружескими и послѣ высылки поэта изъ Одессы, и оставались такими еще много лѣтъ спустя. Чрезъ три недѣли послѣ высылки Пушкина въ Михайловское, Раевскій пишетъ ему теплое, задушевное письмо (оно дошло до насъ), полное дружескихъ ободреній, извѣстій объ одесскихъ знакомыхъ, простыхъ и искреннихъ увѣреній въ своей привязанности. Одного этого письма достаточно, чтобы безъ дальнихъ разсужденій отвергнуть показаніе Вигеля и Капниста. Но, странное дѣло: всѣ знаютъ письмо Раевскаго, и тѣмъ не менѣе всѣ повторяютъ Вигелевскую легенду, безъ критики повторяютъ, и ищутъ ей подтвержденій, и потому что ищутъ—находятъ. Еще совсѣмъ недавно, въ истекшемъ году, ее въ полной неприкосновенности и съ полной вѣрою повторилъ такой знатокъ Пушкина, какъ Н. О. Лернеръ, во второмъ томѣ Венгеровскаго „Пушкина". Здѣсь, въ статьѣ: „Пушкинъ въ Одессѣ" и въ обширномъ примѣчаніи къ стих. „Демонъ", воспроизведенъ весь разсказъ Вигеля. Г. Лернеръ чуждъ всякихъ сомнѣній и въ своей слѣпой довѣрчивости игнорируетъ факты, которыхъ онъ не можетъ не знать. Такъ, онъ указываетъ на то, что Липранди, написавшій „Замѣчанія" на мемуары Вигеля, не опровергаетъ свѣдѣній послѣдняго о причинахъ высылки Пушкина изъ Одессы, что онъ не преминулъ бы сдѣлать, если бы эти свѣдѣнія были ложны. Это соображеніе было бы очень цѣннымъ, если бы оно не противорѣчило элементарной возможности: дѣло въ томъ, что Липранди писалъ свои замѣчанія на *первое* изданіе „Воспоминаній" Вигеля, въ которомъ *весь эпизодъ* высылки Пушкина былъ опущенъ; этотъ пропускъ былъ возстановленъ только во второмъ изданіи, вышедшемъ уже послѣ смерти гр. Воронцовой (въ 1891—93 гг.), такъ что Липранди просто *не зналъ* легенды, передаваемой Вигелемъ. Далѣе: г. Лернеръ утверждаетъ, что упомянутое выше письмо Раевскаго къ Пушкину отъ 21 августа 1824 г. — единственный слѣдъ ихъ переписки послѣ Одессы. Это невѣрно: 18 октября того же года кн. С. Волконскій переслалъ Пушкину другое письмо Раевскаго [1]), и мы вправѣ думать, что этому второму письму предшествовалъ отвѣтъ Пушкина на первое письмо Раевскаго. Нечего говорить, что „Коварность" въ глазахъ г. Лернера „*подтверждаетъ* разсказъ Вигеля и Капниста", что Раевскій „былъ въ душѣ Пушкина осужденъ послѣднимъ приговоромъ", и „бли-

---

[1]) *Переписка* Пушкина, изд. Имп. Акад. Наукъ, п. ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 138.

зости между ними съ тѣхъ поръ не было". Это все — уже домыселъ, естественно вытекающій изъ принятой на вѣру легенды.

Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Мы уже знаемъ, что Раевскій въ ближайшіе мѣсяцы послѣ одесской разлуки по крайней мѣрѣ дважды писалъ Пушкину. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого они не встрѣчались, живя въ разныхъ мѣстахъ, но Пушкинъ сохранялъ самое теплое чувство къ Раевскому. Когда, въ январѣ 1826 года, до Пушкина въ Михайловское дошли первые слухи объ арестахъ, связанныхъ съ событіемъ 14-го декабря, онъ второпяхъ написалъ Дельвигу письмо, содержавшее *одинъ* тревожный вопросъ: не случилось ли чего съ Раевскимъ. Вотъ это письмо, опрокидывающее всѣ догадки объ охлажденіи Пушкина къ Раевскому, о пріуроченіи къ послѣднему пьесы „Коварность" и пр.; привожу его цѣликомъ. „Милый Баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно—я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было понапрасну—мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности—но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ. П." Такъ не пишутъ о человѣкѣ, нанесшемъ смертельную рану. И точно такъ же, еслибы Пушкинъ таилъ горечь противъ Раевскаго, онъ не вспомнилъ бы въ „Путешествіи въ Арзрумъ"—безъ другой надобности, кромѣ прелести воспоминанія,—какъ онъ въ 1820 году сиживалъ съ Раевскимъ на берегахъ Подкумка. Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ, наѣзжая въ Москву, не разъ дружески встрѣчался съ Раевскимъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма къ женѣ.

Итакъ, преданіе о роли, которую будто бы сыгралъ А. Раевскій въ исторіи высылки Пушкина изъ Одессы, должно быть безусловно отвергнуто, несмотря на согласныя показанія Вигеля и Капниста. Это согласіе двухъ свидѣтелей можно объяснить себѣ тѣмъ, что Вигель выдумалъ сплетню и пустилъ ее въ ходъ (а потомъ воспроизвелъ въ своихъ запискахъ), Капнистъ же нашелъ ее уже готовою и укоренившеюся въ умахъ одесситовъ; пущенная Вигелемъ, она легко могла укорениться, какъ въ силу своей эффектности, такъ и потому, что согласовалась съ общеизвѣстнымъ фактомъ любви Раевскаго къ Воронцовой.

Какъ бы то ни было, главная часть легенды падаетъ и остается только ея зерно — именно утвержденіе, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Воронцову и тѣмъ навлекъ на себя ненависть ея мужа, слѣдствіемъ чего и была его высылка. Въ виду

несомнѣннаго факта любви Пушкина къ Воронцовой, удостовѣряемаго присутствіемъ ея имени въ „донъ-жуанскомъ“ спискѣ, это утвержденіе по существу не можетъ быть оспариваемо. Оно правдоподобно и если прямо ничѣмъ не подтверждается, то и не противорѣчитъ достовѣрнымъ фактамъ. Общій голосъ современниковъ объяснялъ враждебное чувство Воронцова къ Пушкину ревностью, и того же взгляда держался, повидимому, самъ Пушкинъ. И. И. Пущинъ, навѣстившій его въ Михайловскомъ въ январѣ 1825 года, такъ передаетъ разговоръ съ нимъ о причинахъ его высылки изъ Одессы: „Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы кознямъ графа Воронцова *изъ ревности;* думалъ даже, что тутъ могли дѣйствовать нѣкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управленіе и неосторожные частью его разговоры о религіи“ [1]). Подъ ревностью надо понимать, очевидно, ревность къ женѣ,—а то къ кому же?

Но вотъ какое обстоятельство ускользнуло отъ вниманія біографовъ. Годъ спустя послѣ своей высылки изъ Одессы, въ „Воображаемомъ разговорѣ съ имп. Александромъ“, Пушкинъ самъ—и не для чужихъ глазъ, а единственно для себя—изложилъ причины своей вражды съ Воронцовымъ. На вопросъ царя: „Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?“ — Пушкинъ отвѣчаетъ характеристикой Инзова, представляющей опредѣленіе *отъ противнаго* тѣхъ свойствъ Воронцова, которыми и была, по убѣжденію Пушкина, вызвана эта вражда. И вотъ тутъ, отрицательно изображая Воронцова въ лицѣ Инзова, Пушкинъ, въ числѣ причинъ, почему онъ съ Инзовымъ *могъ* ужиться, называетъ и такую: „*Онъ* (т.-е. Инзовъ) *уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли*“. И важно то, что это соображеніе онъ ставитъ на одно изъ первыхъ мѣстъ (ему предшествуетъ одно, главное: „онъ (Инзовъ) не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ“ [2]).

Это показаніе слишкомъ важно и слишкомъ конкретно, чтобы можно было имъ пренебречь. Здѣсь ясный намекъ на какую-то романтическую исторію, на соперничество въ любви — но къ

[1]) „Записки И. И. Пущина“, С.-Петерб. 1907, стр. 59.

[2]) Сравн. слова Пушкина въ письмѣ къ Казначееву (по поводу ссоры съ Воронцовымъ): „je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier (imbécile) galopin anglais“...

кому? Вся фраза въ цѣломъ и слово „волочиться“ исключаютъ мысль о женѣ. Прямой смыслъ этихъ словъ указываетъ на какую-то другую женщину, ставшую яблокомъ раздора между Пушкинымъ и Воронцовымъ. Указывая на это странное свидѣтельство Пушкина, я отнюдь не желаю обогащать его и безъ того легендарную біографію еще одной досужей выдумкой: я хочу только собрать воедино всѣ разрозненныя данныя о причинахъ одесской исторіи. Построить изъ нихъ правдоподобную гипотезу мы не можемъ, и вопросъ долженъ пока оставаться открытымъ.

II.

Пушкинъ несомнѣнно былъ влюбленъ въ Воронцову, но, повторяю, мы ничего не знаемъ объ этомъ, кромѣ голаго факта. Имя Воронцовой фигурируетъ въ „донъ-жуанскомъ“ спискѣ— вотъ и все. Это еще ничего не говоритъ ни о продолжительности, ни о характерѣ этой любви. Въ этомъ спискѣ много именъ; рядомъ съ женщинами, которыхъ Пушкинъ любилъ глубоко и долго, здѣсь отмѣчены и героини его мимолетныхъ увлеченій, вѣроятно вовсе не увѣнчанныхъ взаимностью. Но біографы и здѣсь не отступились. Стремленіе „округлить“ эпизодъ, разработать голый фактъ въ полную романтическую исторію породило цѣлый рядъ догадокъ, со временемъ превратившихся въ факты, о которыхъ болѣе не спорятъ. Въ 1825 году Пушкинъ въ Михайловскомъ написалъ стихотвореніе „Сожженное письмо“ („Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...“). А сестра Пушкина разсказывала Анненкову, что когда получалось *изъ Одессы* письмо съ печатью, носившей точно такіе же кабалистическіе знаки, какіе были на перстнѣ ея брата, Пушкинъ запирался у себя въ комнатѣ и никого не пускалъ къ себѣ. Этотъ перстень Пушкину подарила Воронцова; отсюда заключили, что письма изъ Одессы были отъ Воронцовой. Это повторяютъ всѣ біографы до П. Е. Щеголева включительно [1]), и въ любомъ изданіи сочиненій Пушкина вы найдете указаніе, что стихотвореніе „Сожженное письмо“ относится къ Воронцовой, а въ монументальномъ Венгеровскомъ изданіи эта пьеса, для большей ясности, даже сопровождается портретомъ Воронцовой. Нужна весьма малая острота ума, чтобы понять нелѣпость этой басни. Есть ли малѣйшая вѣроятность, что гр. Воронцова имѣла два одинако-

[1]) См. указ. статью, стр. 311—312.

выхъ перстня съ *древне-еврейской* надписью: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа старца, да будетъ его память благословенна“, или что прежде чѣмъ подарить перстень Пушкину, она заказала себѣ дубликатъ? Правда, въ стихотвореніи упоминается перстень:

Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ...

Но въ тѣ времена *всѣ* запечатывали письма сургучной печатью, и множество людей—именно печатью, вырѣзанной на перстнѣ, какъ это сплошь и рядомъ можно видѣть на письмахъ 20-хъ—30-хъ годовъ. Но такова сила традиціи, что даже покойный Ефремовъ, самъ же въ примѣчаніяхъ указывающій на невѣроятность существованія двухъ одинаковыхъ перстней, — въ текстѣ сочиненій Пушкина, подъ заглавіемъ: „Сожженное письмо“, печатаетъ въ скобкахъ: „*Гр. Е. К. Воронцовой*“ [1]).

До какихъ натяжекъ доходитъ изобрѣтательность біографовъ—показываетъ слѣдующій курьезъ. Въ черновой тетради Пушкина, на той же страницѣ, гдѣ набросаны 32-я и 33-я строфы третьей главы „Онѣгина“, записано его рукою: „5 сент. 1824, u. l. de“, т.-е.: une lettre de... И вотъ новое подтвержденіе того, что Пушкинъ въ Михайловскомъ получалъ письма отъ Воронцовой! Такъ разсуждаетъ еще и г. Щеголевъ въ упомянутой выше статьѣ. Почему „письмо отъ...“ означаетъ письмо именно отъ Воронцовой, это остается тайной вѣры. Въ рукописи [2]) за предлогомъ de слѣдовала одна прописная французская буква, потомъ нѣсколько разъ зачеркнутая. Возможно, что Пушкинъ отмѣтилъ здѣсь день полученія того письма А. Раевскаго, о которомъ мы выше говорили; это письмо, писанное въ Александріи, близъ Бѣлой Церкви, 21 августа, должно было получиться въ Михайловскомъ какъ-разъ около 5 сентября; кстати, и зачеркнутая въ тетради буква иниціала очень похожа на R.

Чтобы покончить съ легендой, мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ объ этомъ самомъ письмѣ Раевскаго. Оно содержитъ въ себѣ одно мѣсто, справедливо привлекающее вниманіе всѣхъ изслѣдователей. Сообщивъ Пушкину нѣкоторыя одесскія новости, Раевскій продолжаетъ [3]): „Отлагаю до другого письма удовольствіе разсказать тебѣ дѣянія нашихъ прекрасныхъ земля-

---

[1]) Изданіе 1903—5 гг., т. II, стр. 9; т. VIII, стр. 266.

[2]) Рукопись Моск. Румянц. музея, № 2370, листъ 11 об.

[3]) Подлинникъ—по-французски. Цитирую по переводу въ „Русск. Арх.“ 1881, I.

чекъ; теперь же поговорю о Татьянѣ. Она приняла живое участіе въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ; пишу съ ея вѣдома и согласія. Тихая и добрая душа ея сознаетъ лишь несправедливость, которая тяготѣетъ надъ тобою, и она выразила мнѣ все это съ чувствомъ и граціей, свойственной характеру Татьяны. Даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто мнѣ говоритъ о „полоумномъ Пушкинѣ" и о трости съ собачьимъ рыльцемъ, что̀ ты ей подарилъ. Я каждый день поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты для нея написалъ".

Полагаютъ, что подъ „Татьяною" (конечно, съ намекомъ на „Онѣгинскую" Татьяну) Раевскій разумѣетъ здѣсь гр. Воронцову. Дѣйствительно, въ пользу этого предположенія говоритъ многое: и тонъ, въ которомъ Раевскій пишетъ эти строки (видно, что онъ считаетъ разговоръ о „Татьянѣ" особенно интереснымъ для Пушкина), и характеръ ея отзыва о несправедливости, постигшей Пушкина, и упоминаніе о ребенкѣ: у Воронцовыхъ, дѣйствительно, была тогда 4-лѣтняя дочка, — и, наконецъ, то, что письмо писано изъ Александріи, имѣнія матери Воронцовой, гдѣ послѣдняя часто гостила. Все это—вѣскіе доводы. Правда, Вигель опредѣленно говоритъ, что Воронцовы *въ половинѣ іюня* увезли свою выздоравливавшую послѣ тяжелой болѣзни дѣвочку *въ Крымъ;* но возможно, что графиня прожила въ Крыму не все лѣто, и къ 21-му августа уже была въ Кіевской губерніи, у матери.

Если это такъ, т.-е. если Раевскій пишетъ Пушкину дѣйствительно о Воронцовой, то эти строки письма являются лишнимъ аргументомъ противъ Вигелевской легенды: онѣ всѣмъ содержаніемъ противорѣчатъ этой легендѣ, — это ясно съ перваго взгляда, и здѣсь даже не требуется подробнаго анализа. Укажу только на одно обстоятельство. Изъ словъ Раевскаго явствуетъ, что Воронцова (назовемъ такъ „Татьяну" письма) узнала о высылкѣ Пушкина только post factum, т.-е. что въ моментъ высылки (конецъ іюля) ея не было въ Одессѣ; это совпадаетъ и съ сообщеніемъ Вигеля объ ея отъѣздѣ въ Крымъ въ половинѣ іюня. Но въ такомъ случаѣ — какъ могла она сговориться съ Пушкинымъ о перепискѣ, разъ она, уѣзжая изъ Одессы, еще вовсе и не знала, что больше не застанетъ его въ Одессѣ?

Итакъ, безусловно отвергая легенду, я считаю возможнымъ — исключительно на основаніи „донъ-жуанскаго" списка — утвер-

ждать только то, что Пушкинъ, долго ли, коротко ли, былъ влюбленъ въ гр. Воронцову. Существованіе какихъ-нибудь интимныхъ отношеній между ними приходится рѣшительно отвергнуть, хотя бы уже на томъ основаніи, что такія отношенія не могли бы ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ Раевскаго, безумно любившаго Воронцову и близкаго къ ней по родственному; результатомъ ихъ была бы неизбѣжно жестокая ненависть Раевскаго къ Пушкину, чего мы въ дѣйствительности не видимъ и тѣни. Эти соображенія заставляютъ отрицать всякую законность за пріуроченіемъ къ Воронцовой какихъ бы то ни было стихотвореній Пушкина, въ особенности тѣхъ, гдѣ есть намекъ на обоюдную страсть. Г. Щеголевъ относитъ къ Воронцовой четыре пьесы. Объ одной изъ нихъ—„Сожженное письмо"—мы уже говорили. Другое, „Ненастный день потухъ", написанное осенью, вѣроятно 1824 г., рисуетъ пейзажъ несомнѣнно не одесскій, а крымскій: ни одинъ человѣкъ, видавшій одесское взморье, не усумнится въ этомъ, ибо тамъ нѣтъ ни „горъ", ни „бреговъ, потопленныхъ шумящими волнами", и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуютъ эти строки:

Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами.

Остальныя двѣ пьесы, о которыхъ говоритъ г. Щеголевъ,—„Желаніе славы" и отрывокъ: „Все кончено". Въ обѣихъ рѣчь идетъ о *раздѣленной* любви, о ласкахъ („любовію и нѣгой упоенный", „въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни"), и потому, какъ сказано, онѣ не могутъ быть относимы къ Воронцовой, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока какіе-нибудь новые матеріалы не дадутъ намъ на это права.

III.

Какъ извѣстно, четыре года спустя послѣ высылки Пушкина изъ Одессы, былъ высланъ оттуда, также по проискамъ Воронцова, А. Раевскій. Оба эти эпизода представляютъ совершенное сходство: здѣсь, какъ и тамъ, Воронцовъ *изъ ревности* устраняетъ ненавистнаго ему человѣка *при помощи доноса*, направленнаго въ Петербургъ. Это тожество мотивовъ и дѣйствій заслуживаетъ вниманія. О причинахъ высылки Пушкина мы знаемъ мало, исторію же высылки Раевскаго мы можемъ возстановить въ подробностяхъ, и это цѣнно для насъ, если не въ

смыслѣ раскрытія фактовъ, то въ другомъ, не менѣе важномъ отношеніи: она проливаетъ свѣтъ на психологію дѣйствующихъ лицъ Пушкинскаго эпизода, и какъ разъ въ области тѣхъ чувствованій и дѣйствій, которыя составляютъ содержаніе этого эпизода.

Наши свѣдѣнія о гр. Воронцовой скудны. Изъ приведеннаго выше письма А. Раевскаго къ Пушкину многіе заключаютъ, что Воронцова послужила Пушкину первообразомъ для Татьяны. Мы этого не думаемъ; теперь извѣстно, что конкретныя черты для облика Татьяны Пушкинъ взялъ изъ разныхъ лицъ и даже книгъ, а если и можетъ быть рѣчь объ одной главной модели (на что, какъ извѣстно, намекаетъ самъ Пушкинъ), то ее, судя по намекамъ въ его письмахъ, надо искать среди женщинъ, которыхъ Пушкинъ зналъ *въ Крыму*. Замѣна имени Воронцовой именемъ Татьяны въ письмѣ Раевскаго представляетъ собою, конечно, отголосокъ его дружескихъ бесѣдъ съ Пушкинымъ въ Одессѣ. Но и въ этомъ смыслѣ она, разумѣется, не случайна: очевидно, что въ характерѣ Воронцовой были какія-нибудь черты, сближавшія ее съ героиней „Онѣгина".

Я уже въ другомъ мѣстѣ [1]) цитировалъ слова Раевскаго о Воронцовой: „Она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ—самый очаровательный, какой я знаю". Приведу теперь отрывокъ изъ другого его письма (неизданнаго), отъ 17 іюня 1822 года. Это письмо писано по-французски изъ Александріи, гдѣ въ то время у ея матери, гр. Браницкой, гостили и она, и онъ.

„Я изрядно скучаю и, можетъ быть, впалъ бы въ уныніе, если бы не примѣръ графини Воронцовой; мужество, съ которымъ она переноситъ безсмысленность своего здѣшняго существованія, служитъ мнѣ укоромъ. Ровность ея свѣтлаго настроенія по-истинѣ удивительна: будучи такъ долго лишена удовольствій въ лучшіе годы своей жизни, она тѣмъ болѣе, казалось бы, должна жаждать всѣхъ тѣхъ благъ, которыми наслаждалась въ Парижѣ; между тѣмъ возобновленіе стараго, необыкновенно-скучнаго образа жизни нимало не отразилось на расположеніи ея духа, и даже отсутствіе своего мужа (который недавно покинулъ ее на пять-шесть дней для объѣзда своихъ имѣній) она переноситъ съ той же ровностью нрава. Правда, она имѣетъ нѣкоторые внутренніе рессурсы, которыхъ у меня нѣтъ, напримѣръ удовлетворенную гордость, чувство своей личной зна-

[1]) „Исторія Молодой Россіи", Москва, 1908, стр. 44.

чительности. Если она сейчасъ не пользуется никакими утѣхами свѣта, она можетъ утѣшать себя мыслью, что онѣ доступны ей въ каждую минуту, когда она того пожелаетъ, — а это уже большое облегченіе". Воронцова была на три года старше Пушкина и замужемъ съ 1819 года [1]).

Раевскій издавна былъ близокъ и съ Воронцовой, и съ ея мужемъ, еще до ихъ супружества, и съ нимъ—раньше, нежели съ нею: онъ состоялъ адъютантомъ при Воронцовѣ во время Отечественной войны и особенно сблизился съ нимъ во время совмѣстной стоянки во Франціи. Съ нею онъ былъ въ родствѣ; мать Воронцовой, гр. Браницкая, приходилась ему двоюродной бабкою [2]), очень любила его, и въ началѣ 20-хъ годовъ онъ подолгу проживалъ у нея въ Александріи. Здѣсь и полюбилъ онъ молодую Воронцову, часто пріѣзжавшую къ матери. Когда, въ маѣ 1823 года, Воронцовъ былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, вслѣдъ за ними переѣхалъ въ Одессу и Раевскій. Его любовь къ графинѣ не была тайной для семьи, и вмѣстѣ съ его празднымъ, не-служебнымъ положеніемъ являлась для его отца, извѣстнаго по 12-му году генерала Н. Н. Раевскаго, предметомъ постоянныхъ страданій. Зналъ о ней, разумѣется, и Воронцовъ. Отношенія между ними начали постепенно портиться. Если вѣрить Вигелю, Воронцовъ уже весною 1824 года былъ сильно раздраженъ противъ Раевскаго. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно для начала 1826 г., когда Воронцовъ, сообщая Закревскому объ арестованіи А. Раевскаго въ связи съ дѣломъ 14-го декабря, писалъ: „Сожалѣю о немъ и еще болѣе объ отцѣ его; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее время я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что пересталъ почти съ нимъ и говорить" [3]). Но внѣшнія отношенія еще долго оставались корректными: послѣ своего освобожденія изъ-подъ ареста Раевскій, весною и лѣтомъ этого года, долго жилъ у Браницкой, гдѣ гостила въ то время и Воронцова съ дѣтьми и куда неоднократно пріѣзжалъ къ своей семьѣ и Воронцовъ [4]).

Отношенія обострились, повидимому, въ концѣ 1826 года. Въ нашемъ распоряженіи есть два неизданныхъ письма старика Раевскаго къ дочери, показывающія, что между Раевскими и

---

[1]) Щербининъ, „Біографія ген.-фельдм. кн. М. С. Воронцова", 1858 г., стр. 164.
[2]) См. „Архивъ Раевскихъ", п. ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, 1908, стр. 259.
[3]) „Сборн. И. Р. Истор. Общ.", т. 73, стр. 506.
[4]) „Исторія Молодой Россіи", стр. 60 и сл.

Браницкою произошла какая-то размолвка, виновникомъ которой являлся А. Раевскій. 2-го января 1827 г. старикъ пишетъ изъ своей усадьбы Болтвинки, Кіевской губ.: „Братъ Александръ пріѣхалъ наканунѣ меня. Вотъ что я въ немъ примѣтилъ. Онъ не спросилъ ни про васъ, ни про Машеньку [1]), онъ смущенъ и скученъ, однакожъ весьма охотно играетъ въ вистъ и тутъ бываетъ веселъ. Вы видите, друзья мои, что его болѣзнь не отчаянная. Откровеній никакихъ онъ еще не дѣлалъ. Ѣдетъ со мной въ Кіевъ и заѣзжаетъ къ графинѣ Браницкой. Графиня Браницкая приняла меня весьма ласково, распрашивала про васъ, и никакого вида о происшедшемъ". Двѣ недѣли спустя, 19-го января, онъ же пишетъ изъ Кіева: „Я здѣсь съ Алексашей на контрактахъ, были въ Бѣлой Церкви, онъ былъ принятъ, какъ собака, но хотѣлъ оправдываться, она сказала: nous devons être étrangers. Я думаю, послѣ сего должно-бъ все оставить, mais il y tient, il a une arrière-pensée, но я не хочу къ ней заѣзжать на обратномъ пути; мнѣ кажется, что она права, виновата только была предо мной въ своихъ болтаньяхъ моимъ дочерямъ на мой счетъ. Il est censé que je ne sais rien, et elle est bien extérieurement avec moi, спрашивала про жену и дочерей".

Прошло, однако, еще болѣе года, прежде чѣмъ разрывъ принялъ внѣшнюю форму. Раздраженіе Воронцова, повидимому, росло, и отношенія между гр. Браницкой и семьей Раевскихъ все болѣе обострялись. Въ маѣ 1828 г. старикъ пишетъ сыну Николаю, что рѣшилъ окончательно порвать съ Браницкою и больше не бывать у нея; дальше онъ пишетъ, что сестры (т.-е. дочери его) были въ Одессѣ на нѣсколько дней, хотѣли не видѣться съ Воронцовой, но она до этого не допустила и онѣ видѣлись каждый день [2]). Два мѣсяца спустя все было кончено: разразился скандалъ, обошедшійся очень дорого самому Воронцову. Нижеслѣдующія письма (рукоп.) ясно рисуютъ образъ дѣйствій послѣдняго и косвенно бросаютъ свѣтъ на исторію высылки Пушкина изъ Одессы.

27-го іюня старикъ сообщаетъ дочери: „На послѣдней почтѣ получилъ я письмо отъ В., въ которомъ весьма умѣренно описываетъ всѣ поступки его (т.-е. Александра Раевскаго) и послѣдній, по которому онъ былъ принужденъ препоручить обезпеченіе своего спокойствія полицмейстеру, который былъ у него

---

[1]) Т.-е. про сестру, М. Н. Волконскую.

[2]) „Щукинскій Сборникъ", IV, стр. 296.

(т.-е. у А. Р.) и объявилъ ему о семъ. Ты можешь судить, каково мнѣ; я отвѣчалъ, что поступки сіи почесть должно человѣка въ горячкѣ и что онъ тамъ (т.-е. въ Одессѣ) находится ни по желанію, ни по согласію моему. Можетъ быть, его посадятъ въ сумасшедшій домъ при первомъ его сумасшедшемъ поступкѣ, котораго я ожидаю".

О какомъ поступкѣ Раевскаго писалъ Воронцовъ его отцу, мы въ точности не знаемъ. Современная сплетня гласила, что онъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, остановилъ на улицѣ карету графини, которая съ приморской дачи ѣхала къ императрицѣ, бывшей тогда въ Одессѣ, и наговорилъ ей дерзостей; въ семьѣ сохранилось преданіе, что онъ крикнулъ ей: „Soignez bien nos enfants" или „ma fille" [1]). Отвѣтъ Раевскаго полицеймейстеру (письменный) сохранился. „Вчерашняго числа вечеромъ, — писалъ Раевскій [2]), — вы изволили пріѣхать, чтобъ прочитать мнѣ просьбу, вамъ поданную графомъ Воронцовымъ, въ которой, какъ частный человѣкъ, онъ требуетъ отъ васъ защиты за мнимыя мои дерзости противъ почтеннѣйшей его супруги; въ случаѣ продолженія оныхъ е. с. угрожаетъ мнѣ прибѣгнуть къ высшей власти. На сіе имѣю честь вамъ отвѣчать, что я ничего дерзкаго не могъ сказать ея сіятельству, и я не понимаю, что̀ могло дать поводъ такой небылицѣ. Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что-жъ касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны".

Для насъ, конечно, не представляетъ никакого интереса вопросъ, что̀ произошло между Раевскимъ и графиней. Важно только то, что въ началѣ іюня Воронцовъ окончательно потерялъ самообладаніе: иначе нельзя объяснить его обращеніе къ помощи полицеймейстера.

И тутъ произошло странное стеченіе обстоятельствъ: три недѣли спустя, т.-е. ровно чрезъ столько времени, сколько нужно было для сношенія изъ Одессы съ Петербургомъ, въ Одессѣ получено было Высочайшее повелѣніе о немедленной высылкѣ А. Раевскаго въ Полтаву *за разговоры противъ правительства и военныхъ дѣйствій*. Это былъ доносъ, и не могло быть со-

---

[1]) „Русск. Арх.", 1901, кн. 10, стр. 185, прим. П. И. Бартенева. „Русск. Стар.", 1885, ноябрь, стр. 402. Моя „Ист. М. Россіи", стр. 72—3.

[2]) „Русск. Стар.", тамъ же.

мнѣній, кѣмъ и для чего онъ былъ сдѣланъ. Повторилась въ точности исторія высылки Пушкина.

Воронцовъ, повидимому, чувствовалъ себя скверно и, желая обѣлить себя, написалъ старику Раевскому; вотъ это письмо: „Входя совершенно въ чувства, изъясняемыя въ благосклонномъ письмѣ в. пр., полученномъ мною вчерашняго числа, я бы никогда не коснулся болѣе до матеріи, которая ни вамъ, ни мнѣ не можетъ быть иначе, какъ непріятною, ежели бы послѣдствія поведенія Ал. Ник. здѣсь не принудили меня въ собственную мою защиту изъяснить вамъ то, что, конечно, чрезъ него иначе на мой счетъ вамъ донесено будетъ; и дѣлая сіе, я начинаю покорнѣйшею просьбой не отвѣчать мнѣ на письмо сіе, которое будетъ послѣднее. — Александръ Ник. высланъ отсель въ Полтаву по Высоч. Повелѣнію, полученному здѣсь кн. П. Мих. Волконскимъ; я не только не былъ ничѣмъ причиною сего, но о томъ, что касается до разговоровъ его здѣсь противъ правительства и насчетъ военныхъ дѣйствій, я сперва не зналъ и потомъ, услышавъ, не вѣрилъ до самаго того времени, пока участь его по другимъ о томъ донесеніямъ уже была рѣшена. Правда, что послѣ того я удостовѣрился въ справедливости сихъ донесеній; но никогда не писалъ и не буду писать въ подкрѣпленіе онымъ, ибо въ моемъ съ Ал. Н. положеніи сіе бы было совершенно невозможно“.

Эти строки старикъ Раевскій сообщилъ дочери въ письмѣ своемъ отъ 10-го іюля. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ писалъ ей, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Александръ проѣхалъ по кременчугской дорогѣ; онъ думалъ, что сынъ ѣдетъ къ ней, въ Калужскую губернію. Теперь, узнавъ о высылкѣ сына, онъ пишетъ ей: „Я уже писалъ тебѣ, мой другъ Катенька, что Алексаша по своей неблагоразумной страсти къ гр. В—ой продолжаетъ дѣлать непростительныя дурачества, что сіе доставило мнѣ письмо о немъ отъ гр. В.; потомъ, услышавъ, что Ал. проѣхалъ чрезъ Елисаветградъ въ Полтаву, я счелъ, что онъ образумился и проѣхалъ къ тебѣ. Какъ вдругъ получаю іезуитское письмо отъ гр. В., при семъ прилагаемое, что онъ по высоч. пов. отправленъ въ Полтаву. Между тѣмъ Машенька П. пишетъ къ Катенькѣ, сестрѣ ея, о происшествіи, въ которомъ увѣдомляетъ, что В. не обманулъ публику, что всѣ говорятъ, что это — его дѣйствіе, и между тѣмъ всѣ ругаютъ его и жену его. Изъ сего ты видишь, что, сдѣлавши мерзкій поступокъ, В. и себя, и жену осрамилъ... Воронцову я не отвѣчаю. Пошлю нарочнаго въ Полтаву узнать о братѣ и, буде нужно, удержать его отъ какой-нибудь неосторожности противъ Воронцова. Извинительно нѣ-

сколько въ его лѣта, будучи жертвою такой мерзкой клеветы, выйти изъ себя, когда я самъ чуть не написалъ Воронцову все, что̀ онъ заслуживаетъ". Приведя затѣмъ письмо Воронцова, помѣщенное выше, онъ прибавляетъ: „Ты знаешь, мой другъ, въ состояніи ли Алекс. говорить про правительство или осуждать военныя дѣйствія. Каково іезуитство Воронцова: онъ плакалъ, получивъ сіе извѣстіе, пишутъ мнѣ изъ Одессы".

Если бы тожество образа дѣйствій Воронцова въ обоихъ случаяхъ—при высылкѣ Раевскаго въ 1828 году и Пушкина въ 1824-мъ—казалось еще недостаточно яснымъ, дальнѣйшія строки цитируемаго письма могутъ устранить послѣднее сомнѣніе. Здѣсь старикъ приводитъ текстъ письма, посланнаго имъ государю. Письмо это напечатано [1]); но въ подлинникѣ, которымъ я пользуюсь (т.-е. въ этой самой копіи, которую старикъ сообщаетъ дочери), оно содержитъ нѣсколько зачеркнутыхъ словъ, заслуживающихъ нашего особеннаго вниманія. Старикъ пишетъ царю, что несчастная страсть его сына къ гр. Воронцовой вовлекла его въ неблагоразумные поступки, что онъ непростительно виноватъ передъ графинею, но если Воронцовъ желалъ удалить его, онъ могъ это сдѣлать благороднымъ способомъ, не прибѣгая къ клеветѣ. И вотъ тутъ въ рукописи было сначала написано такъ:

„Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, на средства онъ не разборчивъ, что̀ уже *доказалъ прежде*" (подчеркнуто въ рукописи), — и сюда подъ строкою сдѣлана выноска: „Т.-е. Пушкина исторія", а дальше слѣдуетъ: „и можетъ по богатству подкупить доносчика", и т. д. [2])

Эти строки—важный документъ. Раевскій чрезъ сына долженъ былъ въ подробностяхъ знать исторію высылки Пушкина изъ Одессы, и если *онъ* свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ былъ высланъ благодаря низкой интригѣ (т.-е. ложному доносу) Воронцова, то этотъ фактъ можно считать установленнымъ.

Старикъ Раевскій потомъ имѣлъ случай убѣдиться въ лживости увѣреній, заключавшихся въ письмѣ къ нему Воронцова: никакого *сторонняго* доноса на Александра Раевскаго въ Пе-

---

[1]) „Русская Старина", 1885, ноябрь, стр. 403.

[2]) Въ чистовой формѣ это мѣсто гласитъ такъ: „Графу Воронцову нужно было удалить моего сына, по всей справедливости, что̀ могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ: графиня Браницкая могла о семъ просить васъ для спокойствія семейнаго; но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденіями найти кого донесть и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову" („Русская Старина", тамъ же).

тербургъ не поступало. Весною слѣдующаго, 1829 года онъ ѣздилъ въ Петербургъ ходатайствовать за сына, и по возвращеніи оттуда писалъ другому сыну, Николаю [1]): „Я ѣздилъ въ Петербургъ, чтобъ представить истину, и хотя былъ принятъ съ благоволеніемъ, но мнѣ сказано было, чтобъ я о семъ не говорилъ ни слова; между тѣмъ я уже былъ извѣщенъ, что не было ни слова государю, ни отъ него о мнимыхъ неприличныхъ разговорахъ, о коихъ я писалъ тебѣ, слѣдственно все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой".

Воронцовъ, какъ уже сказано, дорого заплатилъ за свою побѣду. Самъ царь, повидимому, не повѣрилъ его доносу; это старикъ Раевскій справедливо заключалъ изъ легкости наказанія, которому подвергся Александръ (онъ былъ высланъ въ Полтаву „на жительство до разсмотрѣнія" и безъ указанія о надзорѣ надъ нимъ). „Сіе самое снисхожденіе государя—писалъ старикъ (рукоп.)—доказываетъ, что онъ или сомнѣвается, или знаетъ истину; къ тому-жъ она столь публична, что нельзя, чтобъ не дошло сіе до него... Изъ Одессы увѣдомляютъ меня, что императрица также не въ томъ видѣ принимаетъ сіе происшествіе. Будучи въ Одессѣ, гдѣ вся публика не имѣетъ ни малѣйшаго заблужденія насчетъ его, знаетъ Вор., императрица лично распознаетъ клевету, на брата взнесенную... Воронцовъ, говорятъ, въ умѣ потерянъ совершенно; правда, что поступки его — и подлые, и сумасшедшіе".

Скандалъ, дѣйствительно, получился огромный. Въ петербургскомъ и московскомъ „свѣтѣ" нѣкоторое время только и было разговоровъ, что объ этой исторіи. Переписка А. Я. Булгакова съ братомъ сохранила намъ отголоски этихъ толковъ. 1-го октября 1828 г. Булгаковъ писалъ изъ Москвы: „Точно, что нѣтъ счастія совершеннаго на землѣ. Кажется, чего не достаетъ нашему милому Воронцову?.. Но ежели справедлива исторія, которую на ухо здѣсь разсказываютъ о поступкѣ глупомъ молодого Раевскаго съ графинею, то не должно ли это отравить спокойствіе этого безцѣннаго человѣка? Даже по тому, какъ мнѣ Волковъ разсказывалъ, я ему доказалъ, что графиня совершенно невинна; но все очень непріятенъ эдакій эскландръ". Нѣсколько позднѣе, 7 декабря, онъ пишетъ: „Жена была вчера у Щербининой, которая сказывала Наташѣ, что Воронцовъ убитъ извѣстною тебѣ исторіею графини, что онъ все хранитъ въ себѣ для отца и для старухи Браницкой, но что счастіе его

[1]) „Щукинскій Сборникъ", IV, 298; ср. „Русск. Арх." 1908, IV, стр. 307—319.

семейственное потеряно... Щ. говоритъ, что это пишетъ Нарышкина жена сюда" [1]).

Какъ отнесся къ этой исторіи Пушкинъ, мы не знаемъ: единственная строчка въ его письмахъ, гдѣ онъ спрашиваетъ кн. Вяземскую, что она думаетъ „о происшествіяхъ въ Одессѣ", ничего не говоритъ.

М. Гершензонъ.

[1]) „Русск. Арх.", 1901, кн. 10, стр. 185 и 207. См. также „Остаф. Арх.", III, 179.

НИК. ИВ. ТУРГЕНЕВЪ

о

КРЕСТЬЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I

(По неизданнымъ матеріаламъ.)

IV *).

24 декабря 1819 года Тургеневъ, въ то время уже членъ Тайнаго Общества („Союза Благоденствія") встрѣтилъ на улицѣ въ Петербургѣ Ѳ. Н. Глинку, также члена этого общества, служившаго при Милорадовичѣ, петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Глинка сказалъ ему: „не худо бы написать mémoire о крѣпостномъ состояніи" для представленія чрезъ Милорадовича государю [1]). Тургеневъ принялся за работу и (25—28 дек.) написалъ записку, которая долго была извѣстна лишь въ переводѣ на французскій языкъ, но теперь уже напе-

---

*) См. янв., стр. 166.

[1]) 15 сентября 1818 г. Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: „Сегодня въ Совѣтѣ я былъ пріятно пораженъ разсужденіями гр. Милорадовича о рабствѣ и о свободѣ. Онъ возставалъ противъ рабства, говоря съ Шишковымъ, этимъ идеаломъ откровенной глупости и откровенной подлости". Нужно, однако, замѣтить, что, при своихъ крѣпостническихъ воззрѣніяхъ, Шишковъ былъ идеально добрымъ помѣщикомъ: онъ при первой возможности освободилъ отъ платежа оброка крестьянъ, пожалованныхъ ему имп. Павломъ.

чатана въ подлинникѣ [1]). Авторъ дѣлаетъ въ ней слѣдующія предложенія относительно ограниченія крѣпостного права. Было бы полезно дополнить законъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ правиломъ, что работающіе на помѣщика 3 дня въ недѣлю не обязаны платить ему оброкъ, вносить какіе-либо сборы или исполнять иныя повинности. Увеличеніе помѣщичьихъ фабрикъ и примѣненіе на нихъ дѣтскаго труда вызываетъ необходимость, чтобы дѣтей до 10 или 12 лѣтъ не принуждали ни къ какой работѣ. Полезно было бы также постановить, чтобы помѣщики, въ началѣ каждаго года, подавали предводителю заявленія о всѣхъ повинностяхъ, которыя исполняютъ ихъ крестьяне. Эти заявленія можно было бы подвергать обсужденію предводителя, вмѣстѣ съ губернаторомъ, и читать ихъ въ церквахъ для свѣдѣнія крестьянъ; желательно, чтобы на основаніи ихъ составлялись въ губернскихъ городахъ вѣдомости и присылались въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое могло бы печатать ихъ сводку. „Такимъ образомъ, общее мнѣніе сдѣлалось бы судіею добрыхъ и недобрыхъ помѣщиковъ". Тургеневъ надѣялся, что гласность уничтожила бы многія несправедливости [2]). Слѣдуетъ допустить обсужденіе въ печати положенія крѣпостныхъ крестьянъ и способовъ улучшенія ихъ быта. Необходимо запретить продажу людей иначе, какъ цѣлыми селеніями, не исключая и продажи за казенныя взысканія. Слѣдуетъ запретить покупать людей и владѣть ими лицамъ, не имѣющимъ деревень, а людямъ, купленнымъ вопреки этому закону, давать свободу. Необходимо запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, подъ угрозою освобожденія съ женою и дѣтьми. Слѣдуетъ запретить господамъ подвергать дома тѣлесному наказанію живущихъ въ городахъ дворовыхъ, предоставивъ это полиціи, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи ихъ вины, наказанному же самимъ помѣщикомъ давать свободу съ семействомъ. Относительно крѣпостныхъ, живущихъ въ деревняхъ, нужно опредѣлить закономъ мѣру наказанія, а также и тѣ вины, за которыя помѣщикъ можетъ самъ его производить. Надзоръ за помѣщиками слѣдуетъ въ каждой губерніи поручить особому чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ и разрѣшить крестьянамъ подавать ему жалобы, которыя,

---

[1]) „Сборн. Истор. Матер., извлеч. изъ Архива собств. Е. И. В. Канцеляріи", в. IV, 1891, стр. 442—474.

[2]) Декабристъ бар. В. И. Штейнгель, въ письмѣ къ имп. Николаю изъ крѣпости отъ 29 января 1826 г., совѣтовалъ собрать свѣдѣнія о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ чрезъ предводителей дворянства („Обществ. движеніе въ первой половинѣ XIX вѣка", изд. М. В. Пирожкова, I, 495).

вмѣстѣ съ нимъ, разсматриваются губернаторомъ и предводителемъ дворянства. Этому комитету должно быть предоставлено право уменьшать чрезмѣрныя повинности крестьянъ или отдавать имѣнія въ опеку. Кромѣ указанныхъ мѣръ, Тургеневъ предложилъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ законѣ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и, между прочимъ, разрѣшить помѣщикамъ удерживать за собою право собственности на землю при заключеніи съ крестьянами добровольныхъ условій, а крестьянамъ предоставить право перехода съ одного мѣста на другое. Это была мысль совершенно неудачная, такъ какъ осуществленіе ея подорвало бы полезное вліяніе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, главное значеніе котораго состояло въ томъ, что онъ препятствовалъ возможности обезземеленія цѣлыхъ вотчинъ при ихъ освобожденіи [1]).

Таковы предложенія Тургенева въ запискѣ, представленной имъ въ январѣ 1820 г. Сравнивъ ихъ съ тѣми, которыя онъ перечислилъ въ своемъ дневникѣ 24 сентября 1817 г. по поводу слуховъ о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, мы видимъ, что Тургеневъ не повторилъ даже всѣхъ предложенныхъ тамъ мѣръ. Такъ, въ запискѣ 1819—20 г. онъ проектируетъ запрещеніе обращать крестьянъ въ дворовыхъ; между тѣмъ въ 1817 г. онъ задумывалъ болѣе общую мѣру—„запретить отдѣленіе крестьянъ отъ земли, объявивъ, что такое отдѣленіе дѣлаетъ ихъ свободными“; тогда были бы невозможны не только обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, но и продажа ихъ на сводъ и переселеніе (по крайней мѣрѣ безъ ихъ согласія) въ другую мѣстность [2]). Въ 1817 г. Тургеневъ считалъ также полезнымъ установить, чтобы всякая продажа населеннаго имѣнія, а также переходъ его по наслѣдству къ дальнимъ родственникамъ, дѣлали крестьянъ свободными, но не выяснялъ вопроса о земельномъ обезпеченіи при этомъ крестьянъ; впрочемъ, въ концѣ перечня своихъ тогдашнихъ предложеній, онъ напоминалъ о необходимости „не терять изъ вида“ идеи о „недвижимой собственности для крестьянъ“. Теперь, въ запискѣ 1819—20 г., онъ не дѣлалъ никакихъ предложеній объ измѣненіи положенія крѣпостныхъ при продажѣ имѣній или переходѣ ихъ по наслѣдству. Въ 1817 г. онъ считалъ полезнымъ выкупать крестьянъ цѣлыми селеніями на свободу при

---

[1]) Разборъ мнѣнія Тургенева о законѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ въ его книгѣ „La Russie et les Russes“ см. въ моемъ сочиненіи „Крестьянскій вопросъ“, I, 277—280.

[2]) Ср. ниже (гл. VI) проектъ, составленный Н. И. Тургеневымъ въ 1820 г. для коммиссіи составленія законовъ о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли.

помощи иностранныхъ займовъ; теперь же онъ, напротивъ, дѣлалъ неудачныя предложенія о такомъ измѣненіи закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, которое совершенно исказило бы его значеніе, и при этомъ именно забывалъ о необходимости обезпечить крестьянъ землею.

Недостаточно считаясь со своими прежними предположеніями по крестьянскому вопросу, Тургеневъ игнорировалъ и нѣкоторые законодательные акты, которые могли бы навести его на мысль о рядѣ другихъ частныхъ мѣръ для улучшенія положенія крестьянъ. Такія мѣры онъ могъ бы, напримѣръ, найти въ Положеніи о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г. По этому закону помѣщикъ былъ лишенъ права воспрещать крестьянамъ и дворовымъ вступленіе въ бракъ; право назначенія рекрутъ перешло отъ господина къ крестьянскому обществу; помѣщикъ вовсе не могъ подвергать тѣлесному наказанію крестьянъ-хозяевъ; установлены были правила о крестьянскомъ судѣ [1]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что записку для представленія государю нужно было, очевидно, написать въ короткое время [2]) и что все равно ни одно и изъ сдѣланныхъ имъ предложеній не было при Александрѣ I осуществлено.

Очень характерно для Тургенева, что въ этой запискѣ онъ не выражаетъ никакого порицанія безземельному освобожденію крестьянъ въ остзейскомъ краѣ, да это и естественно, если принять во вниманіе, что онъ допускалъ такое измѣненіе быта и для крѣпостныхъ крестьянъ остальной Россіи [3]).

Тургеневъ указывалъ также въ запискѣ 1819—20 г. на то, что министръ внутреннихъ дѣлъ, руководясь закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, не разрѣшилъ одному помѣщику (Якушкину) освободить всѣхъ крестьянъ его имѣнія безъ земли. Но министръ внутреннихъ дѣлъ въ этомъ дѣлѣ былъ совершенно правъ, и Якушкинъ впослѣдствіи самъ призналъ неудачнымъ свой первоначальный проектъ освобожденія его крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ только усадьбами, на что они не согласились [4]). Въ той же запискѣ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXVIII, № 21162; *Тобинъ*, „Лифляндское аграрное законодательство“, I, 230 и слѣд.

[2]) Въ дневникѣ Н. И. отмѣтилъ 28 декабря 1819 г.: „сегодня кончилъ очень наскоро мою работу“.

[3]) 18 февраля 1820 г. Н. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому: „Въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ рабство было уничтожено“ (извѣстно, что въ 1807 году крестьяне были тамъ освобождены безъ земли). „Можетъ быть сіе уничтоженіе произведено было слишкомъ скоро“. „Остаф. Арх.“, II, 22.

[4]) См. о планѣ Якушкина въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ“, I, 459—462.

Тургеневъ высказывается противъ увеличенія политическихъ правъ дворянства до уничтоженія крѣпостного права: „всякое распространеніе политическихъ правъ дворянства было бы неминуемо сопряжено съ пагубою для крестьянъ, въ крѣпостномъ состояніи находящихся. Въ семъ-то смыслѣ власть самодержавная есть якорь спасенія для отечества. Отъ нея, и отъ нея одной, мы можемъ надѣяться на освобожденіе нашихъ братій отъ рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Грѣшно помышлять о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны не знаютъ даже и свободы естественной“ [1]). Быть можетъ, этотъ протестъ Тургенева противъ расширенія политическихъ правъ дворянства былъ вызванъ мнѣніями тѣхъ помѣщиковъ, которые, подобно калужскому губернскому предводителю дворянства, кн. Вяземскому [2]), повидимому желали обусловить освобожденіе или, даже, улучшеніе быта крестьянъ расширеніемъ политическихъ правъ дворянства [3]), а также притязаніями на усиленіе значенія аристократіи, которыя высказывались не только Мордвиновымъ, но и нѣкоторыми декабристами, какъ, напр., М. Ѳ. Орловымъ [4]), а позднѣе Батеньковымъ. Можно было бы предположить также, что Тургеневу начинала хоть нѣсколько выясняться и довольно корыстная роль остзейскихъ дворянъ въ безземельномъ освобожденіи ихъ крестьянъ [5]); но онъ упоминаетъ, очевидно, съ сочув-

---

[1]) Въ своемъ трудѣ „La Russie et les Russes“ (1847) Тургеневъ также утверждалъ, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать достиженію свободы политической (III, 54).

[2]) См. о его запискѣ 1818 г. въ моей статьѣ въ сборн. „Крестьянскій строй“, I, 180.

[3]) Есть указаніе на то, что, по крайней мѣрѣ въ столицахъ, такихъ дворянъ было немало. „Крестьянскій строй“, I, 177; „Крестьянскій вопросъ“, I, 439.

[4]) Впрочемъ—въ проектѣ, составленномъ имъ вмѣстѣ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ еще до вступленія въ Тайное Общество. См. мою статью: „Очерки политич. и обществ. идей декабристовъ“ въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1907 г., № 12, стр. 116—117.

[5]) Что онъ интересовался въ это время и положеніемъ крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, видно изъ слѣдующаго мѣста его записки 1819—20 г.: „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ остзейскихъ и польскихъ было узаконено, что помѣщикъ не можетъ дать виновному крестьянину болѣе 15 ударовъ палочныхъ. Извѣстно, какъ поступали нѣкоторые безсовѣстные помѣщики въ семъ случаѣ: они давали не болѣе 15 ударовъ, но повторяли сіе нѣсколько разъ въ теченіе краткаго времени“. Тургеневъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду правило Положенія о крестьянахъ въ Лифляндіи 20 февраля 1804 г., по которому помѣщикъ могъ подвергать наказанію 15 ударамъ палками дворовыхъ людей и работниковъ, но ни въ какомъ случаѣ не крестьянъ-хозяевъ, даже если они исполняли временно на мызѣ обязанности работниковъ. Весьма характерно для лифляндскихъ дворянъ, что законъ 26 марта 1819 г, по которому крѣпостные въ Лифляндіи должны были постепенно (въ теченіе 13 лѣтъ) получить свободу, предоставилъ помѣщику право подвергать тѣлесному наказанію и крестьянъ-

ствіемъ, о томъ, что въ „остзейскихъ губерніяхъ сами помѣщики подали первый поводъ къ улучшенію участи своихъ крестьянъ". Въ этомъ отношеніи пріятель братьевъ Тургеневыхъ, поэтъ кн. П. А. Вяземскій, былъ повидимому нѣсколько проницательнѣе. По поводу аналогичныхъ лифляндскому освобожденію крестьянъ предположеній виленскаго дворянства, онъ писалъ въ 1818 г.: „Въ Литвѣ задумываютъ установить состояніе крестьянъ". Грабовскій (гродненскій губернскій маршалъ, т.-е. предводитель дворянства) „подавалъ просьбу о томъ государю. Боюсь, чтобы эта свобода крестьянъ не была уловкою рабства пановъ" [1]). Во всякомъ случаѣ Тургеневу, какъ члену „Союза Благоденствія", который одинаково ставилъ своими задачами и освобожденіе крестьянъ, и достиженіе политической свободы, слѣдовало бы въ запискѣ, предназначенной для государя, съ бо́льшею осторожностью осуждать стремленіе къ политической свободѣ и еще разъ пояснить, что съ его точки зрѣнія неправильно лишь расширеніе политическихъ правъ одного дворянства. Упоминаніе объ этомъ послѣ варшавской рѣчи Александра I при открытіи перваго сейма Царства Польскаго было вполнѣ возможно. Правда, еще въ 1817 г., читая книгу Arndt'a: „Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen" (Berl. 1803), Тургеневъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ указаніе автора на то, что шведское правительство (преимущественно въ XVII в.) „дѣлало въ Помераніи предложенія объ улучшеніи состоянія крѣпостныхъ людей, но государственные чины сему противились" и, затѣмъ, говоритъ: „новое доказательство, что самодержавная власть выгоднѣе для уничтоженія рабства и благодѣтельнѣе для крѣпостныхъ людей, и что высшія состоянія всегда противятся, если могутъ, сему уничтоженію". Но Тургеневъ упускалъ изъ виду, что соціальныя реформы, какъ это было во время французской революціи, могутъ идти на-ряду съ преобразованіями политическими [2]). Чтобы яснѣе понять приведенное мѣсто записки 1820 г. о пользѣ для народа самодержавія въ связи съ указаніемъ на вредъ расширенія политическихъ

хозяевъ, а взысканія за превышеніе при этомъ помѣщичьей власти были уменьшены. *Тобинъ*, 237, 376.

[1]) „Полное собр. соч. кн. Вяземскаго", IX, 63, 64.

[2]) Въ письмѣ къ брату Сергѣю 2 апрѣля 1818 г. Н. И. говоритъ: „У насъ есть рабство, которое не должно и слѣдовъ оставить, прежде нежели народъ россійскій получитъ свободу политическую: сперва всѣ должны быть равны въ правахъ человѣческихъ. Это равенство важнѣе и существеннѣе всякаго другого". Сравн. письмо братьямъ изъ Лондона 7 іюля 1826 г. „Русск. Стар." 1901 г., № 5, стр. 247—248.

правъ дворянства, нужно принять во вниманіе его ненависть къ русской аристократіи. Вотъ что говоритъ онъ въ запискѣ объ Англіи, написанной за-границей въ 1827 г. [1]): „Главное препятствіе въ Англіи — аристократія. Она не ненавистна въ Англіи, какъ была во Франціи и какъ особенно тамъ, гдѣ рабство. Въ Англіи не безчестно и не совѣстно принадлежать къ сему классу. Она взросла законно здѣсь, насиліемъ — тамъ: здѣсь она съ народомъ и за народъ боролась съ престоломъ; тамъ съ помощію народа противъ престола и потомъ, ползая у престола, угнетала народъ“ [2]).—Очень энергичное настаиваніе Тургенева въ его запискѣ 1819—20 г. на томъ, что „одно правительство можетъ приступить къ улучшенію жребія крестьянъ“, могло произвести впечатлѣніе на Александра I и сыграть нѣкоторую роль въ его отказѣ, въ томъ же 1820 г., разрѣшить учрежденіе Общества, состоящаго изъ помѣщиковъ, которые поставили себѣ цѣлью выработать положеніе о совершенномъ освобожденіи крестьянъ, и въ которомъ самъ Тургеневъ принималъ дѣятельное участіе [3]). Правда, Александръ I и ранѣе относился отрицательно къ иниціативѣ русскаго дворянства въ крестьянскомъ вопросѣ: такъ высказался онъ въ 1816 г. по поводу предположенія 65 петербургскихъ дворянъ объ обращеніи своихъ крестьянъ въ „обязанные на основаніи существовавшихъ тогда на сей предметъ постановленій“ [4]). Въ первые годы его

[1]) Въ ней упоминается, повидимому какъ о недавнемъ событіи, о смерти англійскаго министра Каннинга, умершаго въ 1827 г.

[2]) „Тургеневскій Архивъ“, № 230. (Письма Н. Тургенева 1824—28 гг.).

[3]) Черезъ 40 лѣтъ послѣ того, въ статьѣ, напечатанной въ „Колоколѣ“ 1859 г., Тургеневъ вновь доказываетъ, что упразднить крѣпостное право должна самодержавная власть, участіе же самихъ помѣщиковъ въ дѣлѣ реформы мало желательно, какъ показалъ опытъ прибалтійскихъ губерній.

[4]) *Богдановичъ*, „Ист. царств. имп. Александра I“, т. I, стр. 129—130. Разсказъ объ этомъ фактѣ Богдановича основанъ на словесномъ сообщеніи кн. Ил. Вас. Васильчикова. Если тутъ нѣтъ смѣшенія съ попыткой дворянъ въ 1820 г. (но не одной Петербургской губерніи) устроить общество съ цѣлью освобожденія крестьянъ, въ которой Васильчиковъ принималъ участіе (см. ниже), и если терминъ „обязанные“ не употребилъ старикъ-Васильчиковъ подъ вліяніемъ указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, то быть можетъ въ 1816 г. этотъ терминъ былъ заимствованъ изъ положенія 1804 г. о переселенцахъ изъ-за-границы, поселившихся въ Тираспольскомъ уѣздѣ между Бугомъ и Днѣстромъ, которымъ было дано названіе „обязанныхъ поселянъ“. Они должны были оставаться на тѣхъ земляхъ, гдѣ были записаны по ревизіи 1795 г., платить помѣщику десятину отъ произведеній земледѣлія и овцеводства деньгами или натурою и работать на помѣщика 12 дней въ году всѣмъ обществомъ, 3 дня въ свободное отъ полевыхъ занятій время и 4 въ помѣщичьихъ виноградникахъ (послѣдняя работа за плату по 25 к. въ день). Помѣщики не могли обязанныхъ поселянъ продавать, дарить и уступать ни порознь, ни семействами

царствованія, члены Неоффиціальнаго Комитета также неблагопріятно смотрѣли на иниціативу дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ. Александру I было, конечно, извѣстно и то, что освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи совершалось не безъ значительной борьбы съ дворянствомъ. Однако остзейское дворянство съумѣло добиться выгоднаго для него рѣшенія крестьянскаго вопроса, а въ 1819 г., въ указѣ бѣлорусскому военному губернатору герцогу Виртембергскому по поводу намѣренія динабургскаго дворянства даровать, по примѣру Остзейскаго края, личную свободу своимъ крѣпостнымъ, государь собственноручно написалъ: „Я нахожу нужнымъ вамъ изъяснить, что я непоколебимымъ правиломъ себѣ поставилъ подобныя побужденія не моимъ вліяніемъ производить, но всегда оставлять собственному стремленію человѣколюбивыхъ чувствъ дворянскихъ сословій, единственно предоставляя себѣ согласоваться съ вызовами о томъ самого дворянства и руководствовать оныя къ благополучному достиженію желаемой имъ цѣли“ [1]).

5 января 1820 г. Тургеневъ отправилъ свою записку, но, имѣя въ виду „холодность, съ которою смотрятъ у насъ на все, о чемъ безъ ужаса и думать нельзя“, не надѣялся, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. 13 февраля онъ узналъ, что записка понравилась Милорадовичу и что онъ отдалъ ее государю. „Тамъ и сѣла“,—отмѣчаетъ Тургеневъ въ дневникѣ.—„И тамъ, какъ говорятъ, не умерла еще идея освобожденія. Но я начинаю вѣрить однимъ только дѣламъ. А дѣла нѣтъ даже и въ надеждѣ“. Нѣсколько позднѣе Тургеневъ узналъ, что государь также остался доволенъ его запискою; онъ сказалъ Милорадовичу, что у него имѣются и другіе проекты по этому предмету и что онъ намѣренъ со временемъ воспользоваться ими [2]).

но могли отчуждать земли, на которыхъ они жили. Помѣщикъ не могъ самъ наказывать обязанныхъ поселянъ, а долженъ былъ отсылать ихъ къ суду, въ маловажныхъ же случаяхъ пени, взысканія и наказанія назначалъ мірской судъ выборныхъ старостъ, которыхъ, впрочемъ, помѣщикъ могъ дважды въ годъ отрѣшать собственною властью. Въ случаѣ неисполненія поселяниномъ лежавшихъ на немъ повинностей и неудовлетворенія помѣщика мірскимъ судомъ, поселянинъ подлежалъ земскому суду, для поступленія съ нимъ по законамъ о взысканіи недоимокъ. П. С. З. т. XVIII, № 21.458. Помѣщики Петербургской губерніи, конечно, не удовольствовались бы, при обращеніи своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, повинностями, опредѣленными для Тираспольскаго уѣзда Херсонской губ., но они могли соглашаться на принятіе другихъ постановленій 1804 г. объ обязанныхъ поселянахъ.

[1]) „Сборн. Археол. Инст.“, Спб. 1878 г., I, 12—13.

[2]) „Русск. Старина“ 1901 г., № 11, стр. 331.

V.

Въ 1820 г. едва не устроилось по иниціативѣ кн. П. А. Вяземскаго общество съ цѣлью „изысканія способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ“, вступающимъ въ это общество [1]). Я не имѣю возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе всей исторіи попытки основать это общество [2]). Остановлюсь только на одномъ чрезвычайно интересномъ документѣ, написанномъ рукою Н. Тургенева, незатронутомъ Н. К. Кульманомъ и содержащемъ предположенія Тургенева по этому поводу, очевидно—послѣ совѣщаній съ нѣкоторыми другими участниками предполагаемаго общества.

Когда достаточное число лицъ заявитъ своею подписью о желаніи участвовать въ обществѣ, то, какъ сказано въ этомъ документѣ, предполагалось учредить отъ 2 до 4 комитетовъ [3]) для разсмотрѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдующихъ вопросовъ: 1) какъ обезпечить поступленіе доходовъ казны при новомъ устройствѣ быта крестьянъ, 2) правила управленія и судопроизводства крестьянъ, вступившихъ „въ общій составъ

---

[1]) „Остафьевскій Архивъ“, II, 14—17. Большая часть этого письма кн. Вяземскаго (отъ 6 февраля 1820 г.) была переписана и видимо употреблялась съ цѣлью агитаціи относительно устройства общества. См. „Тургеневскій Архивъ“ № 1173 и „Русск. Стар.“ 1871 г., т. III, 366. Та же записка, съ нѣкоторыми варіантами, въ которой поправки сдѣланы рукою Н. Тургенева, хранится въ Тургеневскомъ Архивѣ, № 717. Въ обществѣ готовы были принять участіе гр. М. С. Воронцовъ, кн. Меншиковъ, гр. Потоцкій, три брата Тургеневы и нѣкоторые другіе.

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о ней см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ“, I, 455—456. Недавно Н. К. Кульманъ напечаталъ очеркъ, посвященный разсмотрѣнію этого эпизода („Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I“. „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, 1908 г., т. XIII, книжка 1; есть и отдѣльный оттискъ), но въ немъ изслѣдованы не всѣ, относящіеся къ этой попыткѣ матеріалы, какъ это видно и изъ настоящей моей статьи.

[3]) Нѣсколько далѣе, отмѣтивъ число 28 мая (1820 г.), Тургеневъ говоритъ: „*По новому предположенію*, правительство должно насъ поставить en rapport съ своими чиновниками“. Замѣтка эта указываетъ, что, вѣроятно, при совмѣстномъ обсужденіи этой программы съ другими лицами, участниками совѣщанія, было признано необходимымъ участіе правительственныхъ чиновниковъ въ предполагаемомъ комитетѣ, или, по крайней мѣрѣ, установленіе правильныхъ сношеній комитета съ администраціею.

гражданъ", 3) и самое важное—„опредѣленіе взаимныхъ правъ и обязанностей крестьянъ". По этому послѣднему вопросу въ запискѣ предлагается предоставленіе помѣщикамъ и крестьянамъ права заключать „добровольное условіе на долгое время, даже Erbpacht [1]) (я не вижу выгоды короткихъ сроковъ" аренды—прибавляетъ Тургеневъ) съ тѣмъ, чтобы „*крестьянинъ*" могъ отказаться отъ контракта, а помѣщику этого не дозволялось. Далѣе въ запискѣ Тургенева было указано на необходимость войти въ сношеніе съ различными русскими и нѣмецкими учеными, причемъ названы имена Куницына [2]), Меркеля [3]), Бека [4]), и съ остзейскими помѣщиками. Тургеневъ отмѣтилъ, что нужно будетъ рѣшить „важный вопросъ": „предоставить ли помѣщику полное

[1]) Наслѣдственная аренда. Проф. Якобъ, въ отвѣтѣ на задачу Вольнаго Экономическаго Общества 1812 г. о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда, предлагалъ въ небольшихъ имѣніяхъ (не болѣе 100 дес.) обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ оброчныхъ, при чемъ не ушедшіе на заработки дѣлаются батраками, и имъ даются дома съ усадебною землею и денежное жалованье; въ прочихъ же имѣніяхъ, за исключеніемъ барской запашки, остальная земля раздается въ *наслѣдственную аренду* какъ своимъ крестьянамъ, такъ и всѣмъ желающимъ. Всякій крестьянинъ-хозяинъ долженъ имѣть право продать свой участокъ, и люди свободные могутъ пріобрѣтать ихъ, не дѣлаясь крѣпостными. Крѣпостная зависимость ограничивалась бы уплатою господину ежегоднаго оброка, составляющаго проценты на капиталъ, затраченный на пріобрѣтеніе крѣпостного. „Труды Вольн. Экон. Общества" 1814 г., ч. 66.

[2]) Проф. Куницынъ, товарищъ Н. Тургенева по гёттингенскому университету, написалъ по его просьбѣ и напечаталъ (за подписью NN) въ 1818 г., въ издаваемомъ Гречемъ „Сынѣ Отечества" (1818 г., ч. 45, стр. 162—186) возраженіе на статью консервативнаго направленія „русскаго дворянина" Правдина подъ заглавіемъ: „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными" („Духъ Журналовъ" 1817 г., ч. XXIV, стр. 981—1008). Куницынъ въ своей статьѣ („О состояніи иностранныхъ крестьянъ") очень остроумно доказываетъ, что свобода выгоднѣе для крестьянъ, но все же не могъ вполнѣ опровергнуть ту мысль, что въ бытѣ нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ были и положительныя стороны (сравнительно съ западно-европейскими срочными арендаторами и безземельными батраками), заключающіяся въ земельной обезпеченности, хотя и не юридической, а фактической. Тургеневъ отмѣтилъ въ дневникѣ, что статья Куницына произвела „замѣчательное впечатлѣніе", но не надолго. Онъ обратилъ также на нее вниманіе кн. П. А. Вяземскаго (сообщивъ ему, что она вызвала „много толковъ") и брата Сергѣя. Статью эту многіе приписывали Н. И. Тургеневу.

[3]) Гарлибъ Меркель, авторъ очень извѣстной книги: „Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts" (1797; русск. перев. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс." 1870 г., т. I, „Die freien Letten und Esthen" (1820), и другихъ сочиненій, а также увѣнчаннаго второю наградою отвѣта на задачу 1812 г. Вольн. Эк. Общ. о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда.

[4]) Вѣроятно Іог. Людв. Бекъ (1786—1869), юристъ, профессоръ въ Кёнигсбергѣ.

право требовать, сколько онъ захочетъ, отъ крестьянина" (очевидно, какъ вознагражденіе за пользованіе землею), или назначить maximum его требованій. Днями работы нельзя опредѣлить повинности крестьянъ, ибо земля, которою крестьянинъ пользуется и за которую работаетъ, иногда лучше, иногда хуже. Но можно maximum означить днями работы". При опредѣленіи взаимныхъ правъ и обязанностей крестьянъ и помѣщиковъ должно будетъ установить „право перехода" крестьянъ. „Домы и огороды должны быть собственностью крестьянъ, по предположенію Якушкина" (т.-е. безвозмездно) [1]).

Отказавшись отъ пажитей [2]), *крестьянинъ* можетъ жить въ своемъ домѣ, не имѣя никакого дѣла съ помѣщикомъ. Но въ случаѣ безпокойства (вѣроятно, причиненнаго помѣщику) „крестьянинъ судомъ можетъ быть заставленъ продать свой домъ и удалиться". Очевидно, предполагалось ввести договоры и съ отдѣльными крестьянами.

„Для крестьянъ" (т.-е. ихъ освобожденія) „нужно время. Дворовыхъ можно отпустить немедленно. Но необходимо испросить у правительства нѣкоторыхъ установленій, по коимъ бы вольноотпущенные составляли особый классъ, такъ, чтобы свобода не обращалась въ притѣсненіе. — Рекрутскіе наборы должны быть не по ревизіи, а по числу наличныхъ душъ, и такъ, чтобы и отсутствующіе крестьяне могли быть назначаемы въ рекруты, а правительство таковыхъ бы уже само отыскивало; если же по ревизіи, то, по крайней мѣрѣ, выбывающіе крестьяне должны быть изъ оной немедленно исключены, если умершихъ исключать не будутъ".—Предполагалось всѣмъ или нѣкоторымъ членамъ предложить представить свои соображенія объ освобожденіи крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ основу предположеній по земельному вопросу учредителей общества 1820 г. былъ положенъ планъ декабриста И. Д. Якушкина. Какъ уже было упомянуто, Тургеневъ намекнулъ на отказъ правительства утвердить проектъ Якушкина въ своей запискѣ 1819—20 г., представленной имп. Александру I. Въ дневникѣ 18 марта 1820 г. онъ отмѣтилъ: „Якушкинъ, пріѣхавшій сюда для того, чтобы получить позволеніе (!) сдѣлать своихъ мужиковъ вольными, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ сказалъ ему, что мужики

---

[1]) Якушкинъ предполагалъ предоставить и выгоны во владѣніе деревень (см. его „Записки" 1905 г., стр. 29).

[2]) Это слово должно означать здѣсь не одни луга, но и пахотную землю.

должны быть отпускаемы на волю не иначе, какъ съ землею. Изъ такихъ отзывовъ, въ которыхъ видна или самая тупая неразсудительность, или неохота къ освобожденію, что можно заключить для будущаго!..“ Но я уже указалъ на то, что Тургеневъ былъ совершенно неправъ въ своемъ негодованіи. Нужно замѣтить еще слѣдующее. Неизвѣстно, читалъ ли Тургеневъ записку по этому предмету Якушкина, но, судя по тому, что послѣдній явился къ Джунковскому (директору департамента государственнаго хозяйства министерства внутреннихъ дѣлъ) съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Тургенева, и имѣя въ виду то горячее сочувствіе, съ которымъ онъ относился къ предположеніямъ Якушкина, нужно думать, что его проектъ былъ ему вполнѣ извѣстенъ. Въ такомъ случаѣ онъ не усвоилъ себѣ крайне важныхъ и существенныхъ чертъ этого проекта, а именно того, что Якушкинъ хорошо понималъ огромное значеніе для крестьянъ общиннаго землевладѣнія: „Общественное владѣніе“, говоритъ послѣдній въ своей запискѣ объ освобожденіи крестьянъ [1]), „имѣетъ нѣкоторыя неудобства, конечно, но имѣетъ также большія выгоды. Всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности, и при ономъ не можетъ быть нищихъ. Всякій сохраняетъ свое право на участокъ земли, какъ бы ни увеличилось населеніе“. Понятно, что Якушкинъ совѣтуетъ дозволить крестьянамъ покупать земли цѣлымъ обществомъ. Возможно, что и въ законѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 г. Якушкину не нравилось требованіе введенія подворнаго владѣнія [2]) (хотя въ дѣйствительности это требованіе не исполнялось). Разсказавъ о своей неудачной попыткѣ въ 1820 г. освободить крестьянъ съ усадебною только землею и выгонами, Якушкинъ въ своихъ запискахъ прибавляетъ: „Впрочемъ, вскорѣ я убѣдился, что освобождать крестьянъ, не предоставивъ въ ихъ владѣніе достаточнаго количества земли, было бы только въ половину обезпечить ихъ независимость. Распредѣленіе поземельной собственности между крестьянами и общинное владѣніе ею составляютъ у насъ основныя начала, изъ которыхъ со временемъ должно развиться все гражданское устройство нашего государства“ (стр. 36—37). Живя въ своемъ имѣніи (въ Смоленской губерніи), Якушкинъ „пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ“ и даже обрабатывалъ часть своихъ полей наемнымъ трудомъ. Это чрезвычайно замѣчательно, такъ какъ въ Лифляндіи лишь въ концѣ 1830-хъ

[1]) „Русск. Архивъ“ 1865 г., стр. 1373—79.

[2]) Ср. „Записки Якушкина“, изд. 1905 г., стр. 31.

годовъ нѣкоторые помѣщики замѣнили барщинную систему „условленными на гражданско-правовомъ основаніи денежными взносами крестьянъ и хозяйствомъ съ помощію вольнонаемныхъ работниковъ“, хотя законъ объ освобожденіи тамошнихъ крестьянъ былъ изданъ въ 1819 г. и переходный періодъ заканчивался черезъ 13 лѣтъ [1]). Якушкинъ надѣялся, что, при улучшеніи положенія его крестьянъ, они „скоро найдутъ возможность“ платить ему оброкъ [2]), „часть котораго учитывалась бы на покупку той земли“, которою „они пользовались“, такъ что „со временемъ, совершенно освободясь“, они имѣли бы „въ собственность нужную имъ землю“ [3]). Мысль о выкупѣ—уже новая черта, которой нѣтъ въ запискѣ Якушкина объ освобожденіи крестьянъ, но Тургеневъ не понялъ важности его указанія на существованіе общиннаго землевладѣнія. На лекціяхъ въ Гёттингенѣ онъ обратилъ вниманіе на мысль проф. Геерена о выгодности для крестьянъ оброчной системы, сравнительно съ барщинною, но не могъ научиться тамъ понимать огромную соціальную роль нашего общиннаго землевладѣнія, такъ какъ въ Германіи начинали уже, руководствуясь исключительно агрономическою точкою зрѣнія, подготовлять раздѣлъ общинныхъ угодій [4]). Поэтому, въ набросках Тургенева для предположеннаго въ 1820 г. общества, и нѣтъ тѣхъ указаній на выгоды общиннаго землевладѣнія, какія мы находимъ у Якушкина.

Въ одномъ позднѣйшемъ неизданномъ письмѣ (28 февраля 1843 г.) къ неизвѣстному лицу по поводу возраженія помѣщика Волкова на статью А. С. Хомякова, касавшуюся указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ [5]), Н. И. Тургеневъ подробно развиваетъ свои мысли относительно надѣленія крестьянъ землею и высказываетъ свой взглядъ на общинное землевладѣніе: „Для меня остается нерѣшеннымъ слѣдующее сомнѣніе. Легчайшій спо-

---

[1]) *Тобинъ*, 444, 371. Въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ (1836 г., № 1, стр. 65—72) было описано хозяйство саратовскаго помѣщика Колокольцова, у котораго обработывалось наемнымъ трудомъ около 600 дес., какъ „новый и до сихъ поръ еще необыкновенный въ Россіи фактъ“.

[2]) Т.-е. барщина будетъ замѣнена оброкомъ.

[3]) „Записки Якушкина“, стр. 71.

[4]) Въ Пруссіи уже въ 1810 г. вырабатывался проектъ закона о раздѣлѣ общинныхъ угодій (*Кнарр*, I, 162, ср. 208, 304, 306); основной законъ по этому предмету изданъ 7 іюня 1821 г. См. *А. С. Посниковъ*, „Общинное землевладѣніе“, 1877 г., вып. II, 98 и сл.

[5]) Статья Хомякова, подъ заглавіемъ: „О сельскихъ условіяхъ“, была напечатана въ 6 № „Москвитянина“ 1842 г. Ср. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ“ т. II, 70—71.

собъ освобожденія крестьянъ есть неоспоримо личное, т.-е. дарованіе имъ правъ перехода, какъ я предлагаю въ моихъ мемуарахъ, съ гарантіею избы и огорода. Если же хотятъ упрочить крестьянамъ земельную собственность, то это конечно для того, чтобы не создать многочисленнаго (класса [1])) бобылей (prolétaires). Но въ Россіи, какъ я вижу, владѣніе или только пользованіе (?) землею предоставляется не индивидууму, а обществу крестьянскому, міру. Вслѣдствіе сего обработываніе сей земли не измѣнится, крестьяне будутъ ее дѣлить на участки по прежнему и мѣняться сими участками по прежнему. Міръ будетъ владѣльцемъ, а не индивидуально крестьяне. Если это такъ, то надлежитъ рѣшить слѣдующій вопросъ: сіе общественное владѣніе землею, вслѣдствіе коего крестьяне будутъ полу-бобылями (?), довольно ли оно важно и полезно, дабы вознаградить тѣ затрудненія, кои сопряжены съ освобожденіемъ крестьянъ на условіи, чтобы сіе освобожденіе было сопряжено съ надѣленіемъ землею общества? [2]) Затрудненія, кои исчезаютъ при освобожденіи личномъ, т.-е. при возстановленіи просто Юрьева дня? Какъ будто предвидя всѣ затрудненія, кои необходимо должны были возродиться при изысканіи средствъ освобожденія съ землею, я преимущественно предлагалъ въ моихъ мемуарахъ [3]) простое, личное освобожденіе. Въ Пруссіи освобожденіе полное было сопряжено съ правомъ владѣнія землею [4]). Но тамъ сіе владѣніе полное, неограниченное предоставлялось индивидуумамъ, а не міру, не обществу. Каждый крестьянинъ, получая полное право на занимаемую имъ землю, могъ ее немедленно продать или оставаться на оной, не заключая никакихъ условій съ бывшимъ его помѣщикомъ. Помѣщики будутъ теряться въ придумываніи всѣхъ возможныхъ затрудненій освобожденія съ землею. Личное всякій скоро пойметъ".

Въ другомъ, также неизданномъ, письмѣ (отъ 9 ноября 1842 г.), изъ Парижа, сохранившемся въ подлинникѣ, по поводу договора гр. Воронцова съ крестьянами с. Мурина на основаніи указа

---

[1]) Въ копіи, въ которой намъ извѣстно цитируемое письмо, это слово пропущено.

[2]) Эту мысль онъ повторилъ въ книгѣ „La Russie et les Russes", III, 103—104; ср. II, 86.

[3]) Подъ „мемуарами", о которыхъ Тургеневъ не разъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ, онъ разумѣетъ какъ составленныя имъ записки по крестьянскому вопросу, такъ, вѣроятно, и свою книгу „La Russie et les Russes", большая часть которой была написана гораздо ранѣе 1847 г.

[4]) Ср. „La Russie et les Russes", II, 168.

объ обязанныхъ крестьянахъ [1]), Тургеневъ также говоритъ: „Когда крестьяне будутъ свободны съ правомъ на пользованіе землею, обществу принадлежащею, тогда можно будетъ подумать о мѣрахъ или раздробленія общественной земли по индивидуумамъ, или о мѣрахъ, кои привели бы крестьянъ къ охотѣ пріобрѣтать землю на свое имя покупкою. Казенныя земли въ семъ случаѣ могли бы способствовать полезному дѣлу сотворенія новаго класса земледѣльцевъ—владѣтелей земли". Тутъ общинное землевладѣніе допускается при освобожденіи крестьянъ лишь какъ временное зло.

Въ томъ же письмѣ Тургеневъ говоритъ: „Необходимость предоставленія крестьянину въ собственность его избы, на коей я настаиваю въ моихъ мемуарахъ, остается во всѣхъ случаяхъ въ своей силѣ". Здѣсь, вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду предположенія, составленныя имъ для общества помѣщиковъ въ 1820 г. [2])

Между тѣмъ какъ Тургеневъ не понялъ общиннаго землевладѣнія и не оцѣнилъ его полезныхъ сторонъ [3]), оно сыграло очень важную роль въ аграрныхъ планахъ Пестеля. Нельзя не обратить вниманіе на то, что въ 1820 г. Якушкинъ ѣздилъ въ Тульчинъ приглашать членовъ Тайнаго Общества на съѣздъ въ Москву. Весьма возможно, что онъ могъ если не обратить вниманіе Пестеля на огромное значеніе общиннаго землевладѣнія (которое Пестелю, повидимому, было уже извѣстно), то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько помочь ему въ выясненіи его аграрныхъ проектовъ. Разсказывая въ своихъ запискахъ о пребываніи въ Тульчинѣ, Якушкинъ говоритъ: „Я ни у кого не бывалъ, кромѣ Пестеля, съ которымъ былъ знакомъ прежде, и у Юшневскаго" (стр. 41). Во время частыхъ посѣщеній Пестеля Якушкинъ, конечно, не могъ не говорить съ нимъ о крестьянскомъ вопросѣ, который такъ занималъ ихъ обоихъ; это видно и изъ того, что Пестель читалъ ему отрывокъ: „Объ устройствѣ волостей и се-

---

[1]) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ", т. II, 92—96.

[2]) Ср. „La Russie et les Russes", II, 166—167. Краткія упоминанія о письмахъ Н. И. Тургенева 1842 — 1843 г. изъ Парижа о крестьянскомъ вопросѣ и о невозможности использовать ихъ для печати, вслѣдствіе запрещенія печатать статьи объ обязанныхъ крестьянахъ, см. „Остафьевскій Архивъ", IV, 201, 209, 225, 246—247.

[3]) Только въ своей книгѣ „Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ", изданной въ 1859 г. за-границей, онъ впервые предложилъ сохранить при освобожденіи крестьянъ общинное землевладѣніе и дать ему большее развитіе, мотивируя это тѣмъ, что, несмотря на нѣкоторыя его вредныя стороны, оно сыграло важную роль въ исторіи нашихъ крестьянъ и, къ тому же, сильно облегчаетъ и ускоряетъ ихъ освобожденіе (стр. 56).

леній". Въ свою очередь Пестель могъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію взглядовъ Якушкина на освобожденіе крестьянъ.

По поводу набросковъ Тургенева, связанныхъ съ Обществомъ 1820 г., нужно обратить еще вниманіе на то, что въ нихъ идетъ рѣчь объ учрежденіи трехъ комитетовъ для разработки отдѣльныхъ сторонъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Нельзя не сопоставить этого съ тѣмъ, что въ письмѣ къ редактору „Колокола" (1863 г.) Тургеневъ говоритъ, что онъ (послѣ московскаго съѣзда 1821 г., на которомъ было принято постановленіе о фиктивномъ закрытіи Союза Благоденствія) составилъ записку объ образованіи въ Москвѣ, Петербургѣ и Смоленскѣ комитетовъ изъ „бывшихъ" членовъ Общества для распространенія мысли о необходимости освобожденія крестьянъ. Почему Тургеневымъ были выбраны эти три города? Смоленскъ—вѣроятно, потому, что помѣщикомъ этой губерніи былъ Якушкинъ. Записка Тургенева объ *этихъ* трехъ комитетахъ еще не найдена, а можетъ быть была и уничтожена имъ, потому что онъ былъ очень остороженъ относительно всего, что касалось Тайнаго Общества.

Изъ дневниковъ Тургенева и переписки его съ братомъ Сергѣемъ видно, какое удручающее впечатлѣніе произвела на него неудача предположенія устроить Общество съ цѣлью освобожденія крестьянъ. „Безнадежность моя достигла высочайшей степени", писалъ онъ въ дневникѣ 1-го іюня. „Пусть дѣлаютъ обстоятельства то, чего мы сдѣлать и даже начать не можемъ. Что меня можетъ привязывать къ теперешнему моему образу жизни и службы?"—„Подписка наша стала извѣстною. Она никому не понравилась, а государь призналъ ее ненужною. Публика возстаетъ въ особенности противъ нашихъ именъ; претекстъ ея—небогатство наше, малое число нашихъ крестьянъ. Я предполагалъ, что этого претекста недостаточно, искалъ его въ аристократическомъ образѣ мыслей нашихъ богатыхъ или знатныхъ людей, если, впрочемъ, эти архи-хамы имѣютъ что-нибудь общаго съ какими бы то ни было аристократами. Наконецъ... я увѣрился, что негодованіе противъ насъ происходитъ отъ того, что о насъ разумѣетъ эта публика, какъ о людяхъ опасныхъ, о якобинцахъ".

Тургеневъ продолжалъ, однако, размышлять о наиболѣе справедливомъ способѣ освобожденія крестьянъ. Повидимому въ 1820 г., при чтеніи одной французской книги, онъ записываетъ пришедшую ему въ голову мысль относительно освобожденія крестьянъ съ землею: „Крестьянамъ надобно дать въ собственность часть земли, смотря по соразмѣрности, опредѣливъ для сего minimum

и maximum. Это—лучшее средство избѣжать безпорядковъ и заставить крестьянъ понять, что такое есть освобожденіе ихъ" [1]).

VI.

Въ 1816 г. крестьяне помѣщика Жданова (Курской губ.) принесли жалобу государю на то, что ихъ господинъ, продавая ихъ по одиночкѣ, пишетъ въ актахъ по одной, по двѣ десятины при семьѣ. Сенатъ нашелъ, что нѣтъ закона, который ограничивалъ бы количество десятинъ на душу при продажѣ, и потому призналъ дѣйствія помѣщика Жданова правильными. Министръ юстиціи указалъ комитету министровъ на извѣстный законъ Петра В. 1721 г. (о пресѣченіи продажи крестьянъ и дворовыхъ порознь) и предложилъ въ маѣ 1819 г. поручить коммиссіи составленія законовъ приготовить проектъ закона на этотъ случай. Въ декабрѣ того же года петербургскій военный губернаторъ, гр. Милорадовичъ, высказывавшій, какъ мы видѣли, либеральныя мнѣнія по крестьянскому вопросу, вошелъ въ комитетъ министровъ съ предложеніемъ: 1) запретить продажу крестьянъ безъ земли и съ раздробленіемъ семействъ и 2) не продавать дворовыхъ, кромѣ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ. Комитетъ министровъ постановилъ передать дѣло въ государственный совѣтъ „по важности вопроса" [2]).

26 янв. 1820 года главноуправляющій коммиссіею составленія законовъ кн. Лопухинъ препроводилъ къ государственному секретарю Оленину выработанный этою коммиссіею проектъ о пресѣченіи продажи крестьянъ и дворовыхъ людей порознь [3]). Н. Тургеневъ, вѣроятно еще не имѣвъ возможности внимательно ознакомиться съ проектомъ коммиссіи, первоначально отзывался о немъ одобрительно [4]), но замѣтилъ по поводу его: „Въ со-

---

[1]) Тутъ же онъ выписываетъ по-французски мысль Бенжамена Констана „о выгодахъ раздѣленія недвижимой собственности": „можно съ увѣренностью сказать, что черезъ сто лѣтъ классы не земледѣльческіе будутъ имѣть поземельную собственность только какъ предметъ роскоши, и эта собственность, раздѣленная и передѣленная, будетъ находиться почти исключительно въ рукахъ трудящагося класса. Крупная собственность составляетъ почти послѣднее кольцо той цѣпи, одно изъ колецъ которой разбиваютъ съ каждымъ новымъ столѣтіемъ".

[2]) *Середонинъ*, „Истор. обзоръ дѣятельности комитета министровъ", Спб. 1902 г., т. I, 363; „Крестьянскій вопросъ", I, 467.

[3]) Арх. Гос. Сов. по департаменту законовъ 1820 г., № 10, л. 12, 14—19 об.

[4]) „Проектъ коммиссіи хорошъ", писалъ онъ въ дневникѣ 13-го февр. 1820 г.,

вѣтѣ я не предвижу никакого успѣха доброму: имѣю надежду на гр. Милорадовича, полунадежду на гр. Кочубея, кн. Голицына—четверть надежду, на гр. Головина просто надѣюсь, и то, если онъ къ тому времени пріѣдетъ. Дуракъ Яковъ Лобановъ (Ростовской) и Пестель, отъ котораго стонала и стонетъ Сибирь, болванъ Шишковъ заранѣе возстаютъ противъ праха Петра В. Чего ожидать отъ этихъ автоматовъ, составленныхъ изъ грязи, изъ пудры, изъ галуновъ и одушевленныхъ подлостію, глупостію, эгоизмомъ? Карамзинъ имъ вторитъ! Россія! Россія! Долго ли ты будешь жертвою гнусныхъ рабовъ, безтолковыхъ измѣнниковъ?"

Внимательно вдумавшись въ проектъ коммиссіи, внесенный въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта, Н. И. Тургеневъ нашелъ, что онъ „ни на что не похожъ" [1]) и набросалъ на него замѣчанія. Относительно первыхъ двухъ параграфовъ проекта [2]) онъ замѣтилъ, что они „допускаютъ продажу одной семьи, лишь бы то было съ землею. Но дѣло Жданова въ томъ только и состоитъ, что онъ, продавъ крестьянъ съ землею, землю сію потомъ обратно купилъ. Въ проектѣ нѣтъ никакого о семъ случаѣ постановленія". § 4-ый—продолжаетъ Тургеневъ,—„дозволяетъ продажу приписныхъ къ домамъ людей, лишь бы только покупщики были дворяне, имѣющіе селенія и земли и съ тѣмъ, чтобы покупаемые люди были тотчасъ поселяемы на земляхъ.—Здѣсь одно неудобство состоитъ въ томъ, что дозволяется продажа по одиночкѣ, между тѣмъ какъ дѣло идетъ только о запрещеніи сей продажи. Другое неудобство—въ томъ, что люди, непривыкшіе къ земледѣлію, должны, даже и противъ желанья ихъ, быть поселяемы. Цѣлью закона не можетъ быть, ни въ какомъ случаѣ, обременить участь крѣпостныхъ людей".—5-й §, гдѣ говорилось о пріемѣ въ казну за долги безпомѣстныхъ дворянъ ихъ дворовыхъ людей, Тургеневъ нашелъ слишкомъ неопредѣленнымъ.—§ 6 (гдѣ рѣчь шла о продажѣ „обыкновеннымъ при

„на сколько можетъ быть хорошо узаконеніе, запрещающее продавать людей, какъ скотовъ".

[1]) Проектъ былъ подписанъ бар. Густавомъ Розенкампфомъ и Д. Морозомъ; А. И. Тургеневъ отказался подписать его.

[2]) „1) Отнынѣ впредь запрещается навсегда продавать, закладывать или иначе за кѣмъ укрѣплять дворовыхъ людей и крестьянъ порознь и безъ земли, но всѣ таковыя продажи и переукрѣпленія должны быть чинимы или селеніями съ принадлежащею къ нимъ землею, или по крайней мѣрѣ цѣлыми семьями безъ раздробленія и безъ отлученія родителей отъ дѣтей. 2) При продажѣ или переукрѣпленіи людей и крестьянъ семьями, отдѣлять на каждую семью столько земли, сколько по общей сложности десятинъ, принадлежащихъ къ тому селенію, изъ коего они продаются, причтется на каждую душу".

купчихъ образомъ", при взысканіи долговъ частнымъ лицамъ, дворовыхъ и безземельныхъ крестьянъ и лишь такимъ дворянамъ, которые имѣютъ свои селенія или земли)—и § 7 (гдѣ говорилось о заложенныхъ дворовыхъ и крестьянахъ безъ земли) по замѣчанію Тургенева также допускаютъ продажу людей безъ земли „и даже *по одиночкѣ*. А все дѣло въ томъ только и состоитъ, чтобы сію продажу пресѣчь".—§ 8, по замѣчанію Тургенева, „предписываетъ личнымъ дворянамъ людей своихъ въ полгода продать на основаніи существующихъ узаконеній [1]). Опять продажа".

Въ заключеніе Н. Тургеневъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „И такъ изъ 8 §§—семь допускаютъ и предписываютъ продажу, между тѣмъ какъ на коммиссію возложено составить проектъ закона о *непродажѣ* людей.—Въ семъ первомъ проектѣ нѣтъ ни одного распоряженія, которое бы улучшало существующія на сей предметъ нынѣ узаконенія" [2]).

Вмѣсто проекта коммиссіи Н. Тургеневъ выработалъ самъ слѣдующій проектъ:

„1) Всякая продажа людей, иначе какъ селеніями, со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ и съ землею, отнынѣ и навсегда запрещается, подъ какимъ бы то видомъ и наименованіемъ ни было. 2) Части селеній, состоящія изъ одной или нѣсколькихъ семей, могутъ быть продаваемы, но не иначе какъ съ землею и всѣмъ имуществомъ, отдѣляя въ семъ случаѣ на каждую продаваемую семью столько земли, сколько по общей сложности десятинъ, принадлежащихъ къ тому селенію, изъ коего семьи продаются, причтется на каждую душу.—Крестьяне, купленные такимъ образомъ, не въ цѣломъ селеніи, но семействами, не могутъ быть переселяемы на другія земли прежде истеченія 10-ти лѣтъ послѣ первоначальной покупки, и число десятинъ, которое они при сей покупкѣ имѣли, не можетъ быть ни подъ какимъ видомъ уменьшено прежде истеченія такого же 10-ти-лѣтняго срока. 3) Выдаваемыя въ постороннія селенія дѣвки и вдовы, по вступленіи въ замужество, чрезъ сіе самое дѣлаются свободными. 4) Дворовые люди и безземельные крестьяне, къ домамъ приписанные, могутъ доставаться по наслѣдству, но не могутъ переходить отъ одного лица

---

[1]) Этотъ § Тургеневъ передаетъ въ своемъ замѣчаніи не совсѣмъ точно: имъ подтверждались высочайше утвержденныя мнѣнія госуд. совѣта 11 іюня 1814 г. и 21 февраля 1818 г., а также указъ сената 6 сентября 1815 г. (П. С. З., XXXII, № 25604, XXXIII, № 25936, XXXV, № 27356), о томъ, чтобы право владѣнія личныхъ дворянъ ихъ крестьянами и дворовыми оставалось неприкосновеннымъ до смерти владѣльцевъ; наслѣдники же ихъ, если „не пріобрѣли сами по себѣ законнаго права на владѣніе", должны продать этихъ людей и крестьянъ въ теченіе полугода, но съ добавленіемъ, что продать этихъ дворовыхъ и крестьянъ должно только дворянамъ, „имѣющимъ собственные селенія и земли, и при томъ не иначе, какъ цѣлыми семьями".

[2]) Тургеневскій Архивъ, № 1123 в.

къ другому по духовнымъ завѣщаніямъ. Когда же не окажется законныхъ наслѣдниковъ, то таковые приписные люди дѣлаются свободными [1]. 5) Переселеніе и выводъ людей изъ одной губерніи въ другую и изъ одного уѣзда въ другой не иначе можетъ быть допускаемо, какъ съ разрѣшенія правительства, и когда признано будетъ, что переселяемые получатъ достаточное количество земли въ новомъ ихъ жительствѣ. 6) При взысканіяхъ по партикулярнымъ долгамъ люди также не иначе продаваемы быть могутъ, какъ деревнями съ землею и всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ.—Въ случаѣ же, если на удовлетвореніе долговъ иного имѣнія не достанетъ, а останутся одни только люди дворовые или къ домамъ приписные, то таковыхъ людей не продавать и не возвращать ни должнику, ни его наслѣдникамъ, а объявлять безъ дальнѣйшихъ околичностей свободными... 7) Сіе же постановленіе распространяется и на взысканія казенныя. 8) Никто ни подъ какимъ видомъ не можетъ владѣть людьми по вѣрющимъ письмамъ... 9) Всякій человѣкъ, дворовый или крестьянинъ, проданный вопреки сему узаконенію, чрезъ сіе самое... дѣлается свободнымъ, и судебныя и присутственныя мѣста и лица обязаны таковымъ его немедленно признавать и объявлять. Всѣ же послѣдствія преступленія закона падаютъ на виновныхъ.—Симъ только и ничѣмъ инымъ можетъ быть исполнено намѣреніе Петра I. Сто лѣтъ прошло послѣ сего закона. Если законодательство XIX вѣка не можетъ уже идти далѣе законодательства XVIII вѣка, то по крайней мѣрѣ не должно отставать отъ него" [2].

Бар. Розенкампфъ, старшій членъ Совѣта коммиссіи составленія законовъ, вслѣдствіе протеста А. И. Тургенева, взялъ первый проектъ изъ канцеляріи государственнаго совѣта обратно, даже безъ вѣдома кн. Лопухина. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, извѣстилъ (26-го февраля 1820 г.) государственнаго секретаря Оленина, что не можетъ на это согласиться, возвращаетъ ему проектъ обратно и будетъ ждать резолюціи государственнаго совѣта. 12-го февраля 1820 года департаментъ законовъ государственнаго совѣта постановилъ препроводить въ коммиссію составленія законовъ записки Милорадовича и управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея относительно пресѣченія продажи крестьянъ и дворовыхъ людей порознь, для разсмотрѣнія ихъ вмѣстѣ со всѣмъ дѣлопроизводствомъ по этому вопросу. 16-го марта кн. Лопухинъ доставилъ Оленину проектъ закона, составленный въ коммиссіи, и ея журналъ по этому предмету, подписанный тремя членами, въ томъ числѣ бар. Розенкамп-

---

[1]) Въ примѣчаніи Тургеневъ поясняетъ, что „если позволить что-нибудь, кромѣ наслѣдованія ab intestat (безъ завѣщанія), то сіе значило бы допустить продажу порознь въ другомъ только видѣ".

[2]) Тургеневскій Архивъ № 1104.

фомъ и А. И. Тургеневымъ [1]). Въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ проектъ этотъ представлялъ сходство съ проектомъ Н. И. Тургенева [2]).

Такъ какъ насъ интересуетъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ Н. И. Тургенева, которое вполнѣ точно устанавливается приведенными документами его архива, то мы не будемъ излагать ни замѣчаній на проектъ департамента законовъ, составленныхъ членомъ его А. С. Шишковымъ, ни описывать засѣданій общаго собранія совѣта 20-го октября и 22-го и 29-го ноября, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ дѣло рѣшено было отложить [3]); я остановлюсь только на томъ, что отвѣтъ коммиссіи составленія законовъ на замѣчанія департамента законовъ былъ составленъ Н. И. Тургеневымъ. 10-го ноября 1820 года онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Сегодня... Оленинъ далъ мнѣ журналъ департамента законовъ, архи-хамомъ Шишковымъ составленный, для написанія какого-то опроверженія. И такъ надобно намъ русскимъ защищать Петра I предъ государственнымъ совѣтомъ, надобно доказывать, что онъ правъ, считая продажу людей постыдною вещію!.. Шишковъ защищаетъ рабство и своимъ негодованіемъ доставляетъ новую славу Петру I, и въ то же время Магницкій сочиняетъ цензурный уставъ. Это нравственные Шварцы!“ [4]) 20-го ноября Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: „Сегодня поутру я кончилъ объясненія по журналу департамента законовъ. Глупость Шишкова меня обезоружила. Я писалъ безъ жару, помня противъ кого и для кого пишу“. Описывая засѣданіе 22-го ноября, Тургеневъ между прочимъ отмѣтилъ въ дневникѣ слова гр. Кочубея, что „тотъ, кто поднесъ государю къ подписанію указъ 1808 г. о пошлинахъ [5]), на которомъ утверждается Шишковъ, сдѣлалъ великое преступленіе. Потомъ гр. Кочубей сказалъ, что законы писать иначе нельзя, какъ въ духѣ того времени, того вѣка, въ который они

---

[1]) См. Дѣло Госуд. Совѣта Деп. Законовъ, 1820 г., № 10, л. 65—85, Тург. Арх. 1123б. Нѣсколько сокращенное изложеніе проекта см. въ Арх. Гос. Сов. „Журналы по дѣламъ департамента законовъ“, Спб., 1874, т. IV, ч. 2, стр. 330—331.

[2]) 15-го августа 1820 года Н. И. писалъ (вѣроятно брату Сергѣю): „Шишковъ вооружается противъ проекта и письменно, и словесно. Лапской думаетъ, что дворянинъ не можетъ на запрещеніе продавать людей согласиться, не измѣнивъ чести дворянина! Какіе Баярды“.

[3]) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ“, I, 467—476.

[4]) Незадолго передъ тѣмъ произошло волненіе въ Семеновскомъ полку, вызванное жестокостями полкового командира Шварца.

[5]) Въ п. 8 его упоминается о купчихъ на крѣпостныхъ людей съ землею и *безъ земли*. П. С. Зак., т. XXX, № 23.317.

пишутся. Въ пользу запрещенія продажи объявились только гр. Кочубей и гр. Милорадовичъ. Одни молчали. Большая часть, будучи похожа на членовъ департамента (законовъ), съ ними была согласна... Такъ кончилось сіе засѣданіе. Если подумать, какъ это дѣло шло, то нельзя не согласиться, что добро очень трудно дѣлать. Зло сдѣлано одними пошлинными уставами. А поправить его какъ трудно! и при томъ когда этой поправки хочетъ самъ государь. Много ли можно послѣ сего надѣяться сдѣлать?"

Изъ составленнаго Н. И. Тургеневымъ объясненія на замѣчанія департамента законовъ отмѣтимъ лишь его заключеніе, имѣющее въ виду одно мѣсто мнѣнія департамента законовъ, написаннаго Шишковымъ: „Если департаментъ полагаетъ, что сіи перемѣны" (въ законахъ) „происходятъ изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ волненія, возмущенія, наглость страстей господствуютъ, то надлежитъ только вспомнить, что тѣ страны, кои сдѣлались нынѣ жертвою внутреннихъ безпокойствъ и возмущеній (Гишпанія и Неаполь) не имѣли и не имѣютъ училищъ и весьма далеки отъ всякаго просвѣщенія. Но какую связь можетъ имѣть проектъ закона о пресѣченіи продажи людей и съ сими странами, и съ сими училищами, и съ сими страстями? Коммиссія не смѣетъ думать, чтобы въ намѣреніи департамента было назвать заимствованнымъ отъ сихъ странъ и отъ сихъ училищъ проектъ, составленный въ опредѣленномъ для того отъ правительства мѣстѣ по волѣ государя императора, какъ то изъяснено г. министромъ юстиціи въ отношеніи къ г. главноуправляющему коммиссіею составленія законовъ. Вообще въ семъ проектѣ нѣтъ ничего заимствованнаго откуда бы то ни было: все основано на однихъ только россійскихъ законахъ, болѣе или менѣе древнихъ, и отчасти на новѣйшихъ" [1]).

Н. И. Тургеневъ записалъ въ своемъ дневникѣ 1 декабря впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ засѣданія общаго собранія государственнаго совѣта 29 ноября: „Въ понедѣльникъ читали объясненія коммиссіи составленія законовъ, мною написанныя. Они, кажется, хороши и лучше, нежели я воображалъ. Мордвиновъ между прочимъ сказалъ, что онъ самъ соглашается съ нѣкоторыми разсужденіями коммиссіи, но что это не объясненія, а строгій судъ" надъ департаментомъ. „Шишковъ вралъ немило-

---

[1]) Подписали отвѣтъ коммиссіи: бар. Густ. Розенкампфъ, Александръ Тургеневъ и Данила Морозъ. Арх. Гос. Сов., дѣло Департ. Законовъ 1820 г., № 10, л. 90 и слѣд. Тургеневскій Архивъ № 1123а.

сердно. Между прочимъ сказалъ, что отвѣта писать не будетъ, считая сіе ниже его достоинства. Это когда-нибудь надобно ему припомнить. Ланской объявилъ, что не намѣренъ входить въ объясненіе съ коммиссіей. Уловка неправыхъ! Шишковъ говорилъ, что самъ знаетъ лучше коммиссіи исторію, а практику будетъ писать въ журналахъ. Литта не задумался при словахъ коммиссіи, что „русскихъ и однихъ только коренныхъ русскихъ могутъ продавать не только русскіе, но и иностранцы", и продолжалъ свои гнусныя разсужденія.—Старикъ Васильчиковъ [1]), пришедъ къ кн. Лопухину, объявилъ ему, что всѣ его" (т.-е. Лопухина) бранятъ за то, что онъ противъ права продажи. Князь отвѣчалъ, что и онъ (Васильчиковъ) согласится съ его мнѣніемъ, если на минуту отложитъ интересъ въ сторону. Олсуфьевъ, смотря на Васильчикова, говорилъ: „Вотъ истинный патріотъ!" Какого отечества? О дураки, о скоты!"

Хотя рѣшеніе вопроса о пресѣченіи продажи дворовыхъ людей и крестьянъ рѣшено было отложить, но въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 8-го декабря читали и приложили къ дѣлу два мнѣнія о продажѣ людей, представленныя позже—министра юстиціи (кн. Д. И. Лобанова-Ростовскаго) и Мордвинова [2]), о которыхъ Тургеневъ далъ такой отзывъ въ своемъ дневникѣ: „Первый просто вретъ, а послѣдній гнусно умничаетъ, начиная съ права естественнаго, основаннаго Творцомъ, какъ говоритъ Мордвиновъ, и съ права гражданскаго, основаннаго человѣкомъ. Оканчиваетъ же Мордвиновъ тѣмъ, что продажа людей—весьма хорошее и простое дѣло, не имѣетъ ничего предосудительнаго. Вотъ новое доказательство плодовъ, которые приносятъ установленія государственныя! Мордвиновъ во всякомъ другомъ государствѣ былъ бы порядочнымъ человѣкомъ. Здѣсь онъ помѣщикъ, защищаетъ такъ называемыя права помѣщичьи,—и я не могъ смотрѣть на него безъ глубокаго презрѣнія" [3]).

Неудача дѣла, въ которое онъ вложилъ много усердія и труда, глубоко огорчила Тургенева. „Всѣ явленія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ", писалъ онъ въ дневникѣ послѣ засѣданія

---

[1]) Командиръ гвардейскаго корпуса, не вполнѣ правильно державшій себя во время волненія Семеновскаго полка и суда по этому дѣлу.

[2]) См. „Арх. Госуд. Сов.", т. IV, ч. 2, стр. 342—347; „Архивъ гр. Мордвиновыхъ", т. V, Спб. 1902 г., стр. 413—417, 418—420.

[3]) О спорахъ съ Мордвиновымъ по крестьянскому вопросу и иной отзывъ объ этомъ извѣстномъ государственномъ дѣятелѣ см. въ книгѣ Н. Тургенева „La Russie et les Russes", II, 92—93.

государственнаго совѣта 8-го декабря, „и разсужденія совѣтскія, во всей гнусности и подлости людей являющія, сужденія публики объ этомъ и о происшествіяхъ [1]),—все это à la longue тяготитъ душу. Самая смѣлая надежда ничего тутъ предвидѣть, предугадать не можетъ. Сколько разъ идея бросить все и уѣхать куда-нибудь, жить въ бѣдности, и даже въ Германіи, мнѣ приходила въ голову". Но въ то же время его нѣсколько утѣшало сознаніе, что онъ трудится по мѣрѣ силъ и возможности для защиты и распространенія дорогихъ ему идей: „Скажу ли? въ иныя секунды, вспомня о нѣкоторыхъ мнѣ нравящихся мѣстахъ моей жизни, я какъ-то укрѣплялся духомъ, или по крайней мѣрѣ отдыхалъ на мысли о написанномъ мною!" [2])

Когда имп. Александру были представлены меморіи о засѣданіяхъ государственнаго совѣта 22 и 29 ноября и 8 декабря 1820 г., то онъ приказалъ: по доставленіи новыхъ по этому дѣлу мнѣній, представить ихъ ему въ подлинникахъ „до предложенія ихъ государственному совѣту на уваженіе" [3]). Но новыхъ мнѣній представлено не было, а указомъ сената 29 сентября 1822 г. вслѣдствіе повелѣнія государя было предписано, чтобы въ Сенатскихъ объявленіяхъ не дѣлалось публикацій о продажѣ людей безъ земли „до воспослѣдованія о томъ положенія въ Государственномъ Совѣтѣ" [4]). Но при Александрѣ I продажа людей безъ земли (въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ продолжало существовать крѣпостное право) запрещена не была (только въ Малороссіи такая продажа была прекращена еще имп. Павломъ).

---

[1]) Тутъ, вѣроятно, разумѣется протестъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ противъ словъ министра юстиціи его сосѣдямъ въ засѣданіи государственнаго совѣта, что коммиссія составленія законовъ лжетъ.

[2]) Тургеневскій Архивъ, № 213.

[3]) Арх. Госуд. Сов., дѣло Департ. Законовъ 1820 г., № 10, л. 355.

[4]) Полн. Соб. Зак., т. XXXVIII, № 29.192. Такъ какъ этотъ указъ вызвалъ нѣкоторыя недоразумѣнія, то въ слѣдующемъ, 1823 г. было пояснено, что продажа людей безъ земли за долги частнымъ людямъ можетъ быть производима, но только безъ публикаціи о томъ въ вѣдомостяхъ, а съ объявленіемъ чрезъ градскую и земскую полицію; относительно же взысканія казенныхъ долговъ съ помѣщиковъ, у которыхъ нѣтъ другого имѣнія, кромѣ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, сенатъ предписалъ поступать согласно съ указомъ 28 генв. 1798 г., т.-е. оцѣнивая ихъ по работѣ и по тому доходу, какой каждымъ изъ нихъ доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая этотъ доходъ процентомъ съ капитала, который и зачитать въ казенный долгъ. П. С. З., т. XXXVIII, № 29.525.

VII.

По вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ освободить крестьянъ—съ землею или безъ земли—Тургеневъ обнаруживалъ постоянныя колебанія. Такъ, 6-го января 1824 г., прочтя въ нѣмецкомъ журналѣ „Hermes, oder kritisches Jahrbuch der Literatur" (1821 г., XI) статью по поводу книги Меркеля объ освобожденіи крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ [1]), онъ записалъ въ дневникѣ: „Рецензентъ, не одобряя послѣдняго учрежденія о крестьянахъ, говоритъ, что они черезъ оное лишились того, чѣмъ пользовались, если не по праву, то на самомъ дѣлѣ... Рецензентъ могъ легко создать планъ свой, разрѣшивъ въ самомъ началѣ главнѣйшія затрудненія: онъ признаетъ землю принадлежностью крестьянина! Но можно ли въ этомъ увѣрить хотя одного помѣщика; а безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія. Впрочемъ, можетъ быть, многія замѣчанія о невыгодахъ новаго порядка вещей основательны: я не могу судить о томъ, не зная мѣстности. Но мнѣ кажется, что свобода, какъ бы она ни была укутана въ учрежденія и въ условія невыгодныя, все свобода. И если должно согласиться въ томъ, что можно бы сдѣлать лучше, то нельзя не признать и того, что теперешній порядокъ лучше прежняго [2]). Но, въ чемъ я увѣренъ въ полной мѣрѣ, есть то, что такой же порядокъ вещей былъ бы сильнымъ благодѣяніемъ для нашихъ русскихъ крестьянъ, коихъ качества нравственныя и физическія дѣлаютъ ихъ столь способными пользоваться свободою при всѣхъ ограниченіяхъ. Они показали бы міру, что̀ есть русскій умъ безъ цѣпей земельнаго и холопскаго рабства [3]). Бѣдные летты

---

[1]) *Dr. G. Merkel.* „Die freien Letten und Esthen". Рига, 1820.

[2]) Позднѣе, въ 1860-хъ годахъ, Тургеневъ „рѣзко порицалъ остзейскихъ помѣщиковъ за то, что они освободили своихъ латышей и эстовъ безъ земли". „Записки Д. Н. Свербеева", М. 1899, I, 485.

[3]) Однако, когда до Н. И. Тургенева дошелъ въ 1820 г. слухъ, что гр. М. С. Воронцовъ продаетъ 15 душъ своихъ крестьянъ пользовавшемуся дурною репутаціею помѣщику Копьеву, съ тѣмъ, чтобы тотъ отпустилъ ихъ на волю, то Н. И. очень обезпокоился за крестьянъ и писалъ брату Сергѣю: „Даже и при исполненіи условія *мужики будутъ несчастны, ибо онъ ихъ прогонитъ безо всего.* Но условіе можетъ и нарушиться, тѣмъ болѣе, что мужики не иначе могутъ быть отпущены безъ земли на волю, какъ по одиночкѣ и съ приписаніемъ въ мѣщане, что не всякій крестьянинъ можетъ сдѣлать". Н. И. просилъ брата Сергѣя предостеречь отъ этой продажи гр. Воронцова. „Князь Репнинъ... однажды продалъ такимъ же образомъ своихъ крестьянъ, и совѣсть во всю жизнь упрекала ему сей поступокъ. То же будетъ и съ графомъ".

(латыши) и эсты и природою, и временемъ лишены средствъ явить міру то же утѣшительное зрѣлище". Къ счастью русскимъ крестьянамъ не пришлось подвергнуться безземельному освобожденію, по примѣру Остзейскаго края (если не считать крестьянъ, получившихъ во время крестьянской реформы дарственные надѣлы), и только теперь нынѣшнее министерство своимъ аграрнымъ законодательствомъ, направленнымъ къ разрушенію общиннаго землевладѣнія и вызваннымъ не мыслью о пользѣ народа, а чисто классовыми интересами, стремится какъ можно болѣе увеличить количество безземельныхъ, увеличивая такимъ образомъ число дешевыхъ рабочихъ рукъ для помѣщичьихъ экономій [1]). Остзейскимъ дворянамъ пришлось впослѣдствіи въ значительной степени признать ошибочность ихъ аграрнаго законодательства 1816—19 гг., но благосостояніе большинства сельскаго населенія прибалтійскихъ губерній было подорвано, посѣяна ненависть этого населенія къ крупнымъ землевладѣльцамъ, и послѣдствія этой политики сказались въ событіяхъ послѣдняго времени.

Но тогда, въ десятыхъ и двадцатыхъ гг. XIX в., не одинъ Тургеневъ, а многіе русскіе вѣрили въ пользу хотя бы и безземельнаго освобожденія крестьянъ. Эту вѣру очень хорошо объясняетъ въ своихъ запискахъ Якушкинъ: „Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, либералы того времени болѣе всего желали уничтоженія крѣпостного состоянія и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь, и потому вопросы, возникшіе по этому предмету уже впослѣдствіи,—тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благонамѣренныхъ людей. Крѣпостное состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями" (стр. 37). Такіе либералы не принимали во вниманіе, что ближайшая сосѣдка Россіи въ Западной Европѣ—Пруссія—освобождала крестьянъ не такъ, какъ это сдѣлали остзейскіе дворяне. Въ письмѣ къ брату Александру

[1]) См. мою статью: „Правительственное покушеніе противъ общиннаго землевладѣнія" въ „Сборникѣ XI-мъ Народно-Соціалистическаго Обозрѣнія" (издательство „Народный Трудъ"), а также брошюру А. И. Чупрова „По поводу указа 9 ноября 1906 г. (М. 1908 г.) и статьи: А. А. Леонтьева и А. В. Пѣшехонова въ „Русскомъ Богатствѣ" 1906 г., №№ 11 и 12, и А. С. Посникова въ „Вѣстникѣ Европы" 1908 г., № 5.

(2 іюля 1827 г.) Н. Тургеневъ говоритъ, что если онъ не предлагалъ освободить крестьянъ съ землею, то потому, что боялся испугать помѣщиковъ и тѣмъ задержать дѣло ихъ освобожденія [1]). Но всего скорѣе это объясняется тѣмъ, что его собственные взгляды въ это время на земельный вопросъ не отличались полною опредѣленностью и устойчивостью. Вступивъ въ Тайное Общество въ 1819 г., Тургеневъ дѣятельно пропагандировалъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ [2]). Впослѣдствіи онъ пытался увѣрить, что все его участіе въ Тайномъ Обществѣ ограничивалось этою пропагандою, но это совершенно несправедливо. Въ своемъ первомъ оправданіи, которое его братъ Александръ представилъ государю 20-го мая 1826 г., Н. Тургеневъ говоритъ, что члены Тайнаго Общества недостаточно чувствовали невыгоды крѣпостного состоянія крестьянъ, и что онъ надѣялся уговорить нѣкоторыхъ сдѣлать что-нибудь въ пользу ихъ крестьянъ. „Я толковалъ имъ объ этомъ и однажды предложилъ поставить въ обязанность каждому отпустить на волю своихъ слугъ, если кто имѣетъ къ тому возможность. Меня слушали, соглашались со мною, но результата никакого не было [3])... Я всегда почиталъ долгомъ не пропускать никакого случая, даже самаго маловажнаго, дѣйствовать въ пользу освобожденія... Я находилъ удачу, хотя и весьма незначительную, только по службѣ, т.-е. въ дѣлахъ, которыя могли проходить черезъ мои руки [4])... Видя около себя людей, которые продолжали желать тайныхъ обществъ, я предпринялъ изложить нѣсколько правилъ для составленія такого общества съ главною цѣлью, съ необходимымъ условіемъ освобождать собственныхъ своихъ людей. Я сообщилъ мои правила нѣкоторымъ лицамъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Нельзя было ничего сказать противъ справедливости моихъ предложеній. Всѣ ихъ

---

[1]) „Чего желать для Россіи“. Лейпц. 1868 г., стр. 208.

[2]) Примѣромъ этого можетъ служить его письмо къ П. Я. Чаадаеву отъ 27-го марта 1820 г.: см. „Русск. Архивъ“ 1872 г., т. I, 1205—1207. Сравн. „La Russie et les Russes“, I, 78, 81—83, 197. „Русск. Стар.“, 1901 г., № 5, стр. 263—264.

[3]) Декабристъ бар. Розенъ свидѣтельствуетъ, что „при всѣхъ сходкахъ и съѣздахъ членовъ Тайнаго Общества Н. И. Тургеневъ такъ настойчиво требовалъ эмансипаціи, такъ обстоятельно излагалъ необходимость и различныя средства къ тому, что даже наскучалъ своими проектами“. „Русск. Старина“, 1884 г., № 1, стр. 66.

[4]) Въ письмѣ къ брату и Жуковскому (1827 г.) Н. И. Тургеневъ говоритъ о себѣ: „дѣйствовалъ въ Совѣтѣ посредствомъ процессовъ, изъ коихъ въ мое время, два года, ни одинъ не былъ рѣшенъ противъ освобожденія, и однажды государь согласился съ нашимъ департаментомъ противъ гр. Кочубея и большинства голосовъ. Эта дѣятельность меня всего занимала“. „Русск. Стар.“, 1895 г., № 11, стр. 343—344.

одобряли; но вмѣстѣ съ симъ я видѣлъ, что, и по изъявленіи согласія, ни одной отпускной дано не было" [1]). Нужно, однако, замѣтить, что мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права высказывалась не только въ „Союзѣ Благоденствія" членомъ котораго сдѣлался Тургеневъ, но еще ранѣе въ „Союзѣ Спасенія", въ которомъ онъ не участвовалъ. Затѣмъ, нѣкоторые члены Тайнаго Общества—Якушкинъ, Лунинъ, кн. Трубецкой [2]), пытались сдѣлать кое-что для своихъ крестьянъ, и если ихъ стремленія не увѣнчивались успѣхомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они этого желали, то это въ значительной степени объясняется невыясненностью плановъ освобожденія. Осуждать товарищей по Тайному Обществу за бездѣятельность въ этомъ направленіи Тургеневъ имѣлъ мало права, такъ какъ, освободивъ своихъ собственныхъ слугъ, переведя крестьянъ съ барщины на оброкъ и оказавъ имъ довольно значительную помощь различными способами, онъ также не принялъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ для ихъ освобожденія. Правда, это отчасти объясняется тѣмъ, что жива была мать Тургеневыхъ [3])—женщина съ крайне консервативными взглядами на крѣпостное право; но въ такомъ же положеніи находилось огромное большинство тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые вошли въ составъ Тайнаго Общества. Пропаганда Тургеневымъ идеи освобожденія крестьянъ затруднялась тѣмъ, что его собственныя воззрѣнія на этотъ предметъ были недостаточно выяснены: онъ вѣчно колебался между тѣмъ, необходимо ли освободить крестьянъ съ землею, или возможно и безземельное освобожденіе. Нужно замѣтить, что весь вредъ и опасность такого освобожденія въ Остзейскомъ краѣ обнаружились не сразу, благодаря установленію довольно продолжительнаго переходнаго періода. Въ концѣ концовъ послѣдствіемъ пропаганды Тургеневымъ мысли о необходимости освобожденія крѣпостныхъ среди членовъ Тайнаго Общества явилось учрежденіе нѣкоторыми изъ нихъ особаго союза для рѣшенія этой задачи. С. М. Семеновъ въ своемъ показаніи заявилъ, что, передъ отъѣздомъ за границу, Тургеневъ основалъ союзъ, поставившій

---

[1]) „Русская Старина" 1902 г. № 4, стр. 53, 56.

[2]) Въ письмѣ отъ 26 іюня 1819 г., рекомендуя брату Сергѣю кн. Трубецкого, Н. И. писалъ: „у насъ менѣе, нежели когда-либо, думаютъ объ истребленіи гнуснаго рабства... Трубецкой самъ хотѣлъ сдѣлать опытъ съ своими крестьянами, но по сію пору ему не удалось". У кн. С. П. Трубецкого, какъ видно изъ его формуляра, было 200 душъ въ Нижегородской губ. „Государ. Архивъ", I. В. № 333.

[3]) Она умерла въ ноябрѣ 1824 г. („Остафьевскій Архивъ" I, 463), т.-е. уже послѣ отъѣзда Н. И. за границу.

себѣ ближайшею цѣлью освобожденіе крестьянъ, и что членами его въ Москвѣ были: И. И. Пущинъ, Нарышкинъ, Тучковъ, Пав. Ив. Колошинъ, Горсткинъ и баронъ Штейнгель, а въ Петербургѣ—кн. Оболенскій, Рылѣевъ, Никита Муравьевъ, фонъ-деръ-Бриггенъ, полковникъ Моллеръ, кн. Одоевскій и А. А. Бестужевъ. Пущинъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ основалъ въ Москвѣ союзъ, цѣлью котораго было „личное освобожденіе дворовыхъ людей" и который носилъ названіе „практическаго". Членами его въ Москвѣ, кромѣ тѣхъ, которые названы были Семеновымъ, были еще Кашкинъ и А. В. Семеновъ. Очевидно, дѣло идетъ объ одномъ и томъ же союзѣ [1]).

Какъ неблагопріятны были тогдашнія условія для дѣятельной работы на пользу крестьянъ, видно изъ примѣра другого члена Тайнаго Общества, кн. Ѳ. П. Шаховского. Онъ обнаружилъ величайшую заботливость о нуждахъ крестьянъ въ имѣніяхъ его жены (въ Ардатовскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ Нижегородской губ.), въ которомъ онъ поселился, выйдя въ отставку въ 1822 г.: для однихъ онъ понизилъ оброкъ, для другихъ не только затратилъ большія деньги на улучшеніе ихъ хозяйства, но даже отдалъ имъ всю пахоту и панималъ для своей собственной запашки землю на сторонѣ [2]). Сдѣлать для нихъ болѣе оказывалось невозможнымъ вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія самого помѣщика. Но и то, что онъ дѣлалъ для крестьянъ, было настолько необычно и вызывало такое негодованіе въ помѣщичьей средѣ, что былъ посланъ доносъ на Шаховского (доведенный до свѣдѣнія государя) о томъ, что онъ „наполненъ вольнодумствомъ и въ разныхъ случаяхъ позволяетъ себѣ дѣлать... сужденія совсѣмъ неприличныя и не могущія быть терпимы правительствомъ". На запросъ, по этому поводу, нижегородскій губернаторъ Крюковъ (отецъ декабристовъ Крюковыхъ, членовъ Южнаго Общества) отвѣчалъ 31 марта 1823 г., что Шаховской ведетъ знакомство лишь съ двумя-тремя домами своихъ сосѣдей, „гдѣ между разными разговорами вмѣшиваетъ сужденія, доказывающія вольнодумственныя его качества, восхваляя и приводя въ примѣръ управленія иностранныхъ государствъ". Упомянувъ о томъ, что Шаховской „старается вводить между крестьянами жены его порядокъ улучшенія ихъ въ отношеніи домашняго продовольствія, примѣняясь къ жизни иностраннаго чернаго народа, но никому однако жъ изъ крестьянъ

[1]) См. о немъ подробнѣе показанія Пущина и Семенова въ моей статьѣ въ сборникѣ „Крестьянскій строй", I, 224—226.

[2]) *П. Щеголевъ*, „Декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской (біографическая замѣтка)". „Былое" 1907 г., № 8, стр. 279—281.

никакихъ закону противныхъ внушеній не дѣлаетъ", губернаторъ сообщилъ далѣе слухъ, что, уплативъ долги, Шаховской собирается уѣхать „въ чужіе края", которые „во всѣхъ отношеніяхъ предпочитаетъ своему отечеству" [1]). Н. И. Тургеневъ былъ счастливѣе Шаховского: заблаговременно уѣхавъ за границу, онъ спасся отъ ссылки въ каторжную работу [2]). Суровый приговоръ относительно Тургенева объясняется не только его неявкою, но отчасти и его рѣзко-отрицательнымъ отношеніемъ къ крѣпостному праву [3]).

Въ царствованіе имп. Александра братья Тургеневы рѣзко порицали кн. П. А. Вяземскаго, когда онъ задумалъ продать своихъ крестьянъ [4]). Какъ видно изъ переписки Н. И. (съ братомъ Сергѣемъ въ 1820 г.), онъ пытался черезъ брата удержать гр. М. С. Воронцова отъ продажи имъ имѣнія (2.700 д.) въ Бѣлоруссіи помѣщику, который по извѣстіямъ, полученнымъ Тургеневымъ, сталъ бы притѣснять крестьянъ. Продажа состоялась, и Н. И. былъ очень этимъ огорченъ. Однако въ царствованіе имп. Николая родовое имѣніе Тургеневыхъ было продано. Александръ Ивановичъ рѣшился на этотъ поступокъ для того, чтобы устроить матеріальное положеніе брата Николая и его семьи. Въ 1835 г. онъ запродалъ было имѣніе Тургенево за 412.000 р. асс., но потомъ раздумалъ и возвратилъ 100.000 р. задатка. Въ 1837 г. продажа все же состоялась [5]). По словамъ Свербеева, А. И. „плакалъ горькими слезами, подписывая купчую"; онъ нѣсколько успокаивалъ себя только тѣмъ, что покупщикъ, его двоюродный братъ, „далъ ему честное слово лю-

---

[1]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 558. Шаховскому не удалось уѣхать за границу. По дѣлу декабристовъ онъ былъ сосланъ на поселеніе въ Туруханскъ, а оттуда переведенъ въ Енисейскъ. За протестъ противъ православія онъ, съ отмороженными ногами, былъ въ 1829 г. переведенъ въ суздальскій Спасо-Ефиміевскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1834 г.

[2]) Разборъ мнѣній Н. И. Тургенева, высказанныхъ въ его книгѣ „La Russie et les Russes" (1847), см. въ моемъ трудѣ „Крестьянскій вопросъ", т. II, 349—362. О позднѣйшихъ его мнѣніяхъ по этому предмету см. въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ Н. Тургенева въ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

[3]) Въ февралѣ 1827 г. А. И. Тургеневъ писалъ брату Николаю изъ Дрездена: „Когда тебя судили, то и въ сенатѣ говорили, что и желать освобожденія отъ рабства есть желать измѣненія государственнаго порядка". „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу". Лейпцигъ, 1872 г., стр. 17; сравн. „La Russie et les Russes", II, 343.

[4]) 18 Дек. 1818 г. А. И. Тургеневъ писалъ Вяземскому: „взбудораженъ споромъ брата Николая съ Жуковскимъ о намѣреніи твоемъ торговать кровію человѣческою". „Остафьевскій Арх.", I, 177.

[5]) „Остафьевскій Архивъ", III, 324, IV, 6, 38.

бить и жаловать" крестьянъ. „Николай Ивановичъ, также скрѣпя сердце и не безъ слезъ, подчинился такому распоряженію брата и благодѣтеля, и такимъ образомъ volens-nolens воспользовался вполнѣ значительными капиталами, вырученными отъ этой продажи" [1]). Отъ всѣхъ этихъ слезъ крестьянамъ было, конечно, не легче.

Продажа А. И. Тургеневымъ родового имѣнія была извѣстна и ранѣе. Но изъ документовъ Тургеневскаго архива видно, что и послѣ того у А. И. оставалось еще въ Симбирской губ. 104 д. въ селѣ Ахматовѣ, Ардатовскаго у. [2]), и въ деревнѣ Семиключевкѣ (Каранино тожъ), Сенгилеевскаго у., 112 душъ м. п. [3]). Въ 1841 г., чрезъ своего бывшаго начальника кн. А. Н. Голицына, А. Тургеневъ ходатайствовалъ о пріобрѣтеніи этихъ имѣній въ удѣльное вѣдомство. Кн. Голицынъ писалъ въ своемъ докладѣ государю: „Тургеневъ могъ бы легко и выгодно для себя продать въ частныя руки обѣ деревеньки, но онъ тѣмъ менѣе можетъ на сіе рѣшиться, что крестьяне его, коихъ небольшая часть поступила уже... въ удѣльное вѣдомство, желаютъ и надѣются раздѣлить съ ними одну участь. Представляется уже на одну деревню и покупщикъ, но Тургеневъ не можетъ рѣшиться на продажу, не взирая на предлагаемую выгодную цѣну", и готовъ „уступить обѣ деревни удѣльному вѣдомству не только за умѣренную, но за малую даже цѣну, ибо, по исполненіи имъ родственныхъ обязанностей, одни крестьяне лежатъ у него, какъ камень, на сердцѣ. Удѣльное вѣдомство, имѣя много земли въ Симбирской губ., можетъ надѣлить... крестьянъ достаточнымъ количествомъ и оставить на ихъ мѣстахъ, тогда какъ частные владѣльцы приступили бы къ переводу ихъ въ другія губерніи". Несомнѣнно крестьянамъ было бы лучше сдѣлаться удѣльными, чѣмъ быть проданными въ частныя руки, но имп. Николай 16 марта 1841 г. отказалъ въ просьбѣ А. И. Тургенева [4]). Быть можетъ, этотъ отказъ объясняется тѣмъ, что въ Петербургѣ узнали о трудѣ, приготовляемомъ къ печати Н. И. Тургеневымъ о современной Россіи, и гнѣвались за неисполненіе довольно ясныхъ совѣтовъ оставить этотъ трудъ, при чемъ ма-

---

[1]) „Записки Д. Н. Свербеева". М. 1899 г., т. I, 484.

[2]) 46 душъ, которыми онъ прежде владѣлъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ардатова, онъ продалъ въ удѣльное вѣдомство.

[3]) Въ первомъ имѣніи было мало пахотной земли, а второе вообще страдало малоземельемъ, но крестьяне жили зажиточно, промышляя изготовленіемъ колесъ, телѣгъ и проч.

[4]) Тургеневскій Архивъ № 1135 б, 21.

нили неопредѣленными обѣщаніями прощенія за отказъ отъ намѣренія [1]).

Въ 1842 г., послѣ изданія указа 2 апрѣля этого года объ обязанныхъ крестьянахъ [2]), А. И. былъ у министра государственныхъ имуществъ П. Д. Киселева, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о переводѣ своихъ крестьянъ въ обязанные [3]). Въ 1843 г., 1 іюня, онъ отправилъ „старостамъ и мірскимъ людямъ с. Ахматова" приказъ, въ которомъ, отвѣчая на ихъ письма, предлагалъ имъ „откупаться по-семейно, или нѣсколькими семействами вмѣстѣ, или же и всѣмъ міромъ, *но безъ земли* (!), съ тѣмъ однако же, что все имущество ихъ можетъ быть продано ими въ ихъ пользу, и они могутъ посѣянный ими хлѣбъ снять". Цѣну за выкупъ А. И. Тургеневъ обѣщалъ назначить „весьма умѣренную", прибавляя, что чѣмъ болѣе семействъ откупится, тѣмъ цѣна будетъ ниже. „Иначе же, т. е. безъ выкупа", писалъ онъ, „отпустить ихъ на волю не могу". Онъ сообщалъ имъ при этомъ, что каждое семейство, откупившись на волю, имѣетъ по закону право приписаться по своему желанію въ мѣщане или къ казенному или удѣльному селенію, при чемъ начальство отведетъ имъ землю наравнѣ съ другими. Если они не пожелаютъ откупиться, то онъ долженъ будетъ продать ихъ, такъ какъ они не могутъ принадлежать его брату, а „поступятъ къ другимъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ и слѣдовательно въ опеку". Крестьяне видимо не согласились на эти предложенія.

Тогда А. И. поручилъ своему племяннику А. Н. Татаринову заложить два оставшіяся за нимъ имѣнія въ опекунскій совѣтъ на 37 лѣтъ, при чемъ крестьяне должны будутъ уплачивать проценты на капиталъ и извѣстную долю въ погашеніе долга, а также содержать дворовыхъ, вслѣдствіе чего оброкъ, и безъ того высокій [4]), повышался съ 3.200 р. (по 14 р. 81 к. сер. съ рев. души) на 202 р. (почти на 7%). А. И. желалъ, чтобы немедленно послѣ заклада имѣнія крестьяне, если на то согласятся, поступили бы въ свободные хлѣбопашцы или обязанные крестьяне съ тѣмъ, чтобы черезъ 37 лѣтъ „они были совершенно свободны отъ всякихъ податей, кромѣ казенныхъ". На закладъ имѣній и заключеніе договора съ крестьянами А. И. Тургеневъ прислалъ Татаринову довѣренность изъ Парижа отъ 18 (30) января

[1]) „Записки Свербеева", I, 484.

[2]) См. о немъ „Крестьянскій вопросъ", т. II, гл. II и III.

[3]) „Остафьевскій Архивъ" IV, 168.

[4]) Сравн. *И. И. Игнатовичъ*, „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія". Спб. 1902 г., Прилож. Таблица № 3.

1844 г. [1]) Такимъ образомъ, постоянно выражая неосновательное недовольство закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.), Н. И. Тургеневъ, безъ согласія котораго А. И. Тургеневъ, конечно, не принималъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ относительно имѣнія, пожелалъ въ концѣ концовъ воспользоваться этимъ закономъ или закономъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Но крестьяне, очевидно, не приняли сдѣланнаго имъ предложенія, такъ какъ оба названныя имѣнія въ 1860 г. принадлежали частнымъ владѣльцамъ [2]). Неизвѣстно, были ли они проданы, или перешли по наслѣдству [3]).

В. Семевскій.

---

[1]) Тургеневскій Архивъ, № 1278 б, е, ж.

[2]) „Приложенія" къ „Трудамъ редакціонныхъ коммиссій. Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ", т. III. Симбирская губ., стр. 12 — 13, 34 — 35. О томъ, какой договоръ Н. И. заключилъ въ 1859 г. со своими крестьянами въ имѣніи (Каширскаго у., Тульской губ.), полученномъ имъ въ наслѣдство уже послѣ амнистіи, см. въ его книгѣ „Un dernier mot sur l'émancipation des serfs en Russie", 1860, p. 88—109, или въ моей статьѣ о немъ въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, стр. 112. Земля, переданная крестьянамъ съ обязанностью платить оброкъ (1/3 всей земли этого имѣнія), должна была остаться навсегда *въ общинномъ владѣніи*, кромѣ усадебныхъ участковъ.

[3]) Семиключевка принадлежала тогда Л. Д. Тургеневу.

ПОХОДЪ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Транспортъ уже второй мѣсяцъ мирно стоялъ въ небольшой гавани около Владивостока. Жизнь шла вяло, скучно. Собственно говоря, большинство ничего не дѣлало. Занятія были назначены, часы установлены для различныхъ ученій, но все шло такъ спустя рукава, такъ лѣнно, что каждый чувствовалъ себя полнымъ бездѣльникомъ.

Отъ понедѣльника утра до пятницы вечера транспортъ стоялъ въ бухтѣ; въ пятницу—разводилъ пары и отправлялся во Владивостокъ. Каждый вечеръ послѣ семи часовъ почти всѣ офицеры, кромѣ командира и суточнаго дежурнаго по вахтѣ, спѣшили въ городъ. Разстояніе было небольшое и всѣ шли пѣшкомъ. Каждый хотѣлъ пораньше разстаться съ транспортомъ и удрать во Владивостокъ. Кто торопился къ семьѣ, кто въ театръ, клубъ и другія увеселительныя мѣста.

Но все же недѣля тянулась такъ долго, такъ однообразно, что до пятницы, казалось, не дотерпишь. Изъ города ночью возвращаться нельзя, надо гдѣ-нибудь ночевать, а утромъ рано вставать и бѣжать къ подъему флага. На этомъ маленькомъ транспортѣ, кажется, и соблюдалась только эта церемонія. Давно уже командиръ не требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ ничего кромѣ выхода къ подъему флага. Поэтому надо спѣшить, надо послѣ ночной попойки, когда такъ бѣшено хочется спать, встать въ шесть часовъ и бѣжать на бухту, переѣхать на китайской шампунькѣ къ противоположному берегу, перевалить лѣсистый

горный кряжъ, спуститься въ долину, обогнуть ручеекъ и съ пристани на другой бухтѣ махать, а то и кричать на свое судно, если зазѣвался сигнальщикъ. А сигнальщики, какъ на зло, зная, что въ этотъ часъ спѣшатъ къ подъему флага господа офицеры, смотрятъ въ другую сторону, или, перевѣсившись съ мостика черезъ поручни, любуются, какъ матросы со шлюпки моютъ бортъ.

Во Владивостокѣ стоять лучше—ученій никакихъ нѣтъ даже и по росписанію, командиръ отправляется къ себѣ домой и пріѣзжаетъ только утромъ, а театры и всѣ увеселенія такъ близки, что можно нѣсколько разъ махнуть на берегъ и возвратиться на судно въ любое время дня и ночи. Однимъ словомъ, можно пропадать цѣлый день, а то и до понедѣльника, никто не спохватится, развѣ придется забѣжать на судно на нѣсколько минутъ—переодѣться во все свѣжее.

На одежду обращалось большое вниманіе; у многихъ молодыхъ офицеровъ въ каютѣ были сложены цѣлые ворохи кителей, сюртуковъ и жилетовъ.

Больше всѣхъ рядился на транспортѣ молодой механикъ. Это былъ довольно красивый мальчикъ съ небольшими, еще едва пробивающимися усиками, впалыми задумчивыми глазами и кудрявой непокорной шевелюрой. Онъ считался большимъ любителемъ женщинъ, хорошимъ товарищемъ, не жалѣющимъ денегъ, и кутилой, который не постоитъ ни передъ чѣмъ. Хуже всѣхъ, но все же далеко не неряшливо, одѣвался старшій офицеръ транспорта, лейтенантъ, еще первый годъ плавающій за старшаго офицера. Повидимому, это званіе очень льстило ему, почему онъ и старался насколько возможно поддержать свой престижъ и хоть сколько-нибудь занимался съ командой.

Транспортъ считался миннымъ и назначеніе его было въ родѣ учебнаго миннаго судна. Но минъ было отпущено всего двадцать-тридцать, транспортъ вовсе не былъ приспособленъ къ этому назначенію и офицеры считали, что они назначены на него не для службы, а „для отбыванія номера", какъ принято говорить во флотѣ. Дѣйствительно, плаваніе было изъ легкихъ, и многіе весной добивались попасть въ компанію на это судно.

Старшій офицеръ былъ въ то же время и минный офицеръ, почему на немъ и лежало все обученіе. Каждый почти день онъ отправлялся со своими минерами ставить мины, то съ плотика, то съ баркаса. Иногда производилась стрѣльба метательной миной съ катера, но объ этомъ занятіи даже сами минеры имѣли прескверное мнѣніе, полагая, что въ дѣлѣ метательныя мины никуда не годятся.

Самое важное ученіе — постановка минъ съ транспорта — устраивалось на обратномъ пути изъ Влидивостока. Тогда краномъ мины поднимались изъ трюма на особыхъ плетенкахъ-коврикахъ, перетаскивались черезъ всю палубу къ кормѣ и со стрѣлъ, приспособленныхъ для этого, спускались за бортъ. Падала мина и вмѣстѣ съ ней падалъ якорь. Главная задача заключалась въ томъ, чтобы якорь сѣлъ на дно, а мина автоматически, съ помощью особаго приспособленія, встала на футъ десять, двѣнадцать ниже поверхности воды. Поднимался шумъ, гамъ, несмотря на окрики старшаго офицера.

Работа не клеилась. Наконецъ вмѣшивался командиръ, не понимая ничего въ минномъ дѣлѣ, и запутывалъ всѣхъ до одурѣнія. Успѣвали бросить только шесть-восемь минъ, да и то изъ нихъ двѣ-три всплывали.

Старшій офицеръ горѣлъ негодованіемъ и сыпалъ замѣчаніями, но, надо отдать ему справедливость, никогда не ругался. Командиръ же даже какъ будто торжествовалъ и, подпрыгивая, подходилъ къ кому-нибудь и конфиденціально сообщалъ:—Вѣдь все это напрасно, все равно на дѣлѣ такъ никогда не будетъ.—Особенно онъ любилъ посвящать въ морское дѣло доктора и на его вопросы говорилъ:

— Помилуйте, да вѣдь этакъ-то мы бы отъ первой же мины взлетѣли. Это, батюшка, не шутки. Развѣ такъ можно?

Но какъ надо ставить мины—онъ такъ и не могъ обучить команду.

Былъ еще на транспортѣ артиллерійскій офицеръ, здоровый малый, немного обрюзгшій, съ небольшимъ брюшкомъ. Говорили, что онъ былъ очень хорошій офицеръ и когда-то интересовался дѣломъ, теперь же больше находился въ меланхоліи и любилъ бесѣдовать съ докторомъ о дурной болѣзни. Бѣдняга заразился нѣсколько лѣтъ назадъ, и въ настоящее время, лишившись покоя, страдалъ всевозможными опасеніями и раздумьями. Иногда запивалъ, и надолго, а впрочемъ былъ хорошій человѣкъ и отличный товарищъ.

За нимъ по старшинству шелъ мичманъ „изъ университетскихъ“ и несъ на суднѣ обязанности вахтеннаго начальника и въ то же время, по общему мнѣнію всей каютъ-компаніи, былъ и „штатнымъ комикомъ“.

Издавна на флотѣ сложилось такое убѣжденіе, что въ каждой каютъ-компаніи долженъ быть одинъ комикъ и одинъ идіотъ. Такой и назывался штатнымъ комикомъ или штатнымъ идіотомъ; если же ихъ попадалось случайно два, то кого-нибудь изъ нихъ

признавали сверхштатнымъ. Иногда эти обязанности на суднѣ исполнялись однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Штатнаго комика на минномъ транспортѣ отнюдь нельзя было назвать штатнымъ идіотомъ: это былъ образованный, бывалый человѣкъ и большой лингвистъ, но, какъ говорятъ, у него не хватало одной клёпки. Послѣ окончаніи гимназіи онъ сбѣжалъ на какомъ-то коммерческомъ суднѣ въ Англію, вернулся чуть ли не по этапу, окончилъ университетъ, поступилъ вольноопредѣляющимся во флотъ и, наконецъ, послѣ большого учебнаго плаванія, былъ произведенъ въ мичмана, когда ему было уже около тридцати лѣтъ.

Надъ этимъ обстоятельствомъ больше всего потѣшались два младшіе мичмана, только-что окончившіе училище и плававшіе первый годъ офицерами. Имъ не было еще по двадцати лѣтъ и они не могли выносить безъ смѣха добрѣйшаго штатнаго комика Павла Петровича.

А Павелъ Петровичъ, бритый — безъ бороды и усовъ, несмотря на замѣчанія [1],—съ висками, зачесанными впередъ, по-Нахимовски, рыжій и серьезный, сидитъ въ своей каютѣ въ шляпѣ страннаго вида и читаетъ. Это сидѣніе въ каютѣ въ различныхъ шляпахъ былъ „удивительный номеръ“.

Вдругъ кто-нибудь влетаетъ въ каютъ-компанію.

— А комикъ-то опятъ сидитъ.

— Да неужели?—слышится изъ каютъ.

И вотъ молодежь—механикъ, два мичмана, а иногда и докторъ—врывается въ каюту Павла Петровича.

Онъ сидитъ на складномъ стулѣ посреди каюты въ шляпѣ „а ла бандитъ“, съ широченными полями, и, неподвижный и важный, читаетъ евангеліе по-итальянски. Входящихъ онъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать; на вопросы, крики и толчки не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ крѣпко держитъ въ рукахъ свое евангеліе и въ полъ-голоса продолжаетъ читать.

Что онъ—шутитъ или представляется?

Начинаютъ выволакивать изъ шкапа цѣлую коллекцію шляпъ: вотъ англійскій шлемъ, французское кэпи, шляпа съ перомъ, какой-то странный колпакъ.

Всѣ потѣшаются наперерывъ, снимаютъ его итальянскую шляпу и одѣваютъ другую. Павелъ Петровичъ неподвижно продолжаетъ читать, выдерживая всѣ насмѣшки стоически, не отвѣчая, и какъ только всѣ уходятъ или просто перестаютъ его тормо-

[1]) Во флотѣ не разрѣшалось брить усы.

шить—снова одѣваетъ ту же итальянскую шляпу и, неподвижный, остается посреди своей маленькой каютки.

Когда онъ читаетъ евангеліе по-англійски, то соотвѣтственно языку одѣваетъ подходящую шляпу.

Иногда онъ бываетъ задумчивъ и разсѣянъ, на вопросы доктора о его здоровьѣ отвѣчаетъ, что онъ боленъ, что онъ броситъ флотъ и пойдетъ въ Алжиръ на французскую службу, въ кавалерію. Почему именно въ Алжиръ и почему въ кавалерію—для всѣхъ оставалось тайной.

Два мичмана однолѣтки веселились какъ молодые щенята: ухаживали напропалую, влюблялись, измѣняли, писали любовныя письма, кутили и ничего не дѣлали. Даже во время пожарной или артиллерійской тревоги они нехотя покидали свои каюты и подымались на палубу.

— Тутъ ничего нѣтъ забавнаго въ этой опереткѣ,—процѣдилъ какъ-то одинъ изъ нихъ старшему офицеру, когда ихъ извлекли послѣ повторнаго зова съ вѣстовымъ. Дисциплина была такая, что офицеры говорили со старшими „какъ хотѣли", и хвастались этимъ.

Докторъ не представлялъ собой ничего особаго, кромѣ того, что былъ новичокъ въ морскомъ дѣлѣ и, какъ всѣ доктора во флотѣ, интересовался военнымъ дѣломъ больше самихъ офицеровъ.

„Морской Сборникъ", какъ только онъ получался, шелъ прямо къ доктору, тщательно имъ разрѣзывался и просматривался. Едва-ли еще кто-либо на суднѣ читалъ этотъ единственный спеціальный журналъ.

Командиръ, докторъ и старшій офицеръ были женаты, почему и считались до нѣкоторой степени чужими и скучными и не могли уже быть въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ молодежью.

Такъ транспортъ стоялъ уже второй мѣсяцъ, совершая свои еженедѣльные походы въ четверть часа; много было пропущено денегъ на берегу у офицеровъ, много скандаловъ вышло въ различныхъ „благородныхъ заведеніяхъ" и все наконецъ наскучило.

Сегодня послѣ обѣда, состоящаго изъ закуски съ водкой и четырехъ блюдъ, офицеры не разбѣжались въ городъ. Причины тому были у всѣхъ различныя. У доктора уѣхала жена изъ города; старшій офицеръ былъ дежурнымъ по вахтѣ; мичмана прокутились и не имѣли въ карманѣ „ни сантима". Артиллеристъ хандрилъ, а Павелъ Петровичъ съ механикомъ имѣли

вчера большую попойку и находились въ подавленномъ состояніи. Механикъ проснулся только къ обѣду и приглашалъ два раза доктора, таинственно съ нимъ о чемъ-то совѣщаясь.

Павелъ Петровичъ сидѣлъ за обѣдомъ серьезный, молчаливый, но ѣлъ съ аппетитомъ.

Мичмана уже пронюхали откуда-то, что у него былъ ночью скандалъ, но подробностей не знали, и поэтому приставали все время:

— Ну, разскажите же, Павелъ Петровичъ!..

— Ну, гдѣ вы были?

— Вы пришли послѣ подъема флага и вѣстовой сказалъ что „того, отяжелемши"?

— Ну, разскажите!

Но комикъ молчалъ, жадно кушалъ и выпилъ всего три рюмки водки. За то всѣ замѣтили, что артиллеристъ приналегъ на водку за закуской и приложился не разъ во время обѣда. Послѣ обѣда компанія не расходилась, и артиллеристъ, Димитрій Ивановичъ, потребовалъ бутылку краснаго. По обычаю онъ предложилъ всѣмъ, и Павелъ Петровичъ не отказался. Онъ поблагодарилъ кивкомъ головы, со вкусомъ выпилъ и вдругъ внезапно заговорилъ:

— Вѣстовые! Вѣстовые! Еще бутылку краснаго!

Онъ засмѣялся во весь ротъ.

— Да, взяла и вытолкала. „Хоть вы, говоритъ, и офицеръ, а васъ, говоритъ, не пущу".

— Слушайте! Слушайте! — закричали въ одинъ голосъ мичмана.

Исторія оказалась настолько занимательной, что были выпиты еще двѣ бутылки краснаго, поставленныя мичманами, и состояла въ томъ, что Павелъ Петровичъ и механикъ попали въ одинъ „благородный домъ", гдѣ имѣли „громадный успѣхъ". Механикъ воспользовался имъ со свойственнымъ ему умѣніемъ и талантливостью, а Павелъ Петровичъ ушелъ, отправился въ какой-то кабакъ и, „напившись до отчаянія", вернулся обратно. Тамъ его не хотѣли принимать, потому что онъ былъ вполнѣ на четвертомъ взводѣ, а онъ вдругъ обидѣлся и произвелъ скандалъ — сдернулъ со стола скатерть съ приборами. Тогда адмиральша — „Хо, хо, хо!", заорали мичмана: „адмиральша"! — взяла его за руку и вывела вонъ и кричала вслѣдъ по-англійски, что это мерзость и что офицеръ не долженъ такъ себя вести.

— Помню, что я кинулъ ей двадцать-пять рублей. За удовольствіе! — прибавилъ Павелъ Петровичъ. — И потомъ, потомъ

ничего... полное забвеніе; утромъ въ кустахъ подъ бульваромъ просыпаюсь, а солнышко уже высоко, такъ и блеститъ въ глаза.

Павелъ Петровичъ схватилъ стаканъ, вскочилъ со стула и съ паѳосомъ продолжалъ описывать всѣ прелести пробужденія въ кустахъ.

— А главное и самое чудесное, когда самъ не знаешь, гдѣ ты былъ, что̀ дѣлалъ и что̀ ты есть. Двадцать-пять бросилъ, помню, а потомъ какъ ножомъ обрѣзало; судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, былъ еще кое-гдѣ, но это—загадка, тайна.

Онъ смѣшно морщилъ лобъ и размахивалъ руками.

Всѣ хохотали и компанія пришла просто въ радужное настроеніе. Механикъ потребовалъ кофе и ликеровъ и при вѣстовомъ, который подавалъ офицерамъ, разсказывалъ такія подробности вчерашняго похожденія, что матросъ не могъ выдержать серьезнаго вида слуги и началъ хихикать и всячески затягивать свое пребываніе въ каютъ-компаніи. Впрочемъ, въ сосѣдней буфетной все было хорошо слышно, и остальные вѣстовые жадно прислушивались къ разговору, прижавшись у дверей.

Бесѣда грозила затянуться до полуночи, — какъ пишутъ въ газетахъ, —когда въ каютъ-компанію вошелъ старшій офицеръ.

— Господа, завтра походъ, — произнесъ онъ спокойно, но было ясно видно, что онъ страшно доволенъ, и даже, пожалуй, взволнованъ этимъ обстоятельствомъ.

— Походъ! походъ!—раздавались эти слова на всѣ лады—и все измѣнилось. Всѣ заговорили разомъ, посыпались вопросы,— восклицанія: —Куда? Зачѣмъ? Надолго ли? Да вы шутите?!

Но старшій офицеръ, стараясь говорить серьезно и въ то же время просто, разсказалъ, что онъ сейчасъ выходилъ на палубу, разговаривалъ съ командиромъ и убѣждалъ его пройтись куда-нибудь, такъ какъ это полезно для команды и необходимо для дѣла, и наконецъ командиръ сдался и приказалъ готовиться.

— Итакъ, завтра идемъ въ бухту „Америка", — окончилъ онъ.

— У васъ, Николай Васильевичъ, все готово?

— У меня-съ всегда все готово,—отвѣчалъ механикъ.—Мы, вотъ, завтра десять узловъ просто какъ напечатаемъ.

— Ура! ура!—взревѣли мичмана и въ перегонку бросились на палубу.

Скоро всѣ уже были наверху, да и не напрасно.

Стоялъ чудный вечеръ. Послѣ утомительнаго іюльскаго дня наступила бодрящая прохлада. Солнце опустилось уже низко и на водѣ лежали темныя, длинныя тѣни отъ кустовъ и деревьевъ,

росшихъ вплотную у самаго берега. Вода какъ зеркало, безъ единой рябки, свѣтлая-свѣтлая, а небо, съ маленькими кудрявыми облачками на горизонтѣ, голубое, глубокое и такое спокойное. Въ воздухѣ тихо, ни звука, только съ берега доносятся отдѣльные возгласы китайцевъ, копошащихся около какой-то избушки, заросшей со всѣхъ сторонъ зеленью.

— Ухъ, какъ хорошо-то на воздухѣ, а вы вотъ все въ каютъ-компаніи!—заговорилъ командиръ, приближаясь къ группѣ офицеровъ, высыпавшихъ на полуютъ [1]).

— Да-съ, завтра походъ, господа, — вдругъ прибавилъ онъ строго.—Всѣмъ приготовиться. У васъ все въ порядкѣ?.. А ваши хронометры? — обратился онъ къ мичману, исполнявшему роль штурмана.

Зачастую на этомъ кораблѣ штурманъ забывалъ заводить хронометры, а что касается остального, то все было въ соотвѣтственномъ порядкѣ.

Теперь, въ ожиданіи похода, всѣ наперерывъ старались увѣрить командира, что все въ порядкѣ, все готово и задержки быть не можетъ.

Командиръ выглядѣлъ сегодня какъ-то по-геройски; повидимому, эта рѣшимость предпринять походъ увлекала его самого и казалась ему чуть ли не чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Онъ глядѣлъ на всѣхъ сверху внизъ, расчесывая рукой свою рыжую лопатой бороду. Но на вопросъ мичмана: „въ которомъ часу мы пойдемъ завтра?“—онъ сразу весь какъ-то ощетинился и даже передернулся.

— Какъ могу я вамъ это сказать, Юрій Павловичъ, какъ могу я сказать? Вотъ и видно, что первый годъ плаваете. Быть можетъ и совсѣмъ не пойдемъ: все зависитъ отъ погоды и отъ многихъ еще условій. Вообще, въ морѣ ничего нельзя заранѣе сказать.

Онъ ухватилъ за пуговицу доктора и пространно и съ жаромъ излагалъ ему, что море—не шутка, а стихія серьезная, и что его надо знать.

Тутъ всѣ незамѣтно начали отдаляться и скопились у самаго трапа на шканцахъ [2]), оставивъ доктора въ жертву командиру.

— Ей Богу, похода не будетъ!—зло зашипѣлъ Юрій Павло-

---

[1]) Задняя часть палубы, возвышающаяся немного надъ остальной частью.

[2]) Часть палубы отъ гротъ-мачты до бизани.

вичъ.—За какимъ чортомъ намъ хронометры, когда у насъ такая „шляпа“?—и онъ глазами показалъ на командира.

— Не „шляпа“, а гораздо похуже, — пробурчалъ артиллеристъ, прибавилъ два-три крѣпкихъ морскихъ термина, плюнулъ за бортъ и отправился въ каютъ-компанію допивать свою порцію.

Но погода была настолько хороша, что не хотѣлось идти въ каюту, и каждый придумывалъ — что бы такое произвести сегодня вечеромъ. Наконецъ, было рѣшено ловить рыбу сѣтью и варить на берегу уху.

— Вотъ это дѣло, это дѣло!—вмѣшался командиръ, подходя къ разговаривающимъ.

Онъ славился во флотѣ, какъ знатокъ и любитель зоологіи и ботаники, и даже имѣлъ у себя въ капитанской каютѣ небольшой акваріумъ. А главное, онъ любилъ поѣсть; поэтому такое занятіе, какъ рыбная ловля и уха, было ему вдвойнѣ пріятно.

— Владиміръ Ивановичъ,—обратился онъ къ старшему офицеру,—приготовьте намъ двѣ шлюпки на берегъ; на баркасѣ—команда, а на шестеркѣ отправимся мы и, знаете ли, обойдемъ то мѣсто, гдѣ я еще въ прошломъ году ловилъ. Вонъ тамъ, за косой, и берегъ тамъ подходящій,—онъ показалъ на небольшой заливъ.

Все было налажено въ какіе-нибудь полчаса—и вотъ двѣ шлюпки отвалили къ берегу.

Большая казенная сѣть была скоро завезена по указанію командира, и только рядъ поплавковъ на тихой вечерней водѣ указывалъ ея направленіе. На небольшой отмели столпились всѣ офицеры; команда съ засученными штанами, а то и полуголая, во главѣ съ толстымъ, нескладно скроеннымъ, со шрамомъ поперекъ лица сигнальщикомъ, по фамиліи Ужомъ, вытаскивала сѣть. Командиръ, упираясь на сучковатую палку и смѣшно подпрыгивая, горячился ужасно.

— Да жми же ее, жми къ землѣ,—вѣдь такъ у васъ вся рыба уйдетъ! Эй, ты, плюгавый, какъ тебя, по песку тащи! Вотъ, выскочила? Ты смотри у меня, лупоглазый!—вдругъ заоралъ онъ, побагровѣвши, на матроса, зазѣвавшагося по сторонамъ.—Смотри, я тебя научу!

Павелъ Петровичъ, стоя въ своихъ лакированныхъ ботинкахъ прямо въ водѣ, хваталъ уже рыбу и кидалъ въ корзинку, дѣлая при этомъ удивительное лицо.

Мичмана хохотали до упаду и острили не переставая. Механикъ насвистывалъ какой-то вальсъ и презрительно посматривалъ на всю эту забаву.

— Стой, стой! сейчасъ возьму!—кинулся капитанъ къ сѣти и вытащилъ какую-то удивительную рыбу съ большой, широкой головой и короткимъ тѣломъ.—Докторъ, докторъ, смотрите! Вы, вѣрно, не видѣли, я вамъ покажу, идемте. Это—собака-рыба.

Въ это время весь уловъ былъ на берегу, и артиллеристъ распорядился завозить сѣть снова. Уловъ былъ не особенно богатъ, но все же набралось больше ведра красноперки, морскихъ ершей и другой небольшой рыбы. А капитанъ, между тѣмъ, показывалъ опытъ съ собакой-рыбой. Она была положена на песокъ и немедленно стала раздуваться, сдѣлавшись поразительно толстой и смѣшной.

— Вотъ видите — какая штука! Посмотрите, какіе у нея зубы: какъ у настоящей собаки. А это вотъ—морскія звѣзды; вотъ—ракъ-отшельникъ; а это—игла-рыба. У насъ, батюшка, богатство здѣсь.

Когда всѣ немного отошли, матросъ съ негодованіемъ ударилъ каблукомъ собаку-рыбу и произнесъ ругательство. Рыба лопнула, какъ надутый бумажный мѣшокъ, съ выстрѣломъ; всѣ обернулись. Капитанъ пояснилъ, что народъ, и даже китайцы, ненавидятъ эту рыбу.

— Ну-съ, а теперь — къ дѣлу; они пускай-себѣ ловятъ, а мы приступимъ. Эхъ, эта уха на воздухѣ! Лучше ничего нельзя изобрѣсти.

Артиллеристъ, приставшій къ компаніи, пояснилъ, что, дѣйствительно, Николай Николаевичъ умѣетъ варить уху, и что, вообще, онъ готовитъ различныя блюда не хуже повара.

— А! вотъ видите! я вамъ говорилъ!—гордо заявилъ капитанъ.

Уже значительно повечерѣло, солнце закатилось за горизонтъ, на транспортѣ заиграли зорю. „Флагъ спустить!"—послышалась команда оставшагося на вахтѣ Владиміра Ивановича. Всѣ сняли фуражки.

— Ну-съ, прежде всего—чистить рыбу, да живо, не зѣвай! Эй, Никита, ты что тамъ хозяйничаешь?

— Да лукъ и листъ достаю, вашескородіе.

— То-то, не забылъ, молодчина!—поощрялъ командиръ.—Вотъ, господа, здѣсь, вотъ здѣсь костерчикъ, а тамъ, подъ деревомъ, и устроимся.

— Вѣстовой!—заоралъ Павелъ Петровичъ:—стели здѣсь. Да, пожалуй, нечего и зѣвать, можно и дернуть подъ закуску одну, другую, не въ очередь,—добавилъ артиллеристъ.

Но докторъ возропталъ; онъ любилъ порядокъ и страшно

хлопоталъ, чтобы сначала все было готово, а потомъ уже и начинать.

Зазвенѣли стаканы, послышалось щелканье пробокъ, запахло лукомъ, рыбой и еще чѣмъ-то вкуснымъ; всѣхъ начало одолѣвать нетерпѣніе. Костеръ весело пылалъ, потрескивая и освѣщая только ближайшія деревья и группу офицеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ, развалившихся вокругъ бутылокъ и закусокъ. Командиръ около костра важно и неторопливо пробовалъ уху и подбавлялъ то одно, то другое.

— Ну, теперь лучку немного, Никита, поворачивайся, винца! Стопъ, стопъ!—раздавалась его увѣренная команда.—Готово!

И вдругъ всѣ, въ одинъ голосъ, завыли, застонали, закричали, какъ дикіе:

— Скорѣй, скорѣй! Наливайте же! Не теряйте, господа, времени! Ура, уха идетъ! За ваше здоровье! Чья рюмка? Не задерживайте—все равно. Дернемъ по второй! Вкусно?

Такія восклицанія сыпались наперерывъ подъ звонъ рюмокъ и ложекъ, и всѣ съ наслажденіемъ черпали горячую, обжигающую уху изъ общаго большого котла.

А въ сторонѣ между тѣмъ, подъ другимъ деревомъ, матросы развели свой костеръ и варили свою уху.

Услужливые китайцы скоро доставили всегда имѣющуюся у нихъ для продажи водку—и все пошло какъ по маслу.

Можно сказать, что эти двѣ группы людей не мѣшали другъ другу. Скоро послышалось пѣніе, сначала несмѣлое, потомъ погромче и, наконецъ, залихватское, матросское. Господа офицеры, въ знакъ своего удовольствія, прислали командѣ бутылку водки, и за рыбную ловлю каждый жаловалъ по чаркѣ водки.

— Рады стараться!—пробасилъ сигнальщикъ Ужъ, принявшій водку изъ рукъ командира, а, вернувшись къ своимъ, добавилъ:—Ишь, думаютъ, тараканъ имъ въ брюхо, что мы хуже ихъ, безъ водки будемъ ужинать, какъ же!—И прибавилъ мудреное ругательство.

Всѣ захохотали, но все же роспили и эту бутылку.

— Хорошо,—мечтательно сказалъ маленькій матросикъ со вздернутымъ носикомъ.—Ей-Богу, хорошо, это тебѣ не солдатчина, ровно праздникъ.

— Эй, собирайся тамъ!—закричали въ темнотѣ, и всѣ, нехотя, потягиваясь, дожевывая, стали подниматься, тушить костры и собирать вещи.

Скоро по бухтѣ скользили двѣ шлюпки, набитыя народомъ; въ одной тихо напѣвали „Катю“, а въ другой два мичмана вы-

водили извѣстный кадетскій романсъ „Барабанъ“, кончая каждую строфу съ особеннымъ причмокиваніемъ и подмигиваніемъ. Командиръ, входя на трапъ и встрѣчаемый фалрепными [1]) съ фонарями и старшимъ офицеромъ съ рукой подъ козырекъ, обратился къ нему:

— Ну, и весело же время провели, Владиміръ Ивановичъ, давно уже такъ не веселились. Только—къ добру ли,—поперхнулся онъ вдругъ.—Хоть бы не сглазить.

II.

На другой день, въ то время какъ мыли палубу и чистили „мѣдь-желѣзо“, на палубу вышелъ старшій офицеръ. Было прекрасное свѣжее утро. Солнце такъ и сіяло. Небо было синее-синее, высокое; только надъ моремъ, далеко на горизонтѣ, лежало небольшое бѣлое облачко. Зелень на берегу блистала отъ росы, какъ будто усѣянная алмазами, и стояла такая тихая и роскошная. Палуба, окаченная водой изъ брандспойтовъ, выглядѣла чистой и нарядной. Весь транспортъ такъ и горѣлъ подъ веселымъ солнцемъ. Все предвѣщало жаркій, хорошій день. Чайки съ крикомъ носились надъ какими-то остатками, выкинутыми за бортъ.

Владиміръ Ивановичъ тщательно осмотрѣлъ горизонтъ, взглянулъ на барометръ и приказалъ готовиться къ походу.

Матросы, въ рабочихъ парусинковыхъ рубахахъ, въ штанахъ, засученныхъ до колѣнъ, босые, какъ полагается при уборкѣ, начали поднимать на таляхъ шлюпки, при чемъ унтеръ-офицеры свистали въ свои дудки, чтобы ровнѣе работали, завалили выстрѣла, сняли трапы и, подгоняемые старшимъ офицеромъ, работали такъ лихо, что къ половинѣ восьмого все было кончено. Не обошлось и безъ ругани, и безъ криковъ, но все это благопристойно и умѣренно, какъ подобало хорошему офицеру. Молодой матросикъ, стоя на таляхъ, зазѣвался и полетѣлъ на палубу, за что получилъ изрядную головомойку. Въ половинѣ восьмого было приказано будить къ подъему флага. Вѣстовые уже чуть ли не по десяти разъ ходили въ каюты, но все напрасно. Вставали только докторъ, Павелъ Петровичъ и артиллеристъ, а мичмановъ и механика нельзя было добудиться. Евгеній Петро-

---

[1]) Фалрепные—матросы, назначаемые съ вахты для подачи съ трапа шнуровъ, служащихъ поручнями при выходѣ со шлюпки.

вичъ пустилъ даже въ вѣстового сапогомъ и закричалъ, что онъ ему набьетъ рожу.

— Ну, что, всѣ встаютъ?—просунулся въ люкъ Владиміръ Ивановичъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе: господинъ механикъ, господа Юрьевъ и Львовъ не встаютъ, ихъ не добудиться,—отвѣтилъ вѣстовой, улыбаясь своими хитрыми глазами.

— Ты не разговаривай, а буди и чтобы были разбужены!

Безъ пяти минутъ восемь вышелъ командиръ. На палубѣ, на шканцахъ стояли кучей офицеры; механикъ только теперь потихоньку застегивалъ китель. Всѣ приложили руки къ фуражкамъ. Старшій офицеръ и докторъ рапортовали командиру.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Обмѣнялись рукопожатіемъ.—А гдѣ же Евгеній Петровичъ, что съ нимъ? Докторъ, онъ боленъ?

— Я не знаю.

Командиръ уставился на старшаго офицера.

— Его будили, я приказывалъ, нѣсколько разъ, — отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ.

Въ это время къ нему подошелъ сигнальщикъ и тихо доложилъ:

— Восемь часовъ, ваше высокоблагородіе.

— Смирно! Флагъ поднять! — протяжно закричалъ старшій офицеръ.

Всѣ сняли фуражки—и Андреевскій флагъ медленно поползъ кверху подъ звуки сигнала.

Старшій офицеръ подошелъ къ командиру.

— Все готово. Когда прикажете сниматься?—произнесъ онъ, притрогиваясь къ козырьку.

Командиръ вдругъ съёжился, сталъ безпомощно оглядываться вокругъ, какъ будто искалъ чего-нибудь, и засѣменилъ на одномъ мѣстѣ, перепрыгивая съ одной ноги на другую.

— Да, да, походъ... Конечно, все готово... Но я не знаю, какова погода?

Мичманъ не выдержалъ, довольно громко выругался и ущипнулъ механика, а тотъ толкнулъ Павла Петровича.

Старшій офицеръ поникъ головой и, ничего не отвѣчая, что-то искалъ глазами на палубѣ.

— Погода-то отличная,—брякнулъ вдругъ докторъ, вмѣшиваясь въ разговоръ; ужъ очень ему хотѣлось идти, и онъ старался подѣйствовать на командира.

— Да, конечно, отличная стоять въ бухтѣ,—задумчиво за-

тянулъ капитанъ,—а каково въ морѣ?—При этомъ онъ выпустилъ изъ груди сильный вздохъ.—Это-то что̀? Взгляните, это что̀? Это, господа, туманъ. Вотъ и рѣшайте! Да!—Опять вздохъ.

— Да вѣдь туманъ-то въ морѣ весь май, іюнь и іюль,—довольно грубо замѣтилъ артиллеристъ,—а суда, между прочимъ, ходятъ.

— Ну, за то вѣдь и случаи различные бываютъ.

Механикъ довольно громко, не обращаясь ни къ кому, произнесъ:—„Шляпа!“

Старшій офицеръ помолчалъ еще немного и, видя, что командиръ все еще топчется съ одной ноги на другую и разсматриваетъ горизонтъ, угрюмо процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну, такъ что̀ же—значитъ, походъ отмѣняется?

Всѣ замолчали и пытливо смотрѣли на командира. Было видно, что онъ борется самъ съ собой, что его одолѣваетъ нерѣшительность и онъ готовъ отказаться, но вдругъ, для всѣхъ неожиданно, онъ быстро заговорилъ:

— Ну-съ, хорошо! походъ такъ походъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы застоялись, надо провѣтриться. И командиръ порта будетъ доволенъ, онъ ужъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, да и мины поставимъ, поучимся. Можно и стрѣльбу произвести. Въ самомъ дѣлѣ пора. А тумана, можетъ быть, и не будетъ. Какъ вы думаете, господа?

— По-моему, въ морѣ совершенно ясно,—подтвердилъ Владиміръ Ивановичъ.

Командиръ сразу какъ-то повеселѣлъ.

— Ну-съ, такъ нечего и зѣвать, зовите всѣхъ наверхъ.

— Всѣхъ наверхъ, съ якоря сниматься! — глухимъ голосомъ загудѣлъ Павелъ Петровичъ, вставшій на вахту съ восьми часовъ.

Засвистѣли дудки и команда повторялась по всему транспорту. Всѣ забѣгали, зашевелились, густые клубы чернаго дыма повалили изъ высокой трубы. На палубѣ поднялась такая суматоха, какъ будто бы ничего не было готово. Но это былъ, такъ сказать, только особый номеръ и каждый долженъ былъ показывать, что онъ что-то дѣлаетъ. Это въ своемъ родѣ былъ хорошій тонъ.

— На брашпиль! [1]) Пошелъ брашпиль! — весело покрикивалъ старшій офицеръ.

---

[1]) Воротъ, на которомъ поднимается якорь.

Эта команда выбирала якорь, вертя особо устроенную катушку, на которую наматывалась якорная цѣпь.

Прошло минутъ десять, пока транспортъ подтянулся къ якорю. Въ это время пробовали машину, давая ей передній и задній ходъ.

Командиръ между тѣмъ, стоя на мостикѣ, распекалъ Евгенія Петровича.

— Такъ нельзя служить, батюшка! Можно и спать, и къ флагу поспѣть выйти. Что это за порядокъ такой будетъ, если всѣ будутъ спать? Вотъ вы первый годъ плаваете, а что же изъ васъ выйдетъ, когда вы лейтенанта получите?

Мичманъ конфузливо крутилъ руки и молчалъ, смотря мимо капитана.

— А что, пробралъ?—встрѣтили его на полуютѣ.

Евгеній Петровичъ молча разстегнулъ китель и показалъ товарищамъ, что онъ даже не успѣлъ одѣть рубашки—такъ торопился одѣваться.

— Ну, и спитъ, скотина! — сказалъ вѣстовой другому матросу, снимавшему траповые поручни и видѣвшему всю эту сцену.

Раздался звонокъ телеграфа въ машину—динь, динь.—Команда—тихій ходъ.

Транспортъ медленно двинулся изъ бухты.

— Право на бортъ. Отводи... Такъ держать! — раздавалась команда на мостикѣ.

— Доводи до полнаго.

— Ну что, сколько оборотовъ?—спросилъ командиръ, перегнувшись черезъ перила, механика, стоявшаго у машиннаго люка.

— Семьдесятъ-пять, можно и до восьмидесяти-пяти,—прекрасно работаетъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, зачѣмъ, не надо; намъ нечего спѣшить. Юрій Павловичъ, ставьте на курсъ, сколько градусовъ?

— Ну, слава Богу, тронулись,—проговорилъ докторъ.

— Экая-то благодать!

— Да, денекъ шикарный и тишина же въ морѣ, — довольнымъ голосомъ подтвердилъ Димитрій Ивановичъ.

— Вода-то какая, вода,—восторгался докторъ,—просто изумрудъ! А воздухъ!

— Ну, я думаю, теперь можно и чайку попить.

Въ каютъ-компаніи были всѣ, кромѣ вахтеннаго Павла Петровича и штурмана Юрія Павловича. Даже командиръ спустился въ каютъ-компанію, хотя безъ приглашенія. Онъ чувствовалъ,

что сегодня онъ можетъ себѣ позволить это удовольствіе — онъ рѣшился на походъ и всѣ ему благодарны. Вѣстовые разносили чай или кофе по желанію, а на столѣ стояли аппетитныя горячія булки, масло, сыръ, яйца и колбаса. Артиллеристъ и докторъ ѣли бифштексъ, а командиръ съ механикомъ заказали яичницу съ ветчиной.

Артиллеристъ передъ буфетомъ выпилъ рюмку водки и сейчасъ же повторилъ, не закусывая, но продѣлалъ все это какъ-то тайно: все же пить водку въ восемь часовъ было немного не по обычаю.

— Вотъ и тронулись. Дай Богъ, чтобы все было хорошо,— заговорилъ командиръ.—А мѣста-то тамъ какія прекрасныя! Вотъ не знаю, гдѣ только остановиться.

— Конечно, во Врангелѣ, — рѣшительно заявилъ артиллеристъ:—тамъ можно чудно поохотиться.

— А въ Находкѣ-то какая прелесть! Мы могли бы съѣздить во Владимірское,—не соглашался старшій офицеръ.

Но командиръ присоединился къ мнѣнію Димитрія Ивановича:

— Во Владимірское все равно не съѣздимъ—путь по рѣкѣ опасенъ — а Врангель красивѣе и удобнѣе и болѣе защищенъ отъ вѣтра.

— Это, батюшка, настоящая Америка, вотъ вы увидите,— обратился онъ къ доктору: — чего-чего тамъ только нѣтъ: и тигръ, и барсъ, и кабаны, и олени. Да вотъ сами убѣдитесь, Эмара и Майнъ-Рида вспомните.

Начались разговоры и воспоминанія изъ недавней старины. Прошло много лѣтъ, но все измѣнилось въ этомъ удивительномъ краю. Еще десять лѣтъ назадъ подъ самымъ Владивостокомъ бѣгали тигры и похищали городской скотъ, а на огородахъ возлѣ домовъ свободно можно было стрѣлять фазановъ; еще пятнадцать лѣтъ назадъ вокругъ были непроходимые строевые лѣса, а теперь все выжгли, все истребили. Каждый высказывалъ свои мысли и иллюстрировалъ примѣрами, какъ различныя вѣдомства и власть имущія лица загубили весь край, какъ никто ничего не дѣлалъ, какъ все хорошо за границей и какъ у насъ все никуда не годится.

— Вотъ еслибъ англичанъ сюда пустить, они бы раздѣлали подъ орѣхъ—заявилъ командиръ.

А что касается русскихъ рабочихъ, всѣ держались того мнѣнія, что съ кѣмъ угодно лучше работать, но не съ русскимъ. Примѣры сыпались одинъ за другимъ. Сравнивали русскихъ столяровъ, сапожниковъ, переплетчиковъ, прачекъ съ японцами и

единогласно рѣшили, что каждый пойдетъ къ японцу, китайцу или къ кому угодно, но не къ русскому.

— Да мы бы безъ нихъ здѣсь пропали,—сказалъ старшій офицеръ:—вы посмотрите, какая работа въ порту.

— Ну, про портъ, батенька, нечего и разговаривать. Если тамъ кто-нибудь и работаетъ, то все для себя, а не для казны.

Разсказы становились занятнѣе, назывались фамиліи, указывались факты. Тотъ построилъ себѣ домъ изъ казенныхъ матеріаловъ, тотъ наживаетъ въ порту столько-то тысячъ, этотъ беретъ удивительныя поставки.

— Да что объ этомъ и разговаривать,—всѣ знаютъ и никто не думаетъ даже и скрывать.

— Наоборотъ, такихъ-то и уважаютъ,—подтвердилъ артиллеристъ:—они разъѣзжаютъ въ колясскахъ, проигрываютъ тысячи въ одинъ вечеръ, ведутъ открытую жизнь и у нихъ весь городъ. Да и кто же будетъ обличать? Всѣ живутъ портомъ, иначе бы намъ всѣмъ и дѣлать-то здѣсь нечего.

— Ну, ужъ это вы черезъ край, батенька, хватили!—мягко возражалъ командиръ.—Конечно, есть разные люди, но чтобы всѣ—это ужъ, по-моему, несправедливо...

Механикъ между прочимъ разсказывалъ доктору, что онъ живетъ въ домѣ портоваго мастера—домикъ отличный—и все, что̀ ни тронешь—изъ порта. Все, отъ дверной ручки и печной заслонки до чана съ водой, стащено изъ порта или тамъ сработано.

— Вотъ поэтому-то въ порту и затягиваютъ каждую судовую работу. Да и подумайте: развѣ рабочіе слушаются такого мастера, развѣ онъ можетъ управлять ими?—онъ ихъ боится, они держатъ его въ рукахъ, ну и тоже каждый тащитъ что̀ можетъ.—Мичманъ поспѣшилъ привести примѣръ. Ему матросъ выгравировалъ двѣ мѣдныхъ доски для дверей и не скрывалъ, что на казенной мѣди, а матроса этого ему рекомендовалъ командиръ экипажа.

— Я даже спросилъ его,—прибавилъ мичманъ,—изъ какой онъ мѣди дѣлалъ командиру, а онъ осклабился и отвѣчаетъ: „Изъ эстакой же самой, изъ дешеваго сорта, ваше благородіе!“ Вотъ мошенникъ-то!

— Господи, какія вы штуки разсказываете! — воскликнулъ растерянно докторъ.

— Ваше высокоблагородіе, такъ что въ морѣ туманъ идетъ!—вдругъ пробасилъ матросъ, войдя въ каютъ-компанію и снимая фуражку.

— Какъ идетъ? Ты говори толкомъ! — заволновался командиръ.

— Такъ точно. Господинъ Огурцевъ приказали доложить вамъ, что въ морѣ туманъ идетъ.

Всѣ устремились на палубу.

Солнце сіяло такъ, что больно было смотрѣть. Небо безъ облачка синее, темное. Вода зеленая, съ небольшими зайчиками, лѣниво разбивалась о бортъ, слегка покачивая транспортъ. Впереди виднѣлся островъ Аскольдъ, высокій и ровный, поросшій весь лѣсомъ и неприступный. Дальше горизонтъ сразу пропадалъ и тамъ лежалъ на водѣ какъ будто бы слой бѣлой пушистой ваты. Тянулъ небольшой вѣтерокъ, несшій сырость и прохладу.

— Да, туманъ идетъ, — сказалъ артиллеристъ, — вотъ онъ подвигается, до Аскольда еще не дошелъ.

Командиръ потребовалъ бинокль и долго разсматривалъ горизонтъ.

— Успѣемъ пройти маякъ и взять курсъ на „Америку“, — произнесъ онъ довольно важно.

Повидимому, туманъ испугалъ его почему-то меньше, чѣмъ можно было ожидать.

— Да, успѣемъ, а тамъ уже всего четыре часа — и въ бухтѣ.

— Ишь, смѣлости набрался! — сказалъ Димитрій Ивановичъ на ухо механику; — посмотримъ, что̀ будетъ дальше.

— Туманъ держится въ морѣ съ весны почти до самой осени, — читалъ лекцію командиръ, обращаясь больше къ доктору, — отступая немного отъ берега или насѣдая на него, мѣстами разсѣиваясь или поднимаясь. Иногда намъ приходится идти весь путь въ туманѣ. Тутъ нужна только осторожность. Я помню, мы шли, какъ-то года четыре или пять тому назадъ съ капитаномъ Бернадотомъ съ Тюленьяго острова. Ну-съ, все хорошо, туманъ да туманъ съ самаго Корсаковска. Вотъ, по разсчету нашего штурмана, завтра должны быть къ утру у Ольги, вдругъ къ вечеру выбѣгаетъ это Бернадотъ и приказываетъ бросить лотъ. Бросили — сорокъ саженъ. „Зарядить пушку холостымъ!“ Мы всѣ стоимъ и подсмѣиваемся — онъ у насъ вѣдь психопатомъ слылъ. Вотъ только это пушка ахнула, какъ пошло эхо — такъ и гудитъ, такъ и переливается. Сейчасъ: „отдать якорь!“ — и встали на тридцати-саженной глубинѣ. Стояли до утра, а какъ разсѣялся туманъ, видимъ впереди, въ саженяхъ ста, ста-пятидесяти — берегъ. Вотъ, батюшка, какія штуки бываютъ. Ничего, Богъ спасаетъ.

Командиръ, казалось, попалъ въ такую линію веселья и разговорчивости, изъ которой ничто не могло его вывести.

Всѣ оставались на палубѣ и болтали. Транспортъ подвигался къ острову съ одной стороны, а туманъ—съ другой, постепенно поднимаясь и поднимаясь все выше. Теперь онъ уже не казался ватой, а стоялъ грозной бѣлой стѣной, уходящей высоко, высоко въ небо. Самое небо сѣрѣло и теряло свою синюю окраску. Сырость сдѣлалась ощутительной; все стало влажно. Лицо, губы, руки покрылись соленымъ налетомъ. Островъ приближался и казался неприступной сѣрой громадой—такъ обрывисты и высоки были его берега, покрытые темнозеленой шапкой густого лѣса. Островъ имѣлъ форму подковы, и на дальнемъ концѣ ея бѣлѣлся на высокомъ мысу маленькій маякъ. Въ это время отдѣльныя облачка тумана — какъ будто авангардъ главныхъ силъ его,—рѣдкія какъ дымъ, волнуясь по вѣтру, потянулись мимо транспорта.

На зеленой шапкѣ Аскольда появилась непроницаемая бѣлая стѣна, и вдругъ, какъ-то сразу, транспортъ оказался въ туманѣ. Съ полуюта можно было разсмотрѣть фигуры командира, вахтенныхъ, штурмана и сигнальщиковъ на мостикѣ, а носа уже нельзя было видѣть. Впереди, сбоку, сзади—туманъ и туманъ. Онъ ползетъ по палубѣ, сырой и однообразный, проходитъ подъ мостикомъ между вантъ, забирается за одежду и проникаетъ, кажется, въ душу—такъ дѣлается тяжело и невыносимо грустно. А тутъ еще эти протяжные, надрывающіе гудки сирены: командиръ приказалъ свистать каждыя три, пять минутъ для предосторожности.

Механикъ взобрался на мостикъ, ёжась въ своемъ кителѣ отъ сразу наступившаго холода и сырости, и пытливо смотрѣлъ кругомъ. Ничего... Ничего кромѣ тумана.

— Ну, и густой же, чортъ его задери!—сказалъ онъ Павлу Петровичу.

— Сигнальщики, смотрѣть впередъ! — заоралъ вдругъ Павелъ Петровичъ и поднялъ воротникъ своей тужурки.

— Да, смотри здѣсь, много увидишь!—забурчалъ себѣ подъ носъ Ужъ, залѣзая въ самый уголъ мостика и вооружившись для чего-то подзорной трубой.

Командиръ и штурманъ совѣщались здѣсь же на мостикѣ. Капитанъ утверждалъ, что надо пройти еще съ полчаса и взять курсъ на „Америку“. Тогда уже будетъ полная увѣренность, что маякъ прошли. Но Юрій Павловичъ уперся и, смотря своими нахальными зеленоватыми глазами пристально на капитана, спрашивалъ:

— А зачѣмъ это, Николай Николаевичъ, если мы хорошо знаемъ, что маякъ уже пройденъ?

— Но позвольте, Юрій Павловичъ, я говорю, что тогда будетъ полная увѣренность.

— А сейчасъ ея нѣтъ у васъ? — не сводилъ своихъ глазъ съ капитана Юрій Павловичъ.

— Ну, мало ли что бываетъ! Надо быть готовымъ на все.

Но штурманъ уже обидѣлся; онъ такъ ясно чувствовалъ свое превосходство надъ этой „шляпой", что не могъ выносить, когда командиръ вмѣшивался „въ его дѣла".

— Какъ угодно,—вдругъ сухо проговорилъ онъ,—но въ такомъ случаѣ я не отвѣчаю.

Командиръ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Да что вы, Юрій Павловичъ, я не настаиваю, дѣлайте какъ хотите, но я командиръ, я долженъ знать; я думаю, двѣ головы лучше...

Мичманъ молчалъ и ждалъ приказаній. Капитанъ прошелся раза два по мостику, взглянулъ на компасъ, вынулъ часы, позабылъ посмотрѣть и ласково и заигрывающе обратился къ штурману: — Ну, вотъ, теперь и ставимъ на Америку. Съ Богомъ, такъ-то лучше.

— Есть,—буркнулъ недовольнымъ голосомъ штурманъ и, приложивъ руку къ козырьку, чисто оффиціально доложилъ:—Нордъ-Нордъ-Вестъ двадцать-пять.

Такой оборотъ дѣла окончательно тронулъ добрѣйшаго Николая Николаевича, и онъ рѣшилъ, что на штурмана сѣлъ чортъ и съ нимъ теперь не сговоришься. Онъ спустился съ мостика и подошелъ къ доктору.

— Вотъ видите, какія дѣла: человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Ну, развѣ можно было ожидать, что будетъ туманъ?

Докторъ былъ совсѣмъ разочарованъ: ничего нельзя было видѣть, да и настроеніе испортилось.

— Эй, сигнальщики, не зѣвай!—кричалъ командиръ:—чтобы каждыя три минуты — сирена. Не дай Богъ съ судномъ встрѣтиться. Туманъ такой, что только звуками и можно руководиться.

Послѣ заунывнаго пронзительнаго гудка сирены становилось вдругъ такъ тихо, такъ пусто, что ухо улавливало малѣйшіе звуки, и всѣ прислушивались чтобы не пропустить отдаленнаго свистка парохода. Но ничего, все спокойно.

— И входъ въ заливъ будетъ трудноватъ,—заговорилъ опять командиръ;—можно только надѣяться что ближе къ берегу нѣтъ тумана. Это часто бываетъ...

— Что это? Что это?—вдругъ закричалъ онъ не своимъ голосомъ и бросился на мостикъ.

Что̀ произошло вслѣдъ затѣмъ—трудно описать и даже трудно представить: продолжалось ли это двѣ минуты, или полчаса, было ли это такъ, или иначе.

Механикъ помнилъ хорошо, что онъ стоялъ у лѣваго борта съ мичманомъ Евгеніемъ Петровичемъ и разговаривалъ, когда услышалъ безумный крикъ командира. Не успѣлъ онъ что-либо увидѣть, какъ вдругъ гдѣ-то сбоку раздался глухой пушечный выстрѣлъ. Затѣмъ—крикъ, сплошной крикъ нѣсколькихъ голосовъ на носу и какъ по волшебству—ужасная, удивительная картина. Прямая, темная стѣна передъ носомъ транспорта, вверхъ края не видно—опять туманъ, а внизу—камни, камни...

Глаза расширились отъ ужаса и сердце остановилось, а зрѣніе было такъ остро или стѣна такъ близко, что, казалось, каждая песчинка, каждая травинка межъ камней выступала рѣзко и ясно, какъ черезъ увеличительное стекло.

Сознаніе на мгновеніе оставило механика, и онъ, какъ зачарованный, неподвижно смотрѣлъ впередъ, но вслѣдъ затѣмъ бросился въ машину.

Павелъ Петровичъ на мостикѣ, повидимому, не растерялся и сразу же съ полнаго хода впередъ повернулъ ручку телеграфа на полный назадъ.

Командиръ какъ буря ворвался на мостикъ, дернулъ ручку телеграфа, убѣдился, что она поставлена какъ слѣдуетъ, и моментально скатился внизъ, къ машинному люку. Перегнувшись въ него, онъ кричалъ, не переставая, то просьбы, то приказанія:

— Назадъ, полный ходъ назадъ! Голубчики, родные, живѣй! Господи, что̀ же это будетъ! Самый полный ходъ!

Его примѣръ подѣйствовалъ заразительно, и докторъ, вахтенный матросъ и Евгеній Павловичъ старательно вопили въ люкъ едва ли членораздѣльные звуки.

Справа и слѣва отъ транспорта торчали уже изъ воды громадныя глыбы.

На носу орали что-то матросы и, испуганные, блѣдные, растерянно метались изъ стороны въ сторону. Артиллеристъ въ это время выскочилъ на крикъ изъ каюты и бросился на мостикъ. Съ напряженіемъ до боли, блѣдный, слѣдилъ онъ по водѣ, успѣетъ ли машина забрать задній ходъ или—еще моментъ, послышится страшный трескъ, ударъ и все кончено—носъ транспорта врѣжется въ берегъ.

— Ура, ура!—закричали на бакѣ.

Сигнальщикъ снялъ фуражку и перекрестился.

— Забрало, забрало, слава Богу! — ворчалъ про себя Димитрій Ивановичъ.

Павелъ Петровичъ стоялъ на мостикѣ такой несчастный и пришибленный, что на него было жалко смотрѣть. Берегъ постепенно отходилъ, терялся и наконецъ погрузился въ туманъ. Пушечные выстрѣлы съ равными промежутками слѣдовали за транспортомъ.

Штурманъ такъ поразился всѣмъ происшедшимъ, что оставался все время вполнѣ безучастнымъ зрителемъ, и только теперь началъ соображать. Онъ вдругъ подбѣжалъ къ ящику съ картой и поспѣшно что-то на ней отыскивалъ. Старшій офицеръ прибѣжалъ съ бака и быстро поднялся на мостикъ. Берегъ давно уже пропалъ изъ глазъ въ туманѣ, а машина все работала задній ходъ. При одномъ винтѣ это было опасно, такъ какъ корму судна относило въ лѣвую сторону.

— Стопъ машина... Право на бортъ! — скомандовалъ Владиміръ Ивановичъ и, выждавъ немного и прислушавшись, далъ полный впередъ.

Теперь только понемногу всѣ приходили въ себя.

— Господи, Господи, что̀ мы надѣлали! — застоналъ командиръ. Онъ поднялся на мостикъ, едва волоча ноги, и чуть ли не зарыдалъ.

— Вотъ видите, вотъ видите, господа, что̀ значитъ море! Я говорилъ, я предупреждалъ. Что̀ мы теперь будемъ дѣлать?

Онъ настолько растерялся, что окончательно не могъ соображать. Вдругъ онъ увидѣлъ штурмана. Ярость изобразилась на его лицѣ и онъ еще болѣе поблѣднѣлъ.

— Это все вы, вы! Вы виноваты во всемъ! Подъ судъ! — завизжалъ онъ бѣшено.

Лицо штурмана затряслось, запрыгало и онъ стремглавъ бросился съ мостика.

— Ну, полно, Николай Николаевичъ, полно, теперь не время,—взялъ его за руку артиллеристъ,—успокойтесь! Понятно, мы едва не врѣзались въ берегъ подъ маякомъ, но все слава Богу, теперь курсъ взять легче легкаго. Вѣдь мы вполнѣ опредѣлились.

— Каково мнѣ-то! что̀ я перечувствовалъ! развѣ не я за все отвѣчаю?—заикаясь, все еще блѣдный, трясущійся, стоналъ командиръ, но, видимо, возбужденіе проходило и онъ начиналъ успокоиваться.

Въ это время старшій офицеръ отошелъ мили три-четыре

отъ маяка и взялъ курсъ на Америку. Артиллеристъ помогалъ ему и мало-по-малу все пришло въ порядокъ.

Опять заработала сирена, ударили въ стклянки, команда стала расходиться съ палубы. Павелъ Петровичъ мрачно ходилъ по мостику въ своей грязной походной тужуркѣ съ поднятымъ воротникомъ и нахлобученной впередъ фуражкѣ, и покрикивалъ: „смотрѣть впередъ"! Сигнальщики перили въ туманѣ глаза и, конечно, ничего не видѣли. Командиръ пригласилъ къ себѣ въ каюту сначала старшаго офицера и просилъ его не покидать мостика, а затѣмъ артиллериста и поручилъ ему быть за штурмана на этотъ переходъ, такъ какъ онъ не можетъ довѣрять Юрію Петровичу и такъ какъ Димитрій Ивановичъ не разъ бывалъ въ этихъ мѣстахъ и знаетъ ихъ хорошо.

— Ну, что же, Николай Николаевичъ, съ кѣмъ не бываетъ такихъ случаевъ? Вы не падайте духомъ.

Тутъ Николай Николаевичъ не выдержалъ и просто-на-просто прослезился. На прощаніе онъ поцѣловалъ Димитрія Ивановича и обѣщалъ успокоиться и выйти на палубу.

Въ каютъ-компаніи между тѣмъ звѣрствовалъ штурманъ. Какъ бѣшеный ворвался онъ къ себѣ въ каюту и захлопнулъ дверь съ такимъ шумомъ, что все затряслось и нѣсколько карточекъ шансонетныхъ пѣвицъ полетѣло на полъ. Торопясь и задѣвая за все, что̀ ни попадало подъ руку, вытаскивалъ онъ бумагу, перо, чернила и сѣлъ писать.

Что̀ онъ будетъ писать?!..

„Да, сейчасъ застрѣлиться, конечно, другого исхода нѣтъ. Всему конецъ. Въ письмѣ описать все и эту поганую старую калошу. Скотина, онъ не одного меня загубилъ. Шваль этакая! Напишу такъ, чтобы обличить его во всемъ, по крайней мѣрѣ— не даромъ умереть... А впрочемъ зачѣмъ, можетъ быть лучше посмотрѣть, что̀ выйдетъ изъ всего этого. Онъ не посмѣетъ отдать меня подъ судъ, онъ одинъ виноватъ и его надо наказать за наглость. Конечно, рапортъ съ изложеніемъ всего. Павелъ Петровичъ весь разговоръ слышалъ: я отказался отъ своей обязанности, я не отвѣтственъ".

Въ это время послышался стукъ въ дверь. Докторъ осторожно вошелъ въ каюту и сѣлъ на койку. По его разсказу выходило совсѣмъ иначе, и берегъ, оказывается, онъ увидѣлъ первый и такъ ясно, какъ на ладони. Штурманъ заспорилъ, что сначала раздался выстрѣлъ и что тогда-то и завыло это животное, эта старая швабра. А дальнѣйшее произошло потому, что Павелъ Петровичъ прозѣвалъ и не тотчасъ же далъ задній ходъ.

Къ спору присоединился, черезъ стѣнку изъ сосѣдней каюты механикъ, а потомъ вмѣшался Евгеній Павловичъ. Странное дѣло—всѣ видѣли и испытали разное, и каждый увѣрялъ, что онъ правъ. Въ своихъ мнѣніяхъ расходились настолько, что спорили почти до ссоры.

— Но позвольте, какъ же все это могло случиться?—задалъ вопросъ докторъ.—Число миль по лагу и время съ тѣхъ поръ, какъ спустился туманъ, показывало, что маякъ пройденъ, значитъ—курсъ не вѣрный?

— Вы бы лучше остерегались задавать такіе вопросы,—ощетинился моментально штурманъ:—все записано у сигнальщика и будетъ провѣрено на судѣ. Командовалъ не я. Онъ ставилъ на курсъ. Съ моей стороны все безошибочно. Никто не смѣетъ меня оскорблять.

Всѣ увидѣли, что Юрія Павловича лучше оставить въ покоѣ—не то могла выйти крупная непріятность.

Но штурманъ разошелся и, забывъ уже о рапортѣ, перешелъ въ каютъ-компанію.

Время завтрака давно уже было пропущено, но столъ стоялъ до сихъ поръ накрытый. Артиллеристъ спокойно прикладывался къ водкѣ и закусывалъ отличной сахалинской селедкой.

— Конечно, все бываетъ,—сказалъ онъ, жуя и причмокивая,—но все же всему бываетъ причина. Если маякъ былъ пройденъ и курсъ вѣренъ, то этого бы не случилось.

Споръ возгорѣлся снова и грозилъ перейти опять въ непріятность, когда Димитрій Ивановичъ, дружески похлопывая по плечу штурмана, произнесъ:—И нечего здѣсь горячиться. Вы первый годъ плаваете, ну такъ что же удивительнаго? А вотъ онъ!—и артиллеристъ показалъ на капитанскую каюту—вотъ это другое дѣло. Ну, да что тамъ, выпьемъ лучше.

Послѣ завтрака опять всѣ вышли на палубу. Около трехъ часовъ долженъ былъ показаться мысъ, обозначающій входъ въ бухту, и всѣ ожидали его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Старшій офицеръ послалъ сигнальщика на бакъ смотрѣть впередъ, а самъ съ другимъ сигнальщикомъ слѣдилъ съ капитанскаго мостика. Евгеній Павловичъ, ставшій теперь на вахту, вооружился биноклемъ и до поту старался первый увидѣть этотъ желаемый мысъ. Димитрій Ивановичъ велѣлъ спустить трапъ и, усѣвшись на нижней площадкѣ, у самой воды, смотрѣлъ впередъ, объяснивши любопытному доктору, что иной разъ туманъ не садится на поверхность воды и тамъ остается небольшое свободное пространство. Около трехъ часовъ убавили ходъ до самаго ма-

лаго. Командиръ отправился на бакъ и все время оставался около сигнальщика. Было видно, что онъ страшно безпокоится. То и дѣло онъ кричалъ на мостикъ: „Ну что, ничего не видно? Спросите Димитрія Ивановича! Ничего?“ И опять тѣ же вопросы.

Вдругъ Димитрій Ивановичъ закричалъ радостно и весело:— Вижу берегъ!

— Стопъ машина!—скомандовалъ старшій офицеръ.

— Ну, теперь выберемся! — закричалъ командиръ. — Гдѣ? гдѣ?

Все вниманіе было устремлено въ ту сторону, и скоро всѣ начали различать сквозь туманъ едва замѣтный контуръ острова, небольшого, высокаго, неправильной формы.

— Это Лисій островъ, — сообщилъ Димитрій Ивановичъ,— я хорошо узнаю его.

— Да, мы попали немного лѣвѣе, вѣрно снесло теченіемъ,— отозвался старшій офицеръ.

Внезапно туманъ сталъ рѣдѣть, рѣдѣть, и вся чудная панорама моря, береговъ, покрытыхъ дѣвственной растительностью, и дальней цѣпи горъ, блистающихъ подъ знойными лучами солнца, предстала передъ ними.

— Я такъ и зналъ, я такъ и зналъ, что у береговъ нѣтъ тумана. Вонъ, вонъ за поворотомъ и Врангель!—воскликнулъ командиръ.

— Право на бортъ, одерживай, такъ держать!—радостнымъ голосомъ командовалъ старшій офицеръ.

Всѣмъ стало легко на душѣ, будто вмѣстѣ съ туманомъ уплыло все непріятное, все тяжелое. Погода стояла здѣсь солнечная, ясная, воздухъ блестѣлъ и переливался и небо было высокое, голубое. Только съ моря нависала стѣна тумана и отрѣзала бухту съ ея берегами. Тамъ надъ высокимъ мысомъ, поросшимъ лѣсомъ и выдающимся далеко въ море, шелъ густой туманъ, перекочевывая черезъ его щетинистую спину. Какой контрастъ, какая поразительная картина!

Черезъ какой-нибудь часъ транспортъ вошелъ въ небольшую спокойную бухту, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсистымъ пустыннымъ берегомъ, такъ что не видно было даже и выхода, и бросилъ якорь. Сквозь чистую, прозрачную воду хорошо были видны крупныя рыбы, когда онѣ ходили вокругъ судна. Изъ береговыхъ зарослей съ крикомъ вылетѣла стая дикихъ утокъ.

— Ну, ребята,—заявилъ механикъ,—и охота же здѣсь богатѣйшая.

Офицеры вытащили заржавѣвшія охотничьи ружья, чистили

ихъ и готовились къ охотѣ, поругивая вѣстовыхъ за плохой уходъ за вещами. А матросы ловили рыбу съ борта, приспособивъ для этого вмѣсто удочки крючья и гвозди.

III.

Послѣ обѣда компанія засидѣлась за столомъ, и за кофе явилось общее рѣшеніе отпраздновать „чудесное спасеніе".

— Шампанскаго!—закричалъ Димитрій Ивановичъ:—я ставлю двѣ бутылки.

— И я двѣ,—добавилъ все еще мрачный Павелъ Петровичъ.

— А мы по одной,—хоромъ заявили остальные.

— Вотъ такъ погуляемъ!—воскликнулъ Евгеній Павловичъ и началъ обнимать Павла Петровича.

Вѣстовые не заставили себя долго ждать—и вотъ уже захлопали пробки. Разошелся даже старшій офицеръ и нисколько не сдерживалъ веселья. Только Павелъ Петровичъ что-то все хмурился, да штурманъ еще на кого-то сердился.

Послѣ спуска флага, на который никто не вышелъ, кромѣ дежурнаго по вахтѣ, когда уже стало темно и зажгли электричество, компанія разошлась во всю. Артиллеристъ сидѣлъ за столомъ, обнявшись съ Юріемъ Павловичемъ, и что-то пѣлъ. Старшій офицеръ, раскраснѣвшись и покатываясь отъ смѣха, слушалъ разсказъ механика объ его похожденіяхъ. Павелъ Петровичъ, серьезный какъ и раньше, уговаривалъ доктора бросить флотъ и идти вмѣстѣ съ нимъ во французскую кавалерію. Ни съ того, ни съ сего, онъ началъ пѣть французскую шансонетку, пресмѣшно подпрыгивая на табуретѣ и щелкая пальцами.

— Ха, ха, ха!—не выдержалъ штурманъ и вдругъ проявилъ такую рѣзвость, что всѣ на минуту уставились на него, пораженные неожиданностью.

— Эхъ, гулять, такъ гулять! Вѣстовые, вооружить все для жжонки!

Еще не было допито шампанское, какъ появилась громадная чаша съ жжонкой. Сахаръ, облитый ромомъ, пылалъ красивымъ синимъ свѣтомъ и освѣщалъ небольшую каютъ-компанію. Электричество было погашено. Господа офицеры, какъ полагается въ такихъ случаяхъ, запѣли нестройными голосами. Если можно было различить, что̀ пѣли механикъ со старшимъ офицеромъ, то что̀ пѣлъ Павелъ Петровичъ—оставалось никому неизвѣстнымъ. Скоро послышались поцѣлуи и каждый пилъ со всѣми на бру-

дершафтъ. Павелъ Петровичъ схватилъ со стола бутылку и, желая налить шампанскаго, никакъ не могъ попасть въ стаканъ и, обливъ доктора, отправилъ съ размаху бутылку въ дальній уголъ, едва не угодивъ въ механика. Докторъ съ сильно шумящей головой и со звономъ въ ушахъ, отираясь отъ шампанскаго, вышелъ на палубу.

Какая чудная ночь опустилась на землю, темная, чисто тропическая. Звѣзды, громадныя, свѣтлыя, отражаются въ морѣ, какъ въ зеркалѣ, и кажется, что онѣ горятъ тамъ глубоко, глубоко подъ водою.

Берегъ темной неправильной рамой, то приближаясь, то удаляясь, лежитъ вокругъ бухты. Тишина въ воздухѣ упоительная, если бы не дикіе выклики, вылетающіе изъ люка каютъ-компаніи.

Пока докторъ осматривался по сторонамъ, съ трудомъ различая въ темнотѣ части судна, къ нему подошелъ командиръ. Онъ былъ приглашенъ на вечеръ въ каютъ-компанію, но не пошелъ, находясь все еще подъ впечатлѣніемъ случившагося происшествія.

— Веселится молодежь, что же, пусть веселится,—заговорилъ онъ.—И я эту школу прошелъ, и у насъ всякіе случаи бывали, и, повѣрьте, всегда одно и то же. Я развѣ виню Юрія Павловича, а вотъ онъ сердится: во всемъ я одинъ виноватъ... Но скажите по правдѣ, между нами, развѣ онъ штурманъ, развѣ на него можно положиться? Да и всегда это у насъ такъ странно бываетъ. А между тѣмъ не мы же одни ходимъ туманомъ. Вотъ въ позапрошломъ году въ такой же туманъ съумѣла придти къ намъ во Владивостокъ англійская эскадра, да еще какъ: вся бухта въ туманѣ, ни зги не видно, и мы тутъ же стояли, разъяснѣло—смотримъ, а они уже на якорѣ стоятъ. Могла же придти, вѣдь могла. Быть можетъ, это счастливый случай, безусловно... но все же, не всегда случай...

Такъ резонировалъ, вѣрнѣе—нескладно передавалъ свои мысли командиръ, а докторъ стоялъ передъ нимъ, упершись о поручни трапа, и все вертѣлось у него въ головѣ.

„Если есть что хорошаго у насъ во флотѣ, то вотъ эта мягкость, доброта, товарищество, — думалъ онъ, смотря на командира.—Чудесный человѣкъ, чудесный, каждый его любитъ, да и какъ его не любить. Но вотъ насчетъ уваженія—тоже безусловно“...

— Вы не повѣрите, а я этотъ случай, можетъ быть, и предчувствовалъ,—продолжалъ командиръ, задумчиво вглядываясь въ темные берега:—я, знаете, фаталистъ, я вѣрю въ судьбу и со

мною бывало въ жизни кое-что. Вы знаете, настоящіе моряки всегда немного суевѣрны, да и нельзя. На свѣтѣ очень много чудеснаго. Первый разъ, это было давно, я былъ еще въ Россіи съ женой и мы пріѣхали въ имѣніе къ дядѣ... Тамъ собралось большое общество. Улеглись мы спать рано, по-деревенски, и вотъ просыпаюсь я ночью отъ какого-то внутренняго ужаса, самъ не знаю почему, прислушиваюсь—жена тоже не спитъ.— Шура, говорю, ты что?—А она—такимъ страшнымъ голосомъ: „Ничего, мнѣ страшно", да какъ юркнетъ съ головой подъ одѣяло, и вдругъ я слышу—ну, ясно такъ—кто-то по комнатѣ шагаетъ, какъ будто босыми ногами, да такъ тяжело, тяжело. И съ сосѣдней пустой кровати подушка на полъ—бухъ! Мы такъ и застыли, волоса на головѣ шевелятся, дыханіе захватило. Потомъ все тихо, спокойно. Я хотѣлъ встать, осмотрѣться—жена не пустила, мы и заснули. А утромъ, смотрю—дѣйствительно, подушка лежитъ посреди комнаты, а двери и окна, все какъ есть, закрыты на задвижки, въ порядкѣ. Какъ объяснить? Да еще и не такіе случаи бывали. Хотя Шура теперь и смѣется при этомъ воспоминаніи, а я знаю, къ чему это было: въ томъ же году умеръ дядюшка Иванъ Максимовичъ. Вотъ и подумайте теперь.

Командиръ подергалъ себя за бороду и таинственно замолчалъ.

Димитрій Ивановичъ, пошатываясь, подошелъ тѣмъ временемъ къ разговаривающимъ и сообщилъ довольно серьезно командиру, что онъ все же любитъ его и сейчасъ расцѣлуетъ. Затѣмъ онъ утащилъ доктора въ каюту, заявивъ, что этого никакъ нельзя допустить: теперь идетъ круговая чара и всѣ должны пить. По дорогѣ онъ сообщилъ, что драгоцѣнная Александра Андреевна, жена командира, устраивала своему мужу еще и не такія „гипнотическія спиритуализаціи", и что это всѣмъ хорошо извѣстно.— А впрочемъ наплевать!—закончилъ онъ энергично:—она баба добрая, и я ихъ люблю.

Павлу Петровичу приходилось туго и ему понадобилась серьезная помощь вѣстового. Но все же скоро грянула веселая хоровая пѣсня: „Феня, Феня", старательно выводимая механикомъ, и всѣ подхватили.

Правда, пѣсня не совсѣмъ подходила для этой компаніи, но за то навѣрное не впервые оглашала эти пустынные берега далекой россійской окраины.

Часовые на кормѣ и на бакѣ, а также задремавшіе сигнальщики на мостикѣ прислушивались къ разудалой пѣснѣ и ухмылялись:—„господа веселятся".

Морской.

КОАЛИЦІИ
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ

Исторія представляетъ собою постоянную арену борьбы стараго съ новымъ. Въ причудливо переплетающейся ткани общественныхъ явленій мы въ любой моментъ легко отыщемъ многочисленныя проявленія этой борьбы. Они отмѣчены въ каждую данную эпоху цѣлымъ рядомъ типичныхъ особенностей, но въ совокупности съ поразительной правильностью воспроизводятъ одну и ту же картину.

Эта борьба не прекратится до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать въ мірѣ юридическое неравенство и не исчезнутъ привилегіи всякаго рода. А пока она не прекратилась, она будетъ опредѣлять главное содержаніе общественной жизни.

Два знамени стоятъ на противоположныхъ полюсахъ общественности: истрепанный, отяжелѣвшій отъ крови стягъ отживающаго и—блещущая свѣжими, ослѣпительно-яркими красками, несущая побѣдныя упованія орифламма новыхъ началъ жизни. Вокругъ этихъ двухъ знаменъ въ каждый данный моментъ группируются общественныя силы: съ одной стороны — защитники эгоистическихъ личныхъ и групповыхъ интересовъ, съ другой— всѣ недовольные господствующими формами общественныхъ отношеній.

Недовольство это выражается по разному и не можетъ выражаться одинаково, ибо существующій строй очень различно затрогиваетъ группы, ему враждебныя. Однихъ, экономически болѣе слабыхъ, онъ ставитъ въ крайне тяжелыя условія въ борьбѣ за существованіе, лишаетъ ихъ самаго необходимаго,

толкаетъ въ бездну угнетенія и порабощенія. Другимъ, болѣе сильнымъ, онъ только не даетъ простору для хозяйственной дѣятельности.

Когда всѣмъ этимъ группамъ приходится вступать въ борьбу съ существующимъ порядкомъ, болѣе сильныя, менѣе страдающія, желаютъ просто измѣнить формы общественной жизни, неудобныя для нихъ; другія идутъ дальше, требуютъ перемѣнъ болѣе глубокихъ, хотятъ завоевать себѣ достойныя человѣка условія существованія, хотя бы цѣною разрушенія существующаго строя. Общее въ стремленіяхъ всѣхъ оппозиціонныхъ группъ—это попытка привести въ соотвѣтствіе формы общественной жизни съ ихъ содержаніемъ. Но такъ какъ каждая группа понимаетъ это соотвѣтствіе по-своему и не всегда согласна въ этомъ съ сосѣдней группой, то борьба нерѣдко кончается неудачно. Другими словами, не существуетъ объективнаго критерія, справившись съ которымъ можно было бы заранѣе опредѣленно сказать, что соотвѣтствіе между содержаніемъ и формою нарушено. Если бы такой критерій существовалъ, борьба всегда была бы удачна. Идея несоотвѣтствія возникаетъ и развивается въ сознаніи общественныхъ группъ; различно и не всегда правильно оцѣнивается, поэтому, реальное соотношеніе силъ.

Правильной оцѣнкѣ положенія часто мѣшаетъ низкій культурный уровень, неразвитое классовое сознаніе, тяжесть политическаго гнета. Отдѣльныя группы рѣшаютъ вопросъ о существованіи несоотвѣтствія между формой и содержаніемъ общественной жизни положительно; это оказывается неправильнымъ, и борьба, начатая на основаніи невѣрнаго заключенія, кончается неудачно.

Все это является результатомъ одного факта: разнородности той общественной арміи, которая ведетъ борьбу за новыя условія жизни.

И защитники существующаго порядка всегда очень умѣло пользовались этимъ фактомъ.

Достаточно обратить вниманіе на то общеизвѣстное явленіе, что въ разныя эпохи составъ обоихъ борющихся лагерей оказывается очень различнымъ. Тѣ общественныя группы, которыя въ извѣстный моментъ ведутъ борьбу противъ существующаго порядка, сто лѣтъ спустя, а часто и раньше, могутъ оказаться въ рядахъ его защитниковъ. Это различіе вытекаетъ изъ различія соціально-экономическихъ отношеній въ разныя эпохи. Чѣмъ дальше мы подвигаемся назадъ, въ сѣдую глубину вѣковъ, тѣмъ меньше становится группа защитниковъ существующаго, ибо

тѣмъ болѣе въ обществѣ привилегій и неравенства, обусловленныхъ состояніемъ хозяйства.

Само по себѣ различіе въ хозяйственномъ положеніи не создаетъ такого коренного перераспредѣленія группъ, въ результатѣ котораго является переходъ изъ одного лагеря въ другой. Нужна борьба, чтобы возстановить нарушенное хозяйственнымъ ростомъ соотвѣтствіе между содержаніемъ и формою общественной жизни, чтобы провести новыя грани между группами. И борьба идетъ постоянно, не прекращаясь. Но, благодаря разнородности группъ, ведущихъ борьбу со старымъ строемъ, существующему порядку дается возможность удовлетворить однѣ и отбросить другія. Удовлетвореніе получаютъ, конечно, тѣ, которыя предъявляютъ болѣе скромныя требованія, слѣдовательно болѣе сильныя экономически. Удовлетворенныя, онѣ часто переходятъ въ лагерь защитниковъ существующаго порядка.

Такъ, основной фактъ—разнородность оппозиціонныхъ группъ—съ теченіемъ времени мѣняетъ обликъ общества и созидаетъ для существующаго порядка возможность, цѣною небольшихъ уступокъ, держаться противъ натиска оппозиціи.

Это условіе, затрудняющее борьбу съ существующимъ порядкомъ, осложняется еще и другимъ.

Въ общественной жизни, какъ и въ военномъ дѣлѣ, вести наступленіе, отвоевывать укрѣпленныя позиціи гораздо труднѣе, чѣмъ защищать ихъ. Тѣ общественныя группы, которыя заранѣе засѣли въ свои историческія твердыни, обыкновенно умѣютъ заблаговременно обставить себя наилучшими техническими средствами сопротивленія. Численностью онѣ всегда уступаютъ своимъ противникамъ, но именно потому, что техническія условія обороны, которыми онѣ располагаютъ, несравненно болѣе совершенны, борьба, несмотря на огромное неравенство силъ, длится долго. Конечно, въ концѣ концовъ, она не можетъ не разрѣшиться побѣдой той стороны, которая располагаетъ численнымъ превосходствомъ; но почти никогда эта побѣда не дается быстро. Моментъ торжества очень оттягивается и бываетъ омраченъ частыми неудачами.

Выводъ изъ всего сказаннаго, какъ намъ кажется, напрашивается самъ собою.

Если разнородность группъ, ведущихъ борьбу противъ существующаго порядка, является наиболѣе общею причиною того, что побѣда не дается легко, если измѣна той или иной группы ведетъ къ пораженію всѣхъ, то ясно, что единственнымъ твердымъ шансомъ побѣды является сплоченность коалиціи обще-

ственныхъ группъ, ихъ тѣсная солидарность въ борьбѣ, союзъ до конца. Пока онѣ держатся дружно, плечо къ плечу идутъ на вражескія твердыни, у нихъ всѣ шансы на болѣе быструю и болѣе рѣшительную побѣду.

Исторія полна примѣрами, иллюстрирующими это положеніе. Мы ограничимся немногими, такими, которые могутъ иллюстрировать разные типичные моменты въ общественной эволюціи.

Сопоставимъ прежде всего основные факты, опредѣлившіе весь ходъ политическаго развитія Англіи и Франціи.

Когда на французскій престолъ вступили Капетинги, они были слабѣе большинства своихъ крупныхъ вассаловъ. Вся феодальная знать, лицомъ къ лицу съ крѣпнущей королевской властью, представляла соціальную группу съ совершенно однородными интересами. Ей необходимо было во имя этихъ интересовъ не дать усилиться королевской власти настолько, чтобы она могла по частямъ раздавить феодальную аристократію. Но французскіе феодалы этого не сознавали. Они больше воевали между собой, чѣмъ съ королемъ, и тѣмъ помогали ему разрушать шагъ за шагомъ феодальныя „вольности". Пока на политической аренѣ было только двѣ силы, такая политика сильно облегчала королямъ ихъ задачу. Въ XIII и XIV-мъ вѣкахъ пришлось считаться и съ другими силами. Окрѣпли города, и въ лицѣ городской буржуазіи явилась новая группа на политической аренѣ. Феодалы объявили городамъ войну—фактъ, который немедленно оцѣнили короли. Послѣ недолгаго періода колебанія короли берутъ города подъ свое покровительство и въ союзѣ съ ними побиваютъ дворянство. Рѣшительная борьба, кончившаяся полнымъ пораженіемъ дворянства, произошла въ 1314 г. Дворянство выставило программу узкосословнаго характера, грозившую нанести ущербъ правамъ, пріобрѣтеннымъ городами. Поэтому города соединились съ королевской властью, и дворяне были побѣждены. Полвѣка спустя выступила буржуазія, но она повторила ту же ошибку. Она выставила программу узко-сословную, совершенно игнорировавшую интересы неполноправной массы городского населенія. Поэтому она также осталась изолированной и потерпѣла пораженіе. Крестьянское возстаніе, вспыхнувшее вслѣдъ за этимъ, опять таки оказалось несогласованнымъ съ выступленіемъ близкихъ крестьянству слоевъ городского населенія и было раздавлено.

Королевская власть послѣдовательно справилась съ тремя

отдѣльными выступленіями именно потому, что они были несогласованными.

Иначе сложилась эволюція въ Англіи. Королевская власть послѣ завоеванія сразу окрѣпла и пренебрегала тѣми предосторожностями, которыми окружали свои дѣйствія слабые французскіе Капетинги. И сословія поняли опасность. Они всегда дѣйствовали вмѣстѣ и всегда побѣдоносно. Поворотный пунктъ въ ранней исторіи англійской политической жизни — Реннимедское соглашеніе 1215 г.—было вырвано у короля Джона только благодаря дружнымъ дѣйствіямъ дворянства, городовъ и крестьянства. Королю неоткуда было ждать поддержки, и онъ подписалъ Великую Хартію вольностей, въ которой не были забыты ни горожане, ни крестьяне. Всѣмъ были обезпечены вольности. Тотъ же характеръ носило движеніе второй половины XIII вѣка. Вождь дворянской оппозиціи, Симонъ де-Монфоръ, впервые призвалъ въ Большой Совѣтъ короля, на ряду съ представителями крупнаго дворянства и духовенства, также рыцарей графствъ, т.-е. мелкую знать, и горожанъ.

Англійская исторія тѣмъ и характерна. Она показываетъ, что правящія группы обыкновенно не могутъ долго сопротивляться сколько-нибудь дружнымъ требованіямъ другихъ. Былъ лишь одинъ періодъ въ исторіи Англіи, когда сопротивленіе господствующихъ группъ оказалось сколько-нибудь продолжительно. Это—періодъ Тюдоровъ и Стюартовъ. Но и тутъ сопротивленіе абсолютизма и поддерживавшихъ его группъ было все-таки сломлено дружнымъ дѣйствіемъ мелкаго дворянства, горожанъ и крестьянства.

Съ конца XVII вѣка борьба между защитниками стараго и новаго въ Англіи крайне рѣдко приводила къ кровавымъ столкновеніямъ: защитники стараго умѣли во-время уступать передъ солидарнымъ напоромъ своихъ противниковъ.

Мы остановились на фактахъ отдаленныхъ, чтобы показать приложимость выдвинутаго выше принципа не только къ явленіямъ намъ современнымъ. Но, конечно, необходимость солидарнаго выступленія борцовъ за новые порядки съ особенной яркостью можетъ выясниться только тогда, когда мы будемъ изучать сложныя отношенія современной общественности, съ ея многообразной, богатой игрой всевозможныхъ коллективныхъ единицъ.

Такъ какъ Англія съумѣла сохранить отъ среднихъ вѣковъ

свой парламентъ, то борьба между старымъ и новымъ очень скоро приняла тамъ форму борьбы за расширеніе избирательнаго права. Въ другихъ крупныхъ государствахъ Запада, кромѣ Венгріи, національнаго представительства не сохранилось. Поэтому борьба между старымъ и новымъ облеклась въ форму борьбы за народное представительство, какъ живое воплощеніе правового порядка.

Въ Англіи на защиту узкаго избирательнаго права стали крупные землевладѣльцы, которымъ не хотѣлось дѣлить вліяніе съ болѣе демократическими группами. Но послѣднія, успѣвшія окрѣпнуть экономически, дружнымъ натискомъ вынудили лордовъ, энергично противившихся реформамъ, пойти на уступки.

Во Франціи къ концу XVIII вѣка правящей группой было дворянство, находившееся въ тѣсномъ союзѣ съ абсолютизмомъ. Богатая буржуазія не пользовалась никакими правами. Другія группы городского населенія бѣдствовали. Крестьянство стонало подъ гнетомъ сеньоріальнаго режима. Революція конца XVIII вѣка и была сраженіемъ, которое городское населеніе и крестьянство выиграли у абсолютизма, опиравшагося на крупно-землевладѣльческія группы. Реставрація уничтожила часть пріобрѣтеній революціи и тѣмъ сдѣлала необходимой новую борьбу. Революція 1830 г. была выиграна силами всѣхъ слоевъ буржуазіи и пролетаріата: богатый банкиръ и промышленникъ, которыхъ стѣсняли привилегіи, данныя землевладѣльцамъ, принимали въ ней участіе рядомъ съ рабочимъ. Побѣда дала, однако, удовлетвореніе только самому крупному слою буржуазіи, который теперь перешелъ на сторону защитниковъ существующаго порядка. Царство Луи-Филиппа и Гизо скоро сдѣлалось невыносимо для среднихъ городскихъ классовъ и для пролетаріата. Революція 1848 года оказалась удачна опять-таки благодаря дружному выступленію рабочихъ объ руку со средней и мелкой буржуазіей. Правительство второй республики само разбило эту коалицію, ибо отказалось удовлетворить рабочихъ и возстановило противъ себя крестьянъ.

Въ Германіи побѣда въ мартѣ 1848 года была одержана благодаря коалиціи крестьянства, буржуазіи, какъ крупной, такъ и мелкой, и пролетаріата. Мартовскія правительства, представлявшія, какъ и во Франціи, интересы крупной буржуазіи, кое-гдѣ удовлетворили крестьянъ, но ограничились полумѣрами въ дѣлѣ удовлетворенія рабочихъ. Въ Пруссіи не были удовлетворены даже крестьяне. Крестьяне во всей Германіи отпали отъ революціи, или удовлетворенные, или разочарованные, а рабочіе, вмѣстѣ съ нѣкоторыми демократическими группами, пытались

довести ее до ея логическаго конца. Они потерпѣли неудачу, ибо наиболѣе сильные элементы мартовской коалиціи уже ее покинули.

То же случилось и съ нашимъ октябрьскимъ движеніемъ. До октября оппозиціонная коалиція включала въ себя всѣ группы буржуазіи, часть землевладѣльцевъ, крестьянство, пролетаріатъ и демократическія группы. Оттого коалиція оказалась побѣдоносной. Въ ноябрѣ отпали почти всѣ буржуазныя группы и то, что было землевладѣльческаго элемента. Остались пролетаріатъ и крестьянство, поддерживаемые демократіей. Соотношеніе силъ перемѣнилось, и борьба за новые порядки, разрѣшившаяся отдѣльными схватками въ городахъ и деревняхъ, была проиграна.

Если нужно останавливаться дольше на подтвержденіи той мысли, что только коалиція общественныхъ группъ способна сломить силу сопротивленія существующаго въ тотъ или иной моментъ общественнаго строя, то стоитъ только припомнить многочисленные случаи, когда одна какая-нибудь группа, хотя бы очень могущественная, пробовала исключительно своими силами опрокинуть старые устои.

Самой могущественной общественной группой и до сихъ поръ еще во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Великобританіи, является крестьянство. Въ Великобританіи численность крестьянскаго населенія только въ концѣ XVIII вѣка была превзойдена численностью населенія торговаго и промышленнаго. Слѣдовательно, до начала XIX вѣка крестьянство было безусловно сильнѣйшей группой повсюду. Первыя серьезныя улучшенія въ его судьбѣ произошли, если брать только главныя страны, въ Англіи—въ теченіе XVIII вѣка, во Франціи—въ концѣ XVIII вѣка, въ Германіи—въ серединѣ XIX вѣка. До этихъ датъ положеніе крестьянства было крайне тяжелое, и крестьяне нерѣдко пытались улучшить его путемъ открытой борьбы. Мы знаемъ цѣлый рядъ примѣровъ, когда крестьянскія возстанія охватывали почти всю страну, но не знаемъ ни одного, когда возстанія, поднятыя крестьянами безъ помощи другихъ группъ населенія, увѣнчались бы успѣхомъ. Французская жакерія 1358 г., англійская пугачовщина 1381 года, рядъ нѣмецкихъ возстаній XV вѣка, великая крестьянская война 1525 года, венгерское движеніе 1514 года,—достигали огромнаго напряженія, но успѣха не имѣли. Крестьянамъ не подъ силу было справиться однимъ съ силами существующаго порядка.

Въ 1789 и 1848 г.г. крестьяне добились своихъ цѣлей именно потому, что дѣйствовали въ коалиціи съ другими группами.

То же приходится сказать и о чисто пролетарскихъ возстаніяхъ. Начиная съ возстанія чомпи во Флоренціи въ 1378 году, кончая ліонскимъ возстаніемъ 1832 года и іюньскими днями 1848 года въ Парижѣ, мы не знаемъ случая, когда чисто рабочее возстаніе было бы удачно.

Правда, исторія сохранила цѣлый рядъ примѣровъ, когда увѣнчивались успѣхами возстанія буржуазіи противъ феодальныхъ группъ. Исторія городовъ въ средніе вѣка полна такими эпизодами; но дѣло въ томъ, что дифференціація классовыхъ группъ въ XII—XIV вѣкахъ была очень слаба, и буржуазія вела за собою все городское и окрестное сельское населеніе, находившееся во власти одного и того же сеньора. А кромѣ того, если не поспѣвала королевская помощь, какъ это бывало въ извѣстные періоды городского движенія, то сеньоръ очень часто собирался съ силами и жестоко отплачивалъ разбившимъ его передъ тѣмъ горожанамъ.

Не будемъ безъ нужды увеличивать количество примѣровъ. Приведенные выше совершенно достаточны для доказательства той мысли, что коалиція общественныхъ группъ, заинтересованныхъ въ созданіи новыхъ порядковъ, является необходимымъ условіемъ успѣшной борьбы. Борьба въ одиночку кончается всегда, или за крайне рѣдкими исключеніями, неудачно.

Но мы не можемъ покончить съ вопросомъ, не разсмотрѣвъ одного очень существеннаго условія.

Не нужно быть хорошо знакомымъ съ исторіей событій 48-го года во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи, чтобы задуматься надъ вопросомъ: почему распадались коалиціи революціонныхъ группъ, одержавшихъ побѣду? Было это условіемъ случайнымъ, или необходимымъ? Ибо если это условіе необходимое, тогда всѣ наши предыдущія разсужденія никуда не годятся. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ бороться, проливать кровь, если побѣдоносная коалиція общественныхъ группъ все равно распадется черезъ мѣсяцъ-другой, и борьба, стоившая столькихъ жертвъ, благодаря этому снова будетъ проиграна?

Надъ анализомъ этого момента стоитъ остановиться.

Прежде всего слѣдуетъ просто отвергнуть предположеніе о томъ, что распаденіе коалиціи общественныхъ группъ есть условіе необходимое. Возьмемъ событія во Франціи въ 1789 и слѣдующихъ годахъ. Борьбу вело все такъ называемое третье сословіе противъ всего, что не было третьимъ сословіемъ, т.-е. противъ

дворянства и духовенства, на которыхъ опирался французскій абсолютизмъ. И коалиція всѣхъ группъ, составляющихъ третье сословіе, не распалась до конца, хотя противоположности между этими группами нерѣдко обострялись очень сильно. Наполеонъ опирался, въ своей борьбѣ съ легитимизмомъ, на буржуазію, крестьянство и пролетаріатъ, т.-е. на тѣ же группы, которыя начали въ 1789 году борьбу со старымъ порядкомъ. Поэтому соціальное дѣло революціи осталось незыблемымъ, да и политическія пріобрѣтенія оказалось невозможнымъ разрушить совершенно. И мы знаемъ, чѣмъ это объясняется. Господствовавшая въ революціи буржуазія сдѣлала крестьянамъ всѣ тѣ уступки, которыя вызывались необходимостью. Но крестьяне не могли, какъ это было въ Германіи 1848 года, успокоиться и сдѣлаться равнодушными къ революціи, потому что у народа были враги за рубежомъ и противъ нихъ нужно было защищать пріобрѣтенія революціи.

Могутъ замѣтить, что буржуазіи было нетрудно удовлетворить крестьянъ, ибо между обѣими группами не существуетъ прямыхъ классовыхъ противоположностей. Но вотъ примѣръ, когда были забыты очень опредѣленныя классовыя противоположности и коалиція держалась до конца. Мы имѣемъ въ виду Венгрію 1848 года.

Національная оппозиція, ядро которой составляли помѣщики, уже въ 30-хъ годахъ стала готовиться къ борьбѣ съ Австріей. А когда революція началась, однимъ изъ первыхъ ея актовъ былъ аграрный законъ 18 марта, который отмѣнялъ на вѣчныя времена, безъ вознагражденія, всякія отношенія крестьянской зависимости и уничтожалъ церковную десятину. Это была огромная уступка, и на ней венгерскіе политики не остановились. Позднѣе, въ сентябрѣ, когда хорватскій корпусъ Еллачича, натравленный вѣнской камарильей, вторгся въ Венгрію, Кошутъ отмѣнилъ и винную десятину, чтобы еще больше привязать крестьянъ къ національному дѣлу. Сеймъ, составленный изъ помѣщиковъ, одобрилъ эти мѣры. Самопожертвованіе помѣщиковъ, которыхъ всѣ эти мѣры очень чувствительно били по карману, искупалось вполнѣ. Австрія была разбита, и Венгрію сокрушила только русская сила, подавившая своею численностью великолѣпную венгерскую армію.

Оба эти примѣра показываютъ, что коалиціи общественныхъ группъ могутъ и не распадаться. Для этого необходимо одно условіе. Передъ глазами всѣхъ общественныхъ группъ, ведущихъ борьбу, должна быть высокая общая цѣль, изъ-за которой

борьба ведется. Во имя этой цѣли должны быть забыты на время групповыя противоположности. Иначе крахъ будетъ неминуемъ, какъ это случилось въ Пруссіи, гдѣ подъ конституціонной видимостью воцарились порядки настоящаго абсолютизма, въ Австріи, гдѣ даже конституціонная видимость была уничтожена, и—last not least—въ Россіи.

Мы очень хорошо знаемъ, что классовыя и групповыя противоположности не могутъ смолкнуть по приказу. И мы очень далеки отъ мысли читать нравоученія, которыя все равно не могутъ быть услышаны. Разъ пробудились интересы, которые всегда составляютъ основу групповыхъ противоположностей, ихъ невозможно усыпить снова. Рабочій будетъ требовать сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы, раціональнаго рабочаго законодательства всякій разъ, когда найдетъ моментъ удобнымъ. Крестьянинъ будетъ дѣйствовать такъ же въ вопросѣ о землѣ. Фабрикантъ и помѣщикъ, ставъ лицомъ къ лицу съ такими требованіями, угрожающими ихъ благосостоянію, пойдутъ на всякаго рода компромиссы съ той силой, противъ которой они вели борьбу въ коалиціи съ рабочими и крестьянами.

Это неизбѣжно. Поэтому мы и говоримъ, что групповыя противоположности должны смолкнуть *на время*. На какое время—объ этомъ тоже достаточно краснорѣчиво говоритъ опытъ: до тѣхъ поръ, пока побѣда не будетъ упрочена измѣненіями въ реальныхъ соотношеніяхъ силъ. Дѣло вождей коалиціи—всякій разъ распознавать, настала пора или нѣтъ. Тѣмъ и отличается хорошій политикъ отъ дурного, что онъ видитъ смыслъ момента. Нельзя обольщаться быстрой побѣдой. Всегда нужно помнить, что старый порядокъ очень силенъ и устойчивъ, что сдаваться онъ не любитъ, что дѣльцы стараго порядка—люди многоопытные и очень часто обходили вождей оппозиціонной и революціонной коалиціи. Въ Пруссіи и въ Австріи послѣ революціи 48 года реакціонеры дѣйствовали безукоризненно ловко, не сдѣлали ни одной ошибки. Наоборотъ, вожди революціи надѣлали ихъ кучу.

Нѣтъ ни одного крупнаго лидера рабочаго класса, который отрицалъ бы то положеніе, что только рѣшеніе политическаго вопроса открываетъ путь къ рѣшенію вопроса соціальнаго. Это говорили чартисты, Луи Бланъ, Марксъ, Лассаль. Но это правило соблюдалось чрезвычайно рѣдко. Обостренные интересы выдвигали соціальный вопросъ тогда, когда политическій далеко

не былъ рѣшенъ. А соціальный вопросъ имѣетъ то свойство, что сейчасъ же отбрасываетъ въ разныя стороны заинтересованныя группы, противоположныя по интересамъ.

Соціальный вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ, какъ этого требуютъ интересы трудящихся классовъ, и онъ будетъ такъ рѣшенъ, но если онъ выплываетъ тогда, когда не закончена борьба со старымъ порядкомъ, это губитъ дѣло.

Мадьярскіе помѣщики послѣ 1867 года и по наши дни грызутся съ крестьянами изъ-за пустяковъ. Но они съумѣли дождаться момента побѣды, а пока шла борьба, чтобы привязать крестьянъ къ общему дѣлу, они шли на самыя серьезныя уступки. Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести столь же яркаго примѣра такого самоотверженнаго поведенія группы представителей крупнаго торгово-промышленнаго капитала. Условія конца XVIII вѣка во Франціи не характерны, ибо тамъ не было развитой промышленности, и между предпринимателемъ и рабочимъ держались патріархальныя отношенія. Въ условіяхъ развитого торгово-промышленнаго капитализма представители капитала щедры на обѣщанія и медленны на исполненіе. А рабочіе не могутъ не требовать выполненія соціальныхъ обѣщаній. Такъ появляются въ коалиціи трещины, которыя мало-по-малу ведутъ къ ея распаденію.

Если бы вожди общественныхъ группъ, входящихъ въ коалицію, умѣли оцѣнить каждый данный моментъ, умѣли удержать свои группы отъ острой постановки соціальнаго вопроса, пока не одержана побѣда,—борьба съ существующимъ порядкомъ, вѣроятно, увѣнчивалась бы прочнымъ успѣхомъ гораздо чаще.

Вотъ почему мы не считаемъ безнадежнымъ вопросъ объ осуществимости коалицій и о возможности удержать ихъ до необходимаго момента. Не нужно забывать, что рѣчь идетъ именно о коалиціяхъ общественныхъ группъ, а не партій. Тѣ коалиціи, о которыхъ мы говоримъ, возникаютъ какъ результатъ неизбѣжной внутренней логики событій, а не по соглашенію центральныхъ комитетовъ; распадаются онѣ не изъ-за вопросовъ затронутаго самолюбія, а только вслѣдствіе развитія и обостренія групповыхъ противоположностей. Но, конечно, отъ такта вождей и здѣсь зависитъ очень многое, и мы отнюдь не утверждаемъ, что сберечь коалицію до опредѣленнаго момента— задача легкая. Мы съ самаго начала подчеркнули трудности борьбы съ существующимъ порядкомъ. Но такъ какъ она вызывается самымъ

значительнымъ, что есть въ жизни группъ, то трудности обыкновенно не останавливаютъ борьбы. Она совершается съ необходимостью, совершенно неотвратимою, и съ такой же необходимостью приводитъ къ побѣдѣ противниковъ существующаго порядка, разъ назрѣлъ моментъ его крушенія.

Въ этомъ—великое утѣшеніе, которое даетъ исторія борьбы общественныхъ группъ. И не только каждая группа, но и каждый индивидуумъ, вовлеченный въ эту борьбу, долженъ всегда помнить о томъ, что если онъ отстаиваетъ права обездоленныхъ противъ владѣющихъ, его дѣло всегда будетъ увѣнчано побѣдою.

А. Дживелеговъ.

НА МЕЛЬНИЦѢ

I.

...Переселившись на мельницу, Тихонъ очень быстро превратился въ Тихона Ивановича и постепенно сталъ мѣняться во внѣшности, въ образѣ жизни, въ характерѣ. У него не стало уже мелкихъ, изнуряющихъ заботъ, которыя—какъ слѣпни лошадямъ лѣтомъ—не даютъ покоя крестьянину. Жизнь пошла сытая. Онъ завелъ хорошую лошадь, поросятъ, гусей, утокъ. У него стало расти брюшко; подернулась жиркомъ и баба; дѣти вволю спали, не ходили въ поле на работу, сытно ѣли. Деревенскіе имъ завидовали и говорили, что они попали къ Христу за пазуху.

Эта осень обѣщала Тихону Ивановичу большую прибыль. Лѣто было дождливое и воды въ рѣкѣ стояло много. Хорошо вычиненныя за лѣто снасти работали такъ, что дрожали стѣны. Помольщики ѣхали гужомъ и только въ субботу къ вечеру пріостанавливались. Тогда колеса запирали, откидывали вѣшки. Сутуловатый работникъ Савостьянъ, съ курчавой, всегда запыленной мукою, бородой, отчего она казалась чалой, съ овечьими глазами, выгребалъ изъ-за обечайки насыпавшуюся туда муку, и всѣ шли домой. Тихонъ Ивановичъ первымъ дѣломъ шелъ въ баню, потомъ они ужинали остывшими жирными щами, отъ которыхъ сало налипало на ложку и липло къ усамъ, а потомъ ложились спать.

Въ воскресенье Тихонъ Ивановичъ съ мальчишкой-сыномъ, ходившимъ въ церковно-приходскую школу, и подросткомъ-дочерью ѣхалъ въ церковь на высокой лошади, въ рессорномъ тарантасѣ. Пѣшеходы сторонились съ дороги и кланялись ему, а онъ степенно обнажалъ голову, безстрастно говорилъ: „здорово“ и, надѣвши картузъ, хлысталъ по лошади возжей и обгонялъ ихъ.

По пріѣздѣ изъ церкви, они пили чай, ѣли пироги со свѣжей капустой. Къ чаю мельничиха ставила на столъ густого кипяченаго молока. Когда вылѣзали изъ-за стола, то Тихону Ивановичу вдругъ дѣлалось скучно и онъ не зналъ, куда ему себя дѣвать.

„Экія счастливыя бабы!—думалъ онъ:—у нихъ все дѣло; а тебѣ вотъ и дѣлать нечего... да и не хочется“...

И онъ заваливался спать.

Выспавшись, онъ отправлялся опять въ село, но уже пѣшкомъ. Теперь онъ шелъ въ трактиръ, садился за столъ, приглашалъ къ себѣ трактирщика, блѣднаго, остроносаго, съ синевой подъ глазами и рѣдкой черной бородой, и заказывалъ рябиновки. И они пили, и закусывали мелкими мятными пряниками. У трактирщика былъ сынишка гармонистъ; они подзывали его и заставляли играть. И мальчикъ игралъ весь свой репертуаръ, въ который входили „Дунайскія волны“, „Марсельеза“, „Славься“ и всѣ новыя пѣсни. Тихонъ Ивановичъ все слушалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. Къ вечеру въ трактиръ приходили ребята изъ сосѣднихъ деревень. Они пѣли, плясали, на нихъ собиралось глядѣть все село. Глядѣлъ на ребятъ и Тихонъ Ивановичъ. Онъ уходилъ только тогда, когда трактиръ пустѣлъ.

Въ понедѣльникъ же съ третьихъ пѣтуховъ Тихонъ Ивановичъ поднимался и шелъ на дѣло. Съ деревяннымъ фонаремъ съ закопченными стеклами онъ выходилъ изъ своего дома, шелъ въ темнотѣ, освѣщенной сверху яркими ночными звѣздами, и скрывался въ холодномъ мельничномъ амбарѣ, гдѣ пахло кисловатой мучной пылью. Савостьянъ смазывалъ всѣ оси, а мужики, подъѣзжая одинъ за другимъ, втаскивали свои мѣшки на верхъ и укладывали ихъ около деревянныхъ жерлъ корцовъ, въ которыя засыпалось зерно. И какъ только Савостьянъ кончалъ смазку, мельницу пускали въ ходъ.

II.

Молоть привозили все больше мѣшками. Рожь застоялась въ полѣ, всѣ запасы подъѣли и у себя, и у сосѣдей; поэтому какъ только установилась погода и началась молотьба — на мельницу ѣхали почти изъ каждаго дома. Подводами набивали весь дворъ, стояли на улицѣ; нѣкоторые размѣщали свои телѣги вокругъ дома мельника. Каждому хотѣлось во-время смолоть; поэтому каждый зорко сторожилъ свой чередъ. Помоль-

щики были мужики, бабы, молодые парни. Они сидѣли на мѣшкахъ, на стѣнкахъ закромовъ, на обрубкѣ, гдѣ обтесывались кулаки, на лѣстницѣ, которая вела къ жерновамъ. Въ полусвѣтѣ, что шелъ отъ семилинейной лампочки съ запыленнымъ стекломъ, всѣ эти фигуры, поеживающіяся отъ предразсвѣтнаго холода, имѣли большое сходство съ курами, сидящими на насѣсти.

„Д-да, вотъ пріѣхали,—размышлялъ Тихонъ Ивановичъ, стоя около первой снасти у ящика, въ который сыпалась теплая душистая мука,—поѣсть захотѣли; а коли человѣкъ хочетъ ѣсть, онъ и другого кормитъ. Не будь у нихъ зерна—что̀ бы мнѣ молоть тогда? А не будь у меня мельницы—пришлось бы имъ, какъ свиньямъ, пареную рожь ѣсть“...

На мельницу пріѣзжали его односельцы, съ которыми онъ, когда сидѣлъ на тяглѣ, водился чуть не за воротки, или такіе, что̀ судили обо всемъ совсѣмъ противоположно тому, какъ думалъ Тихонъ Ивановичъ. Тихонъ Ивановичъ старался обходиться со всѣми съ уваженіемъ. Онъ говорилъ мягко, участливо, разспрашивалъ, какъ у нихъ поживаютъ, что̀ у нихъ новаго.

Въ амбарѣ заводился разговоръ. Старый рыжій мужикъ, въ огромной шапкѣ, помѣстившійся на верстакѣ, тонкимъ, жидкимъ голосомъ говорилъ:

— На все Божье соизволеніе. У моего шурина книга такая есть, въ ней все предсказано. Послѣднее время,—говоритъ,—будутъ глады, моры, земные трусы... Возстанетъ народъ на народъ, братъ на брата. Все объяснено.

— Братъ-то на брата давно возстаетъ, — замѣтилъ другой мужикъ хриповатымъ голосомъ, и на его красномъ лицѣ съ толстымъ горбатымъ носомъ появилась хитрая усмѣшка,—а вотъ, чтобы мужикъ на барина пошелъ—объ этомъ въ писаніи не сказано.

— Все есть,—горячо увѣрялъ рыжій,—ничего не упущено, тамъ высчитана всякая планида.

— Ну, стало быть, Хвостоноговъ этого не читалъ, а то онъ не сталъ бы этакъ сурьезничать...

— Они этого не читаютъ,—степенно замѣтилъ стоявшій у вѣсовъ односелецъ Тихона Иваныча, Герасимъ Храмцовъ, молодой еще мужикъ съ большой бѣлокурой бородой.—Они по другому курсъ держатъ. Святое писанье нужно, молъ, для мужиковъ.. Они, молъ, дураки, головы у нихъ не завострены, а они—сами себѣ напишутъ.

— Вотъ это такъ!—согласился хриповатый.

Его тонъ и смѣхъ были непріятны Тихону Ивановичу: въ

нихъ чувствовалось зло, а злыхъ онъ сталъ бояться. Прежде, когда онъ жилъ съ мужиками на одномъ ряду, они ему казались безразличны, теперь же у него ёкало сердце.

„Злой человѣкъ—безшабашный, отъ него всего жди; онъ только голому не страшенъ, а у кого кое-что есть, онъ и того... можетъ и вредъ принести“.

Еще ему непріятно было такое пренебрежительное отношеніе къ господамъ. „И господа—люди... Если они наверху, а не внизу, такъ имъ такіе таланты даны. У нихъ такъ голова поставлена. Они все могутъ и устроить, и содержать. И всякъ ихъ слушается, а нашъ братъ дома не укрѣпитъ, не удержитъ въ рукахъ своихъ кровныхъ. Нашего брата родные сыновья не слушаются—какъ же насъ съ господами ровнять?“

Но онъ только думалъ, а не высказывалъ своихъ мыслей. За послѣднее время у Тихона Ивановича появилась полная способность къ этому и укрѣплялась. „Зачѣмъ держать все на ладони?—думалъ онъ:—попадешь на озорника, онъ у тебя же вырветъ да тебѣ въ глаза броситъ. Лучше промолчать“.

И онъ или молчалъ, или поддакивалъ. На чистоту же онъ говорилъ только дома съ своими. Тамъ у него что̀ было на умѣ, то и на языкѣ.

III.

Къ разсвѣту дворъ набивался такъ, что новымъ пріѣзжимъ не было мѣста, и они ставили своихъ лошадей вокругъ мельникова дома. Мужики шли въ амбаръ, а бабы забирались въ кухню. Мельничиха, небольшая, въ темносѣрой карусетовой кофточкѣ и бумажной юбкѣ, простоволосая, топила печку. Она всегда была довольна, когда на кухню набивались бабы. Онѣ разговаривали между собой, разсказывали новости, бывшія въ ихъ деревняхъ. Все это развлекало и вносило въ одинокую жизнь нѣкоторый интересъ.

— А я эту молодуху-то не знаю,—сказала мельничиха, взглянувъ на вошедшую въ кухню бабу лѣтъ тридцати, высокую, съ тонкими щеками, прямымъ носомъ и гладкимъ лбомъ. У нея были большіе глаза, опушенные черными рѣсницами, глядѣвшіе необыкновенно печально. И все ея худое, когда-то красивое лицо казалось грустнымъ, какъ дерево, потерявшее листья.

— Наша свибловская, со мной пріѣхала,—поспѣшила объяснить долголицая старуха съ большимъ носомъ.

— Раньше-то, должно, не ѣздила. Чья она?

— Самойлова дочка... Она въ другую деревню отдадена, ну и не ѣздила.

— Во-отъ! — поняла мельничиха. — То-то, я смотрю, незнакомое лицо. Ты что жъ, къ отцу-то съ матерью погостить пріѣхала? — обратилась мельничиха прямо къ молодухѣ.

Та взглянула на мельничиху, какъ бы желая дать ей понять, чтобы къ ней не приставали, но мельничиха этого не поняла. Молодуха отвернулась въ сторону и сквозь зубы проговорила:

— Погостить.

— Пускаютъ тебя свекры-то, ничего?

— Ничего...

Баба встала и, нервно шагая, направилась къ двери и вышла изъ избы. Мельничиха, удивленная, поглядѣла ей вслѣдъ и, обратившись къ старухѣ, спросила:

— Что это она такая, аль съ придурью?

— Не говорится ей. Она очень груститъ. У ней нонѣ дѣвочку убили.

— Убили? Ахъ, ты, Господи, вотъ несчастная-то! — забезпокоилась мельничиха. — А я, дура, пристала къ ней.

— Да, какъ колосокъ подкосили, — грустно вздохнувъ, подтвердила старуха.

Мельничиха бросилась вонъ изъ кухни. У двора за угломъ, гдѣ выпряженная лошадь ѣла изъ кошеля сѣно, стояла молодуха. Она приникла головой къ грядкѣ телѣги и стояла закрывши лицо руками.

— Родимая, а родимая! — участливо трогая за плечо, говорила мельничиха. — Ты меня не обезсудь, вѣдь я спроста тебя спросила-то.

Молодуха подняла лицо, сдѣлала усиліе взглянуть на мельничиху, но сейчасъ же отвела взглядъ.

— Я ничего, что-жъ!

— Отчего жъ ты изъ кухни-то ушла? Твой чередъ — не скоро еще; поди-ка къ намъ, посиди — тамъ теплѣе.

— Мнѣ все равно.

— Ну, какъ все равно? У насъ тамъ и тепло, и свѣтло. Пойдемъ... Ахъ, какое горе-то... А я вѣдь и не думала.

— Може, раздѣнешься? — предложила Прасковьѣ мельничиха.

— Нѣтъ, я такъ посижу.

Она разстегнула кафтанъ, и изъ груди ея вырвался глубокій, перерывистый вздохъ.

— Вотъ вѣдь горюшко-то какое!—проговорила мельничиха.—Сколько ей годовъ-то было?

— Семь годовъ. Первая дѣвочка, второй грудной былъ...—стала понемногу разговариваться Прасковья.

Дочь мельника, убравши посуду, затворила шкафъ и, повернувшись къ нему спиной, устремила свои узенькіе глаза на Прасковью.

Мельничиха подсѣла къ столу и стала внимательно слушать.

— Какъ же это вышло-то—бунтовали у васъ что-ль?

— Не бунтовали, а заартачились... не повезли барину испольнаго сѣна; ну, баринъ-то и прислалъ этихъ...

— Пьяныхъ что-ли подобралъ, коли они такихъ дѣлъ надѣлали?

— Кто ихъ знаетъ-то... Дѣло было утромъ, наши еще съ покоса не пришли, я на пруду пеленки мыла... и Аксютка это со мной... веселая такая, все время какъ воробей верещала... Идемъ съ рѣчки-то, а изъ имѣнія-то и ѣдутъ... въ двухъ тарантасахъ, а за ними—человѣкъ двѣнадцать верховыхъ, съ ружьями. Остановились у магазеи, слѣзли съ лошадей... изъ тарантаса господа выходятъ, одинъ съ золотыми пуговицами и воротникъ бѣлый такой, а съ нимъ господскій управляющій. И мужики, глядимъ, съ покоса идутъ... Стали въ заворкахъ, глядятъ, что̀ за гости пріѣхали. Изъ деревни это бабы высыпаютъ... Старухи печки топить побросали... Вышли изъ тарантаса... вышелъ впередъ этотъ съ пуговицами-то, а конные слѣзли съ лошадей и ружья въ рукахъ держатъ...—Староста,—кричитъ набольшій,—выходи сюда!..—Староста, какъ былъ съ косой, къ нему.—Брось косу!—кричитъ начальникъ. Староста отдалъ сыну косу.—Шапку долой!—А что жъ,—говоритъ староста,—нѐшто иконы несутъ?—Начальникъ какъ закричитъ: — Я тебѣ покажу, такой-сякой, иконы! — да въ скуло ему. Ну, мужики это зароптали. — Это что-жъ,—кричатъ,—ничего не видя бить!—да съ косами къ тому-то. А начальникъ какъ крикнетъ:—Заступайся за начальство, стрѣляй!—Мы думали, онъ это для острастки, а стражники-то правду—какъ наставятъ ружья, да въ народъ. Брызнули—кто куда. И я бросилась въ заворки... Мнѣ надо бы въ поле, а я въ заворки, куда весь народъ. Опять ружья—гро-о-хъ! Гляжу, моя Аксютка взмахнула ручонками, да такъ ничкомъ и тяпнулась... И какъ закричитъ не своимъ голосомъ. Гляжу, а у ней изъ спинки кровь забила... Батюшки, пуля попала...

Прасковья остановилась и заморгала глазами. Щеки ея покрылись блѣдностью и грудь волновалась.

— Схватила я ее на руки. Милая ты моя, голубушка ты моя! — уже упавшимъ голосомъ и съ остановками продолжала Прасковья.—А она вытаращила на меня глазенки,—у ней такіе большіе глаза-то были. Уставилась на меня, словно спрашиваетъ: „Что же это, молъ, такое?“ А тамъ опять какъ закричитъ: „Маменька, больно...“ Зажала я рукой спину ей, да домой. Принесла, положила на лавку, стала глядѣть...

Лицо Прасковьи покрылось краской и глаза налились слезами. Голосъ совсѣмъ пересѣкся и она смолкла. Мельничиха и Анна жалостливо глядѣли на нее, а дѣвка у шкафа загородила ротъ рукой и стояла потупившись, съ глазами полными слезъ.

— И долго она мучилась?—спросила Анна.

— До самаго вечера. Сперва-то кричала, металась и все твердила: „О, мамушка, больно! О-о, больно“. Потомъ моченьки-то ужъ не стало, стала какъ плеть и только откроетъ временемъ глаза, упрется это въ меня, словно я ее это убила—и опять закроетъ. Все сердце она у меня этимъ взглядомъ-то выворотила...

Прасковья не удержалась и начала глухо взрыдывать. Дѣвка вдругъ сорвалась съ мѣста и бросилась изъ комнаты. Мельничиха поглядѣла ей вслѣдъ и утерла концами платка набѣжавшія на глаза слезы...

IV.

Обѣдали порознь. Сначала приходилъ Савостьянъ. Мельничиха наливала ему горячихъ щей, клала бѣлой, неупрѣвшей еще каши, и онъ ѣлъ на-скоро, усердно дуя и часто хлюпая, чтобы остудить обжигаемый „поднарядъ“ во рту. Онъ часто припадалъ къ высокой глиняной кружкѣ съ квасомъ и, напившись, опять ѣлъ. Отъ ѣды у него приливала кровь къ щекамъ, и щеки, покрытыя мучной пылью, казались лиловыми, а борода — совсѣмъ сѣдой.

Наѣвшись, онъ отваливался, вставалъ, тяжело крестился, натягивалъ одежину и дѣлалъ цыгарку. Закуривши, онъ выходилъ изъ кухни медленно, раскидывая по сторонамъ глазами, и шелъ снова въ амбаръ.

Послѣ Савостьяна приходилъ Тихонъ Ивановичъ. Теперь за обѣдъ садились уже всей семьей. Иногда приглашали кого-нибудь изъ пріѣзжихъ близкихъ знакомыхъ и родственниковъ.

На этотъ разъ обѣдали одни. Тихонъ Ивановичъ въ началѣ обѣда всегда былъ сосредоточенъ, угрюмъ, мало разговорчивъ, но по мѣрѣ того, какъ наѣдался, онъ дѣлался благодушнѣе,

веселѣе, въ немъ пробуждалось желаніе поговорить, онъ прицѣплялся къ чему-нибудь и начиналъ.

Взглянувши на жену и дочь, онъ подмѣтилъ, что онѣ чѣмъ-то разсѣяны. Тихонъ Ивановичъ встревожился.

— Что это вы такія?

Мельничиха вздохнула и, вставая изъ-за стола, направляясь въ кухню за кашей, проговорила:

— Такъ, ничего.

— Какъ ничего, а я не вижу?..

— Разстроила тутъ насъ одна: разсказывала, какъ у ней дѣвочку убили.

— А-а,—протянулъ, успокаиваясь, Тихонъ Ивановичъ.—Я думалъ, что̀ у насъ случилось.

— А это нѐшто случай?.. Сердце переворачивается.

— Ну, на погостѣ жить, да по всякомъ покойникѣ тужить— слезъ не напасешься.

— Это не всякій; ты бы послушалъ...

— А я мало слыхалъ... Меньше твоего?

— За что только страдаютъ?.. Господи!.. Неповинная душа...

— Не наша съ тобой.

Мельничиха чуть не вскрикнула, у нея зардѣлись щеки и загорѣлись глаза.

— Вотъ тоже скажетъ!.. Неужели только своихъ и жалѣть? Жалко всѣхъ мучениковъ.

— Теперь она не мучается.

— Не мучается, а матери-то каково?

— У матери еще будетъ.

— Удивительно, что̀ ты за человѣкъ сталъ!—уже съ негодованіемъ воскликнула мельничиха и ударила руками по бедрамъ.

Тихонъ Ивановичъ спокойно ѣлъ кашу. Онъ ѣлъ не какъ Савостьянъ, а медленно, тщательно пережевывая. Наѣвшись, онъ утеръ полотенцемъ ротъ и, откинувшись къ стѣнкѣ дивана, почесывая рукой голову, проговорилъ:

— Сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ; и пенять тутъ не на кого.

— Какъ же не на кого? Зачѣмъ они стрѣляли-то?

— Они стрѣляютъ, а ты не подвертывайся. Двѣ собаки грызутся, а третья не приставай.

— Да если бы она это знала?

— А не знала, такъ будетъ знать; другой разъ умнѣе будетъ.

Мельничиха волновалась все больше и больше, слова мужа ее раздражали.

— Чурбанъ ты, какъ я вижу!—съ негодованіемъ воскликнула она.—Тебя какъ борова—хозяинъ въ закромъ посадилъ, а онъ весь свѣтъ забылъ.

Тихонъ Ивановичъ внимательно поглядѣлъ на нее и промолвилъ:

— Какой былъ, такой и остался; только больше живешь—больше понимаешь.

— Ничего ты не сталъ понимать.

— Нѣтъ, понимаю. Умному тотъ кусокъ милъ, отъ какого откусить можно; а гдѣ взять нечего, я своего сердца надрывать не стану...

И довольный, что онъ ловко выразилъ свою мысль, и чувствуя свое превосходство, Тихонъ Ивановичъ поднялся съ дивана и снова сталъ одѣваться.

С. Семеновъ.

ПИСЬМА

ИЗЪ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ *).

12 іюля, 1899.

...Милая, бѣдная мамаша! Я и подумать не могу безъ боли въ сердцѣ о томъ, какъ тяжело вамъ почти совсѣмъ не видѣть окружающаго міра! Мнѣ кажется, что къ потерѣ зрѣнія такъ же трудно привыкнуть, какъ и къ лишенію свободы, и потому я могу сочувствовать вамъ болѣе, чѣмъ кто другой. Мы оба не можемъ видѣть далеко... Въ этомъ смыслѣ вѣдь и я здѣсь долженъ считаться слѣпцомъ. Я увѣренъ, что еслибъ былъ съ вами, я успѣлъ бы передать и вамъ свое убѣжденіе, что снятіе катарактъ—не такая ужъ опасная операція, какъ вамъ кажется, но вдали отъ васъ я чувствую свое безсиліе и понимаю, что мои слова, какъ основанныя на заочныхъ представленіяхъ, не могутъ быть для васъ убѣдительными, да и самъ я не могу говорить съ увѣренностью, когда не вижу положенія дѣлъ собственными глазами...

Сообщите, дорогая, какъ вы проводите свой день, что думаете и дѣлаете и какъ поживаютъ ваши цыплята?.. Всякая маленькая подробность вашей жизни будетъ для меня дорога и радостна... Что касается до меня, то хотя я по прежнему и не могу считать себя здоровымъ, но при однообразной жизни, къ которой я привыкъ за много лѣтъ заключенія, и при помощи

*) См. январь, стр. 196.

различныхъ медикаментовъ, которые я теперь сейчасъ же получаю, какъ только въ этомъ оказывается хоть малѣйшая нужда, у меня нѣтъ никакихъ опасеній, что я вдругъ споткнусь и упаду...

Ты жалуешься, Петя, что сосѣдніе крестьяне сильно донекаютъ тебя потравами, порубками и тому подобными нашествіями... Что̀ же дѣлать, мой дорогой, такова общая судьба всѣхъ землевладѣльцевъ въ Россіи... Все это происходитъ отъ недостаточности школьнаго образованія въ крестьянской средѣ: фабричные и заводскіе рабочіе хотя и вышли въ большинствѣ случаевъ изъ тѣхъ же крестьянъ, но уже многіе, благодаря хорошимъ училищамъ, стали настолько образованными людьми, что отъ нихъ кое-чему можно поучиться и нашему брату.

Несомнѣнно, что для тебя жизнь петербургскаго домовладѣльца, какимъ ты былъ прежде, шла бы спокойнѣе. Но я вполнѣ понимаю и сочувствую тебѣ въ рѣшеніи переѣхать въ деревню. Грустно было бы видѣть родное гнѣздо въ рукахъ кулаковъ и, случайно возвратившись на родину, найти на мѣстѣ нашего тѣнистаго парка, гдѣ каждый закоулокъ пробуждаетъ цѣлую толпу воспоминаній, одни прозаическіе кочни капусты...

Кстати, вотъ вопросъ, который меня очень интересуетъ. Когда отецъ обвелъ валами и канавами усадьбу, изъ той канавы, что̀ идетъ за паркомъ, вода по веснамъ начала потоками спускаться по прогону и вырыла тамъ, еще при мнѣ, довольно значительный оврагъ. Въ послѣдній годъ моего пребыванія я очень интересовался тѣмъ, что̀ будетъ далѣе изъ этого оврага, который, по моимъ соображеніямъ, долженъ былъ дѣлаться все шире и глубже. Въ какомъ теперь видѣ это мѣсто, и сбылись ли мои предположенія? Это очень интересуетъ меня съ геологической точки зрѣнія. Если тутъ дѣйствительно образовался оврагъ, то на днѣ его могутъ валяться вырытыя водой окаменѣлости, въ родѣ тѣхъ, которыя ты съ сестрами, помнишь, помогалъ мнѣ собирать на Волгѣ? Не попадались ли онѣ тебѣ?

Теперь поговоримъ и съ тобой, дорогая Вѣрочка!... Прежде всего поблагодари Александра Игнатьевича за фотографіи съ нашего островка. Мы, дѣти деревни, такъ привязываемся къ своимъ роднымъ мѣстамъ, что тотъ, кто выросъ въ городѣ, едва-ли даже можетъ это понять! А между тѣмъ эта привязанность вполнѣ естественна. Мы съ дѣтства свыкаемся и дружимся съ каждымъ деревомъ родного сада... Съ каждымъ пригоркомъ и кустомъ связаны какія-нибудь дорогія воспоминанья. Пока живешь въ де-

ревнѣ, этого не замѣчаешь и не сознаешь. Часто даже бываетъ скучно, особенно въ дурную погоду, но, за то, когда пришлось надолго или навсегда разстаться со всѣмъ этимъ, сколько милыхъ воспоминаній воскресаетъ въ памяти!

Такъ и теперь со мной...

Когда я смотрю на эти двѣ фотографіи, а также и на вашу группу на балконѣ дома, въ моей памяти воскресаетъ цѣлый рядъ картинъ. Я вижу, съ какого мѣста на берегу пруда снята каждая изъ нихъ. Бесѣдка на островкѣ—изъ чащи кустовъ на противоположномъ берегу или изъ лодки, плававшей подъ ними. Островокъ второй фотографіи снятъ съ сѣвернаго берега, около того мѣста, гдѣ въ мое время съѣзжали съ бочкою за водой для лошадей. За большимъ ивовымъ кустомъ направо стояли мостки, съ которыхъ мы спускались въ воду во время купанья. Этотъ ивовый кустъ сильно разросся съ тѣхъ поръ, и одинъ изъ стволовъ его упалъ въ воду, но мнѣ все кажется, что онъ еще тотъ же самый, который зналъ меня въ былыя времена. Противоположный берегъ пруда заросъ еловымъ лѣсомъ, а въ мое время здѣсь была еще ровная насыпь, вся поросшая зарослями иванчая, черезъ которыя трудно было пробраться. Я тогда еще не зналъ, что это, такъ знакомое намъ всѣмъ, растеніе съ длинными, высокими стеблями и кистями красно-розовыхъ цвѣтовъ на вершинѣ и есть не что иное, какъ иванчай, о которомъ я не разъ слыхалъ и читалъ... Но какъ, за то, обрадовался я, когда, занимаясь здѣсь ботаникой, узналъ, наконецъ, это растеніе и его мѣсто среди другихъ—словно среди толпы незнакомыхъ мнѣ людей вдругъ наткнулся на друга своего дѣтства!

И теперь я очень люблю это скромное растеніе и всегда бываю радъ, когда его увижу пробивающимся изъ земли, гдѣнибудь у забора моего жилища.

Да, милая Вѣрочка! Деревенская природа кладетъ на насъ въ дѣтствѣ неизгладимый отпечатокъ. Всякій разъ, когда изъ тѣсныхъ и людныхъ улицъ въ моей послѣдующей городской жизни мнѣ приходилось попадать на просторъ полей, на утесы горъ или въ глубину лѣса, мнѣ такъ и хотѣлось прыгать отъ радости, и каждое дерево казалось мнѣ моимъ старымъ другомъ. Да и теперь я почувствовалъ бы то же самое! Такъ во мнѣ мало солиднаго, не смотря на то, что по макушку погрузился въ математическія формулы и въ структуру вещества...

Что бы вамъ сообщить о моей жизни?

Здоровье ни хуже, ни лучше, а жизнь идетъ по прежнему однообразно и монотонно. Иногда даже, хотя и не надолго,

впадаешь въ какое-то оцѣпенѣлое состояніе, но ваши добрыя письма всегда вносятъ лучъ свѣта въ мою душу...

Когда на землю ниспадаетъ
Вечерній сумракъ съ высоты,
Рѣка неясно отражаетъ
Свои прибрежные кусты.

Такъ на душѣ, въ часы страданья,
Все въ смутный сонъ погружено.
Молчатъ и чувства, и желанья,
И все въ ней тихо и темно.

Но какъ въ рѣкѣ съ лучомъ разсвѣта
Былая жизнь проснется вновь,
Такъ и въ душѣ на звукъ привѣта
Воскреснутъ вѣра и любовь,

И вновь блеснутъ въ ея сознаньи
Давно уснувшія мечты,
Какъ въ тихомъ утреннемъ сіяньи
Въ водѣ прибрежные кусты.

Всю прошлую зиму, кромѣ обычной работы надъ своими научными сочиненіями, я давалъ еще уроки нѣмецкаго, а потомъ и англійскаго языка одному товарищу, съ которымъ мнѣ разрѣшили видѣться [1]), и очень доволенъ достигнутыми результатами и своей системой преподаванія. Сначала человѣкъ такъ плохо зналъ по-нѣмецки, что не отличалъ твердыхъ гласныхъ отъ мягкихъ, а теперь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ занятій, сталъ читать совершенно свободно и правильно.

А система моя заключается въ слѣдующемъ. Сейчасъ же послѣ краткаго обзора грамматики — читать какъ можно больше иностранныхъ романовъ и интересныхъ разсказовъ. И вотъ онъ читалъ, а я ходилъ по комнатѣ, слушая его и, гдѣ нужно, исправляя произношеніе и подсказывая значеніе болѣе рѣдкихъ словъ. И мнѣ и ему было очень интересно узнать продолженіе романа, а потому и занятія шли съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

Въ будущую зиму собираюсь прочесть краткій курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія другому товарищу [2]). Этотъ отдѣлъ математики очень важенъ для пониманія законовъ

---

[1]) М. Ф. Фроленко. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

[2]) Сергѣю Иванову, который просилъ меня объ этомъ, но въ рѣшительную минуту отказался, и курсъ остался непрочитаннымъ. Но написанная книжка сохранилась въ моихъ тетрадяхъ подъ названіемъ: „Функція. Наглядное изложеніе высшаго математическаго анализа“. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

природы, а учебники всѣ очень сухи. Вотъ я и хочу преподавать его по своей системѣ. Всѣ теоремы уже выведены у меня очень нагляднымъ и элементарнымъ путемъ, и каждая будетъ иллюстрироваться немедленно подходящими законами природы. Я почти увѣренъ, что и этотъ курсъ пойдетъ не менѣе успѣшно, чѣмъ и описанное сейчасъ преподаваніе нѣмецкаго и англійскаго языковъ.

Теперь, когда у насъ стало попросторнѣе [1]), я уже не всю свою землю отдаю „въ аренду" товарищу, а часть ея засадилъ весною земляникой. Теперь, въ первыхъ числахъ іюля, я уже получилъ ягоды. Осенью думаю на этомъ мѣстѣ насадить малины, потому что ее меньше ѣдятъ слизняки, которыхъ у насъ, благодаря сырости, невообразимое количество...

Ты спрашиваешь, Вѣрочка, помню ли я букетъ изъ незабудокъ, который разъ поставилъ тебѣ на окно балкона?—По правдѣ сказать, уже не помню этого случая, но за то помню очень хорошо, какъ много разъ ставилъ вамъ на это же окно букеты изъ васильковъ и разныхъ другихъ цвѣтовъ. Жива ли еще на Старомъ Боркѣ высокая, раскидистая липа и рябины, которыя еще при мнѣ были довольно стары, такъ что весь ихъ стволъ былъ желтымъ отъ прикрывавшихъ его лишайниковъ? Читая въ твоемъ письмѣ о вашемъ путешествіи туда за незабудками, я вспомнилъ по ассоціаціи идей одинъ комическій эпизодъ и изъ моего собственнаго путешествія туда. Дѣло въ томъ, что въ юности я терпѣть не могъ даромъ тратить свое время на такіе пустяки, какъ ежедневное одѣванье по утрамъ, и старался сократить себѣ чѣмъ возможно эту печальную необходимость. Однажды, проснувшись съ какой-то идеей въ головѣ и не имѣя терпѣнія одѣваться, я вдругъ напалъ на замѣчательно остроумный способъ ускорить дѣло. Быстро надѣвъ сапоги на босую ногу, я скомкалъ свои носки въ комочки и засунулъ ихъ сверху за кожу сапоговъ (чтобъ не нашла прислуга при уборкѣ постели и не сообщила отцу). Въ такомъ видѣ я и ходилъ все утро. Въ полдень устроилась, какъ разъ, большая прогулка съ гостями за незабудками на тотъ же нашъ Старый Борокъ, и я, конечно, пошелъ вмѣстѣ съ другими. Возвращаясь назадъ, вдругъ гости замѣчаютъ на дорогѣ что-то бѣлое...

— Что это такое?—говоритъ одна дама.

— Носокъ!—восклицаетъ другая.

---

[1]) Увезли, по манифесту, Людмилу Волкенштейнъ, Яновича, Шебалина, Мартынова, Панкратова и др. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

— Чей?..

По мѣткѣ оказывается мой...

— Какимъ образомъ могъ онъ очутиться на дорогѣ, по которой мы только что проходили?

Я былъ до того сконфуженъ, что сдѣлалъ видъ, будто и самъ не понимаю, какъ это случилось. Однако, при послѣдовавшихъ разспросахъ, долженъ былъ сознаться, что въ одномъ сапогѣ я не чувствую носка, а въ другомъ онъ есть... И вотъ всѣ старшіе съ чрезвычайнымъ изумленіемъ начинаютъ рѣшать головоломную задачу: *„Какимъ образомъ могъ бы человѣкъ потерять на ходу свой носокъ, не потерявъ въ то же время и сапога?“*

Я до сихъ поръ такъ и прысну отъ смѣха, когда припомню ихъ соображенія при этомъ случаѣ...

Какъ поживаютъ твои совята, Вѣрочка?

Теперь прощайте, мои дорогіе; надѣюсь, что письмо это успѣетъ дойти до васъ ранѣе, чѣмъ вы разъѣдетесь на зиму.

Вашъ *Николай.*

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

7 февраля 1899 г.

Дорогая моя мамаша! Все лѣто и осень я прожилъ довольно сносно, лучше чѣмъ ожидалъ, но зимой, въ декабрѣ, со мной произошло приключеніе, о которомъ пишу теперь такъ легко лишь потому, что оно окончилось вполнѣ благополучно, и вамъ нѣтъ никакихъ причинъ бояться за меня. Подъ самое Рождество къ намъ проникла, несмотря на всѣ карантины, инфлуэнца и набросилась на меня съ большимъ ожесточеніемъ. Въ довершеніе бѣды еще начался насморкъ, да такой, что цѣлую недѣлю, если не больше, слезы катились изъ глазъ, не переставая. Конечно, въ такомъ состояніи нечего было и думать о какихъ-нибудь серьезныхъ занятіяхъ. Однако я все же вообразилъ, что могу еще читать романы и даже нѣсколько обрадовался этому, потому что въ обычномъ состояніи у меня почти не было времени для такого развлеченія. Взялъ на удачу „Домби и Сына“ Диккенса, потому что совсѣмъ его забылъ, такъ какъ читалъ очень давно, но тутъ-то и поплатился я за свое легкомысліе. Теперь даже и вспомнить смѣшно, что со мной было. Въ этомъ романѣ много очень трогательныхъ мѣстъ, и вотъ, вездѣ, гдѣ дочь Домби, Флоренса, и ея возлюбленный, Вальтеръ, терпятъ всевозможныя бѣдствія и гоненія,—слезы, и безъ того вызываемыя насморкомъ,

начинали течь у меня по щекамъ, буквально цѣлыми потоками. Ни одна институтка еще не плакала такъ надъ романами. Не въ состояніи ничего болѣе видѣть, я вскакивалъ съ постели, бѣжалъ къ противоположной стѣнѣ комнаты подъ кранъ, чтобы промыть себѣ глаза, и снова возвращался читать сквозь слезы, потому что романъ—очень интересный. Но черезъ десять минутъ снова трогательная исторія и снова потоки слезъ. Кое-какъ окончилъ я этотъ романъ и уже закаялся начинать другой, да и кому пришла бы охота ревѣть такимъ образомъ еще нѣсколько дней?

Пришлось лежать пластомъ или медленно ходить изъ угла въ уголъ. По привычкѣ я все еще пытался дѣлать въ умѣ различныя соображенія, относящіяся большею частью къ строенію вещества, и хотя слезы текли и при этомъ, но, по крайней мѣрѣ, въ меньшемъ количествѣ. Такъ-то я и проплакалъ всѣ рождественскіе дни! Къ новому году мнѣ стало нѣсколько лучше, и я уже совсѣмъ было собрался выйти на прогулку, но не тутъ-то было!..

Подъ самый Новый годъ началось осложненіе инфлуэнцы въ легкихъ и еще не знаю гдѣ. Къ вечеру 29 декабря появился сильный жаръ и температура поднялась въ нѣсколько часовъ до сорока градусовъ, а при такой температурѣ, какъ говорятъ, у многихъ уже начинаются бредъ и безпамятство. Посмотрѣвъ въ послѣдній разъ на термометръ, я сейчасъ же собрался написать вамъ, пока еще не поздно, хоть нѣсколько строкъ, но докторъ, который не хотѣлъ, чтобъ я волновался, посовѣтовалъ мнѣ подождать до слѣдующаго дня. И вотъ меня уложили плотно въ постель, на голову надѣли гуттаперчевый мѣшокъ со льдомъ, и въ такомъ видѣ я пролежалъ весь вечеръ, ночь и утро слѣдующаго дня. Въ это время температура тѣла стала понижаться и опасность начала проходить. Однако пришлось проваляться въ постели еще около двухъ недѣль и около мѣсяца нельзя было выходить на свѣжій воздухъ. Замѣчательно, что въ ту ночь, когда у меня былъ жаръ въ 40 градусовъ, мое состояніе духа было даже лучше, чѣмъ въ предыдущіе дни болѣзни. Я думалъ, что умру, но нисколько этого не боялся, и только было тяжело при мысли, что вы, дорогая, и всѣ родные и близкіе, будете горевать обо мнѣ, да еще было грустно сознавать, что мое сочиненіе о строеніи вещества, надъ которымъ я трудился столько лѣтъ, такъ и останется неоконченнымъ [1]).

[1]) Всѣ тетради съ научными работами были тотчасъ же переданы товарищу, съ завѣщаніемъ при случаѣ вывезти и передать кому-либо изъ ученыхъ.

(Позднѣйшее примѣчаніе.)

Теперь, когда я вамъ пишу, болѣзнь совсѣмъ прошла, но я еще нахожусь на положеніи выздоравливающаго и получаю легкую пищу. Съ конца января я началъ выходить на воздухъ, хотя и избѣгаю еще сильныхъ морозовъ, чтобъ не простудиться. Незадолго до полученія вашихъ писемъ я пробовалъ было приступить опять къ серьезнымъ занятіямъ, но, взявъ въ руки новую книгу по электрохиміи, замѣтилъ со стыдомъ, что черезъ нѣсколько страницъ вдругъ началъ клевать въ нее носомъ. Изъ этого я заключилъ, что лучше пока читать романы, тѣмъ болѣе, что уже пересталъ плакать надъ ними. Теперь, когда пишу вамъ мое полугодичное посланіе, я себя считаю совершенно выздоровѣвшимъ. Докторъ даже говоритъ, что я теперь застрахованъ отъ инфлюэнцы по крайней мѣрѣ года на три, потому что она, какъ оспа, не повторяется часто. Ну, хоть это хорошо!

Изъ письма Вѣрочки я знаю, что въ борковскомъ домѣ прежняя билліардная превратилась въ большую столовую, бывшая оружейная—въ дѣтскую, и т. д., и т. д.

Чѣмъ больше я узнаю подробностей, тѣмъ яснѣе представляю вашу жизнь. Да это и понятно. Вѣдь мнѣ знакомъ у васъ каждый уголокъ, всѣ перила лѣстницъ, всѣ узоры на обояхъ, и со всѣмъ связаны какія-нибудь дѣтскія воспоминанія! Я помню, напримѣръ, какъ маленькимъ любилъ смотрѣть черезъ нижнія цвѣтныя стекла рамъ: взглянешь въ одно — и весь міръ представляется въ желтомъ, взглянешь въ другое — въ синемъ или фіолетовомъ свѣтѣ. Помню и мѣсто около террасы, гдѣ вы, мамаша, часто варили варенье, а я обыкновенно прибѣгалъ туда, чтобъ получить блюдечко съ пѣнками.

Вообще мои воспоминанія о Боркѣ и о всѣхъ, кто въ немъ жилъ, начинаются замѣчательно рано. Я хорошо помню мать, когда она еще была совсѣмъ молодой женщиной и ходила въ свѣтлыхъ платьяхъ съ широкими рукавами до локтей и въ кринолинахъ по тогдашней модѣ, а я пользовался обломками отъ стальныхъ обручей этихъ кринолиновъ, чтобы дѣлать себѣ пружины для метательныхъ инструментовъ. Правда, что эти раннія воспоминанія довольно отрывочны, но многія изъ нихъ замѣчательно ярки.

Помню, какъ въ первые годы моего дѣтства мы жили сначала въ правой половинѣ флигеля, потомъ перешли въ лѣвую, и спали въ задней комнатѣ: няня Татьяна на своей лежанкѣ, а мы вдоль стѣнъ, и моя кровать помѣщалась въ самомъ углу противъ двери въ большую комнату (гдѣ стоялъ, между прочимъ, большой низкій турецкій диванъ, обитый цвѣтной матеріей, на

которомъ мы играли). У всѣхъ нашихъ дѣтскихъ кроватокъ, кромѣ Вѣрочкиной (потому что Вѣрочка въ это время еще качалась посреди комнаты въ люлькѣ) были вдѣланы боковыя доски, чтобъ мы не скатывались на полъ, и такимъ образомъ мы спали какъ въ ящикахъ.

Когда насъ укладывали спать слишкомъ рано, я потихоньку упражнялъ свои зубы на боковыхъ доскахъ и на изголовьи своей кроватки, и такъ усердно, что съ теченіемъ времени на ея верхнихъ частяхъ оказались выгрызенными очень большія углубленія, и, кажется, пришлось даже не разъ перемѣнять доски.

Нѣкоторыя изъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній относятся еще къ тому времени, когда меня носили на рукахъ. Помню, какъ няня Татьяна разъ выносила меня на дворъ, чтобъ показать на небѣ сѣверное сіяніе, которое она называла „огненными столбами“ и говорила, что это передъ морозомъ. Помню и самые столбы, какъ они катались по сѣверной части неба, свертывались и развертывались, словно куски розоваго и фіолетоваго полотна. Другой разъ меня выносили показать большую комету, и няня говорила, что это—знаменіе передъ войной. Я былъ очень испуганъ, но не могъ оторвать своихъ глазъ отъ его хвоста, и его фигура такъ запечатлѣлась въ моей памяти, что потомъ, черезъ двадцать или болѣе лѣтъ, увидѣвъ рисунокъ кометы Донати въ старомъ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ“, я сейчасъ же узналъ въ ней свою давнишнюю знакомую и получилъ возможность точно опредѣлить, что мнѣ было тогда четыре года.

Однако самое первое мое воспоминаніе относится къ такому времени, когда я еще не умѣлъ ходить и долженъ былъ ползкомъ пробираться изъ одного угла комнаты въ другой. Это такъ удивительно, что иногда я самъ спрашиваю себя: не обманъ ли это моего воображенія? Однако я это помню совсѣмъ ясно. Я помню, какъ однажды вы, мамаша, поговоривъ съ няней, рѣшили, что мнѣ уже пора ходить. Вы обѣ сѣли на стульяхъ посреди комнаты въ двухъ-трехъ шагахъ другъ отъ друга, няня поставила меня между своихъ колѣнъ и велѣла идти къ вамъ, а вы протягивали ко мнѣ руки. Помню, какъ я съ сомнѣніемъ смотрѣлъ на раздѣляющее насъ пространство, и это чувство было такое же, какое появлялось у меня впослѣдствіи, когда приходилось переходить по бревну черезъ глубокій оврагъ и видѣть подъ собой пустоту. Помню, какъ я колебался, но, наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ, вдругъ рѣшился, и, сдѣлавъ нѣсколько поспѣшныхъ, колеблющихся шаговъ, попалъ въ протянутыя руки, и какъ я смѣялся и радовался этой своей удачѣ. Я помню и

дальнѣйшіе уроки, когда вы съ няней постепенно увеличивали разстояніе между нами, но затѣмъ мои воспоминанія прекращаются, вѣроятно потому, что я совсѣмъ научился ходить и пересталъ обращать на это вниманіе. Только смутно представляется мнѣ, что еще долго послѣ этого я предпочиталъ спускаться съ крылецъ по старому способу — на четырехъ ногахъ.

Я пишу вамъ, дорогая мамаша, всѣ эти дѣтскія воспоминанія лишь потому, что вамъ, навѣрно, будетъ пріятно на минуту возвратиться въ прошлые дни, о которыхъ кромѣ меня да васъ едва ли кто-нибудь помнитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Да и вы сами, конечно, уже забыли нѣкоторыя изъ тѣхъ маленькихъ событій, о которыхъ я вамъ пишу. Помните ли вы, напримѣръ, какъ подарили мнѣ свои маленькіе часы съ длинной, тонкой какъ шнурокъ цѣпочкой, которая надѣвалась на шею и замыкалась маленькой запонкой? Помните ли, какъ разъ пріѣхали ко мнѣ въ Москву и, уѣзжая, отдали мнѣ всѣ деньги, взятыя изъ дому, а у себя оставили лишь то, что̀ было нужно заплатить за билетъ на желѣзной дорогѣ? А вѣдь путь былъ длинный, и я увѣренъ, что вы терпѣли лишенія отъ такого полнаго отсутствія запасныхъ денегъ.

Отца я тоже помню очень молодымъ. Яснѣе всего представляется мнѣ, какъ онъ приходилъ къ намъ во флигель два-три раза въ день, и какую суматоху поднимали при этомъ няня и горничная, чтобъ успѣть до его прихода поправить наши полуспустившіеся отъ бѣготни чулки или привести въ порядокъ наши спутавшіеся волоса. Потомъ, когда мы съ Катей и нашей первой гувернанткой поселились въ главномъ домѣ, я помню, какъ отецъ каждый годъ дарилъ мнѣ ко дню рожденія сначала пистолеты, а потомъ, много позднѣе, далъ охотничье ружье, и какъ мы вмѣстѣ съ нимъ по временамъ ходили на охоту, но я за все это время, кажется, ничего не убилъ на лету, кромѣ одного кулика...

Я очень обрадовался, дорогая, когда узналъ, что Вѣрочка иногда читаетъ вамъ романы. Въ то время, когда мы жили вмѣстѣ, вы часто сидѣли у окна съ какой-нибудь книгой изъ нашей домашней библіотеки. Что̀ именно вы читали, я, конечно, уже не помню, но помню хорошо, что кромѣ повѣстей и романовъ вы очень любили стихотворенія Пушкина, Лермонтова и Жуковскаго, и особенно басни Крылова... Я знаю, что теперь въ большой славѣ послѣднія проповѣдническія произведенія Льва Толстого, но по моему ничто не можетъ сравниться съ его старыми романами: „Войной и Миромъ“ и „Анной Карениной“. Изъ иностранныхъ современныхъ писателей я особенно люблю

Бретъ-Гарта, а потому рекомендую его всѣмъ. Всякій его разсказъ такъ увлекательно написанъ, что трудно оторваться, и притомъ большая часть хорошо кончается, а это не малое достоинство въ романахъ. Двѣ (присланныя мнѣ) моментальныя фотографіи „въѣздъ въ усадьбу“ и „домъ за кругомъ изъ акацій“ вышли очень эффектно. Судя по освѣщенію и длинѣ тѣней, обѣ сняты одновременно, въ іюлѣ, около семи-восьми часовъ вечера. При такихъ сильныхъ контрастахъ свѣта и тѣней, проявленіе пластинки съ сохраненіемъ надлежащей мѣры было, безъ сомнѣнія, очень трудно. Однако на обѣихъ фотографіяхъ это смѣшеніе дня вверху и ночи внизу между деревьями вышло замѣчательно хорошо, и детали освѣщенной части не потерялись. Только гдѣ же каменные столбы, въ родѣ двухъ бѣлыхъ обелисковъ, которые стояли въ мое время при въѣздѣ въ усадьбу? Или я ошибся, и обелиски были построены лишь у флигеля, да еще вторая пара немного далѣе, при выѣздѣ изъ сада къ конюшнямъ? Да нѣтъ же! Навѣрное и тутъ были обелиски.

Цѣлую тебя, милая Надя, за твою новую карточку. Какъ хорошо, что вы всѣ такъ часто бываете въ Боркѣ. Въ жизни постоянно случается, что родные братья и сестры разсѣиваются по разнымъ далекимъ городамъ и мѣстечкамъ, сначала переписываются, а потомъ по лѣности перестаютъ, и въ концѣ концовъ становятся совсѣмъ чужими другъ для друга. А наша семья не поддается общему теченію, и такъ или иначе, а все же, по временамъ, собирается вмѣстѣ...

Не могу не отнестись, милый Петя, съ величайшимъ сочувствіемъ и полнымъ одобреніемъ къ твоимъ земледѣльческимъ подвигамъ. Именно такъ и надо. Я всегда думалъ, что если ужъ браться за какое-нибудь дѣло, то надо дѣлать его со всей энергіей, не отступая передъ препятствіями. Всю эту мѣстность, которую ты выкорчевалъ изъ-подъ зарослей, я, конечно, хорошо знаю, а къ „одинокой соснѣ“ я не разъ пробирался черезъ поле ржи, которое ее окружало. Тамъ подъ цѣлымъ шатромъ сосновыхъ вѣтвей оставалась маленькая зеленая лужайка среди колосьевъ, и о ней никто не зналъ кромѣ меня, потому что никому другому не приходило въ голову ходить къ этой соснѣ черезъ цѣлое поле ржи по едва замѣтной межѣ между двумя полосками. Твой сынъ Шура смотритъ молодцомъ и удивительно какъ выросъ для своихъ лѣтъ. Пиши подробнѣе о всѣхъ его проказахъ, а если не припомнишь, что̀ написать, то справься у своей жены, Маріи Александровны—женщины въ этихъ дѣлахъ всегда находчивѣе, чѣмъ мы. Я всегда любилъ дѣтей, и когда

смотрю на карточки своихъ племянниковъ и племянницъ, то невольно привѣтствую ихъ словами поэта:

...Здравствуй, племя,
Младое, незнакомое. Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомыхъ...

Кстати, разъ дѣло пошло въ этомъ письмѣ о поэзіи: правда ли, что ты тоже пишешь или писалъ когда-то стихи? Кузина Мери на послѣднемъ свиданіи со мной, въ Петропавловской крѣпости, говорила мнѣ, что *да*, и притомъ очень недурные (навѣрно не хуже меня грѣшнаго). Не сохранилось ли у тебя чего-нибудь изъ нихъ?

Прощайте, дорогіе, и будьте счастливы. Почти вся эта зима была въ моихъ краяхъ тусклая и туманная, но въ тѣ самые дни, когда я получилъ ваши письма, небо вдругъ прояснилось. Яркое солнце глядѣло ко мнѣ въ комнатку, а вечеромъ передъ самымъ окномъ показалось созвѣздіе Оріона, и звѣзды сіяли такъ ярко, что я долго любовался ими. И я невольно подумалъ, что кто-нибудь изъ васъ тоже, можетъ быть, случайно любуется ими въ это же самое время.

Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ.

7 февраля 1899 г.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

8 августа 1899 г.

...Я почти вошелъ въ свою обычную колею. Вотъ вы всѣ просите меня писать какъ можно подробнѣе о моемъ здоровьи. А что же написать о немъ особеннаго, когда нѣтъ никакой новой болѣзни, а прежнія даже перестали безпокоить. Отъ инфлюэнцы я совсѣмъ поправился и гуляю теперь очень много. Май и часть іюня были у насъ прескверные, но за то вторая половина іюня и іюль вознаградили за всѣ прежнія невзгоды и непогоды. Докторъ постоянно меня навѣщаетъ и даетъ дополнительную легкую пищу въ видѣ молока и яицъ. Вся моя бѣда заключается въ томъ, что послѣ каждаго обѣда, хотя бы и очень легкаго, я нѣсколько часовъ чувствую тяжесть и сильное давленіе подъ ложечкой, какъ будто тамъ, подъ сердцемъ, лежитъ большой камень. Это ощущеніе мѣшаетъ мнѣ не только заниматься, но даже сидѣть и лежать, и я долженъ ходить часа

три или четыре послѣ каждаго пріема пищи. Это—моя главная бѣда и единственная помѣха при научныхъ работахъ.

Съ прошлаго года докторъ предложилъ мнѣ время отъ времени взвѣшиваться. Въ первый разъ оказалось, что во мнѣ 3 пуда 20 фунтовъ: не особенно большая тяжесть при моемъ довольно высокомъ ростѣ! Но зимой, передъ инфлюэнцей, даже и этотъ вѣсъ началъ быстро уменьшаться, и я высчиталъ тогда, что если такъ продолжится, то ровно черезъ полтора года я обращусь въ перышко и полечу къ вамъ по воздуху. Однако это вычисленіе не оправдалось, и теперь, въ іюнѣ, я снова возвратился къ прошлогодней нормѣ.

Такъ какъ сидѣть нагнувшись мнѣ очень вредно, то для письменныхъ занятій я устроилъ себѣ нѣчто въ родѣ этажерки, и пишу на ней стоя. Весной я перенесъ свою этажерку въ уголъ крошечнаго садика подъ маленькій навѣсъ и все лѣто занимаюсь на воздухѣ. Вотъ и теперь я пишу вамъ эти строки въ своемъ уютномъ уголкѣ. Выглядывая изъ-подъ навѣса, я вижу голубое небо, по которому плывутъ кое-гдѣ бѣлыя кучевыя облака. Вечеръ сегодня тихій и довольно теплый, и часть садика освѣщена солнцемъ. Кругомъ меня зеленые кусты и деревцо, и хмѣль вьется кругомъ моей этажерки. Недалеко чирикаютъ воробьи. Въ воздухѣ летаютъ и щебечутъ цѣлыя стаи ласточекъ, а еще выше, чѣмъ ласточки, по всѣмъ направленіямъ носятся черные стрижи, иногда совсѣмъ теряясь въ глубинѣ неба.

Я очень люблю слѣдить за полетомъ этихъ птичекъ, когда онѣ стрѣлой мчатся по воздуху, описывая въ немъ круги и всевозможныя кривыя линіи, и все это безъ малѣйшаго усилія, иногда даже не взмахнувъ крыльями. Когда поднимается сильный вѣтеръ, всѣ стрижи и ласточки поворачиваются противъ него своими головками, и снизу кажется, что многіе изъ нихъ какъ будто неподвижно висятъ въ воздухѣ. Я часто думаю: какой чудный видъ открывается для нихъ съ высоты! Иногда буря срываетъ гнѣзда ласточекъ, и тогда ихъ птенчики поступаютъ къ намъ на воспитаніе, откармливаются мухами и пауками и помѣщаются въ маленькихъ суконныхъ гнѣздышкахъ, пока у нихъ не выростутъ крылья. Вотъ и теперь воспитывается маленькая ласточка-сиротка, по имени „Чика". Дней пять назадъ она улетѣла въ первый разъ, но на другой день возвратилась и сама отдалась въ руки. Съ тѣхъ поръ она каждый день взлетаетъ по нѣскольку разъ, кружится высоко въ небѣ вмѣстѣ съ другими ласточками, иногда цѣлые часы, но потомъ снова воз-

вращается и садится на подставленную руку, а если руки не подставишь, то прямо на лицо, цѣпляясь лапками за усы и бороду. Она очень любитъ спать на груди за пазухой, въ рукавѣ, а то и просто въ кулакѣ. Любитъ, чтобъ ее гладили и говорили съ ней, и знаетъ свое имя. Еще никогда не было такой милой и ласковой птички.

Я всегда съ нетерпѣніемъ ожидаю лѣта и не люблю зимы съ ея длинными ночами, снѣжными сугробами и тяжелыми одеждами. Уже съ начала весны я забрасываю подальше свою сѣрую шапку и все лѣто хожу съ непокрытой головой, какъ я любилъ это дѣлать и у васъ въ Боркѣ. Мнѣ особенно нравится, когда вѣтеръ свободно обвѣваетъ голову и разбрасываетъ волоса. Кромѣ того, отъ постояннаго ношенія шапокъ и шляпъ рано или поздно происходятъ плѣши и лысины, и я не вижу причинъ, почему я могъ бы пожелать ихъ и себѣ.

Года три тому назадъ я пробовалъ освободиться и отъ обуви, почитавъ въ „Нивѣ" о придуманномъ Кнейпомъ способѣ закалять себя отъ простуды посредствомъ хожденія босикомъ. Эти босоногія прогулки, говорятъ, вошли тогда въ моду за границей. Въ „Нивѣ" была даже приложена картинка, изображающая компанію лицъ обоего пола, весело путешествующихъ по травѣ и лужамъ такимъ первобытнымъ способомъ. Мнѣ это показалось забавнымъ и понравилось—и вотъ, сбросивъ сапоги и засучивъ штаны до колѣнъ, я тоже принялся важно расхаживать по дорожкѣ своей прогулочной клѣтки. Но, къ большому огорченію, дня черезъ три получилъ насморкъ и увидѣлъ, что такая система укрѣпленія тѣла не для меня [1]).

Ну, теперь я, кажется, вполнѣ исполнилъ ваше требованье писать подробнѣе о своемъ здоровьи, и вы всѣ можете убѣдиться, что и я о немъ достаточно забочусь!..

Я радъ, дорогая моя мамаша, что нѣсколько строкъ воспоминаній изъ моего дѣтства, посланныхъ въ прошломъ письмѣ, доставили вамъ удовольствіе. Нужно признаться, что первоначально я написалъ объ этомъ въ нѣсколько разъ болѣе, но потомъ пришлось сократить въ виду недостатка мѣста. Вы говорите, что особенно хорошо помните свой страхъ, когда я садился на перила колокольни Ивана Великаго въ Москвѣ. Ну, а помните ли, какъ вы боялись, когда я (на 10-мъ или 12-мъ году) сложилъ около флигеля высокое рѣшетчатое зданіе въ родѣ огромной клѣтки изъ

---

[1]) Кромѣ того, въ первый же день получилъ визитъ отъ доктора, которому доложили, что я сошелъ съ ума. *(Позднѣйшее примѣчаніе.)*

жердей старой, разрушившейся ограды сада и лазалъ на его вершину по шатающимся перекладинамъ, а вы все думали, что это зданіе развалится и я расшибусь при паденіи? Я помню это такъ ясно, какъ будто все было вчера; помню, какъ вы, стоя на крыльцѣ флигеля, съ безпокойствомъ смотрѣли на качающееся зданіе, и какъ будто сейчасъ слышу вашъ голосъ: „Коля, слѣзь, а то упадешь и сломишь себѣ шею!“

Однако, дорогая моя, все это лишь воспоминанія о событіяхъ, которыя мало затрогивали нашу внутреннюю жизнь. Несравненно трогательнѣе были тѣ случаи, когда вы давали мнѣ наставленіе, какъ отличать добро отъ зла. Такъ однажды вы мнѣ сказали, что всякій разъ, когда я хочу сдѣлать что-нибудь, касающееся другого человѣка, я сначала представилъ бы себѣ, что это самое сдѣлали со мной, и если я сочту такой поступокъ дурнымъ по отношенію къ себѣ, то онъ нехорошъ и съ моей стороны. Это простое разсужденіе, которое вы, конечно, давно забыли, почему-то очень меня поразило и навело на рядъ серьезныхъ размышленій. И я помню, что не разъ потомъ прилагалъ его къ своимъ поступкамъ, чтобы сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку. Однако, дорогая моя, я боюсь, что, заговоривъ объ этомъ предметѣ, я опять напишу цѣлую тетрадь, а потому лучше скорѣе кончить.

Хочу, милая сестра Груша, выразить и свое запоздалое сочувствіе твоему горю. Когда въ январѣ я получилъ отъ тебя извѣстіе, что здоровье Михаила Всеволодовича опять разстроилось, мнѣ и въ голову не приходило, что дѣло окончится такъ печально. Ты не подумай, дорогая, что я не могъ чувствовать сильно этой потери, только потому что никогда не видалъ твоего мужа иначе, какъ на фотографіи. Всѣ, кто вамъ близки,— близки и мнѣ. Я давно свыкся съ мыслью о томъ, что Михаилъ Всеволодовичъ — членъ нашего семейства, привыкъ получать отъ него и посылать ему ежегодно маленькія пожеланія, а потому его отсутствіе оставляетъ теперь новую пустоту и въ моей обычной жизни.

Часто ли ты теперь бываешь въ Боркѣ, и часто ли бываютъ у тебя сестры и знакомые? Думаешь ли ты оставить свою домашнюю жизнь, какъ она опредѣлилась въ первое время послѣ смерти мужа, или уже сдѣлала въ ней какія-нибудь существенныя перемѣны? Пиши, мой милый другъ, подробнѣе о своей домашней обстановкѣ, обо всемъ, что̀ ты дѣлаешь и думаешь, что̀ тебя занимаетъ и окружаетъ.

Болѣе всего мнѣ грустно, что у тебя нѣтъ дѣтей, для ко-

торыхъ ты теперь могла бы жить. Еслибъ они были — и тебѣ было бы несравненно легче. Когда я подумаю о томъ, что во многихъ семьяхъ прямо боятся имѣть дѣтей, мнѣ всегда кажется, какой это безумный страхъ! Вѣдь, рано или поздно, придетъ старость и тогда — а можетъ быть и несравненно ранѣе — въ каждой семьѣ наступитъ время вѣчной разлуки, — и что же останется тогда тому изъ двухъ, кто переживетъ? У меня была маленькая дочка, казавшаяся мнѣ лучше всѣхъ остальныхъ; она умерла отъ скарлатины, не проживъ и года, и похоронена на югѣ Франціи, у береговъ Средиземнаго моря, такъ далеко-далеко отъ насъ, что ни мнѣ и никому изъ моихъ близкихъ никогда не придется побывать на ея крошечной могилкѣ. Я знаю и всегда чувствую, что еслибъ она была жива, то я не сознавалъ бы себя до такой степени оторваннымъ отъ всего остального міра. Но не будемъ тревожить тѣней прошлаго, а то, пожалуй, еще расплачемся.

Какъ здоровье Миши, дорогая Катя? Помогли ли ему, бѣдняжкѣ, свѣжій воздухъ и гипсовыя повязки? Тяжело лежать неподвижно на своей постели въ лучшее время дѣтства, когда все кругомъ живетъ и радуется... Да и ты сама навѣрное совсѣмъ измучилась. Я очень былъ обрадованъ, узнавъ изъ письма Вѣрочки, которое было позднѣе твоего, что Шура благополучно перешелъ на второй курсъ. Вотъ и Маня скоро окончитъ гимназію. Просто удивительно, какъ быстро ростетъ это молодое поколѣніе,—или, можетъ быть, это моя собственная жизнь проносится такъ быстро, потому что нѣтъ на ней верстовыхъ столбовъ?..

Я очень радъ, что Валя сталъ крѣпче здоровьемъ, это главное, а интересъ къ занятіямъ возникнетъ, когда онъ поступитъ въ гимназію. Теперь въ классическихъ гимназіяхъ стало, повидимому, не такъ уже плохо, какъ было прежде. Вонъ Катя пишетъ, что ея дѣти перешли безъ экзаменовъ. Мнѣ даже какъ-то не вѣрится. Еслибъ кто заикнулся объ этомъ въ мое время, то все гимназическое начальство пришло бы въ паническій страхъ отъ подобнаго вольнодумства и послабленія. За все время моего пребыванія я не помню ни одного подобнаго случая, да его и не могло быть. Латинисты и греки въ моей гимназіи смотрѣли на учениковъ какъ на своихъ личныхъ враговъ, да и мы сами такъ на нихъ смотрѣли и ненавидѣли ихъ отъ всей души, хотя къ остальнымъ учителямъ и относились очень хорошо. Я со смѣхомъ вспоминаю теперь, какъ въ одномъ изъ среднихъ классовъ, послѣ успѣшнаго экзамена изъ латинскаго и греческаго языковъ, мы (и притомъ все лучшіе ученики!) собрались вмѣстѣ

и, убѣдившись, что нѣкоторыя изъ нашихъ латинскихъ и греческихо книжекъ уже не будутъ нужны въ слѣдующихъ классахъ, рѣшили разстрѣлять ихъ изъ комнатнаго ружья-монтекристо. Такъ и погибли подъ градомъ пуль ни въ чемъ неповинные Ксенофонты и Юліи Цезари...

Въ твоемъ стихотвореніи, милый Петя, мнѣ понравилось строгое соблюденіе размѣра строкъ и куплетовъ и безукоризненная правильность риѳмы. Есть въ немъ и музыкальность, которая характеризуетъ истинные стихи. По содержанію же оно (какъ ты и самъ предупреждаешь)—изъ тѣхъ, которыя назначаются не для печати, а исключительно для себя и той особы, которой посвящены. Въ такомъ родѣ писывалъ и я, но я болѣе люблю коротенькія лирическія стихотворенія въ родѣ, напримѣръ, когда-то написаннаго здѣсь:

Море и Сердце.

Море бушуетъ, и воетъ, и плещетъ,
Волны грохочутъ и бьютъ мнѣ въ глаза.
Сердце же рвется, стучитъ и трепещетъ,
Мысль то потухнетъ, то ярче заблещетъ, —
Въ морѣ и въ сердцѣ бушуетъ гроза...
Море умолкло, и сердце уснуло...
Больше не бьетъ объ утесы волна...
Все, что такъ ярко въ душѣ промелькнуло,
Все улеглося, заглохло, минуло...
Въ морѣ и въ сердцѣ стоитъ тишина.

Во время жизни за границей, я издалъ тамъ свои стихотворенія отдѣльной книжкой, но такъ какъ въ нее вошли нѣкоторые стихи, недопустимые въ Россіи, то она и разошлась исключительно среди заграничной публики.

Какъ твои болото-осушительныя занятія въ этомъ году? Повидимому ты, какъ въ свое время отецъ, завалился въ Боркѣ по образу медвѣдя въ берлогѣ, и почти не бываешь въ Петербургѣ, хотя, навѣрное, у тебя тамъ остались знакомые?

Какъ поживаетъ Ниночка? Удачны ли вышли ея новыя художественныя произведенія? Неужели она только въ этомъ году первый разъ ѣхала одна по желѣзной дорогѣ?

Судя по тому, что она опять отправилась къ Р., я думаю, что она и въ этомъ году была гдѣ-нибудь на морскихъ купаньяхъ. На волѣ я тоже очень любилъ купаться, и хотя въ Женевскомъ озерѣ очень холодная вода отъ стекающихъ туда рѣчекъ изъ ледниковъ и вѣчнаго снѣга, покрывающаго вершины близлежащихъ горъ, и купаются въ немъ только рѣдкіе любители, но

я въ послѣднее лѣто почти каждый день туда бѣгалъ. Особенно мнѣ нравилось плавать въ бурю, когда волны сильно бросаютъ вверхъ и внизъ. Вотъ въ Ронѣ при ея выходѣ изъ Женевскаго озера, вода еще холоднѣе, потому что течетъ со дна и, бросившись въ нее, выскакиваешь черезъ нѣсколько минутъ, какъ ошпаренный, и долженъ отогрѣваться на солнцѣ, пока рѣшишься снова окунуться. Впрочемъ я купался тамъ лишь въ концѣ лѣта. А купанье въ тѣхъ мѣстахъ тоже обязательно въ костюмахъ, иначе заплатишь штрафъ, не то что въ нашемъ борковскомъ прудѣ.

Съ какой мѣстности Борка мнѣ особенно хотѣлось бы имѣть снимокъ? Это, милая Вѣрочка, очень трудно сказать издалека. Для того чтобъ снять хорошую фотографію, нужно быть на мѣстѣ. Нужно выждать подходящаго освѣщенія и оцѣнить соотношенія между свѣтлыми и тѣневыми частями ландшафта. Поэтому лучше предоставить все это самому художнику. Однако я думаю, что каменныя ворота съ видомъ усадьбы въ отдаленіи или развалины Стараго Борка при подходящихъ условіяхъ вѣроятно вышли бы недурно.

Очень странное ощущеніе пришлось мнѣ испытать при взглядѣ на вашъ снимокъ борковскаго огорода, который, нужно замѣтить, вышелъ безукоризненно. Сначала я почему-то принялъ строеніе за огородомъ, прилегающее къ скотному двору, — за людскую, и потому все показалось мнѣ сильно измѣнившимся! Но когда я присмотрѣлся внимательнѣе, вдругъ все какъ будто перевернулось у меня передъ глазами и стало на свои надлежащія мѣста. Я сразу узналъ и гряды, и деревья, и густыя заросли иванчая, покрывающія тотъ уголъ огорода, гдѣ въ мое время находился полуразмытый дождями колодезь, и равнину внизу подъ горой, съ рядами ивовыхъ кустовъ, растущихъ вдоль канавъ, и за нею лѣсъ на горизонтѣ, простирающійся до самой Волги.

Даже самъ на себя подивился: какъ я могъ не узнать съ перваго взгляда этой почти совсѣмъ не измѣнившейся и такъ хорошо знакомой картины!

О своемъ обычномъ состояніи духа что бы тебѣ сказать? Ты уже прочла въ этомъ письмѣ мое маленькое стихотвореніе о тишинѣ послѣ бури. Вотъ эта именно мертвая тишина и есть мое преобладающее настроеніе. Правда, я читаю и занимаюсь, на сколько хватаетъ силъ. Но эти отвлеченныя занятія не могутъ замѣнить живого міра, и невозможность произвести нужный опытъ часто сковываетъ мысль при моихъ научныхъ размышленіяхъ. Я гдѣ-то читалъ, что головастики лягушекъ, посаженные въ

очень маленькую баночку съ водой, такъ и остаются навѣки головастиками, между тѣмъ какъ на просторѣ, въ своемъ прудѣ или болотѣ, они скоро превращаются въ настоящихъ лягушекъ. Такъ и человѣкъ, замкнутый въ тѣсныхъ предѣлахъ, оказывается какъ бы законсервированнымъ въ своемъ первоначальномъ видѣ и мало способнымъ къ дѣятельной работѣ. Подсчитывая результаты своихъ недѣльныхъ занятій, я съ грустью убѣждаюсь, что въ былыя времена я дѣлалъ то же самое въ одинъ день.

Ты спрашиваешь, какъ идетъ моя книга о „Строеніи вещества". Съ огорченіемъ долженъ признаться, что она все еще не окончена, и замедленіе произошло не отъ одной моей вялости, обусловленной недостаткомъ внѣшнихъ впечатлѣній, но также и отъ нѣсколькихъ совсѣмъ непредвидѣнныхъ причинъ. Прежде всего лѣтомъ прошлаго года я отвлекся отъ этой работы. Думалъ, что успѣю въ двѣ-три недѣли написать для товарища краткій очеркъ высшаго математическаго анализа и нѣкоторыхъ его приложеній къ естествознанію и геометріи, но увлекся этимъ предметомъ и написалъ цѣлый томикъ въ 417 страницъ подъ названіемъ: „Функція". Правда, что это время (четыре мѣсяца) не пропало даромъ, и я остался очень доволенъ своей математической книжкой, въ которой отвлеченныя теоремы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія изложены очень нагляднымъ и совершенно оригинальнымъ способомъ. Но въ „Строеніи вещества" все же произошла задержка на цѣлое лѣто. Осенью прошлаго года я снова принялся за этотъ предметъ. Но тутъ оказалось, что у меня накопилось столько тетрадей матеріаловъ и уже написанныхъ естественно-научныхъ статей, что на разысканіе нужнаго мнѣ въ данную минуту уходитъ очень много времени. Пришлось привести въ систему всѣ мои тетради, и чтобъ онѣ не перепутались снова, я ихъ переплелъ. Вышло 13 объемистыхъ томовъ, въ каждомъ по 500—800 страницъ, и въ нихъ по оглавленію стало легко разыскивать все, что понадобится. Но тутъ — не успѣли еще просохнуть мои переплеты — напала на меня инфлюэнца и отняла всю зиму. Весною я снова принялся за свою прерванную книгу, но чѣмъ болѣе пишу, тѣмъ болѣе разростается планъ. Начиная эту работу, думалъ все окончить въ одномъ томѣ, а теперь уже написано два (1342 страницы), но и ихъ придется дополнить новѣйшими свѣдѣніями по „Журналу Русскаго Физико-Химическаго Общества", который оказался чистой драгоцѣнностью для меня и самой любимой книгой для чтенія. Кромѣ того придется окончить еще третій томъ „Строенія вещества". Убѣдившись въ безполезности назначать себѣ

сроки, я теперь просто работаю надъ этимъ предметомъ сколько позволяетъ здоровье, и знаю лишь одно, что не оставлю дѣла по своей волѣ, пока не закончу всего.

Вотъ только жаль, что я не могу писать прямо набѣло. Всѣ мои рукописи исчерканы вдоль и поперекъ вставками, надставками и поправками, такъ что непривычному человѣку трудно въ нихъ разобраться. Происходитъ это оттого, что какъ только я напишу что-нибудь, такъ сейчасъ же замѣчаю, что это же самое можно написать лучше, проще и яснѣе, и немедленно зачеркиваю написанное или дѣлаю надстрочныя дополненія, а къ этимъ дополненіямъ еще новыя, и въ результатѣ получаются многоэтажныя строки. Чтобы переписать всѣ эти тринадцать томовъ чисто, нужно употребить много времени, а потому я и отложилъ переписываніе до окончанія главной работы. Сначала я просто въ отчаяніе приходилъ отъ своей непреодолимой склонности къ перемарыванію, но, увидѣвъ случайно снимки съ рукописей Пушкина, Лермонтова и Льва Толстого, я убѣдился, что наши величайшіе писатели марали и переправляли свои сочиненія еще больше меня. Это очень успокоило и утѣшило меня: если ужъ они перечеркивали по десяти разъ каждую фразу, то мнѣ и Богъ велѣлъ!

Посылаю тебѣ въ письмѣ вѣточку многолѣтняго растенія, называемаго „сердце"; оно мнѣ очень нравится и растетъ роскошнымъ большимъ кустомъ. Но, къ сожалѣнію, его сѣмена не вызрѣваютъ, такъ что для разведенія его приходится пользоваться разсадками.

NB. Не читайте слѣдующихъ строкъ матери:

Я не могу, дорогая Вѣрочка, послать этого письма, не поговоривъ съ тобой серьезно еще объ одномъ предметѣ. Когда я прочелъ въ твоемъ прошломъ письмѣ *„о скоромъ окончаніи моего испытанія"*, я не придалъ этому серьезнаго значенія. Но когда я увидѣлъ и изъ новыхъ писемъ, что вы всѣ, повидимому, ждете моего пріѣзда въ Борокъ къ какому-то опредѣленному и притомъ довольно близкому сроку—мнѣ стало страшно за васъ. Пойми, мой другъ, что кромѣ васъ самихъ еще никто не назначалъ срока моего заключенія. Я не хочу вамъ этимъ сказать: „разстаньтесь со всякой надеждой меня увидѣть". Нѣтъ! Я знаю, что человѣку трудно жить безъ надежды. Почему же и намъ не ждать лучшихъ дней. Но такъ какъ никакого срока не назначено, то будемъ и ждать, такъ сказать, безсрочно, не пріурочивая своихъ надеждъ къ опредѣленнымъ событіямъ и временамъ. Ты представь только, что мамаша приготовитъ для меня

флигель и начнетъ высчитывать мѣсяцы и недѣли до моего воображаемаго пріѣзда! Какой ударъ будетъ для нея, когда въ назначенный день она увидитъ, что все это—одно недоразумѣніе! Я боюсь, что васъ ввели въ заблужденіе слова моего защитника, который говорилъ и мнѣ, будто подъ безсрочнымъ заключеніемъ нужно понимать какой-то срокъ около 25 лѣтъ, сокращающійся еще на нѣсколько лѣтъ при „безупречномъ поведеніи". Это—какое-то недоразумѣніе. Если ты не считаешь меня компетентнымъ въ юридическихъ вопросахъ, то въ будущую же поѣздку въ Петербургъ ты можешь провѣрить мои слова у директора департамента полиціи. За исключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, это—единственное лицо въ Россіи, которое можетъ дать тебѣ достовѣрныя свѣдѣнія. Не читай мамашѣ этого примѣчанія, но когда вашъ воображаемый срокъ начнетъ приближаться—постепенно подготовляй ее къ разочарованію...

Николай Морозовъ.

С. Ю. ВИТТЕ и К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Желаніе сохранить въ памяти современниковъ одну изъ любопытныхъ страницъ недавняго прошлаго побуждаетъ насъ использовать фактическія данныя и документы, тѣмъ болѣе интересные, что, освѣщая важный въ общественномъ смыслѣ вопросъ о современномъ положеніи господствующей церкви, они ярко отражаютъ умственную индивидуальность двухъ крупныхъ вершителей судебъ Россіи.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 12-го декабря 1904 г. рѣшено было подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ.

Обсужденію этой части указа комитетъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте, посвятилъ первые мѣсяцы 1905 г. Результатомъ его работы явился Высочайшій указъ 17-го апрѣля, представляющій собою первый шагъ къ установленію въ Россіи истинной вѣротерпимости.

Почти одновременно съ опубликованіемъ этого указа разыгрался инцидентъ, весьма знаменательный какъ показатель той борьбы, которая шла неустанно между противоположными теченіями государственной мысли и взаимно исключающими другъ друга взглядами на интересы государства.

При обсужденіи въ комитетѣ министровъ комплекса мѣръ, какія предполагалось включить въ проектъ указа, митрополитъ

Антоній, приглашенный, по Высочайшему повелѣнію, въ засѣданіе комитета, обратилъ вниманіе на преимущества, которыя примѣненіе указа 12-го декабря 1904 г. обѣщало русскому сектантству, по сравненію съ государственною церковью. Вслѣдъ затѣмъ высокопреосвященный внесъ въ комитетъ министровъ програму преобразованій, желательныхъ въ постановкѣ православной церкви. Еще раньше, въ февралѣ 1905 г., у митрополита собралась группа петербургскихъ священниковъ, представившая записку „о неотложности возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи". Указывая на печальное, неестественно безсильное положеніе церкви, ярко обнаружившееся въ дни общественныхъ потрясеній, составители записки просили митрополита употребить все свое вліяніе для созыва церковнаго собора, на которомъ бы епископы, совмѣстно съ пастырями, свободно избранными отъ каждой епархіи, и съ представителями отъ мірянъ, могли всесторонне обсудить неотложные церковные вопросы.

Это обращеніе къ митрополиту было сначала напечатано въ газетѣ „Слово" (№ 116, 5-го апрѣля 1905 г.), а затѣмъ, съ измѣненнымъ заглавіемъ („о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи")—и въ „Церковномъ Вѣстникѣ".

Позднѣе эта же записка была перепечатана во многихъ газетахъ и журналахъ и дала толчокъ къ оживленному обмѣну мыслей въ періодической печати по вопросу о церковныхъ преобразованіяхъ, сразу же привлекшему къ себѣ общественное вниманіе.

Вышеупомянутая програма митрополита Антонія, внесенная въ комитетъ, заключалась въ слѣдующемъ:

1) Бывшія въ комитетѣ министровъ сужденія по вопросу о вѣротерпимости открываютъ отдѣлившимся отъ православной церкви (старообрядцамъ, сектантамъ и пр.) извѣстное государственное положеніе, съ опредѣленными правами и льготами, и въ то же время не касаются ихъ внутренней, въ собственномъ смыслѣ, церковной жизни. Вопросы, напр., о бракѣ и разводѣ, о церковномъ судѣ надъ духовными и свѣтскими лицами, объ организаціи общинно-приходской жизни и благотворительности, о назначеніи и способахъ выбора высшаго и низшаго духовенства и т. п. — все это останется внѣ вмѣшательства государственной, свѣтской власти (пока не выходитъ, конечно, за предѣлы дозволеннаго русскому подданному вообще). Такая автономія въ своихъ церковныхъ дѣлахъ ставитъ упомянутыя общества въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находится нынѣ признаваемая господ-

ствующею въ государствѣ церковь православная. Предоставляя духовенству этихъ обществъ особенный, исключительный авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, она открываетъ ему возможность широкаго вліянія на всю вообще жизнь, и семейную, и общественную, своихъ пасомыхъ. Это, вмѣстѣ съ возможностью автономной организаціи, создастъ изъ этихъ обществъ силу весьма внушительную и для многихъ болѣе привлекательную, *чѣмъ стѣсненная въ своей чисто церковной дѣятельности церковь православная.* Въ особенности это нужно сказать объ общинѣ, „пріемлющей австрійское священство“: она имѣетъ всю видимость православной церкви. Можетъ явиться опасность, что эта община обратится въ церковь народную, тогда какъ православная церковь останется только церковью государственной [1]).

Поэтому, а также въ виду того, что православная церковь составляетъ одну изъ главнѣйшихъ основъ русскаго государственнаго порядка и одинъ изъ его историческихъ устоевъ, не является ли и съ точки зрѣнія государства существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее государственное положеніе православной церкви въ Россіи, съ тѣмъ, чтобы и при измѣнившемся государственномъ положеніи отпадшихъ отъ нея, не лишить ея авторитета у народа и не лишиться ея вліянія на послѣдній?

2) Такъ какъ однимъ изъ величайшихъ преимуществъ инославныхъ обществъ является теперь ихъ автономія во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя бы нѣсколько ослабить *ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти* надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ *церковь самостоятельности и иниціативы* и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, *дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ неслышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни?*

3) Не слѣдуетъ ли, поэтому, предоставить православной церкви больше свободы въ управленіи ея внутренними дѣлами, гдѣ бы

---

[1]) Подобныя опасенія высказывались и раньше искренними защитниками православной церкви. Такъ напр., М. П. Погодинъ сознается, что съ допущеніемъ религіозной свободы въ Россіи половина крестьянъ обратится въ расколъ, а половина большого свѣта—особенно женщины—въ католицизмъ. Что же означаетъ такое признаніе?—спрашиваетъ Аксаковъ.—Да то, отвѣчаетъ онъ, что половина членовъ православной церкви принадлежитъ къ ней только по видимости и удерживаетъ ихъ въ ея нѣдрахъ только страхъ мірского наказанія. *(Примѣчаніе автора.)*

она могла руководиться, главнымъ образомъ, церковными канонами и нравственно-религіозными потребностями своихъ членовъ и, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи, могла бы своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства?

4) Наставники и прочія духовныя лица инославныхъ общинъ, являясь ставленниками этихъ послѣднихъ, должны имѣть для нихъ особый авторитетъ и при всѣхъ обстоятельствахъ не только чисто церковной, но и общественной жизни окажутся естественными представителями своихъ общинъ и ходатаями за нихъ предъ правительствомъ. Такого же непосредственнаго участія въ общественной жизни прихода желаетъ и отъ православнаго духовенства Высочайшій указъ отъ 26 іюня 1904 года. Поэтому, не слѣдуетъ ли распространить на православныхъ священниковъ право быть непремѣнными членами общественно-государственныхъ учрежденій, имѣющихъ мѣсто въ ихъ приходахъ (въ случаѣ возстановленія прихода, какъ земской единицы), участвовать въ мірскомъ сходѣ и быть представителями общины предъ властями, при желаніи послѣдней?

5) Чтобы голосъ церкви былъ болѣе слышенъ въ государственномъ управленіи (которое принципіально призываетъ на себя благословеніе церкви), и чтобы государственные сановники могли непосредственно отъ полномочныхъ представителей церкви знать ея взглядъ на тотъ или иной предметъ, а представители церкви могли непосредственно разъяснять государственнымъ сановникамъ церковныя дѣла и ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ церкви, не признано ли будетъ желательнымъ теперь же предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи (нѣсколькимъ изъ нихъ, по рангу или по выбору церкви) участіе, съ правомъ голоса, въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, комитета министровъ и подобныхъ высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій?

6) Для развитія приходской благотворительности и вообще для оживленія прихода и правильной организаціи приходской жизни было бы весьма важно признать приходъ юридическимъ лицомъ, съ правомъ собственности, что̀ давало бы приходской организаціи устойчивость и средства матеріальныя. Съ другой стороны, православная церковь въ отношеніи къ вопросу о пріобрѣтеніи собственности окажется въ будущемъ едва-ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ общины, отдѣлившіяся отъ нея: всякая собственность, хотя бы отказанная церкви по завѣщанію, закрѣпляется теперь за церковнымъ учрежденіемъ не иначе какъ Высочайшею

волею. Поэтому, не признано ли будетъ возможнымъ теперь же пересмотрѣть законы о правѣ церкви на собственность, ея пріобрѣтеніе и пользованіе?

7) Возрожденіе и оживленіе прихода, отъ чего справедливо ожидаютъ благодѣтельныхъ послѣдствій для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, когда иниціатива во многихъ дѣлахъ, а равно и окончательное вершеніе ихъ будутъ перенесены изъ центра въ области и епархіи. Но такая децентрализація, вмѣстѣ съ указанной выше перемѣной въ государственномъ положеніи православной церкви, естественно предполагаетъ и влечетъ за собою многія измѣненія въ строѣ церковнаго управленія, какъ центральнаго, такъ и епархіальнаго, и во взаимныхъ отношеніяхъ того и другого. Все это приводитъ къ мысли о необходимости пересмотра церковнаго строя. Съ другой стороны и независимо отъ этого, существуетъ настоятельная и въ литературѣ уже давно признаваемая необходимость пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго управленія, особенно церковнаго суда, правъ и полномочій епархіальныхъ съѣздовъ, участія въ нихъ мірянъ, какъ представителей приходовъ и мн. др. Хотя всѣ эти вопросы тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными и законодательствомъ, но вполнѣ компетентно и *окончательно* могутъ быть разрѣшены только въ церковномъ совѣщаніи. Поэтому, не благовременно ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій?—

Программа высокопреосвященнаго Антонія была препровождена всѣмъ членамъ комитета министровъ. Предсѣдатель комитета счелъ полезнымъ, составить по этому вопросу записку, которая также была разослана членамъ комитета.

Послѣ двухвѣковой политики религіозныхъ стѣсненій — говорится въ запискѣ С. Ю. Витте — Россія вступаетъ на путь широкой вѣротерпимости. Къ этому побуждаетъ какъ сознаніе несоотвѣтствія религіозныхъ стѣсненій духу православной церкви, такъ и испытанная долгимъ опытомъ ихъ безполезность. И оффиціальные отчеты, и особенно частныя сообщенія лицъ, близко стоящихъ къ миссіонерскому дѣлу, убѣждаютъ, что притѣсненія содѣйствуютъ лишь усиленію расколосектантства, а никакъ не его ослабленію. Но если вопросъ о религіозной свободѣ можно

считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ, то теперь вполнѣ своевременно выяснить и то положеніе, въ которомъ, при измѣнившихся условіяхъ, окажется и сама православная церковь. Въ силахъ ли она будетъ выдержать предстоящую борьбу съ сектантствомъ и иновѣріемъ вообще?

Въ духовной литературѣ по этому поводу слышатся весьма тревожные голоса: „Объявить теперь свободу совѣсти для всѣхъ— это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными". Къ этому мнѣнію епископа Сергія (ректора спб. духовной академіи) присоединяется почти вся современная богословская литература. Очевидно, даже и при полной *внѣшней* свободѣ и охранѣ со стороны государства, внутреннюю жизнь православной русской церкви опутываютъ тяжелыя цѣпи, которыя необходимо снять. Слѣды ихъ дѣйствительно замѣтны въ современной религіозной жизни.

И духовная, и свѣтская печать одинаково отмѣчаютъ вялость внутренней церковной жизни; отчужденіе прихода и въ особенности образованныхъ слоевъ общества отъ своихъ духовныхъ руководителей; отсутствіе живого проповѣдническаго слова; общая слабость пастырской дѣятельности духовенства, ограничивающагося въ большинствѣ случаевъ только совершеніемъ богослуженія и требъ; полный упадокъ церковной приходской общины, съ ея просвѣтительными и благотворительными установленіями; сухость и формальность епархіальнаго „консисторскаго" дѣлопроизводства и узко-бюрократическій характеръ дѣятельности группирующихся около синода учрежденій. Еще отъ Достоевскаго услышали мы впервые грозное слово: „русская церковь въ параличѣ", и уже тогда оно не встрѣтило серьезнаго возраженія. Причину упадка церковной жизни и Достоевскій, и его многочисленные позднѣйшіе единомышленники усматриваютъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ совершенной Петромъ Великимъ реформы церковнаго управленія и въ томъ укладѣ мѣстной жизни, который сталъ развиваться съ этого времени. Съ начала XVIII в. въ церковной жизни стало ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ исчезло соборное начало; это прежде всего и вызвало застой въ церковной жизни.

Религіозное начало есть по преимуществу начало общественное; оно развивается и крѣпнетъ тамъ, гдѣ общественной жизни предоставлена нѣкоторая свобода. Естественно, поэтому, что „соборность" была основнымъ началомъ церковной жизни и главнымъ принципомъ церковнаго управленія. Отъ христіанскихъ общинъ временъ апостольскихъ, съ ихъ старѣйшинами и братіею, и

вплоть до византійскихъ патріарховъ съ придворнымъ штатомъ чиновъ, ихъ окружавшихъ, начало соборнаго управленія непрерывно проводилось въ церковномъ канонѣ.

Органами соборнаго управленія являлись соборы вселенскіе и помѣстные. Первые были явленіями исключительными, вызывавшимися особыми обстоятельствами, и, конечно, часто повторяться не могли. Наоборотъ, соборы помѣстные на основаніи апостольскихъ правилъ и каноновъ вселенскихъ соборовъ, получившихъ силу непреложнаго каноническаго закона, должны были собираться дважды или, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ. На помѣстные соборы являлись или присылали своихъ представителей всѣ епископы мѣстной церкви. Епархіальное управленіе точно также опиралось на принципъ соборности. При епископѣ состоялъ соборъ пресвитеровъ; часто въ этихъ совѣщаніяхъ участвовала и цѣликомъ вся церковная община. Такимъ публичнымъ, общественно-совѣщательнымъ было церковное управленіе апостольскихъ временъ и вообще первыхъ вѣковъ христіанства, когда церковная община, имѣвшая отдѣльнаго епископа, большой численности не представляла. При дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни, присутствіе всѣхъ членовъ общины сохранилось только на приходскихъ собраніяхъ, а на епископскомъ соборѣ постепенно замѣнялось ихъ представительствомъ. Патріаршество, которое разсматривалось духовнымъ регламентомъ какъ помѣха соборному управленію церкви, отнюдь не нарушало принципа соборности: патріархъ далеко не являлся единоличнымъ управителемъ церкви, но былъ только предсѣдателемъ существовавшаго около него постояннаго собора; онъ былъ немыслимъ безъ собора. Это—обычный каноническій распорядокъ, а рѣдкія уклоненія отъ него всегда сопровождались упадкомъ церковной жизни.

Что касается учрежденнаго преобразователемъ Россіи синода, то послѣдній носитъ только внѣшнія, но отнюдь не каноническія черты соборности. Въ немъ соборное начало подмѣнено коллегіальностью. Сущность соборнаго начала заключается вовсе не въ томъ, что во главѣ правленія стоитъ не одно, а нѣсколько лицъ, а въ томъ, что каждое изъ этихъ лицъ должно являться представителемъ цѣлой общины. Коллегіальность же есть только одна изъ системъ внутренней бюрократической организаціи. Наше синодальное управленіе не знаетъ представительства отъ каждой епархіи и не знаетъ представительства вообще, такъ какъ члены въ синодъ назначаются правительствомъ; такимъ образомъ нашъ синодъ представляетъ собою

„не правительство церковное, а государственное бюрократическое учрежденіе“ [1]). Постоянный синодъ,—говорилъ проф. Заозерскій,—какую бы форму онъ ни имѣлъ, есть во всякомъ случаѣ только исполнительный органъ цѣлаго помѣстнаго собора. Это, конечно, вполнѣ приложимо и къ русскому синоду. Но въ Россіи помѣстный соборъ не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ. Поэтому-то и вся система нашего церковнаго управленія представляется не имѣющею каноническаго основанія. Православные канонисты сознаются, что при учрежденіи синода Петръ Великій дѣйствовалъ не по образцу обязательныхъ для православной церкви каноновъ, но „подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ каноническихъ системъ, съ которыми познакомился въ Голландіи и Швеціи“ (Павловъ, Суворовъ и др.).

Въ епархіальномъ управленіи, вмѣсто древняго собора пресвитеровъ, учреждены были такъ называемыя „консисторіи“—бюрократическія коллегіи изъ четырехъ-пяти членовъ изъ духовенства, назначаемыхъ синодомъ по выбору епископа, при свѣтскомъ чиновникѣ-руководителѣ. Такимъ образомъ отъ представительства отдѣльныхъ приходскихъ обществъ на епископскомъ соборѣ — въ консисторіи не осталось и слѣда. Если консисторію и называть соборомъ, то во всякомъ случаѣ этотъ соборъ пришлось бы признать безглавымъ, такъ какъ консисторія почти никогда не видитъ въ своемъ кругу епископа и сносится съ нимъ путемъ канцелярской переписки или чрезъ свѣтское лицо—секретаря консисторіи.

Изгнаніе изъ церковной жизни начала соборности управленія повело за собою измѣненіе и самаго духа церковной жизни. Дѣятельность синода съ первыхъ же лѣтъ существованія приняла внѣшній, бюрократически-полицейскій характеръ—розыска злоупотребленій и искорененія суевѣрій и свободомыслія въ разныхъ формахъ. Предписанія синода епископамъ состояли по преимуществу изъ такихъ же постановленій о средствахъ розыска и искорененія, причемъ рекомендовалось иногда даже тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе. Всѣ духовныя обязанности членовъ православной церкви были строго регламентированы и росписаны по статьямъ и параграфамъ, соотвѣтствующимъ нынѣшнему „Уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“. Здѣсь было предусмотрѣно и уловлено всякое малѣйшее религіозное проявленіе духа и подробно предписано, какъ

[1]) Тихоміровъ, „Богословскій Вѣстникъ“ 1904 г. за февраль, стр. 223.

держать себя въ храмахъ и соблюдать въ нихъ благопристойность и тишину, какъ стоять передъ иконами, какъ проводить праздники, ходить на исповѣдь и слѣдить за твердостью въ вѣрѣ православныхъ. Эти попытки полицейской регламентаціи не поддающихся ей предметовъ и явленій духовной жизни несомнѣнно вносили въ церковную сферу мертвящее вѣяніе сухого бюрократизма.

Главною цѣлью церковныхъ преобразованій Петра I было низвести церковь на степень простого государственнаго учрежденія, преслѣдующаго исключительно государственныя цѣли. И дѣйствительно, церковное управленіе скоро сдѣлалось только однимъ изъ многочисленныхъ колесъ сложной государственной машины. Впослѣдствіи „вѣдомство православнаго исповѣданія" правильно организовалось по образцу остальныхъ министровъ, съ оберъ-прокуроромъ во главѣ, который сдѣлался представителемъ церкви предъ государемъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ).

Въ настоящее время наше церковное управленіе восприняло замкнутый канцелярскій характеръ; іерархія сносится съ народомъ чрезъ посредство бумагъ, рѣдко входя съ нимъ въ непосредственное живое общеніе. При этомъ между церковью и народомъ, церковью и государемъ, въ видѣ постоянной преграды, стоитъ свѣтскій бюрократическій элементъ. Говорить о церковной самодѣятельности, починѣ или даже просто о живомъ общеніи между собою іерарховъ—не приходится: живую общественную жизнь и здѣсь замѣнила бумага. Единственнымъ путемъ къ пробужденію замершей жизни можетъ быть только возвратъ къ прежнимъ каноническимъ формамъ церковнаго управленія.

Неблагопріятный поворотъ, совершившійся въ жизни русской церкви въ XVIII вѣкѣ, едва ли не ярче всего сказался въ упадкѣ прихода—этой основной ячейки церковной жизни.

Поворотъ этотъ тѣмъ болѣе замѣтенъ, что церковно-общественная жизнь древне-русскаго прихода отличалась большимъ оживленіемъ. Русскій приходъ въ былыя времена представлялъ собою жизненную и самодѣятельную единицу: община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной церковный причтъ; церковная казна въ ту пору имѣла болѣе широкое назначеніе—ею поддерживались и содержались не только храмъ и дома для причта, но и школа съ учителемъ, и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій; иногда она даже играла роль крестьянскаго банка и раздавалась неимущимъ. Приходская община сама судила своихъ сочленовъ и имѣла право самаго широкаго вмѣ-

шательства даже во внутреннюю семейную жизнь, сдѣдя за нравственными поступками каждаго сочлена. Ото всей этой живой и дѣятельной общины въ настоящее время удержалось развѣ только одно имя.

Упадокъ жизнедѣятельности прихода былъ вызванъ сложными причинами, изъ коихъ иныя продолжаютъ оказывать свое гнетущее вліяніе и по сей еще часъ.

Главными причинами упадка прихода слѣдуетъ признать:

а) усиленіе крѣпостного права и развитіе государственной централизаціи;

б) возложеніе на духовенство полицейско-сыскныхъ обязанностей и послѣдовавшій вслѣдствіе этого разрывъ пастырей съ паствою;

в) кастовую отчужденность духовенства;

и г) поборы духовенства при отправленіи требъ, вызывающіе со стороны прихожанъ рознь и недовѣріе.

Развитіе крѣпостного права подорвало самостоятельность общинной жизни, а быстрое поступательное движеніе государственной централизаціи постепенно все болѣе оттѣсняло мѣстные элементы отъ участія въ управленіи церковными дѣлами. Было время, когда не въ мѣру усердные становые пристава преслѣдовали все, что носило на себѣ какую-нибудь тѣнь общины. „Братскій“ судъ тогда считался самоуправствомъ, „братскія“ сходки выдавались за опасныя сборища.

Къ этимъ причинамъ общаго характера присоединились весьма своеобразныя требованія, какія съ теченіемъ времени правительство стало предъявлять къ приходскому духовенству.

Смотря на церковь лишь какъ на составную часть государственнаго механизма, великій преобразователь Россіи рѣшилъ привлечь ея служителей къ исполненію чисто государственныхъ обязанностей и, къ великому несчастію приходскаго духовенства, возложилъ на него совершенно несвойственное духовному сану полицейско-сыскное дѣло: на священника возложено было слѣдить за правильностью показаній числа податныхъ душъ и кромѣ того неукоснительно доносить обо всѣхъ ввѣряемыхъ ему на исповѣди поступкахъ, клонящихся ко вреду государства. Превратившись, такимъ образомъ, изъ духовнаго руководителя въ агента полицейскаго надзора, пастырь утратилъ довѣріе своихъ пасомыхъ и нравственную съ ними связь.

Этому же способствовали и другія обстоятельства. Съ паденіемъ самостоятельности приходской общины сильно ухудшилось матеріальное положеніе духовенства: прежде община сама соби-

рала извѣстную, заранѣе опредѣленную сумму на содержаніе причта — съ паденіемъ же приходско-общественнаго хозяйства духовенство оказалось вполнѣ предоставленнымъ себѣ и принуждено было питаться отъ обработки, наравнѣ съ крестьянами, незначительныхъ земельныхъ клочковъ, какіе предоставлялись отъ помѣщиковъ церквамъ, и вымогать съ прихожанъ копѣечные сборы за требы; осиротѣлая же семья священника зачастую совсѣмъ оставалась безъ куска хлѣба и могла существовать только побираясь милостынею у прихожанъ. Необезпеченное матеріальное положеніе приходскаго духовенства вызвало въ церковной жизни много темныхъ явленій. Тяжелое положеніе сиротъ побудило духовное начальство допустить на практикѣ своеобразный способъ благотворенія—наслѣдственную передачу священническихъ мѣстъ сыну или мужу дочери умершаго члена причта. Этотъ порядокъ замѣщенія священническихъ мѣстъ, поддерживаемый долгое время, препятствовалъ приливу въ духовное сословіе новыхъ стороннихъ силъ и положилъ начало той кастовой обособленности, которая производитъ на современное общество столь неблагопріятное впечатлѣніе. Кастовая замкнутость духовенства—явленіе невѣдомое въ древней церковной жизни, когда члены клира избирались изъ среды общины, независимо отъ ихъ званія и состоянія.

Хотя во второй половинѣ минувшаго вѣка—особенно въ послѣднее его десятилѣтіе — благодаря заботамъ правительства, и стала улучшаться матеріальная обстановка духовенства, все же 15—20 рублей мѣсячнаго жалованья и незначительный доходъ съ церковной земли не обезпечиваютъ священнику насущнаго хлѣба и понуждаютъ его облагать прихожанъ обязательными сборами при отправленіи требъ и совершеніи церковныхъ таинствъ. Взиманіе поборовъ отзывается печальными послѣдствіями на взаимныхъ отношеніяхъ пастыря и паствы. Въ душу священника денежные разсчеты въ самый неподходящій для этого моментъ вселяютъ чувство пастырскаго безсилія; вынужденная печальными матеріальными обстоятельствами торговля святынею лишаетъ его всякой опоры въ пастырской дѣятельности; прихожанамъ же, далеко не всегда способнымъ понять степень матеріальной нужды своего пастыря и откликнуться на нее, самый уже фактъ поборовъ даетъ поводъ относить священника къ числу ненавистныхъ кулаковъ и міроѣдовъ. При подобныхъ условіяхъ обезпеченія духовенству, конечно, трудно подняться выше уровня ремесленнаго отправленія требъ и выступать въ качествѣ истыхъ пастырей народа, около которыхъ могли бы сплочиваться церковныя

общины. Такимъ образомъ деньги и матеріальные разсчеты воздвигаютъ неминуемо между паствою и пастырями средостѣніе.

Первымъ условіемъ для поднятія пастырской дѣятельности должно явиться изысканіе такихъ путей обезпеченія духовенства, которые избавили бы клиръ отъ необходимости торговаться съ прихожанами при совершеніи таинствъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду не только увеличеніе средствъ на содержаніе духовенства изъ казны, быстраго роста которыхъ состояніе государственнаго казначейства можетъ и не допустить, но такую организацію земскаго обложенія въ пользу духовенства, путемъ которой оно получило бы съ прихода хотя бы тѣ же средства, какъ и нынѣ, но не повергая духовенство въ необходимость лично ихъ вымогать у отдѣльныхъ прихожанъ. Всего удобнѣе это выполнить путемъ возстановленія свободы самоуправленія церковной общины. Для оживленія и одухотворенія церковной общинѣ необходимо вернуть отнятыя у нея права на участіе въ церковномъ хозяйствѣ и въ выборѣ членовъ причта.

Какъ извѣстно, въ первые вѣка христіанства не только пресвитеры, но даже и епископы избирались непосредственно мѣстною общиною. Такое избирательное право представляло незаурядное нравственное значеніе: епископъ или пресвитеръ въ общину вступалъ желаннымъ и званымъ руководителемъ, а не безвѣстнымъ пришельцемъ, котораго въ приходъ гонитъ далеко не всегда собственная воля, но скорѣе милость либо гнѣвъ высшаго церковнаго начальства. Въ настоящее время вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ свыше установился настолько твердо, что отъ права общины на избраніе себѣ архипастыря не осталось и помина; но вопросъ о выборномъ началѣ членовъ бѣлаго духовенства поднимался неоднократно. При наличномъ современномъ составѣ сельской приходской общины, гдѣ преобладаетъ элементъ мало освѣдомленнаго въ дѣлѣ религіи крестьянства, пожалуй, и несвоевременно говорить о прямомъ выборѣ священника всѣмъ приходомъ, но группа выборщиковъ—представителей отъ приходовъ, съ пресвитерами во главѣ,—оказалась бы для этого органомъ вполнѣ правомочнымъ. Слѣды выбора начала пастырей доселѣ удержались въ православномъ богослуженіи въ видѣ мертвыхъ архаическихъ пережитковъ—каково, напр., пѣніе „аксіосъ“ при посвященіи въ санъ священника или діакона. И казалось бы весьма своевременнымъ воскресить древнее начало пастырскаго выбора, столь дѣйственно поддерживавшее внутреннюю жизнь церковной общины. Далѣе, по авторитетному утвержденію проф. Заозерскаго, возрожденіе прихода вообще не достигнетъ благо-

творнаго значенія для цѣлой помѣстной церкви, если дѣло ограничится только возстановленіемъ автономнаго существованія мелкихъ церковныхъ единицъ. Эти единицы должны быть связаны между собою духовнымъ общеніемъ, должны слиться въ обширнѣйшее общественно-епархіальное, съ центральнымъ пунктомъ — епархіальнымъ архіереемъ. Параллельно съ приходскимъ собраніемъ должно періодически составляться „епархіальное собраніе", имѣя образцомъ своего устройства „помѣстный соборъ". Такимъ образомъ, и эта частичная реформа не достигаетъ цѣли безъ общей реформы высшаго церковнаго управленія.

Разумѣется, непремѣннымъ условіемъ для нормальнаго хода внутренней жизни церкви является полное и тѣсное единеніе вѣрующихъ. У христіанъ первобытной апостольской общины были, по выраженію апостола, „одно сердце и одни уста"; тѣсно сплоченными союзами любви и братства являлись и позднѣйшія христіанскія общины. Такого единенія наша православная церковь въ современную эпоху не знаетъ, вслѣдствіе чего на ея почвѣ столь обильно и разростаются всевозможныя секты и плодится религіозное безразличіе или равнодушіе. Независимо отъ общей разъединенности духовенства съ прихожанами, причины которой отмѣчены выше, серьезныя опасенія можетъ вызывать недружелюбное — чтобы не сказать враждебное — отношеніе къ церкви со стороны значительной части нашей „интеллигенціи" и общая духовная рознь между образованными людьми и народомъ. Сгладить этотъ духовный расколъ въ русской внутренней жизни можетъ только церковь.

Но для этого духовенству прежде всего надлежитъ возстановить утраченное вліяніе надъ образованными слоями общества. Въ послѣдніе годы среди образованнаго общества сказался значительный интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Это явленіе доказываетъ, что причину отчужденія общества отъ церкви нельзя видѣть въ одномъ только религіозномъ индифферентизмѣ и языческомъ характерѣ европейской свѣтской культуры; причины этому залегаютъ, повидимому, глубже — въ самомъ складѣ нашей церковной жизни, замершей и оторвавшейся отъ волнующихъ общество интересовъ. Во всякомъ случаѣ весьма знаменателенъ тотъ печальный фактъ, что наше духовенство оказывается безсильнымъ примирить съ церковью и подчинить ея вліянію значительную часть образованнаго общества, такъ какъ духовенство мало подготовлено для борьбы съ неблагопріятными для церкви умственными и нравственными теченіями современной культуры.

Существенная доля вины за это падаетъ, по сознанію вполнѣ свѣдущихъ органовъ духовной печати, на нашу духовную школу.

Дѣйствительно, духовная школа игнорируетъ современныя теченія общественной мысли. Изъ ученическихъ библіотекъ духовныхъ заведеній съ особенною тщательностью изъемлется все, что способствуетъ ознакомленію съ современными отрицательными культурными теченіями. Но прятать отъ будущаго священника литературу, отрицательно относящуюся къ религіи и государственности, равносильно обезоруживанію будущаго духовнаго руководителя.

Въ роли священника — т.-е. оффиціальнаго и убѣжденнаго защитника религіознаго идеала—онъ неминуемо станетъ наталкиваться на представителей самыхъ передовыхъ отрицательныхъ воззрѣній, и нисколько не будетъ удивительно, если „батюшка" на соблазнъ всѣмъ окружающимъ окажется безсильнымъ сказать вѣское слово противъ нихъ [1]).

При современныхъ вопросахъ общественной жизни священнику болѣе чѣмъ кому-либо необходимо подробное критическое ознакомленіе со всѣми теченіями культурной мысли. Необходимо въ особенности для него обстоятельное знакомство съ условіями соціальной жизни и науками общественными,—чего духовная школа совсѣмъ не даетъ.

Въ превосходство нашего государственнаго строя надъ формами западно-европейской соціальной жизни наше духовенство вѣритъ, но только дѣтскою вѣрою, и потому, когда обстоятельства вызываютъ его высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тѣхъ или иныхъ государственныхъ задачъ,—защита эта оказывается настолько неумѣлою и порою даже наивною, что вмѣсто желательнаго результата производитъ только отрицательное дѣйствіе, клонящееся ко вреду государства. Неумѣлая защита принципа—лучшее средство его уронить въ глазахъ общества. Государству нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная защита государственныхъ интересовъ, а не наивная вѣра въ современное положеніе. „Наша духовная школа вся сосредоточилась на исторіи, на прошломъ; она слишкомъ теоретична, оторвана отъ жизни, и пока останется такою, всѣ проекты возрожденія приходской жизни будутъ имѣть мало успѣха" [2]), такъ какъ центральнымъ лицомъ въ приходѣ, его вдохновителемъ и руководителемъ въ концѣ концовъ всегда бу-

---

[1]) „Церковный Вѣстникъ", 1904 г., № 25, ст. „Подготовка пастырей".

[2]) „Церковный Вѣстникъ", ibid.

детъ священникъ, котораго готовитъ къ общественной дѣятельности духовная школа. Вопросъ о духовной школѣ, такимъ образомъ, является не вопросомъ отдѣльнаго вѣдомства, но дѣломъ, близко касающимся всего государства, ибо всецѣло отъ ея постановки зависитъ и степень религіознаго воздѣйствія на народъ. И если теперь духовная школа представляется узко сословною, почти недоступною для стороннихъ свѣтскихъ элементовъ, то такой порядокъ вещей приноситъ существенный вредъ государству. Если не какое-нибудь иное, то именно религіозное образованіе должно быть доступно всѣмъ, не взирая на различія сословій и возраста.

Съ грустью останавливаясь на современномъ упадкѣ внутренней нашей религіозной жизни, духовная литература не разъ уже отмѣчала нежелательность насильственныхъ измѣненій, вводившихся въ церковную жизнь безъ всякихъ справокъ объ отношеніи къ нимъ церковнаго самосознанія. Весь XVIII вѣкъ и начало XIX-го были по преимуществу временемъ такихъ стѣсненій; далѣе сама уже церковная жизнь начала складываться по указанному шаблону. На почвѣ обезличеннаго бюрократизмомъ церковнаго управленія сама собою создалась сухая, схоластическая, оторванная отъ жизни школа. Политика насилія надъ церковнымъ сознаніемъ, сначала принеся, пожалуй, нѣкоторую пользу для государства, въ дальнѣйшемъ отражалась страшнымъ вредомъ— тѣмъ упадкомъ церковной жизни, съ которымъ приходится считаться нынѣ. Въ этомъ отношеніи близорукая политика насилія нѣсколько напоминаетъ старозавѣтное хозяйничанье нѣкоторыхъ нашихъ землевладѣльцевъ, старавшихся извлечь изъ земли все, что можно съ нея взять въ данный моментъ, но чрезъ то обрекавшихъ своихъ же сыновей на голодъ и нужду, ибо нѣтъ такой тучной земли, которую бы не истощила безпрерывная, немилосердная разработка. Повидимому, два вѣка слишкомъ уже интенсивнаго хозяйничанья государства на церковной почвѣ окончательно истощили послѣднюю. Церкви, конечно, необходимъ союзъ съ государствомъ, необходима и государству поддержка церкви, но только условія между тою и другою стороною должны быть договорены такъ, чтобы не ослаблять самодѣятельности ни церковнаго, ни государственнаго организма; реформа же Петра Великаго кореннымъ образомъ нарушила это равновѣсіе.

Представители русской духовной іерархіи неоднократно пытались выступать съ протестами противъ порядка вещей, созданнаго Петромъ. Таковы просьбы, обращенныя къ императрицѣ

Елизаветѣ объ упраздненіи свѣтскихъ чиновниковъ въ синодѣ; таковы же записки митрополита Филарета о необходимости созыва помѣстнаго собора. Свѣтская власть вѣдомства православнаго исповѣданія прилагала всемѣрныя усилія къ сохраненію установленнаго порядка вещей.

Въ теперешнюю годину народнаго неустройства, когда живое дѣятельное воздѣйствіе церковныхъ силъ особенно драгоцѣнно, вопросъ о неотложности церковныхъ преобразованій обсуждается въ церковной печати съ особеннымъ оживленіемъ. „Теперь настало время подробнѣйшаго разсмотрѣнія всѣхъ дефектовъ нашей церковной жизни и заправляющихъ ею установленій. Чѣмъ шире будетъ поставлено дѣло пересмотра, чѣмъ скорѣе будутъ введены улучшенія и перемѣны, тѣмъ болѣе будетъ увѣренности въ томъ, что церковь вынесетъ настоящее испытаніе и выйдетъ изъ него полною свѣжихъ силъ для продолженія своего святого дѣла“ [1])... „Но реформа—замѣчаетъ духовная печать—должна быть не дѣломъ чиновниковъ и не дѣломъ засѣдающихъ въ синодѣ или даже нѣсколько большаго числа архіереевъ, а свободнымъ дѣломъ всей русской церкви“ [2]).

При этомъ всѣ высказывающіеся по данному вопросу духовные органы подчеркиваютъ необходимость созыва помѣстнаго собора. Но для того, чтобы соборъ во истину представилъ собою голосъ всей русской церкви, онъ не долженъ быть замкнутою архіерейскою коллегіею, которая не есть явленіе каноническое. Какъ вселенскіе, такъ и помѣстные соборы были отнюдь не коллегіями іерарховъ-епископовъ, а собраніями наличныхъ лучшихъ силъ церкви—какъ клириковъ, такъ и мірянъ (проф. Заозерскій); на нихъ присутствовали и въ нихъ принимали дѣятельное участіе и пресвитеры, и діаконы, и просто міряне. На соборѣ долженъ быть выслушанъ любой голосъ; только при такомъ условіи и достижима существеннѣйшая цѣль собора—всестороннее освѣдомленіе о запросахъ современной духовной жизни. Въ составѣ постояннаго собора, существующаго въ настоящее время при константинопольскомъ патріархѣ, кромѣ духовныхъ лицъ находятся еще и представители отъ греческаго народа, избираемые народнымъ собраніемъ. Равнымъ образомъ и въ составъ русскаго синода первоначально входили, кромѣ епископовъ, и представители отъ бѣлаго духовенства, и только съ теченіемъ времени онъ обратился въ замкнутую архіерейскую кол-

---

[1]) „Церковный Вѣстникъ“ 1905 г., № 8, ст. „Что дѣлать духовенству?“.

[2]) „Богословскій Вѣстникъ“ 1903 г., февраль, стр. 247.

легію, что̀ явилось дальнѣйшимъ отклоненіемъ отъ канонической почвы.

Двѣсти слишкомъ лѣтъ не слыхали мы голоса русской церкви. Не пора ли наконецъ прислушаться къ нему? Не пора ли наконецъ узнать, что̀ скажетъ сама церковь о современномъ укладѣ церковной жизни, получившемъ бытіе помимо ея воли и вопреки завѣщаннымъ ей преданіямъ священной старины?

На помѣстномъ соборѣ, гдѣ слѣдуетъ съорганизовать представительство какъ отъ бѣлаго духовенства, такъ и отъ мірянъ, подлежать будетъ разсмотрѣнію вопросъ о тѣхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ строѣ церковной жизни, которыя бы предоставили церкви возможность стать на должную высоту и получить необходимую свободу дѣйствія.

При теперешнихъ неоспоримыхъ признакахъ нѣкотораго внутренняго шатанія и культурнаго общества, и народныхъ массъ, медлить еще дальше становится опаснымъ. Религія несомнѣнно составляетъ главную основу народнаго духа; ею до сихъ поръ держалась и была крѣпка русская земля. Только при помощи этой силы можетъ выйти русскій народъ и изъ настоящей тяжелой годины испытаній.

Поэтому—говорится въ заключеніи записки С. Ю. Витте,—не можетъ быть большаго государственнаго вреда, какъ стѣснять развитіе и свободное проявленіе народной силы, пытаясь заключить ее въ рамки сухихъ бюрократическихъ началъ, какъ это дѣлается теперь.

Характерною особенностью великаго перелома въ русской общественной и государственной жизни только что-минувшей эпохи, была борьба между дореформенною бюрократіею и преобразовательными вѣяніями, между старымъ и новымъ, между отжившимъ и нарождающимся. Особенно осложнялась эта борьба тѣмъ, что выполненіе преобразованій, необходимость которыхъ признавалась и возвѣщалась всенародно, попадала въ руки представителей старо-завѣтныхъ взглядовъ и участь иныхъ реформъ, ввѣряемыхъ недавнимъ врагамъ всякихъ перемѣнъ, ничѣмъ не обезпечивалась. Чѣмъ искреннѣе и настойчивѣе извѣстный государственный дѣятель въ теченіе долгихъ лѣтъ придерживался опредѣленнаго взгляда на задачи государства и церкви, тѣмъ менѣе можно ожидать отъ него энергичнаго служенія идеямъ, идущимъ въ разрѣзъ со всѣмъ его прошлымъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Убѣжденный охранитель и поборникъ Петровскихъ преданій

бюрократическаго закрѣпощенія церковнаго уклада, оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ, по болѣзни не принимавшій участія въ совѣщаніяхъ комитета министровъ по вопросамъ о вѣротерпимости, какъ только появились вышеприведенныя программа и записка, счелъ своевременнымъ выступить противъ начала „соборности", глашатаями котораго явились митрополитъ Антоній и С. Ю. Витте. Это было сдѣлано имъ въ „Соображеніяхъ по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви".

По словамъ К. П. Побѣдоносцева донынѣ неразрывная связь государства съ церковью въ Россіи считалась основною опорою и государства, и церкви, и распаденіе этой связи считалось гибельнымъ и для церкви, и для государства.

„Записка", разосланная г.г. членамъ комитета министровъ, клонится повидимому, подъ предлогомъ освобожденія церкви, къ существенному ослабленію этой связи, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью церкви и государству.

Составитель „Записки", повидимому, мало знакомъ и съ исторіей, и съ нынѣшнимъ состояніемъ церковнаго управленія, и съ тѣми условіями матеріальными, нравственными и соціальными, посреди коихъ проходитъ быть церковный. Идеаломъ церковнаго устройства и жизни церковной представляется ему, повидимому, состояніе церкви въ вѣкахъ, предшествовавшихъ реформѣ Петра, и особливо въ XVII-мъ столѣтіи, при существованіи патріаршества. Онъ приводитъ нѣкоторые источники, изъ коихъ, повидимому, почерпалъ свои сужденія, но едва ли можно признать серьезными для столь важнаго дѣла статьи богословскихъ журналовъ и книжки нѣкоторыхъ идеалистовъ и идеологовъ, незнакомыхъ съ дѣйствительностью и мечтавшихъ возродить нашу церковь, возвративъ ее къ строю временъ до-петровскихъ. Серьезными для сего источниками были бы основательныя сочиненія объ исторіи государства и церкви, съ нимъ неразрывно связанной, напримѣръ сочиненія Голубинскаго, Макарія, Соловьева и т. п. Изученіе такихъ источниковъ показало бы составителю этой записки всю неосновательность его сужденій.

Онъ увидѣлъ бы, какую мертвенность церковнаго управленія и церковнаго быта, какихъ исполненныхъ невѣжества пастырей, какія злоупотребленія, суевѣрные обычаи и насилія обличаютъ, совокупно съ царемъ, соборы, начиная со Стоглава. Онъ увидѣлъ бы въ періодъ патріаршества, какою мертвенностью обрядоваго формализма исполнена была церковная жизнь съ церковнымъ

управленіемъ, и, можетъ, убѣдился бы, что церковная реформа была необходима.

Патріаршество было устроено на Руси не ради внутренней потребности, но ради возникшей въ Москвѣ политической мечты водворить на Руси порядки византійскаго высшаго церковнаго управленія; желали имѣть, какъ въ актахъ говорится, для церкви новаго Константина, а Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ. Но эти стремленія, какъ порывы чувства, разбивались требованіями разума и давленіемъ силы вещей.

Чтобы нашему патріарху сравниться съ константинопольскимъ, для сего потребовалось бы учредить подъ нимъ іерархическое устройство по греческому образцу.

Но въ Греціи епархіи небольшія и епископъ можетъ дѣлать все самолично, а такая близость къ паствѣ у насъ, при обширности епархій, невозможна. Съ учрежденіемъ патріаршества возникли только въ архіерейскомъ чинѣ „разгласія и межъ себя распри и высости, нестроенія церкви и отъ народа молвы и укоризны“, что̀ засвидѣтельствовали на соборѣ 1681 г. митрополиты и архіепископы и царю Ѳедору били челомъ о возвышеніи приниженнаго патріаршею властью епископскаго сана и о *свободѣ* епископской дѣятельности. Патріархъ же мало-по-малу сталъ въ положеніе какъ бы феодальнаго владѣльца всей церкви и дошелъ до того, что при Никонѣ сталъ именоваться государемъ, отцомъ отцовъ и власть свою началъ ставить самодержавно на ряду съ царскою властью. Такъ, еще до воцаренія Петра, изъ среды самого духовенства, возникали уже требованія реформы, коимъ Петръ въ Духовномъ Регламентѣ далъ опредѣленную, законную и обязательную форму. Въ строѣ церковной жизни епархій не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа была еще возвышена и уничтожены—чего желали всѣ—поводы къ „разгласію, распрямъ и высостямъ“ среди архіерейскаго чина. Событія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія показали, что патріаршее правленіе опасно для государства, и потому, въ цѣляхъ самозащиты, государству не оставалось иного исхода, какъ уничтожить патріаршее правленіе и замѣнить его *соборнымъ;* но съѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и безпутьѣ, хотя бы разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно, и потому явилась необходимость учредить постоянный соборъ, въ формѣ святѣйшаго синода.

Съ кончиною Петра не стало уже руководителя новыхъ

учрежденій, все измѣнилось, и XVIII-ое столѣтіе было для церкви дѣйствительно временемъ порабощенія и стѣсненій.

Но не по винѣ новаго учрежденія, а потому что Россіею стали править чуждые Россіи и русской вѣрѣ нѣмцы и по причинѣ всеобщаго невѣжества въ дѣлахъ церкви и вѣры. Это же невѣжество было причиною и того, что въ царствованіе Павла I въ оффиціальномъ государственномъ актѣ императоръ поименованъ былъ главою церкви — названіе, не получившее впрочемъ оффиціальнаго значенія и дѣйственной силы. Но затѣмъ въ XIX столѣтіи, по мѣрѣ постепеннаго смягченія нравовъ и расширенія правъ, ничто уже не препятствовало церкви, ограждаемой государствомъ, усилить и расширить свое духовное вліяніе въ народѣ и въ обществѣ, и внимательный и безпристрастный изслѣдователь фактовъ церковной жизни долженъ признать, что съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ культуры въ обществѣ дѣятельность церкви не только не понизилась противу прежняго времени, но получила значительное развитіе и новыя средства и способы для нравственнаго воздѣйствія на паству.

Нынѣ радѣтель церкви въ своей запискѣ жалуется, что просвѣтительная и духовно-назидательная дѣятельность церкви стѣсняется, сравнительно съ иновѣрцами, въ своей *автономіи* опекою государства и контролемъ свѣтской власти надъ жизнью церковной. Въ чемъ именно являются эти стѣсненія — на это записка не даетъ опредѣлительныхъ указаній, ограничиваясь общими фразами, а отъ этихъ стѣсненій происходитъ будто бы упадокъ церковной жизни. Въ числѣ аргументовъ приводится выхваченная изъ сочиненій Достоевскаго фраза: „Русская церковь въ параличѣ“ [1]); но, толкуя эту фразу, надлежало бы объяснить:

---

[1]) Такое же суровое сужденіе о порабощенной свѣтскимъ бюрократизмомъ православной церкви высказывалъ и безвременно сошедшій въ могилу Вл. С. Соловьевъ, болѣе подробно его обосновывая, чѣмъ Достоевскій. „Церковь въ Россіи, лишенная всякой точки опоры, всякаго центра единства внѣ національнаго государства, неизбѣжно была порабощена въ концѣ концовъ свѣтскою властью... Безусловно подчиненная свѣтской власти и лишенная внутренней силы, эта церковь, хотя и учрежденная царемъ, злоупотребляетъ іерархическимъ принципомъ... Лишенное всякаго опредѣленнаго принципа и всякой дѣйствительной независимости, вѣдомство духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія только воспроизводитъ императорскій византійскій клерикализмъ, смягченный добродушіемъ и безпечностью нашей расы, а также нѣмецкимъ бюрократизмомъ нашей администраціи... Оффиціальная церковь, управляемая гражданскими чиновниками, есть не что иное, какъ государственное учрежденіе, какъ второстепенная отрасль бюрократической администраціи... Но гдѣ же церковь Бога живаго — та церковь, которая во всякую эпоху предписываетъ законы человѣчеству, которая опредѣляетъ и развиваетъ формулы вѣчной

если этотъ параличъ есть, то давно ли начался и отъ чего происходитъ—отъ бездѣйствія ли своихъ силъ, или отъ воздѣйствія чуждой силы.

Объявляется *свобода* совѣсти для всѣхъ, — говоритъ „Записка",—а дѣятели церкви остаются „связанными", какъ будто въ чемъ умаляется или нарушается „свобода совѣсти" въ ихъ дѣятельности. И эта фраза остается необъяснимою безъ опредѣлительныхъ указаній на факты.

Авторъ „Записки" желалъ бы, повидимому, устранить изъ церковной жизни всякое участіе людей свѣтскаго чина, т.-е. чиновниковъ, являющихся представителями и орудіями государственнаго попеченія о церкви, т.-е. въ сущности пособниками церкви, служителями въ одинаковой степени и церкви, и государства [1]).

„Церковь,—говоритъ онъ,—должна быть освобождена отъ государственной и политической дѣятельности". Но такое уединеніе отъ интересовъ государственныхъ невозможно нигдѣ, а тѣмъ менѣе въ Россіи, гдѣ главнѣйшую заботу государственной власти составляетъ попеченіе о просвѣщеніи и воспитаніи народа въ духѣ вѣры и нравственности; притомъ церковные вопросы, особливо по отношенію къ востоку, пріобрѣтаютъ нынѣ международное политическое значеніе, слѣдовательно не могутъ быть чужды государству.

Въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ должна дѣйствовать русская церковь на громаднѣйшей территоріи, въ незаселенныхъ пустынныхъ пространствахъ, посреди разноплеменнаго и некультурнаго

истины, противопоставляя ихъ безчисленнымъ видамъ заблужденій? Гдѣ у насъ церковь, трудящаяся надъ преобразованіемъ всей соціальной жизни народовъ, соотвѣтственно христіанскому идеалу и ведущая ихъ къ высшей цѣли творенія, къ свободному и совершенному союзу съ Создателемъ?" *(Примѣчаніе автора.)*

[1]) Здѣсь К. П. Побѣдоносцевъ силу своихъ доводовъ сосредоточиваетъ на томъ, чего никто не оспаривалъ. Чиновники могутъ участвовать въ церковной жизни, но имъ неумѣстно брать преобладаніе надъ корпораціею и, прикрываясь ея именемъ, распоряжаться самочинно и произвольно, уменьшая авторитетность самой коллегіи. Присвоеніе въ Петровскихъ установленіяхъ бюрократическому элементу направляющей и распорядительной власти порождало повсюду одни и тѣ же послѣдствія. Изъ исторіи Ломоносова, да и изъ позднѣйшей лѣтописи Академіи Наукъ хорошо извѣстно, сколь долго и безуспѣшно ученой корпораціи приходилось бороться съ своею канцеляріею, прежде чѣмъ удалось заключить вліяніе чиновниковъ на академическія ученыя дѣла въ подобающія рамки. Точно также многочисленными записками современниковъ не разъ и въ разныя эпохи отмѣчалось, насколько сенатскіе оберъ-прокуроры умаляли и подавляли своимъ вѣсомъ значеніе присутствій, составленныхъ изъ сенаторовъ. Еще рѣзче это сказалось и на судьбахъ „Постояннаго Собора"—святѣйшаго синода. *(Примѣчаніе автора.)*

населенія, посреди бѣдности народной,—она была бы обездолена безъ помощи со стороны государства, и всѣмъ извѣстно, сколь обильно въ послѣднее время снабжена церковь денежными отъ государства пособіями на содержаніе духовенства и духовно-учебныхъ заведеній, на пенсіи, на церковно-приходскія школы, земельными надѣлами изъ казенныхъ земель и т. п. Но всѣ эти пособія уже ставятъ церковное управленіе въ необходимость сообразоваться съ законами и порядками различныхъ казенныхъ управленій, съ правилами контроля и входить въ постоянныя и непрерывныя отношенія съ управленіями всѣхъ безъ исключенія министерствъ, а для сего потребны и спеціальныя знанія разнообразныхъ законовъ и изслѣдованія по отдѣльнымъ возникающимъ вопросамъ и во всякомъ случаѣ многообразная и сложная переписка. Церковное управленіе несомнѣнно обязано подчиняться общимъ государственнымъ законамъ и нуждается поэтому въ спеціальныхъ знаніяхъ, нуждается въ содѣйствіи спеціалистовъ разнаго рода, инженеровъ, архитекторовъ и т. п. Какъ же при семъ церковная власть могла бы обойтись безъ содѣйствія чиновниковъ, совершающихъ всю эту громадную работу? Если церковь полагаетъ свою автономію въ устраненіи такого содѣйствія, то, употребивъ на то массу духовныхъ лицъ, она отвлекла бы ихъ отъ прямого духовнаго служенія церкви и не получила бы того содѣйствія (спеціальныхъ работниковъ), которое имѣетъ теперь. Въ чемъ же, спрашивается, эти чиновники стѣсняютъ дѣятельность духовныхъ лицъ,—если не считать стѣсненіемъ отзывы знающихъ лицъ о томъ, что̀ по закону можно и чего нельзя сдѣлать и требовать?

„Записка“ указываетъ на устраненіе изъ церковной жизни основного начала соборности, какъ главнаго принципа церковнаго управленія. Но въ чемъ же тутъ стѣсненіе со стороны государства? Выше показано, почему каноническое правило древней византійской церкви съѣзжаться хотя бы разъ въ годъ оказалось непримѣнимо въ Россіи по ея обширности, по обширности епархій и по трудности сообщеній. Правда, въ первой половинѣ XIX столѣтія бывалъ запретъ епископамъ съѣзжаться, но о немъ давно уже нѣтъ помину, и въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ, по распоряженію синода, устроялись неоднократно соборы помѣстныхъ церквей, именно въ Казани, въ Кіевѣ и въ Иркутскѣ.

Стѣсненіемъ признается, повидимому, учрежденіе духовныхъ консисторій, служащее „бюрократическою замѣною древняго собора пресвитеровъ“. Но учрежденіе это было по необходимости вызвано тѣмъ же крайнимъ усложненіемъ переписки по дѣламъ

того же церковнаго управленія, въ соприкосновеніи ихъ съ дѣлами общаго гражданскаго управленія, и работниками этой переписки по необходимости стали чиновники и свѣтскіе люди—а эта переписка, размножаясь, доходитъ въ иныхъ консисторіяхъ до 20.000 исходящихъ бумагъ въ годъ. Какъ же обойтись безъ нея? Правда, что консисторія стала присутственнымъ мѣстомъ и обилуетъ недостатками формальнаго производства всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Но свѣтское лицо—секретарь консисторіи—занимаетъ служебное мѣсто при епископѣ. Отъ епископа же во многомъ зависитъ вдохнуть жизнь своимъ личнымъ отношеніемъ и участіемъ въ собраніе пресвитеровъ, состоящихъ членами консисторіи и приходящихъ туда обычно лишь для подписанія протоколовъ, которые затѣмъ представляются епископу. Говорятъ: „живую общественную жизнь замѣнила бумага". Но какъ устранить ее, когда физическія условія жизни затрудняютъ непосредственное живое общеніе іерархіи съ народомъ? Однако и въ этомъ отношеніи отъ личной дѣятельности епископа и духовенства зависитъ—въ бумагѣ не забывать человѣка и имѣть въ мѣрѣ возможности живое общеніе съ паствою. Причемъ же тутъ стѣсненіе отъ государственной власти?

„Записка" жалуется на упадокъ прихода сравнительно съ тѣмъ, что̀ бывало въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда приходъ представлялъ живую и самодѣятельную единицу,—и здѣсь вину возлагаютъ на реформу Петра и на стѣснительное вмѣшательство государственной власти. Но авторъ забываетъ, что мы уже не можемъ вернуться изъ новаго міра и изъ множества измѣненныхъ и измѣнившихся отношеній и интересовъ—въ Русь XVI-го и XVII столѣтій. Съ тѣхъ поръ измѣнился вовсе составъ прихода, и что̀ было прежде просто—пришло въ смѣшеніе, разнообразіе и разладъ. Гдѣ было просто согласіе сходки и міра, тамъ явилось раздѣленіе и столкновеніе интересовъ и похотей. Прежде, говорятъ, община сама себѣ избирала священника и это дѣло было просто, ибо просто было самое званіе священника, во многихъ случаяхъ неграмотнаго, повторявшаго съ памяти церковныя службы для совершенія требъ. И это дѣло усложнилось съ тѣхъ поръ, какъ стали требоваться священники съ цензомъ, т.-е. съ прохожденіемъ школьнаго курса. Посему и нынѣ, хотя не устраняется право выбора, но избраніе принадлежитъ архіерею и заручныя челобитныя требуютъ провѣрки, ибо составляются нерѣдко простымъ подборомъ подписей подъ просьбой, въ личномъ интересѣ. „Община сама себѣ строила церковь". Но нынѣ, въ сравненіи съ XVI и XVII столѣтіями, потребовалось вновь громадное количе-

ство церквей, на строеніе коихъ уже недостаточны силы бѣдныхъ приходскихъ общинъ. И нынѣ храмы Божіи строятся по всему лицу земли народною копѣйкой и щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ—ревнителей церкви: но главнымъ образомъ потребность, существенная и для государства, удовлетворяется государственною заботою. На отпускаемыя отъ государства немалыя средства открываются новые приходы и созидаются церкви тамъ, гдѣ нуждается въ нихъ бѣдное населеніе. Притомъ историческія изслѣдованія показываютъ, что далеко не всѣ церковныя общины имѣли тотъ идеальный видъ самостоятельности, въ какомъ показываетъ ихъ „Записка". Множество церквей содержалось на ктиторскомъ правѣ. Соборныя церкви по всей Россіи, числомъ до 1.500, считались царскими и имѣли ктиторомъ государя, содержались на счетъ царя и духовенство ихъ кормилось изъ царской руки. Церкви псковскія и новгородскія зависѣли первоначально на ктиторскомъ правѣ отъ вѣча, а по уничтоженіи вѣча считались то передъ воеводою, то передъ земскою избою. Ктиторское право вотчинника примѣнялось къ церквамъ, построеннымъ вотчинниками и помѣщиками, и по выбору членовъ причта, и по церковному хозяйству; ружили ихъ сами владѣльцы. Крестьяне, сидѣвшіе на волостныхъ и государственныхъ земляхъ, и посадскіе люди строили церкви, призывали къ нимъ поповъ, ружили ихъ и выбирали старосту. Наконецъ, въ 1667 г. греческіе патріархи, вызванные въ Москву царемъ, на соборѣ обличили явленіе, названное ими противоканоническою нелѣпостью и корчемствомъ церквами — т. е. существованіе церквей, принадлежащихъ попамъ на вотчинномъ и ктиторскомъ правѣ, съ передачею по наслѣдству, по завѣщанію и по продажѣ.

Напрасно „Записка" какъ бы возлагаетъ на государство вину разоренія самостоятельной приходской единицы. Дѣйствительные факты исторіи показываютъ противное, и первая забота о возстановленіи прихода принадлежитъ не кому иному, какъ государству, а именно въ лицѣ осуждаемаго „Запискою" Петра. Онъ, по вступленіи на престолъ, воспретилъ архіереямъ распоряжаться церковными суммами и поручилъ имъ наблюдать за цѣлостью приходской казны и снабжать церковныхъ старостъ зашнурованными приходо-расходными книгами; а въ 1718 г. издалъ указъ объ охраненіи цѣлости приходской общины, чтобы церковное хозяйство вѣдалось прихожанами чрезъ выборныхъ старостъ. Въ 1764 г. послѣдовалъ актъ освобожденія приходскаго духовенства отъ тяглой зависимости епископа, а прихо-

жанъ—отъ пошлинъ въ пользу церковной власти. Изданная въ 1808 г. инструкція церковнымъ старостамъ положила конецъ въ приходахъ изъ крѣпостныхъ произвольнымъ распоряженіемъ помѣщиковъ, особливо поляковъ, церковными доходами, и донынѣ продолжаются заботы государственной власти о постепенномъ развитіи и самостоятельности прихода, къ чему стремится и учрежденіе попечительствъ церковныхъ, и учрежденіе церковно-приходскихъ школъ.

„Записка" указываетъ на кастовый, замкнутый характеръ духовенства—явленіе, говорятъ, небывалое въ древней церковной жизни. Выше показано, что прежнее положеніе приходской общины въ XVI и XVII столѣтіяхъ нельзя сравнивать съ положеніемъ ея при усложненіи общественныхъ отношеній въ позднѣйшее время, когда потребовались священники грамотные, съ извѣстнымъ образованіемъ. Возрастаніе новыхъ потребностей и умноженіе новыхъ путей для служебной карьеры сократило число желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, сопряженному въ большинствѣ приходовъ съ бѣдностью и крайнею нуждою, а есть у насъ приходы, простирающіеся на сотни верстъ въ окружности. Число охотниковъ обречь себя на служеніе церкви по призванію всегда было почти ничтожнымъ, и еще св. Дмитрій Ростовскій скорбѣлъ, что ищутъ священническихъ мѣстъ „не ради Іисуса, но ради хлѣба куса", и пребываютъ въ невѣжествѣ и суевѣріи. Не трудно изъ сего видѣть, почему образовалось сословіе священнослужителей въ замкнутомъ видѣ. Духовенство у насъ не безбрачное, крайне обильное дѣтьми, коимъ предстоитъ большею частью искать себѣ пропитанія и дѣла въ томъ же званіи; но и затѣмъ всѣ, кто можетъ, ищутъ себѣ мѣста на другихъ поприщахъ, такъ что есть у насъ епархіи, въ коихъ пустуютъ годами до тридцати мѣстъ въ бѣдныхъ приходахъ, за неимѣніемъ охотниковъ занять оныя. Очевидно, что и это никоимъ образомъ не зависитъ отъ стѣсненій, коимъ будто бы подвержена церковь. Государство, напротивъ того, приходитъ на существенную помощь приходскому духовенству, обезпечивая его въ предѣлахъ возможности жалованьемъ, для чего постепенно отпускаются изъ общей смѣты государственныхъ доходовъ милліонныя суммы, и назначеніемъ пенсіи. Нынѣ же „Записка" предлагаетъ какую-то организацію земскаго обложенія въ пользу духовенства, слѣдовательно рѣшается предложить новое обложеніе народа, довольно уже отягощеннаго нынѣшнимъ земскимъ обложеніемъ.

„Записка" указываетъ на „недочеты" духовной школы и ста-

витъ ей въ вину неприготовленность духовенства къ нравственному воздѣйствію на „образованное общество". Надлежало бы, по мнѣнію автора, измѣнить въ ней программы и предметы преподаванія съ тѣмъ, чтобы дать въ ней мѣсто знакомству съ современными теченіями общественной мысли и съ „отрицательными культурными теченіями". Но, не говоря уже о томъ, насколько эти отрицательныя теченія выражаютъ въ себѣ истинную желаемую культуру, — нельзя не замѣтить, что наши духовно-учебныя заведенія состоятъ совершенно въ вѣдѣніи святѣйшаго синода, и учрежденный при немъ духовно-учебный комитетъ, состоя изъ духовныхъ лицъ и профессоровъ духовныхъ академій, служитъ для святѣйшаго синода пособіемъ для необходимаго формальнаго производства и для исполненія порученій святѣйшаго синода, слѣдовательно отъ святѣйшаго синода зависитъ дать желаемое направленіе обученію и воспитанію въ духовной школѣ и указать въ желаемомъ духѣ и смыслѣ знающихъ и способныхъ руководителей и преподавателей. Государство же, оставляя въ семъ полную свободу высшему духовному управленію, съ своей стороны помогаетъ на содержаніе учебныхъ его заведеній щедрыми пособіями.

„Записка" указываетъ, что духовная школа представляется узко-сословною, почти недоступною для постороннихъ свѣтскихъ элементовъ, къ существенному вреду государственному. Но эта описуемая сословность духовной школы объясняется тѣми же причинами, какъ и сословность духовенства. Многочисленное духовенство наше, будучи семейнымъ, выводитъ изъ среды своей многочисленныхъ дѣтей, на содержаніе и воспитаніе коихъ средствъ почти не имѣетъ, при скудости содержанія въ сельскихъ приходахъ. Въ виду сего наши духовно-учебныя заведенія — на половину лишь учебныя и на половину благотворительныя, служа для призрѣнія и обученія бѣдныхъ дѣтей; а всѣ наши духовныя училища, коихъ въ Россіи 185, содержатся исключительно на счетъ духовенства, служа для этой цѣли, и этимъ однимъ уже объясняется почти исключительное пополненіе ихъ дѣтьми духовенства; однако не всѣ прошедшіе курсъ духовной школы и до конца посвящаютъ себя служенію церкви, но многіе расходятся на другія поприща.

Осуждаетъ „Записка" преобразователя Россіи и за то, что онъ возложилъ на духовенство будто бы полицейско-сыскное дѣло: священникъ долженъ былъ слѣдить за правильнымъ показаніемъ податныхъ душъ. Но необходимо вспомнить, что, приступая къ водворенію правильнаго порядка въ государствѣ, къ

счету населенія и къ установленію метрическихъ записей, Петръ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи иного для сего орудія, кромѣ духовенства, которое одно являлось грамотнымъ для письма и счета, посреди невѣжественнаго сельскаго населенія. И донынѣ духовенство обременено тяжелою повинностью веденія метрическихъ записей, собиранія разныхъ статистическихъ свѣдѣній и исполненія требованій разныхъ вѣдомствъ по статистической и санитарной части и по другимъ предметамъ. Освобожденіе отъ этой повинности было бы благодѣяніемъ для духовенства и, несомнѣнно, когда-нибудь оно наступитъ, — но оно зависитъ не отъ одной воли правительства. Веденіе метрическихъ записей и списковъ, повсюду предоставленное особому разряду чиновниковъ, потребовало бы, въ случаѣ введенія такого порядка у насъ, милліонныхъ расходовъ, кои не подъ силу нашимъ средствамъ, и новыхъ учрежденій, кои весьма трудно устроить всюду на русской территоріи, тогда какъ потребность записки существуетъ всюду, гдѣ есть какое-либо населеніе, и не на кого до сихъ поръ возложить ея удовлетвореніе, иначе какъ на приходское духовенство, совершающее акты крещенія, брака и погребенія, съ коими связана записка.

Что касается обвиненія Петра въ обязаніи духовенства доносить объ открытыхъ на исповѣди покушеніяхъ на монарха и мятежѣ, то объ этомъ давнымъ-давно потерявшемъ значеніе правилѣ слѣдовало бы забыть, какъ объ одномъ изъ дикихъ явленій прежняго дикаго и темнаго времени.

Тѣмъ же стѣсненіямъ приписываетъ, повидимому, „Записка“ и отсутствіе живого проповѣдническаго слова; но къ живому проповѣдничеству далеко не всѣ способны, а въ члены клира, по вышеуказаннымъ причинамъ, приходится выбирать для пополненія мѣстъ при церквахъ и людей мало способныхъ и недостаточно приготовленныхъ. Оживленіе проповѣди зависитъ исключительно, при мѣстныхъ условіяхъ, отъ заботы и руководительства церковныхъ властей, а существующія мѣры стѣсненія свободы проповѣдничества представленіемъ писанныхъ проповѣдей на цензуру зависятъ отъ церковной власти и ею установлены, а не государствомъ.

Наконецъ, „Записка“ предлагаетъ, чтобы голосъ церкви слышенъ былъ въ государственномъ управленіи, предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи участіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій. Вопросъ этотъ возникалъ уже въ 1862 г., возбужденный министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ, и под-

вергался обсужденію, причемъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ высказано было мудрое, на опытѣ и знаніи дѣла основанное, мнѣніе, что это нововведеніе послужитъ не къ пользѣ церкви и можетъ только повредить самостоятельности ея сужденій въ вопросахъ, вѣдѣнію церковныхъ учрежденій подлежащихъ. Правда, что въ Англіи въ верхней палатѣ лордовъ, по званію своему, участвуютъ, въ качествѣ лордовъ, епископы англиканской церкви, но тамъ это—дѣло естественное, ибо англійскій парламентъ, въ силу королевскаго церковнаго верховенства, служитъ крайнею инстанціею для рѣшенія церковныхъ вопросовъ не только административныхъ, но и догматическихъ.

Итакъ, по прочтеніи „Записки", остаемся мы въ томъ же недоумѣніи; въ чемъ состоятъ предполагаемыя стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны государственной власти, въ чемъ состоитъ столь тяжкая ея опека и слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти, „Записка" не даетъ на это опредѣленнаго отвѣта, довольствуясь общими мѣстами и неясными указаніями и жалобами.

Всегда искусный въ полемикѣ и изощренный въ діалектическихъ пріемахъ, авторъ „Московскаго Сборника" въ своей защитѣ бюрократической опеки надъ церковью не обнаружилъ обычной своей талантливости и вызвалъ рѣшительную отповѣдь со стороны предсѣдателя комитета министровъ.

Вторая записка С. Ю. Витте начинается съ указанія, что основной тезисъ первой записки—со времени Петра I русская церковь вступила на невѣдомый дотолѣ православной церкви путь церковнаго управленія—оставленъ статсъ-секретаремъ Побѣдоносцевымъ безъ возраженій. Въ его отвѣтѣ имѣется по этому предмету только случайно брошенная фраза, что „синодъ есть постоянный соборъ". Не подтвержденная никакими соображеніями, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить возраженіемъ противъ достаточно обоснованной въ „Запискѣ" мысли, что синодъ въ настоящемъ его видѣ, при отсутствіи представительства отъ мѣстныхъ церквей, есть не болѣе, какъ бюрократическая коллегія.

Въ своихъ „Соображеніяхъ" оберъ-прокуроръ желаетъ опровергнуть этотъ выводъ лишь относительно неблагопріятнаго вліянія реформы на послѣдующую церковную жизнь. Но еслибы автору и удалось доказать благотворность реформы, еслибы каждое слово его „Соображеній" было неоспоримо, то и въ та-

комъ случаѣ фактъ отпаденія русской церкви отъ канона остается фактомъ. Церковь должна руководствоваться въ своемъ управленіи не тѣми или другими человѣческими измышленіями, хотя бы и искусно придуманными, а единственно правилами апостоловъ и вселенскихъ соборовъ; завѣтъ быть вѣрной преданіямъ апостольской-соборной церкви звучитъ и въ словахъ символа: „вѣрую въ... соборную и апостольскую церковь".

Правда, канонъ — не догматъ: онъ можетъ быть измѣненъ, но только вселенскимъ соборомъ, а ни въ какомъ случаѣ не свѣтскою властью и даже не голосомъ помѣстной церкви. Съ вселенскимъ „канономъ" нельзя смѣшивать каноническое творчество отдѣльныхъ помѣстныхъ церквей, каково, напримѣръ, творчество византійской церкви, въ періодъ послѣ вселенскихъ соборовъ. Только освященное голосомъ вселенскаго собора, оно можетъ получить силу обязательнаго каноническаго закона и санкцію вѣрности церковному преданію [1]).

Въ какихъ бы мрачныхъ краскахъ ни рисовалась церковная жизнь нашего патріаршаго періода, она все же не давала основаній къ разрыву съ церковнымъ преданіемъ и къ переустройству церковнаго управленія по протестантскимъ образцамъ. Если патріархъ, который по каноническому порядку долженъ быть только предсѣдателемъ собора епископовъ, primus inter pares, сдѣлался какимъ-то образомъ феодаломъ, самодержавнымъ въ своей церковной области государемъ, то его нужно было лишь ввести въ законныя „каноническія" рамки, ограничить соборомъ — не больше. Странно слышать ссылки на то, что соборное начало церковнаго управленія не можетъ быть осуществлено въ Россіи по неудобству путей сообщенія. Неужели въ загроможденныхъ горными массивами Греціи, Малой Азіи и Сиріи IV—VIII в.в., когда епископамъ этихъ странъ вмѣнялось въ обязанность дважды въ годъ собираться на помѣстные соборы, пути сообщенія были лучше и удобнѣе, чѣмъ на русской равнинѣ, да еще въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства? Смѣемъ полагать, что вселенскіе соборы, на которыхъ присутствовали пастыри, собиравшіеся за тысячи верстъ, проводившіе въ пути цѣлые мѣсяцы, знали, что дѣлали, когда настаивали на соборной формѣ управленія, требуя не бюрократи-

---

[1]) Интересующіеся „Основоположеніемъ домостроительства церковнаго въ предѣлахъ каноновъ" отсылаются къ статьямъ Дурново (напеч. въ „Русскомъ Дѣлѣ" — № 12, 1905), проф. Н. К. Никольскаго („Новое Время", 1905 г., № 10) и Н. П. Аксакова (напеч. въ сборникѣ группы петербургскихъ священниковъ „Къ Церковному Собору", Спб. 1906 г.). *(Примѣчаніе автора.)*

ческихъ коллегій, а представительства отъ каждой церкви. Авторъ „Соображеній“ готовъ считать за помѣстные соборы случайные съѣзды нѣсколькихъ архипастырей, бывшіе въ Москвѣ, Казани, Иркутскѣ, упуская изъ виду то, что на помѣстномъ соборѣ должны быть представители отъ *всѣхъ* епархій данной церкви; но если бы даже онъ былъ и правъ, то вѣдь это только три-четыре случайныхъ съѣзда за двѣсти лѣтъ.

У К. П. Побѣдоносцева были подъ рукой два документа разнаго происхожденія и содержанія: „Вопросные пункты о желательныхъ преобразованіяхъ“, составленные подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія профессорами духовной академіи, и „Записка“ С. Ю. Витте. Первые намѣчаютъ группу пунктовъ для предварительнаго обсужденія въ комитетѣ министровъ положенія православія и имѣютъ въ виду только ту сторону вопроса, которая непосредственно касалась опеки свѣтской власти надъ церковью; „Записка“ же даетъ общую картину явленій, нежелательныхъ въ церковной жизни, въ чемъ бы ни коренились ихъ причины. Несмотря на различіе объема и содержаніе того и другого документовъ, авторъ „Соображеній“ смѣшалъ ихъ въ своемъ отвѣтѣ. Смотря на „Записку“ подъ болѣе узкимъ угломъ зрѣнія „Вопросныхъ пунктовъ“, онъ полагаетъ, будто всѣ церковныя нестроенія она ставитъ въ вину единственно слишкомъ бдительному надзору свѣтской власти и, потому, сопровождаетъ каждое положеніе „Записки“ неизмѣннымъ вопросомъ: „при чемъ же здѣсь стѣсненія свѣтской власти и ея слишкомъ бдительный надзоръ?“. Считая этотъ вопросъ вполнѣ достаточнымъ для разрушенія силы сужденій противника, авторъ въ своихъ возраженіяхъ въ большинствѣ случаевъ имъ только и ограничивается; поэтому, напримѣръ, послѣднія страницы „Соображеній“ К. П. Побѣдоносцева, особенно тамъ, гдѣ онъ отвѣчаетъ на сужденія о кастовомъ, замкнутомъ характерѣ духовенства, о недочетахъ духовной школы, объ отсутствіи живого проповѣдническаго слова, идутъ совершенно мимо цѣли: вѣдь „Записка“ не ставитъ вовсе эти явленія въ непосредственную связь съ бюрократической опекой, а „Вопросные пункты“ ихъ совершенно не касаются.

Но даже при этомъ недоразумѣніи, помѣшавшемъ автору уловить внутреннее построеніе мыслей „Записки“, многое въ характерѣ его возраженій раздѣлить нельзя. Авторъ „Соображеній“ отказывается идти далѣе понятій непосредственнаго „стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны государственной власти“. Онъ отказывается видѣть гнетъ тамъ, гдѣ нѣтъ полицейскаго стѣсненія, и вотъ, послѣ

того какъ въ „Запискѣ“ отмѣченъ былъ цѣлый рядъ печальныхъ фактовъ церковной политики, каковы: изгнаніе изъ высшаго и епархіальнаго управленія принципа соборности и мѣстнаго представительства; прекратившійся созывъ мѣстныхъ соборовъ; сообщеніе сухо-бюрократическаго характера дѣятельности синода и епархіальному управленію; лишеніе церковной общины права избранія себѣ епископовъ и пресвитеровъ, права распоряженія церковнымъ имуществомъ и всякаго почина въ приходскомъ управленіи; сухое направленіе школы; несеніе духовенствомъ полицейски-сыскныхъ обязанностей; необходимость жить поборами,— а также такія явленія государственной жизни, какъ чрезмѣрное развитіе государственной централизаціи, убившее всякіе слѣды общины и вообще мѣстной инициативы,—авторъ, не отвергая ихъ существованія, говоритъ: „Радѣтель церкви въ своей „Запискѣ“ жалуется, что просвѣтительная и духовно-назидательная дѣятельность церкви стѣсняется, сравнительно съ иновѣрцами, въ своей автономіи опекою государства; въ чемъ именно эти стѣсненія— на это „Записка“ не даетъ опредѣлительныхъ указаній, ограничиваясь общими фразами“. Да въ томъ-то именно и заключаются эти стѣсненія, что расколо-сектантству не приходится считаться съ большинствомъ отмѣченныхъ печальныхъ явленій; оно стоитъ внѣ этой, проникнутой бюрократизмомъ, атмосферы.

„Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ“, которые авторъ объединяетъ съ „Запиской“ С. Ю. Витте, указываютъ, кромѣ того, на отсутствіе у прихода правъ юридическаго лица, въ связи съ имѣющимся въ виду признаніемъ его за старообрядческими обществами;— на стѣсненіе церкви въ ея правахъ пріобрѣтенія недвижимости (на каждый случай испрашивается особое Высочайшее соизволеніе);—на совершенное устраненіе духовенства изъ общественной жизни; — на необходимость годовыхъ проволочекъ даже по разнымъ мелочамъ церковнаго хозяйства. К. П. Побѣдоносцевъ, повидимому, считаетъ все это совершенно нормальнымъ; политическая миссія духовенства, съ необходимостью разныхъ доношеній и регистрацій, также представляется ему нормальной, ибо въ концѣ „Соображеній“ авторъ заявляетъ, что, прочитавъ все до конца (т.-е. „Записку“ и „Вопросы“), „нигдѣ не нашелъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на стѣсненія, а только фразы и неопредѣленныя жалобы“.

Въ отвѣтъ на положеніе, что консисторія, вмѣсто каноническаго „собора пресвитеровъ“ или епископскаго собора, представляетъ канцелярію, гдѣ задыхаются отъ бумагъ, авторъ „Соображеній“ спокойно отвѣчаетъ: что же дѣлать, если бу-

магъ стало поступать по 20.000 въ годъ? А откуда же это бумажное море? Авторъ не задумался надъ тѣмъ, что бумажное море явилось оттого, что въ „епископскомъ соборѣ“ неправильно сосредоточились, въ силу принципа государственной централизаціи, всѣ приходскія дѣла, вплоть до разрѣшенія починить развалившуюся ограду церкви, а вслѣдствіе этого замерла и свелась на нѣтъ дѣятельность приходской общины, образовалось бумажное море въ консисторіяхъ и бумажная стѣна въ архіерейскомъ кабинетѣ, которая мѣшаетъ архипастырю входить въ живую связь съ паствой.

Авторъ „Соображеній“ силится убѣдить, будто въ паденіи прихода не виновата государственная власть: оно совершилось, повидимому, какъ-то само собой; онъ даже указываетъ нѣсколько частичныхъ мѣръ Петра I и его преемниковъ, направленныхъ къ упорядоченію приходской жизни. Но что же могли сдѣлать частичныя мѣры, порою, можетъ быть, шедшія въ разрѣзъ съ общей политикою, если вся общественная атмосфера дѣйствовала гнетущимъ образомъ, если развивавшееся крѣпостное право и гоненіе на всякую мѣстную иниціативу уничтожали въ корнѣ возможность развитія приходской общественной жизни?

„Соображенія“ оберъ-прокурора указываютъ на то, что теперь, съ развитіемъ культуры, дѣятельность церкви не понизилась противъ прежняго, но получила, наоборотъ, значительное развитіе. — Еще бы. Конечно, общіе культурные успѣхи за послѣдніе два вѣка должны были сказаться, несмотря на невозможныя условія общественно-церковной жизни. Но нельзя забывать того, что въ XVII вѣкѣ духовенство стояло во главѣ культурнаго движенія страны и представляло далеко выдвинувшуюся впередъ просвѣтительную силу; а теперь оно въ общемъ считается однимъ изъ наиболѣе отсталыхъ классовъ. Не показываетъ ли это, что развитіе церковной жизни шло несравненно медленнѣе, по сравненію съ другими сторонами культурной жизни? Въ то далекое время не было и помину о разладѣ между пастырями и паствой, о враждѣ между духовенствомъ и значительной частью интеллигенціи, что̀ является далеко не добрымъ знаменіемъ настоящаго времени.

Аргументація „Соображеній“ К. П. Побѣдоносцева вообще основана на подборѣ единичныхъ случаевъ и фактовъ. Объясняется это, повидимому, особенностью документовъ, которыми обоснована „Записка“. Въ виду сдѣланнаго автору ея упрека въ томъ, будто соображенія его страдаютъ малымъ знакомствомъ съ исторіей и основаны на несерьезныхъ источникахъ, слѣдуетъ нѣсколько оста-

новиться на этомъ предметѣ. Утверждается, что „Записка“ основана на такомъ несерьезномъ матеріалѣ, какъ статьи богословскихъ журналовъ и книги нѣкоторыхъ идеалистовъ и идеологовъ, не знакомыхъ съ дѣйствительностью. Но это далеко не такъ; каноническая сторона „Записки“ опирается на труды извѣстныхъ канонистовъ, каковы Павловъ, Суворовъ, проф. Заозерскій; имена ихъ не разъ и упоминаются въ „Запискѣ“, но авторъ „Соображеній“, при установленіи источниковъ „Записки“, счелъ за лучшее объ этомъ умолчать. Въ вопросахъ, касающихся жизни прихода, авторъ „Записки“ пользовался трудами Папкова; и вотъ, К. П. Побѣдоносцевъ возражаетъ противъ тѣхъ самыхъ, почерпнутыхъ изъ трудовъ Папкова, положеній, за которыя всего два года тому назадъ послѣднему, по его же, К. П. Побѣдоносцева, предложенію была присуждена Макарьевская премія. Въ виду того, что нынѣ, за отсутствіемъ соборовъ, церковное сознаніе находитъ себѣ вѣрное отраженіе только въ разсадникахъ высшаго богословскаго образованія — академіяхъ, являющихся въ дѣлахъ науки судьями даже высшихъ іерарховъ, авторъ „Записки“ предпочиталъ основываться на мнѣніяхъ академіи, выраженіемъ которыхъ и являются редакціонныя статьи академическихъ журналовъ. Такъ, статьи „Церковнаго Вѣстника“ не разъ открыто признавались въ свѣтской печати голосомъ с.-петербургской академіи, и такое ихъ толкованіе не возбуждало возраженій со стороны синода, или вообще церковныхъ сферъ; поэтому-то авторъ „Записки“ пользовался мыслями редакціонныхъ статей этого органа. По такимъ же основаніямъ онъ воспользовался нѣкоторыми статьями профессоровъ Заозерскаго и Тихомирова въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“: будучи помѣщены въ органѣ московской академіи, онѣ были встрѣчены явнымъ сочувствіемъ въ остальныхъ академическихъ органахъ. Эти именно мнѣнія академическихъ сферъ и извѣстныхъ канонистовъ, а не личныя и случайно составившіяся воззрѣнія, и положены въ основу „Записки“. Если оберъ-прокуроръ считаетъ мнѣнія духовныхъ академій несерьезными, то позволительно спросить, куда же обращаться за серьезнымъ и основательнымъ богословскимъ матеріаломъ?

На это, можетъ быть, получится отвѣтъ, если обратиться къ источнику, на основаніи котораго, повидимому, составлены отвѣтныя „Соображенія“. Почти вся фактическая сторона ихъ однородна съ диссертаціею чиновника синодальной канцеляріи Рункевича, именно—взята изъ тѣхъ ея главъ и мѣстъ, о которыхъ имѣется подробно обоснованное сужденіе совѣта профессоровъ с.-петербургской духовной академіи. Въ виду этого

представляется возможность дать оцѣнку положенному въ основу „Соображеній“ матеріалу словами и мыслями, принятыми такимъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ учрежденіемъ, какъ совѣтъ профессоровъ академіи.

Каноническая оцѣнка синода — докладываетъ совѣту свое мнѣніе епископъ Сергій, ректоръ академіи — „совершенно игнорируется Рункевичемъ... Есть возможность думать, что авторъ потому не говоритъ о каноническомъ смыслѣ и достоинствѣ Петровской реформы, что для него церковь—не Божественное учрежденіе съ незыблемыми, неприкосновенными основами, а лишь извѣстное вѣдомство въ государствѣ, съ которымъ, поэтому, государство можетъ совершенно не церемониться: сначала во главѣ стоялъ патріархъ и имъ правили іерархи, но это не понравилось, или стало неудобно; тогда патріарха отмѣнили и управленіе отдали свѣтскимъ чиновникамъ, болѣе „способнымъ“ и болѣе подконтрольнымъ государству“. Позже епископъ Сергій нѣсколько смягчилъ приговоръ и допустилъ предположеніе, что авторъ просто не опредѣлилъ темы работы.

Картины упадка церковной жизни въ періодъ патріаршества и ея возрожденія въ синодальный періодъ, которыми К. П. Побѣдоносцевъ доказываетъ необходимость реформы Петра и нежелательность возврата къ старинѣ, однородны съ соотвѣтствующими мѣстами того же труда г. Рункевича. Но вотъ что̀ говорятъ о нихъ профессора академіи: „И та, и другая картина до очевидности форсированы и на полную историческую достовѣрность претендовать не могутъ. Всѣ примѣры нестроеній и прямо безобразій въ церковной жизни тогдашняго (до-реформеннаго) времени—такого рода, что любой консисторскій архивъ по судному столу въ любую эпоху можетъ доставить автору цѣлыя сотни ихъ“ (епископъ Сергій). Ту же мысль выражаетъ и другой оппонентъ, профессоръ Никольскій. Указывая на то, что отрицательные факты только черезъ статистику могутъ получить значеніе матеріала для общихъ характеристикъ, проф. Никольскій отмѣчаетъ, что историческая правда у Рункевича остается въ сторонѣ, уступая мѣсто тенденціознымъ соображеніямъ; что, воспользовавшись матеріалами синодальнаго и консисторскаго архивовъ и вырвавъ отдѣльныя фразы изъ заграничныхъ изданій о Россіи, по методу Рункевича не трудно представить въ худшемъ состояніи даже настоящее время. Далѣе профессоръ Никольскій отмѣчаетъ слабое знакомство историка съ до-петровскимъ бытомъ Руси и произвольную характеристику до-реформенной церковной жизни. „Для вящшаго прославленія церковной реформы онъ

(Рункевичъ) механически группируетъ все то, что̀ такъ или иначе чернитъ періодъ до-синодальной жизни. Смотря на Петра I глазами ослѣпленнаго отъ восторга почитателя, авторъ можетъ видѣть только благія цѣли и не хочетъ спокойно оцѣнить дѣйствительныя послѣдствія историческихъ перемѣнъ, внесенныхъ въ церковный строй съ начала XVIII вѣка" (Никольскій)... Такой же взглядъ проводится и въ отзывѣ доцента Карташева. „Его (Рункевича) картина"—говоритъ онъ—„покоится не на серьезномъ изученіи явленій старорусской церковной жизни, а на необходимомъ для его апріорной цѣли одностороннемъ и случайномъ подборѣ фактовъ, выхваченныхъ изъ обширнаго моря жизни. Подобную картину безъ особеннаго труда можно было бы составить не относительно только XVII и XVIII вѣковъ, а даже относительно минувшаго года, если просмотрѣть въ любой консисторіи серію кляузныхъ дѣлъ"... „Трудно придумать"—отзывается онъ далѣе о картинѣ церковной жизни, представленной Рункевичемъ,—„что-нибудь болѣе несообразное съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о XVII вѣкѣ. Намъ XVII вѣкъ извѣстенъ, напротивъ, какъ вѣкъ энергичныхъ церковно-просвѣтительныхъ начинаній" [1]).

Въ началѣ своихъ „Соображеній" К. П. Побѣдоносцевъ заявляетъ, будто бы пожеланія „Записки" клонятся къ существенному ослабленію связи между церковью и государствомъ, въ результатахъ своихъ угрожающему великою опасностью церкви и государству. Можно было бы подробно отвѣтить на подобное обвиненіе, еслибы въ „Соображеніяхъ" было отмѣчено, въ чемъ собственно авторъ усматриваетъ эту „гибельную опасность"; теперь же, по необходимости, приходится ограничиться лишь краткимъ замѣчаніемъ. Еслибы тѣ порядки, къ которымъ предлагается возвратиться,—порядки святоотеческаго періода, считающагося золотымъ вѣкомъ въ исторіи христіанской церкви,—были дѣйствительно гибельными, то Византія не мирилась бы съ ними въ теченіе свыше тысячи лѣтъ, а церковь не процвѣтала бы въ то время. Авторъ „Соображеній" желаетъ доказать, что „Записка" хочетъ возврата не къ свято-отеческому времени, а къ системѣ управленія русской церковью XVI и особенно XVII вѣка; но если и такъ, то не надо забывать, что въ это время сложилась и окрѣпла наша государственная жизнь, заговорила живая богословская мысль, чему не могла бы способствовать, особенно въ

---

[1]) Отзывы о диссертаціи Рункевича см. „Христ. Чтеніе" 1902 г., за іюль—сентябрь (Прилож.: „Журналы Совѣта Дух. Академіи за 1901—1902 гг.").

(Примѣчаніе автора).

то тяжелое переходное время, „гибельная“ система церковнаго управленія.

Другое возраженіе, не относящееся къ опредѣленному пункту „Записки“, направлено противъ навязываемой ей мысли о совершенномъ изгнаніи изъ духовнаго вѣдомства чиновниковъ. Авторъ, на протяженіи цѣлой страницы доказываетъ, что чиновники-спеціалисты будутъ необходимы и при условіи учрежденія патріаршества.

По вопросу о средствахъ усиленія жизнедѣятельности прихода въ „Запискѣ“ было указано на необходимость обезпеченія духовенства жалованьемъ или устройства такой организаціи земскаго обложенія, путемъ которой священникъ получалъ бы съ прихода тѣ же средства, что̀ и теперь, безъ необходимости лично вымогать ихъ у каждаго прихожанина въ частности. Вѣроятно, не усвоивъ этой мысли, авторъ „Соображеній“ утверждаетъ, что это будетъ новая тягота и безъ того обремененному народу. Но „Записка“ говоритъ не о новомъ налогѣ, а только объ измѣненіи формы сбора съ прихода тѣхъ средствъ, которыя и теперь берутся священникомъ.

Возложеніе на духовенство полицейско-сыскныхъ обязанностей, сыгравшее печальную роль въ исторіи прихода и окончательно разъединившее пастыря съ паствой, признается авторомъ „Соображеній“ дѣломъ необходимости, за неимѣніемъ у казны средствъ завести для сего особыхъ должностныхъ лицъ; а обязанность доносить объ открытыхъ на исповѣди вредительныхъ для государства вещахъ статсъ-секретарь Побѣдоносцевъ совѣтуетъ забыть, какъ устарѣвшее правило. Совѣтъ забыть неотмѣненное законоположеніе, конечно, не особенно вразумителенъ; неубѣдительна и ссылка на неимѣніе у казны средствъ, чтобы завести отдѣльныхъ сыскныхъ агентовъ и регистраторовъ. Но, насколько извѣстно, по этому предмету оберъ-прокуроры даже не входили съ ходатайствомъ въ подлежащее вѣдомство; а затѣмъ, еслибы недостатокъ средствъ и побудилъ правительство возложить полицейскія обязанности на какое-либо изъ существующихъ должностныхъ лицъ, чтобы не плодить новыхъ, то, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы возложить ихъ на мѣстные полицейскіе органы, или на кого угодно, только не на пастыря.

При обсужденіи недочетовъ духовной школы, въ „Запискѣ“ было указано на необходимость ознакомленія будущихъ пастырей съ отрицательными явленіями культурной жизни. Оберъ-прокуроръ находитъ, повидимому, это ознакомленіе излишнимъ, такъ какъ эти теченія „не выражаютъ истинную, желаемую культуру“.

Но вѣдь священнику необходимо бороться съ ними, стараться предупреждать ихъ распространеніе; и трудно понять, какъ можно вести борьбу, не изучивъ основательнымъ образомъ эти отрицательныя явленія?

Вышеизложенный обмѣнъ мыслей между митрополитомъ Антоніемъ, С. Ю. Витте и К. П. Побѣдоносцевымъ способствуетъ въ значительной мѣрѣ всестороннему освѣщенію церковнаго вопроса.

Совершенно очевидно, что только церковь свободная и свободно самоуправляющаяся можетъ поддерживать въ своей средѣ всю полноту вѣры.

Поставленный запросъ свободы церковной сводился и долженъ сводиться къ стремленію возстановить нормальный строй церковнаго самоуправленія, въ существѣ и основѣ не подлежащій отмѣнѣ, ибо строемъ этимъ охраняется свобода церкви вселенской, и безъ него помѣстныя церкви не могли бы сохранить вселенскаго единства.

Вопросъ о возстановленіи канонической свободы православной церкви въ Россіи естественно связывается съ вопросомъ о составѣ будущаго церковнаго собора, чрезъ который должно состояться возстановленіе свободы церкви.

Насколько въ этомъ соборѣ было бы представлено все церковное общество, насколько было бы въ его устроеніи соблюдено начало „всенародности", насколько были бы правильно поставлены подготовительныя работы къ собору, насколько эти работы вошли бы въ самую суть церковной жизни и насколько чрезъ нихъ пробудилось бы подлинное церковное самосознаніе, выразителемъ котораго и явился бы соборъ—словомъ, насколько соборъ оказался бы истымъ разумомъ и подлиннымъ гласомъ православной церкви, настолько же онъ смогъ бы положить начало прочному преобразованію всего церковнаго строя въ духѣ истинной соборности, направивъ церковную жизнь къ полному и всестороннему обновленію, соотвѣтственно росту церковнаго самосознанія и современнымъ условіямъ общечеловѣческой жизни; настолько же соборъ возымѣлъ бы нравственно-обязательный характеръ для всѣхъ членовъ церкви и получилъ бы обще-церковное признаніе. Только такой соборъ могъ бы стать прочнымъ залогомъ дѣйствительнаго возрожденія церковной жизни.

Несомнѣнно, задача предстоявшаго церковнаго обновленія была не изъ легкихъ. Комитетъ министровъ, собиравшійся тогда въ усиленномъ составѣ, могъ только положить основаніе этому

дѣлу, главнымъ же образомъ ему предстояло заняться вопросами, намѣченными митрополитомъ Антоніемъ и касающимися не только церкви, но и общегражданскаго управленія.

Начинанія эти оказались безплодными, такъ какъ наканунѣ обсужденія въ комитетѣ министровъ вопросовъ, поставленныхъ митрополитомъ Антоніемъ, К. П. Побѣдоносцевъ сообщилъ предсѣдателю комитета министровъ Высочайшее повелѣніе, по которому всѣ вопросы о пересмотрѣ государственнаго положенія православной церкви были изъяты изъ вѣдѣнія комитета министровъ и переданы въ святѣйшій синодъ.

Вслѣдъ затѣмъ, 31-го марта 1905 г., св. синодъ вошелъ къ Государю Императору съ всеподданнѣйшимъ докладомъ по вопросу о созывѣ собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи. Въ результатѣ представленій К. П. Побѣдоносцева состоялась слѣдующая Высочайшая резолюція:

„Признаю невозможность совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссійской церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“.

Обсуждая отсрочку церковнаго собора, „Вѣстникъ Европы“ (1905 г., № 5) замѣтилъ: „Какое бы окончательное рѣшеніе ни получилъ вопросъ о соборѣ, движеніе, поставившее его на очередь, во всякомъ случаѣ сохранитъ глубокій смыслъ. Оно показываетъ, что церкви стала въ тягость ея пассивная роль, что она не дорожитъ внѣшними привилегіями, прикрывающими внутреннее безсиліе... Для церкви, какъ для общества вѣрующихъ, важно не столько то, будетъ ли она имѣть во главѣ учрежденіе или лицо, синодъ или патріарха,—сколько независимость отъ свѣтской власти, свобода отъ функцій, не имѣющихъ прямого отношенія къ религіи, и такое устройство церковнаго управленія, которое давало бы достаточный просторъ всѣмъ живымъ силамъ церкви. Не случайно, поэтому, стремленіе къ реформамъ внутри церкви совпало съ стремленіемъ къ реформамъ въ государствѣ... Дальнѣйшій ходъ церковнаго преобразованія будетъ зависѣть отъ общаго направленія событій: точекъ соприкосновенія между обѣими областями—государственной и церковной—

такъ много, что движеніе въ одной изъ нихъ не можетъ не отразиться и на другой".

Достигнувъ отсрочки созыва собора, оберъ-прокуроръ св. синода тогда же принялъ мѣры къ подготовленію почвы, какая была желательна для разрѣшенія церковнаго вопроса въ угодномъ ему смыслѣ.

Подъ покровомъ строгой тайны отъ синода были разосланы циркуляръ и предложеніе оберъ-прокурора къ епархіальнымъ епископамъ.

Для уразумѣнія истиннаго значенія этого мѣропріятія весьма показательно властное предложеніе синодальнаго оберъ-прокурора, пріобщенное къ синодальному циркуляру. Епархіальнымъ епископамъ предлагалось выработать и обсудить, совмѣстно съ избранными ими „заслуживающими довѣрія лицами", соображенія по основнымъ вопросамъ церковной жизни [1]).

Хотя предрѣшеніе дѣятельности собора въ предложеніи оберъ-прокурора и прикрывалось ссылками на „чрезвычайно трудный и сложный вопросъ о выработкѣ такого порядка для избранія представителей, который при примѣненіи его не вызвалъ бы неудовольствія, неудобствъ и затрудненій",—а наиболѣе существеннымъ неудобствомъ представлялось привлеченіе на соборъ представителей отъ клириковъ и мірянъ, „если бы такое участіе признано было необходимымъ",—центръ тяжести внушеній К. П. Побѣдоносцева сводился къ тому, что „созваніе помѣстнаго собора нуждается въ точномъ опредѣленіи, на основаніи каноническихъ постановленій и церковной практики, его состава, въ установленіи порядка разсмотрѣнія и совершенія дѣлъ соборомъ и въ *организаціи при немъ временнаго руководственнаго и подготовительнаго органа работъ*".

Такимъ образомъ рѣшенія предстоящаго церковнаго собора, по мысли синодальнаго оберъ-прокурора, имѣли подвергнуться подготовкѣ и подбору *не по усмотрѣнію церкви*, для которой производство подготовительной работы должно было оставаться тайною за семью печатями; всѣ труды по этой части поручались попеченіямъ *„руководственной" канцеляріи*.

К. П. Побѣдоносцевъ не ограничился, впрочемъ, указаніемъ на необходимость канцелярскихъ директивъ для предстоящихъ соборныхъ рѣшеній, но пожелалъ и самую область вѣдѣнія со-

---

[1]) Это предложеніе К. П. Побѣдоносцева получило огласку въ печати уже послѣ его отставки („Церковныя Вѣдомости" отъ 5-го ноября 1905 г., № 45).

бора профильтровать чрезъ усмотрѣніе синодальной канцеляріи. „Изложеннымъ очеркомъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію помѣстнаго всероссійскаго собора, — писалъ онъ, — повидимому исчерпывается рядъ предметовъ, указанныхъ въ опредѣленіи св. синода отъ 18—22 марта с. г. для соборнаго обсужденія". Впрочемъ К. П. Побѣдоносцевъ допускалъ, что „на соборѣ обнаружатся попытки къ возбужденію вопросовъ, помимо намѣченныхъ св. синодомъ", а потому высказывалъ, что „желательно бы было предварительно установить, могутъ ли, и въ какомъ порядкѣ, быть возбуждаемы подобные вопросы".

Такимъ образомъ соборъ, по мысли К. П. Побѣдоносцева, былъ обезвреженъ и низведенъ на роль вспомогательнаго органа при синодѣ, обсуждающаго только предначертанія послѣдняго и не дерзающаго преступить предуказываемыхъ ему свыше предѣловъ.

Нельзя не согласиться поэтому съ оцѣнкою Побѣдоносцевскаго проекта, сдѣланною авторами записки „Церковное вѣдомство и церковный соборъ" (газета „Русь" отъ 13 и 14 октября 1905 г., №№ 245 и 246).

„Въ основу дѣла — читаемъ мы въ этой запискѣ — ставится синодальнымъ оберъ-прокуроромъ невѣріе въ соборъ, признаніе внутренней, принципіальной излишности его въ связи съ внѣшнею необходимостью созвать его. Сдѣлаемъ по своему, останемся въ сущности, въ главномъ сами собою, но для оправданія своихъ дѣйствій и своего существованія, не обладающаго еще достаточнымъ освященіемъ церкви, соберемъ помѣстный соборъ русской церкви, который не выходилъ бы за предѣлы установленной нами программы и по существу только подтвердилъ бы предначертанныя нами реформы, которыя будутъ касаться частностей, оставляя суть внѣшняго и внутренняго управленія церкви, равно какъ и характеръ всей ея жизнедѣятельности, вмѣстѣ съ прямымъ подчиненіемъ ея государству, внѣ всякаго измѣненія".

Такъ какъ записка эта, исходя отъ группы 32, можетъ быть заподозрѣна въ либерализмѣ, то небезинтересно сопоставить ея выводы съ оцѣнкою дѣятельности оберъ-прокурора, исходящею изъ иного совсѣмъ лагеря.

Касаясь празднованія Побѣдоносцевымъ, весною 1905 г., 25-лѣтія службы въ званіи оберъ-прокурора св. синода, газета „Гражданинъ", которую ужъ конечно никто не заподозритъ во враждебности къ консерватизму, безпощадна въ своемъ приговорѣ. „Странна была—пишетъ кн. В. П. Мещерскій—роковая судьба нашей церкви въ лицѣ ея синода: въ теченіе какихъ

нибудь 60-ти лѣтъ три долгихъ вѣка аракчеевыхъ въ должности оберъ-прокурора—первый (гр. Протасовъ) въ лицѣ воспитанника іезуитской школы, второй (гр. Толстой) въ лицѣ деиста, третій (К. П. Побѣдоносцевъ) въ лицѣ самаго, казалось, фанатичнаго любителя культа церкви православной. Результаты оказались одинаковы: всѣ три сыграли одну и ту же роль Аракчеева по отношенію къ церкви, заглушивъ все живое, самостоятельное и независимое и требуя рабскаго передъ своею личностью преклоненія...“

Въ торжествѣ К. П. Побѣдоносцева надъ противниками по вопросу о созывѣ собора редакторъ „Гражданина“ усматривалъ новый ударъ „всякому почину въ пользу православной церкви“, нанесенный „всемогущимъ приказчикомъ“, какимъ по прежнему остался оберъ-прокуроръ св. синода. „Все что заговорило—смолкло; все что ожило—замерло, и въ темницу заточенная попрежнему чуть дышетъ православная церковь“.

Провести въ жизнь намѣченную програму воздѣйствія на епархіальное духовенство для тенденціозной подготовки соборныхъ рѣшеній Побѣдоносцеву даже и не понадобилось, такъ какъ съ перемѣною курса въ общей государственной политикѣ созывъ собора былъ отложенъ въ дальній ящикъ.

Очерченныя перипетіи вопроса о церковномъ соборѣ интересны какъ иллюстрація къ тому, насколько настоятельныя требованія жизни парализуются полновластіемъ бюрократическаго уклада, съумѣвшаго подавить починъ возрожденія церкви.

Каменевъ.

ПАНЪ

Онъ кричалъ мнѣ въ іюльскую ночь
Милліономъ лѣсныхъ голосовъ,
Когда неба печальная дочь
Тосковала среди облаковъ.
Онъ кричалъ мнѣ въ сверкающій день
Съ ароматныхъ онежскихъ луговъ,
Когда робкій красавецъ-олень
Убѣгалъ отъ голодныхъ волковъ.
Гдѣ тоскуетъ пустынность мореннъ,
Гдѣ бушуетъ сѣдой океанъ,
Въ сѣрой Коби—жилищѣ гіенъ—
Онъ кричалъ мнѣ, недремлющій Панъ.
Проносились въ полетѣ вѣка,
Какъ гирлянды пестрѣющихъ сновъ—
Уносила забвенья рѣка
И великихъ, и малыхъ боговъ.
Но души міровой властелинъ
Презираетъ забвенья туманъ
И живетъ безконечно одинъ
Жизнерадостный Панъ.

Анатолій Доброхотовъ.

МОЛОДЫЯ ДѢВУШКИ

Романъ В. Маргеритта.

„Jeunes filles". Victor Margueritte. Paris. Bibl. Charpentier, 1908.

Окончаніе.

VI *).

Г-жа Дорли, не разъ бросавшая тревожные взгляды въ сторону галереи и находившая, что a parte Эленъ и Жака слишкомъ затягивается, съ облегченіемъ вздохнула при ихъ входѣ въ залу. Она слишкомъ хорошо изучила лицо своего сына для того, чтобы сомнѣваться: всѣ счеты были сведены. Надо атаковать другую сторону. Она поймала Мейерлейна, собиравшагося сѣсть за бриджъ.

— Я въ восторгѣ, что вижу васъ, баронъ. Какой очаровательный вечеръ! И наша хорошенькая Марта прелестна въ роли хозяйки. Она восхитительна сегодня...

Баронъ посмотрѣлъ на нее не очень дружелюбно. Довольно и того, что ея сынъ отнялъ у него красавицу, а теперь еще мать вздумала, кажется, надъ нимъ насмѣхаться? Но онъ сейчасъ же опомнился. Вѣдь никто не знаетъ объ его чувствахъ.

— Восхитительна,—повторилъ онъ.

— Я знаю, какъ вы ее любите!

Онъ посмотрѣлъ на эту толстую индюшку съ искреннимъ желаніемъ посадить ее на вертелъ и поджарить на медленномъ огнѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ подтвердилъ и это. Увы, такое заявленіе не компрометировало его.

---

*) См. янв., стр. 266.

— И какъ вы интересуетесь ея будущностью...

Состояніе Данжэ казалось ей достаточно солиднымъ, но все же она была не прочь вывѣдать у „преданнаго друга", какъ обстоятъ дѣла.

Баронъ угадалъ ея затаенную мысль; онъ зналъ, что Дорли перебиваются со дня на день. Надо довести до конца эту свѣтскую комедію и разжечь хищные аппетиты...

— Вы правы. Но ея будущность настолько обезпечена, что, несмотря на всю мою... привязанность, я съ своей стороны ничего не могу для нея сдѣлать.

Напряженное выраженіе ея лица смѣнилось сіяющимъ. Она была въ этомъ увѣрена, и отъ радости чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Встрѣтивъ Марту, она ощутила непреодолимое желаніе обнять эту „милочку".

— Присядьте на минутку рядомъ со мною... Я вижу, васъ разрываютъ на части. Но какая прелесть ваше платье! Жакъ еще вчера восхищался вашими туалетами; онъ говоритъ, что никто не одѣвается такъ, какъ вы.

— Гадкій льстецъ!

— Нѣтъ болѣе искренняго человѣка... И я говорю это не потому, что я—мать его...

Она ворковала; Марта слушала...

Въ другомъ концѣ салона г-жа Данжэ вела такую же аттаку на Пьера Савенэ; но докторъ не поддавался и материнскія похвалы Мартѣ отскакивали отъ него, какъ отъ брони. Въ эту минуту мимо нихъ пронеслись Эленъ и Жакъ въ скользящемъ ритмѣ мазурки.

— М-lle Нэйрталь отлично танцуетъ! — замѣтила г-жа Данжэ. Лицо Пьера осталось невозмутимымъ, но стоявшая рядомъ съ братомъ Женевьева проговорила тономъ человѣка, сдѣлавшаго важное открытіе:

— И мосьё Дорли—тоже.

— Не правда ли? Хорошенькая парочка!

Улыбающееся лицо Женевьевы вдругъ потемнѣло, и г-жа Данжэ это замѣтила. Вотъ какъ! Она предложила Пьеру принять участіе въ партіи „бриджа".

— Я не играю.

— И не танцуете? Вамъ должно быть очень скучно?

— Нѣтъ, я наблюдаю.

Мазурка кончилась. Эленъ и Марта встрѣтились по срединѣ залы.

— Что̀ вы сдѣлали съ мосьё Дорли?—спросила Марта.

— Я не сторожъ его,—весело отвѣтила Эленъ.

— Въ его года онъ не нуждается въ сторожѣ.

— Все равно: бываютъ чары, отъ которыхъ не остережешься—разсмѣялась Эленъ и обняла ее за талію.

— Вы согласны уступить мнѣ временно?..

— Навсегда!

Къ дѣвушкамъ подошелъ Пьеръ Савенэ, начинавшій уже думать—не отправиться ли ему домой?

Марта высвободила руку.

— Насъ двѣ. Это—много. Заранѣе признаю себя побѣжденной и спускаю флагъ.

— Вы очень скромны.

— Надо же мнѣ хотя отступить съ военными почестями.

Пьеръ и Эленъ переглянулись. Марта исчезла въ толпѣ гостей.

— Прощальная стрѣла!—проговорилъ докторъ.

— Ей нельзя отказать въ остротѣ.

— Но я не понимаю: какой поводъ?

— И не старайтесь понять: души молодыхъ дѣвушекъ, особенно если имъ, какъ Мартѣ, нечего дѣлать, это—нѣчто очень сложное...

— Ваша также?

— Нѣтъ, моя гораздо проще.

— Что̀ не мѣшаетъ вамъ увлекаться тѣмъ же, чѣмъ и другія? Я только-что видѣлъ васъ занятою разговоромъ, видимо интересовавшимъ васъ... Простите, я васъ разсердилъ?..

— Вы не поняли меня, это гораздо хуже.

Заиграли вальсъ. Г-жа Дорли успѣла шепнуть сыну:

— Ступай... Я навела справки. У самого барона.

Жакъ обвилъ талію Марты рукою, и они плавно закружились. Его страданіе, боль, причиненная ему разрывомъ съ Эленъ, уже отчасти смягчилась. Фразерка эта Эленъ—ни сердца, ни темперамента настоящаго! И это—у бѣдной дѣвушки! Марта богата и все же она доступнѣе. Его опьянялъ ароматъ ея волосъ и плечъ, отъ которыхъ вѣяло весеннимъ запахомъ бѣлой сирени. Вдругъ она пріостановилась—это было у дверей въ маленькомъ салонѣ—и тяжелѣе оперлась на его руку.

— Оступились?

— Нѣтъ, у меня немного закружилась голова.

Онъ усадилъ ее въ бержерку, въ которой сидѣла въ началѣ вечера Эленъ, и самъ сѣлъ напротивъ. Надъ ихъ головами разстилались широкіе листья пальмы.

— Вамъ хорошо?

— Очень. А вамъ?—Марта разсмѣялась.—Мнѣ сейчасъ пришла въ голову забавная мысль...

— Какая?

— Сказать? Мы съ вами сидимъ точно... точно хозяева дома, проводившіе гостей.

— Это очень милая мысль, и я желалъ бы на ней остановиться...

— Не придвигайтесь!

— Почему? Минуту тому назадъ я былъ къ вамъ гораздо ближе. Я чувствовалъ біеніе вашего сердца, я шепталъ вамъ на ушко слова, которыхъ вы не слушали...

— Я слушаю теперь, какъ слушала васъ здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ другая. Вы открыты, прекрасная маска!

— Посмотрите мнѣ въ лицо. На немъ нѣтъ маски.

— Тогда или теперь?

Жакъ сталъ оправдываться. М-lle Нэйрталь—льдина. Развѣ можно увлекаться феей полярныхъ странъ? Съ каждымъ разговоромъ они все болѣе отдалялись другъ отъ друга, между тѣмъ какъ съ нею они все болѣе сближаются.

Жакъ увлекся и заговорилъ съ жаромъ. Въ ней есть что-то легкое, живое, веселое, съ нею жизнь должна быть счастливою и безоблачною. Онъ такъ ясно представляетъ ее и себя мужемъ и женою...

Жакъ нагнулся къ ней, она откинулась назадъ.

— Прошу васъ сидѣть смирно!

— Марта!

— Будьте благоразумны.

— Для этого надо быть дряхлымъ старикомъ, у котораго кровь застыла въ жилахъ, а я опьяненъ солнечнымъ лучомъ, говорящимъ мнѣ о счастьѣ, о свѣтлыхъ горизонтахъ любви... Ваша мысль осуществилась, представьте, что мы — мужъ и жена, мы ожидаемъ лишь разъѣзда гостей для того, чтобы остаться вдвоемъ. Вы — моя, и я беру мою собственность...

Онъ захватилъ ея руки въ свои, нагнулся къ ней совсѣмъ близко. Губы ихъ встрѣтились.

— Ахъ!—раздалось позади тихое восклицаніе.

На порогѣ стояла г-жа Данжэ—слабое подобіе головы Медузы. Марта подбѣжала къ ней.

„Пойманъ на мѣстѣ преступленія!“—мелькнуло въ головѣ смущеннаго Жака.

Марта склонила головку на плечо матери и радостно смѣя-

лась сквозь слезы. Г-жа Данжэ сохраняла свой видъ оскорбленнаго достоинства, и Жакъ почувствовалъ, что онъ долженъ принять рѣшеніе. Съ изяществомъ Донъ-Жуана, идущаго навстрѣчу статуѣ Командора, онъ подошелъ къ ней и, поцѣловавъ ея костлявую руку, проговорилъ:

— Maman!

Марта въ тѣни пальмы уже пудрилась миніатюрною пуховкой. Г-жа Данжэ оттаяла и улыбнулась: кто-то подходилъ, чтобы проститься...

Вечеръ не пропалъ даромъ.

VII.

Черезъ два дня послѣ этого Марта, стоя передъ столомъ въ маленькой гостиной, дѣлала букетики, когда раздался звонокъ.

„Уже?“—подумала она съ бьющимся сердцемъ. Еще рано. Серебряные часики на каминѣ показывали всего три. Она будетъ лишь черезъ полчаса. На улицѣ было сѣро и мрачно, но въ душѣ у нея сіяло солнце. Марта поправила вѣтку мимозы въ венеціанской вазѣ. Медвяный запахъ напомнилъ ей счастливые берега, веселые города, лазурное море подъ золотистымъ небомъ. Прежде всего они поѣдутъ туда...

Вошелъ баронъ. У Марты вырвался досадливый жестъ: всегда некстати. Онъ поцѣловалъ ей руку, и прикосновеніе мягкихъ губъ и жесткихъ усовъ было ей особенно непріятно. Она недружелюбно на него поглядѣла; для нея онъ не былъ ни человѣкомъ, ни мужчиной.

— Вашей матери нѣтъ дома? Тѣмъ лучше. Я долженъ съ вами поговорить.

— Она сейчасъ вернется, а затѣмъ... къ намъ пріѣдутъ по важному дѣлу.

— Мое дѣло тоже важное. Оно касается... всѣхъ насъ.

Его серьезный тонъ произвелъ на нее впечатлѣніе; Марта покорно сѣла.

Баронъ перевелъ духъ и затѣмъ, собравшись съ мужествомъ, началъ. Она вѣроятно догадывается, о чемъ онъ хочетъ съ нею говорить? Нѣтъ? Зачѣмъ сердиться и дѣлать видъ, что она не понимаетъ?

— Все менѣе и менѣе—холодно уронила Марта.

Мейерлейнъ волновался. Губу его нервно подергивало; онъ приготовился къ неудачѣ, но желалъ высказаться, прежде чѣмъ

его прогонятъ. Любовь его была искренняя, онъ глубоко страдалъ.

— Я не умѣю красно говорить. Я просто старый дуралей, который васъ любитъ, какъ сильно — вы даже не можете себѣ представить...

— Довольно, баронъ. Неудобно говорить объ этомъ въ домѣ, гдѣ вамъ столькимъ обязаны.

— Не напоминайте мнѣ о ничтожныхъ услугахъ...

— Я могу повѣрить въ ваше безкорыстіе! — горько усмѣхнулась Марта:—можетъ быть, съ моей стороны дурно проявлять такую неблагодарность, но неужели... съ васъ не довольно... прежней уплаты за ваши благодѣянія? И вы, сверхъ того, желаете прослыть человѣкомъ безкорыстнымъ? Но это уже слишкомъ...

Слова эти давно жгли ее, дрожали у нея на губахъ, и теперь она испытывала эгоистическое, жестокое желаніе мстить ему за тайныя униженія. Она любила и сознавала себя свободною.

— Но, кажется, я ничего не требовалъ?..

— Уплаты деньгами? Нѣтъ! Оставимъ прошлое съ его тайнами. Я рада, что мы объяснились откровенно.

Мейерлейнъ, глубоко взволнованный, возразилъ съ достоинствомъ:

— Объясненіе было бы неполнымъ, если бы я не попытался оправдаться передъ вами отъ обвиненія, касающагося не одного меня. Прошлое принадлежитъ лишь тѣмъ, которые свободно, безъ ущерба для кого бы то ни было, пережили его. И въ настоящее время вы не имѣете права ихъ судить.

Она отвѣтила съ глухимъ раздраженіемъ.

— Хорошо, но не говорите мнѣ о вашей привязанности! Вы были нашимъ старымъ другомъ, я росла на вашихъ глазахъ и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, вы нашли меня въ вашемъ вкусѣ... И вы — безсознательно, быть можетъ, — сдѣлали разсчетъ: „Легкомысленная дѣвчонка, выросшая среди роскоши, которою она обязана мнѣ и къ которой привыкла. Будучи безприданницей, она не найдетъ мужа, а любовникомъ могу быть и я. Стоитъ только подстеречь удобный случай“. Таковъ былъ вашъ разсчетъ, баронъ. Попробуйте это опровергнуть! Но вы ошиблись, вы слишкомъ полагались на случай. Надо начать сызнова...

— Начнемъ — возразилъ Мейерлейнъ съ напускнымъ спокойствіемъ. — Въ моемъ разсчетѣ было болѣе ошибокъ, чѣмъ вы предполагаете. Когда я сдѣлалъ... печальное для себя открытіе, я подумалъ: „Эта дѣвушка — воплощенная юность, грація, поры-

вистость. Подъ легкомысленною и свѣтскою внѣшностью она сохранила истинную чистоту. Если бы она пожелала озарить своими лучами послѣдніе годы моей жизни!“ Я не подумалъ о томъ, что я буду для нея старымъ, скучнымъ, некрасивымъ мужемъ, и что все мое богатство — слишкомъ слабое вознагражденіе за такую жертву! Я плачу́сь за мою ошибку...

Въ тонѣ его было столько искренности, уваженія и покорности, что враждебность Марты исчезла и она посмотрѣла на старика менѣе предубѣжденными глазами. Онъ почти растрогалъ ее. Повинуясь одному изъ тѣхъ внезапныхъ наитій, которыя очаровывали въ ней и служили порою помѣхою ея цѣлямъ, она протянула ему руку.

— Благодарю васъ. Эта минута уничтожила цѣлые годы предубѣжденій.

Онъ наклонился и благоговѣйно поднесъ къ губамъ ея ручку.

— Какъ вы добры!

— Я огорчила васъ, мой бѣдный баронъ, и должна снова огорчить васъ. Вы опоздали. Рука моя принадлежитъ другому.

Мейерлейнъ храбро перенесъ ударъ; онъ былъ къ нему подготовленъ.

— Да. Я боялся... Я угадываю...

Она продолжала съ безсознательно жестокой веселостью:

— Я все же тронута вашимъ предложеніемъ. Мы останемся добрыми старыми друзьями. Вы должны все узнать. Черезъ четверть часа пріѣдетъ г-жа Дорли съ оффиціальнымъ предложеніемъ. Черезъ три мѣсяца я буду называться г-жею Жакъ Дорли.

— Поздравляю васъ!—сказалъ баронъ послѣ краткаго молчанія. Онъ ничего не прибавилъ. Переубѣждать, отговаривать ее — значило бы только ее разсердить. Онъ былъ фаталистъ.

Марта придвинула къ нему кресло.

— Не правда ли, онъ очарователенъ? Это—идеальный бракъ. Семья, состояніе...

— Вы наводили справки?

— Нѣтъ... къ чему?

Баронъ въ качествѣ дѣлового человѣка находилъ, что подобныя дѣла̀ слѣдуетъ обставлять величайшими предосторожностями. Не зависитъ ли отъ нихъ счастье и здоровье не только одного человѣка, но цѣлаго рода? Но Марта была слишкомъ влюблена для того чтобы разсуждать.

— Къ чему это?—повторила она.

— *Они*, однако, наводили.

— Вѣдь онъ любитъ меня. Чего же еще?

— Конечно. Значитъ, вы счастливы?

— Развѣ это не видно? Простите, я — эгоистка.

— Вы имѣете на это всѣ права. Молодость и любовь...

Онъ съ грустной нѣжностью смотрѣлъ на нее. Послышался звонокъ.

— Это maman. Оставляю васъ съ нею. Я не жалѣю о нашемъ разговорѣ.

Она снова протянула ему руку, какъ старому другу. Онъ удержалъ ее.

— Одно слово!

— Говорите,—отвѣтила Марта.

— Всегда располагайте мною.

Вошедшая г-жа Данжэ удивилась, заставъ ихъ въ добромъ согласіи.

— Что это? Вы, кажется, подружились?

— Мы поговорили съ барономъ. Я сказала ему... о свадьбѣ.

— Я рада, что вы одобряете наши планы, баронъ. Куда же ты, Марта?

Но дѣвушка уже убѣжала, напѣвая:

L'amour est enfant de Bohème,
Qui n'a jamais connu de loi!

Оба молчали; г-жа Данжэ снимала перчатки. Молчаніе тяготило ее, и наконецъ, не выдержавъ, она прямо спросила барона: о чемъ они говорили съ Мартой?

— Дорогой другъ, инстинктъ матери такъ силенъ въ васъ, что вы съ проницательностью женщины навѣрно угадали измѣнившійся характеръ моихъ чувствъ къ Мартѣ? Мнѣ настолько извѣстно ваше душевное благородство, ваше самопожертвованіе ради Марты, что я увѣренъ если не въ прощеніи, то въ пониманіи съ вашей стороны...

— Ограничимся покуда пониманіемъ.

Баронъ откашлялся и продолжалъ:

— Мой восторгъ передъ ея красотой—не былъ ли онъ отчасти воспоминаніемъ о красотѣ другой женщины, невольной данью прошлому?

Г-жа Данжэ прошептала:

— Ахъ, бѣдный другъ мой! Что это вамъ вздумалось заговорить о немъ? Былое умерло, я даже не вспоминаю о немъ...

— А я вспоминаю. И думаю, что, помимо моей воли, въ моей новой привязанности есть доля прежней сильной любви и сладостной для сердца привычки. Въ Мартѣ, хотя и не похожей

на васъ, есть частица васъ самихъ, вашей прелести, всего, о чемъ я вспоминаю съ самою благоговѣйною признательностью. Я зналъ Марту, но она не знала меня. Теперь мы объяснились— и всѣ недоразумѣнія устранены. Я очень радъ.

— Немногимъ же вы довольствуетесь! — не удержалась г-жа Данжэ отъ желанія кольнуть его.

— Это правило мудреца. Притомъ — какъ знать? Никогда не надо отчаиваться.

Г-жа Данжэ ощущала горечь, не лишенную сентиментальной грусти. Въ этомъ „переносѣ" чувства, какъ назвала его Марта, было что-то умиротворяющее для ея женскаго тщеславія. Это былъ какой-то расцвѣтъ прошлаго: она сама воскресала— любимая и желанная—въ своей дочери. Но ее встревожилъ намекъ Мейерлейна. На что онъ намекаетъ?

— Ни на что. Поживемъ—увидимъ. Кажется, звонятъ. До свиданія.

Онъ поцѣловалъ ея сухую руку. Она съ нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣла на его лысѣющій черепъ и вспомнила прежняго Мейерлейна, съ густыми, сѣдѣющими волосами. Какъ измѣняется человѣкъ! Призракъ ея собственной молодости на мигъ мелькнулъ передъ нею, и ей стало грустно. Но горничная уже входила съ докладомъ:

— Г-жа Дорли.

VIII.

Г-жа Дорли проводила Мейерлейна довольнымъ взглядомъ. Его близость и дружескія отношенія къ дому были надежными гарантіями.

Обѣ матери умиленно пожали руки другъ другу. Съ высоты своего роста г-жа Данжэ изливала лучи благоволенія на толстую, приземистую г-жу Дорли, перья на шляпкѣ которой колыхались отъ дыханія ея могучей груди.

— Дорогая моя, какъ я рада васъ видѣть! — проговорила г-жа Дорли, опускаясь на бержерку.

— Не болѣе, чѣмъ я—васъ! — возразила г-жа Данжэ, занявшая болѣе возвышенную позицію на стулѣ.

— Моя записка васъ не обезпокоила? Когда мать пишетъ другой матери, значитъ имъ нужно поговорить о самомъ для нихъ дорогомъ...

— О дѣтяхъ...

— Въ нашемъ возрастѣ, простите, я хочу сказать: въ моемъ... Вы еще молоды...

— О, я не молода, я только моложава,—кокетливо поправила г-жа Данжэ.

— Значитъ, вы—молоды. Ну, хорошо, я скажу: въ нашемъ возрастѣ единственное, что дорого для насъ, это—тѣ, въ комъ мы переживаемъ свое прошлое, свою молодость...

Г-жа Данжэ, растроганная, протянула свою длинную руку и, извлекши мясистую руку г-жи Дорли, обтянутую безукоризненно бѣлою перчаткой, прошептала, пожимая ее.

— Какъ мы другъ друга понимаемъ!

— Вотъ именно. И потому я съ глубокою радостью слѣдила за возрастающимъ нѣжнымъ влеченіемъ нашихъ дѣтей.

Обѣ дамы разсыпались во взаимныхъ комплиментахъ. Марта! Какой очаровательный характеръ, какія черты, какіе глаза: портретъ матери... Изъ нея выйдетъ прелестная хозяйка дома... А Жакъ? Столько ума, обаянія, изящества! И такой примѣрный сынъ... Ему предстоитъ блестящая юридическая карьера?..

Г-жа Данжэ начинала ощущать нѣкоторое нетерпѣніе. Довольно словъ. Пора бы перейти къ дѣлу. Г-жа Дорли скромно подтвердила. Конечно! Не одинъ человѣкъ будетъ ему обязанъ жизнью...

— И, кажется, эта профессія, даетъ большой заработокъ?

— До ста тысячъ франковъ. Но, разумѣется, нужно сперва прославиться. Конкурренція велика.

Г-жа Данжэ заиграла на другой стрункѣ. Во всякомъ случаѣ г-жѣ Дорли не на что жаловаться. Она имѣетъ не только нравственное удовлетвореніе, но и матеріально хорошо обезпечена...

— Боже мой! Надо только не выходить изъ бюджета...

— Да, богатство!— задумчиво произнесла г-жа Данжэ: — говорятъ, что не въ немъ счастье, а все же оно способствуетъ...

— Когда оно есть, люди не цѣнятъ его. А когда его нѣтъ...

— Они хотѣли бы имѣть его.

Обѣ замолчали. Каждая изъ нихъ боялась обнаружить свою тайную озабоченность; онѣ слѣдили другъ за другомъ съ осторожностью дикарей, высматривающихъ слабое мѣсто у противника. Каждая желала овладѣть добычею, и боялась, что признаніе въ бѣдности вырветъ эту добычу изъ ея рукъ. Невозможно было, однако, длить до безконечности эти подходы. Г-жа Дорли резюмировала ихъ взаимныя чувства.

— Необходимо все же, дорогая моя, коснуться презрѣннаго денежнаго вопроса. Нельзя жить одною любовью.

— Конечно, наша обязанность — обезпечить существованіе нашихъ дѣтей, созданныхъ другъ для друга...

— Остается назначить условія контракта. Я вполнѣ спокойна. Съ тѣмъ приданымъ, которое дается въ такихъ семьяхъ, какъ наши, и съ тѣмъ солиднымъ основаніемъ, которое имѣется въ фондахъ банка Данжэ-Мейерлейнъ, намъ нечего тревожиться за участь нашихъ дѣтей...

Г-жа Данжэ побоялась сразу опровергнуть это предположеніе. Что̀ если признаніе въ бѣдности разстроитъ дѣло? А потомъ— какъ знать? Можетъ быть, баронъ и дѣйствительно захочетъ устроить судьбу Марты? Но прежде всего было необходимо обнаружить батареи противника.

— Еще одна подробность, дорогая моя. Вы простите, что я коснусь ея. Въ какую сумму опредѣляете вы заработки нашего милаго Жака?

— Какъ вамъ сказать? Они очень неопредѣленны... Такъ, десять... пятнадцать, двадцать тысячъ... Жакъ точнѣе назоветъ вамъ цифру... Эти деньги онъ тратилъ на себя...

Г-жа Дорли вдругъ съёжилась, осѣла подъ грознымъ, устремленнымъ на нее сверху, взоромъ г-жи Данжэ.

— Только-то? — проговорила г-жа Данжэ, видимо разочарованная.

— Видите, онъ до сихъ поръ брался лишь за тѣ дѣла̀, которыя ему нравились, — поспѣшила поправиться г-жа Дорли.

— А съ вашей стороны какая будетъ рента?

— Видите ли, — забормотала мать Жака, — я должна сказать... Мое состояніе по сравненію съ вашимъ такъ ничтожно... т.-е., оно не такое, какимъ было прежде. Жакъ, которому предстояло получить милліоны, имѣетъ всего триста тысячъ и виллу Belle-vue...

— Ага! Все-таки.

— Но вилла заложена. А триста тысячъ... то, что̀ остается отъ нихъ — не могу же я отдать. Я должна жить сообразно моему и вашему положенію въ обществѣ... Вы молчите? Вѣроятно, вы считали меня богаче? Но вѣдь нашъ домъ — не банкирскій... Въ сущности Жакъ съ его способностями, будущностью, личными качествами — болѣе выгодная партія, чѣмъ тѣ, которыя дѣлаютъ большинство молодыхъ дѣвушекъ. Но главное соображеніе — не въ этомъ конечно, а во взаимной любви нашихъ дѣтей...

— Вы правы, душа моя, они любятъ другъ друга, но...

— Къ счастью, приданое Марты... Могу я спросить?

— Конечно. И моя откровенность будетъ равна вашей...

— Какимъ образомъ?

— Повѣрьте, признаніе не менѣе тяжело для меня. Но такъ же, какъ и у васъ, наше кажущееся довольство не соотвѣтствуетъ нашимъ очень уменьшившимся средствамъ. Мы тратили болѣе, чѣмъ могли, для того, чтобы Марта могла завоевать положеніе въ свѣтѣ...

— Что̀ вы говорите?—растерянно пробормотала г-жа Дорли.

— Грустную истину. Мы живемъ на остатки большого когда-то состоянія.

— Такъ, значитъ, приданое?..

— Его нѣтъ.

— Но какъ же баронъ говорилъ мнѣ о блестящей будущности Марты?

— Я не знаю, что̀ говорилъ баронъ. На него нельзя разсчитывать.

— Но въ такомъ случаѣ!..—возмутилась г-жа Дорли.

Г-жа Данжэ поспѣшила произвести диверсію.

— Если вашъ сынъ искренно любитъ, какъ я надѣюсь, мою дочь, то ничто не потеряно. Съ моей стороны я принесу нѣкоторыя жертвы, а потомъ—тѣ десять, пятнадцать, двадцать тысячъ, которыя зарабатываетъ вашъ сынъ...

Г-жа Дорли не выдержала, гнѣвъ ея разразился.

— Славная шутка, нечего сказать!

— Въ чемъ видите вы шутку?

— Это—гнусность!

— Но, дорогая моя...

— Интрига, на которую я не считала васъ способной.

— Вы забываетесь!

Г-жа Дорли поднялась и стояла на высокихъ каблукахъ Louis XV, какъ на ходуляхъ. Красная отъ гнѣва, она закинула голову назадъ, уничтожая взоромъ высокую г-жу Данжэ, ставшую въ ея глазахъ такою маленькой.

— Вы не забыли себя въ этихъ мелочныхъ разсчетахъ! Такъ недостойно злоупотребить довѣрчивостью, честностью, великодушіемъ мягкосердечнаго молодого человѣка!.. И вы завлекли его, вы и ваша Марта, ухищреніями, недостойными честной женщины и порядочной дѣвушки...

— Милостивая государыня!

— Да-съ, это — ловушка, и послѣ того, что̀ произошло, я имѣю честь *не* просить руки *вашей* дочери для моего сына!

— Удивительно, какъ вы относитесь къ чувствамъ, которыя до сихъ поръ называли священными! Вы дешево цѣните—не

любовь вашего сына, которую измѣряете количествомъ приданаго, а данныя имъ обязательства! Онъ связанъ словомъ...

— Торгъ не можетъ состояться, если не оказывается налицо товара.

— Еще недавно вы говорили совсѣмъ другимъ тономъ.

— Я вѣрила въ вашу честность...

— Въ мое состояніе! Мы—въ одинаковомъ съ вами положеніи, и я не знаю, кто болѣе заслуживаетъ укора: мать безъ всякихъ средствъ, желающая пристроить свою дочь, или мать хоть нѣсколько обезпеченная, которая, тѣмъ не менѣе, хочетъ уложить своего тунеядца-сына въ постельку, набитую чужими перьями...

Г-жа Дорли была багровая, она задыхалась. Сбросивъ маску приличія, онѣ осыпали другъ друга градомъ оскорбленій.

— Жакъ—тунеядецъ? Онъ, во всякомъ случаѣ, не нуждается въ перьяхъ, въ которыя рядится ваша дочь. Не стану срамить себя, оставаясь долѣе въ вашемъ домѣ.

— Да, ваша жадность была жестоко обманута. Вамъ нечего здѣсь дѣлать. Прощайте.

Г-жа Дорли, уже стоя на порогѣ, обернулась. Она овладѣла собою.

— До свиданья. Я полагаю, что въ вашихъ интересахъ, также какъ и въ моихъ—не распространяться о случившемся...

IX.

Едва дверь галереи закрылась за г-жею Дорли, какъ въ комнату вбѣжала Марта. По ея взволнованному лицу и покраснѣвшимъ глазамъ г-жа Данжэ поняла, что она все слышала. Бѣдняжка! Мать привлекла ее къ себѣ и поцѣловала ее въ горячій лобъ.

— Что̀ ты скажешь?

— Какая негодяйка!—вырвалось у Марты.

— Что̀ намъ дѣлать?

— Подождемъ Жака.

— Ты думаешь, что онъ придетъ?

— Я убѣждена. Такъ было условлено.

— Но теперь, когда все измѣнилось?

— Тѣмъ болѣе. Жакъ—не то, что̀ его мать. Я спокойна...

Марта отерла послѣднія слезинки; она начинала надѣяться. Мало-по-малу привязанность ея, ея влеченіе къ Жаку возросли

въ теченіе лѣта. Вначалѣ ее просто тѣшила борьба съ Эленъ и торжество надъ нею. Теперь она всею душою жаждала счастливой развязки и боялась, что въ послѣднюю минуту все рушится. Бракъ по любви, богатство... Она не сомнѣвалась въ любви Жака, также какъ въ своей собственной.

— Мамочка, не бойся!

— Твоя увѣренность пугаетъ меня.

— Онъ, вѣроятно, встрѣтилъ ее внизу; она изливаетъ свой ядъ. Но затѣмъ онъ придетъ,—вѣдь онъ любитъ меня!

— Подождемъ!—сказала г-жа Данжэ грустно и недовѣрчиво.

Раздался звонокъ; Марта просіяла; мать просила ее успокоиться.

Жакъ вошелъ съ рѣшительнымъ видомъ, протягивая обѣ руки.

— Что̀ я слышалъ?

Марта впилась въ него острымъ взоромъ. Отъ него зависѣла ея судьба.

— Ваша мать сказала вамъ?

— Въ общихъ чертахъ. Я пришелъ...

— Я знала, что вы придете. Мамочка, оставь насъ, пожалуйста!

— Право, не знаю... А впрочемъ—дочь моя настолько васъ уважаетъ, мосьё Жакъ, что я моимъ уходомъ докажу вамъ и мое уваженіе.

— Благодарю васъ.

Когда они остались вдвоемъ, онъ сталъ цѣловать руки Марты; она не замѣчала ни его смущеннаго вида, ни его молчанія. Грубое открытіе охладило пылъ Жака, подобно холодному душу. Какъ? Ни гроша? Нищенская жизнь, полная униженій? Если онъ не пошелъ на нее ради Эленъ, въ которой нашелъ бы мужественнаго товарища, не безуміе ли рѣшиться на нее съ Мартою, могущею дѣлить лишь радости бытія? А между тѣмъ она шептала:

— Какъ я рада, что вы пришли! Я ни на секунду въ васъ не усумнилась.

— Благодарю васъ за это.

— Матери не могутъ всего понять... Онѣ преувеличиваютъ, искажаютъ... Но мы разсѣемъ всѣ недоразумѣнія... Мы съ вами...

Онъ машинально поддакнулъ; она остановилась, изумленная. Что̀ съ нимъ? О чемъ онъ думаетъ?

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе.

— Бѣдный другъ мой, вы знаете, какъ я васъ люблю! Я тоже хочу разсѣять эти тучи нѣсколькими словами.

— Я жду ихъ отъ васъ,—отвѣтила она нѣжно и серьезно.

— Конечно...—проговорилъ Жакъ, отводя глаза.

Наступило молчаніе, угнетавшее ее. Наконецъ, онъ взглянулъ ей въ лицо.

— Такъ это правда, Марта? Это не было испытаніемъ? Мать моя не ошиблась?

Она съ горькою улыбкой покачала головою.

— Нѣтъ, Жакъ. Она ошиблась въ томъ, что считала меня богатою невѣстой, хотя вы знаете, что я никогда не выдавала себя за наслѣдницу...

— Конечно. Кто же это говоритъ? Согласитесь только, что трудно было не подумать.

Марта удивленно глядѣла на него. Все рушилось вокругъ нея, все темнѣло. Громовой ударъ разразился... Придя въ себя, она вздохнула.

— Не все тò золото, чтò блеститъ. Мы не можемъ вывѣсить на дверяхъ объявленіе...

— Вы оскорбляете меня. Вы еще слишкомъ живо чувствуете рѣзкія словà. Но разсудивъ хладнокровно...

— Хладнокровно? Хорошо вамъ говорить!—вырвалось пылко у Марты.—Ахъ, Жакъ! успокойте меня, скажите, что все это—кошмаръ...

— Да, да... Но послѣ того, чтò произошло, чтò было сказано здѣсь моей матери, согласитесь, что я нахожусь въ чрезвычайно фальшивомъ положеніи... Вы понимаете?

— Понимаю.—Марта грустно поникла головою, вспомнивъ о троихъ женихахъ, любовь которыхъ испарилась вмѣстѣ съ золотымъ миражемъ. Это—четвертый!

Жакъ заговорилъ увѣреннѣе. Пусть она не ошибается относительно характера его чувствъ; если бы онъ былъ эгоистомъ, онъ сказалъ бы ей: „дайте мнѣ вашу руку, Марта! Вы будете бѣдны, несчастны. Все равно, я поведу васъ къ алтарю“. Но изъ любви къ ней...

— Изъ любви ко мнѣ!

— Именно. Если бы я думалъ только о себѣ, голосъ страсти подсказалъ бы мнѣ рѣшеніе...

— Какъ вы лжете, какъ вы прекрасно лжете!

Онъ продолжалъ—на этотъ разъ уже искренно:

— Между такими людьми, какъ мы съ вами, должна быть полная откровенность. Почему не сознаться, что мы не нашли другъ въ другѣ того, чтò искали?

— Наконецъ-то! Нѣкоторая доля откровенности! Это дорисовываетъ вашъ образъ.

— Вы можете не понимать меня, презирать, наконецъ...

— Нѣтъ, я вами восхищаюсь.

— Вѣдь и вы считали меня богатымъ?

— Считала, но между нами есть разница.

— Не вижу: какая?

Марта колебалась. Неужели и послѣ такого оскорбленія она въ душѣ еще не вполнѣ порвала съ нимъ?

— Разница въ томъ, что, несмотря на горькое разочарованіе, я еще дорожу тѣмъ, что̀ для васъ утратило всякую цѣну. И вы еще смѣете говорить, что любите меня!

— Послушайте, Марта, вотъ именно потому, что я люблю васъ, я долженъ о васъ подумать. Когда я представляю себѣ васъ — утонченную, изящную, привыкшую къ роскоши, ставшей второю вашею натурою,—я чувствую, что не могу сознательно обречь васъ на полу-прозябаніе, которое покажется вамъ нищенскимъ. Именно потому, что я цѣню васъ по достоинству, я не желаю принижать васъ до исполненія чуждыхъ вамъ обязанностей. Неужели эта бѣленькая, тонкая ручка, сверкающая бриллiантами, должна держать иглу или метелку? Черезъ годъ вы первая не простили бы этого мнѣ, и я самъ бы себѣ не простилъ.

Марта грустно возразила:

— Если бы вы съ такимъ жаромъ защищали дѣла̀ вашихъ кліентовъ, вы и ваша жена не умерли бы съ голоду.

Жакъ отвѣтилъ, втайнѣ польщенный, что возраженіе — не отвѣтъ.

Странная нерѣшимость овладѣла Мартою. Если бы она послушалась перваго впечатлѣнія — все было бы уже кончено. Сколько трусости, какое полное отсутствіе уваженія къ ней и къ себѣ! Но она прислушивалась къ его ласкающему голосу, хотя и знала, что онъ лжетъ. Она еще цѣплялась за что-то.

— Послушайте, мнѣ не слѣдовало бы говорить вамъ то, что̀ я хочу сказать. Это—недостатокъ гордости и притомъ можетъ оказаться безполезнымъ. Я—не совсѣмъ такая, какою я рисуюсь вамъ. И не думайте, что я, главнымъ образомъ, сокрушаюсь о разстроившейся свадьбѣ. Не далѣе какъ сегодня человѣкъ, котораго вы знаете, предлагалъ мнѣ руку и крупное состояніе. Я отказалась.

— Мейерлейнъ?

— Я не назвала его. Я отказала, потому что какъ я ни

дурно воспитана, какъ я ни легкомысленна съ виду—я не желаю продаваться, какъ это дѣлаютъ многія женщины и даже мужчины. Я не хочу выйти замужъ не любя.

— Знаете ли, Марта, вы не принадлежите къ числу обыкновенныхъ женщинъ!

— Вы только теперь это замѣтили?

Жакъ долженъ былъ сознаться, что съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ блестящими отъ возбужденія глазами—Марта казалась ему совсѣмъ иною. Кто пойметъ этихъ женщинъ?

Онъ нѣжно заговорилъ:

— Что̀ бы ни случилось, Марта, вы навсегда останетесь для меня идеальною подругою жизни, настоящею женщиною въ лучшемъ смыслѣ слова...

— Я? Въ сущности—подъ моими замашками кокетки и транжирки — я сохранила самые буржуазные вкусы. Изъ меня дѣйствительно можетъ выйти настоящая женщина, пожалуй даже—хорошая хозяйка, если я выйду за того, кто мнѣ нравится, кого я могла бы полюбить... какъ васъ. Если бы вы только захотѣли! Увѣряю васъ, я могу довольствоваться немногимъ... И съ тѣмъ, что̀ мы будемъ имѣть, съ тѣмъ, что̀ вы заработаете... Съ вашими способностями, умомъ! Сто̀итъ только вамъ немного поработать. Я буду вамъ помогать, изъ меня выйдетъ хорошая помощница... Право! Чего недостаетъ намъ для того, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни? Денегъ? Онѣ придутъ. Связей? Мы перевернемъ небо и землю. Нуженъ только апломбъ, умъ, практическое знаніе жизни. Чортъ побери, если со всѣмъ этимъ мы не схватимъ быка за рога! Отвѣчайте же! Положитесь на меня, Жакъ. Мы вдвоемъ всего добьемся!

Марта настойчиво цѣплялась за призрачное счастье, которое должно было избавить ее отъ всякихъ компромиссовъ, отъ униженій ея повседневнаго существованія.

Жакъ размышлялъ. Положительно, эта малютка — опаснѣе, чѣмъ онъ думалъ. Что̀ за характеръ! Брр! Быть у нея подъ башмакомъ—покорно благодарю. Бѣдность, да еще женское тиранство. Нѣтъ, онъ не согласенъ. Инстинктивный страхъ слабаго человѣка, заставившій его уклониться отъ сближенія съ Эленъ, снова пробуждался въ немъ. Марта иначе объяснила себѣ его молчаніе.

— Подумайте! Мы въ послѣдній разъ говоримъ откровенно съ глазу на глазъ. Теперь вы знаете меня, какъ я знаю васъ. Мои слова шокируютъ васъ? Они неприличны въ устахъ моло-

дой дѣвушки? Что вы хотите? Безприданница! Такова жизнь, а жить надо...

— Да, это проблема, которую и одному рѣшить трудно.

— Жакъ, если только вы не лгали каждымъ вашимъ словомъ, у васъ хватитъ мужества и энергіи на двоихъ...

Она остановилась и впилась взглядомъ въ его смущенное лицо.

— Отвѣчайте же... Впрочемъ, о чемъ я говорю съ вами? Безуміе!

— Безуміе!—тихо подтвердилъ Жакъ.

— Конечно, это невозможно... Работать за двоихъ... Вамъ! Ха! Ха! Смѣшно... Простите. Я извиняюсь...

Голосъ ея оборвался. Взрывъ нервнаго смѣха перешелъ въ рыданія. Она плакала, закрывъ лицо руками, рыданія потрясали ея тѣло.

— Марта! — проговорилъ онъ, огорченный. Какое непріятное положеніе!

Но она рѣзко выпрямилась и крикнула:

— Запрещаю вамъ называть меня Мартой! Уходите... Вы противны мнѣ... Да уходите же!

У Жака мелькнуло сознаніе собственнаго своего безсилія и полной невозможности для нихъ понять другъ друга. Въ сущности— оно такъ и лучше. Даже при богатствѣ они ужились бы съ трудомъ. Не тратя времени на безплодныя соболѣзнованія, онъ деликатно взялъ шляпу съ кушетки, на которую снова упала Марта.

За отсутствіемъ угрызеній онъ уносилъ съ собою трогательный образъ: бѣлый затылокъ, оттѣненный густыми волосами цвѣта темной мѣди, и гибкія плечи, по которымъ волною пробѣгала дрожь рыданій.

X.

Жакъ надѣвалъ пальто, когда у двери позвонили. Досадно! Онъ предпочелъ бы, чтобы его не видѣли сегодня. Горничная открыла дверь, и Жакъ услышалъ знакомый голосъ:

— Спросите m-lle Марту: не приметъ ли она m-lle Нэйрталь? По порученію отъ m-lle Савенэ?

Дѣлать было нечего. Смущенный Жакъ обернулся и поздоровался. Горничная вернулась съ отвѣтомъ, что m-lle Марта больна, и г-жа Данжэ извиняется, что не можетъ принять барышню.

Жакъ и Эленъ вышли вмѣстѣ. Жакъ залюбовался походкою Эленъ, чудной линіей ея плечъ. Эта дѣвушка не плакала о немъ, онъ не былъ въ состояніи нарушить ея величавый покой, и мысль объ этомъ окончательно взбѣсила его; онъ злился на другихъ, на себя, на свою жизнь. На лицѣ его выражались такая досада и растерянность, что Эленъ разсмѣялась. Она смутно угадывала происшедшее.

— Нечего смѣяться!

— Не хотите ли вы, чтобы я заплакала?

— Я ничего не хочу!

Онъ поглядѣлъ на нее сбоку, но лицо ея было спокойно и ясно. У Жака вдругъ вырвался жалобный призывъ:

— Если бы вы знали, какъ я нуждаюсь въ вашей дружбѣ!

— Поздно. Я могу предложить вамъ лишь дружелюбное безразличіе.

Эленъ обрадовалась ихъ встрѣчѣ. Рано или поздно имъ пришлось бы встрѣтиться.

— Жизнь моя загублена! — мрачно началъ Жакъ, но она оборвала его:

— Одно слово, и пусть этотъ старый вопросъ будетъ порѣшенъ разъ навсегда. Вы найдете во мнѣ пріятельницу, не болѣе. А теперь дайте руку. До свиданія.

Онъ задержалъ ея руку, выдерживая ея прямой взглядъ.

— Почему вы такъ глядите на меня? — спросилъ онъ наконецъ.

— Бѣдный другъ мой, я ищу того, что̀ меня такъ плѣняло въ васъ, и—не нахожу. Моя мечта умерла...

— И похоронена? Благодарю васъ!—отвѣтилъ онъ свирѣпо.

Когда Эленъ завернула за уголъ, ему показалось, что все вокругъ него рушилось. За что уцѣпиться? Никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, никуда негоднымъ въ своемъ духовномъ убожествѣ. На углу улицы Цирка онъ остановился, взглянулъ на часы. Всего пять. Ему показалось, что прошли цѣлые годы. Домой не хотѣлось, хотя мать ждетъ его съ нетерпѣніемъ. Въ туманной мглѣ бульваровъ уже зажигались опаловые огни фонарей. Вдругъ у него явилась мысль. Palais de Glace—модный катокъ между пятью и семью часами! Это разгонитъ его черную меланхолію. Красивыя женщины, музыка, яркій свѣтъ, движеніе на свѣжемъ воздухѣ...

Тамъ всегда можно встрѣтить знакомыхъ, и быть можетъ ему даже удобнѣе показаться тамъ сегодня во избѣжаніе какихъ-нибудь глупыхъ слуховъ.

Жакъ вошелъ въ залъ съ видомъ побѣдителя, пробираясь между столиками, за которыми сидѣли черезчуръ разряженныя дамы или покинутыя матери, а кое-гдѣ—свѣтская компанія. На каткѣ постоянно можно было встрѣтить массу молодыхъ дѣвушекъ и дамъ, и Жакъ чувствовалъ себя здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ увеселительныхъ мѣстахъ—какъ дома. Ему особенно нравился контрастъ между возбуждающей атмосферою концертнаго зала и бодрящимъ морознымъ дыханіемъ, поднимавшимся съ ледяной поверхности катка, сверкавшаго при свѣтѣ голубыхъ электрическихъ шаровъ. Его опьяняло движеніе, легкость и грація скользящихъ по льду женщинъ, коньки которыхъ казались блестящими крылышками. Были тутъ и новички, тяжело опиравшіеся на руку „учителей“ или хватавшіеся за красный бархатный барьеръ. Жакъ пренебрежительно глядѣлъ на этихъ „добровольныхъ клоуновъ“.

Вдругъ его окликнули: — Мосье Дорли!—и онъ увидѣлъ за однимъ изъ столиковъ двухъ хорошенькихъ женщинъ: миссъ Анни и Жаклину.

Жакъ очень обрадовался и поспѣшилъ подойти. У Жаклины онъ поцѣловалъ руку; она была очаровательна въ бархатной треуголкѣ цвѣта mordoré, кокетливо сидѣвшей на прическѣ изъ крупныхъ локоновъ. Длинный жакетъ того же цвѣта придавалъ ей видъ прелестницы XVIII вѣка. Взоръ Жака выразилъ его восхищеніе.

— А со мной, мосьё Дорли, вы не хотите даже поздороваться. Вы не узнаёте меня?

Въ тонкомъ хрустальномъ голоскѣ слышались обиженныя нотки.

— Какъ вы можете это думать, m-lle Женевьева? Простите, я не замѣтилъ васъ.

M-lle Савенэ стояла по другую сторону барьера; она улыбалась своею нѣсколько болѣзненной улыбкою. Учитель терпѣливо ждалъ.

— Вы дѣлаете успѣхи?—освѣдомился Жакъ.

— Нѣтъ, и глядя на муки новичковъ, я спрашиваю себя: какимъ образомъ можно достигнуть подобнаго совершенства? Посмотрите.

Пикантная демимондэнка вальсировала со своею пріятельницей; онѣ неслись какъ птицы.

— Здѣсь, какъ и во всемъ, труденъ только первый шагъ,— отвѣтилъ Жакъ.

Женевьева украдкой взглянула на него. Она приписывала

всѣмъ его словамъ особое значеніе. Но, кинувъ ей на лету эту фразу, онъ уже обернулся къ другимъ дамамъ.

— Начнемъ!—со вздохомъ обратилась Женевьева къ учителю.—А ты, Анни?

Миссъ Фергусъ встала съ мѣста. Жакъ любезно замѣтилъ, что она должна хорошо кататься, и Женевьеву кольнули его слова. Анни дѣйствительно скользнула легко и увѣренно, чуть-чуть опираясь на руку учителя.

— Наконецъ мы одни!—пошутилъ Жакъ, глядя на г-жу Ланфрэ.

— Это фраза для новобрачныхъ, а не для такихъ старыхъ друзей, какъ мы съ вами. Или вы, быть можетъ, думаете о Мартѣ?

— Я совсѣмъ о ней не думаю—въ этомъ смыслѣ, конечно.

Онъ говорилъ такъ рѣшительно, что удивленная Жаклина не стала настаивать. Съ нимъ все возможно—при такомъ измѣнчивомъ характерѣ. Она взглянула на него съ бо̀льшимъ интересомъ.

— Въ кого же вы влюблены въ такомъ случаѣ? Вы вѣдь иначе не можете...

Она съ улыбкою смотрѣла на него. Все тотъ же небрежно-побѣдоносный видъ. Онъ вдругъ мальчишески расхохотался.

— Если позволите—въ васъ.

Эта мысль показалась Жаклинѣ забавной и даже лестной; она такъ весело разсмѣялась, что сидѣвшая за сосѣднимъ столикомъ дама съ дочерями обернулась, шокированная.

— Вы съ ума сошли, Жакъ!

— Въ безуміи—величайшая мудрость.

Они не замѣтили Женевьеву, до которой долетѣлъ ихъ смѣхъ. Съ напряженными нервами, согнувъ плечи, стараясь сохранить равновѣсіе, она пріостановилась...

— Не прокатиться ли намъ?—предложилъ Жакъ, и тотчасъ приказалъ принести коньки.

Заиграли вальсъ. Онъ обхватилъ рукою гибкую талію Жаклины, крѣпко прижимая ее къ себѣ,—она была легка какъ перышко,—и они закружились, понеслись... Свѣжій холодный воздухъ щипалъ лицо, опьяняя ощущеніемъ свободы и простора. Глаза ихъ улыбались.

Они танцовали такъ изящно, что многіе изъ катавшихся останавливались, для того чтобы ими полюбоваться, и каждый разъ, когда они проносились мимо Женевьевы, поглощенные другъ другомъ, ей казалось, что сердце ея разрывается, что они убѣгаютъ далеко отъ нея—близкіе другъ другу.

XI.

Майское солнце бросало косые лучи на широкій, окаймленный деревьями лугъ.

Кое-гдѣ среди розовыхъ, желтыхъ, пунцовыхъ клумбъ бѣлѣли статуи. Сіяніе лучей широко вливалось въ гостиную черезъ балконныя двери. Въ воздухѣ еще чувствовались весенняя прохлада и свѣжесть.

Лакей въ темной ливреѣ ввелъ Жака и г-жу Дорли.

— Баринъ и г. Пьеръ еще не вернулись, а барышни въ паркѣ. Не угодно ли господамъ обождать?

Г-жа Дорли величественно кивнула головою, затѣмъ она съ видимымъ удовольствіемъ опустилась на кушетку и оглядѣла гостиную.

— Этотъ домъ мнѣ нравится. У него аристократическій видъ.

Жакъ тоже обвелъ гостиную взглядомъ. Не дурно! Гобелены, бронзы, картины французской школы, бездѣлушки, малѣйшая изъ которыхъ стоитъ луидоровъ двадцать-пять. И этотъ уголокъ очень уютенъ со своимъ низенькимъ, широкимъ диваномъ, роялемъ и рабочимъ столикомъ. Г-жа Дорли, утонувшая въ мягкомъ креслѣ, проговорила:

— Кресла удобныя!

— Ты располагаешься какъ у себя дома, честное слово!

Она лукаво прищурилась.

— Все можетъ быть. И пожалуй—скорѣе, чѣмъ ты думаешь. У меня есть глаза. Тутъ ужъ богатство настоящее, солидное.

— Знаю, знаю. Фернэйль, золотыя копи... Ты обѣщала мнѣ къ этому не возвращаться.

— Не могу, какъ не могу при каждой встрѣчѣ съ Данжэ побороть непріятное впечатлѣніе, хотя мы относимся другъ къ другу вполнѣ корректно.

— А мы съ Мартою давно все забыли. Правда, что вы не женщины, вы—матери.

— Славная вещь молодость, — умилилась г-жа Дорли, — а все же пользуйся попутнымъ вѣтромъ и правь къ пристани...

— Ты увѣрена, что крушенія не будетъ?

— Вполнѣ. Я наводила точныя справки. За Женевьевой даютъ восемьсотъ тысячъ франковъ, не говоря уже о надеждахъ...

Жакъ многозначительно свистнулъ.

— Наконецъ, я знаю, что она любитъ тебя. Нечего скром-

ничать! А кто изъ насъ былъ правъ? Не говорила ли я тебѣ годъ тому назадъ: „Женевьева очаровательна и она—прекрасная партія“?

— Я не могу думать только о приданомъ...

— Но если она любитъ тебя! И ты ее полюбишь. Можетъ быть, ты самъ, этого не сознавая, уже любишь ее?

Жакъ задумался.

— Возможно. Она кротка, у нея чудные глаза и нѣжный, очень нѣжный цвѣтъ лица. Конечно, въ мірѣ нѣтъ совершенства, но я предпочелъ бы, чтобы она была немного менѣе... то-есть, немного болѣе... Словомъ, она плоска, какъ доска...

— Доска спасенія! Женись сперва, а тамъ будетъ видно. Я увѣрена, что тебя ожидаетъ счастіе .. Самое важное въ бракѣ—общіе интересы, обязанности. А затѣмъ—дѣти. Дѣти—это благословеніе, это—самыя прочныя узы. Вамъ нужно съ самаго начала имѣть дѣтей...

Жакъ указалъ ей глазами на дверь. Г-жа Дорли обернулась, улыбка ея расплылась еще шире.

— Милый докторъ!

Пьеръ Савенэ поспѣшно подошелъ къ нимъ.

— Извиняюсь за свой рабочій костюмъ. Я прямо изъ Парижа. Какъ же это вы одни?

— Мы пріѣхали слишкомъ рано. Барышни въ паркѣ.

— Да, на площадкѣ для тенниса. Я васъ провожу, если позволите...

Пьеръ былъ очень любезенъ. Его предубѣжденіе противъ Жака сильно уменьшилось, съ тѣхъ поръ какъ онъ убѣдился, что между Жакомъ и Эленъ ничего нѣтъ. Положимъ, Дорли—безпеченъ и лѣнивъ, но въ немъ столько заразительной веселости и добродушія. Притомъ онъ очевидно сильно нравится Женевьевѣ. Сначала Пьеръ жалѣлъ сестру. Долго ли она будетъ счастлива съ Жакомъ? Но какъ устоять противъ страсти, овладѣвающей вами мало-по-малу? Если уже такова судьба Женевьевы, пусть она возьметъ отъ нея возможно болѣе радостей. Она была такъ весела, щеки ея розовѣли, глаза сіяли при малѣйшемъ вниманіи со стороны Жака. Она совершенно преображалась... И, быть можетъ, въ концѣ концовъ изъ Жака, когда ему не о чемъ будетъ заботиться — выйдетъ хорошій мужъ и пріятный родственникъ.

Съ г-жею Дорли дѣло обстояло хуже; она не нравилась Пьеру. Но когда въ домѣ появится маленькое существо, она можетъ сдѣлаться любящей бабушкой.

Одно удивляло Пьера. Онъ не могъ объяснить себѣ довольно замѣтнаго недружелюбія, съ которымъ Женевьева начала за послѣднее время относиться къ своей подругѣ.

Разговаривая, они подошли къ новому строенію, возведенному въ стилѣ стараго замка, относившагося къ эпохѣ Louis XIII и скрытаго густыми деревьями. Это была лабораторія Пьера.

— Я не предлагаю вамъ зайти, вы не за этимъ пріѣхали,— сказалъ онъ съ улыбкою, показавшеюся сердцу матери бальзамомъ.

— Хотя я мало понимаю въ наукѣ,—сказала г-жа Дорли,— я попрошу васъ показать мнѣ когда-нибудь ваше святилище. О вашемъ послѣднемъ сообщеніи въ академіи наукъ—всюду говорятъ. Вы—наканунѣ великаго открытія...

Пьеръ со свойственной ему скромностью сталъ отнѣкиваться.

— Я боюсь, что мнѣ еще многое остается сдѣлать. Но не опаздывайте изъ-за меня. Жакъ, если вы пойдете вязовой аллеей черезъ фруктовый садъ — вы будете на площадкѣ для лаунъ-тенниса черезъ двѣ минуты... До скораго свиданія...

Онъ открылъ дверь своимъ ключомъ и вошелъ въ громадную комнату со сводчатымъ стеклянным потолкомъ и колоссальнымъ очагомъ. Тутъ была цѣлая мастерская алхимика, колбы, реторты, микроскопъ, все необходимое для изслѣдованія, а также—громадная библіотека о туберкулезѣ. Сколько ночей провелъ здѣсь Пьеръ за работою, стараясь вырвать у природы ея тайну для борьбы съ ужасающимъ бичомъ человѣчества.

Пьеръ положилъ свой портфель. Знакомая рабочая комната вдругъ показалась ему странно чуждою и тѣсной. Умываясь, онъ посмотрѣлся въ зеркало надъ умывальнымъ столомъ. Онъ показался себѣ маленькимъ, сгорбленнымъ, съ грустнымъ взглядомъ подъ стеклами pince-nez, съ горькою складкою губъ, съ серебристыми нитями въ бородкѣ... Какъ мало походилъ онъ на красавца Жака!

„Что со мною?—подумалъ онъ:—неужели я завидую счастью ближняго!“

Онъ вернулся къ двери, отворилъ ее; теплый зеленый свѣтъ струею влился изъ парка подъ высокіе своды. Затѣмъ онъ открылъ другую дверь, выходившую на широкій балконъ. Въ золотистомъ сіяніи вечера ему предстали серебряная лента рѣки, голубая даль, сливавшаяся съ туманнымъ силуэтомъ Парижа. Онъ вздохнуль свободнѣе, но тяжесть, лежавшая у него на сердцѣ, не уменьшалась. Въ эту минуту онъ былъ далекъ отъ своихъ научныхъ работъ. Голосъ сомнѣній шепталъ ему: „Надо покориться. Она никогда не полюбитъ тебя“.

Онъ украдкою, съ видомъ школьника, досталъ изъ внутренняго кармана сюртука фотографію въ футлярчикѣ. Это былъ портретъ Эленъ.

Ученый долго смотрѣлъ на него, шепча ему тѣ слова, которыя обыкновенно замирали у него на губахъ. Наоборотъ, онъ всегда преслѣдовалъ Эленъ своими придирками и сарказмами, за которые она могла бы обидѣться, еслибы не знала ихъ причины. Пьеръ принадлежалъ къ числу влюбленныхъ, любящихъ растравлять свою рану.

На дорогѣ раздалось мычаніе и вскорѣ въ облакѣ пыли появился большой красный моторъ. Въ трехъ закутанныхъ женщинахъ Пьеръ узналъ г-жу Данжэ, Марту и Жаклину Ланфрэ. Онъ рѣшилъ ихъ встрѣтить; сегодня онъ почему-то особенно опасался встрѣчи съ Эленъ.

XII.

Пьеръ съ дамами пошелъ къ теннису ближайшею дорогою. Эленъ съ Женевьевой, шедшія къ замку сосновою аллеей, разошлись съ ними.

Женевьева первая вбѣжала въ гостиную и остановилась, раздосадованная.

— Никого. Напрасно мы не пошли черезъ фруктовый садъ.

— По такому солнцу!

— Пойдемъ назадъ.

— Мы снова разойдемся съ ними!

Обѣ дѣвушки были взволнованы. Во время гулянья между ними произошло объясненіе. Женевьева нервничала и придиралась къ подругѣ, которая, будучи чужда всякой мелочности, съ невозмутимою кротостью переносила ея нападки, не понимая, чѣмъ онѣ вызваны. Сегодня она спросила наконецъ Женевьеву: что̀ означаютъ ея намеки? Въ отвѣтъ на это Женевьева осыпала ее упреками: не она измѣнилась, а сама Эленъ, въ каждомъ словѣ которой чувствуется секретное недоброжелательство. Да, да! Нечего отнѣкиваться. Это такъ. И причина хорошо ей извѣстна. Жакъ, да, Жакъ! Зачѣмъ эта игра въ великодушіе, въ чувства старшей сестры? Теперь она знаетъ, что между нимъ и Эленъ ничего не было. Онъ самъ ей это сказалъ:

— Значитъ, сомнѣнія быть не можетъ!—улыбнулась Эленъ, но Женевьева и тутъ разсердилась.

Что̀ за невозмутимость! Она — выше міра и страстей... Но это не мѣшаетъ ей относиться къ Жаку съ предубѣжденіемъ.

— Ты не можешь понять, какъ это я не влюбилась въ него?

Женевьева вспыхнула, но скоро ея вызывающій тонъ смѣнился жалобнымъ. Она очень несчастна, она не знаетъ, что думать, чему вѣрить. Порою ей кажется, что Жакъ любитъ ее, но затѣмъ она начинаетъ сомнѣваться. Развѣ это возможно, что онъ не полюбилъ Эленъ, которая гораздо красивѣе, умнѣе ея и которая...

— Что такое?—ласково подсказала Эленъ.

— Не богата! — прошептала Женевьева и, опустивъ голову на плечо подруги, заплакала.

Эленъ обняла ее и принялась утѣшать. Какъ она любитъ его!

— Уже давно... Ты не замѣтила? Сначала мнѣ казалось, что онъ влюбленъ въ тебя, потомъ — въ Марту, и я находила это естественнымъ. А теперь, когда онъ сталъ оказывать мнѣ вниманіе, я поняла, какимъ ударомъ будетъ для меня потерять его. Я мучаюсь, ревную, всѣхъ подозрѣваю. Была одна минута, когда я желала видѣть m-me Ланфрэ мертвою... Бѣдная Жаклина! Онъ о ней и не думаетъ, она выходитъ замужъ за г. д'Ормуа. А иногда мнѣ думается... (это очень позорно?), не все ли равно, только бы онъ женился на мнѣ.

— Онъ женится на тебѣ,—сказала Эленъ, стараясь, чтобы въ ея тонѣ не прозвучала нотка ироніи.

Женевьева обняла ее, а Эленъ тихо и серьезно стала ей говорить о томъ, что она обязана вліять на мужа въ хорошемъ смыслѣ. Онъ добръ, безхарактеренъ, съ нимъ можно ладить; они будутъ счастливы...

— Еслибы ты знала, какъ я рада это слышать! Еслибы я была похожа на тебя!

— Я умру старой дѣвой.

— Ну, это мы еще посмотримъ.

Пока онѣ шли домой, Эленъ думала о томъ, что цѣлая полоса ея жизни заканчивается. Съ замужествомъ Женевьевы она покинетъ этотъ домъ, ставшій для нея роднымъ.

Имъ не долго пришлось ждать—скоро онѣ увидѣли возвращавшихся къ замку Жака, Пьера и Марту съ Жаклиною. Посыпались привѣтствія, восклицанія.

— Вамъ пришлось два раза прогуляться... Простите!—извинялась Женевьева.

— Мы играемъ въ прятки,—сказалъ Жакъ:—теперь, m-lle Савенэ, вы пойманы.

— Вотъ именно!—подчеркнула Марта.

— Все хорошо, что̀ хорошо кончается!—добродушно заключила Жаклина.

Жакъ поклонился.

— Это цѣлая философія!

— Моя собственная!—весело отвѣтила она.

Они улыбнулись другъ другу. Жакъ женится, она вторично выходитъ замужъ. Какъ жизнь проста, если люди не пытаются осложнить ее!

Общество направилось къ лужайкѣ, но вдругъ Жакъ вспомнилъ о своей ракеткѣ, которую онъ оставилъ прошлый разъ на балконѣ.

— Я убрала ее. Я сейчасъ ее принесу, если вы подождете,— съ живостью сказала Женевьева.

— Я васъ жду,—отвѣтилъ Жакъ.

— А мы пойдемъ впередъ, — предложила Марта, переглянувшись съ Жаклиной;—вы насъ догоните.

XIII.

Вернувшись съ ракеткой, Женевьева увидѣла одного Жака.

— Какъ вы добры! — сказалъ онъ, поцѣловавъ ея тонкіе, немного дрожавшіе пальчики.

Нѣсколько минутъ они шли молча, наконецъ Жакъ рѣшился. Никогда онъ не найдетъ болѣе подходящаго случая. Не позволитъ ли она сказать ему нѣсколько словъ?

— Если они хорошія,—пошутила дѣвушка: — вы часто говорите милыя слова, но можно ли имъ вѣрить?

Она удивилась собственной смѣлости. Страстное желаніе нравиться, надежда на то, что ее могутъ полюбить — окрасили ея щеки нѣжнымъ румянцемъ.

Жакъ заговорилъ со сдержаннымъ жаромъ, опьяняясь звуками своего собственнаго ласкающаго голоса. Отдаетъ ли она себѣ отчетъ въ томъ, что ея очарованіе способно вызвать у человѣка, имѣвшаго возможность ближе узнать ее, глубокое, искреннее, сильное чувство?

Женевьева молчала и наконецъ, смущенно озираясь, проговорила, что ихъ отсутствіе вѣроятно замѣчено.

— Кѣмъ? Вашъ братъ очень радъ, что съ нимъ m-lle Эленъ; отецъ вашъ сидитъ съ барономъ; m-me Ланфрэ думаетъ о томъ, что она скоро будетъ съ г. д'Ормуа́; а m-lle Марта мечтаетъ о томъ, кто будетъ съ нею.

— Вы читаете въ мысляхъ?

— Очень плохо, такъ какъ напрасно пытаюсь угадать то, что̀ скрывается подъ этимъ бѣленькимъ лбомъ. Отказъ или согласіе прочту я въ этихъ глазахъ, которые то улыбаются, то избѣгаютъ моего взгляда? Говорите.

— Кажется, говорить долженъ въ такихъ случаяхъ мужчина?— принужденно разсмѣялась Женевьева.

— Вы не такая, какъ всѣ! Вашъ голосъ — такой чистый, ваша прелесть, совсѣмъ особенная — внушаютъ мнѣ чувство благоговѣйной нѣжности и почтенія, какого я не испытывалъ ранѣе. Я не смѣю, не рѣшаюсь...

Они остановились на поворотѣ аллеи. Черный дроздъ заливался гдѣ-то по близости.

Женевьева, очень взволнованная, попробовала пошутить. Она не считала его такимъ робкимъ. Но Жакъ уже увлекся. Это была его лучшая рѣчь. Онъ говорилъ о счастьѣ, на которое не смѣетъ надѣяться, о своихъ сомнѣніяхъ, о борьбѣ съ собою. Сколько разъ признаніе готово было сорваться съ его губъ...

— Клянусь вамъ. Я говорилъ себѣ: даже схоронивъ мать, я пріобрѣту лишь сравнительное довольство; цѣною всѣхъ усилій и трудовъ я не завоюю такого положенія, которое было бы достойно той, кого я люблю. Рядомъ съ нею я всегда останусь жалкимъ бѣднякомъ...

Женевьева трепетала. Неужели онъ откажется отъ нея? Но Жакъ, все болѣе и болѣе увлекаясь, снова заговорилъ о своей любви. У него больше нѣтъ силъ бороться съ нею. Онъ выдалъ свою тайну. Онъ взялъ ея дѣтскую ручку и крѣпко сжалъ ее. Она прошептала почти грустно:

— Значитъ нужно вамъ вѣрить?

— Обидныя сомнѣнія? Вы поплатитесь за нихъ. Скажите: да!

Онъ уже обвилъ рукою ея тонкую талію, но она выскользнула.

— Идутъ... Кажется, Пьеръ? Я говорила, что насъ ищутъ...

Это былъ дѣйствительно Пьеръ—очень недовольный.

— Что же это? А твои гости? А теннисъ?

— Не ворчи, Пьеръ! Мы съ Жакомъ разыграли серьезную партію. Спроси у него.

Пьеръ поправилъ pince-nez, улыбнулся.

— Это правда, Жакъ? Вашу руку. Поцѣлуй меня, сестричка. Я уже давно прочелъ твою тайну въ твоихъ глазахъ.

Она разсмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Ты научился читать въ глазахъ молодыхъ дѣвушекъ? Браво! Куда? Опять въ свою лабораторію? Мы тебя не отпустимъ.

Развѣ ты не обязанъ быть милымъ? Я выйду замужъ, Эленъ уѣдетъ... Побудь съ нами.

— Эленъ уѣдетъ?—машинально повторилъ Пьеръ.

— Конечно. Что же ей дѣлать здѣсь безъ меня? Будь съ нею полюбезнѣе. Почему вы всегда ссоритесь? Ну, Жакъ, побѣжимъ!

Пьеръ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Все закружилось у него въ мозгу. Женевьева выйдетъ замужъ, Эленъ уѣдетъ... Ему показалось, что вокругъ него образовалась пустота. Голосъ съ иностраннымъ акцентомъ окликнулъ его:

— Что съ вами, мосьё Савенэ? Вы больны?

— Кажется!

— Больной врачъ? Это забавно. Но я предсказываю, что вы скоро выздоровѣете. Въ одно время со свадьбою Женевьевы...

— Благодарю васъ... княгиня.

— Покуда еще нѣтъ. Я проницательна? Конечно. Вѣдь я—не ученый, который не видитъ дальше кончика своего носа... Вы куда смотрите? Никого нѣтъ. Я люблю васъ обоихъ съ Женевьевой, и такъ какъ мы всѣ трое, къ счастію, богаты, то должны вступать въ бракъ съ бѣдными. Это — правильное распредѣленіе богатствъ. Вотъ вамъ мой рецептъ...

Вдали между зеленью деревьевъ мелькнуло палевое платье Эленъ. Анни разсмѣялась.

— Легка на поминѣ!

Эленъ подошла, дѣвушки дружески поздоровались, затѣмъ Эленъ обратилась къ Пьеру:

— Вы желали со мною говорить? Женевьева сказала мнѣ...

Передъ нимъ словно разверзлась бездна. Смутный страхъ и радость охватили его.

— Я?—пробормоталъ онъ.—Женевьева сказала?

— Какая умница! Сейчасъ пойду поцѣлую ее. Ну, не буду вамъ мѣшать.

Анни скрылась за деревьями. Яркая краска залила нѣжное, гордое лицо Эленъ. Ея глаза опустились передъ его взоромъ.

— Эленъ, мы слишкомъ долго не понимали другъ друга. И виною этого—вы.

— Я?—повторила она, не будучи въ силахъ овладѣть собою.

— Да, ваша гордость, ваше равнодушіе. А я слишкомъ любилъ васъ и — ревновалъ и безумствовалъ... Только сегодня, при мысли о томъ, что вы можете уѣхать, я понялъ, что съ вашимъ отъѣздомъ все кончится для меня... Жизнь потеряетъ всякую цѣну...

У него перехватило горло. Эленъ порывисто протянула ему руки.

— Если я виновата, я хочу искупить мою вину!

Ихъ глаза встрѣтились, они впервые прочли въ душѣ другъ у друга. И въ то же время они словно впервые увидѣли безоблачное небо, улыбающійся паркъ, золотое сіяніе надвигавшагося вечера...

Пьеръ, какъ безумный, сталъ цѣловать ея руки.

Они медленно подходили къ группѣ играющихъ. Обѣ матери сидѣли тутъ же въ тѣни платана, за маленькимъ столикомъ. Г-жа Данжэ съ затаенной ненавистью глядѣла на г-жу Дорли, угадывая въ ней побѣдительницу. Добилась таки своего!

Марта не завидовала Женевьевѣ. Богатая, романтично настроенная — не радостна будетъ ея жизнь съ Жакомъ! А она сама? Неужели кончитъ Мейерлейномъ?

Анни подошла къ ней и шепнула:

— Не грусти. У меня есть для тебя женихъ. Богатый, красивый, тридцать-два года. Хочетъ жениться по любви...

— Давай его сюда!—разсмѣялась Марта, но на душѣ у нея было грустно. Пятый счетомъ!

Вѣчная постыдная охота за женихами.

Съ франц. О. Ч.

НА ЗАКАТѢ

Изъ Поля Верлена

Тихо меркнетъ заря...
Словно пурпуръ, горя,
Сыплетъ блескъ на поля и долины...
Но, какъ слезы очей,
На долинѣ лучей
Дышатъ грустью живые рубины...
Тихо никнетъ усталое солнце къ землѣ...
Плачутъ горы, томясь въ заключеньи...
Стонетъ чайка вдали... И на моря челѣ
Виденъ слѣдъ рокового мученья...
Сердце вторитъ той грусти, и гаснутъ мечты...
Вмигъ тревогою сердце объято...
Вижу призракъ пурпурный... О, призракъ, кто ты?
Это ты мнѣ являлся когда-то?

Зинаида Ц.

ЧЕГО ПРОСИТЪ ДЕРЕВНЯ?

Давно ли Глѣбъ Ивановичъ Успенскій мечталъ о томъ, чтобы „крѣпкая крестьянская дума“ о землѣ вышла изъ-подъ соломенной крыши, перестала быть „одинокой“ и сдѣлалась общественнымъ достояніемъ? „Когда только это случится—говорилъ онъ,—конецъ кабаку, конецъ деревенскому навозу, деревенской пьяной дракѣ, деревенской безпомощной болѣзни, безслѣдной смерти и всякому грабежу. Деревня немедленно „укупитъ“ столько земли, сколько хватитъ глазъ, и не будетъ ждать ни „чернаго передѣла“, ни „генеральной межи“... Самъ печальникъ народный не дожилъ до нашихъ дней, но мы, свидѣтели освободительнаго движенія, дѣйствительно пережили нѣчто такое, что современникамъ Глѣба Ивановича могло казаться несбыточной мечтой.

„Крѣпкая мужицкая дума“ не только вышла „изъ-подъ соломенной крыши на сходку“, но и разлилась въ цѣлый потокъ народнаго движенія. Эта „крѣпкая мужицкая дума“ захватила умы всего русскаго общества и виситъ надъ страной черной, неразрядившейся тучей. При такомъ широкомъ размахѣ надо бы, кажется, мечтамъ Глѣба Ивановича осуществиться: мужикъ долженъ бы основаться при землѣ, долженъ бы наступить конецъ всему деревенскому безобразію... Однако, намъ приходится еще стоять передъ запертыми дверями культурной жизни, приходится еще мечтать и чуть ли не гадать на бобахъ. Думается, что теперь какъ-разъ бы самая пора покопаться въ прошломъ, посчитаться съ самими собой, поискать „способовъ“. Ужъ если мы срѣзались на экзаменѣ, то надо готовиться къ переэкзаменовкѣ...

Припомнимъ, какъ шло у насъ дѣло съ ростомъ „крѣпкой

мужицкой думы". Вѣдь въ теченіе какихъ-нибудь пяти-шести лѣтъ мы переживаемъ ужъ третій фазисъ ея развитія.

Не далѣе какъ въ 1902—1903 гг., въ литературѣ и въ оффиціальныхъ коммиссіяхъ имени покойнаго Плеве обсуждался *крестьянскій вопросъ*. Въ то время само крестьянство еще дремало „подъ соломенной крышей" и мечтало втихомолку „о даровыхъ прирѣзкахъ". Демократическая же интеллигенція горячо спорила, подходя къ вопросу съ двухъ „непримиримыхъ" точекъ зрѣнія: марксистской и народнической. Это было время, когда мужикъ былъ низведенъ на степень мертваго статистическаго матеріала. Въ глазахъ интеллигента-спорщика онъ былъ тогда „тѣмъ таинственнымъ незнакомцемъ", котораго можно было именовать „лошаднымъ — безлошаднымъ, правомочнымъ — маломочнымъ" и т. д. въ этомъ же родѣ. Къ имени мужика приписывался обыкновенно какой-нибудь коэффиціентъ въ нуль цѣлыхъ съ дробью, и въ зависимости отъ его величины люди объявляли себя или друзьями, или противниками...

Правительство насчетъ мужика было спокойно. Оно ограничивалось разговорами въ коммиссіяхъ, прощало изрѣдка безнадежныя недоимки, выколачивало болѣе надежныя, и время отъ времени для малограмотныхъ читателей вывѣшивало нарядные плакаты съ призывомъ не мечтать о „даровыхъ прирѣзкахъ земли". Мужикъ былъ благонадеженъ. Въ правительственныхъ кондуитахъ стояла такая крупная пятерка ему за поведеніе, что „совѣщаніе" временъ Булыгина увѣренно основало на ней избирательный законъ 6-го августа. Совѣщаніе ошиблось. И одна изъ крупнѣйшихъ тактическихъ оплошностей части нашей интеллигенціи заключалась именно въ томъ, что она не учла этого промаха. Ошибка противника была поставлена подъ бойкотъ. Бойкотъ былъ тѣмъ болѣе непростителенъ, что къ тому времени *крестьянскій вопросъ* уже обратился въ грандіозный *аграрный вопросъ*.

Въ какой-нибудь годъ времени *аграрный вопросъ* успѣлъ всколыхнуть мужика во всю и вмѣстѣ съ тѣмъ захватилъ съ головой интеллигентнаго обывателя. Для характеристики этого періода достаточно припомнить хоть только одну „эпоху возрожденія" профессіонально-политическихъ союзовъ и партій. Какъ грибы въ дождливую пору, появлялись они на поверхности дрогнувшей обывательской жизни и всѣ до послѣдняго принимали аграрную программу. Мужикъ обогатился невѣроятнымъ количествомъ друзей и доброжелателей. Онъ праздновалъ свои рѣдкія, чисто Касьяновскія именины.

Не было партіи, не было союза, которые не ставили бы для своихъ членовъ обязательства „пойти навстрѣчу интересамъ изголодавшагося крестьянства“. Даже такія организаціи, какъ союзы фармацевтовъ, мелкихъ столичныхъ чиновниковъ и служащихъ столичнаго самоуправленія, даже союзы оперныхъ и балетныхъ артистовъ—всѣ они серьезно и упорно разбирались въ области аграрныхъ отношеній настоящихъ и будущихъ, писали на своихъ знаменахъ формулу демократическаго разрѣшенія аграрнаго вопроса. Въ то время нельзя было представить себѣ ни одной организаціи безъ тяготѣнія къ мужику. Появленіе какой-нибудь программы безъ проекта разрѣшенія аграрнаго вопроса было бы тогда не менѣе страннымъ и невѣроятнымъ явленіемъ, чѣмъ, напримѣръ, появленіе на улицахъ Петербурга говорящихъ лошадей. И политическія партіи, отъ аристократически-буржуазныхъ до ортодоксально-пролетарскихъ включительно, расписались въ своихъ симпатіяхъ къ мужику.

Это исключительное вниманіе къ мужику и землѣ дошло до своего кульминаціоннаго пункта къ моменту созыва первой Думы. Возможно, что при иныхъ обстоятельствахъ сильно колебавшаяся чашка историческихъ вѣсовъ могла перевѣсить въ сторону мечтаній Глѣба Успенскаго. Этого, какъ извѣстно, не случилось. Исторія пошла по другому пути, и „крѣпкая крестьянская дума“ оказалась въ рукахъ современнаго „землеустроительства“. Наступилъ третій фазисъ ея развитія.

Особенность этого третьяго фазиса заключается въ томъ, что онъ совершается безъ активнаго участія интеллигентныхъ силъ страны. Двѣ наиболѣе заинтересованныя стороны—правительство и крестьянство—сошлись безъ посредниковъ для рѣшенія вопроса не на столбовой дорогѣ парламентаризма, гдѣ „шумятъ народные витіи“, а тамъ, въ глубинѣ провинціи, на глухомъ проселкѣ, — сошлись не совсѣмъ-таки дружелюбно; но понемногу дѣло пошло. Иниціатива такой постановки принадлежитъ не мужику, конечно. Онъ вынужденъ былъ принять позицію, но тѣмъ не менѣе союзъ между мужикомъ и интеллигентомъ нарушился. Та историческая пропасть между народомъ и интеллигенціей, на которую съ испоконъ вѣковъ жаловался народникъ, какъ будто снова зазіяла. Чуткій интеллигентъ замѣтилъ это раньше мужика, замѣтилъ и какъ-то сразу осѣлъ, охладился: „Вотъ тебѣ и „Самсонъ“!—подумалъ интеллигентъ:—мы-то назначили ему срокъ, чтобы онъ попріубрался маленько съ хлѣбами и грянулъ: „Погибни душа моя вмѣстѣ съ филистимлянами!“—а „онъ“, вмѣсто того, полѣзъ въ землеустроительную коммиссію!“ И смутная не-

ловкость обуяла всѣхъ; если не на устахъ, то на умѣ вертѣлась одна и та же докучливая мысль: мужикъ измѣнилъ. Люди болѣе откровеннаго пошиба сказали прямо и рѣшительно: „Народъ—обманщикъ!“

У интеллигента есть перо, способность излить свои думы на бумагѣ и какая-ни-какая пресса. У мужика ничего этого нѣтъ, и мы никогда не услышимъ и не увидимъ весьма поучительной полемики на эту тему. Но несомнѣнно, что и мужикъ въ свою очередь изрядно-таки косится въ сторону своего вчерашняго друга—интеллигента. Вотъ что̀, напримѣръ, пишетъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, „сознательный“ деревенскій парень: „Мужику живется въ деревнѣ очень плохо. Сушитъ-крушитъ все та же матушка-земля. Изъ рукъ вонъ выбилась. Помѣщикъ, который остался, нипочемъ не отдаетъ, чтобы крестьяне работали у него изъ-за куска. За это онъ почитается хорошимъ хозяиномъ, ведетъ „культурное“ дѣло. Рядомъ съ нимъ стоитъ „рендаторъ“ крестьянскаго поземельнаго банка. Этотъ такъ повысилъ цѣны, что перешибъ прежнихъ помѣщиковъ. Въ нашемъ районѣ десятина казенной мѣры стоитъ 20—25 рублей. Онъ знаетъ, что мужикъ безъ земли—что рыба безъ воды: сколь съ него ни положи—заплатитъ, изъ шкуры вылѣзетъ, а отдастъ. Подобный примѣръ беретъ и самъ поземельный банкъ. Онъ цѣны на землю держитъ одинаковыя съ „рендаторами“, да еще искуснѣе хозяйничаетъ. Отъ насъ недалеко есть банковское имѣніе, такъ завѣдующій распахалъ чуть ли не улицы въ деревняхъ. Затѣмъ и свой братъ мутитъ бѣдняковъ. Кулаки наши, опираясь на законъ 9 ноября, начинаютъ подбивать бѣдняковъ, дабы они укрѣплялись въ собственность. Мечтаютъ, дескать, потомъ я ихъ откуплю на-вѣчно, хотя они и такъ изъ его пользованія не выходятъ. И за всѣмъ тѣмъ повинности выколачиваютъ: и казенныя, и земскія, и мірскія, и за продовольствіе—за рожь, за овесъ, за отрубь... Мужикъ платитъ за все хладнокровно. Какъ нечѣмъ платить—спину парятъ. И опять-таки мужикъ переноситъ хладнокровно, говоря: „ну, что̀ жъ, у Христа тѣла много—наростетъ“. Основываясь на всемъ этомъ, вы можете видѣть, какъ живется мужику“...

Обрисовавъ такимъ образомъ мужицкую нужду, парень дѣлаетъ своеобразную попытку „найти виноватаго“: „Куда ни взгляни,—продолжаетъ онъ,—по мужичьему вопросу ничего нигдѣ не слышно: не говорятъ и не пишутъ. Загляни въ любую газету, тамъ—торъ да ёръ, да частный переборъ, а про мужика

опять-таки ничего... Отчего? Хорошо ему и такъ, нечего про него писать. Онъ и такъ всѣми удовольствіями удовлетворенъ"...

Парень не настолько, разумѣется, наивенъ, чтобы въ газетныхъ писаніяхъ видѣть панацею; но то, что мысль его работаетъ въ эту именно сторону—характерно.

Читатель, вѣроятно, не прочь былъ бы услышать отъ меня болѣе точное истолкованіе фразы: „Мужикъ изрядно-таки косится въ сторону вчерашняго друга—интеллигента". Что̀ подъ этимъ надо подразумѣвать? Поправѣлъ ли мужикъ, или поумнѣлъ, или, можетъ быть, впалъ въ отчаяніе? Я долженъ сознаться, что эти вопросы меня самого долго мучили; поэтому, при всякомъ благопріятномъ случаѣ, какъ только приходилось сталкиваться съ людьми деревни, я заводилъ разговоры именно на эту тему. Приходилось толковать съ людьми разныхъ доступныхъ мнѣ ранговъ: и съ волостными старшинами, и съ хозяйственными мужичками, „кои къ землѣ больше липнутъ", и съ только-что вышедшими изъ тюрьмы „лапотными интеллигентами". Говорилъ даже съ богомольцами и бурлаками-землепроходами. Всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, словно сговорились:

— Куда тамъ? Народъ не тотъ сталъ... Озорной народъ...

— „Вставай, поднимайся" поютъ?

— Какъ еще горланятъ!

— А стражники за это не бьютъ?

— Какъ можно безъ этого? Нѣкоторымъ здорово-таки влетаетъ... да что̀ подѣлаешь, до поры терпѣть приходится...

Какъ-то въ Балашовѣ, на вокзалѣ, разговорился я съ пензенскими мордвами. Большой артелью они ѣхали въ Одессу на работу и мечтали о той сытной пищѣ, которая ихъ ожидала на мѣстѣ.

— А ты не ѣшь, не ѣшь много-то! — подталкиваетъ радостный парень другого:—тамъ мясо будемъ ѣсть!...

— Ого-го!—ржетъ тотъ отъ предвкушаемаго удовольствія и повторяетъ нараспѣвъ:—Мясо будемъ ѣсть! поѣдимъ мясца!..

Они разсказали, что ѣдутъ на прежнее мѣсто, къ старому хозяину, который прислалъ письмо и зоветъ. Прошлое лѣто работали они въ гавани, грузили корабли. Работа была сходная: пятнадцать рублей и харчи. Харчи хорошіе: мясо во щи, сало въ кашу, калачъ... Но пришелъ къ хозяину приказъ, чтобы всѣ грузчики записались въ „союзъ русскаго народа", надѣли значки. Кто не запишется, того — вонъ! И они тогда всей артелью, вся „Пеньзя толстопятая", отказались, уѣхали домой въ деревню. —„А въ деревнѣ-то... у-у! прямо помирай и то мало! хлѣба

нѣтъ, дѣловъ нѣтъ, подушное подавай: плыть да быть!.. а то на смерть убьютъ. Ну, теперича, слава Богу, хозяинъ старый опамятовался: всѣхъ, кто изъ „союза"—вонъ, чтобы ни одного! Слухъ былъ: товаровъ много пропадало, не углядишь".

— Что-жъ вы въ „союзъ" не записались?

Мордвинъ хитро прищурилъ подслѣповатый глазъ.

— Кто его знаетъ, что̀ оно такое—этотъ „союзъ русскаго народа".

— Извѣстно что̀: за вѣру, царя и отечество.

— Слыхали мы это... Нѣтъ, намъ онъ не съ руки!..

Другой, не менѣе характерный отвѣтъ слѣдующій:

— Поправѣлъ ли, ты гришь... мужикъ, тоись? — перебилъ мой вопросъ одинъ изъ „хозяйственныхъ".—Какъ же, голова, поправѣть ему, коли направо-то отъ него стоятъ черкесъ съ чинжаломъ, стражникъ съ плеткой и, скажемъ, казакъ!.. Скажи ты мнѣ на милость, какъ ты пойдешь въ ихню сторону? Къ примѣру вотъ скажемъ: гонятъ они подушное. И съ перваго разу, не спроша тебѣ слова, прямо, Господи благослови: бацъ — въ морду!.. хлысть — вдоль спины!.. Натѣшатся, апосля: „такъ и такъ, за тобой причитается столько-то... вынимай!" Вынешь, отдашь. „Вы бы, ироды, допрежь чѣмъ бить людей занапрасно, насчетъ денегъ бы сказали... може, кто безъ побоевъ отдастъ?" „Нельзя—слышь—равенство народу полагается"...

Эта характеристика современнаго состоянія деревни очень типична. Трудно, дѣйствительно, поправѣть при такихъ порядкахъ. „Да, поправѣть трудно, — скажетъ читатель, — но за то легко впасть въ безнадежное отчаянье. Вѣдь сносить годами такой дикій произволъ невозможно, особенно при проснувшемся сознаніи". Но, представьте себѣ, мужикъ не впадаетъ въ безнадежное отчаяніе; онъ „переноситъ все хладнокровно", или, если хотите — впадаетъ иногда, но не отъ мордобитія, а отъ другихъ причинъ. У мужика есть другая болячка, болѣе чувствительная, чѣмъ полицейскій произволъ. Болячка эта — „крѣпкая дума о землѣ". Она не только не даетъ развиться, до поры до времени, отчаянію, но иной разъ родитъ въ мужицкой головѣ даже чрезмѣрный оптимизмъ и особую, чисто дѣтскую, мечтательность. Мужикъ впадетъ въ мрачное, можетъ быть свирѣпое отчаяніе только въ такомъ случаѣ, если окончательно сорвется „крѣпкая дума".

Остается, слѣдовательно, сдѣлать послѣднее предположеніе, что мужикъ поумнѣлъ. Конечно, онъ не могъ поумнѣть настолько, чтобы совсѣмъ отказаться отъ интеллигентной помощи. Кромѣ

ума вѣдь необходимы знанія, необходимо умѣнье пользоваться научнымъ и историческимъ опытомъ, словомъ—необходимо обладать всей той суммой исторически-нарощеннаго человѣчествомъ культурнаго багажа, безъ котораго и умный остается въ дуракахъ. Поэтому, поумнѣвъ, мужикъ (я разумѣю передового мужика) не открещивается отъ близости съ интеллигенціей; напротивъ, онъ ищетъ эту близость, но вмѣстѣ съ тѣмъ на мякинку „революціоннаго" фразерства не идетъ, разбираетъ интеллигента по статьямъ, критикуетъ. Особенный толкъ въ этомъ дѣлѣ понимаютъ тѣ мужички, которые посидѣли въ тюрьмѣ. Такіе теперь имѣются почти въ каждой деревнѣ.

Не дальше какъ на дняхъ я бесѣдовалъ съ однимъ. И онъ развивалъ слѣдующее:

— Вѣдь мы дураки-то какіе были! Пріѣдетъ къ намъ въ деревню какой-нибудь вьюношъ, соберетъ народъ въ овражкѣ, говоритъ эдакъ... машетъ руками: „ну, этотъ за насъ"! Увидимъ печатную бумажку и вѣримъ ей, потому напечатано, а что̀ напечатано — свято! Диви еще, какъ провокаторовъ да шпіоновъ было мало, а то бы живьемъ сглонули... На, бери голыми руками!.. Ну, теперь поумнѣли маленько. Теперь народъ не столь глядитъ на руки, сколь въ рѣчь вникаетъ, съ разборомъ чтобъ... Ежели ты нашъ человѣкъ, то чтобъ какъ слѣдуетъ быть. А то, наслушался я ихъ въ тюрьмѣ-то! Одинъ кричитъ: „къ мужику надо всегда подходить съ земельнаго вопроса!" Другой: „я могу любую деревню съорганизовать, начну о землѣ говорить и сведу на что угодно! Послѣ земли мужикъ на все согласится"... Имъ что̀? Одинъ пріѣхалъ, провелъ свою резолюцію, скачетъ къ своимъ: „вотъ, смотрите, всѣ голопятовцы въ эсдеки записались"!.. За нимъ другой: „распишитесь въ эсеровцы! у насъ лучше"... Ра-асписываются. Тамъ, глядишь, третій скачетъ: „Мы анархисты! Лѣвѣе насъ и быть нельзя..." —Ну что-жъ, намъ все единственно, что больше—то лучше... Пиши въ анархисты... А вотъ когда теперь время-то настоящее пришло, пошла разверстка земли, затрещала матушка-деревня—гдѣ они? Нѣтъ никого, посовѣтоваться не съ кѣмъ... Вишь-ты—плюютъ: „пры-ынцыпы нарушены"... Что-жъ теперь намъ не жрамши сидѣть что-ль?.. Аль съ попомъ шалы-балы разговаривать?.. Въ деревню требуется настоящій интеллигентъ, бывалый, дѣловой, крѣпкій, а его и понюхать-то нѣтъ...

— Не надо забывать, что реакція: къ вамъ и не пробершься,—вмѣшался было я...

— Раакція, ты говоришь? Однѣ отговорки! Въ тюрьмахъ-то

не знай кого больше... и въ ссылкѣ тожъ. Что-жъ что темно? Жить-то вѣдь надо? Вонъ, сейчасъ на улицѣ зги не видать. Фонарщикъ взялъ бы да сказалъ: не пойду нонче фонари зажигать — темно, какъ бы глазъ не выколоть". Нѣ-тъ, братъ, ежели ты, къ примѣру, интеллигенція, свѣтъ міру, то нечего лынять! иди! свѣти-и. Ночью онъ, свѣтъ-атъ, нужнѣе... отъ-што!

Такъ жалуется сознательный мужикъ на интеллигенцію. Жалоба его осмысленна хотя бы ужъ потому, что имѣется объектъ, есть на кого пенять. Масса же стонетъ молча, или жалуется Богу. „Вотъ ужо!.. вотъ-вотъ еще, дастъ Богъ, годокъ-другой перетерпѣть... тогда ужъ... тогда-а"!.. Особенно нудное впечатлѣніе производятъ эти жалобы послѣ пережитаго „обмана" — того самаго „обмана", который, казалось бы, рѣшительно никому никакой пользы не приноситъ. Такой обманъ родится обыкновенно на почвѣ мужицкаго легковѣрія, незнайства. Будь подъ рукой толковый, знающій человѣкъ, и „обмана" этого не было бы. Самая тяжелая форма „обмана" — та, которая происходитъ на почвѣ „крѣпкой мужицкой думы", т.-е. земли. Эту слабость мужицкую подмѣтили не одни „крестьянскіе работники" лѣвыхъ партій; она извѣстна также ихъ политическому противнику. И вотъ теперь, когда мужикъ въ массѣ предоставленъ ему, — этому противнику, — на полное и единоличное попеченіе, пошла въ ходъ самая досадная форма „обмана". Не такъ давно судьба послала мнѣ случай понаблюдать „*большой обманъ*" въ обѣихъ его стадіяхъ: очарованія и разочарованія.

Дѣло было на желѣзной дорогѣ. Пришлось мнѣ проѣхать туда и обратно по одной изъ тѣхъ дорогъ, которыя служатъ главнымъ образомъ для перевозки переселенцевъ. До поѣздки въ газетахъ частенько попадались мнѣ свѣдѣнія о силѣ переселенческаго движенія по этой именно дорогѣ, но какъ-то они не родили живыхъ образовъ, не были такъ назойливо чувствительны. Писали, что за какой-нибудь мѣсяцъ число переправленныхъ переселенческихъ семействъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. При этомъ писали также, что и обратно переселенцы ѣдутъ въ громадномъ количествѣ. Для бо̀льшаго, очевидно, эффекта полуоффиціальное петербургское агентство даже примѣняло къ переселенцамъ термины, принятые отнюдь не для пассажировъ, а скорѣе для грузовъ самаго низко-тарифнаго сорта, которые мѣсяцами валяются по открытымъ платформамъ станцій. Оно извѣщало, что „на желѣзной дорогѣ *залежи* переселенцевъ"... И дѣйствительно „залежи" были. На всѣхъ узловыхъ и просто

большихъ станціяхъ помѣщенія третьяго класса были набиты грудами живыхъ переселенческихъ тѣлъ. Люди плотной стѣной стояли на полу, лежали въ повалку на узлахъ, подъ узлами, на лавкахъ, подъ лавками... Визгъ и ревъ сотенъ дѣтей, стоны больныхъ, ропотъ взрослыхъ, ругань начальства—все это висѣло въ вонючемъ сыромъ воздухѣ, вызывая головную боль и тошноту. Такія же толпы и груды народа виднѣлись на платформахъ, въ сѣняхъ, въ дощатыхъ сараяхъ, въ конскихъ вагонахъ. „Жили" такъ переселенцы по нѣскольку дней, въ ожиданіи отправки.

Я прибылъ на вокзалъ прямо къ отходу поѣзда. Прошу носильщика проводить меня къ вагону, тороплю его.

— А вы не особенно торопитесь: у насъ поѣзда отходятъ всегда съ опозданіемъ,—утѣшаетъ носильщикъ.

— Почему отходятъ съ опозданіемъ?—недоумѣваю я:—развѣ поджидаютъ прихода другихъ поѣздовъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—солидно поясняетъ тотъ:—у насъ переселенческій трактъ.

Пошли искать мѣсто, обошли всю длинную цѣпь дряблыхъ вагоновъ. Въ концѣ концовъ, пришлось примоститься бочкомъ въ такъ-называемомъ вагонѣ „для некурящихъ". Поѣздъ былъ переполненъ переселенцами до послѣдней степени. Люди сидѣли на лавкахъ, на полкахъ, на полу, толпой стояли въ проходахъ. И что особенно бросалось въ глаза, такъ это обиліе дѣтей. Ребятишки всѣхъ возрастовъ копошились въ вагонѣ, какъ пчелы въ роевнѣ. Несмотря на давку и тѣсноту, въ вагонѣ журчала веселая дѣтская жизнь, и это обстоятельство какъ-то скрашивало всю невозможную обстановку.

Какъ водится, мы скоро познакомились, разговорились. Никто изъ ребятъ и женщинъ не знаютъ мѣста, куда ѣдутъ. Одна баба пыталась было назвать Акмолинскую область, долго ломала языкъ и все-таки не выговорила. Дальше въ пути разговоръ сталъ общимъ, и вотъ что разсказалъ мужикъ, казавшійся наиболѣе развитымъ, объ ожидавшей ихъ „обѣтованной землѣ". Разсказъ пользовался общимъ сочувствіемъ и одобреніемъ; переселенцы прямо-таки смаковали его.

— Земли даютъ много. Не знаю именно сколько, но такъ много и такой доброй, что тѣ, которые переселились въ прошломъ году, имѣютъ по три лошади, по пяти паръ воловъ, овецъ по десятку, коровы... и-и!.. богато живутъ! Лѣсу руби—сколько угодно, на хату ли, на дрова... Луга вольные...

— Откуда вы все это знаете?

— Человѣкъ говорилъ... и книжку читалъ; тамъ все значится.

— И о прошлогоднихъ переселенцахъ: сколько у кого скота?

— Все, какъ есть!.. Сѣна, къ примѣру, коси, сколько сможешь. Рыбы въ рѣкахъ такъ много, что и помыслить нельзя: пошла одна баба черезъ рѣчку въ бродъ и застряла ногами въ рыбѣ и ногъ вытащить не можетъ... вотъ какая рыба... руками ловятъ!

Въ этомъ мѣстѣ разсказа бабы и ребятишки взвизгнули отъ удовольствія: „Вотъ какъ!..“

— Да, ничего таки, будетъ къ чему руки приложить, была бы охота! Черезъ годъ, черезъ два подѣлаются такими „богатырями“, что на „полтавщини“ и подумать не смогутъ.

Черезъ недѣлю я ѣхалъ той же дорогой обратно. И въ этотъ конецъ поѣзда отходили съ обязательнымъ опозданіемъ. Вагоны полны *обратными переселенцами;* я научился ихъ отличать при первомъ знакомствѣ съ „залежами“. По внѣшности они почти не мужики: одѣты въ драные остатки городского платья, ничего домотканнаго. Бабы слезливы и тощи, мужчины—съ злыми, раздражительными манерами. Что̀ опять-таки поражаетъ, такъ это—полное отсутствіе дѣтей: видно сразу, что люди ѣдутъ съ семьями, а ребятишекъ—ни одного. Вопреки мужицкому обычаю, люди эти очень молчаливы, въ разговоръ вступаютъ неохотно. Начнетъ что-нибудь причитающимъ голоскомъ заморенная баба, а мужикъ ужъ кричитъ сквозь зубы:

— Цы-ыть!

На одной изъ станцій вошла въ вагонъ женщина съ ребенкомъ, изъ мѣстныхъ. Ребенокъ заплакалъ. Боже мой, что̀ произошло съ бабами-переселенками: онѣ злобно накинулись на женщину, стали ее ругать за то, что плачетъ ребенокъ.

— Выкинуть его вонъ! вонъ!!.. чтобы не пищалъ!—кричала одна громче всѣхъ.

И женщина съ ребенкомъ не выдержала, ушла изъ вагона. Мы все-таки разговорились въ концѣ концовъ. Оказалось, что у бабы-переселенки было четверо дѣтей, и всѣ умерли въ Сибири: который—горлышкомъ, который—животикомъ, который—„Господь его знаетъ съ чего“. У другой бабы тоже были дѣти, всѣ они остались тамъ.

— Да и хорошо сдѣлали, что всѣ поумирали. Господь прибралъ ко времячку, а то бы все равно...

Вопросъ о дѣтяхъ меня навелъ на мысль пройтись по поѣзду и посмотрѣть, какъ въ другихъ вагонахъ. Хмурыхъ, злыхъ переселенцевъ было много, но всѣ они ѣхали безъ дѣтей... И вагоны отъ этого казались совсѣмъ не такими веселыми, какъ

при проѣздѣ „туда“. Могильнымъ холодкомъ вѣяло отъ нихъ. Разговоры тоже носили отпечатокъ могилы. Говорившіе мужики словно передѣлались въ Сибири, перестали быть мужиками съ „крѣпкой мужицкой думой“ въ головѣ.

— А на что она намъ, земля-то? Что мы ее не видали что-ли? Пріѣдемъ *домой*—какъ ни какъ, а по три аршина на брата отведутъ...

— И довольно!

— До-вольно... съ лишкомъ!

— Неужели вы не знали, что̀ ждетъ васъ въ Сибири, когда ѣхали?—спрашивалъ я.

— Какъ не знать? Знали мы много; кабы поменьше знать, не поѣхали бы. Было кому на разумъ наставить, а мы вѣдь прыткій народъ... Ну да, подожди!.. ужо!..

Такъ жалуется на свою обиду уродливое явленіе русской жизни: обманутый *обратный* переселенецъ. Кому онъ нуженъ такой: жалкій, озлобленный, голодный, разочарованный, мечтающій о „трехъ-аршинномъ надѣлѣ“? Неужели государству!?..

Для болѣе полной характеристики „обмана“ разскажу еще одинъ результатъ моихъ наблюденій. Онъ почти аналогиченъ съ первымъ и также совершается на почвѣ „крѣпкой мужицкой думы“.

Заходитъ ко мнѣ „повидаться“ старый пріятель, среднехозяйственный мужичокъ изъ N—скаго уѣзда. Самъ весь сіяетъ, радостный: успѣлъ побывать у губернатора, у ликвидатора и въ банкѣ.

— Ну, кумъ, скажи — слава Богу!

— Что такъ?

— На хутора подаемся!—Мужичокъ принялся разсказывать съ жаромъ, захлебываясь отъ успѣха. —Голицынскій участокъ знавалъ?.. Вотъ, что̀ по нашей рѣчкѣ эдакимъ манеромъ протянулся?.. Ну вотъ, весь изрѣзали на участки, только, значитъ, рѣчку съ лугами оставили... къ ей не подпущаютъ... Такъ вотъ я тебѣ скажу: первѣющая земля. Перво-на-перво прорѣзали улицу, кругомъ участочки: пятнадцать десятинъ, двадцать, тридцать... самый большой, смотри, сорокъ-пять... какъ четыре двора—колодецъ, какъ лощинка—прудъ!

— Такъ ты, значитъ, на сорокъ-пять садишься?

— Я-то? нѣтъ, на двадцать-шесть. И то, вишь ты, какъ дѣло-то вышло: этотъ, какъ его?.. дай Богъ память...

— Ликвидаторъ?

— Онъ самый... Онъ и говоритъ: „тебѣ, гритъ, по твоей

стало-быть маломочности большого участка дать никакъ невозможно: бери пятнадцать десятинъ". Я туды-сюды; „бери пятнадцать" — да и шабашъ!.. Умный человѣкъ научилъ: „ты, гритъ, раздѣлись съ сыномъ-то и подай: себѣ тринадцать, ему тринадцать... у ихъ меньше-то и не нарѣзано, получишь двадцать-шесть"... Да я на такомъ участкѣ что̀ раздѣлаю!.. и-и, Господи... Пріѣзжай вотъ ужо на лѣто арбузы ѣсть!

Мужичокъ долго фантазировалъ на тему: „дастъ Господь". Всѣ его помыслы были направлены въ одну сторону и обыкновенная мужичья снаровка: „сосчитать, разсчитать, прикинуть, семь разъ отмѣрить"... все это какъ-то сразу куда-то исчезло; „власть земли" затмила человѣку разумъ. Онъ забылъ совершенно, что надо заплатить за 26 десятинъ ни больше, ни меньше какъ около шести тысячъ рублей („Ну, это еще какъ Господь... вѣдь, на пятьдесятъ-девять годовъ"). Забылъ, что надо сдѣлать большія единовременныя затраты: на задатокъ банку, на постройку, на приспособленіе поля для усадьбы, и т. д., и т. д. Стоило только прикинуть, сколько необходимо затратить на все это, прежде чѣмъ придетъ участокъ въ состояніе платежеспособности — всѣ мечты рухнули бы прахомъ (по самому скромному разсчету надо было не меньше 500 руб., а ихъ у мужика не было). Единственно, что̀ я смогъ внушить своему куму, такъ это—съѣздить и посмотрѣть, какъ живутъ мужики, „укупившіе" банковскую землю раньше. На эту мысль натолкнула меня только что прочитанная въ мѣстной газетѣ замѣтка. Въ замѣткѣ сообщалось, что за послѣднее время мѣстнымъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка отобрано отъ крестьянскихъ обществъ и товариществъ губерніи 187 тысячъ десятинъ купленной при помощи банка земли. Земля отобрана за невзносъ платежей; при этомъ многіе владѣли ею уже по нѣскольку лѣтъ.

Не знаю, послушался ли кумъ моего совѣта и въ какомъ градусѣ находятся его мечтанія сейчасъ, но черезъ недѣльку послѣ него „навѣстилъ" меня другой пріятель, изъ другой мѣстности, изъ той самой, которая лѣтъ 6—7 назадъ „укупила" извѣстную Тепловскую латифундію графа Воронцова-Дашкова. Разсказалъ онъ слѣдующее. Изъ пятнадцати селъ, купившихъ графское имѣніе, свою землю удержала только одна деревушка, да и у той— вотъ-вотъ отберутъ. Нѣкоторыя села успѣли уже заплатить порядочную сумму, не меньше половины всей стоимости. Вся земля теперь находится въ распоряженіи банка и арендуется тѣми же крестьянами.

— Стращаютъ, что нонѣшній годъ самъ банкъ будетъ засѣвать!—закончилъ мужикъ:—и сѣмянъ, слышь, накупили.

— А какъ же вы-то?

— Мы какъ хошь... Объявка вышла, чтобъ сдавать землю только тому, кто привезетъ три рубля задатку и 10% старыхъ долговъ за прошлогоднюю, значитъ, аренду... Допрежъ задатку брали по рублю... Что-то будетъ?..

— У васъ тамъ хутора были, они какъ—цѣлы?

— Это графскіе-то?—не понялъ меня мужикъ.—„Культурны уголки"?.. Куды тамъ, одинъ мусоръ остался.

— Не „культурны уголки", — засмѣялся я обогащенію народной рѣчи думскими терминами,—а на купленной землѣ мужики заводили хутора: Ненароковскій, Борисовскій, Мордовскій...

— Вона-а! Хватился! Тамъ давно одна крапива растетъ. Смели натло, дочиста... За неплатежъ!..

— Хутора?

— Хутора.

Таковы результаты первыхъ опытовъ хуторского хозяйства. При этомъ надо замѣтить, что Воронцовское имѣніе было продано крестьянамъ по оцѣнкѣ вдвое меньшей противъ теперешнихъ цѣнъ. Сейчасъ средняя оцѣнка по губерніи 120 руб., а тогда была 50 — 60. Есть основаніе думать, что зѐмли старой покупки потому такъ легко и отбираются отъ „обществъ" и „товариществъ", что сейчасъ ихъ можно пустить вдвое дороже...

Изъ примѣровъ этихъ видно, какъ велика дѣйствительно въ деревнѣ необходимость въ дѣловомъ интеллигентскомъ вліяніи, но его нѣтъ.

Я знаю, что на мои сѣтованія скажутъ: развѣ возможно усиліями отдѣльныхъ лицъ предотвратить или даже ослабить стихію? Все то, что̀ происходитъ въ деревнѣ, можно наблюдать, оцѣнивать, какъ одинъ изъ факторовъ народной жизни, и — только.

Всякій, конечно, по своему бываетъ правъ. Мнѣ думается, что мы живемъ не только для того, чтобы изучать жизнь, а для того, чтобы творить ея формы и, во всякомъ случаѣ, осмысливать. Жизнь, какъ бы она ни была стихійна, не состоитъ изъ одной несокрушимой, стальной неумолимости, до которой безполезно даже касаться. Она есть цѣпь причинъ и слѣдствій — правда, большая, безконечно-длинная цѣпь, но все-таки состоящая изъ звеньевъ. Каждое звено въ отдѣльности поддается сравнительно небольшимъ усиліямъ. И одно разбитое или скованное въ иную форму звено жизни уже облегчаетъ ее. Между тѣмъ

интеллигентъ, такъ еще недавно болѣвшій мужицкой нуждой, отшатнулся отъ деревни. Нѣкоторые, по избитому выраженію Успенскаго „наконецъ-таки нашли виновнаго“ и ударились въ „санинизмъ“, „модернизмъ“, „демонизмъ“, „анархизмъ“ и еще чортъ знаетъ во что. Другіе просто впали въ апатію, махнули на все рукой, и лишь немногіе какъ-ни-какъ не отходятъ далеко отъ жизни. Они вернулись къ прежнимъ до-революціоннымъ позиціямъ наблюденій: издалека статистическимъ путемъ учитываютъ судороги и корчи народной жизни.

И вѣдь всѣ знаютъ, что въ деревнѣ сейчасъ совершается крупнѣйшая историческая пертурбація, не менѣе важная по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ событія 1905 года. Во-первыхъ, правительство усиленно націонализируетъ земельныя богатства, скупая ихъ въ громадномъ количествѣ. И какъ оно ни старается „ликвидировать“ свою покупку, она вродѣ „фармазонскаго“ рубля лѣзетъ обратно въ „распоряженіе вѣдомствъ“, можетъ быть потому, что „сіе послѣднимъ не вредитъ“.

Насколько ходко идетъ эта операція—можно судить по слѣдующей таблицѣ, добытой мною изъ саратовскаго отдѣленія крестьянскаго банка:

Состоитъ въ собственности саратовск. отд. крест. позем. банка на 1-ое янв. 1908 года:

Уѣзды.	Имѣній оставшихся за банкомъ отъ общ. товариществъ.			Имѣній купленныхъ.			Всего.		
	Число имѣн.	Десят.	Саж.	Число имѣн.	Десят.	Саж.	Число имѣн.	Десят.	Саж.
1) Аткарскій . . .	21	20319	1941	46	95421	242	67	115740	2183
2) Балашовскій . .	6	3758	878	13	67006	166	19	70764	1044
3) Вольскій	4	6247	2142	8	66580	1578	12	72828	1320
4) Камышинскій . .	9	10910	2185	5	12966	1201	14	23877	986
5) Кузнецкій . . .	—	—	—	3	10002	1275	3	10002	1275
6) Петровскій . . .	7	4398	685	21	34094	2163	28	38493	448
7) Саратовскій . . .	51	53168	1826	26	42007	9	77	95175	1835
8) Сердобскій . . .	5	3545	411	69	74485	917	74	78030	1328
9) Хвалынскій . . .	3	1907	1486	2	3049	168	5	4956	1654
10) Царицынскій . .	1	600	—	2	2617	910	3	3217	910
Итого . . .	107	104856	1954	195	408230	1429	302	513087	983

Не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣдній годъ цифры эти значительно возросли. Между тѣмъ происхожденіе ихъ совсѣмъ-

таки свѣжее. Разсматривая, напримѣръ, земскія данныя о земляхъ той же губерніи, подлежавшихъ обложенію земскимъ сборомъ не далѣе какъ въ 1893 году, мы находимъ категоріи земель частновладѣльческихъ, крестьянскихъ, казенныхъ, удѣльныхъ и городскихъ. Земель же крестьянскаго банка тамъ нѣтъ и въ поминѣ. И эта полмилліонная сумма банковскихъ владѣній въ сравненіи съ общей площадью губерніи, составляющей 6½ милл. десятинъ—довольно-таки почтенная.

Вся эта сдвижка земель идетъ за счетъ владѣній помѣстнаго дворянства. По даннымъ той же саратовской земской управы, напримѣръ, опубликованнымъ въ мѣстныхъ газетахъ, въ 1906 году, дворянамъ принадлежало въ предѣлахъ Саратовскаго уѣзда 172.244 десятины, т.-е. 23,85% всей площади [1]). Къ марту мѣсяцу 1908 года въ уѣздѣ дворянской земли осталось 95.000 дес., т.-е. около половины всѣхъ дворянскихъ владѣній уѣзда перешло въ другія руки. Это за какіе-нибудь 14 мѣсяцевъ. Количество самихъ дворянъ-владѣльцевъ тоже уменьшилось на половину: ихъ осталось всего лишь 136. Между тѣмъ, условія землевладѣнія въ Саратовскомъ уѣздѣ болѣе благопріятны, чѣмъ гдѣ-бы то ни было: уѣздъ заключенъ въ замкнутый кругъ такихъ транзитныхъ путей, какъ Волга и желѣзныя дороги; вблизи — крупный промышленный центръ — Саратовъ, потребляющій уйму продуктовъ сельскаго хозяйства; притомъ аграрные безпорядки были только въ одномъ небольшомъ углу уѣзда. Въ другихъ мѣстахъ сдвижка идетъ не менѣе интенсивно.

Затѣмъ въ корнѣ потрясается общинное право. На почвѣ выдѣла изъ общины во многихъ мѣстахъ развиваются прямо-таки кровавыя побоища, и тѣ, кому это нужно, нарочно разжигаютъ страсти. На первый взглядъ кажется, что та идейная дифференціація деревни, которая установилась было за время революціи, пошла кувыркомъ. Теперь зачастую можно встрѣтить мужиковъ реакціоннаго образа мыслей, съ коломъ въ рукахъ защищающихъ общину — и революціонеровъ-хуторянъ. Одни — „за царя и общину“, другіе — „за демократическую республику и мелкую собственность“. Но на самомъ дѣлѣ все обстоитъ гораздо сложнѣе. Осложненія вызываются хотя бы уже тѣмъ, что власти въ дѣло „землеустроительства“ внесли элементъ политической мести: крестьянамъ, замѣченнымъ въ движеніи, хуторовъ не продаютъ, требуется форменная политическая благонадежность. Тѣ, кому усиленно предлагаются хутора, ихъ не по-

[1]) Для 1893 г. эти цифры: 297,895,3 десят.—47,5%.

купаютъ, хотя бы потому, что очень ужъ большой просторъ красному пѣтуху. „Шабровъ нѣтъ, жалѣть ему некого“, а на черкеса „у нашего брата—кишка тонка“.

Изъ разговоровъ съ своими деревенскими друзьями я старался также хоть мало-мальски выяснить: мѣняется ли складъ политическаго мышленія у тѣхъ „сознательныхъ“ мужиковъ, которые выдѣляются изъ общины? Большинство полученныхъ мною свѣдѣній говоритъ, что — нѣтъ. Тотъ, кто былъ по „красной сотнѣ“, тамъ и остается; тотъ, кто былъ по „черной вѣрѣ“, продолжаетъ ея придерживаться, но такихъ „оченно мало“, — любятъ обыкновенно добавлять мужички. И дѣйствительно, законъ 9 ноября расчленилъ крестьянство, заставилъ его взяться за свои лохмотья, но едва-ли достигъ цѣли.

На ряду со всѣмъ этимъ уже выпускаетъ исподтишка свои цѣпкіе когти земельный хищникъ-прасолъ. Какъ ночной шакалъ, роется онъ острымъ рыломъ въ наслѣдіи помѣстнаго дворянства, не брезгуя и отбросами общины. Онъ не имѣетъ исторически нарощенныхъ привилегій своего предшественника, но уже верхнимъ чутьемъ угадываетъ, что будущее можетъ остаться за нимъ. Къ услугамъ такихъ господъ появились и ученые юристы-адвокаты, которые, разъѣзжая по селамъ, „за скромную плату“ устраиваютъ выдѣлы изъ общины и продажу душъ. Чичиковы нашего времени, они рыскаютъ, какъ голодные волки, по деревнямъ и селамъ. Результаты ихъ работы уже сказываются: у старшаго нотаріуса въ Саратовѣ ежедневно бываетъ не меньше шести—семи купчихъ крѣпостей на землю, запроданную по закону 9-го ноября. Любопытно, что современные Чичиковы обдѣлываютъ свои дѣлишки при участіи представителей „городского пролетаріата“. Многіе потомки пролетаризированныхъ крестьянъ, не успѣвшіе по тѣмъ или инымъ причинамъ перемѣнить своего крестьянскаго паспорта на мѣщанскій, натравлены ими на растерзаніе родной общины. Сорвать сотню—другую рублей за здорово живешь пріятно всякому—и рвутъ, содѣйствуя „землеустроительству“.

Все это переживается въ высшей степени сумбурно и темно. Трудно что-нибудь уяснить себѣ и точно опредѣлить. Мужикъ одинокъ и почти безропотно выноситъ на своей битой спинѣ историческую науку, дорогой цѣной расплачиваясь за наглядные уроки. Землеустроительное вѣдомство, единственный органъ, въ рукахъ котораго сосредоточены нити событій, намѣренно дѣлаетъ изъ своей работы общественный секретъ. Сквозь этотъ секретъ, какъ громаднѣйшее острое шило изъ дыряваго мѣшка, прогля-

дываетъ колоссальнѣйшій узелъ аграрныхъ отношеній. Онъ ширится, дѣлается плотнѣе и какъ удавъ начинаетъ давить всѣхъ и вся въ деревнѣ. Вокругъ этого узла зрѣютъ новые элементы общественной психологіи, разгораются страсти, куются новыя формы борьбы общественныхъ силъ. Онѣ скоро брызнутъ наружу и покажутъ себя съ неизвѣданныхъ еще нами сторонъ. „Что будетъ?.. что будетъ?!“—восклицаетъ мужикъ, и чтобы не оставить своего вопроса безотвѣтнымъ, говоритъ самъ себѣ: — „Вотъ ужо!.. еще годокъ - другой!.. а тамъ“... Но что можетъ быть „тамъ“, если въ числѣ столкнувшихся въ аграрномъ водоворотѣ общественныхъ силъ нѣтъ силы наиболѣе сознательной изо всѣхъ, нѣтъ силы, вооруженной опытомъ исторіи, знаніемъ, нѣтъ демократической интеллигенціи?! Деревнѣ ея не хватаетъ и деревня объ ней тоскуетъ...

С. Аникинъ.

ВЪ МАСТЕРСКОЙ ЧАСОВЩИКА

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Тихо подползаетъ мракъ...
Въ тишинѣ прозрачно-чистой
Слышенъ стукъ часовъ рѣчистый...
Звонкихъ маятниковъ споръ
Слился въ пестрый разговоръ...
Отъ размашистыхъ движеній
По стѣнамъ играютъ тѣни,
Быстро взапуски летя
И назойливо чертя
Все одинъ и тотъ же знакъ:—
Тикъ... такъ... тикъ... такъ...

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Будто старый дѣдъ-большакъ
Грузно, мѣрно ударяетъ
Въ хриплый колоколъ,—и таетъ,
Словно отзвукъ чьихъ-то словъ,
Дряхлый стукъ большихъ часовъ...
О минувшихъ дняхъ сказанье
Слышно въ медленномъ качаньѣ,
Унося на крыльяхъ сновъ
Въ глубину сѣдыхъ вѣковъ...
И звучитъ спокойно такъ:—
Тикъ... такъ... тикъ... такъ...

Тикъ-такъ-тикъ-такъ-тикъ-такъ-тикъ...
Слышенъ говоръ, сплетни, крикъ...

Звуки прыгаютъ, мелькаютъ—
И другъ друга обгоняютъ...
Малыши сошлись гурьбой
И судачатъ межъ собой...
Быстро маятники скачутъ,
Надрываясь, чуть не плачутъ,
Чтобы, громче всѣхъ звеня,
Разсказать новинки дня...
И твердитъ часовъ языкъ:—
Тикъ-такъ-тикъ-такъ-тикъ-такъ-тикъ...

Такъ... такъ... такъ... такъ...
Притаились. Поданъ знакъ.
Скоро, всѣмъ смежая очи,
Воцарится фея Ночи...
Возвѣщая мирный сонъ,—
Раздается общій звонъ...
Ночь настала.—Въ домѣ старомъ
За двѣнадцатымъ ударомъ,
Чистой гулкости полна—
Разостлалась тишина...
Лишь звучитъ сквозь тишь и мракъ:—
Такъ... такъ...

. . . . . .

Михаилъ Гальперинъ.

„ПѢСНЯ ПѢСНЕЙ“

Романъ Г. Зудермана.

Hermann Sudermann. „Das Hohe Lied“. Roman. 1908.

VIII *).

Счастье не покидало ее. Оно прочно вгнѣздилось въ запыленные уголки, забралось на полки, ткало золотыя паутинки, ѣздило верхомъ на каждомъ солнечномъ лучѣ, и все вокругъ звучало какими-то небесными звуками. И на яву, и во снѣ было то же самое. И въ это врывалось порой нѣсколько тактовъ изъ „Пѣсни Пѣсней“.

Наружно все шло прежнимъ порядкомъ. Фрау Асмусенъ то прославляла, то проклинала дочерей и мужа, затѣмъ засыпала отъ дѣйствія „лекарства“. Поднималась суета изъ-за утерявшагося тома Герштекера. Весна сказывалась только въ облакѣ пыли, поднимавшемся съ полокъ отъ случайно врывавшагося порыва весенняго вѣтра—или еще въ повозкахъ съ ландышами и сиренью, проѣзжавшихъ мимо ея оконъ на рынокъ.

Молодой герой изъ сосѣдней квартиры не искалъ дальнѣйшаго сближенія. Лилли вздрагивала, слыша его шаги на лѣстницѣ, но онъ только робко кланялся и исчезалъ. На скамейкѣ передъ домомъ онъ тоже не появлялся. Онъ работалъ съ товарищами иногда до глубокой ночи, и только уже часа въ два раздавались ихъ шаги на улицѣ. Тогда только Лилли ложилась, наконецъ, въ постель и предавалась мечтамъ, воображая себѣ своего героя то побѣдоноснымъ воиномъ, то поэтомъ, увѣнчаннымъ лаврами, то

---

*) См. янв., стр. 312.

изобрѣтателемъ, носящимся на воздушномъ шарѣ, то основателемъ новой религіи. Но послѣдней мысли она, впрочемъ, ужасалась, такъ какъ оставалась въ душѣ доброю католичкой.

Ей давно уже хотѣлось излить свою душу передъ алтаремъ святого Іосифа въ находившейся недалеко отъ нихъ церкви святой Анны, но она все не рѣшалась признаться фрау Асмусенъ въ томъ, что она католичка. Наконецъ она собралась съ духомъ и открыла хозяйкѣ свою тайну. Фрау Асмусенъ нашла послѣ ея признанія, что ея католичество все объясняетъ: ея коварство, ея лицемѣріе, ея лѣнь, и рѣшила молиться ежедневно за ея обращеніе въ протестантство.

Но въ позволеніи ходить въ католическую церковь два раза въ недѣлю она ей не отказала. А это было для Лилли главное. Она вернулась къ алтарю святого Іосифа, какъ на далекую родину, и стала горько жаловаться ему на всю тяжесть своей жизни, на одиночество, на молочную кашу и побои, а потомъ покаялась передъ нимъ во всѣхъ грѣхахъ, — не упоминая только о своей любви, такъ какъ слишкомъ отвыкла отъ любимаго святого своего дѣтства, чтобы повѣрять ему свои сердечныя тайны.

Послѣ молитвы и исповѣди она поспѣшно ушла изъ церкви. Было уже около семи часовъ, и еслибы она на обратномъ пути съ утренней молитвы не встрѣтилась съ своимъ героемъ, отправлявшимся въ гимназію, то пропалъ бы весь смыслъ ранней молитвы... На углу Васерторштрассе она встрѣтила его съ товарищами. Онъ поклонился и прошелъ мимо. Но она остановилась, тяжело дыша, точно послѣ миновавшей смертельной опасности.

Съ тѣхъ поръ такія встрѣчи повторялись два раза въ недѣлю. Но ея тайная надежда, что онъ какъ-нибудь, встрѣтивъ ее одинъ, остановится и заведетъ съ ней дружескій разговоръ, не осуществилась. При ея появленіи лицо его даже не оживлялось выраженіемъ радости, и озабоченность не сходила съ его лица даже когда онъ, слегка краснѣя, снималъ фуражку, кланяясь ей.

Она уже давно оставила надежду, что онъ когда-нибудь съ нею заговоритъ, какъ вдругъ однажды, въ сумерки дождливаго іюльскаго воскресенья, когда уже закрылась дверь для публики, раздался звонокъ—и на порогѣ показался *онъ*.

Она воскликнула: „Боже мой!“ и отъ смущенія чуть не закрыла дверь передъ нимъ.

Онъ спросилъ, нѣтъ ли у нихъ стихотвореній Рюккерта. Она отлично знала, что нѣтъ, но чтобы все-таки задержать его, по-

просила войти, сказавъ, что она поищетъ. Онъ сначала не рѣшался войти, потомъ все-таки вошелъ и сѣлъ на стулъ у прилавка, приготовленный для посѣтителей.

Она знала, что не найдетъ; но, боясь, что при ея рѣшительномъ отказѣ онъ сейчасъ же поднимется и уйдетъ, она продолжала бродить между полками, увѣряя, что она еще совсѣмъ недавно видѣла Рюккерта. Онъ просилъ ее поискать какъ можно тщательнѣе. А когда все-таки ничего не нашлось, онъ вздохнулъ, пробормоталъ: „Что̀ же я сдѣлаю?“—и исчезъ, прежде чѣмъ она успѣла опомниться. Она подошла къ окну и стала мечтать о томъ, что̀ могло бы произойти, еслибы онъ все-таки остался дольше.

Черезъ четверть часа раздался снова звонокъ. Она вздрогнула.

Неужели опять онъ?

Дѣйствительно, въ дверяхъ снова стоялъ Фрицъ Редлихъ. Онъ извинился, что забылъ зонтикъ. „Ну, ужъ теперь ты отъ меня не уйдешь“,—внутренно рѣшила Лилли. Онъ схватилъ-было мокрый зонтикъ, котораго она не замѣтила послѣ его ухода, и видимо хотѣлъ сейчасъ же откланяться; но она остановила его.

— Зачѣмъ собственно вамъ нуженъ Рюккертъ?—спросила она.

Онъ сталъ жаловаться:

— Вы представить себѣ не можете, какъ насъ мучаютъ,—сказалъ онъ. Онъ разсказалъ о томъ, какъ ихъ заставляютъ безъ подготовки писать сочиненія на самыя неожиданныя темы. На этотъ разъ они разузнали, что имъ предложатъ написать о Рюккертѣ, и поэтому онъ хотѣлъ перечесть о томъ, кто погребенъ въ трехъ гробницахъ въ Отенсенѣ.

Она вся просіяла. Оказалось, что она, маленькая пигалица, можетъ помочь ему, парящему въ облакахъ!

Она робкимъ голосомъ разсказала ему о бѣдномъ разбитомъ брауншвейгскомъ герцогѣ и о благочестивомъ мессіанскомъ пѣвцѣ. Вотъ только кто были тысяча двѣсти изгнанныхъ—это она забыла.

Онъ прямо не вѣрилъ въ столь неожиданное счастье. Увѣрена ли она въ томъ, что̀ говоритъ? Про Клопштока вѣрно, это онъ зналъ изъ своихъ литературныхъ таблицъ. Но остальное? Онъ покачалъ побѣдной гривой. Но она его успокоила, говоря, что, правда, она обо всемъ этомъ слышала уже цѣлый годъ тому назадъ, когда училась въ спеціальномъ классѣ, но что у нея хорошая память и она бы не говорила ему, еслибы не была вполнѣ увѣрена.

Онъ успокоился совсѣмъ и опять сказалъ, тяжело вздыхая:

— Тяжело намъ приходится! Очень тяжело!

Попавъ на стезю признаній, онъ сталъ говорить о трудностяхъ жизни вообще. Математика еще туда-сюда; въ аналитической геометріи онъ даже достигъ хорошихъ результатовъ. Но исторія—и языки—и въ особенности нѣмецкое сочиненіе! Прямо иногда жить на свѣтѣ тошно.

Съ послѣднимъ Лилли согласилась. И она была недовольна міромъ, и стала пламенно говорить объ этомъ.

— Каково же вамъ! — продолжала она. — Какія муки долженъ испытывать вашъ духъ, когда его высокому полету мѣшаютъ мелкія школьныя обязательства?

Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ и сказалъ:

— Да, трудно, очень трудно.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ—продолжала она—не занималась этимъ вздоромъ и жила свободной душой на высотахъ, обитаемыхъ поэтами и мыслителями.

— А экзамены?—съ ужасомъ возразилъ онъ.

— Экзамены—глупости! Не все ли равно, держать ихъ, или не держать?

Онъ сталъ горячо возражать и доказывать, что экзаменъ открываетъ двери ко всякому лучшему положенію въ жизни, все равно, поступить ли потомъ въ университетъ, или сдѣлаться архитекторомъ, или же поступить въ почтовое вѣдомство.

— Такой человѣкъ, какъ вы — развѣ можетъ служить въ почтовомъ вѣдомствѣ?—съ негодованіемъ воскликнула она.

Онъ съ польщенной и скромной улыбкой отвѣтилъ, что, конечно, не возносится къ небу въ своихъ мечтахъ, но кое-какіе идеалы все-таки имѣетъ.

Когда онъ поднялся, чтобы уйти, такъ какъ тѣмъ временемъ уже совсѣмъ стемнѣло, она почувствовала физическую боль, точно у нея вырвали кусокъ живого тѣла. Передъ самымъ уходомъ онъ еще разъ сказалъ, какъ человѣкъ, который во всемъ любитъ стоять на твердой почвѣ:

— Если вамъ не очень трудно, то ужъ будьте добры, поищите еще. Можетъ быть, вы все-таки найдете.

Возвратившись еще разъ, онъ прибавилъ: — Если найдете, то положите подъ соломенную подстилку у дверей.

Лилли быстро зажгла висячую лампу и стала покорно и усердно искать. И только нѣсколько времени спустя она сообразила, что найти все равно не можетъ.

Лѣтнія каникулы онъ проводилъ за городомъ у одного товарища по несчастью, чтобы вмѣстѣ съ нимъ зубрить все время. Съ самаго начала учебнаго года пошли письменныя работы, а въ половинѣ сентября предстоялъ устный экзаменъ.

У молодого героя впали щеки, и Лилли страдала при видѣ его изможденнаго лица. Встрѣтившись съ нимъ однажды, когда она возвращалась утромъ изъ церкви, на безлюдной улицѣ, она остановила его и стала убѣждать его взволнованнымъ голосомъ, что онъ долженъ беречься и сохранить себя своимъ родителямъ и всѣмъ любящимъ его...

Онъ, повидимому, былъ болѣе сконфуженъ, чѣмъ обрадованъ ея обращеніемъ; торопливо озираясь во всѣ стороны, онъ поспѣшно поблагодарилъ за участіе и убѣжалъ, едва рѣшаясь поклониться на прощаніе.

Тогда только Лилли сообразила, что совершила нѣчто въ высшей степени неприличное. Все запрыгало у нея передъ глазами; она стала жевать платокъ, чтобы не разрыдаться, и боялась, что всѣ прохожіе будутъ высмѣивать ее. Когда же, вернувшись изъ школы, Фрицъ прошелъ мимо нея, не кланяясь, она окончательно рѣшила, что своей дерзостью навсегда потеряла его.

Но вдругъ, въ сумерки, раздался совсѣмъ тихій, робкій стукъ въ дверь и въ дверяхъ очутился онъ, Фрицъ. Онъ имѣлъ странно-смущенный видъ, не такой озабоченный, какъ въ то утро, когда приходилъ справляться о гробницахъ въ Отенсенѣ, а дѣйствительно смущенный, какъ воръ, не умѣющій воровать.

— Фрау Асмусенъ дома?—шопотомъ спросилъ онъ.

— Фрау Асмусенъ въ этотъ часъ уже больше сюда не является,—прошептала Лилли, задыхаясь отъ счастья.

— Такъ можно мнѣ зайти—на минутку?

Она впустила его, удивляясь внутренно, какъ это сердце выдерживаетъ столько счастья. Онъ что-то сталъ бормотать о томъ, что „просить прощенія“, что „не успѣлъ отвѣтить“; она же тоже шопотомъ что-то говорила о томъ, что „раскаивалась“, что „ничего дурного не хотѣла сдѣлать“. А потомъ они сѣли другъ противъ друга у прилавка, какъ въ то воскресенье, и не знали, какъ продолжать разговоръ.

Онъ первый нашелъ дорожку въ область дозволеннаго.

— Пріятно поговорить иногда съ сочувствующей женщиной, — сказалъ онъ съ нѣкоторой важностью. — Но такъ рѣдко представляется случай. И вотъ теперь, такъ какъ она обнаружила столь любезный съ ея стороны интересъ къ нему, и такъ какъ, при развивающейся эмансипаціи женщины...

Онъ посмотрѣлъ на нее съ торжествующимъ видомъ, гордясь тѣмъ, что такъ умѣло выпутался изъ тяжелаго положенія.

Но она его почти не слышала, занятая одной только мыслью о томъ, какъ бы ей спасти его. Она стала разсказывать ему объ ихъ чудномъ учителѣ въ спеціальномъ классѣ, который работой довелъ себя до чахотки, какъ и онъ доведетъ себя, если не будетъ беречься.

— Да, трудно, трудно,—грустно подтвердилъ онъ.

— Вамъ нужно подольше спать,—продолжала она,—и въ особенности много гулять.

— А вы гуляете, фрейлейнъ?

Она задумалась. Съ тѣхъ поръ какъ она очутилась въ этой книжной пещерѣ, она не видѣла полей подъ снѣгомъ, не видѣла зеленаго дерева.

— Да что говорить обо мнѣ! — пренебрежительно сказала она, и вдругъ спросила, внутренно безумно обрадовавшись собственной смѣлости:—Хотите, пойдемъ вмѣстѣ гулять?

На этотъ разъ онъ былъ пораженъ.

— Слишкомъ много препятствій, — сказалъ онъ, покачивая головой.—Пошли бы ложныя толкованія. Нужно имѣть въ виду мнѣнія людей,—въ особенности вамъ...

Лилли читала о молодыхъ влюбленныхъ, которымъ честь ихъ дамы была дороже жизни, и она взглянула на Фрица съ благодарностью и восхищеніемъ.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, — сказала она. — Я ужъ это устрою: я просто пропущу заутреню.

Хотя она при этихъ словахъ и почувствовала легкій уколъ въ сердце, но все-таки ясно чувствовала, что готова предать святого Іосифа ради такой прогулки.

— Но мнѣ нужно раньше сдать экзаменъ,—объявилъ Фрицъ.

На этомъ и порѣшили. Обоюдное обѣщаніе закрѣпило планъ, и онъ ушелъ, тщательно осмотрѣвъ сначала улицу, скамейки передъ домомъ и подъѣздъ, чтобы убѣдиться, что никто его не увидитъ.

Съ этой минуты жизнь Лилли освѣтилась предвкушеніемъ близкой радости. Она лежала по ночамъ безъ сна и представляла себѣ, какъ они будутъ ходить рука объ руку по золотымъ полямъ. Она читала только книги, въ которыхъ говорилось объ „упоеніи страсти“, о „туманящихъ сознаніе поцѣлуяхъ“. Но сама она о поцѣлуяхъ не думала. Ея герой казался ей выше всякихъ земныхъ страстей и желаній.

Придя къ алтарю святого Іосифа, она разсказала ему все про Фрица,—разсказала о его трудныхъ экзаменахъ, о его высокихъ идеалахъ и о своей тревогѣ. Только о предполагаемой прогулкѣ она ничего не сказала, чтобы не признаться, что она пожертвуетъ ради этого заутреней.

Лилли скопила за этотъ годъ шестьдесятъ марокъ. Она рѣшила принести въ даръ святому Іосифу серебряное сердце въ случаѣ успѣха Фрица на экзаменѣ. Сердце это должно было стоить двадцать марокъ. Остальныя сорокъ она рѣшила употребить на подарокъ своему другу. И она придумала самый подходящій подарокъ: она колебалась сначала между вышитымъ золотомъ портфелемъ и такими же туфлями, но рѣшила, что, вступая въ жизненный бой, онъ больше всего будетъ нуждаться въ оружіи, такъ какъ его будутъ постоянно окружать опасности. Поэтому она рѣшила подарить ему револьверъ, вложенный въ футляръ съ золотымъ вензелемъ.

Въ день экзамена, когда онъ вышелъ изъ дому съ лицомъ бѣлѣе своихъ парадныхъ перчатокъ, ей хотѣлось броситься за нимъ и уже теперь дать ему спасительное оружіе. Но она подумала, что господа экзаменаторы не примутъ благосклонно такого рода краснорѣчія. Она была счастлива, когда онъ съ улицы украдкой кивнулъ ей головой.

Онъ вернулся съ усталымъ, но торжествующимъ лицомъ, и въ сосѣдней квартирѣ пошла праздничная суета, запахло аппетитными сосисками, и Лилли была счастлива. Она приписывала успѣхъ Фрица святому Іосифу, и на слѣдующій же день заказала серебряное сердце съ сплетенными въ вензель буквами Л. Ч. и Ф. Р.

Вернувшись домой, она нашла въ ящикѣ для писемъ среди записокъ съ заказомъ книгъ конвертъ на свое имя. Въ немъ, на оборотной сторонѣ запятнаннаго ресторанного меню стояло: „Въ воскресенье, въ пять часовъ утра, у скамейки“.

Въ прощелину ставень блеснулъ первый сѣрый утренній лучъ. Лилли быстро вскочила и открыла окно. Улица окутана была молочнаго цвѣта туманомъ, и эта влажность была отрадна ея пылающему тѣлу. На стѣнѣ висѣло свѣтлое лѣтнее платьице, легкое какъ облачко. Она принарядилась тщательнѣе, чѣмъ когда-либо до того въ жизни, чтобы быть достойной ожидающаго ее счастья. На остатки своихъ сбереженій она купила широкую соломенную шляпу съ завязками; кромѣ того она раздобыла

ажурныя шолковыя перчатки. Тяжелый револьверъ она спрятала въ мѣшечекъ для вязанья.

Ровно въ пять часовъ скрипнула дверь; она вышла въ сѣни и поздоровалась съ Фрицемъ. У него былъ слегка заспанный, но предпріимчивый видъ. Одѣтъ онъ былъ даже съ нѣкоторымъ фатовствомъ. Шляпа съѣхала слегка на бокъ, въ рукахъ у него была трость съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Она его поздравила. Онъ снисходительно поблагодарилъ, точно о такихъ пустякахъ не стоило говорить, и разсказалъ, тоже пренебрежительнымъ тономъ, что теперь много кутитъ съ товарищами, но что ему это неинтересно.

Проходя мимо церкви святой Анны, Лилли почувствовала горячее желаніе зайти на минуту, чтобы искупить вину передъ святымъ Іосифомъ и попросить у него благословенія. Когда она предложила это Фрицу, онъ заявилъ, что самъ невѣрующій, но терпимъ къ вѣрованіямъ другихъ, и готовъ подождать ее, пока она пойдетъ помолиться.

Но у нея уже прошла охота, и они молча пошли дальше по пустыннымъ улицамъ. Лилли было ужасно холодно—можетъ быть, отъ волненія. Но въ сущности она была спокойнѣе, чѣмъ сама предполагала. Все вышло какъ-то по иному, и она сама не знала почему, но чувствовала нѣкоторое разочарованіе. Ей хотѣлось скорѣе выйти на просторъ полей.

По дорогѣ они встрѣтили булочника, и Фрицъ предложилъ купить у него свѣжихъ булокъ. Но онъ не продавалъ булокъ, такъ какъ несъ только опредѣленное количество по заказу въ городъ. Онъ указалъ на булочную насупротивъ; Фрицъ направился туда и вернулся съ цѣлымъ мѣшкомъ булокъ.

Наконецъ, они очутились на полѣ, покрытомъ свѣжими каплями росы. На горизонтѣ тянулась желтая линія холмовъ, вдали виднѣлся лѣсъ. Лилли протянула впередъ руки и нѣсколько разъ глубоко вздохнула, радуясь простору и чистотѣ воздуха...

— Что̀ съ вами? Вамъ нехорошо?—обезпокоился Фрицъ.

— Нѣтъ, — сказала она, смѣясь. — Я теперь должна отдышаться за цѣлый годъ.

Ей все еще было холодно, и чтобы согрѣться, она пустилась бѣжать. Онъ пробовалъ бѣжать рядомъ, но сталъ задыхаться и отставать. Взбѣжавъ на первый холмъ, она стала смотрѣть на восходящее внизу, на равнинѣ, солнце. Восхищенная видомъ зари, отраженной въ каждой каплѣ росы, она смотрѣла опьяненнымъ взоромъ вдаль и звала Фрица раздѣлить ея восторгъ.

Она ждала, что онъ будетъ произносить оды, пѣть гимны, но онъ стоялъ, задыхаясь, и въ отвѣтъ на ея предложеніе хотя бы продекламировать что-нибудь изъ Клопштока, сказалъ, что послѣ экзамена онъ готовъ послать къ чорту всю нѣмецкую литературу.

Они пошли дальше въ лѣсъ. Онъ держалъ въ рукахъ мѣшокъ съ булками, она срывала ягоды по пути. Наверху у опушки стояла скамейка, и они направились къ ней, чувствуя оба, что какъ разъ тамъ имъ хорошо будетъ посидѣть.

У Лилли сжалось сердце отъ ожиданія какихъ-то чудесныхъ откровеній, которыхъ жаждала ея душа. Тутъ она взглянетъ прямо въ глаза устремленному къ солнцу юному генію.

Онъ развернулъ булки; она положила рядомъ платочекъ съ ягодами, спрятавъ еще пока мѣшечекъ съ револьверомъ. Они весело позавтракали среди золотистаго сіянія ранней осени, и у Лилли отяжелѣла голова отъ ожиданія и счастья. Онъ снялъ шапку. Отдѣльно завитой локонъ упалъ ему на лобъ до бровей, придавая лицу мрачное, вызывающее выраженіе. Этотъ „локонъ геніальности“ былъ въ большой модѣ у гимназистовъ. Онъ глядѣлъ вдаль, на церковные шпицы стараго города.

— О чемъ вы думаете?—робко спросила Лилли. Вотъ она наконецъ—великая минута!

— Я думаю о томъ,—съ легкой насмѣшкой сказалъ онъ,—что такое гнѣздо можетъ прокормить много пасторовъ, и что самое удобное—изучать богословіе.

— Почему же вы не избираете богословіе? Истину можно обрѣсти во всѣхъ наукахъ.

— Этого вы не понимаете—снисходительно сказалъ онъ.—Главное — не знаніе, а убѣжденія. Во имя убѣжденій человѣкъ долженъ жертвовать всѣмъ на свѣтѣ. Такъ поступлю и я. Послѣзавтра начнется для меня бой!

Его маленькіе близорукіе глаза засверкали. Онъ трепетной рукой откинулъ локонъ. Она была въ восторгѣ. Такимъ она и представляла себѣ его. Она думала, что теперь надлежащій моментъ, чтобы отдать ему револьверъ: онъ говоритъ о вступленіи въ бой. Но она боялась нарушить величіе минуты. Слегка касаясь револьвера, спрятаннаго въ мѣшкѣ, она опять, какъ тогда на скамейкѣ передъ домомъ, заговорила о радости борьбы противъ судьбы, о величественномъ сознаніи своей силы. Но слова ея не нашли на этотъ разъ отклика.

— Знаете ли,—сказалъ онъ,—жизненная борьба вовсе не такъ привлекательна. Голодать и мерзнуть!.. Нѣтъ, я бы предпочелъ получить стипендію.

— Какъ! вотъ вся радость, съ которой вы вступаете въ жизнь?—съ изумленіемъ спросила Лилли.

— Знаете, когда вступаешь въ жизнь съ сундучкомъ бѣлья въ заплатахъ и съ сотней марокъ въ карманѣ, то не до радости.

Она не сдавалась, стала говорить ему о знакахъ величія на его челѣ, о томъ, что онъ призванъ владѣть міромъ, но онъ только печально отвѣчалъ:

— Это очень, очень трудно!

Она старалась убѣдить его въ несомнѣнности его торжества, говорила о томъ, что даже она, сирота, безъ всякой будущности впереди, полуголодная, терпя колотушки—все же знаетъ, что ее ждетъ великое счастье... Все въ жизни—счастье!.. Міръ счастливъ!—вдохновенно говорила она.—Все музыка... все „Пѣсня Пѣсней"...

Внизу, въ городѣ раздался звонъ колоколовъ. Лилли замолчала, и ея другъ воспользовался паузой, чтобы придти въ душевное равновѣсіе. Принявъ поучительный, достойный видъ, онъ обратился къ Лилли:

— Знаете, милая фрейлейнъ,—сказалъ онъ,—мы, кажется, не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Я ближе изучилъ задачи жизни, чѣмъ вы, и потому глубже ихъ понимаю. Я не предаюсь иллюзіямъ и знаю цѣну людямъ. Я поэтому хотѣлъ бы рекомендовать вамъ нѣкоторую осторожность въ поступкахъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросила она.

— Вы красивы, и потому должны быть втрое осторожнѣе всѣхъ другихъ,—продолжалъ онъ.—Хорошо, напримѣръ, что вы напали на такого порядочнаго молодого человѣка, какъ я. Другіе, болѣе легкомысленные, иначе бы воспользовались такой прогулкой. Будьте въ этомъ увѣрены.

Она растерянно взглянула на него. Въ чемъ онъ ее упрекаетъ? Неужели онъ презираетъ ее за самыя святыя ея чувства?

— Боже мой! Боже мой!—простонала она.—Я хотѣла бы быть дома...

— Поймите меня,—снова началъ онъ.—Я не фарисей и понимаю человѣческія слабости. Я даю только скромный совѣтъ. Не напрасно имѣешь принципы въ жизни, и если намъ приведется встрѣтиться въ жизни, то, надѣюсь, вамъ не придется стыдиться пріятеля вашей юности.

Она теперь чувствовала стыдъ, жгучій стыдъ. Ей хотѣлось только скорѣе убѣжать.

Она поднялась и взяла лежавшій подлѣ нея мѣшечекъ съ револьверомъ.

— Что это у васъ?—спросилъ онъ.—Что-то тяжелое?

Она съ испугомъ схватила мѣшечекъ.—Это ключи,—быстро сказала она.

Они направились обратно въ городъ. По дорогѣ она собрала самые красивые полевые цвѣты и на прощанье протянула ему этотъ букетъ вмѣсто другого подарка, о которомъ она теперь и думать не могла.

Онъ поблагодарилъ, изящно поклонившись ей, и повертѣлъ тросточкой съ набалдашникомъ. Совсѣмъ какъ будущій студентъ, членъ корпораціи.

Она не говорила ни слова, совершенно раздавленная всѣмъ происшедшимъ.

— Неужели вамъ не говоритъ внутренній голосъ, что мы еще встрѣтимся въ жизни?—спросилъ онъ.

Она ничего не отвѣтила. Ей и такъ трудно было скрывать слезы.

— И тогда, надѣюсь, вы убѣдитесь, что и при небольшихъ средствахъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями можетъ кое-чего достигнуть.

Онъ сказалъ это очень увѣреннымъ голосомъ. Но, приближаясь къ Старому Рынку, онъ сталъ озираться и, наконецъ, сказалъ, что лучше бы собственно здѣсь разстаться и пойти домой каждому другой дорогой.

Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ. И по дому носился запахъ чесноку отъ маленькихъ колбасъ, которыя мать Фрица положила въ супъ на прощанье.

Лилли стояла за занавѣской съ воспаленными глазами и думала въ своей горькой печали: „О, если бы я никогда его не встрѣчала!“

IX.

Въ одно туманное октябрьское утро вдругъ вернулись сбѣжавшія дочери фрау Асмусенъ. Онѣ явились безъ всякаго предупрежденія, вошли въ библіотеку съ саквояжами въ рукахъ, взглянули на Лилли съ холоднымъ высокомѣріемъ и предложили ей пойти расплатиться за коляску, такъ какъ у нихъ „нѣтъ мелочи“. Лилли съ ужасомъ посмотрѣла на ихъ красивыя личики съ тупыми носами и сѣрыми глазами. Она знала, какую встрѣчу готовитъ имъ сердитая мать, и со страха передъ сценой свиданія—убѣжала внизъ расплачиваться.

Она вернулась, нагруженная вещами, оставшимися въ коляскѣ: свернутымъ плэдомъ, изъ котораго торчали подушки въ наволочкахъ съ грязными кружевами, бутылка ликера, жестянка съ конфетами, затѣмъ сломанной картонкой для шляпъ, изъ которой вываливались гребенки, бутерброды.

Лилли остановилась передъ дверью, боясь застать ужасную семейную сцену; но въ комнатѣ было совершенно тихо. Войдя наконецъ, она застала дочерей въ объятіяхъ матери, и фрау Асмусенъ сіяла отъ наплыва нѣжныхъ материнскихъ чувствъ.

Первое время между матерью и дѣвушками царили миръ и согласіе, и Лилли тоже была включена въ дружественный союзъ. Сначала сестры казались ей совершенно одинаковыми, дерзкими, безстыдными, жадными и влюбчивыми, но потомъ она убѣдилась, что старшая, Лона, была наиболѣе бѣдовая изъ двухъ, а младшая, Ми, только тянулась за нею.

Сначала онѣ относились къ Лилли подозрительно и надменно, но, убѣдившись въ ея робости и кротости, преисполнились вдругъ къ ней бурной нѣжностью. Начались интимныя бесѣды по вечерамъ втроемъ, въ ночныхъ кофточкахъ, угощеніе купленными тайкомъ конфетами и безконечные разсказы о любовныхъ приключеніяхъ, о пойманныхъ въ сѣти ихъ прелестей мужчинахъ. Мутный потокъ эротическихъ тайнъ изливался на чистое воображеніе Лилли.

Обѣ сестры больше всего любили хвастать своей красотою и приглашали Лилли полюбоваться ихъ плечами, ихъ мраморной грудью. Онѣ прибавляли, что только стыдливость мѣшаетъ имъ показать ей, до чего прекрасны ихъ обнаженныя тѣла. О красотѣ лица не считалось даже нужнымъ спрашивать ее.

— Намъ такъ много говорили объ этомъ, что наше собственное мнѣніе о себѣ давно установилось, — самодовольно заявляли онѣ.

Онѣ впрочемъ пускались и въ критику своей внѣшности, сами говорили Лилли, что у нея глаза красивѣе, но прибавляли, что это неважно.—Сколько бы вы ни смотрѣли на человѣка,— говорили онѣ,—онъ и вниманія не обратитъ... А отъ одного нашего взгляда всякій съ ума сходитъ.

Онѣ давали Лилли благіе совѣты: „ни въ чемъ себя не стѣснять, но никому не давать власти надъ собою“—и приводили многочисленные примѣры собственнаго слѣдованія этому правилу. Всѣ разсказы ихъ были очень циничные и вызывали ужасъ въ душѣ Лилли; при этомъ мечты ихъ направлены были на то, чтобы поскорѣе и повыгоднѣе выйти замужъ за стараго, бога-

таго и глупаго человѣка. Это казалось имъ высшимъ идеаломъ. Относительно средствъ, которыми можно достигнуть этой высшей цѣли, сестры не всегда сходились, и споры ихъ обострялись иногда до настоящей драки.

Свои воззрѣнія на способы завлеченія мужчинъ онѣ проводили и на практикѣ; онѣ гуляли по цѣлымъ днямъ и завязывали знакомства безъ всякаго разбора. День ихъ проходилъ въ томъ, что онѣ поздно вставали, долго наряжались, а потомъ отправлялись гулять и высматривать интересныхъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона. Кофе онѣ отправлялись пить въ лучшую кофейню, гдѣ собиралась военная и судейская молодежь, а иногда учителя гимназіи, и старались разными способами входить въ разговоръ съ намѣченными заранѣе молодыми людьми.

Фрау Асмусенъ относилась къ такому времяпрепровожденію очень несочувственно, и вскорѣ идиллія первыхъ дней смѣнилась постоянными сценами и катастрофами, въ которыя втягивали и Лилли; только вечеромъ, когда фрау Асмусенъ начинала чувствовать благотворное вліяніе своего лекарства, наступала нѣкоторая тишина въ домѣ. Тогда сестры начинали обсуждать свой совершенно особый нравственный катехизисъ, по которому, напримѣръ, позволялось разрѣшить себя поцѣловать, но запрещалось цѣловать самой; или, напримѣръ, разрѣшалось быть на „ты“ въ разговорѣ, но никакъ не въ письмахъ; разрѣшалось, чтобы кавалеръ угощалъ пирожнымъ и кофе, но никакъ не бутербродами, и т. д.

У Лилли было до этого времени только романтическое, мечтательное представленіе о любви; она увлекалась идеальными созданіями своего воображенія, мечтала о герояхъ разныхъ романовъ, но люди, которыхъ она встрѣчала на улицѣ, были ей совершенно безразличны и всякія приставанія и старанія вступить въ разговоръ со стороны случайныхъ встрѣчныхъ только возбуждали въ ней неудовольствіе. Теперь, изъ разговоровъ съ сестрами Асмусенъ, она узнала, что эти грубые, ужасные люди могутъ занимать мысли дѣвушекъ съ утра до вечера; и хотя совѣты и примѣръ обѣихъ сестеръ не оказывали на нее ни малѣйшаго вліянія, все же въ ней пробуждалось нѣкоторое любопытство и желаніе знать этихъ властителей женскихъ сердецъ и думъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей становилось страшно и той грязи, которая открывалась въ разсказахъ сестеръ, и своего собственнаго любопытства къ ихъ разсказамъ.

Къ счастью, пламенная дружба сестеръ къ Лилли стала ослабѣвать по прошествіи мѣсяца. Причиной охлажденія послу-

жили таинственныя исчезновенія денегъ изъ кассы. Лилли сначала думала, что какъ-нибудь сама невѣрно сосчитала, но и послѣ постоянныхъ провѣрокъ каждый день исчезали деньги изъ выручки... Лилли наконецъ поняла, кто тащитъ изъ кассы, и стала уносить ключъ съ собою. Сестры возмутились и стали преслѣдовать Лилли колкостями за то, что она разыгрываетъ роль хозяйки въ домѣ; онѣ требовали у нея ключей. Лилли заявила хозяйкѣ библіотеки, что сейчасъ же уйдетъ, если ее не оставятъ въ покоѣ, и фрау Асмусенъ стала на ея сторону. Тогда дѣвицы перемѣнили тактику и стали упрашивать Лилли не отказывать имъ въ нѣсколькихъ грошахъ, увѣряя, что онѣ честныя дѣвушки и только собираютъ деньги на дорогу, чтобы уѣхать отъ пьяницы-матери. Лилли не сдавалась, и онѣ окончательно разобидѣлись.

Вскорѣ произошли событія, еще болѣе воспламенившія ненависть сестеръ къ Лилли.

X.

Въ сумерки дождливаго ноябрьскаго дня позвонилъ колокольчикъ, и въ открывшуюся дверь вошелъ легкими шагами юркій маленькій блондинъ съ низко остриженными волосами, блестѣвшими какъ блѣдно-желтоватый бархатъ. Онъ вошелъ, распространяя тонкій запахъ сафьянной кожи и пармскихъ фіалокъ, быстро оглянулъ Лилли прищуреннымъ, нѣсколько разочарованнымъ взглядомъ и сталъ всматриваться въ глубину библіотеки, точно ища еще кого-то.

— А, это вы библіотекарша? — небрежно произнесъ онъ, когда Лилли спросила, что ему угодно?

— Хорошо, очень хорошо,—сказалъ онъ и на ея дальнѣйшій вопросъ о томъ, какую онъ желаетъ имѣть книгу, заявилъ, что онъ очень невѣжественъ въ нѣмецкой литературѣ и въ примыкающихъ къ ней областяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горячо желаетъ дополнить свое образованіе и вполнѣ полагается на ея выборъ.

Съ этими словами онъ всадилъ въ глазъ монокль и, оглянувъ внимательно Лилли, произнесъ въ полголоса:

— Чортъ возьми!

Затѣмъ онъ попросилъ, чтобы она скорѣе зажгла лампу. Въ то время какъ она вся вытянулась, снимая стекло съ висячей лампы, онъ еще громче произнесъ опять:

— Чортъ возьми!

Когда же она при зажженной лампѣ очутилась передъ нимъ, съ удивленнымъ выраженіемъ своихъ „небывалыхъ Лиллиныхъ глазъ“, онъ отъ изумленія опустился на стулъ и, сложивъ руки, попросилъ о пощадѣ.

Лилли, озадаченная и обиженная его безцеремонностью, заявила ему, что если ему не нужно никакой книги, то она проситъ его уйти изъ библіотеки.

Онъ возмущенно заявилъ, что хочетъ взять не одну книгу, а цѣлыя полки книгъ, цѣлые шкафы... но подъ условіемъ—принести все это обратно завтра же... Онъ заявилъ, что найметъ для этого ломовиковъ, войдетъ въ соглашеніе съ транспортными обществами... Но такъ какъ за каждую книгу нужно вносить залогъ въ три съ половиной марки, и у него не хватитъ денегъ, чтобы уплатить за всѣ книги, то онъ предлагаетъ въ залогъ самого себя.

Лилли наконецъ расхохоталась, и ея странный посѣтитель съ торжествомъ заявилъ, что теперь миръ заключенъ. Затѣмъ онъ объяснилъ ей, какъ попалъ въ библіотеку; изъ его словъ выяснилось прежде всего, что онъ офицеръ, но скоро выйдетъ въ отставку.—„Вы знаете, что такое долги, сударыня?—спросилъ онъ между прочимъ.—Нѣтъ? Такъ будьте довольны. Долги—горькій осадокъ въ лимонадѣ человѣческой жизни, и безъ того не особенно сладкомъ“. Затѣмъ выяснилось, что наканунѣ, гуляя въ штатскомъ платьѣ, онъ встрѣтился съ двумя барышнями, довольно откровенно вызывавшими его на знакомство. Онѣ разсказали ему, что онѣ — владѣлицы большой библіотеки и вскорѣ откроютъ въ Берлинѣ магазинъ картинъ. Адреса своего онѣ не дали, но онъ отъ скуки сталъ обходить всѣ библіотеки, которыхъ въ городѣ оказалось три. Въ первыхъ двухъ онъ никого не нашелъ, а попавъ въ третью — настолько доволенъ, что и думать забылъ о встрѣченныхъ имъ библіотекаршахъ.

Лилли злорадствовала въ душѣ, но не выдала дочерей своей хозяйки. А посѣтитель ея, чтобы выказать ей свое уваженіе, форменно представился ей: „фонъ-Прель, будущій лейтенантъ въ отставкѣ“.

На робкій вопросъ Лилли, разочаровался ли онъ въ военной службѣ, фонъ-Прель объяснилъ, что все въ жизни ему нравится, военная служба, какъ и все другое; но что, къ сожалѣнію, отцовскія деньги ухнули, и жалованья хватаетъ ровно на редиску. А на Рождество даже редиска дорого стоитъ. И поэтому лучше

всего купить кадку изъ-подъ селедокъ и дать себя замариновать. Не купитъ ли она ему кадку по дешевой цѣнѣ?

Лилли весело смѣялась и они стали разговаривать, какъ старые друзья. Когда пришла молоденькая горничная мѣнять книги, онъ сталъ просматривать корешки книгъ, стоявшихъ на полкахъ, и велъ себя какъ домашній человѣкъ. Когда дѣвушка уходила, онъ побѣжалъ открыть ей дверь и выпустить ее. Лилли заявила, что теперь ему пора уйти, а то если еще кто-нибудь придетъ и застанетъ его, то это возбудитъ толки. Онъ сталъ просить о пощадѣ.

— Видите ли, сударыня,—сказалъ онъ:—я извѣстенъ какъ человѣкъ, не имѣющій никакихъ нравственныхъ устоевъ. Будьте вы моей опорой въ жизни — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока снова откроется дверь. Пока я здѣсь сижу, я никакихъ глупостей не надѣлаю, а это должно быть все-таки утѣшеніемъ для вашего добраго сердца.

Рѣшено было, что до слѣдующаго звонка онъ имѣетъ право сидѣть, и онъ торжественно заявилъ, что не выдастъ тайну ихъ знакомства, чтобы не вызвать непріятностей.—Вѣдь и Колумбъ—сказалъ онъ — не испыталъ бы никакого горя, если бы не выдалъ своего открытія Америки. Такъ и ихъ молодая дружба останется ихъ семейной тайной.

Когда снова раздался звонокъ и вошла одна изъ усердныхъ абонентокъ, старая дѣва, читавшая по любовному роману въ день, веселый лейтенантъ, согласно условію, вскочилъ со стула и съ холодной вѣжливостью попросилъ дать ему новѣйшее сочиненіе—Герштекера. Это имя первымъ пришло ему въ голову.

Лилли принесла ему требуемое новѣйшее сочиненіе — помѣченное 1849 годомъ; онъ внесъ три съ половиной марки залога и удалился съ чрезмѣрно вѣжливымъ поклономъ, весело взглянувъ на Лилли изъ-подъ свѣтлыхъ рѣсницъ.

На слѣдующій день, въ тотъ же часъ, въ библіотеку явились два изящныхъ молодыхъ человѣка и попросили „что-нибудь для чтенія“, разглядывая Лилли внимательнымъ взглядомъ знатоковъ. Лилли вся похолодѣла, какъ всегда, когда чувствовала на себѣ чужіе и, въ особенности, восхищенные взгляды. Но она сохранила достоинство, и когда молодые люди, даже не взглянувъ на выданныя имъ книги, пробовали затѣять шуточный разговоръ, она отступила за шкафъ подъ литерами Л—Н, за которымъ обыкновенно писала на подоконникѣ, и молодымъ людямъ оставалось откланяться.

Ея веселый и остроумный другъ все-таки выдалъ ее!

Съ этого дня маленькая библіотека фрау Асмусенъ переполнялась ежедневно стройными, изящными молодыми дюдьми. Охваченные ненасытной жаждой чтенія, они то и дѣло обмѣнивали одинъ дрянной романъ на другой. Большинство приходило въ штатскомъ, но имена свои они не могли утаить и послѣдняя страница списка подписчиковъ имѣла видъ страницы изъ готскаго альманаха.

Одни приходили со строгимъ видомъ, другіе—съ побѣдоноснымъ. Одни сразу пробовали затѣять флиртъ, другіе заигрывали черезъ прилавокъ, а самый наивный прямо спросилъ, въ которомъ часу она удостоитъ его посѣщеніемъ на слѣдующій день. Лилли не обижалась и не гордилась своимъ успѣхомъ; съ вѣжливыми она вѣжливо разговаривала, а дерзкихъ обезоруживала тѣмъ, что исчезала за шкафомъ Л—Н.

Когда сестры Асмусенъ узнали про наплывъ знатныхъ посѣтителей, ихъ зависть и злоба достигли высшихъ предѣловъ и онѣ стали преслѣдовать Лилли насмѣшками и бранью. Мать ихъ защищала Лилли и прогоняла дочерей въ заднюю комнату. Но ничто не помогало. Днемъ имъ приходилось сдерживаться въ виду посѣтителей, но утромъ и вечеромъ онѣ давали волю своимъ чувствамъ, и жизнь Лилли превратилась въ адъ.

Веселый другъ со свѣтлыми рѣсницами, виновникъ всѣхъ ея несчастій, долго не показывался. Только черезъ двѣ недѣли послѣ своего перваго посѣщенія онъ снова вошелъ въ комнату, слегка волоча ноги, съ нѣсколько заплывшимъ взглядомъ. Онъ принесъ завернутый въ бумагу свертокъ, въ которомъ оказался букетъ гвоздики.—Это такъ называемая садовая гвоздика,—сказалъ онъ.—Она сохраняетъ свѣжесть въ теченіе пяти-шести дней, дольше всякаго страданія отъ разлуки.

Лилли обрадовалась при его появленіи и взяла цвѣты, какъ нѣчто, на что она имѣла право. Потомъ она стала упрекать его за то, что онъ разболталъ про ихъ знакомство.

— Я же вамъ говорилъ, — сказалъ онъ спокойно, — что я человѣкъ, лишенный нравственныхъ устоевъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ ей, что уже вышелъ изъ полка и что ему нужно скорѣе купить билетъ, но онъ еще не знаетъ—куда.

— Но объ этомъ я не задумываюсь, — продолжалъ онъ. — Мы съ вами такіе люди, что всегда блестяще устроимъ свою карьеру. Мой жизненный путь идетъ вдоль рѣки съ шампанскимъ и вымощенъ пирожками. Съ этимъ ничего не подѣлаешь. А если онъ закончится гдѣ-нибудь въ Луизіанѣ, то что̀ за бѣда? Всегда

переживаешь что-нибудь новое, а вѣдь это главное. Теперь-то старикъ зоветъ меня къ себѣ въ имѣніе. Что̀ я тамъ натворю?

Онъ опять засмѣялся своимъ звонкимъ едва слышнымъ смѣхомъ. Лилли спросила, о какомъ онъ говоритъ старикѣ?

Ея вопросъ въ высшей степени изумилъ лейтенанта.

— Не знать, кто такой старикъ—значитъ не имѣть понятія о человѣческой жизни. Старикъ—все. Онъ опредѣляетъ, что̀ хорошо и что̀ дурно. Одному онъ свернетъ шею, а другому заплатитъ долги. Онъ—мѣрило всѣхъ нашихъ добродѣтелей и всѣхъ грѣховъ. И при этомъ старикъ этотъ вѣчно молодъ. Вотъ онъ увидитъ васъ и скажетъ: „Иди-ка сюда, маленькая дѣвочка! Я сѣдое старое чудовище, но я желаю владѣть тобой". И тогда у васъ хватитъ смѣлости только на то, чтобы спросить: „Когда прикажете, повелитель?" Вотъ каковъ этотъ старикъ, дѣточка... Его уже давно натравляютъ на васъ, и если онъ дѣйствительно попадетъ сюда, то горе вамъ. Конецъ тогда моей бѣдной молодой королевѣ.

— А я все-таки не знаю: кто же этотъ старикъ?—спросила Лилли, которой стало жутко отъ разсказа.

— Такъ и не спрашивайте!—отвѣтилъ онъ и подалъ ей на прощанье покрытую веснушками руку.

— Жалко насъ обоихъ,—прибавилъ онъ, взглянувъ на нее съ нѣжностью и сожалѣніемъ.—Мы бы обогатили міровую исторію еще одной знаменитой любящей четой.—Нагнувшись надъ прилавкомъ, онъ прибавилъ:—Такъ какъ я человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ, то я бы хотѣлъ поцѣловать васъ на прощанье.

Лилли со смѣхомъ протянула ему губы; поцѣловавъ ее, онъ, съ трудомъ ступая, направился къ двери.

— Я вѣдь едва волочу ноги,—сказалъ онъ и исчезъ.

Лилли охватила послѣ этого разговора такая же странная тревога, какъ послѣ перваго посѣщенія ея веселаго друга. Она точно очутилась передъ закрытой золотой дверью, за которой поджидаетъ ее невѣдомая судьба.

XI.

Въ блескѣ декабрьскаго полуденнаго солнца сверкнули рукоятка сабли и пуговицы мундира.

„Это кто-то новый",—подумала Лилли, увидавъ въ окно незнакомую ей прямую мужскую фигуру. Вскорѣ раздался звонокъ

и въ комнату вошелъ человѣкъ съ орлинымъ, проницательнымъ взглядомъ, съ сѣтью тонкихъ морщинокъ у глазъ, съ строгимъ носомъ съ горбинкой, съ худощавымъ лицомъ, съ тонкими, плотно стиснутыми губами, которыя насмѣшливо и ласково улыбались изъ-подъ короткихъ щетинистыхъ усовъ. Гладко выбритый подбородокъ утопалъ въ высокомъ воротникѣ. Все это она увидѣла вскользь. Сердце ея такъ билось, что она прислонилась къ шкафу. „Это и есть старикъ“,—сказалъ ей внутренній голосъ.

Онъ нѣсколько пренебрежительно приложилъ руку къ военной фуражкѣ, не снимая ея.

— Полковникъ фонъ-Мерцбахъ, — представился онъ властнымъ голосомъ и заявилъ, что желаетъ познакомиться съ нею.

Лилли почувствовала, что ее хотятъ подвергнуть испытанію, котораго она вовсе не желаетъ, но что она совершенно беззащитна, что она стоитъ передъ судьей, который можетъ по желанію помиловать или осудить ее.

— Вы очень опасная особа,—сказалъ онъ,—и всѣхъ моихъ офицеровъ, во всякомъ случаѣ тѣхъ, которые помоложе, вы прямо съ ума свели.

— Что̀ вамъ собственно угодно?—спросила Лилли, собравшись наконецъ съ духомъ.

Онъ всадилъ въ глазъ монокль, оглядѣлъ Лилли и заявилъ, что напрасно она разыгрываетъ изъ себя угнетенную невинность, такъ какъ при всей своей молодости и — вѣроятной — неопытности, она, повидимому, обладаетъ въ совершенствѣ даромъ женскаго кокетства; не даромъ она, при всей своей сдержанности и полной недоступности—или же, быть можетъ, именно благодаря ей—побуждаетъ молодыхъ офицеровъ продолжать свои посѣщенія.

Лилли могла бы легко отклонить обидныя обвиненія, но у нея не было силы возразить хотя бы одно слово этому человѣку, который пронизывалъ ее взглядомъ и окутывалъ своей улыбкой какъ сѣтью. Она сѣла на стулъ за прилавкомъ и заплакала. Онъ всталъ со стула, на которомъ сидѣлъ, подошелъ къ прилавку и заявилъ, что вовсе не желалъ доводить ее до слезъ, но не могъ знать, что она такъ чувствительна ко всякой критикѣ.

— Я желалъ бы—сказалъ онъ—получить кое-какія свѣдѣнія. Они бы мнѣ кое-что разъяснили и, быть можетъ, имѣли бы значеніе для вашей дальнѣйшей жизни...

Лилли осушила слезы и покорно взглянула на него. Онъ спросилъ, какъ ее зовутъ, откуда она родомъ, кто ея родители,

гдѣ она училась и чѣмъ здѣсь занимается. Когда она по этому случаю назвала своего опекуна, на лицѣ его мелькнула улыбка.

— Этого господина я знаю,—сказалъ онъ.—Такъ вы, значитъ, совсѣмъ одиноки въ жизни?

На утвердительный отвѣтъ Лилли онъ сказалъ, что необходимо найти ей надежную опору и что нельзя ей навсегда оставаться въ этой дырѣ.

— Хорошо ли хоть съ вами обращаются здѣсь? — спросилъ онъ.

— Ничего,—отвѣтила Лилли и прибавила, полусмѣясь, полуплача: — Только вотъ ѣда плохая и меня иногда — она хотѣла сказать: „бьютъ", но устыдилась и сказала: „наказываютъ",—что̀ не имѣло ровно никакого смысла.

На это онъ разсмѣялся смѣхомъ, похожимъ на щелканье бича, и похвалилъ ее за то, что она относится съ веселостью къ своей судьбѣ. Затѣмъ онъ заявилъ, что этихъ свѣдѣній ему достаточно, что онъ вполнѣ разрѣшаетъ своимъ офицерамъ приходить къ ней, такъ какъ болѣе безупречнаго общества они бы не нашли среди мѣстныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ сказалъ, что при малѣйшемъ неуваженіи къ ней кого-нибудь изъ офицеровъ ей стоитъ написать ему одно слово, чтобы получить удовлетвореніе.

Затѣмъ онъ распрощался и ушелъ. Лилли видѣла изъ окна, какъ онъ шелъ по панели поступью стараго кавалериста. Онъ еще разъ обернулся и, увидавъ ее въ окнѣ, почтительно поклонился.

Лилли была сильно взволнована. Она не могла понять, чего отъ нея хотятъ, почему ее не оставляютъ въ покоѣ. Ей хотѣлось пожаловаться на свою судьбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была въ приподнятомъ, праздничномъ настроеніи. Его обѣщанія защиты согрѣвали ей душу. Что̀ еслибы онъ захотѣлъ стать покровителемъ, котораго ей такъ недостаетъ съ самаго дѣтства? Можетъ быть, онъ захочетъ стать ея опекуномъ, вмѣсто доктора Пипера. Можетъ быть, онъ хочетъ взять ее въ дочери? И все-таки что-то тревожило ее.

Его пронизывающій взглядъ, его насмѣшливый смѣхъ пугали ее. Но болѣе всего она не могла забыть предупрежденіе своего друга: „Если старикъ попадетъ сюда, горе вамъ!"

Но, въ концѣ концовъ, чего ей бояться, стоя за своимъ прилавкомъ, а въ особенности, за шкапомъ подъ литерами Л — Н, откуда ее совсѣмъ не видать.

Визитъ полковника, несмотря на его увѣреніе въ добропо-

рядочности офицеровъ—а можетъ быть именно вслѣдствіе этого увѣренія — подѣйствовалъ какъ охлаждающій душъ. Никто изъ офицеровъ больше не показывался. Лилли подумала, что, можетъ быть, въ этомъ и заключается его покровительство; но ей въ слѣдующіе дни точно чего-то недоставало. Черезъ недѣлю она получила письмо отъ полковника съ предложеніемъ занять у него мѣсто чтицы и личнаго секретаря. Такъ какъ жить у него, холостого человѣка, ей нельзя, то онъ предлагалъ ей помѣщеніе въ одной почтенной семьѣ; прибавляя, что согласіе ея опекуна уже имѣется.

Такъ вотъ оно—счастье! Оно зоветъ ее изъ ея темной дыры, чтобы показать ей новое въ жизни, а вѣдь новизна — главное, какъ говорилъ ея веселый другъ. Но когда она представила себѣ, какъ она будетъ сидѣть за большимъ письменнымъ столомъ полковника, и онъ будетъ впиваться въ нее своими пронизывающими глазами, ей сдѣлалось страшно. Она написала вѣжливое письмо съ отказомъ, говоря, что недостойна оказываемой ей чести, что не чувствуетъ себя въ силахъ выполнять столь отвѣтственныя обязанности и предпочитаетъ свою скромную должность библіотекарши.

Съ этимъ было покончено, и Лилли надѣялась, что настанетъ успокоеніе, насколько по крайней мѣрѣ это допустятъ злыя сестры.

Приближалось Рождество, не обѣщавшее Лилли никакой радости при злобныхъ отношеніяхъ къ ней сестеръ Асмусенъ. Лилли связала зимнюю кофту, накупила сластей и игръ для развлеченія и отослала все это матери въ провинціальную психіатрическую больницу. Думая о матери, Лилли стала вспоминать объ отцѣ, отсутствовавшемъ уже болѣе пяти лѣтъ, стала съ горя мечтать о его возвращеніи. Вотъ онъ придетъ въ сочельникъ—такъ, около семи часовъ вечера, въ своемъ плащѣ, засыпанномъ снѣгомъ, и привлечетъ ее въ свои объятія—она почти чувствовала запахъ его надушенныхъ волосъ. Или же посыльный принесетъ ей сначала таинственный свертокъ съ драгоцѣнными одеждами. И непремѣнно съ зимней шляпкой; ей очень нужна была именно зимняя шляпа.

Когда всѣ пошли спать, она вынула изъ своей корзинки рукопись „Пѣсни Пѣсней“ и стала пѣть тихимъ голосомъ самыя красивыя аріи. Нѣкоторыя мѣста она никогда не могла слышать безъ слезъ, и какъ-разъ въ эти вечера передъ Рождествомъ она особенно много плакала, хотя въ душѣ ея шевелилась робкая надежда на счастье.

Въ сочельникъ, несмотря на брань и ссоры въ предшествующіе дни, семья дружественно собралась за ужиномъ въ столовой. Зажгли маленькую, поставленную на столъ елку и подъ ней мать и дочери приготовили скромные подарки другъ для друга. Всѣ извинялись за незначительность подарковъ, оправдываясь отсутствіемъ денегъ и дороговизной всего, но тутъ же доказывали, что въ сущности совсѣмъ не дуренъ передникъ съ краснымъ кантикомъ, что суконка для вытиранія перьевъ — очень полезная вещь и т. д. Лилли извинялась еще болѣе другихъ, такъ какъ не смогла приготовить никакихъ подарковъ. А въ душѣ она сердилась на себя за то, что сидитъ съ сестрами и что въ эту минуту забыла даже о своей злобѣ на нихъ.

„Нѣтъ у меня никакой силы воли“ — подумала она, откусывая кусочекъ марципана, которымъ угостила ее старшая, болѣе злая изъ сестеръ.

Вдругъ раздался звонокъ и появился посыльный, нагруженный пакетами. Онъ спросилъ, здѣсь ли живетъ Лилли Чепанекъ. У Лилли вздрогнуло сердце.

— Это отъ папы!—съ упоеніемъ крикнула она.

Сначала она даже не рѣшалась открыть свертки и бѣгала по комнатѣ какъ сумасшедшая. Потомъ только сестры Асмусенъ, стоя подлѣ нея съ разгорѣвшимися отъ любопытства глазами, убѣдили ее развязать пакеты.

Чего-чего тамъ не было! Свѣтлое шерстяное и нѣжно-голубое фуляровое платье, обшитое кружевами... розовая шолковая юпка, желтыя ботинки и черныя лакированныя съ блестками, шесть паръ длинныхъ лайковыхъ перчатокъ выше локтя, платочки, обшитые валансьенами, шарфы, книги, бумага для писемъ, конфеты... Была даже желанная шляпа, свѣтло-сѣрая касторовая съ большими полями, съ свѣтло-коричневыми лентами и серебристыми помпонами. Словомъ—цѣлое приданое.

У сестеръ вытянулись лица, но и Лилли скоро перестала радоваться. Она искала письма, карточки, какого-нибудь указанія на приславшаго. Мысль объ отцѣ она уже оставила, но изъ инстинктивной осторожности продолжала притворяться, что только одинъ отецъ и могъ прислать ей всѣ эти сокровища. Наконецъ, въ шкатулкѣ отъ перчатокъ она нашла конвертъ и выбѣжала въ библіотеку. Стоя подъ висячей лампой, она съ ужасомъ прочла на карточкѣ: „Баронъ фонъ-Мерцбахъ, полковникъ и командующій... уланскимъ полкомъ“. Внизу было приписано: „шлетъ изъ глубины своего одиночества рождественскій привѣтъ своей одинокой маленькой пріятельницѣ“.

Вернувшись въ столовую, она заявила, что подарки, дѣйствительно, прислалъ отецъ. Но она была при этомъ такая грустная и растерянная, такъ нерѣшительно держала въ рукахъ фарфоровую бонбоньерку съ какими-то необыкновенными пахучими конфетами, не осмѣливаясь угостить ими сестеръ, что надъ нею стали смѣяться. Она ушла въ свой уголъ, сѣла на постель и стала горько плакать.

На слѣдующее утро Лилли позвала съ улицы посыльнаго и отослала все полученное наканунѣ полковнику безъ единаго слова объясненія. Сестрамъ Асмусенъ она сказала, что обманула ихъ, что вещи прислалъ не отецъ, а чужой, и что поэтому она отослала ихъ обратно. Обѣ сестры стали бранить ее за глупость, насмѣшливо доказывая, что если она хочетъ еще больше привязать къ себѣ поклонника своей неприступностью, то ошибается, такъ какъ всякій умѣетъ отличить притворное благородство отъ настоящаго. Образцомъ настоящаго онѣ, конечно, считали себя.

Въ слѣдующіе дни не произошло ничего необычайнаго. Только послѣ Рождества снова появилось нѣсколько офицеровъ. Но они быстро обмѣняли книги и ушли, не вступая ни въ какой разговоръ съ Лилли.

За день до кануна Новаго года Лилли снова получила письмо отъ полковника Мерцбаха. Онъ писалъ ей, что напрасно она приписала ему неблагородныя цѣли и отвергла его дружескій даръ. Онъ увѣрялъ ее, что, напротивъ того, у него есть серьезные планы относительно ея будущаго и онъ долженъ устно переговорить съ ней объ этомъ. Снова придти въ библіотеку онъ не можетъ въ виду своего общественнаго положенія, и поэтому проситъ ее, если ей дорога ея будущность, придти къ нему на слѣдующій день, вечеромъ.

Лилли не могла заснуть всю ночь отъ волненія. Ее охватывалъ непобѣдимый страхъ при одной мысли о баронѣ, и она рѣшила не идти, хотя навѣрное знала, что пойдетъ. Подъ вечеръ она отпросилась у фрау Асмусенъ сходить въ церковь. Сестры посмотрѣли на нее съ недовѣріемъ, но были слишкомъ заняты своими собственными дѣлами, чтобы шпіонить за нею, какъ обыкновенно... Она надѣла свою изношенную жакетку и старую зимнюю шапочку, даже не думая о томъ, что нельзя идти къ знатному господину въ такомъ почти нищенскомъ видѣ. Ее звалъ какой-то властный внутренній голосъ, и видъ у нея былъ необыкновенно праздничный, возбужденный. Всю дорогу она думала, что лучше повернуть назадъ, но, увлекаемая невѣдомой силой,

все же очутилась, наконецъ, передъ ярко освѣщеннымъ домомъ, на порогѣ котораго стоялъ мерзнувшій часовой, поднялась по лѣстницѣ, устланной коврами, и очутилась передъ лакеемъ въ короткихъ панталонахъ съ серебряными галунами. Ни о чемъ не спрашивая ее, онъ съ лукавой усмѣшкой взялъ у нея изъ рукъ зонтикъ и раскрылъ передъ нею высокія бѣлыя двери. Въ слѣдующей комнатѣ горѣли лампы подъ красными абажурами, похожія на волшебные цвѣты, а изъ овальныхъ золотыхъ рамокъ выглядывали прекрасныя женщины съ голыми плечами и съ вѣнками въ волосахъ. Въ огромной комнатѣ было тихо и тепло; Лилли хотѣлось лечь на мягкій коверъ и уснуть, но непобѣдимый страхъ сжималъ ей грудь и горло. Раскрылась еще одна дверь. За нею былъ зеленый сумракъ, какъ въ густомъ лѣсу... А изъ сумрака вышелъ онъ, сверкая и звеня. Взявъ ее за руку, онъ увлекъ ее за собой въ зеленый туманъ. Книжные шкафы высились какъ черныя стѣны... Сверкнулъ грозный блескъ оружія, шлемовъ и доспѣховъ.

Сидя въ темномъ высокомъ креслѣ, она не рѣшалась поднять на него глаза, и только слышала его голосъ, звучавшій сегодня не съ обычной громовой рѣзкостью, а смягченный до дрожащаго органнаго звука. Все это происходило точно не на землѣ, но и не на небѣ или въ аду. Лилли очутилась въ какой-то странѣ сновидѣній, гдѣ человѣческія души носятся въ тупомъ оцѣпенѣніи, между мукой и счастьемъ.

Наконецъ она стала понимать его слова. Онъ говорилъ простыя вещи—о рождественскихъ подаркахъ, которые онъ не считаетъ отвергнутыми навсегда; они ждутъ, спрятанные, когда она милостиво захочетъ вновь принять ихъ. Лилли только, улыбаясь, покачала головой. Отказаться вслухъ она не могла.

Затѣмъ онъ сталъ объяснять, почему онъ, уже старый человѣкъ, гонится за ней какъ настойчивый молодой влюбленный. При словахъ „старый человѣкъ“ она невольно подняла глаза; но, ослѣпленная сверканіемъ его орденовъ и серебряныхъ эполетъ, извивающихся какъ змѣйки, она снова опустила взглядъ. А онъ спокойно объяснялъ, что, по разсказамъ своихъ офицеровъ, представлялъ себѣ обыкновенную кокетливую продавщицу, а неожиданно увидалъ дѣвушку съ невѣдомыми для нея самой задатками, которая, при надлежащихъ условіяхъ, можетъ выработаться въ нѣчто поразительное,—но, конечно, можетъ заглохнуть, сидя за прилавкомъ.

— Моя единственная цѣль—позаботиться о вашемъ развитіи, если вы согласны отдать вашу судьбу въ мои руки,—продолжалъ

онъ, преисполняя сладкой надеждой сердце Лилли. Но, поднявъ снова взглядъ на него, она увидѣла поверхъ золотого и серебрянаго сверканія смягченное выраженіе его суровыхъ глазъ, глядѣвшихъ теперь на нее съ пламеннымъ ожиданіемъ. Она опять вся задрожала и продолжала сидѣть неподвижно, безвольно, думая только одно: „Все равно ничто не поможетъ. Пусть дѣлаетъ со мной, что хочетъ“.

Онъ продолжалъ:

— У меня въ восточной Пруссіи, неподалеку отъ Вислы, есть прекрасное старое имѣніе. Заняться имъ я не могу изъ-за службы. Тамъ ведетъ домъ благородная дама среднихъ лѣтъ, фрейлейнъ фонъ-Швертфегеръ. Она приняла бы васъ съ распростертыми объятіями, и подъ ея руководствомъ вы развились бы во всемъ своемъ блескѣ. А я, пріѣзжая иногда домой, наслаждался бы отблескомъ вашей юности и красоты.

Онъ поднялся съ кресла, въ которомъ сидѣлъ, и сталъ ходить вокругъ Лилли мелкими шагами. При каждомъ его шагѣ все на немъ сверкало и звенѣло, и Лилли не слышала его словъ изъ-за этого металлическаго звона.

Высказавъ свое предложеніе, онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, такъ что она почувствовала запахъ духовъ и тонкой сафьянной кожи. Ей казалось, что онъ вотъ-вотъ схватитъ ее, свяжетъ и унесетъ туда, гдѣ никто не услышитъ ея криковъ. Но она знала, что не стала бы даже сопротивляться—до того она была въ его власти.

— Взгляните хоть на меня!—сказалъ онъ.

Она хотѣла-было исполнить его просьбу. Она рада была повиноваться ему. Но она не могла.

Тогда онъ взялъ ее пальцемъ за подбородокъ и поднялъ ей голову. Но она не открывала глазъ, и передъ нею мелькалъ только красный кантикъ его мундира. Потомъ она вдругъ почувствовала, что падаетъ куда-то въ пропасть. Мундиръ поднялся высоко въ небо. Вокругъ началось жужжаніе пчелъ; потомъ все прекратилось.

Когда она снова очнулась, на груди ея лежало что-то холодное и мокрое, и женское платье, пропитанное табакомъ, касалось ея лица. Вокругъ все еще былъ зеленый сумракъ и сверкалъ панцырь. Ей было такъ хорошо, что не хотѣлось пошевелиться. Чья-то грубая, жилистая рука терла ей лобъ и чей-то добрый голосъ произнесъ:

— Вотъ бѣдняжка-то! Вотъ бѣдняжка!

Потомъ, когда она, наконецъ, смогла подать признакъ жизни, невѣдомый голосъ спросилъ, лучше ли ей.

— Я хочу домой,—сказала Лилли.

— Нельзя,—отвѣтилъ голосъ.—Онъ сказалъ, что еще долженъ съ вами поговорить. Только мой совѣтъ: поблагодарите его и уходите. Не мѣсто здѣсь для бѣдной малютки.

Когда Лилли окончательно пришла въ себя и открыла глаза, она увидѣла передъ собой старую служанку съ добрымъ лицомъ, которая предлагала принести ей ликера съ яйцомъ для подкрѣпленія, и въ отвѣтъ на просьбу Лилли скорѣе отправить ее домой, сказала, что сейчасъ позоветъ „его".

Лилли надѣла шляпку—совсѣмъ измятую, потому что она, вѣроятно, лежала на ней, и стала обсуждать про себя, какъ бы ей все-таки купить новую. Въ это время открылась дверь и вошелъ баронъ въ сопровожденіи служанки, которую тотчасъ же выпроводилъ.

„Любопытно, что̀ онъ теперь сдѣлаетъ со мной?" — подумала Лилли безъ особенно большого участія къ собственной судьбѣ.

Онъ позвалъ слугу и велѣлъ зажечь газовые рожки въ люстрѣ. Слуга оглянулъ, выходя, Лилли съ большимъ любопытствомъ, но не усмѣхаясь, какъ при ея приходѣ. Лилли сидѣла все еще на кушеткѣ, на которой очнулась, но ей было теперь все равно, что̀ произойдетъ, и она спокойно глядѣла въ лицо полковнику.

— Послушайте, дитя мое,—сказалъ онъ, отчеканивая слова:— Пока вы тутъ лежали въ обморокѣ, я многое обдумалъ и пришелъ къ нѣкоторому рѣшенію... Вы должны были уже замѣтить, что мои чувства къ вамъ—не отеческія... Словомъ, вы пробудили во мнѣ сильную страсть—понимаете?

„Какъ странно,—подумала Лилли все такъ же безучастно,— что я должна стать возлюбленной этого злого старика!"

Но разъ онъ этого желаетъ—ничего не подѣлаешь.

— Про меня говорятъ, что несмотря на свои года—я умѣю покорять женщинъ... Можетъ быть это происходитъ оттого, что я не очень высоко ихъ ставлю... Но тутъ — совсѣмъ другое... Я не сплю по ночамъ, этого никогда не бывало и такъ длиться не можетъ. Я далъ себѣ слово покончить со всѣмъ этимъ въ старомъ году... такъ или иначе. Осталось — онъ взглянулъ на часы — полъ-часа. Потомъ я долженъ уйти; меня ждутъ въ гостяхъ. Такъ вотъ: да, я хотѣлъ васъ соблазнить—„соблазнить", впрочемъ, не подходящее слово: въ мои годы соблазнять нечѣмъ.

Конечно не здѣсь, не сегодня — въ этомъ ручательство мое письмо. Но вы были обречены—не сомнѣвайтесь.

„Я и не сомнѣвалась“ — подумала Лилли, которая все это слушала съ спокойнымъ вниманіемъ, точно читая увлекательный романъ. Но страха какъ не бывало. Она съ любопытствомъ ждала, что̀ будетъ.

— Какъ бы вы ни сопротивлялись, — продолжалъ полковникъ,—ничто бы не помогло... Съ этимъ я умѣю справляться... Но вашъ обморокъ навелъ меня на другія мысли. Я понялъ, что побѣда не доставитъ мнѣ радости... Вы изъ благородной породы — а я ненавижу изнывающихъ въ тоскѣ. Плачущія любовницы представлялись мнѣ всегда чѣмъ-то ужаснымъ... У меня былъ тяжелый опытъ въ жизни, и этого я не повторю. Этого не будетъ... Вотъ что̀ я рѣшилъ, оставивъ васъ на попеченіи моей кухарки.

Лилли почувствовала глубокую радость, точно отъ оказаннаго ей благодѣянія. „Какой онъ благородный,—подумала она,— что оставляетъ меня въ покоѣ!“... Она готова была поцѣловать ему руку изъ благодарности. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей какъ будто было жаль, что такой благородный человѣкъ отказывается отъ нея.

— Я сталъ обдумывать тогда другую мысль, — продолжалъ баронъ, — уже неновую для меня... Сначала она казалась глупостью, а потомъ—единственнымъ исходомъ... Почему нѣтъ? Мысль объ отставкѣ меня не пугаетъ—въ отставку, конечно, придется подать. Я и безъ того, можетъ быть, ушелъ бы со службы. Иногда по утрамъ на лошадь не могу сѣсть.

Лилли все не понимала, зачѣмъ онъ это ей разсказываетъ.

— Главное,—продолжалъ онъ,—бѣда, что цѣлое поколѣніе будетъ мстить мнѣ за мой захватъ... Конечно, твердость взора и руки тутъ можетъ очень помочь. Не правда ли, милое дитя?

Лилли молчала, стыдясь, что она даже не можетъ слѣдить за его словами, которыя казались ей какимъ-то непонятнымъ бредомъ.

— Такъ что же, согласны вы или нѣтъ?

— Я не знаю, о чемъ вы спрашиваете! — пробормотала она.

— Боже мой, я васъ все время спрашиваю, согласны ли вы стать моей женой?

XII.

Лилли проплакала всю ночь, вернувшись домой—сама не зная, отъ радости ли, или отъ горя. На слѣдующее утро она проснулась съ увѣренностью, что баронъ только пошутилъ и немедленно возьметъ обратно свое предложеніе. Почему-то это ее скорѣе радовало, нежели огорчало. Но въ десять часовъ утра раздался звонокъ и принесли огромную корзинку розъ. Дѣвицы Асмусенъ стали злословить, понимая, что стоимость цвѣтовъ превосходитъ заработки Лилли за нѣсколько мѣсяцевъ. Онѣ злобно говорили, что въ концѣ концовъ она будетъ права, уступивъ столь щедрому поклоннику, такъ какъ ей, простой продавщицѣ, нечего дорожить своей репутаціей. Другое дѣло онѣ, принадлежащія къ обществу... Младшая утверждала, что всетаки „въ первый разъ" нужно непремѣнно изъ любви. Поспоривъ объ этомъ, онѣ стали торопиться на церемонію новогодняго пароля, который на этотъ разъ долженъ былъ объявить самолично полковникъ фонъ Мерцбахъ, красавецъ, за которымъ охотились уже годами барышни изъ лучшаго общества. Онѣ хотѣли поглядѣть на него.

Полюбовавшись цвѣтами и поцѣловавъ розы, лежавшія сверху, Лилли пошла въ церковь святой Анны, чтобы помолиться святому Іосифу, къ которому всегда прибѣгала за совѣтомъ въ тяжелыя минуты.

Согласиться ли ей? Выходить ли за барона?

Она въ сущности готова была дать согласіе. Быть богатой, знатной баронессой, пользоваться всѣми радостями міра—развѣ это не сказочное счастье? Она не могла ясно опредѣлить, что̀ собственно ее останавливаетъ. Было, однако, что-то въ баронѣ, съ чѣмъ она не могла помириться. Но она не могла опредѣлить, что̀ собственно. Не острый глазъ, не сѣдые волосы на вискахъ, не рѣзкій голосъ—со всѣмъ этимъ она могла свыкнуться. Но вотъ что̀ ее отталкивало, какъ она теперь вдругъ ясно поняла: его отвислый, какъ у старой женщины, подбородокъ съ двумя складками, опускающимися, какъ тряпки, на шею, навѣки разлучалъ ихъ. Она содрогалась при одномъ воспоминаніи объ этихъ складкахъ.

И все же сестры называли его красавцемъ, и дѣвушки изъ богатыхъ и знатныхъ семей были бы счастливы выйти за него. Какое безуміе съ ея стороны колебаться! Онъ такой добрый,

щедрый, благородный. Онъ, какъ Богъ, осыпаетъ ее милостями. Она стала представлять себѣ свою жизнь въ будущемъ, видѣла себя сидящею у ногъ его, учителя, которому она посвятитъ свою жизнь, въ то время какъ влюбленные юноши будутъ глядѣть на нее, измученные безнадежной любовью къ ней. Онъ для нея будетъ всѣмъ: другомъ, защитникомъ, отцомъ. Да, она дастъ свое согласіе. — Милый святой Іосифъ, вѣдь я должна согласиться, не правда ли?

Но святой Іосифъ стоялъ передъ нею, поднявъ палецъ остерегающимъ движеніемъ. Правда, онъ не могъ сдѣлать иного движенія — художникъ изобразилъ его именно съ такимъ жестомъ. Но видъ его не могъ внести успокоенія въ колеблющуюся душу дѣвушки.

На слѣдующій день Лилли получила письмо отъ своего опекуна, д-ра Пипера, приглашавшаго ее къ себѣ въ канцелярію по важному дѣлу. Лилли сдѣлалось страшно.—И онъ, значитъ, знаетъ!—рѣшила она.

Лилли не была у своего опекуна полтора года, съ того дня, когда пришла къ нему, шатаясь отъ слабости, прямо изъ больницы. Когда она, отпросившись у фрау Асмусенъ, явилась къ нему теперь и вошла въ кабинетъ, онъ съ минуту неподвижно глядѣлъ на нее, не произнося ни слова. Потомъ онъ погладилъ свою лысину и сказалъ протяжно:

— А, вотъ оно что!

Лилли стояла въ замѣшательствѣ.

— Теперь я начинаю понимать, — продолжалъ д-ръ Пиперъ.—Вы такъ развились, дитя мое, что это отчасти извиняетъ безуміе нѣкоторыхъ мужчинъ. Здравствуйте!

Поднявшись, онъ протянулъ ей руку и первымъ дѣломъ обратилъ вниманіе на ея очень сношенныя перчатки. Лилли сконфузилась, говоря, что какъ разъ собиралась купить новыя, но онъ съ веселымъ смѣхомъ сказалъ, что совѣтуетъ пока воздержаться отъ покупки.

— Сношенныя перчатки и такая кофточка, какъ ваша, очень трогаютъ въ соединеніи съ вашей внѣшностью,—сказалъ онъ.— Получается пикантный контрастъ, склоняющій къ лиризму даже людей, не отличающихся избыткомъ чувствительности.

Онъ дружески взялъ ее за руку и усадилъ въ удобное кресло.

— Когда же свадьба?—спросилъ онъ.

— Не было пока и помолвки, — пробормотала Лилли. — Я еще не дала согласія.

— Какъ, даже комедія сопротивленія?—весело воскликнулъ д-ръ Пиперъ.—Такой практичности я даже не ожидалъ отъ васъ.

— Не понимаю, что̀ вы хотите сказать!—возразила Лилли, почему-то вспыхивая отъ негодованія.

— Все это превосходно,—продолжалъ Пиперъ,—только не нужно слишкомъ далеко заходить въ такихъ шуткахъ... Положитесь на меня. Я человѣкъ опытный, хотя, правда, такой случай рѣдко попадался и въ моей практикѣ... Я постараюсь ускорить свадьбу и рекомендую хранить все въ строжайшей тайнѣ. Вамъ, милое дитя, совѣтую оставаться все такимъ же свѣжимъ бутономъ... только употребляйте мыло получше сортомъ. Въ остальномъ не нужно ничего мѣнять... Затѣмъ нужно будетъ переѣхать пока на другую квартиру, сдѣлать новый гардеробъ — на это хватитъ выручки отъ продажи материнскаго имущества. Да и я готовъ, изъ чисто эстетическихъ побужденій, добавить денегъ, если нужно будетъ. Вотъ и все относительно времени до свадьбы. Но гораздо важнѣе — позаботиться о томъ, что̀ будетъ послѣ свадьбы, и мнѣ не хотѣлось бы отпустить васъ безъ нѣкоторыхъ совѣтовъ. Конечно, я не могу давать вамъ тѣхъ указаній, которыя можетъ дать мать дочери-невѣстѣ, но во всемъ остальномъ, въ вопросахъ о наслѣдствѣ по завѣщанію, страхованію жизни, алиментахъ на случай развода безъ вины съ вашей стороны, или даже въ случаѣ вины — во всемъ этомъ слѣпо положитесь на меня... Что касается другого, то я не могу помочь вамъ какъ адвокатъ, но просто совѣтую вамъ помнить, что мы созданы для того, чтобы наслаждаться жизнью и дѣлать то, что̀ хотимъ. Кто будетъ увѣрять васъ въ противномъ, тотъ, значитъ, хочетъ лишить вашу жизнь солнечнаго свѣта. Предостерегаю васъ только отъ трехъ вещей: не нужно обмѣниваться излишними взглядами, не нужно требовать излишняго отчета отъ другихъ и не нужно дѣлать лишнихъ признаній. Теперь вы этого не понимаете, но въ будущемъ помяните мой совѣтъ. А затѣмъ вотъ еще что: любите вы брильянты?

— Я почти не видала брильянтовъ. Передъ витринами ювелировъ намъ не позволяли останавливаться.

— Ну, а теперь — сказалъ съ циничной улыбкой опекунъ Лилли — я вамъ совѣтую при прогулкахъ съ вашимъ супругомъ непремѣнно останавливаться передъ каждой витриной и скопить какъ можно больше драгоцѣнностей; ихъ никогда не приходится возвращать. Въ особенности старайтесь пріобрѣсти жемчугъ — онъ можетъ оказать драгоцѣннѣйшую помощь въ свое время.

„Вотъ ужъ чего я никогда не буду дѣлать!“ — подумала Лилли, опустивъ голову.

— Я бы могъ дать вамъ еще множество другихъ совѣтовъ,— продолжалъ Пиперъ,—но вы ихъ не поймете. Вотъ кое-что на первое время: возможно, что у васъ будутъ сильно разстроены нервы послѣ свадьбы — такъ пейте бромъ, много брома. А затѣмъ не принимайте всего близко къ сердцу, отдѣлите себя отъ всего, что̀ съ вами будетъ происходить—будьте мертвой массой. Потомъ тяжесть первыхъ впечатлѣній пройдетъ—и вы снова будете дышать свѣжимъ воздухомъ. Главное—не обращать при разстроенныхъ нервахъ слишкомъ много вниманія на непосредственно окружающее васъ. Уноситесь мечтами въ синія горы. Думайте о счастьѣ вдали и не ищите его подлѣ себя. Вы молоды, ваше счастье придетъ. Дайте ему только время вырости, созрѣть... Но вы, конечно, не поняли ни слова изъ всего, что̀ я сказалъ.

— Нѣтъ, поняла—проговорила Лилли, чтобы не показаться слишкомъ глупой. На самомъ дѣлѣ она поняла только о синихъ горахъ. Она рада будетъ мечтать о нихъ.

— Какъ бы то ни было, — продолжалъ опекунъ, — но со временемъ вы припомните, что̀ я сказалъ. И еще нѣчто важное: не печальтесь, если вокругъ васъ не все будетъ звучать и отвѣчать на звуки. Треснувшіе колокола не могутъ давать чистые звуки... Лучше самой создавать музыку для себя... А вѣдь въ вашемъ распоряженіи, если не ошибаюсь, цѣлый оркестръ.

— У меня есть „Пѣсня Пѣсней“! — съ торжествомъ сказала Лилли.

— Вы не повѣрите, милое дитя, до чего важно при близкой жизни вдвоемъ не утрачивать свой собственный міръ, свои отдѣльныя мысли и мечтанія. Нужно только не обнаруживать этого. Не сопротивляться. Съ перваго же времени направьте свой жизненный путь по двумъ рельсамъ, чтобы всегда имѣть возможность ѣхать, смотря по надобности, въ обоихъ направленіяхъ... При такихъ условіяхъ вашъ бракъ можетъ сложиться очень удачно... Не говоря уже о внѣшнихъ удобствахъ... Свадебный контрактъ я вамъ перешлю... До совершеннолѣтія, т.-е. еще два года, я вполнѣ въ вашемъ распоряженіи. Вы увидите— и опытные адвокаты вамъ это разъяснятъ впослѣдствіи, — что контрактъ уготовляетъ вамъ много пріятныхъ сюрпризовъ, не сразу видныхъ для непосвященныхъ. Только въ *одномъ* случаѣ вы лишаетесь всякихъ правъ—и этого случая берегитесь. Онъ называется: in flagranti... При случаѣ справьтесь — очень осто-

рожно,—что̀ означаетъ это слово. Ну, а теперь я могу передать полковнику ваше согласіе?

XIII.

Поѣздъ грохоталъ среди ночи... Сверкали снопы искръ... Все было такъ странно и прекрасно. Лилли прислонилась отяжелѣвшей отъ шампанскаго головой къ бархатной подушкѣ и передъ нею носился хаосъ образовъ. Черная большая чернильница и за нею маленькій сѣдой человѣкъ, который предлагалъ разные ненужные вопросы... Бѣлое тюлевое облако съ вѣточками мирта... Смѣшной протестантскій пасторъ, черный какъ могильщикъ, но говорившій такъ сердечно, что хотѣлось выплакаться у него на груди... Два черныхъ и два пестрыхъ господина: одинъ изъ черныхъ былъ д-ръ Пиперъ, одинъ изъ пестрыхъ—полковникъ.

— Полковница... баронесса...—мѣрно отчеканивали колеса.

Замѣчательно интересное было мороженое въ формѣ горнаго рудника. Когда она ѣла его золотой ложечкой, она спросила полковника, можно ли ей будетъ ѣсть мороженое каждый день, и онъ со смѣхомъ обѣщалъ ей.

Теперь онъ сидитъ, впивая въ нее пристальный взглядъ. Это—единственное, что̀ непріятно, и не будь она такой трусихой, она бы попросила его поглядѣть для разнообразія куда-нибудь въ другую сторону. Но въ общемъ она теперь ужъ не боялась его, такъ какъ знала, какой онъ добрый и какъ радъ исполнить всякое ея желаніе.

Вотъ также несомнѣнно, что у него кривыя ноги, настоящія кавалерійскія ноги, къ тому же слишкомъ короткія. Но объ этомъ было грѣшно даже думать.

На вокзалѣ было множество народа. Не видать было только военныхъ мундировъ, такъ какъ оффиціальныхъ проводовъ по его желанію не было. Но за то было много дамъ подъ густыми вуалями на платформѣ. Когда она подошла къ купэ подъ-руку съ нимъ, то раздалось даже нѣсколько восхищенныхъ восклицаній—не изъ дружескихъ устъ, что̀ преисполнило ее радостью и гордостью. Въ послѣднюю минуту въ окно вагона влетѣли два букетика, и, выглянувъ изъ окна, Лилли увидѣла двухъ сестеръ Асмусенъ, которыя низко ей кланялись и плакали. Счастье Лилли было такъ велико, что оно даже обезоруживало зависть и превращало злое, ядовитое чувство въ скорбное сочувствіе ея радости.

И вотъ противъ нея сидитъ тотъ, который надѣлилъ ее такимъ счастьемъ. Чувство благодарности такъ наполнило душу Лилли, что она опустилась передъ нимъ на коверъ, сложила руки и съ обожаніемъ подняла на него глаза. Но когда, обнявъ ее, онъ притянулъ ее къ себѣ, она пересѣла на свое мѣсто. Онъ только съ улыбкой кивнулъ головой, точно говоря: мой часъ придетъ.

И часъ его наступилъ раньше, чѣмъ она предполагала.

Вмѣсто Дрездена, куда рѣшено было ѣхать, они остановились на полъ-пути, на станціи, откуда шла вѣтвь къ имѣнію барона. Они очутились, совершенно неожиданно для Лилли, на темной станціи, съ багажемъ, и полковникъ, къ ужасу Лилли, сталъ громко ругаться, пока не прибѣжали люди и не занялись переноской багажа въ ожидавшую отельную карету... Лилли забилась въ уголъ кареты. „Вотъ ты попала во власть злого старика, совершенно тебѣ чужого, и онъ можетъ распоряжаться тобой какъ хочетъ!“—думала Лилли, вся дрожа.—„А что если вдругъ выскочить изъ коляски и убѣжать?“—Онъ остановитъ коляску, начнутъ звать и искать ее, поднимутъ на ноги полицію, и на слѣдующее утро найдутъ ее—спящую гдѣ-нибудь у стѣны, быть можетъ замерзшую.

Полковникъ влюбленно протянулъ ей руки. Картина бѣгства разсѣялась, и Лилли съ веселымъ смѣхомъ отвѣтила на его пожатіе.

Еще разъ, уже когда они пріѣхали въ отель и вокругъ нихъ засуетилась прислуга, у нея опять явилась мысль о бѣгствѣ: „Что̀ если сказать, что я что-то забыла въ каретѣ, выбѣжать и не возвращаться?“

Но она уже поднималась подъ-руку съ нимъ по широкой лѣстницѣ.

Они вошли въ большую комнату, устланную мягкимъ ковромъ. Въ одномъ углу стояла большая кровать, покрытая бѣлымъ шолковымъ покрываломъ. Лилли тщетно искала глазами второй кровати.

Полковникъ сталъ распоряжаться въ комнатѣ какъ дома, поворчалъ, снялъ пальто и повѣсилъ его на вѣшалку.

Лилли стояла прислонившись къ стѣнѣ, не двигаясь съ мѣста, какъ вошла: „Если бѣжать теперь,—думала она,—то ужъ придется черезъ окно“.

— Если ты думаешь простоять такъ до утра, — сказалъ полковникъ,—то я буду пользоваться тобой какъ вѣшалкой для платьевъ.

Онъ засмѣялся, закурилъ папиросу, сѣлъ на диванъ и сталъ смотрѣть взглядомъ знатока, какъ она медленно снимала пальто и вынимала булавку изъ шляпы. Раздался стукъ въ дверь. Кельнеръ принесъ холодную закуску и шампанское. Лилли запротестовала было противъ шампанскаго, такъ какъ ей было не по себѣ послѣ шампанскаго, выпитаго за обѣдомъ, но полковникъ уговорилъ ее, что ей нужно набраться храбрости, чтобы нарядиться въ первый разъ въ свой голубой шолковый пеньюаръ. Онъ налилъ ей бокалъ, къ которому она однако едва прикоснулась, и потомъ хотѣлъ притянуть ее къ себѣ. Но она вывернулась, говоря, что идетъ за своимъ пеньюаромъ. Она опустилась на колѣни передъ сундукомъ, который укладывала наканунѣ, и вынула съ самаго низу воздушное шолковое облако, подаренное ей передъ свадьбой вмѣстѣ со множествомъ другихъ нарядовъ.

Она тщетно озиралась, куда бы ей пойти переодѣться, но нигдѣ не было спасенія отъ страстнаго взгляда, слѣдившаго за нею. Она стояла въ нерѣшительности, не отстегивая даже воротничка платья. Баронъ нетерпѣливо подскочилъ къ ней, съ желаніемъ помочь ей, но она поглядѣла на него съ такимъ отчаяніемъ, что онъ изъ рыцарскаго чувства отступилъ. Въ эту минуту онъ нагнулся, чтобы поднять свертокъ, выпавшій изъ сундука, когда она въ немъ рылась.

Лилли увидѣла что-то свѣтлое въ его пальцахъ. — „Пѣсня Пѣсней"!—пронеслось въ ея головѣ.

Она съ крикомъ бросилась къ нему, пытаясь вырвать у него изъ рукъ свертокъ. Но онъ не выпускалъ его, со смѣхомъ отбояриваясь отъ Лилли. Мысль, что тайна ея жизни попала въ чужія руки, сводила ее съ ума. Она плакала, кричала и готова была бить похитителя. Это возбудило наконецъ въ немъ подозрѣнія. Онъ почти сталъ сомнѣваться въ ея душевной, а быть можетъ и тѣлесной чистотѣ и неприкосновенности.

— Послушай, дѣвочка,—сказалъ онъ: — никакихъ уловокъ и утаиваній я не допущу. Или ты добровольно покажешь мнѣ, что тутъ у тебя, или я такъ сдавлю тебя между колѣнъ, что ты не сможешь пошевельнуться.

Тогда она стала молить его:

— Полковникъ, милый полковникъ... Тутъ только нѣсколько листовъ нотной бумаги и написанный текстъ пѣсенъ, больше ничего. Клянусь вамъ, милый полковникъ!

Забавная наивность ея мольбы, то, что она по привычкѣ назвала его „полковникомъ", разсмѣшило его. Къ тому же онъ

зналъ, что въ ней, какъ въ дочери музыканта, возможны притязанія на композиторскій талантъ.

— Это твоя композиція?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, не то!—жалобно сказала она.—Но не смотрите въ ноты—дайте ихъ мнѣ... Не то я выскочу изъ окна—клянусь Господомъ и всѣми святыми!

Она ему такъ нравилась съ расширенными отъ смертельнаго страха глазами, съ распустившимися въ борьбѣ волосами, съ выраженіемъ трагической музы на нѣжномъ, полудѣтскомъ личикѣ, что ему хотѣлось подольше насладиться очаровательнымъ зрѣлищемъ. Онъ принялъ суровый видъ и сталъ представляться такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности за нѣсколько минутъ до того.

Тогда она опустилась на колѣни передъ нимъ и, обнимая его колѣни, прошептала, задыхаясь отъ стыда и горя:

— Если вы мнѣ вернете ноты, то можете дѣлать со мной что̀ хотите. Я не буду больше сопротивляться.

Этотъ торгъ показался ему выгоднымъ.

— По рукамъ?

— По рукамъ,—отвѣтила она.—И никогда не будете спрашивать?

— Если ты поклянешься мнѣ твоимъ святымъ Іосифомъ, что кромѣ нотъ тамъ ничего нѣтъ.

— Кромѣ нотъ—и текста—клянусь.

Онъ передалъ ей свертокъ, и она отдалась ему—продала себя человѣку, который уже владѣлъ ею, за „Пѣсню Пѣсней“, которую онъ у нея похитилъ.

На слѣдующее утро Лилли проснулась очень рано. Полковникъ спалъ еще крѣпкимъ сномъ. Она тихонько встала и одѣлась, не разбудивъ его. Потомъ она написала на листѣ бумагѣ: „я пошла въ церковь“, просунула бумагу между пальцевъ спящаго, вышла изъ комнаты и спустилась внизъ. Портье отеля былъ такъ пораженъ, увидавъ ее, что даже забылъ поклониться ей.

На улицахъ маленькаго города было совсѣмъ тихо. Кучи снѣга, сметеннаго съ мостовой, тянулись вдоль канавъ. Черная стая галокъ усѣлась на краю городского колодца на площади. Въ сѣромъ оснѣженномъ воздухѣ раздавался тихій звонъ колокольчиковъ. По панелямъ шли дѣти соннымъ шагомъ въ школу. Въ лавкахъ горѣлъ еще свѣтъ. Мальчики съ раскраснѣвшимися

отъ мороза щеками подметали панель у входа въ лавки. При приближеніи Лилли они останавливались, какъ вкопанные, или звали товарищей изъ лавокъ. Тѣ приходили на зовъ и всѣ въ упоръ на нее смотрѣли.

За Лилли раздались шаги марширующихъ солдатъ. Шелъ отрядъ пѣхоты въ рукавицахъ, но безъ шинелей. Они звонко выступали на мостовой, испуская при дыханіи въ тактъ цѣлыя облака бѣлаго пара... Всѣ, какъ по командѣ: „глаза влѣво", повернулись лицомъ къ ней, и офицеры тоже обмѣнивались удивленными взглядами и пожимали плечами.

Она дошла безъ длинныхъ поисковъ до католической церкви, возвышавшейся надъ всѣми домами неуклюжей каменной громадой съ огрубѣвшими остатками готики. Съ обѣихъ сторонъ внутри тянулись грубо-пышные алтари съ яркой позолотой и дешевыми стеклянными вазами. Своего святого Іосифа она не нашла, и пришлось удовольствоваться скорбной Матерью, которая не могла утѣшить ее.

Въ душѣ Лилли была какая-то томительная пустота, какая-то тяжесть, которую она не могла понять въ себѣ. Она точно свершила какой-то грѣхъ, но какой—не знала. Она опустилась на колѣни и стала читать молитвы такъ разсѣянно, что сама устыдилась. Потомъ она накрыла себя на томъ, что стала любоваться своими шведскими перчатками, такъ мягко обтягивавшими ея руки.

Отъ времени до времени все тѣло ея пронизывала дрожь, заставлявшая ее закрывать глаза и стискивать зубы, и этого она тоже стыдилась.

Вскорѣ она перестала молиться и стала разглядывать Мадонну, у которой было слезливое выраженіе лица, точно она умоляла вынуть торчащіе въ ея сердцѣ семь мечей. Рукоятки этихъ семи мечей были усѣяны жемчугами и разноцвѣтными каменьями.

„Если бы я хоть была несчастна, — подумала Лилли,— все же это было бы кое-что. Тогда я могла бы вести съ ней бесѣды, какъ прежде со святымъ Іосифомъ... И мечи, торчащіе въ моемъ сердцѣ—тоже драгоцѣнные".

Столь же драгоцѣнны, какъ нить жемчуга, которая украшала вчера на свадьбѣ ея шею.

Она вспомнила, какъ за два мѣсяца до того она тайкомъ пробиралась на зарѣ, чтобы принести къ ногамъ своего любимаго святого свое горячее, переполненное сердце, какъ она въ упоеніи молодости точно скользила по облакамъ, устремляя взоръ въ блаженную даль.

Она была тогда одинокая и несчастная.

„А то, что̀ теперь—развѣ счастье?“—подумала она и пожала плечами.

Потомъ ей сдѣлалось вдругъ страшно при мысли, что тѣ времена уже не вернутся, что отнынѣ она будетъ всегда жить, какъ теперь, съ пустымъ сердцемъ, съ тупой тяжестью въ душѣ.

„Это все происходитъ оттого, что я недостаточно его люблю“,—созналась она себѣ.

Теперь она знала, о чемъ просить Матерь Божію. Она закрыла лицо руками и долго, горячо молилась. Она молилась о томъ, чтобы любить его съ такой страстью, сколько у нея капель крови, съ такимъ благоговѣніемъ, сколько у нея надеждъ въ сердцѣ, съ такой радостью, сколько у нея смѣха въ груди.

И молитва ея была услышана. Съ облегченнымъ сердцемъ, съ сіяющими глазами поднялась она и поспѣшила домой, къ тому, кому она хотѣла отнынѣ стать дочерью, служанкой, возлюбленной, какъ онъ пожелаетъ.

Съ нѣмецкаго З. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ФЕВРАЛЬ

Измѣнчивый мѣсяцъ Февраль.
Онъ любитъ весну и зимы ему жаль.
Онъ льдистостью дымной стекло по утрамъ затемняетъ,
А въ полдень съ капелей онъ яркія слезы роняетъ.
И, жмурясь сквозь солнце, глядитъ онъ въ замлѣвшую даль,
Улыбчиво-грустный Февраль.
Лежатъ на снѣгу ярко-синія тѣни
Отъ черныхъ деревьевъ, и, ставъ на колѣни,
Чуть слышно онъ шепчетъ пробудныя сказки землѣ,
Надъ снѣгомъ колдуетъ для тѣхъ, кто подъ снѣгомъ, во мглѣ.
И радость морозную вешняя точитъ печаль
Въ обманчивый мѣсяцъ Февраль.
Въ сіяніи снѣжномъ пасхальная встала мечта,
Во образѣ старца зима повстрѣчала Христа,
И медлятъ закаты, раскинувъ зардѣвшія крылья,
И дрогнуло сердце, полно небывалою былью.
Веснуетъ ли вновь или мудрой зимы ему жаль
Въ предвешній и краткій Февраль?

П. Соловьева.

Чарльзъ Дарвинъ.

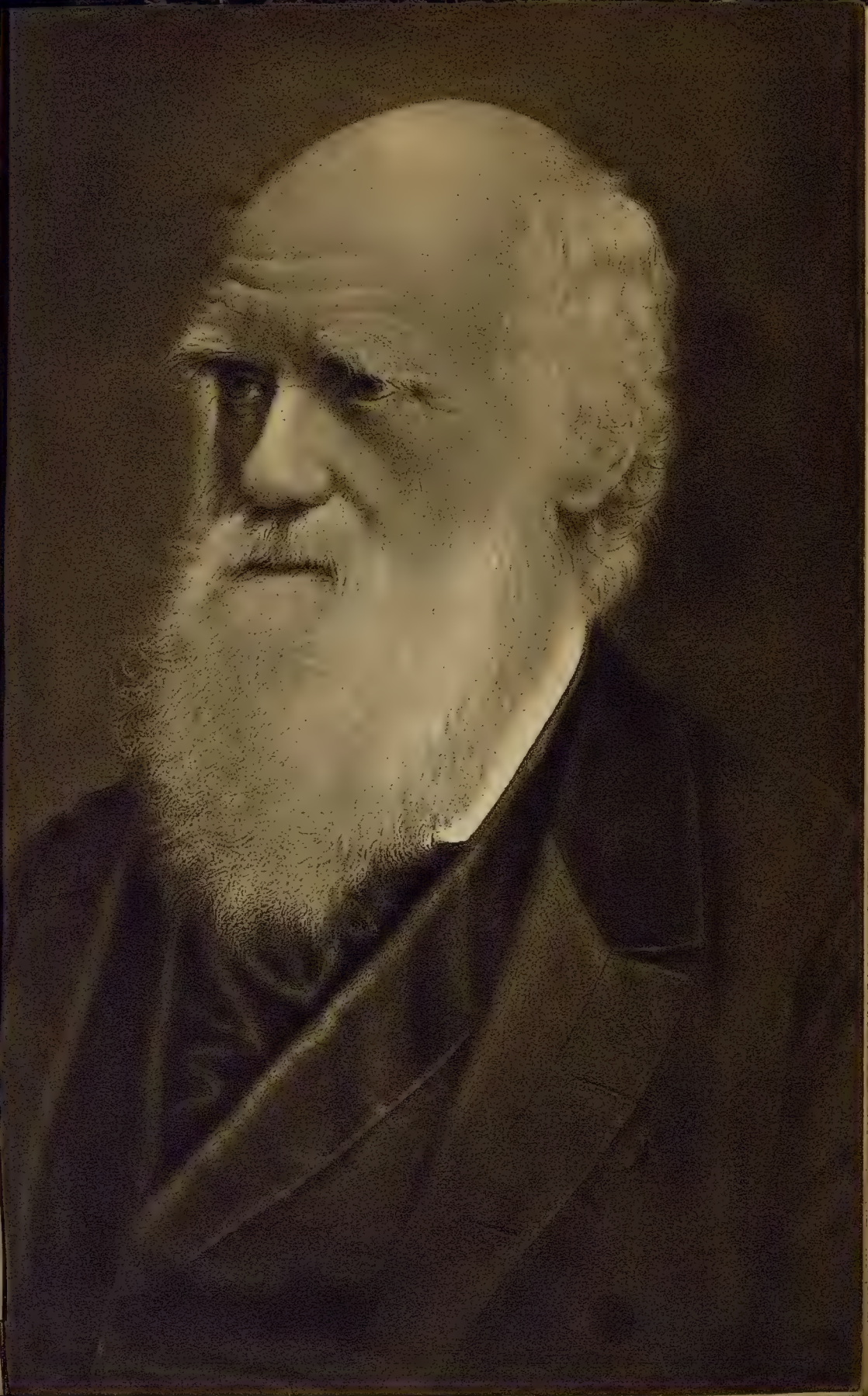
Съ фотографіи.

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

Съ фотографіи.

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.



ЧАРЛЗЪ ДАРВИНЪ

12 февраля (н. с.) 1809 г.—12 февраля 1909 г.

Darwin's Theorie enthält einen wesentlichen neuen schöpferischen Gedanken. Sie zeigt, wie Zweckmässigkeit der Bildung in den Organismen auch ohne alle Einmischung von Intelligenz durch das blinde Walten eines Naturgesetzes entstehen kann.

H. v. Helmholtz.

Ueber das Ziel und die Fortschritte der Naturwissenschaft.
(Eröffnungsrede für die Naturforscherversammlung in Innsbruck. 1869.)

Наступившій годъ будетъ годомъ юбилеевъ, которыми цивилизованный міръ помянетъ одно изъ величайшихъ завоеваній человѣческой мысли, отмѣтившее новую эру въ ея поступательномъ движеніи. Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1809 году 12 февраля, родился Чарлзъ Дарвинъ; въ томъ же году, почти никѣмъ не замѣченная, появилась „Philosophie Zoologique" Ламарка. Ровно черезъ полъ-вѣка, въ 1859 г., вышло въ свѣтъ „Происхожденіе видовъ" и, черезъ какой-нибудь годъ или два, о немъ заговорили всѣ образованные люди. Прошло еще полъ-вѣка, и можно сказать, что не смотря на непрерывавшіяся попытки умалить значеніе этой книги, она и теперь, какъ и въ моментъ появленія, является единственной „философіей біологіи", остается единственнымъ ключомъ для пониманія общаго строя органической природы, продолжаетъ служить путеводной звѣздой современнаго біолога, каждый разъ, когда, отрывая свой взглядъ отъ ближайшихъ, узкихъ задачъ своего ежедневнаго труда, онъ по-

желаетъ окинуть взоромъ всю совокупность біологическаго цѣлаго.

Рядомъ съ желаніемъ помянуть столѣтнюю годовщину рожденія геніальнаго англійскаго ученаго и полувѣковую годовщину его безсмертнаго произведенія, возникаетъ и желаніе отдать запоздалую дань удивленія его великому французскому предшественнику. Но нерѣдко это, съ виду внушаемое только чувствомъ справедливости, желаніе возстановить Ламарка въ его законныхъ правахъ оказывается однимъ изъ проявленій плохо скрываемаго стремленія умалить или даже совершенно уничтожить значеніе ученія Дарвина—стремленія, внушеннаго тѣмъ реакціоннымъ теченіемъ европейской мысли, которое тщетно пытается дать отпоръ научному міровоззрѣнію, завоевывающему все новыя и новыя области знанія, привлекающему къ себѣ все болѣе и болѣе широкіе круги сторонниковъ.

Этой годовщиной можно бы воспользоваться для того, чтобы освѣжить въ своей памяти общія черты этой изумительной дѣятельности—цѣлой жизни, въ которой все вяжется въ одно стройное цѣлое, вокругъ одной центральной идеи. Сначала, въ молодыхъ годахъ, не въ обычной пыли библіотекъ или музейскихъ коллекцій, а лицомъ къ лицу съ природой, въ теченіе пятилѣтняго кругосвѣтнаго плаванія, зарождается „революціонная мысль“ [1]), шедшая въ разрѣзъ воззрѣніямъ всѣхъ безъ исключенія авторитетовъ того времени. Затѣмъ, неимовѣрный трудъ [2]) болѣе чѣмъ двадцати-лѣтней обработки этой мысли: выслѣживаніе ея во всѣхъ ея изгибахъ и послѣдствіяхъ, внезапное освѣщеніе ихъ общей, связующей идеей—и наконецъ сведеніе всей теоріи въ сжатую форму одного небольшого тома, одной главы, одной заключительной страницы. И наконецъ—цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій, касающихся самыхъ сложныхъ случаевъ примѣненія теоріи и служащихъ примѣромъ ея использованія въ качествѣ „рабочей гипотезы“. Весь этотъ колоссальный трудъ—анализа, исчерпывающаго всѣ стороны вопроса, широко обобщающаго синтеза и блестящихъ провѣрочныхъ изслѣдованій,—словомъ, всего того, изъ чего слагается всякое великое произведеніе науки, мы могли бы прослѣдить чуть не изо дня въ день, благодаря дневнику путешествія, автобіографіи и пяти томамъ переписки, оставшимся послѣ Чарлза Дарвина. Мы могли бы,

[1]) „Вы величайшій революціонеръ въ естествознаніи нашего вѣка или, вѣрнѣе, всѣхъ вѣковъ“—отзывъ о Дарвинѣ Уотсона.

[2]) Особенно если вспомнить, что въ теченіе пятидесяти лѣтъ самой дѣятельной своей трудовой жизни онъ не пользовался почти ни однимъ днемъ полнаго здоровья.

такимъ образомъ, воспроизвести самое удивительное зрѣлище, какое только доступно человѣческому изученію—процессъ зарожденія, полнаго развитія и послѣдующаго использованія въ умѣ великаго мыслителя одной изъ геніальнѣйшихъ, когда-либо высказанныхъ идей.

Но можно воспользоваться этой годовщиной и для того, чтобы еще разъ, особенно въ виду выдвигаемыхъ сомнѣній, въ возможно сжатой формѣ выяснить, какое же новое слово принесъ съ собой великій ученый, чѣмъ отличалось оно отъ высказаннаго, за полъ-вѣка до него, его предшественникомъ [1]) и что внесло въ оцѣнку этого новаго слова истекшее затѣмъ полустолѣтіе. Заставило ли оно сколько-нибудь усомниться въ его основахъ выдвинуло ли что-нибудь ему на смѣну, или дополнило его только новыми фактическими данными и раскрыло передъ наукой новые горизонты?

Въ этомъ по необходимости краткомъ очеркѣ мы выберемъ второй путь.

Основная задача всей дѣятельности ученаго, столѣтній юбилей котораго мы теперь чествуемъ, также какъ и центральная идея его знаменитой книги, сводится къ вопросу—почему органическій міръ таковъ, какимъ мы его знаемъ? Въ отвѣтѣ на это одно слово *почему* заключается все различіе между старымъ и новымъ міровоззрѣніемъ. Старое міровоззрѣніе признавало достаточнымъ знать, каковъ этотъ органическій міръ въ общемъ и еще болѣе въ частностяхъ, вопросъ же, почему онъ таковъ, исключался изъ области вѣдѣнія изслѣдователя природы и всецѣло передавался въ область вѣдѣнія теолога или метафизика. Ламаркъ сдѣлалъ первую обстоятельную, но въ цѣломъ неудачную, Дарвинъ—первую и до сей поры единственную вполнѣ удачную попытку изъять этотъ вопросъ изъ вѣдѣнія послѣднихъ и передать его въ вѣрныя руки перваго. Отсюда понятно все негодованіе послѣднихъ, лишающихся одной изъ своихъ, казалось, навсегда обезпеченныхъ монополій, и радость перваго, при видѣ раскрывающейся передъ нимъ новой и широкой плодотворной дѣятельности.

---

[1]) Мы не станемъ здѣсь перебирать различныхъ указаній на такъ называемыхъ болѣе раннихъ предшественниковъ Дарвина. Къ какимъ ошибкамъ можетъ приводить погоня за подобными находками, доказываетъ исторія съ Аристотелемъ. На основаніи свидѣтельства одного филолога Дарвинъ приводилъ и Аристотеля въ числѣ своихъ предшественниковъ, но недавно Диксей показалъ, что въ дѣйствительности Аристотель высказываетъ эту мысль отъ лица воображаемаго противника и самъ ее отвергаетъ!

Но въ чемъ же заключается самая выдающаяся, самая въ то же время загадочная и, какъ всякая загадка, невольно возбуждающая человѣческій умъ особенность органическаго міра? Въ томъ, что онъ—*органическій*. Этотъ отвѣтъ можетъ показаться слишкомъ простымъ и очевиднымъ, но мы увидимъ, что на непониманіи, неумышленномъ или умышленномъ, этого простого положенія основываются главныя современныя попытки замѣнить дарвинизмъ чѣмъ-то инымъ: Организмъ—значитъ снабженный органами, а органъ—значитъ орудіе. Орудіе предполагаетъ пользованіе имъ, а пригодность орудія къ использованію указываетъ на существованіе какъ бы извѣстной цѣли, на умыселъ, на участіе въ производствѣ этого орудія сознательной, разумной воли. Поэтическое творчество человѣка отвѣтило на эту загадку разгадкой *теологической*, а изобрѣтательность метафизиковъ замѣнила ее разгадкой *телеологической*. Первая отвѣчала: создалъ эти орудія—the great Artisan—Великій Мастеръ, выраженіе, нерѣдко встрѣчающееся въ старинныхъ англійскихъ натуральныхъ теологіяхъ. Вторая разгадка старалась только затемнить эту мысль ученіемъ о конечныхъ причинахъ, этимъ диковиннымъ созданіемъ схоластики, по которому та пара фактовъ, которую мы называемъ причиной и слѣдствіемъ, можетъ мѣняться мѣстами и причина становиться въ концѣ своего слѣдствія. Но это ученіе о конечныхъ причинахъ или цѣляхъ, играющихъ роль причинъ, приводитъ въ окончательномъ выводѣ къ тому же, что откровеннѣе и эстетичнѣе заявляли теологи, т.-е. къ выводу, что всякая организація, производящая на насъ общее впечатлѣніе умысла, не можетъ быть объяснена какъ послѣдствіе естественныхъ причинъ, но только какъ осуществленіе цѣлей, какъ результатъ непосредственнаго вмѣшательства разумной воли.

Біологія, какъ послѣднее слово науки о природѣ, необходимымъ образомъ черезъ ученіе о конечныхъ причинахъ—вводитъ насъ въ иную, высшую область—въ преддверіе теологіи. Таковъ былъ заключительный выводъ *Исторіи индуктивныхъ наукъ* Юэля, въ которой лучше всего отразилось современное ей состояніе естествознанія. Юэль приходитъ къ этому выводу, опираясь на авторитетъ Канта и Кювье, но онъ смѣло могъ бы добавить, что иного объясненія не въ состояніи былъ бы предложить ни одинъ изъ современныхъ ему ученыхъ, какъ бы отрицательно онъ ни относился къ данному выводу. А книга Юэля появилась въ томъ самомъ 1858 г., когда въ Лондонскомъ Линнеевскомъ Обществѣ была прочтена краткая записка Дарвина и Уоллеса, заключавшая основаніе ихъ теоріи.

Такимъ образомъ, первый вопросъ, который ставитъ Дарвинъ, прямо вытекаетъ изъ самаго понятія организма; это—вопросъ о его строеніи, неизмѣнно вызывающемъ впечатлѣніе цѣлесообразности. Несомнѣнное соотвѣтствіе между строеніемъ организма и его потребностями, является ли оно только не поддающимся никакому объясненію проявленіемъ сознательной творческой воли—или, наоборотъ, объяснимымъ результатомъ извѣстныхъ причинъ, т.-е. естественныхъ условій, при которыхъ оно осуществляется?

Второй вопросъ представляетъ уже болѣе узкое научно-техническое значеніе; человѣку, стоящему въ сторонѣ отъ науки, онъ можетъ даже и не приходить въ голову [1]). Вопросъ этотъ—почему составляющія органическій міръ существа представляютъ необъяснимыя черты общаго сходства, наводящія на мысль объ ихъ общемъ происхожденіи, а въ то же время состоятъ изъ отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою группъ—*видовъ*, такъ что весь органическій міръ представляется не сплошной картиной съ нечувствительно сливающимися въ одно цѣлое тонами, а мозаикой изъ отдѣльныхъ кусочковъ, дающихъ впечатлѣніе общей картины лишь подъ условіемъ—не разсматривать ихъ слишкомъ близко. И на этотъ второй вопросъ во всей его совокупности, какъ и на первый, дала отвѣтъ только теорія Дарвина; ни до него, ни послѣ него, не предложено другого удовлетворительнаго объясненія.

Для подтвержденія этого положенія мы должны сравнить ученіе Дарвина сначала съ ученіемъ его позднѣйшаго предшественника, Ламарка, а затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ ученій, возникшихъ въ теченіе послѣдняго полувѣка въ связи съ дарвинизмомъ, насколько они касаются этихъ двухъ главныхъ его основъ.

Прежде всего повторимъ въ самыхъ общихъ чертахъ отвѣтъ Дарвина на первый и основной вопросъ. Это можетъ показаться излишнимъ, но, какъ это ни странно, именно отъ невѣрнаго пониманія основной задачи и отправляется большая часть его современныхъ противниковъ.

Если мы желаемъ себѣ объяснить, какимъ естественнымъ путемъ могли возникнуть всѣ тѣ безконечные чудесные органы, которымъ мы справедливо изумляемся (глазъ, рука, павлиній хвостъ и т. д.), или цѣлые организмы, какъ бы заранѣе во всѣхъ

---

[1]) Въ такой послѣдовательности ставилъ вопросы Дарвинъ. Его главный современный противникъ въ Англіи, Бэтсонъ, извращаетъ этотъ порядокъ и даже снова утверждаетъ, что современная наука должна ограничиться только вторымъ.

своихъ подробностяхъ прилаженные къ той обстановкѣ, въ которой должна протекать ихъ жизнь (дятелъ, омела—эти излюбленные примѣры Дарвина), мы должны найти въ природѣ условія, которыя неизбѣжнымъ, роковымъ образомъ — безъ вмѣшательства разумной воли или голословно допускаемаго метафизическаго „стремленія" къ совершенству—направляютъ образованіе новыхъ органическихъ формъ въ сторону наибольшаго ихъ совершенства. Словомъ, мы должны найти въ природѣ такой процессъ, который въ человѣческой исторіи обозначается словомъ прогрессъ.

Дарвинъ, какъ извѣстно, доказалъ постоянную наличность такого процесса, какъ необходимаго дедуктивнаго вывода изъ трехъ постоянно наличныхъ въ природѣ реальныхъ факторовъ. Эти три фактора—измѣнчивость, наслѣдственность и перенаселеніе. Логически неотразимый результатъ этихъ трехъ факторовъ онъ назвалъ „естественнымъ отборомъ". То же понятіе Спенсеръ, позднѣе, предложилъ выразить словами: „переживаніе наиболѣе приспособленнаго", а О. Контъ, за тридцать лѣтъ до Дарвина, обозначилъ словомъ: „élimination" [1]), т.-е. устраненіемъ, уничтоженіемъ всего неприспособленнаго.

Первое и, конечно, самое важное условіе—измѣнчивость; для того, чтобы измѣняться цѣлесообразно, необходимо прежде всего какъ бы то ни было измѣняться. И Дарвинъ, на первой же страницѣ первой главы своей книги, указываетъ на обильный матеріалъ измѣненій, доставляемый природой — притомъ измѣненій всѣхъ степеней, отъ мелкихъ индивидуальныхъ до крупныхъ, наблюдаемыхъ при внезапномъ появленіи новыхъ породъ культурныхъ растеній и прирученныхъ животныхъ. Останавливаю вниманіе читателя на этой подробности, такъ какъ на совершенно голословномъ ея отрицаніи основываются главнѣйшія современныя возраженія, нерѣдко выдаваемыя за опроверженія дарвинизма.

Разъ данъ обильный, постоянно возобновляющійся матеріалъ измѣненій, выступаетъ на сцену второе условіе—наслѣдственность. Эти измѣненія, для того чтобы сохраниться, для того чтобы наростать, накопляться, должны наслѣдоваться, и природа представляетъ намъ самыя разнообразныя проявленія наслѣдственности, обезпечивающія сохраненіе появившихся новыхъ особен-

---

[1]) Совсѣмъ недавно Л. Морганъ предложилъ замѣнить Дарвиновъ „естественный отборъ" выраженіемъ „естественная элиминація", вѣроятно не подозрѣвая давности этого термина.

ностей во всевозможныхъ сочетаніяхъ и притомъ внѣ всякой зависимости отъ того, будутъ ли они полезны для обладающаго ими организма, или вредны, или, наконецъ, безразличны. Наслѣдственность опредѣлитъ только ихъ бо̀льшую или меньшую прочность. Эти два фактора могутъ обезпечить самое широкое разнообразіе органическихъ формъ; второй изъ нихъ можетъ обусловить все болѣе возрастающее усложненіе организаціи, все болѣе и болѣе увеличивающееся разнообразіе формъ. Но ни вмѣстѣ, ни порознь эти факторы не дадутъ намъ отвѣта на поставленный нами вопросъ.

Что̀ же будетъ налагать на организмы печать кажущейся цѣлесообразности? До Дарвина, какъ мы видѣли, одинъ только О. Контъ далъ на это отвѣтъ, заключавшійся въ одномъ словѣ. Это слово—„élimination", т.-е. устраненіе, уничтоженіе всего несогласнаго съ условіями основного равновѣсія между живымъ существомъ и его жизненной обстановкой, имѣющее результатомъ приспособленность, прилаженность перваго ко второй, въ чемъ и заключается вѣчная загадка живыхъ формъ. Но Контъ могъ понимать только исчезновеніе существъ вполнѣ непригодныхъ къ условіямъ ихъ существованія; для него было бы совершенно непонятно, почему появленіе существа болѣе совершеннаго, болѣе приспособленнаго, должно являться обстоятельствомъ, опредѣляющимъ исчезновеніе существъ менѣе приспособленныхъ—а только въ этомъ и можетъ лежать залогъ непрерывнаго совершенствованія, какъ рокового закона, управляющаго живой природой. Этотъ законъ и составляетъ характеристическую сущность дарвинизма, основу всего современнаго эволюціонизма. Этотъ законъ „естественнаго отбора" вытекаетъ какъ неотразимое логическое слѣдствіе изъ третьяго фактора, столь же реальнаго, какъ первые два, и заключающагося въ несоотвѣтствіи между ограниченностью обитаемой поверхности земли и неограниченной прогрессіей размноженія всѣхъ живыхъ существъ. Это, какъ извѣстно, законъ Мальтуса, распространяемый на весь органическій міръ; менѣе извѣстно, что фактъ этотъ ранѣе обратилъ на себя вниманіе въ области естествознанія, откуда и былъ заимствованъ и примѣненъ Мальтусомъ спеціально къ человѣку.

Такимъ образомъ, измѣнчивость, дающая матеріалъ, наслѣдственность, его накопляющая и дѣлающая его устойчивымъ, а главнымъ образомъ „естественный отборъ", то роковое устраненіе всего менѣе совершеннаго, менѣе согласнаго съ требованіями жизни при данныхъ условіяхъ—вотъ основа этого ученія, открывающая намъ въ природѣ реальную наличность сложнаго исто-

рическаго процесса, неминуемо направляющаго организмъ по пути совершенствованія. Все это объясненіе, какъ извѣстно, построено Дарвиномъ на основаніи аналогіи съ тѣмъ процессомъ, который примѣнялся человѣкомъ при усовершенствованіи имъ культурныхъ растеній и прирученныхъ животныхъ. Для сближенія этихъ двухъ процессовъ, т.-е. искусственнаго отбора человѣкомъ и отбора, совершающагося въ природѣ въ силу извѣстныхъ свойствъ организмовъ и ограниченности доступнаго имъ пространства, Дарвинъ указалъ, что въ простѣйшей формѣ и отборъ искусственный сводится къ простому уничтоженію всего несовершеннаго. Для еще бо́льшаго сближенія этихъ двухъ процессовъ, изъ которыхъ въ первомъ дѣйствуетъ сознательная воля человѣка, а во второмъ—„господство слѣпыхъ законовъ природы“ [1]), Дарвинъ вводитъ понятіе о „безсознательномъ отборѣ“, въ которомъ результатъ усовершенствованія породы человѣкомъ получается безъ всякаго умысла. Въ свою очередь, отвѣчая на вѣчно повторяемый телеологами аргументъ, что произведенія природы носятъ печать произведеній искусства, я старался показать на основаніи сопоставленія свидѣтельствъ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, музыкантовъ, что и въ произведеніяхъ человѣческаго творчества важнымъ элементомъ является отборъ. Совершенный продуктъ творчества природы, какъ и творчества человѣка, является не первичнымъ неразложимымъ явленіемъ, а результатомъ двухъ болѣе элементарныхъ процессовъ—колоссальной производительности и неумолимой критики [2]).

Такъ отвѣчаетъ Дарвинъ на первый и самый важный вопросъ, возникающій передъ каждымъ мыслящимъ изслѣдователемъ природы. Посмотримъ, каковъ его отвѣтъ на второй: почему вся совокупность органическихъ существъ при очевидномъ единствѣ цѣлаго представляетъ намъ, разъединенныя между собою болѣе или менѣе рѣзкими промежутками, взаимно подчиненныя группы? Почему въ общемъ строѣ органическихъ существъ мы наблюдаемъ прерывчатость—ту „discontinuity“, въ которой, какъ мы видѣли, Бэтсонъ, главный противникъ дарвинизма въ Англіи, усматриваетъ важнѣйшую особенность органическаго міра. Дарвинъ выводитъ и эту особенность изъ того же начала „естественнаго отбора“, а этотъ его выводъ обыкновенно обходится молчаніемъ его противниками, между тѣмъ какъ онъ самъ его ставилъ очень вы-

---

[1]) Выше приведенныя слова Гельмгольтца.

[2]) См. мою статью: „Творчество природы и творчество человѣка“ въ сборникѣ „Насущныя задачи естествознанія“, 1908.

соко, съ радостью вспоминая, гдѣ и когда онъ ему пришелъ въ голову. Ему снова помогла аналогія съ искусственнымъ отборомъ. Изучая исторію возникновенія какихъ-нибудь искусственныхъ породъ, замѣчаемъ, что постоянно берутъ перевѣсъ формы крайнія, между тѣмъ какъ формы промежуточныя, въ которыхъ цѣнные признаки выражены менѣе рѣзко, мало-по-малу исчезаютъ. То же явленіе, конечно mutatis mutandis, Дарвинъ находитъ и въ природѣ. Все среднее не въ состояніи выдерживать конкурренцію крайнихъ формъ, лучше приспособленныхъ къ той или другой сторонѣ окружающей среды. Вообще, чѣмъ разнообразнѣе населеніе, тѣмъ оно можетъ быть многочисленнѣе. Это подтверждаетъ статистика любого клочка луга, любой пришлой флоры, завоевывающей себѣ новыя мѣста въ природѣ.

Такимъ образомъ, обѣ самыя общія задачи, которыя предстояло разрѣшить естествознанію, разрѣшались исходя изъ того же начала естественнаго отбора, который, въ свою очередь, являлся результатомъ трехъ не подлежащихъ сомнѣнію реальныхъ свойствъ всѣхъ живыхъ существъ.

А теперь посмотримъ, какова была послѣдняя, предшествовавшая Дарвину, попытка дать отвѣты на тѣ же вопросы — попытка Ламарка.

На первый вопросъ—какъ объяснить себѣ цѣлесообразность строенія организмовъ, онъ прежде всего не далъ одного общаго отвѣта, какъ Дарвинъ, а два совершенно различныхъ: одинъ для растеній, другой—для животныхъ. Показавъ весьма убѣдительно преимущество представленія о происхожденіи органическихъ формъ путемъ превращенія однѣхъ въ другія, онъ естественно долженъ былъ остановиться на вопросѣ: что же обусловливало эти превращенія, какія извѣстныя намъ явленія могли ихъ вызвать, и не скрывалъ отъ себя, что „прежде всего должно найти объясненіе для всѣхъ этихъ чудесъ“, т.-е. для изумительно цѣлесообразной организаціи живыхъ существъ. Останавливаясь на животныхъ, онъ пытается доказать, что эти „чудеса“ могутъ быть объяснены, исходя изъ двухъ положеній: во-первыхъ, что органы могутъ измѣняться подъ вліяніемъ „упражненія“, т.-е. воли животнаго; во-вторыхъ, что эти, пріобрѣтенныя упражненіемъ, измѣненія могутъ наслѣдоваться и такимъ образомъ накопляться и достигать того полнаго развитія, которое вызываетъ наше справедливое удивленіе. Такимъ образомъ, воля самого животнаго, руководимая его потребностями, направляетъ ходъ измѣненія. Еслибъ это было вѣрно, то конечно получилось бы объясненіе кажущейся цѣлесообразности организаціи, такъ какъ сама потребность

создавала бы соотвѣтствующій ей органъ. Это представленіе, создавшееся на почвѣ всѣмъ извѣстнаго наблюденія, что гимнастикой можно развить мускулы, понятно, не могло быть примѣнимо къ большинству органовъ и строеній, но это не помѣшало Ламарку прибѣгать, тамъ, гдѣ порывалась путеводная нить дѣйствительныхъ фактовъ, къ смѣлымъ предположеніямъ, ничего въ основѣ не объяснявшимъ, а только дававшимъ оружіе его врагамъ, которые и воспользовались ими, чтобы выставить Ламарка безпочвеннымъ фантазеромъ. Таково его обыкновенно приводимое объясненіе длинной шеи жирафы или длинныхъ ногъ цапли тѣмъ, что животныя эти тянулись изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но, конечно, еще комичнѣе, рѣже упоминаемое, объясненіе происхожденія роговъ: „Въ порывахъ гнѣва, столь обычныхъ у самцовъ, *внутреннее чувство вслѣдствіе своихъ усилій направляло жидкости къ этой части головы*, вызывая въ однихъ случаяхъ отложеніе рогового, въ другихъ—смѣси рогового и костнаго вещества, давшихъ начало твердымъ отросткамъ: таково происхожденіе роговъ, которымъ вооружены ихъ головы". Одна подобная фраза даетъ намъ лучше всего понять, какая бездна лежитъ—въ отношеніи ли ученаго къ фактамъ, или въ самомъ способѣ разсужденія—между „Philosophie Zoologique" и „Происхожденіемъ видовъ". Съ трудомъ вѣрится, чтобы между ними протекло всего полъ-столѣтія, такое же полъ-столѣтіе, какое отдѣляетъ насъ отъ „Происхожденія видовъ", продолжающаго служить трудно достижимымъ образцомъ строго научнаго изложенія. Но этой голословностью частныхъ догадокъ еще не ограничивается неудовлетворительность объясненія, предложеннаго Ламаркомъ. Еще менѣе выдерживаетъ критику второе положеніе его теоріи—наслѣдственность пріобрѣтенныхъ упражненіемъ признаковъ. Это необходимое для Ламарка допущеніе послѣ тщательной провѣрки отрицается большинствомъ современныхъ ученыхъ [1]). Такимъ образомъ, зоологическая часть объясненій Ламарка, съ общей логической точки зрѣнія можетъ быть и удовлетворительная, оказывается фактически вдвойнѣ невѣрной. Соотвѣтствуй всѣ измѣненія потребностямъ животнаго, будь они вызваны усиліями его воли, они несомнѣнно носили бы печать цѣлесообразности; но эта первая посылка примѣнима, вѣроятно, къ очень ограниченному числу случаевъ (упражненію мускуловъ), а вторая не примѣнима даже и къ нимъ—откуда все объясненіе оказывается лишеннымъ почвы.

---

[1]) Аргументы противъ него собраны у Вейсмана и пожалуй еще лучше у Platt-Ball'a.

Какъ уже сказано выше, для растеній Ламаркъ прибѣгаетъ къ совершенно иному объясненію. Не допуская у растенія сознанія и воли, а слѣдовательно и направляемаго ими упражненія— чѣмъ онъ выгодно отличается отъ своихъ современныхъ, особенно нѣмецкихъ поклонниковъ *неоламаркистовъ* [1),—Ламаркъ указалъ по отношенію къ нимъ на другой источникъ измѣнчивости—на вліяніе среды. На этотъ разъ, онъ стоялъ на почвѣ дѣйствительно наблюдаемыхъ фактовъ; онъ могъ указать: на формы листьевъ, измѣняющихся у того же вида растенія, смотря по тому, будетъ ли оно расти въ водѣ, или въ воздухѣ; на стебли вытягивающіеся или сокращающіеся; на появленіе или исчезновеніе колючекъ и т. д., все въ связи съ различіемъ окружающихъ условій. Но какой же можно было сдѣлать изъ этого логическій выводъ? Измѣняться не значитъ приспособляться, совершенствоваться; понятіе измѣненія не заключаетъ въ себѣ логически понятія совершенствованія; само по себѣ измѣненіе можетъ быть и вредно, и безразлично, и, конечно въ незначительномъ только числѣ случаевъ, полезно. Такимъ образомъ, по отношенію къ самому важному вопросу, по отношенію къ объясненію цѣлесообразности организмовъ Ламаркъ не далъ никакого отвѣта, такъ какъ его отвѣтъ, въ примѣненіи къ животнымъ, мыслимый логически, опирался на фактически невѣрныя посылки, а въ примѣненіи къ растеніямъ, отправляясь отъ фактически вѣрныхъ *наблюденій*, не отвѣчалъ вовсе на вопросъ.

Что же сдѣлалъ онъ по отношенію ко второй задачѣ — объясненію разрозненности систематическихъ группъ — видовъ, родовъ, семействъ и т. д.? Онъ выразилъ надежду, что соединяющіе ихъ переходы сохранились гдѣ-нибудь въ неизслѣдованныхъ еще уголкахъ земли — предположеніе невѣроятное уже и въ его время, а теперь и окончательно непріемлемое.

Таковъ логическій остовъ ученія Ламарка; такимъ же остовомъ мы ограничились и по отношенію къ дарвинизму, для того чтобы мало знакомые съ этими ученіями могли ихъ легко сопоставить и дать имъ сравнительную оцѣнку.

Дарвинъ связываетъ всю совокупность фактовъ одной руководящей идеей, и эта идея даетъ полное разрѣшеніе обѣихъ задачъ, исходя изъ фактически вполнѣ обоснованныхъ посылокъ. Ламаркъ для каждой категоріи фактовъ даетъ особое объясненіе, и при томъ или фактически невѣрное, или логически несостоя-

---

[1]) Различныхъ Паули, Франсе и т. д., подогрѣвающихъ забытую телеологію только въ нѣсколько измѣненной формѣ.

тельное, т.-е. не разрѣшающее той задачи, которую берется разрѣшить.

Неудивительно, что судьба двухъ ученій была такъ различна; она вполнѣ соотвѣтствовала ихъ внутренней цѣнности. Идеи Ламарка не могли убѣдить не только такихъ ученыхъ, какъ Бэръ, какъ Агассисъ, какъ Оуэнъ, которыхъ можно было бы заподозрить въ предвзятости, исходившей изъ ихъ религіозной точки зрѣнія, но и представителя наиболѣе передового теченія научной мысли того времени, какимъ былъ Лайэль, и наиболѣе свободомыслящаго, какъ Карлъ Фохтъ. Драгоцѣнное свидѣтельство о безпомощности науки передъ задачей, смѣло поставленной, но не разрѣшенной Ламаркомъ, оставилъ, умершій въ томъ же году, когда появился дарвинизмъ—Іоганнъ Мюллеръ, несомнѣнно совмѣщавшій въ себѣ всѣ знанія своего времени въ области общей біологіи [1]).

Не будемъ останавливаться на исторіи побѣды дарвинизма, въ нѣсколько лѣтъ заставившаго смолкнуть своихъ противниковъ и привлекшаго на свою сторону все молодое и двигавшее науку впередъ,—она была уже неоднократно разсказана,—а перейдемъ прямо къ оцѣнкѣ современнаго положенія этого ученія, къ попыткамъ подвергнуть его сомнѣнію или даже упразднить, замѣнивъ чѣмъ-либо новымъ.

Для этого сдѣлаемъ сначала общую оцѣнку всѣхъ этихъ попытокъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на ту особенность, что ни одинъ изъ новѣйшихъ естествоиспытателей, пытавшихся выступить со своей теоріей на смѣну дарвинизма, не охватывалъ вопроса во всей его совокупности, со всѣми его разнообразными послѣдствіями, какъ это сдѣлалъ Дарвинъ. Каждый останавливался на одной какой-нибудь сторонѣ вопроса, умышленно или неумышленно упуская изъ виду остальныя, какъ будто не замѣчая противорѣчія съ фактами или неполноты защищаемой имъ точки зрѣнія. Но еще важнѣе на первыхъ же порахъ отмѣтить, что за эти полъ-вѣка не предложено иного отвѣта на основной вопросъ, на который отвѣчалъ дарвинизмъ. И теперь, какъ за полъ-вѣка тому назадъ, предстоитъ выборъ: или дарвинизмъ, или отказъ отъ какого бы то ни было объясненія. Конечно, это былъ бы плохой аргументъ въ пользу дарвинизма, еслибы его несостоятельность была въ чемъ-нибудь доказана — лучше никакого, чѣмъ завѣдомо невѣрное объясненіе; но разсмотрѣніе

---

[1]) См. мой очеркъ: „Основныя черты исторіи развитія біологіи въ XIX вѣкѣ“. Москва, 1908 г.

предъявленныхъ поправокъ и возраженій именно и убѣждаетъ, что такого довода, который подвергалъ бы сомнѣнію хотя бы одно изъ основныхъ положеній, изъ которыхъ исходилъ Дарвинъ въ построеніи своей теоріи, до сихъ поръ не предъявлено.

Итакъ, посмотримъ, измѣнились ли наши воззрѣнія со времени Дарвина на явленія измѣнчивости и наслѣдственности и на естественный отборъ.

Фактъ измѣнчивости, конечно, никѣмъ не подвергается сомнѣнію; мѣнялись только воззрѣнія на различныя его проявленія— измѣнилось только отношеніе къ вопросу: какимъ изъ этихъ проявленій измѣнчивости придавать исключительное или преобладающее значеніе въ процессѣ образованія новыхъ формъ, новыхъ *видовъ*? Дарвинъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ: *всѣмъ*, отъ самыхъ мелкихъ и до самыхъ крупныхъ, и этотъ отвѣтъ сохраняетъ всю свою силу до настоящаго времени.

Его противники, правда, упорно утверждали, будто Дарвинъ приписывалъ такое значеніе *исключительно* мелкимъ индивидуальнымъ измѣненіямъ, и такъ часто это повторяли, что успѣли убѣдить многихъ, вопреки истинѣ, что такъ и было на дѣлѣ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи книга *Келлога*: „Darwinism to-day". Повторяя на протяженіи значительной части книги это невѣрное утвержденіе противниковъ Дарвина, онъ вдругъ спохватывается и заявляетъ: а въ сущности вѣдь Дарвинъ никогда этого не утверждалъ. Въ противность этой широкой точкѣ зрѣнія Дарвина, въ новѣйшее время Бэтсонъ, а по его слѣдамъ Де-Фризъ и Коржинскій утверждаютъ, что новыя формы, новые виды появляются исключительно рѣзкими скачками. Де-Фризъ назвалъ эти превращенія *мутаціями* и утверждалъ, что онъ первый человѣкъ въ мірѣ, присутствовавшій при этомъ рѣдкомъ явленіи зарожденія новыхъ видовъ — именно надъ найденнымъ, недалеко отъ Амстердама, на старомъ, заброшенномъ картофельномъ полѣ, растеніемъ *Oenothera lamarckiana* неизвѣстнаго происхожденія и попавшимъ туда, вѣроятно, изъ сосѣдняго парка. Эта Oenothera за послѣднія десятилѣтія прожужжала уши всѣмъ натуралистамъ. Свое разногласіе съ Дарвиномъ Де-Фризъ резюмируетъ такъ: по Дарвину виды образуются въ результатѣ длиннаго ряда превращеній въ силу процесса естественнаго отбора—а по моему мнѣнію виды образуются внезапнымъ скачкомъ, послѣ чего уже начинается дѣйствіе естественнаго отбора, въ силу котораго уничтожаются виды неприспособленные, а сохраняются приспосо-

бленные. Даже и въ такой формѣ различіе не велико, такъ какъ существенная часть теоріи—естественный отборъ—вполнѣ сохраняется и у Де-Фриза. Но при болѣе внимательномъ разборѣ оно и вовсе исчезаетъ, такъ какъ слово: „видъ" примѣняется Де-Фризомъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ его примѣнялъ Дарвинъ. Дарвинъ примѣнялъ это слово въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно примѣнялось въ его время, да и въ настоящее время примѣняется громаднымъ большинствомъ натуралистовъ—если только не всѣми. Де-Фризъ примѣняетъ его въ совершенно иномъ смыслѣ, предложенномъ въ шестидесятыхъ годахъ ліонскимъ ботаникомъ-дилеттантомъ Жорданомъ, разбившимъ общепринятые виды на множество мелкихъ группъ, также названныхъ имъ видами [1]). Такимъ образомъ понятно, почему для Дарвина дѣйствіе естественнаго отбора происходитъ въ предѣлахъ вида, а для Де-Фриза начинается только за его предѣлами: все вертится, со стороны Де-Фриза, на игрѣ словъ [2]).

Не противорѣчитъ Дарвину и основная мысль Де-Фриза о возможности измѣненія видовъ скачками; онъ всегда допускалъ рядомъ съ мелкими измѣненіями, начиная съ индивидуальныхъ различій, и крупныя (single variations, sports, bud-variations) и придавалъ имъ сначала болѣе важное, а затѣмъ менѣе важное значеніе — мы увидимъ далѣе, на какомъ основаніи. Да и не только фактъ *мутацій* (т.-е. крупныхъ измѣненій скачками), но и самое названіе принадлежитъ не Де-Фризу, а скромному садовнику Дюшену, жившему въ XVIII столѣтіи. Дюшенъ въ сочи-

---

[1]) Такъ одну самую обыкновенную нашу мелкую травку Крупку (Draba verna L.) Жорданъ, послѣ десяти лѣтъ наблюденій, разбилъ на десять новыхъ видовъ; черезъ двадцать лѣтъ онъ уже различалъ ихъ *пятьдесятъ-три*, а черезъ тридцать лѣтъ—цѣлыхъ *двѣсти*! Ботаники никогда не переставали протестовать противъ такого *распыливанія* вида. Должно замѣтить, что для Жордана всѣ эти формы, научиться различать которыя можно только послѣ тридцатилѣтнихъ упорныхъ наблюденій—соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ творческимъ актамъ. Его новѣйшій защитникъ Костантенъ ставитъ ему даже въ заслугу, что „какъ ревностный христіанинъ, вскормленный на святомъ Ѳомѣ Аквинскомъ, онъ приступилъ къ изученію ботаники съ идеями *a priori*". Но вотъ что удивительно: оказывается, что Ѳома Аквинскій училъ нѣсколько иному: „что же касается до происхожденія растеній",—пишетъ онъ,—„то блаженный Августинъ былъ иного мнѣнія"... „Хотя нѣкоторые и говорятъ, что въ третій день растенія были созданы каждое по роду своему—воззрѣніе, опирающееся на поверхностное пониманіе буквы священнаго писанія,—блаженный Августинъ говоритъ, что это должно понимать такъ, что земля произвела травы и деревья *causaliter*, т.-е. получила силу производить ихъ". Оказывается, что догматъ объ отдѣльномъ твореніи—сравнительно недавняго происхожденія и принадлежитъ испанскому іезуиту Суарезу.

[2]) Напр., Генсло не считаетъ виды Де-Фриза за виды.

неніи, посвященномъ земляникѣ, указалъ на фактъ внезапнаго появленія земляники не съ обыкновенными тройчатыми, а съ простыми листьями, и назвалъ это явленіе *мутаціей*. Альфонсъ Декандоль, самый авторитетный въ этой области сторонникъ Дарвина, указывалъ на значеніе наблюденій Дюшена, но ему и въ голову не приходило видѣть въ мутаціи Дюшена какое-нибудь противорѣчіе съ ученіемъ Дарвина, который къ тому же самъ упоминаетъ о Дюшенѣ. Заслуга Де-Фриза сводится главнымъ образомъ къ тому, что, встрѣтивъ случай не рѣдкій въ практикѣ садоводства, онъ его *протоколировалъ* съ необычайною до сихъ поръ подробностью.

Въ конечномъ итогѣ, все ученіе о *мутаціяхъ* Де-Фриза только становится на болѣе узкую и пока ничѣмъ не оправданную точку зрѣнія на явленія измѣнчивости, но вполнѣ признаетъ все значеніе естественнаго отбора, т.-е. сущности дарвинизма.

Болѣе смѣлымъ, но за то и вполнѣ безсодержательнымъ, является выпадъ противъ дарвинизма петербургскаго академика Коржинскаго, полагающаго, что ему удалось не только опровергнуть дарвинизмъ, но даже замѣнить его какой-то новой теоріей, которую онъ называетъ старымъ (заимствованнымъ у Кёлликера) терминомъ *гетерогенезиса*. Какъ и Де-Фризъ, Коржинскій является послѣдователемъ Бэтсона, выдвигая впередъ исключительное будто бы значеніе измѣненій рѣзкими скачками. Все фактическое содержаніе статьи Коржинскаго заключается въ перечисленіи многочисленныхъ случаевъ подобнаго происхожденія культурныхъ растеній. При этомъ онъ ни однимъ словомъ не обмолвился, что большая часть этихъ примѣровъ взята изъ книги Дарвина, такъ что многіе мало свѣдущіе читатели остались подъ впечатлѣніемъ, что все это—литературныя открытія самого Коржинскаго. Затѣмъ, приписавъ Дарвину совершенно голословно мысль, которой онъ, какъ мы видѣли, никогда не высказывалъ — будто матеріаломъ для образованія новыхъ видовъ служили исключительно „мелкія и незамѣтныя индивидуальныя различія“, Коржинскій легко приходилъ къ выводу, что большая часть дѣйствительныхъ извѣстныхъ измѣненій происходитъ будто бы наперекоръ воззрѣніямъ Дарвина, а слѣдовательно и вся его теорія не вѣрна. Но такъ какъ въ дѣйствительности Дарвинъ измѣненія скачками не отрицалъ, а напротивъ собралъ колоссальный матеріалъ фактовъ, его подтверждающихъ, и говоритъ о немъ на первой же страницѣ первой главы „Происхожденія видовъ“, то, очевидно, все опроверженіе Коржинскаго имѣло въ виду читателей плохо освѣдомленныхъ

въ обсуждаемомъ предметѣ. На такого же читателя очевидно былъ разсчитанъ и категорическій выводъ: [1]) „*всякій безпристрастный* ученый долженъ будетъ признать, что у насъ *рѣшительно нѣтъ никакихъ фактическихъ* данныхъ, доказывающихъ, что процессъ трансмутаціи, столь увлекательно описанный Дарвиномъ, *дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ природѣ*. Напротивъ, *всѣ факты и наблюденія* приводятъ насъ *неминуемо* къ заключенію, что въ эволюціи органическаго міра главную, если не исключительную роль играетъ гетерогенезисъ, а *отнюдь* не трансмутація". И заключаетъ свою *академическую* статью Коржинскій обычнымъ пріемомъ всѣхъ антидарвинистовъ, которые, сознавая слабость своихъ научныхъ доводовъ, взываютъ къ чувствамъ читателей. Онъ высказываетъ благородное негодованіе по поводу безчеловѣчности приложенія ученія „о борьбѣ за существованіе" къ человѣческой дѣятельности—приложенія, въ которомъ, какъ всякому извѣстно, ни Дарвинъ, ни послѣдовательные дарвинисты не повинны [2]).

Но положимъ, что Коржинскому удалось доказать, что всѣ измѣненія въ природѣ происходятъ скачками,—что же далѣе? Какъ же объяснимъ мы, почему въ результатѣ этихъ скачковъ явятся цѣлесообразно организованныя формы? Де-Фризъ, привыкшій къ общему научному складу мышленія [3]), какъ мы видимъ, не находитъ возможности обойтись безъ естественнаго отбора. Коржинскій его-то и отрицаетъ. Но что же даетъ онъ взамѣнъ въ своей теоріи, которая призвана упразднить дарвинизмъ?

---

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Въ этой негодующей тирадѣ можно согласиться только со словами: „люди хорошо умѣющіе приспособляться къ окружающимъ условіямъ, и потому благоденствующіе, далеко не всегда представляютъ намъ болѣе совершенныхъ въ идейномъ отношеніи личностей". Только они какъ-то странно звучатъ въ устахъ убѣжденнаго дарвиниста, съ перемѣщеніемъ въ академическое кресло такъ быстро превратившагося въ воинствующаго антидарвиниста, такъ легко обратившагося изъ Павла въ Савла. Въ теченіе тридцати лѣтъ, въ цѣломъ рядѣ статей (*Дарвинъ какъ типъ ученаго 1878 г.*; *Дарвинизмъ передъ судомъ философіи и нравственности*; *Значеніе переворота, произведеннаго въ естествознаніи Дарвиномъ*; *Факторы органической эволюціи*; *Столѣтіе физіологіи растеній* и т. д.) я доказывалъ, что воображаемый конфликтъ между дарвинизмомъ и этикой выдуманъ неразборчивыми на средства врагами и не по уму усердными поклонниками Дарвина. Въ теченіе двадцати лѣтъ я излагалъ его ученіе, не обмолвившись этимъ несчастнымъ выраженіемъ: „борьба за существованіе".

[3]) Хотя въ частностяхъ нерѣдко противъ него грѣшившій: стоитъ вспомнить его смѣлую теорію хронологіи органическаго міра все на основаніи того же единственнаго наблюденія надъ энотерой—теорію, отъ которой отмахиваются даже самые горячіе его поклонники.

Ничего; онъ отдѣлывается словами—для „объясненія происхожденія высшихъ формъ изъ низшихъ“: „необходимо допустить существованіе въ организмахъ *тенденціи прогресса*“, т.-е. присоединяетъ еще какую-то virtus progressiva къ тѣмъ virtus dormitiva и virtus purgativa, которыхъ уже слишкомъ два вѣка тому назадъ заклеймилъ своей насмѣшкой Мольеръ. Платэ, одинъ изъ наиболѣе тщательныхъ и безпристрастныхъ изслѣдователей современнаго положенія дарвинизма, приводя эти слова Коржинскаго, ограничивается замѣчаніемъ: „Я считаю всѣ подобныя представленія просто ненаучными; они исходятъ изъ принциповъ несовмѣстимыхъ съ законами мышленія современнаго естествознанія и потому не подлежатъ обсужденію“.

Такимъ образомъ атака, которая была поведена противъ дарвинизма съ точки зрѣнія будто бы болѣе глубокаго анализа факта измѣнчивости, нисколько не касается его сущности, а въ частности болѣе широкая точка зрѣнія Дарвина, видѣвшаго матеріалъ для отбора въ измѣненіяхъ всѣхъ степеней, т.-е. и крупныхъ, и мелкихъ, также не опровергнута и представляется и теперь болѣе вѣрною.

Это нечувствительно приводитъ насъ къ разсмотрѣнію новѣйшихъ воззрѣній, касающихся второго фактора, положеннаго въ основу дарвинизма—фактора наслѣдственности.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ: одно изъ выдающихся и плодотворныхъ направленій изслѣдованія въ этой области, выдвигаемое впередъ какъ нѣчто заслоняющее или упраздняющее дарвинизмъ, на дѣлѣ только говоритъ въ его пользу, такъ какъ устраняетъ одно изъ самыхъ въ свое время, казалось, вѣскихъ и непреодолимыхъ возраженій противъ него. Если Дарвинъ, какъ мы неоднократно повторяли, никогда не ограничивалъ матеріалъ для отбора одними мелкими индивидуальными измѣненіями, а рядомъ съ ними признавалъ значеніе и крупныхъ скачковъ, то несомнѣнно, что вначалѣ онъ придавалъ болѣе значенія послѣдней категоріи измѣненій, а позднѣе—первой. Это было съ его стороны уступкой, вынужденной вмѣшательствомъ въ обсужденіе біологическаго вопроса совершенно неожиданнаго противника — математика. Дарвинъ самъ сознавался, что самое вѣское возраженіе было ему сдѣлано не натуралистомъ, а этимъ математикомъ; но теперь можно только пожалѣть, что онъ остановился передъ препятствіемъ, выдвинутымъ противъ его теоріи непризваннымъ судьею. Флимингъ Дженкинъ (инженеръ) въ 1867 году возражалъ, что всякое рѣзкое уклоненіе является всегда или въ единичномъ, или въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и по-

тому имѣетъ очень мало шансовъ на сохраненіе. Дженкинъ разсуждалъ приблизительно такъ: если извѣстнымъ признакомъ n обладаетъ одинъ изъ родителей, то у дѣтей будетъ только $\frac{n}{2}$, у внуковъ $\frac{n}{4}$ и такъ далѣе въ быстро убывающей прогрессіи, и слѣдовательно этотъ признакъ обреченъ на исчезновеніе и не можетъ послужить матеріаломъ для естественнаго отбора. Повидимому ничто не внушало Дарвину столько заботъ, какъ эта статья Дженкина и появившееся вслѣдствіе того всеобщее убѣжденіе, что скрещиваніе непремѣнно оказываетъ сглаживающее, *заболачивающее* (swamping) дѣйствіе на всякое вновь появляющееся рѣзкое измѣненіе. Вслѣдствіе этого, Дарвинъ, болѣе чѣмъ вначалѣ, вынужденъ былъ выдвигать впередъ менѣе рѣзкія и въ то же время многочисленныя измѣненія, какъ менѣе подверженныя этому процессу уничтоженія. Но Дженкинъ разсуждалъ какъ чистый математикъ (не даромъ Дарвинъ съ дѣтства такъ недолюбливалъ алгебру!). Уже физикъ не заключилъ бы, что фунтъ жидкости при 10° и фунтъ жидкости при 20° должны дать 2 фунта при 15°, а зналъ бы, что еще надо считаться съ *видовой* (*специфической* на всѣхъ европейскихъ языкахъ), т.-е. удѣльной теплотой жидкостей. А химикъ—тотъ зналъ бы, что, сливая синюю и желтую жидкость, не всегда получишь зеленую жидкость, а порою даже красный осадокъ. Во сколько же разъ сложнѣе вопросъ о сліяніи двухъ организацій, такъ смѣло и побѣдоносно разрѣшенный Дженкиномъ. Поэтому, когда, много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось отвѣчать на объемистое, направленное противъ дарвинизма, сочиненіе Данилевскаго, главнымъ образомъ развивавшаго аргументъ Дженкина, я обратилъ особенное вниманіе именно на этотъ пунктъ возраженія. Я указывалъ, что „было бы абсурдомъ ожидать, чтобы при суммированіи дѣйствія такихъ сложныхъ причинъ, какъ двѣ борющіяся въ дѣтяхъ родственныя организаціи, получалась всегда простая наглядная средняя. Нужно еще знать эквивалентность признаковъ, а какъ ее опредѣлить?“ Я указывалъ, что при одномъ шестипаломъ родителѣ не получаются дѣти съ $5^1/_2$ пальцами, а или съ 5, или съ 6 пальцами. Я указывалъ, наконецъ, какъ на самый наглядный примѣръ (выводившій изъ себя моихъ противниковъ), на носъ Бурбоновъ, сохранившійся у герцога Немурскаго, не смотря на то, что въ его жилахъ течетъ всего $^1/_{128}$ крови Генриха IV. Но, конечно, ни я, да и никто въ Европѣ не подозрѣвалъ, что обстоятельный, обставленный цифрами, фактическій отвѣтъ на возраженія Дженкина былъ данъ еще за два года до появленія его статьи. Въ 1865 г.

никому неизвѣстный августинскій монахъ Мендель напечаталъ въ такомъ же мало извѣстномъ журналѣ общества естествоиспытателей въ Брюннѣ свои статьи, которыя были открыты только въ 1900 г. одновременно тремя учеными: Чермакомъ, Корренсомъ и Де-Фризомъ. Общее содержаніе изслѣдованій Менделя Чермакъ довольно удачно опредѣлилъ такъ: „это—ученіе о закономѣрной неравнозначности признаковъ по отношенію къ ихъ унаслѣдованію". Понятно, что мы можемъ здѣсь упомянуть и объ этомъ ученіи лишь постольку, поскольку оно касается дарвинизма. Мендель доказалъ, что при скрещиваніи, напр., зеленаго и желтаго гороха получится не желто-зеленый (т.-е. не пятнистый и не средней окраски) [1]), а въ первомъ поколѣніи исключительно желтый. Но что̀ еще удивительнѣе—въ слѣдующемъ поколѣніи, вмѣсто исключительно желтыхъ, получаются и тѣ и другіе, въ отношеніи трехъ желтыхъ къ одному зеленому. Въ третьемъ поколѣніи зеленые окажутся чистокровными, а изъ желтыхъ чистокровными окажется только треть, остальныя же двѣ трети разобьются поровну на зеленые и желтые. Такъ какъ, повторяемъ, насъ здѣсь интересуютъ не законы наслѣдственности, обнаруженные любопытными опытами Менделя, а лишь ихъ отношеніе къ дарвинизму, то мы можемъ ограничиться этими свѣдѣніями, сказавъ только, что они были подтверждены многими позднѣйшими опытами. Самымъ важнымъ результатомъ въ этомъ смыслѣ является, конечно, тотъ фактъ, что признаки не сливаются, не складываются и не дѣлятся, не стремятся стушеваться, а сохраняются неизмѣненными, распредѣляясь между различными потомками. Кошмаръ Дженкина, испортившій столько крови Дарвину, разсѣевается безъ слѣда. Еще старикъ Гальтонъ (въ Natural Inheritance) писалъ, что еслибы признаки не сливались между собой, то представители съ совершенно неразжиженными (undiluted) признаками появлялись бы въ теченіе неопредѣленнаго времени, „доставляя повторные шансы на успѣхъ въ борьбѣ за существованіе". Такимъ образомъ менделизмъ только устраняетъ самое опасное возраженіе, которое по словамъ самого Дарвина когда-либо было сдѣлано его теоріи. Спрашивается, можно ли видѣть въ немъ что-либо заслоняющее или упраздняющее это ученіе, какъ это стараются доказать многіе восторженные поклонники менделизма, особенно въ Англіи, не стѣсняющіеся сравнивать Менделя съ Ньютономъ? [2]) Затѣмъ воз-

[1]) Какъ бы слѣдовало на основаніи соображеній Дженкина и Данилевскаго.
[2]) Lock, „Recent progress", и т. д. 1907.

никаетъ и другой вопросъ: являются ли основные факты Менделя чѣмъ-то совершенно новымъ, непредусмотрѣннымъ Дарвиномъ? Какъ это выяснилъ въ своей недавней, превосходной, популярной статьѣ 92-хъ-лѣтній ветеранъ А. Уоллесъ [1]), признаніе менделизма чѣмъ-то совершенно новымъ, какимъ-то неожиданнымъ откровеніемъ, является только новымъ доказательствомъ, какъ мало изучается книга Дарвина: „Воздѣлываемыя растенія и прирученныя животныя", этотъ, до настоящаго времени, наиболѣе продуманный и богатѣйшій сводъ нашихъ знаній по вопросу объ измѣнчивости и наслѣдственности, отъ котораго должны отправляться всѣ наблюдатели и съ которымъ должны свѣрять полученные результаты. Оказалось, что въ этой книгѣ имѣется цѣлый параграфъ, такъ и озаглавленный: „*Объ извѣстныхъ признакахъ, которые между собой не сливаются*", гдѣ онъ сообщаетъ совершенно аналогичныя свои наблюденія, а въ другомъ мѣстѣ книги даже приводитъ указанія на опыты, произведенные надъ желтымъ и зеленымъ горохомъ еще въ 1720 году и давшіе въ результатѣ не среднюю окраску, а ту или другую въ отдѣльности. Но почему же Дарвинъ не принялъ во вниманіе этихъ фактовъ?—По всей вѣроятности, потому, что со свойственною ему всесторонностью и осторожностью онъ не считалъ возможнымъ обобщать ихъ, какъ это дѣлаютъ мендельянцы—хотя имъ очень хорошо извѣстно, что существуютъ и такіе признаки, которые повидимому сливаются или совмѣщаются. Въ приведенныхъ скрещиваніяхъ гороха не получается средней окраски, но есть случаи, когда скрещиванія желтыхъ и синихъ цвѣтовъ даютъ зеленую окраску, и конечно все дѣло въ томъ, чтобы объяснить въ частности всѣ эти случаи [2]). Мендельянцы гордятся тѣмъ, что они углубились въ факты наслѣдственности, найдя крайне любопытные числовые законы; но конечно будущему предстоитъ проникнуть еще глубже въ этомъ анализѣ и показать, когда возможно сліяніе признаковъ, когда оно невозможно и, наконецъ, когда въ результатѣ скрещиванія являются даже новые признаки.

Въ итогѣ, менделизмъ, поскольку онъ оправдывается, служитъ только поддержкой дарвинизму — устраняя одно изъ самыхъ важныхъ возраженій, когда-либо выдвинутыхъ противъ него. Отсюда ясно, что никакого препятствія на пути дарвинизма онъ не выдвигаетъ и тѣмъ менѣе можетъ быть разсматриваемъ

---

[1]) Переводъ ея, появившійся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", будетъ приложенъ къ послѣднему тому сочиненій Дарвина, изд. Ю. Лепковскаго.

[2]) Въ послѣднемъ случаѣ объясненіе не представляетъ даже затрудненія.

какъ нѣчто идущее ему на смѣну. Заслуга Менделя, какъ и заслуга Де-Фриза, сводится къ тщательной регистраціи наблюденія, не представляющагося абсолютно новымъ, и скромный брюннскій монахъ, такъ отчетливо производившій свои опыты, вѣроятно благодаря тому, что ранѣе учился математикѣ и физикѣ въ вѣнскомъ университетѣ, конечно первый протестовалъ бы противъ сравненія его съ Ньютономъ.

Переходимъ къ третьему фактору, изъ которыхъ слагается дарвинизмъ—къ естественному отбору. Очень часто приходится слышать, что это только дедуктивный выводъ изъ трехъ посылокъ — измѣнчивости, наслѣдственности и перенаселенія, а не фактъ непосредственно наблюдаемый въ природѣ. Но едва ли этотъ аргументъ обладаетъ большой убѣдительной силой. Разъ что естественный отборъ является неотразимымъ выводомъ изъ трехъ факторовъ, неизмѣнную наличность которыхъ въ природѣ невозможно отрицать, равно какъ и колоссальные размѣры послѣдняго изъ нихъ, то сомнѣваться въ существованіи этого процесса нѣтъ никакой возможности. А если число *непосредственныхъ* наблюденій надъ существованіемъ отбора въ природѣ пока еще очень ограничено, то это объясняется громадной трудностью такихъ наблюденій, что̀ въ свою очередь объясняетъ, почему ихъ такъ мало было предпринято. Но это не значитъ, чтобы ихъ вовсе не существовало, и потому нельзя читать безъ удивленія слѣдующихъ заключительныхъ строкъ едва ли не самаго обстоятельнаго двухтомнаго труда по современному положенію эволюціонной теоріи—„Vorlesungen über Descendenztheorien", лейденскаго профессора Лотсе: „одно только поле изслѣдованія совершенно не воздѣлано: опыты надъ результатами борьбы за существованіе, все равно между особями или между видами, совершенно отсутствуютъ, и здѣсь приходится ихъ только особенно рекомендовать". Одно такое изслѣдованіе во всякомъ случаѣ существуетъ; оно принадлежитъ англійскому зоологу Уэльдону и касается одного мелкаго крабба, водящагося въ Плимутской бухтѣ. Послѣ постройки новаго большого мола, загородившаго узкій входъ въ бухту, было замѣчено измѣненіе въ составѣ ея фауны, и Уэльдонъ, занявшись *біометрическими* измѣреніями этого крабба, замѣтилъ, что средняя ширина лобной части головогруди этого рака изъ года въ годъ убывала [1]). Ему пришло въ голову, не находится ли это измѣненіе въ связи съ увеличивающеюся мут-

[1]) Уэльдонъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ Пирсона, стоящаго во главѣ этого плодотворнаго научнаго направленія.

ностью воды, явившеюся результатомъ указанной постройки. Онъ предпринялъ рядъ опытовъ, въ нарочно для того устроенныхъ акваріумахъ, съ чистой и мутной водой, и оказалось, что въ мутной водѣ наблюдалась усиленная смертность, причемъ біометрическія изслѣдованія показали, что широколобые раки были болѣе ей подвержены, чѣмъ узколобые, такъ что послѣдніе имѣли болѣе шансовъ на жизнь. Разсуждая далѣе, Уэльдонъ пришелъ къ заключенію, что у нихъ, вѣроятно, лучше обезпечена фильтрація воды отъ ила, и произведенное изслѣдованіе околѣвшихъ и оставшихся въ живыхъ экземпляровъ блистательно подтвердило его предположеніе; у широколобыхъ жабры оказались сильно загрязненными иломъ [1]). Такимъ образомъ Уэльдонъ далъ первый образцовый примѣръ, какъ слѣдуетъ браться за дѣло, чтобы уловить явленіе естественнаго отбора въ природѣ: это достижимо только умѣлымъ сочетаніемъ біометрической статистики и прямого опыта. Къ сожалѣнію смерть похитила талантливаго молодого ученаго, такъ удачно выступившаго на новое плодотворное поприще изслѣдованія, на которомъ онъ повидимому пока еще не имѣлъ подражателей.

Противъ естественнаго отбора была поведена атака и еще съ другой стороны. Нѣкоторые ученые (въ томъ числѣ Де-Фризъ) пытались доказать, что даже искусственный отборъ не играетъ той роли въ образованіи новыхъ породъ растеній и животныхъ, какую придавалъ ему Дарвинъ; но несостоятельность этихъ возраженій была доказана спеціалистами. Отрицателямъ искусственнаго отбора пришлось смолкнуть, когда изъ-за океана стали доходить вѣсти о чудесахъ американскаго „кудесника“ Бёрбанка, буквально по желанію лѣпящаго растительныя формы, мѣняющаго въ нѣсколько лѣтъ почти любое свойство растенія и достигающаго этого результата примѣненіемъ отбора почти съ тою же строгостью, съ какою онъ примѣняется природой, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаменитый садоводъ не останавливается передъ истребленіемъ сотенъ тысячъ растеній для сохраненія одного [2]). Бёрбанкъ открыто заявлялъ, что руководится въ своей практикѣ исключительно идеями Дарвина, а побывав-

---

[1]) Мы видѣли, что Лотсе вовсе не упоминаетъ о Уэльдонѣ; другіе писатели, какъ Платэ и Келлогъ, упускаютъ самую существенную черту—причину смертности.

[2]) Краткій разсказъ о мало извѣстной у насъ дѣятельности Бёрбанка можно найти въ переведенной мною книгѣ Гарвуда: „Обновленная земля“. Бёрбанку ставили въ вину, что его опыты недостаточно подробно протоколируются. Благодаря щедрому пожертвованію Карнеги, онъ теперь, кажется, будетъ снабженъ цѣлой канцеляріей.

шій у него въ Америкѣ Де-Фризъ вынужденъ былъ признать полную научность его опытовъ.

Такимъ образомъ, принципъ отбора, въ смыслѣ уничтоженія неудовлетворительныхъ формъ, тѣмъ болѣе успѣшнаго, чѣмъ строже онъ проводится, не подлежитъ сомнѣнію; а съ другой стороны колоссальное несоотвѣтствіе между числомъ появляющихся существъ и тѣмъ, которое находитъ себѣ мѣсто на землѣ, никогда даже не подвергалось сомнѣнію, откуда и выводъ изъ него—существованіе естественнаго отбора въ природѣ и его значеніе для процесса образованія формъ цѣлесообразныхъ, т.-е. прилаженныхъ къ условіямъ, въ которыхъ протекаетъ ихъ жизнь, остаются во всей своей силѣ.

Мы поставили себѣ цѣлью показать, что ни одно изъ возникшихъ за послѣдніе полъ-вѣка научныхъ теченій не выдвинуло никакого препятствія на пути теоріи Дарвина. Мы могли бы еще показать, что̀ это истекшее полустолѣтіе добавило въ смыслѣ углубленія и дополненія нашихъ свѣдѣній и пріемовъ изслѣдованія по отношенію къ этимъ двумъ основнымъ факторамъ—къ измѣнчивости и наслѣдственности. Мы могли бы остановиться на успѣхахъ *біометріи* (Гальтонъ, Пирсонъ), давшей точный методъ для учета этихъ явленій, на успѣхахъ въ изученіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ наслѣдственности (Мендель и его многочисленные поклонники) и, наконецъ, на возникновеніи цѣлой новой отрасли біологіи, для которой двадцать лѣтъ тому назадъ я предложилъ названіе *экспериментальной морфологіи*, пророча, что, „пробиваясь отдѣльными струйками въ XIX вѣкѣ, она сольется въ широкій потокъ уже за порогомъ двадцатаго“, что̀ и не замедлило исполниться [1]).

Но все это не входитъ въ нашу ближайшую задачу—въ оцѣнку современнаго состоянія и значенія дарвинизма, отправляющагося отъ факторовъ измѣнчивости и наслѣдственности, какъ отъ готовыхъ данныхъ. Этого, правда, не понимаютъ многіе, именующіе себя *нео-ламаркистами*. Одни изъ нихъ полагаютъ, что если найдено физическое объясненіе для возникновенія той или другой формы (что̀ составляетъ задачу экспериментальной морфологіи), то тѣмъ вся задача исчерпана. Другіе, на мѣсто оказавшейся несостоятельною *трансцендентной* телеологіи непосредственныхъ творческихъ актовъ, пытаются поста-

---

[1]) Въ рѣчи на VIII съѣздѣ естествоиспытателей въ 1890 году: „Факторы органической эволюціи“. Она вошла въ составъ сборника: „Насущныя задачи естествознанія“.

вить какую-то *имманентную* телеологію цѣлесообразно дѣйствующей среды (Генсло, Вармингъ) или цѣлесообразно направляющей процессъ развитія организмовъ сознательной протоплазмы (нѣмецкіе панпсихисты). Но понятно, что какъ съ одной стороны въ задачу собственно дарвинизма не входитъ болѣе глубокій анализъ его двухъ исходныхъ факторовъ, такъ, съ другой стороны, и самый глубокій ихъ анализъ не въ состояніи выполнить задачи, осуществленной дарвинизмомъ. А эта задача съ замѣчательной лаконичностью выражена въ словахъ Гельмгольца, выбранныхъ нами эпиграфомъ для настоящаго очерка [1]). Универсальный геній, давшій міру законъ сохраненія энергіи, съумѣлъ оцѣнить значеніе другого генія, давшаго міру законъ естественнаго отбора и тѣмъ навсегда оградившаго положительную науку отъ вторженія въ ея область и креаціониста-теолога, и финалиста-метафизика.

К. Тимирязевъ.

---

[1]) Извѣстная рѣчь Гельмгольца была произнесена при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Нѣмецкіе натуралисты въ первый разъ собирались въ центрѣ самаго ретрограднаго католицизма и придавали большое значеніе этой нравственной побѣдѣ. Не преждевременна ли была ихъ радость? Еще на дняхъ мы могли прочесть въ газетахъ похвальбы вновь ободрившихся инсбрукскихъ реакціонеровъ, что они подымутъ невѣжественныхъ крестьянъ и поведутъ ихъ на университетъ.

ПАМЯТИ
ИВАНА ЕГОРОВИЧА ЗАБѢЛИНА

Въ послѣдній день минувшаго года угасла долгая и плодотворная жизнь И. Е. Забѣлина. Москва потеряла въ немъ одного изъ самыхъ яркихъ и крупныхъ представителей своей культурной жизни, своихъ традицій—„одну изъ московскихъ святынь", по слову историка-москвича. Для исторической науки русской въ лицѣ И. Е. Забѣлина сошелъ съ житейской сцены одинъ изъ даровитѣйшихъ и наиболѣе типичныхъ представителей могучаго поколѣнія, создавшаго своими трудами научное изученіе русскаго прошлаго. И среди этого поколѣнія, давшаго Россіи Соловьева, Буслаева, Кавелина, Калачова, К. Аксакова, И. Е. Забѣлинъ занялъ свое особое, самостоятельное и значительное мѣсто. Онъ самъ себя создалъ, какъ живое воплощеніе той „самобытности", которую такъ чутко воспринималъ и цѣнилъ въ исторической жизни. Школой, вскормившей его рѣдкое дарованіе, былъ архивъ Оружейной Палаты, гдѣ онъ началъ работу въ качествѣ „канцелярскаго служителя второго разряда". Архивные документы и богатыя музейныя древности Оружейной Палаты раскрыли передъ нимъ полныя яркой и своеобразной красоты картины старинпаго русскаго дворцоваго быта, „обряда государевой жизни, комнатной и выходной". Ожилъ царскій дворецъ XVII вѣка, возродился „домашній бытъ русскихъ царей и царицъ" передъ творческимъ воображеніемъ археолога-художника. Огромный запасъ археологическихъ свѣдѣній, согрѣтыхъ глубокой любовью къ изучаемымъ бытовымъ древностямъ, далъ пищу таланту Забѣлина, сдѣлавшаго больше всего для реставраціи наглядныхъ, образныхъ представленій о прошломъ Москвы, московскихъ дворцовъ, самаго города и его окрестностей. Плодомъ работъ въ этомъ направленіи, послѣ ряда статей въ періодическихъ изданіяхъ

(„Троицкіе походы“, „Нѣкоторые придворные обряды и обычаи царей московскихъ“, „Домашній бытъ московскихъ царей въ XVII столѣтіи“— въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1846 г. и „Отечественныхъ Запискахъ“ 1851—1858 г.г.), явился знаменитый трудъ: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“, выдержавшій три изданія (1869, 1872 и 1901). Вмѣстѣ съ тѣмъ изученія И. Е. Забѣлина захватывали все шире археологію города Москвы. И тутъ рядъ небольшихъ по объему работъ: „Древности Москвы и ихъ изслѣдованія“ („Вѣстникъ Европы“, 1867) и другіе этюды, собранные во второй части „Опытовъ изученія русскихъ древностей“ (М. 1873), „Кунцево и древній Сѣтунскій станъ“ (М. 1873), „Преображенское или Преображенскъ“ (М. 1883), „Историческое описаніе Московскаго Донского монастыря“ (2-е изд., М. 1893)—привелъ къ построенію обобщающаго труда: „Исторіи города Москвы“, задуманной по весьма широкому плану. Въ 1902 г. вышелъ первый томъ, которому суждено было остаться единственнымъ; ему предшествовало—еще въ 1884 г.— изданіе весьма цѣнныхъ „Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы“, также не пошедшее дальше перваго тома.

Изученіе вещественныхъ памятниковъ старины всегда стояло въ центрѣ трудовъ Забѣлина. Оно вело къ изслѣдованію исторіи стариннаго художественнаго ремесла въ этюдахъ „О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII столѣтія“, въ „Историческомъ обозрѣніи финифтянаго и цѣниннаго дѣла въ Россіи“. Съ конца 50-хъ годовъ Забѣлинъ предпринимаетъ рядъ раскопокъ скиѳскихъ и греческихъ кургановъ, между прочимъ знаменитаго Чертомлыцкаго кургана. Эта дѣятельность Забѣлина-археолога увѣнчана созданіемъ Московскаго Историческаго Музея. И, тѣмъ не менѣе, художественную археологію нельзя назвать, въ строгомъ смыслѣ слова, основной спеціальностью покойнаго историка. Изслѣдованіе вещественныхъ памятниковъ старины не было для него самостоятельной научной цѣлью. Для Забѣлина это только одинъ изъ путей къ изученію минувшей жизни, правда—путь необходимый, наиболѣе соотвѣтствующій индивидуальнымъ особенностямъ его историческаго таланта.

Подобно Огюстэну Тьерри, Забѣлинъ въ тѣ годы, когда слагались его историческіе интересы и опредѣлялись научныя настроенія, увлекался романами Вальтеръ-Скотта. Художественное возрожденіе прошлаго въ его картинной конкретности было близко натурѣ И. Е. Забѣлина, но углублялось у него, подъ вліяніемъ такъ называемой „школы родового быта“ и ея споровъ со славянофилами объ основныхъ чертахъ древне-русскаго быта, потребностью понять это прошлое въ его духѣ и внутреннемъ жизненномъ смыслѣ. Такое взаимодѣйствіе индивидуальныхъ особенностей богатаго историческаго да-

рованія Забѣлина и условій исторіографическаго момента, въ которомъ ему привелось выступить, быть можетъ всего лучше объясняетъ свойства его научныхъ исканій, приведшихъ къ выработкѣ имъ самостоятельной исторической теоріи.

Задача этой теоріи — опредѣлить основу, сущность всего общественнаго быта и строя древней Руси. Согласно тогдашней схемѣ, господствовавшей въ русской исторіографіи, Забѣлинъ исходитъ изъ противопоставленія до-петровской Руси—новой Россіи, мыслитъ первую какъ цѣльный культурно-историческій типъ. Глубокій знатокъ московской жизни, притомъ — естественно — жизни московскихъ верховъ, Забѣлинъ именно въ этой жизни ищетъ и находитъ основной принципъ всего быта до-петровской Руси. Это—родовое начало. Лишь условно и по-своему примыкаетъ Забѣлинъ къ теоріи родового быта, такъ какъ для него „родовой бытъ не есть фактъ, а есть начало, стихія жизни, которая, какъ стихія, входитъ во всѣ факты, проницаетъ ихъ, даетъ имъ свою окраску, формируетъ ихъ, но сама нигдѣ въ особое учрежденіе не воплощается". Этимъ родовымъ началомъ объясняются отличительныя черты древне-русской общественности: не община, опредѣляемая, какъ „совокупность болѣе или менѣе обособленныхъ, самостоятельныхъ, равноправныхъ, независимыхъ личностей", а соціальный союзъ „отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи", опредѣляя свои взаимныя отношенія по представленіямъ объ относительномъ старшинствѣ и меньшинствѣ родовъ,—характеренъ для этой общественности. Наиболѣе опредѣленнымъ и законченнымъ ея выраженіемъ служитъ мѣстничество. Напрасно, по мнѣнію Забѣлина, разсматриваютъ его „какъ оффиціальное какое-то учрежденіе или установленіе, въ родѣ табели о рангахъ": такой характеръ оно приняло только въ борьбѣ съ опаснымъ противникомъ—идеей государственности. Само по себѣ, оно—явленіе глубокой древности, начало, опредѣлявшее общественныя отношенія и въ древнемъ періодѣ. Мѣстничество, есть „выраженіе нашего древняго вѣча, вѣчевого собранія съ внѣшней его стороны"; мѣстничество было и „формою собравшагося общества дружины". Такъ боярское мѣстничество московскихъ временъ представляется Забѣлину лишь частнымъ случаемъ, однимъ изъ проявленій „самаго устава жизни" древнерусской.

Родовымъ началомъ опредѣляется и политическій строй древней Руси. Въ его основѣ лежитъ „начало или стихія родительской опеки, стихія старшей воли, идеаломъ которой было родовое старшинство". Отсюда „особенное своеобразіе нашей исторіи" — патріархальность власти, „съ непомѣрной жестокостью безотчетнаго произвола, передъ лицомъ котораго не могло существовать даже и малѣйшихъ понятій

о какомъ-либо правѣ" и „съ тою любовною родственностью въ отношеніяхъ, которая всегда ставила власть въ непосредственныя родственныя, братскія отношенія къ подвластной средѣ". И тутъ—источникъ обобщеній Забѣлина въ изученіи московской жизни, черты которой признаются типичными для всей русской жизни всего до-петровскаго періода. „Домострой" для него—„зерцало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни": „подобно тому, какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родовая власть, строившая эту общественность, вполнѣ и типически выразила себя въ Домостроѣ". Съ этой точки зрѣнія, вотчинный характеръ всякаго властвованія является типичнымъ для соціально-политическаго быта всей древней Руси. Давъ превосходную картину боярскаго вотчиннаго хозяйства въ статьѣ: „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ XVII вѣка" („В. Европы", 1871 г., янв. и февр.), яркую характеристику Москвы, какъ вотчиннаго города, и роли государева дворца, какъ центра государственной жизни московской, Забѣлинъ эту вотчинность, выросшую на „родовомъ" корнѣ, возводитъ въ основное начало „всей дѣятельности и дѣйствительности старой Руси до эпохи преобразованій"; „самодержавіе въ своей самовластной формѣ XVI и XVII вѣка явилось роскошнымъ цвѣтомъ, плодомъ именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала насъ *съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи*".

Исходя изъ представленій объ идеалахъ Домостроя, о мѣстничествѣ, о боярской вотчинѣ, о царской вотчинѣ-государствѣ, Забѣлинъ въ нихъ видитъ воплощеніе идеаловъ и національныхъ основъ всей древне-русской жизни. „Самовластіе было жизненнымъ началомъ стараго русскаго быта; оно было олицетвореніемъ родовой идеи, которая построила нашъ бытъ". Подобно московскимъ книжникамъ XV—XVI вв. и невольно слѣдуя имъ, Забѣлинъ теорію русской исторіи обращаетъ въ своего рода историческую теодицею московской дѣйствительности. Но „здравый реализмъ", который онъ привѣтствуетъ въ историческомъ изслѣдованіи, привелъ его постепенно къ расчлененію искусственнаго представленія о единствѣ культурно-историческаго типа „древней", „до-петровской" Руси. Прежде всего, изъ него пришлось выдѣлить XVII в., какъ переходное время, когда „русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другого идеала". Грозный и Домострой закончили развитіе въ старомъ направленіи. Недаромъ явились они одновременно. „Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни; Домострой былъ вполнѣ законченнымъ *словомъ* ея нравственнаго и общественнаго идеала; Грозный былъ самымъ *дѣломъ* того же идеала,

также вполнѣ законченнымъ"—и онъ „окончилъ самый запутанный актъ русской драмы-исторіи". Начался новый историческій періодъ, потому что „земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ"—и „званый идеалъ наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго господаря обществу, а перваго его неутомимаго работника: это уже нашъ идеалъ, и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ"...

Пришлось, затѣмъ, признать законность противопоставленія московскимъ началамъ быта иныхъ, господствовавшихъ въ болѣе раннее время, въ древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи. Къ болѣе внимательному его изученію Забѣлинъ обратился, задумавъ обширный трудъ: „Исторію русской жизни съ древнѣйшихъ временъ". Въ свѣтъ появилось только два тома (1876 и 1879 г.; недавно вышло второе изданіе перваго тома), доведшіе изложеніе лишь до „водворенія христіанства". Тутъ Забѣлину пришлось, внимательнѣе присмотрѣвшись къ явленіямъ древней жизни, значительно измѣнить характеристику „родовой стихіи", съ ея проявленіемъ въ патріархальномъ самовластіи и вотчинномъ властвованіи. Теперь Забѣлинъ выдвинулъ иное проявленіе той же „стихіи": нераздѣльную братскую семью, съ властью старшаго, „очень далекой отъ понятій о самодержавной власти отца", и съ зависимостью ея отъ „общаго братскаго совѣта". Изъ этого „начала" объясняетъ Забѣлинъ теперь необходимость вѣча, какъ „представительства... всѣхъ родичей, способныхъ держать родовое братство". Правда, сохранилось и въ этомъ трудѣ вліяніе мѣстническихъ представленій на пониманіе древне-русскаго быта, въ ученіи объ особой роли трехъ братьевъ, какъ руководителей братской семьи: Забѣлинъ поддерживаетъ ее указаніемъ на роль именно трехъ братьевъ въ народныхъ преданіяхъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить въ „Исторіи русской жизни" значительнаго отступленія отъ окраски всего древне-русскаго быта понятіями и отношеніями, сложившимися въ московскомъ государствѣ и въ средѣ московскаго боярства. Въ единое представленіе о „до-петровской" Руси врѣзалась эволюціонная струя. Къ сожалѣнію, Забѣлинъ не продолжалъ „Исторіи русской жизни": это продолженіе поставило бы его передъ необходимостью развернуть свое общее представленіе о древней Руси въ эволюціонную схему и, въ частности, передъ вопросомъ о происхожденіи тѣхъ чертъ московскаго быта, которыя онъ въ „Домашнемъ бытѣ русскихъ царей" призналъ исконными и общерусскими. Только въ обширной статьѣ: „Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія" („Историч. Вѣстн." 1881 г., №№ 2—4) отразилось коренное измѣненіе общихъ историческихъ воззрѣній Забѣлина. Слѣдя за развитіемъ московскаго единодержавія,

какъ исторической формы медленно слагавшагося народнаго единства, Забѣлинъ выясняетъ, „съ какою постепенностью развивалось государево самовластіе“, указывая рядъ „и случайныхъ, и коренныхъ“ причинъ этого развитія. Зерно этого развитія онъ ищетъ уже не въ общемъ укладѣ русской жизни, а въ особенностяхъ быта суздальской земли, ея населенія „по преимуществу промышленнаго и рабочаго, въ собственномъ смыслѣ посадскаго“. Суздальская почва вскормила Андрея Боголюбскаго, съ его „посадскимъ характеромъ домодержца, самодержца и самовластца“. Юрьевичи Суздальскіе ищутъ опоры помимо дружиннаго боярства въ самой землѣ. И на этой болѣе широкой и болѣе народной основѣ выросла московская государственность, медленно развивавшаяся „изъ особнаго, частнаго владѣнья, собственно изъ вотчины, а еще вѣрнѣе—изъ начала семейственнаго“. Въ первомъ періодѣ этого развитія (1330—1460) „начало политическаго единенія развиваетъ изъ старозавѣтнаго „великаго князя“ новый образъ „великаго государя“; второй періодъ (1460—1610) развиваетъ изъ „великаго государя“ новый образъ „царя“. Въ первомъ періодѣ „великокняжеская власть пріобрѣла деспотизмъ хозяина собственника“, но вотчинный деспотизмъ этотъ—еще рабъ традиціи, еще стоитъ въ зависимости отъ „старобытныхъ началъ“ общеземской жизни. Государево самовластіе, сильно ограниченное старозавѣтными обычаями, не такъ бы скоро получило, по новому воззрѣнію Забѣлина, „окончательную отдѣлку, окончательную, уже царскую форму“, если бы не византійско-итальянское вліяніе Софьи Палеологъ и окружавшихъ ее пришельцевъ. „Теперь деспотизмъ освобождается отъ стараго обычая и становится только личнымъ, самопроизвольнымъ и своевольнымъ“— такъ опредѣляетъ Забѣлинъ результаты этого иноземнаго политическаго вліянія. И почвой, взростившей московское самодержавіе, является уже не родовая культура, съ ея идеалами Домостроя, а историческая необходимость въ сильномъ государственномъ единствѣ, построенномъ на такомъ порядкѣ обязательной земской службы и податной-тяглой системы, который питалъ воззрѣніе, что „всякая владѣльческая земля, частная поземельная собственность, въ сущности есть только временное пользованіе для достиженія общихъ цѣлей“. Постепенное развитіе историческихъ воззрѣній Забѣлина привело его, такимъ образомъ, къ замѣнѣ прежней задачи—опредѣлить однимъ „началомъ“ всю сущность бытового строя до-петровской Руси,—новой проблемою: вскрыть основныя черты эволюціи ея быта, ея общественныхъ и политическихъ формъ. При этомъ древнѣйшій періодъ такъ и не нашелъ себѣ мѣста и въ новой концепціи. Въ Суздальщинѣ и въ Москвѣ — „корень развитія сѣверной исторіи“, какъ въ Кіевѣ находился „корень, изъ котораго развилась южная исторія“. И эта „южная исторія“ не привлекала

интереса Забѣлина: онъ видѣлъ въ ней „только однѣ и тѣ же повторительныя формы политической жизни“, безъ всякаго „прогрессивнаго зародыша“. Только „отъ Москвы начался прогрессивный ходъ самой русской исторіи“. Остановка „Исторіи русской жизни“ на моментѣ крещенія Руси — не случайность: княжеская Русь и удѣльное время въ его особенностяхъ, не связанныхъ прямо съ исторіей Москвы, остались внѣ круга интересовъ и пристальныхъ изученій Забѣлина.

Въ трудахъ Забѣлина—значительная и цѣнная страница прошлой исторіи нашей науки. Его археологическіе труды дали множество драгоцѣнныхъ наблюденій, составляющихъ прочное наслѣдіе его ученой работы. Его воззрѣнія общаго характера не только типичны для крупнаго отдѣла нашей исторіографіи въ блестящую эпоху ея развитія, но существенны для пониманія иныхъ особенностей и современной исторической литературы. Эти воззрѣнія остались намъ въ наслѣдство въ его трудахъ, но угасло его дарованіе, рѣдкой яркости и силы, угасла его глубокая любовь къ родной московской старинѣ, угасла „одна изъ московскихъ святынь“.

А. Прѣсняковъ.

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫЙ ТУПИКЪ.

Наше казенное землеустроительство, послѣ продолжительной и очень дорого обошедшейся государству работы, пришло въ совсѣмъ запутанное состояніе, видимое всѣмъ зрячимъ и вѣроятно чувствуемое самими руководителями землеустроительства; только имъ въ этомъ еще неловко открыто сознаться. Задавшись цѣлью перестроить сельскій народный бытъ, оно выступило съ широкимъ размахомъ, наобѣщало очень много, претендуя на совершеніе чего-то равнаго по важности реформѣ 19 февраля, но итоги эффектнаго начинанія оправдываютъ не самоувѣренныя рекламы, а тѣ предостереженія, которыя высказывались людьми, обладающими бо̀льшимъ чутьемъ дѣйствительной жизни и ея нуждъ.

Зло крестьянскаго малоземелья давно уже представляетъ одинъ изъ самыхъ болѣзненныхъ вопросовъ нашей сельской жизни. На это зло указывали и указываютъ болѣе тридцати лѣтъ. Сначала такія указанія правительствомъ отрицались, стѣснялись и запрещались, но яркая правда слишкомъ рѣзко колола глаза. Правительство должно было, наконецъ, не только признать ее, но и объявить необходимость серьезной борьбы противъ малоземелья. Появились въ этомъ смыслѣ кое-какія мѣры. Съ 1905 года борьба съ малоземельемъ намѣчена была уже довольно широко и возвѣщалась торжественными актами, съ выраженіемъ готовности къ крупнымъ государственнымъ жертвамъ. Манифестами и указами 1905 года улучшеніе крестьянскаго положенія объявлено было „первѣйшею заботою". Признана необходимость подъема „благосостоянія *широкихъ* народныхъ *массъ*". Для „успѣшнѣйшей помощи *малоземельнымъ* крестьянамъ въ расширеніи покупкою площади ихъ землевладѣнія", крестьянскому банку предоставлены новыя и большія средства, въ видѣ разрѣшенія неограниченнаго выпуска процентныхъ бумагъ. За счетъ такихъ бумагъ банкъ началъ широкую скупку частновладѣльческихъ земель. Далѣе, рѣшено обращать на земельную помощь крестьянству земли казенныя и удѣльныя.

Совокупность такихъ актовъ не могла не производить большого впечатлѣнія и окрыляла надежды. Никогда прежде правительство не выступало такъ рѣшительно противъ малоземелья, никогда не давало такихъ средствъ на борьбу съ нимъ. Пришлось задаваться вопросомъ:

неужели эта борьба и въ самомъ дѣлѣ пойдетъ серьезно, рѣшительно, направляясь прямо къ цѣли, неужели она точно приведетъ къ уничтоженію или крупному ослабленію малоземелья, отвѣчая давнимъ желаніямъ сторонниковъ народнаго блага? Дѣйствительно ли мы разрываемъ нить старой традиціи и выступаемъ на новый, лучшій путь? При свѣжей памяти предыдущей нашей внутренней политики, среди такихъ надеждъ, неизбѣжно выступало и сомнѣніе: а можетъ быть у насъ найдутся еще такіе политики, которые во-время постараются не допустить осуществленія объявленныхъ намѣреній и съумѣютъ поворотить всѣ обѣщанія и данныя средства въ другую сторону, такъ чтобы они у крестьянства по усамъ лишь пробѣжали, а въ ротъ малоземельнымъ не попали? Отвѣтъ должно было дать близкое будущее. Бо́льшая часть его предъ нами.

Крестьянскій банкъ успѣлъ накупить массу земель и продолжаетъ эту операцію, затративъ на нее уже болѣе 600 милліоновъ рублей. Продавцамъ имѣній онъ далъ огромныя выгоды, выплативъ имъ преувеличенныя цѣны, далеко не соотвѣтствующія дѣйствительной доходности сбытыхъ ими земель. Но что̀ досталось крестьянамъ, этому предмету „первѣйшей“ заботы, насколько ослаблено малоземелье?

Задачу ослабленія этого зла успѣли замѣнить совсѣмъ другою — насажденіемъ хуторского или отрубного владѣнія. Не тѣмъ предоставлять землю, кто наиболѣе въ ней нуждается, а тѣмъ, кто согласенъ идти „на хутора“. Если одинъ мужикъ сильнѣйшимъ образомъ нуждается въ землѣ, а другой—гораздо меньше или вовсе не въ нуждѣ, но за то согласенъ идти на отрубъ, то предпочтеніе отдается не первому, а послѣднему. Не земля-де должна служить нуждѣ человѣка, а человѣкъ долженъ служить матеріаломъ для торжества указанныхъ начальствомъ формъ участковъ. Если земля находится у мужика подъ бокомъ и она ему всего сподручнѣе, но онъ въ хуторяне перейти не желаетъ, то ему не дадутъ этой земли, а приведутъ на нее чужихъ людей, которые, ради ея пріобрѣтенія, согласятся и на хутора. Малоземелье забывается, а на первый планъ выступаетъ новая idée fixe, съ успѣхомъ парализующая и торжественныя обѣщанія, и вліяніе данныхъ широкихъ средствъ. Рѣдко встрѣчаются примѣры такой рѣшительной замѣны объявленныхъ цѣлей совсѣмъ другими; но эта замѣна — яркій наличный фактъ. Между законодательнымъ словомъ и фактическимъ исполненіемъ образовалась пропасть.

Крестьяне, въ массѣ, отнеслись къ хуторской „реформѣ“ антипатично, чего и слѣдовало ждать, такъ какъ казенное строительство пошло въ разрѣзъ и съ жизненными условіями, и съ народными привычками и воззрѣніями, стѣсняя крестьянъ и въ пастбищѣ, и въ пользованіи водою, и т. д., и т. д. Ломая однѣ наружныя формы

участковъ, оно не даетъ ничего для дѣйствительнаго улучшенія земледѣлія. Сверхъ того, и у исполнителей не оказывается никакой умѣлости въ дѣлѣ крестьянскаго устройства. Подобранные исполнители умѣютъ только проявлять служебное усердіе, но дальше „что прикажете“ не идутъ. Живыхъ людей нѣтъ и на это даже жаловаться нельзя, потому что ихъ нельзя найти. Если реформа 19 февраля могла привлекать къ себѣ многихъ живыхъ, участливыхъ, искреннихъ людей, находившихъ въ своей работѣ внутреннее удовлетвореніе, то потому, что тутъ было чему откликнуться живой душѣ—а какой возможенъ душевный откликъ насажденію по казенной указкѣ того, чего населеніе не хочетъ и что носитъ явные признаки безплодной механичности! На такое дѣло пойдутъ за жалованье, за служебныя выгоды, но души тутъ не будетъ, и дѣло при самомъ зарожденіи обречено на мертвенную исполнительность.

Такъ дѣло представлялось съ самаго начала. Есть уже и большой опытъ. Надо оглянуться, что̀ же достигнуто фактически послѣ трехлѣтней работы и при всякихъ административныхъ давленіяхъ? Что̀ оправдалось—похвальбы или предостереженія?

Изъ опубликованной въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ вѣдомости крестьянскаго банка о положеніи дѣла на 15 ноября 1908 года видно, что по этотъ срокъ банкомъ разрѣшена покупка за его счетъ у частныхъ лицъ 5.851.057 десятинъ земли на сумму въ 625.360.227 рублей. Продать же крестьянамъ изъ состава этой земли, съ помощью банковыхъ ссудъ, разрѣшено только 662.619 десятинъ, на сумму 65.268.228 рублей. Сверхъ того безъ ссудъ, т.-е. за наличныя деньги, продано 11.424 десятины за 578.440 рублей. Затѣмъ, на рукахъ банка остается нераспроданной земли 5.177.014 десятинъ, пріобрѣтенныхъ за 559.513.559 рублей.

Выходитъ, что энергично ведется только скупка земель у частныхъ лицъ, т.-е. идетъ собственно увеличеніе банковаго земельнаго владѣнія. Но сбытъ крестьянамъ земли изъ банковыхъ рукъ почти совсѣмъ не идетъ. За цѣлыхъ три года банку удалось сбыть едва девятую часть того, что̀ онъ накупилъ, если считать по числу разнаго качества десятинъ, а если считать по цѣнности, то — еще меньшую долю. То-есть, собственно „устройство крестьянъ“, даже въ чисто цифровомъ, помимо качественнаго, отношеніи, выразилось въ очень ничтожной величинѣ. Восемь девятыхъ всей трехлѣтней скупки пребываетъ въ рукахъ банка, обременяя его хозяйственнымъ управленіемъ и не оказывая вліянія на положеніе малоземельнаго крестьянства, не увеличивая площади его владѣнія. И это положеніе не измѣняется къ лучшему и не подаетъ въ этомъ отношеніи какихъ-либо надеждъ, такъ какъ все время банковыя покупки въ такой же мѣрѣ

ными обстоятельствами и мотивируемой ими чрезвычайной мѣрой. Другими словами, недостаточно общей ссылки на чрезвычайный характеръ переживаемой минуты; нужны еще ясныя доказательства тому, что устранить или уменьшить грозящее или совершающееся зло можно только немедленнымъ введеніемъ въ дѣйствіе провизорнаго закона. Этихъ безспорныхъ положеній не понимаетъ или не хочетъ понять „Россія", восклицая, въ защиту безпредѣльно широкаго пользованія ст. 87-ою: „Какъ будто бы то, что происходило въ Россіи въ промежутокъ времени между первой и второй и между второй и третьей Думами, не имѣло значенія исключительныхъ обстоятельствъ"! Да, во второй половинѣ 1906-го года въ Россіи совершалось много исключительнаго, чрезвычайнаго (чего отнюдь нельзя сказать о второй половинѣ 1907-го года); но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы существовалъ серьозный поводъ къ изданію такого провизорнаго закона, какимъ является указъ 9-го ноября. Никакихъ волненій, никакихъ безпорядковъ онъ предупредить не могъ, да и не къ тому онъ былъ направленъ; наоборотъ, онъ вносилъ въ деревню новый элементъ смуты и раздора. Провизорный законъ, по самому своему существу и назначенію, ничего не долженъ мѣнять въ народной жизни. Онъ долженъ быть составленъ такъ, чтобы его отмѣна—возможность которой, и очень скорая, всегда предусматривается при самомъ его изданіи,—не могла произвести никакихъ замѣшательствъ и пертурбацій, никакой ломки гражданскихъ отношеній. Установляется, напримѣръ, особая форма суда, требуемая „чрезвычайными" обстоятельствами. Пока она дѣйствуетъ, она можетъ, конечно, приводить — и дѣйствительно приводитъ—къ весьма печальнымъ и тяжелымъ результатамъ; но какъ только она, вмѣстѣ съ создавшимъ ее провизорнымъ закономъ, отмѣнена, все возвращается въ прежнее положеніе, и отъ прошлаго остается слѣдъ только въ видѣ мрачныхъ воспоминаній. Совсѣмъ другое дѣло, если провизорный законъ глубоко врѣзывается въ экономическую область; каждый лишній день его дѣйствія вызываетъ новыя усложненія и затрудняетъ возвратъ на прежній путь, искусственно укрѣпляя наскоро и произвольно возведенную постройку. „Россіи" кажется, что примѣненіе ст. 87-ой могло бы быть опасно лишь въ такомъ случаѣ, еслибы оно стало чѣмъ-то обычнымъ, упраздняющимъ, de facto, общій законодательный порядокъ. Мы смотримъ на дѣло иначе: въ нашихъ глазахъ злоупотребленіе закономъ всегда остается злоупотребленіемъ, все равно, повторяется ли оно рѣдко или часто, въ видѣ исключенія или въ видѣ общаго правила. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ *степень* вины больше, чѣмъ въ первомъ; но вина не перестаетъ быть виною, какіе бы софизмы ни пускались въ ходъ для ея оправданія.

Обратимся къ другимъ чертамъ сходства—и различія—между переживаемымъ нами временемъ и недавнимъ прошлымъ. Съ небольшимъ пять лѣтъ тому назадъ, когда вводилось въ дѣйствіе новое городовое положеніе, изданное спеціально для Петербурга, въ разныхъ частяхъ города собирались, не встрѣчая ни препятствій, ни особаго надзора со стороны полиціи, группы избирателей, для свободнаго обсужденія городскихъ дѣлъ. Теперь также собираются обыватели, вступающіе въ составъ обществъ, о которыхъ шла рѣчь въ январьской общественной хроникѣ нашего журнала: но имъ позволяется только выслушивать доклады, заранѣе заявленные, а не открывать пренія по поводу выслушаннаго. Съ большими стѣсненіями протекала, какъ извѣстно, и недавняя избирательная кампанія въ Москвѣ, передъ выборами въ городскую думу. Въ мирной области городского самоуправленія сдѣланъ, такимъ образомъ, шагъ назадъ сравнительно съ временами Плеве. И это только одинъ изъ многихъ аналогичныхъ фактовъ. Лекція, безпрепятственно прочитанная въ Воронежѣ, запрещается въ Москвѣ; „подъ сомнѣніе" берутся засѣданія ученыхъ обществъ; выискиваются поводы къ отказу въ регистраціи новыхъ обществъ, если что-нибудь въ ихъ уставахъ или хотя бы въ ихъ названіи не нравится администраціи. Наблюденіе распространяется и на частныя собранія, прежде допускавшіяся совершенно свободно; въ газетахъ попадаются извѣстія объ оштрафованіи участниковъ собранія, число которыхъ не превышало одного-двухъ десятковъ. Мелкою сѣтью опутываются дѣйствія совершенно безобидныя, лица, ни для кого и ни для чего не опасныя. Ежедневно наносятся тысячи булавочныхъ уколовъ, не говоря уже о тяжелыхъ увѣчьяхъ и ранахъ, въ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть недостатка при дѣйствіи всякихъ охранъ. Отсюда неизбѣжное раздраженіе, можетъ быть болѣе сильное и болѣе распространенное, чѣмъ то, которое поддерживалось до-конституціоннымъ режимомъ. Болѣе сильное — потому что тогда не было такого яркаго противорѣчія между закономъ и дѣйствительностью; болѣе распространенное—потому что „дни свободы", какъ бы они ни были непродолжительны, увеличили число лицъ, сознающихъ свои права и понимающихъ требованія нормальной политической жизни.

Пять лѣтъ тому назадъ совершился извѣстный разгромъ тверского губернскаго земства. Это было открытое, прямое торжество силы надъ правомъ; но, во-первыхъ, ему предшествовали долгіе годы борьбы, рѣзко выдѣлявшейся на фонѣ общей инерціи и пассивности—во-вторыхъ, это все-таки было исключеніемъ, сравнительно рѣдкимъ. Теперь найдется немало земствъ, условія существованія которыхъ напоминаютъ тверскую исторію 1904-го года; но поставлены они въ такое положеніе не единичнымъ актомъ власти, устраняющимъ дѣйствіе за-

жона, а цѣлымъ рядомъ комбинированныхъ мѣръ, менѣе замѣтно, но не менѣе вѣрно приводящихъ къ той же цѣли. Особенно характерное зрѣлище представляетъ, въ этомъ отношеніи, вологодское губернское земство. Ознакомившись съ нимъ на мѣстѣ, И. В. Жилкинъ нарисовалъ по истинѣ изумительную картину. Во время послѣдней сессіи вологодскаго губернскаго земскаго собранія изъ числа тридцати-двухъ выборныхъ гласныхъ, числившихся по спискамъ, участвовало въ засѣданіяхъ не больше 6—7; около половины общаго ихъ числа состоитъ подъ судомъ, нѣкоторые умерли, нѣкоторые отсутствовали, зная, вѣроятно, что всегда будутъ оставаться въ меньшинствѣ. Большинство составляли чиновники, аккуратно, по долгу службы являвшіеся въ засѣданія. Къ этой группѣ принадлежали четыре представителя вѣдомствъ, четыре *назначенныхъ* предсѣдателя уѣздныхъ земскихъ управъ, семь предсѣдателей съѣздовъ земскихъ начальниковъ (въ семи уѣздахъ вологодской губерніи они замѣняютъ уѣздныхъ предводителей дворянства)... Что̀ означаетъ собою, въ настоящее время, преданіе суду, для чего, сплошь и рядомъ, предпринимается и чего слишкомъ часто достигаетъ судебная волокита—это слишкомъ хорошо извѣстно. Многимъ ли хуже были прежніе, примитивные способы расправы съ „непріятными" людьми? Помимо преимущества откровенности, они имѣли иногда еще одну хорошую сторону: краткосрочность. Остракизмъ, постигшій въ 1904-мъ году тверскихъ губернскихъ гласныхъ, продолжался, напримѣръ, менѣе года.

Очень рѣдки, при прежнемъ порядкѣ, были случаи вынужденнаго оставленія службы сенаторами, всегда обращавшіе на себя особое вниманіе общества. Всѣмъ памятно впечатлѣніе, произведенное увольненіемъ сенатора И. П. Закревскаго, за письмо, напечатанное имъ въ иностранныхъ газетахъ. Теперь, если вѣрить сообщенію „Times", опала сенатора принимаетъ другую форму: онъ „освобождается" отъ присутствованія въ засѣданіяхъ [1]). Тому, кто дорожитъ больше всего содержаніемъ, сопряженнымъ съ должностью, подобная мѣра можетъ показаться очень мягкою; но едва ли такъ смотритъ на нее тотъ, кто привыкъ серьезно относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Вынужденный, нежеланный отдыхъ не можетъ не быть для него тяжкой обидой. Въ аналогичномъ положеніи находятся и тѣ члены Государственнаго Совѣта, которые къ началу года перечисляются, помимо ихъ воли, въ разрядъ неприсутствующихъ, т. е. сохраняютъ только внѣшнія выгоды своего положенія. Согласно ли такое перечисленіе съ закономъ — это вопросъ

[1]) См. въ № 679 „Слова" статью В. Д. Кузьмина-Караваева: „Въ юридическомъ освѣщеніи".

спорный. Мы думаемъ, что онъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно; слова статьи 9-ой учр. Госуд. Совѣта: „члены по Высочайшему назначенію увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ“ относятся, по нашему мнѣнію, не только къ увольненію вовсе отъ службы, но и къ увольненію отъ исполненія обязанностей, сопряженныхъ, по общему правилу, съ званіемъ члена Госуд. Совѣта. Только при такомъ толкованіи закона можетъ быть рѣчь о несмѣняемости — этомъ необходимомъ условіи независимости *назначаемыхъ* членовъ законодательнаго учрежденія.

Въ одномъ отношеніи настоящее положеніе дѣлъ напоминаетъ собою уже не то, что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а нѣчто гораздо болѣе раннее. Мы имѣемъ въ виду страшное распространеніе взяточничества—этого стариннаго бича русской жизни, унаслѣдованнаго петербургскимъ періодомъ отъ московскаго и достигшаго высшей степени своего развитія къ поливинѣ XIX-го вѣка. Эпоха великихъ реформъ, казалось, положила конецъ этому злу или, по меньшей мѣрѣ, значительно уменьшила его интенсивность и распространенность. Таилось ли оно подъ пепломъ или возродилось вновь — какъ бы то ни было, оно опять поднимаетъ голову и отравляетъ воздухъ, которымъ дышитъ Россія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить слѣдующій характерный фактъ. До восшествія на престолъ императора Александра II-го сенаторскія ревизіи назначались исключительно для раскрытія злоупотребленій въ томъ или другомъ уголкѣ чиновничьяго міра. Своей ближайшей цѣли — т.-е. изобличенія нѣсколькихъ виновныхъ—онѣ обыкновенно достигали, къ болѣе серьознымъ и прочнымъ результатамъ — т.-е. къ поднятію нравственнаго уровня служащихъ — не приводили никогда. При Александрѣ II-мъ встрѣчались ревизіи прежняго типа—напр. въ губерніяхъ пензенской и пермской,—но рядомъ съ ними стали появляться и другія, имѣвшія значеніе не столько слѣдствій, сколько анкетъ, обращавшія вниманіе не столько на отдѣльныхъ лицъ, сколько на общія условія. Такова была ревизія сенатора Капгера (въ 1862—63 г., въ губерніяхъ калужской и владимірской), таковы были въ особенности четыре ревизіи, назначенныя, въ 1880 г., „диктатурой сердца“ (сенаторы М. Е. Ковалевскій, С. А. Мордвиновъ, А. А. Половцовъ и И. И. Шамшинъ). Къ нимъ примыкала и единственная крупная ревизія, произведенная при Александрѣ III-мъ (сенатора Манасеина, въ остзейскихъ губерніяхъ). Наоборотъ, всѣ ревизіи послѣдняго времени возвращаются къ старымъ задачамъ и пріемамъ — отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что опять обострилось старое зло. И въ концѣ концовъ онѣ останутся столь же безплодными, какъ и ревизіи временъ Николая I-го, потому что онѣ скользятъ по поверхности, не задѣвая дна. Полвѣка тому назадъ взяточничество

разросталось на почвѣ безправія, созданнаго крѣпостничествомъ, канцелярской тайной, административнымъ всевластіемъ, инертностью общества и забитостью народа; теперь оно расцвѣтаетъ вновь на почвѣ безправія, созданнаго и поддерживаемаго реакціей, чрезвычайными охранами, испугомъ вверху, подавленностью внизу. Ни къ чему не приводили прежде, ни къ чему не приведутъ и теперь преслѣдованія отдѣльныхъ лицъ, болѣе или менѣе случайныя и ничего не измѣняющія въ причинахъ зла... Знаменательно, что въ послѣднее время опять участились сообщенія о неправильныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ. Учрежденіе это еще недавно казалось доживающимъ свои послѣдніе дни. Теперь оно почувствовало подъ собою болѣе твердую почву; общее положеніе дѣлъ благопріятствуетъ превышеніямъ власти—и вотъ, возможною становится безнаказанность такихъ дѣйствій, какія приписываются, напримѣръ, одному изъ земскихъ начальниковъ малоярославецкаго уѣзда.

Рядомъ съ повтореніями наше время представляетъ немало новаго—но такого новаго, которое было бы гораздо болѣе понятно въ старое далекое время. Къ страшному росту смертныхъ казней мы возвращаться не будемъ, въ виду всего сказаннаго нами о немъ въ прежнихъ обозрѣніяхъ; но мы не можемъ не остановиться на одномъ явленіи, ярко освѣщенномъ благодаря мужеству нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Въ январѣ 1906-го года въ Варшавѣ и Люблинѣ было разстрѣляно семнадцать человѣкъ, бо́льшею частью несовершеннолѣтнихъ. Въ виду заявленія представителей прокурорскаго надзора (гражданскаго и военнаго) о сомнительности осужденія этихъ лицъ при возбужденіи противъ нихъ судебнаго преслѣдованія, генералъ-адъютантъ Скалонъ призналъ необходимымъ, на основаніи ст. 12-ой правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, подвергнуть ихъ смертной казни безъ суда, такъ какъ участіе ихъ въ террористическихъ актахъ подтвердилось дознаніемъ. Группа присяжныхъ повѣренныхъ варшавскаго судебнаго округа обжаловала это распоряженіе Правит. Сенату. И въ первомъ департаментѣ Сената, и въ общемъ собраніи при слушаніи дѣла произошло разногласіе. Большинство высказалось за оставленіе жалобы *безъ разсмотрѣнія*, такъ какъ генералъ-губернаторъ, дѣйствующій на правахъ главнокомандующаго, отвѣтственъ только передъ Государемъ Императоромъ и не подлежитъ надзору Сената. Небольшое меньшинство, находя, что генералъ-губернаторъ не вышелъ, въ данномъ случаѣ, за предѣлы предоставленной ему власти, полагало оставить жалобу *безъ послѣдствій*. Болѣе значительное меньшинство, соглашаясь оставить жалобу, какъ принесенную посторонними, не потерпѣвшими лицами, *безъ разсмотрѣнія*, признавало необходимымъ разъяснить, въ порядкѣ надзора, что до-

пущенное въ данномъ случаѣ измѣненіе подсудности (т.-е. замѣна судебнаго приговора административнымъ распоряженіемъ) несогласно съ смысломъ закона о военномъ положеніи. Рѣшающее значеніе имѣетъ ст. 12-ая этого закона, допускающая примѣненіе непредусмотрѣнной въ немъ чрезвычайной мѣры, если она необходима для охраненія государственнаго порядка или для успѣха веденія войны. Несомнѣнно, во-первыхъ, что возможность назначенія смертной казни, но не иначе какъ по суду, *предусмотрѣна* закономъ о военномъ положеніи (ст. 17, 19, 20), и слѣдовательно къ числу „не предусмотрѣнныхъ" мѣръ смертная казнь отнесена быть не можетъ; во-вторыхъ, охраненіе государственнаго порядка не можетъ требовать поспѣшной казни отдѣльныхъ лицъ, которыхъ ничто не мѣшаетъ предать суду въ установленномъ, безъ того уже очень упрощенномъ порядкѣ. Никакое дознаніе не можетъ дать больше *предположенія* о виновности—а на предположеніи, т.-е. на догадкѣ, нельзя основывать наказаніе, въ особенности наказаніе невознаградимое и неотмѣнимое, какъ смертная казнь. Въ данномъ случаѣ предположеніе было особенно шаткимъ, разъ что существовало сомнѣніе въ возможности добиться обвинительнаго приговора, даже въ склонномъ къ осужденію военномъ судѣ. Смертная казнь безъ суда, т.-е. по приказу начальства, безъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, безъ выслушанія обвиняемыхъ, безъ какихъ бы то ни было процессуальныхъ гарантій—это нѣчто идущее въ разрѣзъ со всѣми понятіями о человѣчности, о правосудіи, о справедливости. Ужасна она и тогда, когда слѣдуетъ непосредственно за окончаніемъ боя, когда въ казнимыхъ видятъ враговъ, только что сопротивлявшихся или нападавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ; но еще ужаснѣе казнь, предписываемая хладнокровно, издалека, казнь, которой не предшествовало открытой борьбы, казнь, постигающая, быть можетъ, людей ни въ чемъ невиновныхъ. Казалось бы, что самое меньшее, чего можно ожидать отъ обнаруженія подобныхъ фактовъ, это—стремленіе предупредить ихъ повтореніе, авторитетнымъ разъясненіемъ ихъ полнѣйшей несовмѣстимости съ закономъ и правомъ. Къ несчастію, въ учрежденіи, которому ввѣрена охрана закона, нашлось не болѣе девяти лицъ, подавшихъ голосъ за необходимость такого разъясненія. Дѣло переходитъ на консультацію, учрежденную при министерствѣ юстиціи; ожидается согласительное предложеніе министра. Въ чемъ оно будетъ заключаться—мы не знаемъ; но мало хорошаго предвѣщаетъ тотъ фактъ, что въ предъидущемъ процессуальномъ фазисѣ оберъ-прокуроръ (1-го департамента) высказался за оставленіе жалобы присяжныхъ повѣренныхъ не *безъ разсмотрѣнія*, а *безъ послѣдствій*, т.-е. за признаніе ея неосновательною *по существу*.

Мы намѣтили только немногія черты одной картины; но по нимъ

нетрудно судить и о всемъ остальномъ. Когда къ прежнимъ ошибкамъ, такъ тяжело отозвавшимся на судьбахъ Россіи, присоединяются новыя, не менѣе важныя, лучшаго будущаго можно ожидать только отъ рѣшительнаго перехода на другую дорогу. Обновиться должна вся правительственная система. Пока этого нѣтъ, никакого значенія отдѣльнымъ перемѣнамъ въ составѣ министерства придавать нельзя. Устойчивостью наши объединенные совѣты министровъ обладаютъ въ довольно слабой степени. За послѣдніе $2^1/_2$ года удалились изъ кабинета пять министровъ (морской, народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности, государственный контролеръ, главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ); шестой министръ — путей сообщенія — держится, повидимому, не совсѣмъ твердо. Прочнымъ кажется только положеніе самого предсѣдателя совѣта, военнаго министра, министровъ финансовъ и юстиціи и оберъ-прокурора св. синода. И что̀ еще замѣчательнѣе: для замѣны уходящихъ обращаются нерѣдко къ бывшимъ министрамъ. Образуется нѣчто въ родѣ водоворота, періодически выносящаго на верхъ одни и тѣ же имена. Другимъ резервуаромъ, откуда черпаются силы, является, если можно такъ выразиться, бюрократія второго разряда — товарищи министровъ и другія лица, стоящія на рубежѣ между чиновниками и сановниками. Ни одного крупнаго таланта не выдвинулось изъ этой среды. Новая политика потребуетъ и новыхъ людей, иначе готовившихся къ политической дѣятельности, смотрящихъ на нее съ иной точки зрѣнія... Быть можетъ, въ основаніи практикуемаго до сихъ поръ способа подбора правительственныхъ дѣятелей лежитъ предположеніе, что государственная служба — лучшій оплотъ противъ партійности, для которой не должно быть мѣста въ нашемъ своеобразномъ государственномъ строѣ. Это предположеніе невѣрно въ двухъ отношеніяхъ: отъ партійности правительство не свободно и въ настоящее время—и *не можетъ* быть отъ нея свободно, разъ что въ почву брошены хотя бы и мало всхожія сѣмена конституціонализма. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражается, главнымъ образомъ, отсутствіе партійности? Въ признаніи всѣхъ существующихъ партій, въ отрицаніи всего того, что̀ могло бы быть похоже на покровительство однимъ и на преслѣдованіе другихъ. У насъ этого признака нѣтъ и въ поминѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить господствующую теорію и практику „легализаціи“ партій—или прочесть одну изъ безчисленныхъ статей, направляемыхъ услужливой прессой противъ конституціоналистовъ-демократовъ. Комическое впечатлѣніе производитъ „Россія“, когда восклицаетъ: „партійная нетерпимость ничего не принесетъ странѣ, кромѣ новаго зла“. Такъ и хочется сказать „частному изданію“: „чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться“? Совер-

шенно безпартійнымъ правительство можетъ быть только тамъ, гдѣ еще нѣтъ ни партій, ни вообще сколько-нибудь интенсивной политической жизни. Когда партіи образовались и заняли всѣ румбы политическаго компаса, правительство не можетъ не чувствовать себя болѣе или менѣе солидарнымъ съ тою, которая одинаково съ нимъ смотритъ на ближайшія задачи и отдаленныя цѣли. Совершенно естественной представляется и совмѣстная дѣятельность правительства съ этой партіей, если только для послѣдней не создается никакихъ привилегій и у всѣхъ другихъ партій остается полная свобода дѣйствій. Далекое отъ безпартійности, министерство П. А. Столыпина не можетъ быть названо партійнымъ развѣ потому, что не вполнѣ ясны и тверды отношенія его къ каждой изъ партій, составляющихъ большинство Думы. Иногда можетъ показаться, что у него порваны всѣ связи съ крайней правой—но на самомъ дѣлѣ это не такъ: ея вліяніе не могло бы быть такъ велико, еслибы она не находила по временамъ властную поддержку. Безъ такой поддержки не могъ бы состояться длинный рядъ помилованій, исходатайствованныхъ союзомъ русскаго народа или другими аналогичными организаціями; безъ нея было бы немыслимо успѣшное вмѣшательство г. Пуришкевича въ вопросы чисто административнаго характера. Не даромъ же депутатъ Марковъ 2-ой засвидѣтельствовалъ недавно, въ бесѣдѣ съ репортеромъ, что никакого иного отношенія, кромѣ *благожелательнаго*, союзъ русскаго народа со стороны провинціальной администраціи къ себѣ не видитъ... Съ умѣренно-правыми, съ союзомъ 17-го октября министерство далекО не всегда идетъ рука объ руку. Получается неопредѣленное положеніе, въ которомъ оказываются на лицо однѣ только слабыя стороны партійности.

Отвѣтственность за это положеніе въ значительной степени лежитъ на думскомъ центрѣ, сразу подавшемся вправо и потерявшемъ возможность создать конституціонное большинство—большинство, которое могло бы служить опорой конституціонному, противовѣсомъ — неконституціонному министерству. Возвращаться къ безчисленнымъ ошибкамъ союза 17-го октября и его парламентской фракціи мы не будемъ; остановимся только на новомъ фазисѣ октябристской эволюціи, особенно рельефно обозначившемся въ недавней статьѣ „Голоса Москвы". „Центръ"—читаемъ мы здѣсь—„достигъ желаннаго самоопредѣленія... Мы далеки отъ одобренія произвола и гнета, подъ предлогомъ борьбы со смутою. Власть должна умѣть, борясь со своими врагами, въ то же время укрѣплять свободу мирныхъ гражданъ... Откуда бы ни исходило противодѣйствіе святымъ для насъ завѣтамъ (заключающимся въ словахъ манифеста 17-го октября) — центръ будетъ бороться за нихъ... Если переходное время, вопреки всякому историческому и

здравому смыслу, окончится временной побѣдой реакціи, мы и тогда будемъ повторять тѣ же лозунги, вести ту же непримиримую „борьбу". Съ прошедшимъ фракціи всѣ эти громкія фразы вяжутся очень плохо. На стражѣ „святыхъ завѣтовъ" октябристы не стояли; „непримиримой", да и вообще никакой борьбы съ реакціей они не вели. Не велика, поэтому, надежда на нихъ въ будущемъ; нѣтъ увѣренности въ томъ, что мы не услышимъ больше такихъ рѣчей въ защиту „произвола и гнета", какія произносились, напримѣръ, гг. Гололобовымъ и Половцевымъ. Допустимъ, однако, что тщательно скрытые до сихъ поръ „зубы" будутъ октябристами показаны и что статья „Голоса Москвы" знаменуетъ собою рѣшительный поворотъ въ тактикѣ союза 17-го октября. Какимъ же образомъ они думаютъ провести въ жизнь „дорогіе для нихъ завѣты"? Самъ по себѣ союзъ вѣдь не располагаетъ большинствомъ въ Думѣ. Если онъ порветъ съ своими правыми сосѣдями, ему придется искать соглашенія съ ближайшими лѣвыми группами— и притомъ не только съ мирнообновленцами, которыхъ слишкомъ мало, но и съ кадетами. Что же говоритъ по этому поводу „Голосъ Москвы"? „Мы всегда отличали поборниковъ народной свободы отъ кадетовъ специфическихъ. И въ Думѣ, и внѣ Думы люди нашего образа мыслей многократно доказывали, что умѣютъ цѣнить первыхъ; но вѣдь партіей руководятъ вторые, вѣдь они довели ее до нынѣшняго матеріальнаго и нравственнаго разложенія. И для насъ вполнѣ понятно, что послѣ упорной съ ними борьбы во дни ихъ могущества, центръ, конечно, не скомпрометируетъ дорогого ему дѣла русской свободы какимъ бы то ни было съ ними сближеніемъ. Онъ долженъ помнить раны, нанесенныя родинѣ. Такая злопамятность есть добродѣтель". Если „Голосъ Москвы" явился, въ этихъ словахъ, вѣрнымъ выразителемъ настроенія, господствующаго среди октябристовъ, то на послѣднихъ приходится окончательно махнуть рукой. Злопамятность въ политикѣ — не добродѣтель, а... отсутствіе сообразительности. Еслибы прусская палата депутатовъ, руководясь злопамятностью по отношенію къ Бисмарку, отказалась, въ 1866 г., сложить съ него отвѣтственность за неправильно проведенные бюджеты, она задержала бы на много лѣтъ окончаніе кризиса, тяготѣвшаго надъ прусскимъ народомъ, и поставила бы трудно преодолимую преграду на пути къ объединенію Германіи. Еслибы венгерскій сеймъ, въ 1867 г., не съумѣлъ забыть о всемъ томъ, что претерпѣли мадьяры отъ австрійскаго правительства, не скоро водворился бы въ Венгріи правильный конституціонный порядокъ, не скоро она достигла бы той степени независимости отъ Австріи, какою пользуется теперь. Еслибы крайніе лѣвые въ французскомъ національномъ собраніи, памятуя все то, что отдѣляло ихъ отъ вновь обращенныхъ республиканцевъ, груп-

пировавшихся около Тьера, отказались, въ 1875 г., заключить съ ними временное соглашеніе, Франціи долго еще пришлось бы ждать мирнаго установленія новаго порядка... Союзъ 17-го октября не можетъ простить кадетамъ „раны, нанесенныя ими родинѣ". Не будемъ спорить ни о наличности такихъ ранъ, ни о ихъ глубинѣ, хотя и о томъ, и о другомъ можно было бы сказать очень многое. Ограничимся однимъ вопросомъ: а правые союзники октябристовъ никакихъ ранъ родинѣ не наносили—и не наносятъ? Почему, злопамятные въ одномъ направленіи, октябристы оказываются ничего не помнящими въ другомъ? И такъ ли уже несомнѣнно, что кадеты находятся, по собственной винѣ, въ состояніи „матеріальнаго и нравственнаго разложенія"? Если ихъ сравнительно мало въ третьей Думѣ, то достаточнымъ объясненіемъ этому развѣ не служитъ актъ 3-го іюня? И развѣ говорить о разложеніи подобаетъ той партіи, которая не разлагается только потому, что никогда настоящимъ образомъ не слагалась?.. Отказываясь отъ какого бы то ни было *сближенія* съ кадетами, не отказываются ли октябристы отъ единственнаго средства создать отпоръ политикѣ „произвола и гнета"? Рѣшительнаго разрыва съ реакціей, какъ видно изъ статьи „Голоса Москвы", октябристы ожидаютъ отъ правительства. А если такой разрывъ не состоится? Какимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, совершатъ октябристы возвѣщаемый ими „переходъ отъ словъ къ дѣлу"? Въ комъ они найдутъ для того опору, съ кѣмъ двинутся впередъ?... Отвѣтъ на эти вопросы скоро дастъ новая сессія Государственной Думы.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Плохое вы время выбрали для поѣздки!—встрѣчаютъ меня одинаковой фразой въ разныхъ губерніяхъ:—нигдѣ никакой нѣтъ жизни. Апатія, пустота, ничего интереснаго.

Ѣду я черезъ восьмую губернію и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и горячѣе возражаю:

— Нѣтъ, глубоко интересна, увлекательна, поучительна жизнь!

Въ сущности, конечно, жизнь никогда не бываетъ совершенно пустой и ничтожной. Трудно лишь услѣдить въ иные внѣшне-тусклые періоды, въ какихъ тканяхъ жизни назрѣваетъ или сочится драгоцѣнная общественная энергія.

Сейчасъ провинція переживаетъ исключительное время, только что испытанъ потрясающій историческій урокъ. Всѣ общественные, бытовые, моральные, политическіе устои мощно передвинуты, перевернуты, искривлены. И по всей странѣ идетъ неслышный, сознательный и безсознательный учетъ пережитого. Уже во многихъ мѣстахъ жизнь сама сложила тѣ или другіе выводы, и хоть бѣгло читаешь, спѣшно проѣзжая изъ губерніи въ губернію, живыя страницы подлинной жизни, но эти выводы какъ-то сами собой прочно укладываются въ сознаніи.

Страной пережита или почти пережита сложная катастрофа.

Сначала взметнулся вихрь революціи. Сильно или слабо, но всѣ прогрессивные элементы страны были вовлечены въ общій внезапный круговоротъ. Въ центрѣ стремительно кружились крайніе лѣвые. Съ боковъ плавно неслись умѣренные. Но всѣхъ кружило въ одномъ направленіи, къ одной центральной точкѣ. И всѣхъ почти отрывало отъ мирной, привычной культурной работы. Или втягивались въ тотъ же круговоротъ борьбы скромныя культурныя учрежденія, безконечно далекія отъ политики.

Почти во всѣхъ земствахъ мнѣ говорили:

— Прогрессивныхъ гласныхъ у насъ и безъ того немного было. А политика значительно поубавила ихъ число. Родичевы, Колюбакины, Петрункевичи, Кузьмины-Караваевы, ну, и много другихъ, все это вѣдь въ земствахъ работало. А тутъ потянуло въ Петербургъ, на политическую арену.

О третьемъ элементѣ и говорить нечего. Въ земскія рамки, конечно, нельзя было внести яркую политическую борьбу. Поэтому порывистыя, горячія натуры, долгіе годы талантливо и упорно дѣлавшія культурную земскую работу, бросали земство и въ одинокой ладьѣ или общемъ лѣвомъ кораблѣ выплывали въ новое бурное море. Стремительнымъ круговоротомъ выносило ихъ то на пламенные митинги, то на клокочущія возбужденіемъ фабрики, то въ недоступную прежде глубину взбудораженныхъ деревень, то на трибуну первой или второй Государственной Думы.

Въ одномъ земствѣ мнѣ долго и восторженно описывали образцовую показательную мастерскую и почти съ умиленіемъ говорили о человѣкѣ, который долгіе годы упорно работалъ надъ созданіемъ мастерской.

— Гдѣ же теперь этотъ превосходный работникъ?—спросилъ я:— неужели тоже высланъ?

— Нѣтъ. Не высланъ. Онъ, видите ли... Мм... Онъ ударился въ 1905 году въ революцію, въ Сибири гдѣ-то республику учреждалъ. А потомъ не то разстрѣлянъ былъ, не то безслѣдно исчезъ.

Умѣренно или неумѣренно, но всѣхъ почти прогрессивныхъ людей захватилъ опьяняющій романтизмъ, чарующая мечта сразу завоевать такія политическія условія, при которыхъ былъ бы полный просторъ культурной работѣ, свободному творчеству человѣка. И ради этого бросались налаженныя годами культурныя организаціи. А пробужденіе отъ гордыхъ, сладкихъ и дерзкихъ мечтаній всего чаще было въ тюрьмѣ, на каторгѣ, въ холодныхъ снѣгахъ далекой ссылки...

Не одно, конечно, земство покидали захваченные мечтой революціи культурные работники. Та же картина наблюдалась и во всѣхъ помѣстныхъ культурныхъ учрежденіяхъ. Было этихъ учрежденій повсюду очень немного. Какая-нибудь общественная библіотека, общество содѣйствія народному образованію, сельско-хозяйственное общество, коммиссія народныхъ чтеній. Но вездѣ, вспоминая старое, говорили почти одними и тѣми же словами:

— Вы знаете, до революціи культурная работа шла у насъ гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ революцію и чѣмъ сейчасъ. Все какъ-то осѣло, рухнуло.

Говорили и какъ будто недоумѣвали, боялись вѣрить фактамъ.

Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, въ годы реакціи работалось въ культурномъ смыслѣ лучше и успѣшнѣе?

Но вспоминали больше, вникали глубже, и явленіе уже казалось простымъ и понятнымъ.

— Публика увлеклась болѣе широкими планами, — вспоминали мѣстные граждане: — прежняя работа показалась мелкой, ничтожной, скучной, чуть-ли не постыдной. Вошли въ партіи, увлеклись политикой. Нѣкоторыя культурныя начинанія прямо зачахли и не возродились какъ слѣдуетъ до сихъ поръ.

Были и попытки иного рода. Молодая, горячая публика вдругъ рѣшала завоевать какую-либо культурную организацію и вести черезъ нее политическую пропаганду. Выходило неудачно. Нельзя было соединять два совершенно разнородныхъ дѣла. Прежніе мирные работники изъ этихъ обществъ убѣгали, новые были незнакомы съ техникой дѣла и спѣшили только внести свою радикальную струю. Но какой особенный радикализмъ проявишь при продажѣ, напримѣръ, плуговъ или при раздачѣ сѣмянъ клевера? Дѣло клонилось само къ упадку, а тутъ неслись уже навстрѣчу грозовыя тучи...

Вихрь революціи, можетъ быть, склоненъ былъ къ скорому самостоятельному успокоенію. Можетъ быть, романтика и пылкій идеализмъ, при отрезвляющихъ урокахъ жизни, сами отошли бы отъ крайностей и вновь трезвенно взглянули на жизнь, которая во всей своей громадѣ вообще не склонна къ галопу.

Но налетѣли новые вихри. Сложный ураганъ—сверху, отъ бюрократической власти, и снизу—изъ консервативныхъ слоевъ жизни и темнаго подполья. И закружились новые круговороты, понесшіе обывателя въ противоположномъ стремительномъ движеніи.

Главный врагъ правительства—лѣвые партизаны, дѣйствующіе въ далекой мглѣ народной жизни,—невидимы бюрократіи и почти неуловимы. Хоть и попадаются въ руки полиціи сотни, тысячи агитаторовъ, но всегда возникаетъ смутное недоумѣніе:

— Тѣ ли? Они ли?

Можетъ быть, потому и опрокинулись съ такой стремительностью репрессіи на земства и мирныя культурныя организаціи. Это все видимо, а люди въ нихъ подозрительные: книгу любятъ и о прогрессѣ мечтаютъ.

Репрессіи налетѣли въ провинцію тогда, когда уже вихрь революціи унесъ оттуда большинство радикальныхъ работниковъ. Реакція доканчивала опустошеніе. Она выметала не революціонеровъ, а мирныхъ культурныхъ дѣятелей. Выметала по случайнымъ признакамъ, которые внушали острую тревогу воспаленному воображенію реакціи.

Какъ круговоротъ революціи кружилъ головы и туманилъ глаза

дымкой романтизма, такъ и круговоротъ реакціи завертѣлъ головы ея дѣятелей, и чадомъ упоенной силы заволокъ сознаніе. Безъ особаго разбора, безъ продуманнаго смысла, а часто и въ явный вредъ себѣ сыплетъ реакція свои стрѣлы во всѣ стороны.

Нужно, конечно, войти и въ ея психологію. Бюрократія никогда не была близка обществу. Никогда она не могла понять всѣхъ этихъ общественныхъ теченій, мирныхъ и немирныхъ, да и желанія къ тому не было. И когда пришло время успокаивать внутренняго врага, вся общественная оппозиція сплылась для нея въ одно враждебное громадное пятно.

На полѣ вражды тонкостями не занимаются. Вонъ въ сумеречной дали, на сторонѣ непріятеля, движутся смутныя, подозрительныя группы людей. Можетъ быть, это колонны вражескихъ войскъ. Можетъ быть, группы мирныхъ поселянъ... Батарея не очень объ этомъ размышляетъ, когда нацѣливается шрапнелью.

Всякаго бѣглаго признака прогрессивности было достаточно, чтобы центральная или мѣстная власть извергала изъ земства, изъ городского самоуправленія, изъ просвѣтительныхъ учрежденій (послѣднія, впрочемъ, чаще всего просто закрываются) всѣхъ культурныхъ работниковъ. Много яркихъ иллюстрацій въ этомъ смыслѣ поразсказали мнѣ въ восьми губерніяхъ.

Конечно, всѣ прогрессисты, побывавшіе въ двухъ первыхъ Думахъ, извергаются со всѣхъ общественныхъ позицій. Въ этомъ направленіи внимательность и послѣдовательность администраціи—чрезвычайныя. Не говоря уже о „выборжцахъ", которымъ нигдѣ мѣста нѣтъ, лица, ни въ чемъ противуправительственномъ не уличенныя, но побывавшія въ оппозиціонныхъ фракціяхъ, преслѣдуются до сихъ поръ администраціей по пятамъ. Въ одной изъ губерній, гдѣ сравнительно сносный губернаторъ, мнѣ подробно разсказывали, какъ по поводу земскаго работника изъ третьяго элемента, побывавшаго въ Думѣ, начальникъ губерніи писалъ бумаги въ земство и нѣсколько разъ спрашивалъ лично:

— Смотрите! Онъ не служитъ у васъ?

А работникъ для земства этотъ злосчастный депутатъ—первоклассный, чуть-ли не единственный, притомъ культурно-мирный. И губернаторъ это отлично знаетъ, говоря иногда какъ бы въ свое оправданіе:

— Ничего не подѣлаешь. Изъ Петербурга требуютъ.

Другіе губернаторы сочувственныхъ вздоховъ не издаютъ и разгоняютъ культурную публику съ большимъ воодушевленіемъ.

Для внѣшняго повода вспоминаются рѣзкія слова и рѣшительные поступки въ освободительный періодъ (кто не говорилъ тогда рѣзко, кто не склоненъ былъ къ рѣшительнымъ поступкамъ!). Иногда доста-

точно и простого подозрѣнія въ прежней готовности къ рѣшительнымъ поступкамъ. Разводя въ удивленіи руками, слушаешь разсказы, напримѣръ, объ изверженіи Кудряваго и Лаврова изъ вологодскаго или Юмашева и Ключарева изъ вятскаго земства. Кудрявый заподозрѣнъ въ нелегальной работѣ въ исполнительной коммиссіи вологодской думы. Коммиссія ниразу не собиралась, никакихъ работъ не производила. Но Кудрявый третій годъ подъ судомъ, а въ силу этого удаленъ изъ грязовецкаго и вологодскаго земства, изъ предсѣдателей губернской управы, изъ гласныхъ городской думы и изъ Государственнаго Совѣта. Лавровъ за распространеніе отъ имени земства дешевыхъ библіотечекъ культурнаго содержанія—подъ судомъ, съ отверженіемъ отъ земства. Юмашевъ и Ключаревъ вели вятскую земскую газету въ духѣ общаго закона, по обычной общей программѣ, безъ подчиненія цензурѣ. Губернаторъ незакономѣрно (что̀ было подтверждено высшими инстанціями) потребовалъ сокращенія программы и подцензурности газеты. За неподчиненіе Юмашевъ и Ключаревъ удалены изъ губернской управы, гдѣ одинъ въ качествѣ предсѣдателя, а другой—его замѣстителя, несли нелегкую тяжесть земской работы.

— Насколько они преступны, — саркастически говорили мнѣ въ Вяткѣ,—видно изъ того, что Юмашевъ засѣдаетъ сейчасъ въ Государственномъ Совѣтѣ, а Ключаревъ занимаетъ мѣсто казеннаго агронома въ Сибири.

Было бы утомительно и слишкомъ длинно перечислять всѣхъ лицъ, о которыхъ даже мнѣ лично пришлось услышать при спѣшной поѣздкѣ и которыя по самымъ пустымъ поводамъ отдаются подъ судъ и отрываются отъ привычной общественной работы.

Но всего чаще и въ этихъ поводахъ губернская администрація не нуждается. Губернаторы попросту, напримѣръ, не объясняя причинъ, не утверждаютъ предсѣдателей управъ, членовъ управы, городскихъ головъ и назначаютъ своей властью на эти отвѣтственныя общественныя должности угодныхъ имъ лицъ, всего чаще изъ крайнихъ правыхъ партій. Чтобы судить, какое разложеніе вноситъ это въ общественныя учрежденія, какое негодованіе вызываетъ во всемъ мѣстномъ обществѣ,—нужно побывать въ этихъ городахъ.

Съ третьимъ элементомъ и вообще служилой интеллигенціей еще меньше церемонятся. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ этомъ смыслѣ—полный разгромъ. Въ Вяткѣ мнѣ начали было подробно, долго и старательно перечислять имена высланной интеллигенціи. Но это оказалось непосильно. Десятки, сотни учителей, статистиковъ, врачей, техниковъ, разныхъ лицъ третьяго элемента... И все это въ громадномъ большинствѣ—дѣятели чисто культурнаго характера, истинные создатели и руководители первокласснаго вятскаго земства.

Но вѣдь нужно губернатору кого-то искоренять, кого-то успокаивать...

Рядомъ съ правительственной реакціей не меньшее, можетъ быть, значеніе имѣетъ и общественная. Разные умѣренные слои — купеческіе, консервативно-дворянскіе, мелко-буржуазные были чрезвычайно напуганы острыми и огненными крайностями освободительныхъ дней. Невольно бросились они подъ защиту и покровительство администраціи. И кромѣ того, гдѣ могли, сами ставили всяческія препятствія культурнымъ организаціямъ, въ которыхъ они на мгновеніе увидѣли или въ которыхъ имъ померещился революціонный огонекъ. Опредѣленное, характерное явленіе во всѣхъ городахъ, въ которыхъ я побывалъ: правыя земства и городскія думы упорно отказываютъ въ субсидіяхъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, общественнымъ библіотекамъ, коммиссіямъ народныхъ чтеній и другимъ культурнымъ организаціямъ, пользовавшимся до революціи довольно широкой земской и городской денежной помощью.

Еще внушительнѣе завоеваніе многихъ земствъ въ прошлые выборы правыми землевладѣльцами.

О поправѣніи земскихъ слоевъ говорить совершенно не приходится. Поправѣніе это повсюду отрицаютъ. Но явно и знаменательно другое. Въ то время какъ прогрессивные гласные или, нѣсколько охладѣвъ къ земской работѣ, были увлечены потокомъ общей политики, или были отторгнуты отъ земства административнымъ воздѣйствіемъ, правые элементы загорѣлись воодушевленіемъ, сплотились, организовались и двинулись на земскіе выборы.

— Мы очень были, конечно, заинтересованы этимъ явленіемъ, — говорили мнѣ близкіе знатоки земства въ Твери, Новгородѣ и другихъ городахъ; мы изучали по спискамъ, отчего это произошло. Оказывается, правые всегда имѣли нѣкоторое численное превосходство. Но прежде они были совершенно равнодушны къ земскому дѣлу, на выборы не являлись. Теперь испугъ за классовое благополучіе заставилъ ихъ встряхнуться и мобилизовать силы.

Правая земская волна поднялась не только для того, чтобы завоевать земскія учрежденія. Она открыто грозила смыть всѣ прогрессивныя предпріятія. Въ нихъ явственно мерещилась ей революціонная гроза. Побѣда была одержана. Правые, торжествуя, озирали разрушительнымъ окомъ земскую ниву.

Но вышло все далеко не такъ страшно, какъ предполагалось. Разрушать начали, но многое не съумѣли разрушить, а многое не поддавалось разрушенію.

Эта внутренняя жизненная устойчивость всякой дѣйствительной

культурной работы и составляетъ, мнѣ кажется, въ настоящее время главный бодрящій выводъ изъ всего пережитого.

Съ искренней энергіей приступили правые гласные къ смертоносной критикѣ прогрессивныхъ земскихъ начинаній, но съ первыхъ же шаговъ не оказалось у нихъ ни должнаго опыта, ни достаточнаго знанія, ни умѣнья проникнуть въ суть дѣла.

— Мы злорадно хохотали, — говорили прогрессивные земцы въ Твери,—когда наши правые гласные, впередъ похвалившись раскатать страховое дѣло, выступили съ рѣчами въ собраніи. Умора! Ужъ и сами они сконфузились, замяли поскорѣе пренія.

Съ другой стороны наиболѣе толковые изъ правыхъ очень скоро поняли, что земское дѣло далеко отъ того, что̀ имъ мерещилось издали.

— Они думали,—со смѣхомъ разсказывали мнѣ въ одномъ земствѣ среди третьяго элемента, — что попадутъ въ самый очагъ революціи. А дѣло оказалось самое мирное, житейское.

Наиболѣе толковыхъ изъ правыхъ, близко подошедшихъ къ дѣлу, земская работа какъ будто даже значительно перевоспитала. Правый предсѣдатель псковской губернской управы Зубчаниновъ, напримѣръ, защищаетъ теперь текущую статистику, агрономическую помощь, чего раньше не признавалъ или не зналъ. Правый предсѣдатель тверской губернской управы Гаслеръ расширяетъ и совершенствуетъ то самое страховое дѣло, которое собиралась разрушать его правая группа гласныхъ. Предсѣдатель новгородской губернской управы, котораго тоже считаютъ правымъ, съ тихимъ умиленіемъ говорилъ мнѣ о всеобщемъ народномъ образованіи, объ успѣхахъ земской учительской семинаріи, о школѣ огнестойкаго строительства.

Кромѣ всего этого правые гласные, не умѣя въ большинствѣ сами работать, не имѣютъ возлѣ себя и знающихъ лицъ для замѣны прогрессивнаго третьяго элемента. Гнать съ мѣстъ третій элементъ они приготовились съ особымъ наслажденіемъ и частью начали изгнаніе. Но пришлось пріостановиться. Замѣнять рѣшительно нечѣмъ было. Отдѣльные случаи замѣны вышли чрезвычайно неудачны, почти позорны.

Въ одномъ земствѣ при мнѣ рѣшалась судьба одного превосходнаго работника изъ третьяго элемента. Все собирались его удалить и, наконецъ, въ эти дни почти окончательно заявили ему объ удаленіи. Онъ улыбался довольно благодушно.

— Полагаю, что передумаютъ опять, — говорилъ онъ,—оставятъ, вѣроятно. Работа идетъ. А замѣнить меня у нихъ никого подъ рукой нѣтъ. Впрочемъ, у меня еще имѣется утѣшеніе.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажку. Это было убѣдительное при-

глашеніе изъ другого праваго земства для завѣдыванья такимъ же дѣломъ.

— Кажется, тамъ еще черносотеннѣе нашего,—улыбаясь, говорилъ мой собесѣдникъ, — но ничего не подѣлаешь, придется ѣхать, если здѣсь выставятъ.

А въ томъ земствѣ тоже, очевидно, сначала „выставили" прогрессивнаго работника, а потомъ, тщетно поискавши въ правомъ лагерѣ, принуждены были, скрѣпя сердце, повернуться вновь въ лѣвую сторону.

Такія же благодушныя улыбки и нѣсколько странное на первый взглядъ сотрудничество правыхъ земцевъ съ лѣвымъ третьимъ элементомъ встрѣтилъ я рѣшительно во всѣхъ земствахъ.

Даже вятское земство, прославившееся своими разрушительными подвигами, не избѣжало этой участи. И здѣсь мнѣ называли прогрессивныхъ работниковъ, которыхъ право-чиновное земство должно было или оставить на службѣ, или вновь пригласить.

Даже больше. Тлетворное вліяніе земскаго дѣла, говорятъ, сказалось какъ будто и на предсѣдателѣ губернской управы, назначенномъ губернаторомъ изъ предсѣдателей монархистской партіи. Онъ будто бы не только вышелъ изъ этой партіи, но уже открещивается отъ разрушительной политики правыхъ. Объясняютъ это, впрочемъ, и предвыборной хитростью. Но зачѣмъ хитрить именно этимъ способомъ? Онъ—назначенный, и вновь могъ быть назначеннымъ. Почему же такая рѣшимость огорчать начальство? А губернаторъ уже, говорятъ, грозитъ извергнуть его изъ предсѣдателей.

Разная культурная публика, покружившись въ круговоротахъ, опустилась на прежнія мѣста. Кое-кого нѣтъ, но многіе остались цѣлы. И снова сами собой начинаютъ воскресать прежнія культурныя учрежденія.

Работники какъ будто уже не тѣ по настроенію. Много горечи, усталости, разочарованія. Все еще давитъ сознаніе сложный историческій урокъ. Но трудно судить, къ худу или къ добру выйдутъ въ конечномъ счетѣ пережитые уроки жизни.

Въ земской же области они уже приносятъ и нѣкоторую явную пользу.

Въ нынѣшнемъ году будутъ земскіе выборы въ 14-ти губерніяхъ. Прогрессивные избиратели постепенно готовятся къ выборной кампаніи. И будущее представляется имъ въ несовсѣмъ мрачномъ свѣтѣ.

Впервые полностью будетъ примѣненъ для крестьянъ законъ 5-го октября 1906 года о выборѣ ими гласныхъ, а не кандидатовъ. И во вторыхъ избирательныхъ собраніяхъ роль крестьянъ теперь значительнѣе.

Самое же главное—во многихъ мѣстахъ самъ крестьянинъ уже не прежній. И это одинъ изъ общихъ хорошихъ признаковъ. Крестьянское сознаніе, несомнѣнно, въ нѣкоторой степени, разбужено пронесшимся освободительнымъ движеніемъ.

И почти во всѣхъ губерніяхъ мнѣ разсказывали, что крестьяне уже серьезно думаютъ о чуждой имъ прежде земской работѣ и готовятся къ выборамъ.

Во многихъ земствахъ ждутъ, поэтому, нынѣшнихъ выборовъ съ большимъ интересомъ.

„Успокоительная" дѣятельность тоже, мнѣ кажется, близка къ внутреннему кризису. Она уже обмельчала и становится почти смѣшной, хотя, конечно, мѣстнымъ жителямъ далеко не до смѣха.

Совсѣмъ ужъ не трагична, напримѣръ, борьба вятскаго губернатора съ мѣстнымъ общественнымъ собраніемъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ чиновниковъ. То не дадутъ губернатору оркестра, то не выберутъ въ члены клуба ставленника и любимца губернатора. Начальникъ губерніи мечетъ громы и молніи. Но уже предательскій комизмъ сквозитъ въ величественныхъ жестахъ. А тутъ еще упорное, длительное благоволеніе къ черносотеннымъ дѣятелямъ, надъ которыми вьются сарказмы всѣхъ слоевъ населенія... Мѣстная власть скоро сама должна будетъ почувствовать себя въ неловкомъ положеніи, или ей могутъ дать почувствовать это изъ Петербурга.

Круговороты революціи давно закончились. Слабѣютъ, мнѣ кажется, круговороты реакціи. Теченія жизни медленно выпрямляются, а частью уже двинулись боковыми направленіями. И хочется думать, что намъ не грозитъ долгій, мертвящій застой.

И. Жилкинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1909.

I.

— Д. Г. Коноваловъ. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Ч. I, вып. 1.

Эта магистерская богословская диссертація и своимъ предметомъ, и способомъ разработки вопроса, на столько рѣзко отличается отъ обычнаго типа подобныхъ работъ, что невольно изумляешься, какимъ образомъ на нашей скудной богословской почвѣ стало возможнымъ такое смѣлое и оригинальное произведеніе. Кому неизвѣстно, къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ въ Россіи миссіонеры для обращенія сектантовъ и старовѣровъ въ лоно господствующей церкви, какимъ языкомъ они говорятъ съ этимъ „заблудшимися", какую выгодную статью дохода для полиціи представляли русскія сектантскія богослуженія. Съ точки зрѣнія г. Коновалова, которую, несомнѣнно, раздѣлитъ и наука, эти мистики - сектанты — продуктъ или грубаго невѣжества, ищущаго однако путей индивидуальнаго спасенія по своему, внѣ господствующей церкви,—или болѣзненнаго истерическаго экстаза. Не проповѣдь, не догматическія пренія, не административныя взысканія и преслѣдованія, а обычное общечеловѣческое просвѣщеніе, въ иныхъ случаяхъ „бромъ" и медицинское леченіе—вотъ что̀ вытекаетъ изъ общихъ разсужденій г. Коновалова, вотъ что̀, между строкъ, рекомендуется имъ въ качествѣ средствъ для борьбы съ сектантствомъ. Само собой разумѣется, что подобная точка зрѣнія не могла пройти безъ отпора со стороны нашихъ пастырей и архипастырей. На самомъ диспутѣ устроилъ скандалъ миссіонеръ Айвазовъ (см. „Московскій Еженедѣльникъ", № 45); его поддержало московское отдѣленіе русскаго монархическаго собранія; возникъ вопросъ о томъ, чтобы лишить

молодого ученаго магистерской степени, открывающей ему доступъ на каѳедру сектовѣдѣнія въ московской духовной академіи. Какъ миссіонеръ Айвазовъ, такъ и его союзники и соратники въ этомъ дѣлѣ кричатъ о томъ, что трудъ г. Коновалова совершенно ненаученъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ прежде всего подойти къ разсматриваемой книгѣ.

Г. Коноваловъ остановился на внѣшнихъ проявленіяхъ религіознаго сектантства, выражающихся въ различныхъ формахъ экстаза. Психологія религіознаго экстаза насчитываетъ уже рядъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій (Murisier, Kécéjac и др.), которыя черпали свои матеріалы по преимуществу изъ наблюденій надъ религіознымъ бытомъ культурныхъ народовъ, а также изъ процессовъ о вѣдьмахъ и изъ другихъ подобныхъ явленій европейскаго средневѣковья и Ренесанса. Русское сектантство было недоступно для большинства западно-европейскихъ ученыхъ, не имѣющихъ возможности, даже при знаніи русскаго языка, рыться въ провинціальныхъ изданіяхъ и архивныхъ дѣлахъ. У насъ имѣется немало работъ объ отдѣльныхъ сектахъ, а также нѣсколько общихъ исторій русскаго сектантства, но никто еще не далъ синтеза этихъ изслѣдованій, не обобщилъ ихъ съ научной точки зрѣнія. Эта заслуга принадлежитъ г. Коновалову, который посвятилъ обширную работу пока еще только физическимъ явленіямъ, сопровождающимъ религіозный экстазъ. Эти явленія заключаются въ возбужденіи органическихъ функцій (кровеносной системы, секреторной функціи, дыханія, внутренностей) и въ двигательномъ возбужденіи (лица, плечъ, рукъ, въ локомоторныхъ движеніяхъ, религіозныхъ пляскахъ, круговращеніи и т. под.), наконецъ—въ возбужденіи функціи рѣчи (автоматическомъ произнесеніи непонятныхъ словъ, экстатическомъ пророчествѣ, бормотаніи, странныхъ сочетаніяхъ словъ и т. п.). Матеріалъ, приводимый г. Коноваловымъ въ каждой изъ этихъ рубрикъ, допускаетъ очень широкія обобщенія и сопоставленія и приводитъ къ несомнѣнному выводу, что религіозный экстазъ—одно изъ отклоненій отъ нормальной психической жизни, затемненіе сознанія, и что съ этой точки зрѣнія экстазъ св. Терезы или Игнатія Лойолы стоитъ на совершенно томъ же уровнѣ, что и экстазъ скопца или прыгуна. Выводъ, конечно, довольно „соблазнительный“ для церковника, но логически обязательный для того, кто захочетъ вдуматься въ обширный и разнообразный матеріалъ, собранный г. Коноваловымъ. Этическое религіозное міровоззрѣніе отъ такихъ сопоставленій не поколеблется; напротивъ, очистившись отъ историческихъ наносовъ, изъ которыхъ иные восходятъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ человѣчества, вѣра можетъ только выиграть въ чистотѣ. Книгѣ Д. В. Коновалова опасенъ только судъ узкаго догматическаго міросозерцанія, для

котораго всякая религіозная терпимость непонятна и ненавистна. И именно въ томъ, что г. Коноваловъ съ такой мужественной смѣлостью раскрываетъ экстатическіе элементы въ догматической религіи и богослуженіи, заключается серьозное общественное значеніе его труда: чѣмъ-то свѣжимъ пахнуло изъ той области, въ которой мы давно привыкли встрѣчаться лишь съ крайнимъ обскурантизмомъ. Конечно, этотъ обскурантизмъ вооружится противъ опаснаго для него направленія, первые зародыши котораго представлены въ смѣлой критической работѣ магистранта; но этимъ онъ лишній разъ обнаружитъ свою сущность и, какъ оно всегда было, подвинетъ впередъ именно процессъ разрушенія догматовъ,—процессъ, отъ котораго, по существу дѣла, весьма далекъ вполнѣ объективный, всецѣло научный трудъ молодого богослова. Дѣйствительно, онъ сопоставляетъ слова св. Иринея Ліонскаго (II в.): „Мы слышимъ въ церкви многихъ братьевъ, которые обладаютъ пророческими дарованіями и черезъ Духа говорятъ всевозможными языками“ съ экстатическимъ говореніемъ нашихъ сектантовъ, и въ этомъ сопоставленіи,—одномъ изъ многихъ подобныхъ,—можно видѣть великій „соблазнъ для вѣрующихъ“; но слѣдуетъ вспомнить, что подобное говореніе, распространенное въ христіанской общинѣ I-II в., осуждено уже апостоломъ Павломъ. Или другой примѣръ: подобно нашимъ прыгунамъ, уже древніе сектанты мессаліане были извѣстны какъ прыгуны, *перескакивавшіе* во время богослуженія черезъ демоновъ. Отцы церкви относились къ нимъ безъ одобренія, а скорѣе съ порицаніемъ.

Какъ научный трудъ, книга г. Коновалова особенно интересна въ своей послѣдней части, посвященной вліянію экстаза на содержаніе рѣчей сектантовъ и на ихъ произношеніе. Эта часть даетъ очень много матеріала для пониманія психологическихъ процессовъ, происходящихъ въ сознаніи говорящаго: эхолалія, повтореніе однихъ и тѣхъ же сочетаній, страсть къ ритму, вербигераціи и другія явленія сближаютъ рѣчь религіозныхъ экстатиковъ съ рѣчами параноиковъ, идіотовъ, слабоумныхъ дѣтей. Конвульсивныя потряхиванія головой въ молитвѣ нашихъ „подвижниковъ“ объясняются такъ же, какъ подобныя движенія у истеричныхъ и т. п. Такимъ образомъ, не внѣшнее поведеніе, а содержаніе внутренней жизни должно отличать истиннаго христіанскаго подвижника отъ подвижника заблуждающагося. Миссіонеры должны обращать вниманіе не на внѣшнія проявленія экстаза, которыя всѣ встрѣчаются и въ каноническомъ экстазѣ, а на содержаніе представленій и рѣчей сектантовъ, на ихъ внутреннюю духовную жизнь.

Дождемся ли мы вмѣстѣ съ г. Коноваловымъ, что церковь будетъ призывать къ себѣ отпавшихъ отъ нея членовъ проповѣдью истинной

гуманности, братскимъ служеніемъ всѣмъ скорбящимъ и обремененнымъ?—А. Погодинъ.

II.

— Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—06 гг. Обзоры по районамъ: Б. Б. Веселовскаго, В. С. Голубева, В. Г. Громана, А. Е. Лосицкаго, П. П. Маслова, С. Н. Прокоповича, Д. И. Рихтера, А. М. Рыкачева, И. В. Чернышева. Ч. 1 и 2. Спб. 1908 г. Изд. И. В. Э. О.

Политическое пробужденіе крестьянскихъ массъ, выразившееся въ попыткахъ организаціи союзовъ, въ выборахъ въ Государственную Думу и въ такъ называемыхъ безпорядкахъ, должно быть признано самымъ знаменательнымъ и интереснымъ явленіемъ современной жизни, заслуживающимъ самаго внимательнаго изученія. Мы знаемъ, что думали о своихъ и государственныхъ нуждахъ различные классы привилегированнаго общества, выступавшіе въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ въ печати, въ мѣстномъ самоуправленіи, въ засѣданіяхъ обществъ, въ различныхъ совѣщаніяхъ и т. п.; мы видѣли средства, съ помощью которыхъ они достигали своихъ цѣлей. Довольно ясно заявляли о своихъ цѣляхъ и средствахъ ихъ достиженія наемные фабрично-заводскіе рабочіе. Но мы совершенно почти лишены были возможности получать сколько-нибудь обобщенныя свѣдѣнія о работѣ общественно-политической мысли среди массы крестьянства, объ эволюціи его настроенія, о средствахъ, которыми оно полагало упрочить свое пошатнувшееся хозяйственное положеніе, о томъ осадкѣ, который отлагался въ его душѣ подъ вліяніемъ касающихся его экономическихъ и политическихъ метаморфозъ пореформеннаго періода. Народъ молчалъ... мы знали, что не отъ благоденствія; но мы не видѣли, что кроется подъ этимъ молчаніемъ. И отсутствіе съ его стороны массовыхъ заявленій и протестовъ казалось столь краснорѣчивымъ показателемъ его спокойствія, индифферентизма и политическаго консерватизма, что дѣятели освободительнаго движенія въ текущемъ вѣкѣ первоначально вовсе не принимали въ счетъ активныхъ силъ крестьянскую массу, не предполагали выдвигать на первый планъ, на ряду съ политическимъ, и аграрный вопросъ, а въ политическомъ отношеніи отъ крестьянъ ожидали дѣйствій скорѣе враждебныхъ, чѣмъ благопріятныхъ широкимъ государственнымъ преобразованіямъ. Этого опасались прогрессисты; на это разсчитывали консерваторы. Послѣдующія событія опровергли эти предположенія. Благодаря главнымъ образомъ крестьянству, двѣ первыя Государственныя Думы получили рѣзко оппозиціонный ха-

рактеръ; крестьянство же дало движенію и его боевой лозунгъ: „Земля и Воля“.

Это обнаружилось, однако, впослѣдствіи. Первымъ же отзвукомъ крестьянъ на событія, связанныя съ войною, были аграрныя движенія 1905 г. Небольшая передовая часть крестьянъ выступала, правда, на общепринятый въ цивилизованныхъ обществахъ путь организаціи для борьбы за свои права и интересы. Но попытки образованія крестьянскихъ союзовъ были насильственно оборваны, волнующаяся крестьянская масса оставлена безъ достойнаго руководительства; и блеснувшая въ умѣ крестьянина идея о радикальномъ преобразованіи его быта естественно вылилась въ русло, соотвѣтствующее еще старому, можно сказать крѣпостному укладу. Крестьянское движеніе 1905 г. знало, впрочемъ, не одни разгромы. Въ этомъ движеніи мы найдемъ явленія самаго различнаго порядка, и дѣло ближайшаго будущаго—нарисовать точную его картину.

Такъ, однако, или иначе, но движеніе о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ большой интересъ, прежде всего какъ первое послѣ реформы выступленіе крестьянскихъ массъ и почти какъ исходный пунктъ послѣдующаго политическаго ихъ образованія. Понятно, поэтому, какую важность имѣетъ предпринятая Вольно-Экономическимъ Обществомъ попытка изучить по горячимъ слѣдамъ это движеніе. Съ этою цѣлью Обществомъ было разослано въ различныя мѣстности европейской Россіи (кромѣ Польши и Прибалтійскаго края) до 10 тысячъ вопросныхъ листковъ, на которые было получено 700 отвѣтовъ—описаній крестьянскихъ движеній. Отвѣты касаются объектовъ и субъектовъ движеній, обстоятельствъ предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ движенію, способовъ ликвидаціи послѣдняго, его результатовъ, послѣдующаго настроенія крестьянъ и, наконецъ, отношенія успокоившагося населенія къ новѣйшимъ аграрнымъ мѣропріятіямъ правительства. Авторами сообщеній были лица самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, съ враждебнымъ, сочувственнымъ и безразличнымъ или неопредѣленнымъ отношеніемъ къ движенію; при сводкѣ старались по возможности сохранять подлинныя выраженія матеріаловъ. Благодаря этому описаніе событій не страдаетъ естественной, казалось бы, въ подобныхъ случаяхъ односторонностью освѣщенія.

Основной единицей описаній принята губернія; но нѣкоторые авторы дали, кромѣ того, весьма обстоятельныя сводки для всего описываемаго ими района, а въ статьѣ А. Е. Лосицкаго (посвященной юго-западнымъ губерніямъ) прибавлена еще глава: „Внѣшній очеркъ аграрнаго движенія“, составленная на основаніи анкетнаго и газетнаго матеріала. Произведенное Вольно-Экономическимъ Обществомъ изслѣдованіе издано въ двухъ томахъ убористаго шрифта подъ заго-

ловкомъ, выставленнымъ въ началѣ этой замѣтки. Оно заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ не только для изученія формъ крестьянскаго движенія, хода послѣдняго, степени его организованности, солидарности различныхъ слоевъ крестьянъ, ближайшихъ причинъ и послѣдствій движенія, послѣдующаго настроенія волновавшихся крестьянъ и т. п. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ намъ картину главныхъ хозяйственныхъ нуждъ населенія различныхъ районовъ и характеръ отношенія этого населенія къ тому, что обнимается терминомъ „аграрный вопросъ"—отношенія, далеко не одинаковаго въ различныхъ областяхъ Россіи. Сопоставленіе данныхъ анкеты съ свѣдѣніями о хозяйственномъ положеніи крестьянъ позволитъ уяснить аграрную психологію населенія различныхъ районовъ, прослѣдить корни этой психологіи до подпочвы экономическаго быта. Такое изслѣдованіе даетъ намъ возможность судить о крѣпости данныхъ понятій и чаяній крестьянъ въ области аграрныхъ отношеній; правильное же о томъ представленіе имѣетъ весьма важное значеніе даже въ политическомъ отношеніи. Анкета Вольно-Эконом. Общества послужитъ, поэтому, матеріаломъ, вѣроятно, для множества газетныхъ и журнальныхъ статей, и „Вѣстникъ Европы" въ свою очередь не замедлитъ ознакомить читателя съ главнѣйшими выводами изъ этого изслѣдованія. — В. В.

III.

А. В. Пѣшехоновъ.—Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей. Спб. 1909. Цѣна 10 коп.

Небольшая брошюра г. Пѣшехонова отвѣчаетъ на вопросы: чѣмъ отличается новый личный порядокъ владѣнія землей отъ стараго общиннаго, успокоится ли Россія послѣ введенія новаго порядка, разбогатѣетъ ли крестьянство, укрѣпятся ли отдѣльные крестьяне, и что дѣлать для сохраненія общиннаго порядка, который г. Пѣшехоновъ, согласно своему міровоззрѣнію, считаетъ, разумѣется, и лучшимъ, и болѣе цѣлесообразнымъ. Ясно и просто, доступно для мало образованнаго человѣка и, въ общемъ, вполнѣ убѣдительно разъясняется, что отъ обращенія надѣльной земли въ личную собственность „земли у крестьянъ не прибавится, скота не станетъ больше, налоги не будутъ меньше, цѣны не будутъ ниже и заработки не станутъ лучше. Да и знаній у крестьянъ отъ этого не прибавится. Прибавятся только обиды, ссоры и непріятности". Не разъединеніе, а единеніе трудового народа — вотъ цѣль, къ которой нужно всѣми способами стремиться. „И только тогда, когда трудящіеся объединятся, наста-

нетъ новая жизнь въ Россіи: все будетъ дѣлаться для народа и все будетъ дѣлаться черезъ народъ". Такъ заключаетъ г. Пѣшехоновъ свою полезную книжку, которой слѣдуетъ пожелать самаго широкаго распространенія.—М. И. Фридманъ.

IV.

—Проф. Э. Д. Гриммъ.—Революція 1848 года во Франціи. Часть I.—Подготовка революціи 1848 года во Франціи. Цѣна 1 руб. Часть II.—Февральская революція. Цѣна 1 р. 75 коп. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб., 1908.

За послѣдніе годы въ Россіи, въ связи съ замѣтнымъ оживленіемъ интереса къ вопросамъ соціальной и политической исторіи Западной Европы, появился цѣлый рядъ переводныхъ и оригинальныхъ работъ по бурному періоду революціи 48-го года. Сравнительно хорошо представлены и полныя драматизма и неожиданныхъ смѣнъ событія „безумнаго" года въ Германіи и Австріи; немало имѣется трудовъ и по революціи 48-го года во Франціи. Въ русскомъ переводѣ появились и высоко любопытныя воспоминанія очевидца движенія и умнаго наблюдателя—графини д'Агу (Даніель Стернъ), и носящая характеръ личныхъ мемуаровъ „Исторія революціи 48-го г." Луи Блана (снабженная дѣльной вступительной статьей редактора перевода, г. Колбасина) и обширная, живо-написанная и снабженная массой иллюстрацій компиляція Луи Эритье, и яркіе и блестящіе, полные мѣткихъ наблюденій и ядовитаго сарказма, памфлеты К. Маркса и, наконецъ—самый цѣнный трудъ послѣднихъ лѣтъ—книга Жоржа Ренара, вошедшая въ извѣстную коллекцію „Histoire Socialiste" подъ ред. Жореса. Менѣе богато представлена русская оригинальная литература; за исключеніемъ добросовѣстно составленной и вышедшей въ 1904 г. популярной книжки г. Лозинскаго имѣются лишь брошюры, въ большинствѣ на спѣхъ составленныя, съ тенденціознымъ подборомъ фактовъ и невѣрнымъ освѣщеніемъ. Нѣтъ на русскомъ языкѣ и цѣнныхъ трудовъ нашего соотечественника Чернова, посвященныхъ внутренней исторіи республиканской партіи. И потому весьма пріятно привѣтствовать, въ лицѣ недавно вышедшей двухтомной работы проф. Гримма, русскую оригинальную книгу по исторіи революціи 48-го года во Франціи.

Трудъ проф. Гримма является прекраснымъ общимъ пособіемъ для ознакомленія съ событіями и сложными перипетіями февральской революціи, но въ то же время, при наличности знакомства съ другими трудами, дастъ немало цѣнныхъ дополненій, любопытныхъ наблюде-

ній и указаній. Не со всѣми положеніями проф. Гримма можно вполнѣ согласиться, но, во всякомъ случаѣ, съ ними приходится серьозно считаться; цѣлый же рядъ тонкихъ и глубокихъ замѣчаній, посвященныхъ характеристикѣ революціонной психологіи, а также разбору программъ и идеологическихъ построеній политическихъ партій вызываетъ исключительный интересъ. Содержаніе книги проф. Гримма значительно шире заглавія; авторъ не только трактуетъ о событіяхъ революціи 48-го года, но и посвящаетъ всю первую часть изученію антецедентовъ февральской катастрофы. И надо сказать, что эта первая часть—„Подготовка революціи"—заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что до сихъ поръ по-русски не было обзора основныхъ моментовъ политической жизни Франціи отъ сверженія Наполеона до эпохи февральскихъ бурь. Авторъ начинаетъ свой трудъ съ мѣткой характеристики причинъ и характера европейской реакціи начала XIX вѣка. Интересныя замѣчанія автора, посвященныя объясненію хода и исхода великой французской революціи, нуждаются, однако, въ нѣкоторыхъ оговоркахъ. Проф. Гриммъ, примыкая отчасти къ Тэну, слишкомъ суровъ къ якобинцамъ, постоянно подчеркивая ихъ сектантство и „сѣрую умственную посредственность". Безусловно нельзя оправдывать якобинской диктатуры и террора, но все же необходимо считаться съ окружающей исторической атмосферой, съ той почвой и средой, гдѣ приходилось дѣйствовать. Признавая ихъ сектантство, часто узкую односторонность, нельзя обвинить многихъ яркихъ представителей якобинской партіи въ сѣрой посредственности. Не соглашаясь въ этомъ пунктѣ съ Э. Д. Гриммомъ, мы считаемъ вполнѣ заслуживающей вниманія его поправку къ Оларовскому объясненію террора: проф. Гриммъ указываетъ, что, на ряду съ потребностью сосредоточить всю мощь государства для борьбы съ иностраннымъ врагомъ, терроръ возникъ также въ виду внутренняго разложенія государственной власти въ эпоху Учредительнаго Собранія. Характеризуя общественную реакцію начала XIX вѣка, авторъ на ряду съ общей картиной даетъ портреты наиболѣе опредѣленныхъ и выпуклыхъ представителей реакціонной мысли. Въ непосредственной связи съ разборомъ теоретическихъ построеній идеологовъ добраго стараго времени стоитъ и глава, посвященная внутренней политикѣ реставраціи; здѣсь проф. Гриммъ указываетъ, какъ на ряду съ безтактной политикой королевскаго правительства, „ничего не забывшаго и ничему не научившагося", ростетъ и ширится оппозиціонное настроеніе. Правительство опиралось на феодально-клерикальныя основы; носителями оппозиціоннаго и революціоннаго настроенія были вся буржуазія и рабочіе. Бо̀льшую половину первой части своего труда проф. Гриммъ и посвящаетъ разсмотрѣнію различныхъ проявленій протестующей мысли.

Нельзя не отмѣтить, что сдѣлано это не совсѣмъ пропорціонально; удѣливъ много мѣста либеральной партіи, авторъ мало сказалъ о республиканской партіи и еще меньше о представителяхъ соціализма. Правда, исторія либеральной партіи значительно менѣе разработана, чѣмъ исторія республиканской партіи (представленная трудами Вейля, Чернова и др.), или исторія соціальныхъ системъ (имѣется цѣлый рядъ монографій). Главы книги проф. Гримма, трактующія о либерализмѣ, представляютъ очень большой интересъ, но все же въ общемъ трудѣ надо было подробнѣе сказать и о республиканцахъ, и о соціалистахъ. Еще одинъ упрекъ: авторъ, по нашему мнѣнію, очень кратокъ, когда говоритъ объ экономическомъ состояніи Франціи въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи; лишь очень немногія страницы гласятъ объ этомъ чрезвычайно важномъ сюжетѣ. Отмѣтивъ это, мы должны еще разъ подчеркнуть особое значеніе главъ, посвященныхъ исторіи либеральныхъ идей; проф. Гриммъ, искусно комбинируя данные источники, даетъ яркую картину роста либеральной партіи, ея различныхъ проявленій и развѣтвленій. Особенно цѣнны отдѣлы, трактующіе о доктринерахъ; авторъ подвергъ ихъ политическіе взгляды особо-тщательному анализу и внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью въ парламентѣ эпохи реставраціи. Іюльская революція принесла побѣду либераламъ. Во времена монархіи Луи Филиппа вся власть находилась въ рукахъ этихъ типичныхъ идеологовъ крупной буржуазіи; въ оппозиціи же правительству выступали представители республиканскихъ и соціалистическихъ идей. Еще одно замѣчаніе: напрасно авторъ не остановился, хотя бы въ общихъ чертахъ, на положеніи рабочаго класса и на томъ движеніи, которое (часто помимо вліянія теоретиковъ соціализма) происходило въ его средѣ.

Вторая часть труда Э. Д. Гримма, значительно превышающая первую по объему, трактуетъ непосредственно о самой революціи. Здѣсь авторъ проработалъ обширный матеріалъ и, весьма удачно оперируя наиболѣе характерными отрывками и цитатами изъ нихъ, далъ подробную и детальную картину революціонныхъ и ближайшихъ предъ-революціонныхъ дней. Съ захватывающимъ интересомъ читаются страницы, постепенно день за днемъ, а въ моменты величайшихъ подъемовъ и часъ за часомъ знакомящія насъ съ наростаніемъ революціи и, наконецъ, съ разразившейся катастрофой. Авторъ то ведетъ насъ въ королевскій дворецъ, гдѣ ждутъ и надѣются, не предвидя рокового конца, то въ палату депутатовъ, то въ кабинеты политическихъ дѣятелей, гдѣ идутъ оживленныя совѣщанія лидеровъ партій, то на площади и узкія парижскія улицы, гдѣ въ шумѣ баррикаднаго боя рѣшалась народная судьба. Отъ чрезвы-

чайно удачнаго описанія хода революціи авторъ переходитъ къ дѣятельности временнаго правительства, къ созыву учредительнаго собранія и кончаетъ кровавыми іюньскими днями. Въ этихъ главахъ, а также въ заключеніи къ труду, особеннаго вниманія заслуживаетъ основная мысль автора, который въ гибели республики и неудачахъ революціи винитъ представителей крайнихъ партій. Безусловно идеализація послѣднихъ, которая нерѣдка во многихъ трудахъ, исторически является невѣрною; ошибокъ и промаховъ сдѣлано было достаточно. Но съ другой стороны это нисколько не обѣляетъ и не оправдываетъ представителей умѣренно-либеральныхъ идей. Если радикалы и соціалисты увлеклись якобинской демагогіей, то умѣренные республиканцы также предавались болѣе фразеологіи, нежели дѣлу и работѣ. Первые повинны въ томъ, что, не разсчитавъ силъ и не усвоивъ себѣ современной конъюнктуры, пытались идеалъ „дальняго" немедленно осуществить; вторые, вмѣсто положительнаго строительства, или отвлеченно декламировали, какъ Ламартинъ, или, скинувъ маски и проявляя чисто-классовый эгоизмъ, прежде всего вступали въ борьбу съ краснымъ призракомъ. Исторія съ національными мастерскими, которую проф. Гриммъ слишкомъ мягко называетъ мелкой уловкой политическаго жонглерства и объясняетъ чрезвычайнымъ легкомысліемъ большинства временного правительства, заслуживаетъ болѣе суровой оцѣнки; здѣсь на-лицо недостойные пріемы провокаціи. Надвинувшаяся реакція учла это и произвела кровавую бойню іюньскихъ дней. Крайніе менѣе виновны. Смягчающимъ ихъ вину обстоятельствомъ является горячечная и нервозная атмосфера революціи, произведенной ихъ руками; отъ кабинетныхъ же теоретиковъ и парламентскихъ лидеровъ, преданныхъ дѣлу народной свободы, требовалось болѣе національной и общественной солидарности, нежели классоваго эгоизма. И съ этимъ нельзя не считаться.

Въ заключеніе еще разъ отмѣтимъ значеніе книги профессора Э. Д. Гримма: она является яркой и крупной новинкой.—И. Бороздинъ.

V.

— В. Герье. „Францискъ, апостолъ нищеты и любви". Москва, 1908. Ц. 1 р. 50. к.

Въ только-что появившейся книгѣ проф. Герье возвращается къ темѣ, которой онъ уже касался въ своихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1898 г. и въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгаузъ-Ефрона. Ее можно рекомендовать всѣмъ желающимъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ личностью и идеалами Франциска и главными

изъ вопросовъ, волнующихъ францисканскихъ ученыхъ. Проф. Герье даетъ русскому читателю доступную и полную (болѣе полную, чѣмъ *С. А. Котляревскій*, въ своей диссертаціи: „Францисканскій орденъ и римская курія", М. 1901), характеристику ассизскаго бѣдняка, чуждую вмѣстѣ съ тѣмъ (и это особенно важно) того субъективизма и той модернизаціи, которыми страдаетъ плохо и сокращенно переведенная на русскій языкъ книга *Сабатье*: „Жизнь Франциска ассизскаго". Всякій изслѣдователь францисканскаго движенія необходимо сталкивается съ весьма темною и спорною проблемою объ источникахъ и опредѣляетъ по своему свое отношеніе къ нимъ (изъ новыхъ книгъ укажемъ на спеціальное изслѣдованіе: H. Fischer, „Der heilige Franziscus von Assisi während der Jahre 1219—21", Фрейбургъ (Швейц.), 1907, и на популярную книгу: Jörgensen, „Der heilige Franz von Assisi", Мюнхенъ, 1908). Чрезвычайно, поэтому, цѣнно, что почтенный авторъ первый въ русской литературѣ [1]) вводитъ читателя въ эту увлекательную своими трудностями область. Въ главѣ VI—„Францискъ въ представленіи современниковъ и потомства"—проф. Герье даетъ краткій, но ясный обзоръ главныхъ источниковъ для изслѣдованія біографіи и идеаловъ Франциска и нѣкоторыхъ основныхъ книгъ, касающихся какъ критики источниковъ (N. Tamassia, „San Francesco d'Assisi e la sua leggenda", Падуя, 1906), такъ и самаго францисканскаго движенія (Сабатье, Тоде, Фельдеръ). Авторъ совершенно справедливо полагаетъ, что „критическому анализу источниковъ представляется въ исторіи Франциска широкое поле". Слѣдуетъ, однако, указать на нѣкоторые пробѣлы и неточности въ ихъ обзорѣ. Намъ кажется, что авторъ слишкомъ умаляетъ значеніе собственныхъ произведеній святого (Завѣщаніе, Уставы) для его біографіи, личности и взглядовъ и для исторіи его ордена въ самую раннюю и темную эпоху его существованія. Историческій образъ Франциска не „обусловливается болѣе или менѣе случайными свидѣтельствами другихъ", а главнымъ образомъ покоится на его твореніяхъ, и только они могутъ служить надежнымъ критеріемъ при пользованіи другими источниками (объ этомъ см. Götz, „Die Quellen zur Geschichte des hlg. Franz v. Assisi", Гота, 1904). Нельзя согласиться и съ защищаемыми въ книгѣ взглядами на уставы: послѣ соображеній Лемменса, правда высказанныхъ довольно догматически (Opuscula s. p. Francisci, Флоренція, 1904), въ предположеніе К. Мюллера („Die Anfänge des Minoritenordens", 1885), думается намъ, слѣдуетъ внести гораздо бо̀льшія поправки, чѣмъ сдѣлалъ это авторъ.

---

[1]) Въ переводѣ біографіи Сабатье соотвѣтствующій отдѣлъ опущенъ, а проф. Котляревскій этой стороны детально не касается.

Едва ли также правильно, что на ряду съ исторіей спора о Speculum Perfectionis не дано болѣе подробныхъ указаній на исторію такъ называемаго „зилотскаго преданія“ и не указана важность изданнаго Лемменсомъ (Documenta Antiqua Franciscana, p. I) Liber de Intentione, приписываемаго брату Льву и несомнѣнно легшаго въ основу перваго отдѣла Speculum. Точно также несправедливо на нашъ взглядъ и раздѣляемое авторомъ абсолютно-скептическое мнѣніе о легендѣ Бонавентуры, сопоставленіе которой съ житіями Гелано и зилотскими произведеніями указываетъ на то, что „серафическій докторъ“ иногда измѣняетъ свое изложеніе подъ вліяніемъ источниковъ, не использованныхъ Гелано. Но, за вычетомъ этихъ и другихъ, болѣе мелкихъ недочетовъ, гл. VI можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ знакомство съ источниками о францисканствѣ, позволяющимъ начинающему разобраться въ довольно значительной и противорѣчивой литературѣ. Не меньшее значеніе имѣютъ и устанавливающія въ общемъ правильную точку зрѣнія замѣчанія автора о книгахъ Тоде, Сабатье, Фельдера и Тамассіи. Основнымъ недостаткомъ большей части работъ о Францискѣ является обособленность изложенія францисканства отъ другихъ религіозныхъ теченій средневѣковья. Эстетическая привлекательность образа Франциска невольно отдаляетъ изслѣдователя отъ изученія францисканскаго движенія, какъ одного изъ звеньевъ долгаго историческаго развитія. Самое большее, если изслѣдователь касается состоянія церкви и разсматриваетъ францисканство, какъ реакцію на это состояніе. Такъ поступаютъ Сабатье, Тоде, Іёргенсенъ и др. Но состояніе церкви не есть что-то неизмѣнное, застывшее, и реакція противъ церкви имѣетъ длинную традицію, которою обусловлено и францисканство. Поэтому подобная рамка для біографіи еще хуже абсолютной обособленности изложенія. До сихъ поръ разсмотрѣніе францисканства, какъ характерной стороны одной изъ фазъ религіознаго развитія, главнымъ образомъ сосредоточивается не въ рукахъ францисканскихъ изслѣдователей, какъ этого слѣдовало бы ожидать, а въ рукахъ ученыхъ, касающихся этого движенія только частью (*Госсо*, въ моментъ написанія его книги: „L'Eresia nel medio evo“, Флоренція, 1884; *Гауфатъ*, „Средневѣковые реформаторы“, перев. подъ ред. Э. Л. Радлова, М. 1900, т. I и II, и др.). Къ сожалѣнію и проф. Герье ограничиваетъ поле своей работы только самимъ Францискомъ и его идеалами, рисуя привлекательный образъ апостола нищеты, но не давая читателю возможности войти въ религіозную жизнь среднихъ вѣковъ и понять на ея фонѣ идеалы Франциска. Конечно, въ задачу автора не входитъ ознакомленіе съ религіознымъ развитіемъ: онъ хочетъ нарисовать только образъ самого святого. Мы не можемъ, однако, не указать на то, что такое

съуженіе задачи должно дѣлать не вполнѣ понятнымъ для читателя, не освѣдомленнаго въ религіозной исторіи, и самый образъ Франциска. Думаемъ также, что не ошибемся, если отнесемъ на счетъ этого нѣкоторые недостатки разбираемой книги. Этимъ, напримѣръ, объясняется отрицаніе авторомъ душевной драмы Франциска въ послѣдніе годы его жизни, интуитивно схваченной Сабатье и обоснованной Фишеромъ въ его приведенномъ нами выше изслѣдованіи. Принявъ во вниманіе тенденціи куріи и признаки раскола въ орденѣ, совершенно невозможно свести душевныя страданія послѣднихъ годовъ серафическаго отца—страданія, засвидѣтельствованныя и въ Speculum, и у Гелано,—къ безпокойству объ отклоненіи братьевъ отъ указаннаго имъ пути. И построеніе Сабатье объясняется не однимъ желаніемъ драматизировать біографію святого, а также исключительною интуиціей, хотя и увлекшей его далѣе возможнаго; поправки, и весьма существенныя, необходимы, но намъ кажется, что проф. Герье не совсѣмъ правъ, совершенно отрицая построеніе французскаго ученаго. Характеризуя духовный обликъ и идеалы Франциска, проф. Герье впервые и, по нашему разумѣнію, вполнѣ правильно порываетъ съ біографическимъ методомъ изложенія. „Крушеніе гипотезы Сабатье (о томъ, что Speculum Perfectionis написано бр. Львомъ) и обличеніе „агіографическаго мастерства“ Ѳомы Геланскаго отодвигаютъ образъ Франциска въ область легенды“. Мы бы только сказали: не „образъ“, а „біографію“. Источники, даже послѣ убійственной критики Тамассіи, позволяютъ, пользуясь, какъ критеріемъ и основою, сочиненіями Франциска, возсоздать его образъ, не прибѣгая къ легендарному матеріалу, и выдвинуть нѣсколько моментовъ его жизни, какъ для 1219 — 21 г. сдѣлалъ это Фишеръ. Личность же и идеалы Франциска не могутъ быть охарактеризованы біографическимъ методомъ, и мы видимъ одно изъ существенныхъ достоинствъ книги проф. Герье въ томъ, что біографіи Франциска отведено въ ней второстепенное мѣсто (только части I-й и II-й главъ, тогда какъ остальныя части ихъ и главы III, IV и V посвящены характеристикѣ его личности и идеаловъ). Но нельзя согласиться съ методомъ характеристики Франциска, избраннымъ авторомъ. Исходя изъ того убѣжденія, что сочиненія Франциска совершенно недостаточны, а житія и другіе источники негодны для характеристики личности и идеаловъ Poverello, проф. Герье свободно пользуется легендарнымъ матеріаломъ. „Историку можетъ быть предоставлена въ данномъ случаѣ большая свобода: его слѣдуетъ освободить отъ требованій строгой документальности“... „Историку, если онъ хочетъ полнѣе изобразить лицо недостаточно освѣщенное исторіей, приходится пользоваться также легендой... Легенда завершила его (Франциска) личность, легенда создала изъ него ти-

пическое, историческое лицо. Легенда въ его лицѣ становится исторіей". Францисканское настроеніе, какъ видно между прочимъ и изъ книги Тамассіи, не есть еще настроеніе Франциска: оно существовало до него, какъ продолжало существовать и послѣ. И этимъ францисканскимъ настроеніемъ проникнуто легендарное творчество послѣдователей Франциска. Имъ легенда окрашиваетъ обликъ gran patriarca, превращая его въ лицо типическое или внося въ образъ его индивидуальныя черты, свойственныя часто только безыменнымъ ея творцамъ, И чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ Франциска, тѣмъ опаснѣе легендарный матеріалъ, потому что съ одной стороны забывается Францискъ и широкой волной приливаютъ въ легенду бродячіе разсказы и литературныя реминисценціи, а съ другой — эволюціонируетъ настроеніе. Типическое лицо не есть еще лицо историческое, индивидуализація же типа въ позднихъ источникахъ болѣе, чѣмъ гипотетична. Во имя исторической правды необходимо отказаться отъ вплетенія въ вѣнокъ св. Франциска обаятельныхъ „цвѣточковъ". Таковы главныя замѣчанія, которыя мы считали необходимыми высказать по поводу книги проф. Герье. Мы останавливались на немногихъ ея недостаткахъ и почти воздержались отъ указанія ея достоинствъ, полагая, что по отношенію къ извѣстному ученому это излишне и едва ли было бы умѣстнымъ съ нашей стороны. Но мы считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать обогащеніе нашей литературы чуждою субъективныхъ преувеличеній книгою о многострадальномъ, и въ жизни, и въ исторіографіи, Францискѣ Ассизскомъ.—Л. Карсавинъ.

Въ теченіе января мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Амундсенъ, Р.—Къ современному магнитному полюсу и черезъ Сѣверо-западный проходъ. Спб., 1908.

Анненковъ, П. В. – Литературныя воспоминанія. Съ портретомъ автора. Спб., 1909. Ц. 3 рубля.

Андреевъ, Леонидъ.—Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Рисунокъ И. Е. Рѣпина. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Бауеръ, Отто.—Національный вопросъ и соціалъ-демократія. Пер. съ нѣмецкаго Б. Соловейчика. Спб. Ц. 75 к.

Билимовичъ, Ал., прив.-доц. — Германское землеустроительное законодательство. Томъ I. Раздѣлъ общинныхъ земель. Спб., 1908.

Бубновъ, Н. М. — Происхожденіе и исторія нашихъ цифръ. Кіевъ, 1908. Ц. 1 рубль.

Бузескулъ, В.—Исторія аѳинской демократіи. Спб., 1909. Ц. 2 руб. 50 коп.

Бѣльскій, С.—Книга о русской жизни. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

Веселовскій, Алексѣй.—Герценъ-писатель. Очеркъ. Москва, 1909. Ц. 70 коп.

———, А. А.—Любовная лирика XVIII вѣка. Спб., 1909. Ц. 1 р. 25 коп.

———, Борисъ.—Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Томъ второй. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1909. Ц. за два тома 12 рублей.

———, Юрій. — Русское вліяніе въ современной армянской литературѣ. Москва, 1909. Ц. 50 коп.

Владыкинъ, Б. В.—Къ характеристикѣ современнаго быта абиссинцевъ и ихъ императора Менелика II. Спб., 1908.

Гамсунъ, Кнутъ.—Томъ IX. Изд. „Шиповника". Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

Гейрстамъ, Густавъ. — Собраніе сочиненій. Комедія брака. Т. I. Москва, 1908. Ц. 1 р.

Гервагенъ, Л. Л.—Обязанности, какъ основаніе права. Спб., 1908. Ц. 1 р. 50 коп.

Горбуновъ-Посадовъ, И., и *Лукьянская*, В.—Другъ животныхъ. Гуманитарно-зоологическая хрестоматія. Часть 1-ая, для младшаго возраста. Со многими рисунками. Изд. 3-е, дополненное. Москва, 1909. Ц. 85 коп., въ папкѣ—1 р. 10 коп.

Горовая, К. Я. — О переселеніи въ Сибирь. Второе дополненное изданіе. Кіевъ, 1909. Ц. 4 коп. Складъ изданія у автора: Остеръ, Черниговской губ.

Городенскій, И. — Психологическая хрестоматія. Изд. Управленія кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ, 1909. Ц. 3 р. 50 коп.

Гротъ, К. Я.—Къ автобіографіи князя П. А. Вяземскаго. Спб., 1909.

Дмитріевъ, В. В.—Центральныя электрическія станціи. Выпуски 1-ый и 2-ой. Спб., 1909. Ц. 1 р. 75 коп.

——— Техническій контроль работы машинъ въ центральныхъ электрическихъ станціяхъ. Выпускъ первый. Спб., 1909. Ц. 1 р. 25 коп.

Добрышинъ, Б. В.—Задачи современной интеллигенціи. Спб., 1908. Ц. 25 коп.

Жемчужниковъ, А. М. — Прощальныя пѣсни (1900—1907 гг.). Съ приложеніемъ портрета поэта и двухъ его посмертныхъ стихотвореній. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

Жюлье, Эдуардъ.—Суды для малолѣтнихъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ предисловіемъ Н. Окунева. Спб., 1909.

Заболотскій, П. А. — Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. Варшава, 1908. Ц. 2 руб. 50 к.

Зинченко, Николай.—Женское образованіе въ Россіи. Историческій очеркъ. Спб., Ц. 30 коп.

Іоксимовичъ.—Аннексія Босніи и Герцеговины. Москва, 1909. Ц. 15 коп.

Клоссовскій, А., заслуженный проф. Импер. Новор. университета.—Матеріалы по вопросу о постановкѣ университетскаго дѣла въ Россіи. Одесса, 1908.

——— Метеорологія (общій курсъ). Часть I. Статистическая метеорологія (250 рисунковъ въ текстѣ и одна карта). Одесса, 1908.

Коллонтай, А.—Соціальныя основы женскаго вопроса. Спб., 1909. Ц. 1 р. 25 коп.

Конанъ-Дойль. — Драма въ Вульвичскомъ арсеналѣ (Изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ). Святочный разсказъ. Спб., 1909. Ц. 50 коп.

Коптяевъ, Александръ.—П. Чайковскій (Исторія новой русской музыки въ характеристикахъ. Вып. I-ый). Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

——— Эвтерпэ (Второй сборникъ музыкально-критическихъ статей). Спб., 1908. Ц. 1 руб. 50 коп.

Котовичъ, Ал. — Духовная цензура въ Россіи (1799—1855). Спб., 1909. Ц. 2 руб. 75 коп.

Лонгъ, В.—Охота безъ ружья. Съ рисунками (Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). Москва, 1909. Ц. 15 коп., въ папкѣ—25 коп.

Ленингъ, Рихардъ.—Объ основѣ и природѣ права. Москва, 1909. Ц. 30 коп.

Македоновъ, Л. В.—Въ горахъ Кубанскаго края. Бытъ и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронежъ, 1908 г.

Мельниковъ, Н. К. (Сибирякъ).—Божественная премудрость. Разсказъ въ афоризмахъ и афоризмы въ разсказѣ. Спб., 1909. Ц. 90 коп.

Мережковскій, Д.—Въ тихомъ омутѣ. Спб. 1909. Ц. 1 руб. 25 коп.

Мижуевъ, П. Г. — Политическая исторія Англіи въ XIX вѣкѣ (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). Спб., 1908. Ц. 1 р. 75 коп.

Новиковъ, А. А.—Воспособленіе сельско-хозяйственному промыслу въ настоящемъ и желательная постановка этого дѣла въ будущемъ. Владиміръ-на-Клязьмѣ, 1908.

Оствальдъ, В. — Эволюція основныхъ проблемъ химіи. Москва, 1909. Ц. 1 руб. 25 к.

Плетневъ, Алексѣй Петровичъ. — По случаю 25-лѣтія литературной дѣятельности. Спб., 1909.

Покровскій, Н. — I. Гдѣ настоящее освободительное движеніе?—II. Политическія убійства вообще и смертная казнь. Спб., 1909. Ц. 40 коп.

Португаловъ, Ю. В.—Къ психологіи русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 годовъ. Оренбургъ, 1908. Ц. 1 р. 20 коп.

Прессъ, Аркадій. — Въ царствѣ книгъ. Т. I и II, изд. 2-ое. Съ иллюстраціями. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

——— Стружки. Разсказы. Изд. 2-ое. Ц. 1 рубль.

Прѣсняковъ, А.—Княжое право въ древней Руси. Спб., 1909. Ц. 2 рубля.

Пѣшехоновъ, А. В.—Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей. Спб., 1909. Ц. 10 коп.

Риттихъ, П. А.—По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

Рклицкій, М. В.—Землевладѣніе въ Полтавской губерніи. Полтава, 1908.

Рожевицъ, Р. Ю. — Поѣздка въ южную и среднюю Бухару въ 1906 г. Спб., 1908.

Роотъ, Н. — Художественная керамика. Со 169 иллюстраціями и чертежами. Спб. Ц. 2 руб.

Руссо, Ж.-Ж.—О вліяніи наукъ на нравы. Переводъ съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1908. Ц. 30 коп.

Свириденко, С.—Вагнеровскіе типы трилогіи „Кольцо Нибелунга“ и артисты петербургской оперы. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

Семеновъ, С. Т.—Изъ жизни Макарки. Съ рисунками. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). Москва, 1909. Ц. 35 коп., въ папкѣ—50 коп.

Слонимскій, Л.—Наполеонъ и самодержавіе. Спб., 1908. Ц. 35 коп.

Судіенко, С.—Трагедія Шекспира „Гамлетъ“. Тверь, 1909. Ц. 15 коп.

Тіандеръ, К. Ѳ. — Культурное пьянство и древнѣйшій алкогольный напитокъ человѣчества. Спб., 1908.

Толстой, Л. Н.—Разсказы и сказки. Съ рисунками. Москва, 1909. Ц. 75 коп., въ папкѣ—1 руб.

Толстая, М. Н., гр.—Изъ дневника Екатерины Николаевны Карамзиной, впослѣдствіи княгини Мещерской. Спб., 1908.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ. — Собраніе сочиненій. Томъ II. Спб., 1909. Ц. 1 р. 25 коп.

Ферворнъ, Максъ.—Вопросъ о границахъ познанія. Спб., 1909. Ц. 30 коп.

Финдейзенъ, Ник.—Николай Андреевичъ Римскій-Корсаковъ. Очеркъ его музыкальной дѣятельности. Съ 9 портретами и снимками. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

——— Эдвардъ Григъ. Очеркъ его жизни и музыкальной дѣятельности. Съ 5-ю портретами и снимками. Спб., 1908. Ц. 60 коп.

Фишеръ, Куно.—Воля и разсудокъ. Переводъ съ нѣм. Спб., 1909. Ц. 50 к.

Ц., Зинанда.—Изъ Мюссе и Верлена. Переводы. Спб., Ц. 75 коп.

Чебышева-Дмитріева, Е.—Отзвуки, страсти и муки. Спб.

Шойенъ, Е.—Бѣлая рабыня. Перев. съ норвежскаго. Москва, 1908.

Штерне, Карусъ. — Эволюція міра. Перев. съ нѣмецк., съ дополнительн. статьями Н. А. Умова и Н. А. Морозова. Вып. 1-ый. Цѣна за все сочиненіе (10 выпусковъ) 15 руб.

Эттингеръ, Евг.—Нѣкто въ сѣромъ и нѣкіе въ красномъ у Л. Андреева. Кіевъ, 1908. Ц. 35 коп.

Ѳирсовъ, Н. Н.—Пугачевщина. Съ рисунками. Спб. и Москва. Ц. 1 руб.

— *Библіотека семьи и школы.* Каталогъ избранныхъ книгъ для дѣтей и юношества книжнаго склада „Родной Міръ". Спб., 1909. Ц. 15 коп.

— *Вопросы колонизаціи.* Періодическій сборникъ, подъ ред. Г. Ф. Чиркина и П. А. Гаврилова. № 4. Спб. Ц. 2 рубля.

— *Золотая Царевна.* Сборникъ сказокъ (Библіотека для дѣтей И. Горбунова-Посадова). Съ рисунками. Москва, 1909. Ц. 30 коп., въ папкѣ—50 коп.

— *Извѣстія* Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XLIV. Выпускъ IX. Спб., 1908.

— *Извѣстія* областной земской переселенческой организаціи. №№ 7 и 8. Полтава, 1908 и 1909.

— *Итальянскіе сборники.* Книга 1-ая. Переводъ съ итальянскаго, съ критико-біографическими очерками Татьяны Герценштейнъ. Спб. 1909. Ц. 1 руб.

— *Леда.* Литературно-художественный сборникъ. I. Москва, 1909. Ц. 1 р.

— *Матеріалы* по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XVI. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1901 г. Спб., 1908. Ц. 1 руб.

— *Обзоръ* краткій народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1906 г. Херсонъ, 1908.

— *Отчетныя данныя* по Семипалатинскому переселенческому району за 1907 г. Выпускъ 48. Изданіе Переселенческаго Управленія. Спб., 1908.

— *Отчетныя данныя* по Семирѣченскому переселенческому району за 1907 г. Выпускъ 50. Изданіе Переселенческаго Управленія. Спб., 1908.

— *Отчетъ* по обслѣдованію хуторскихъ хозяйствъ въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ. Верхнеднѣпровскъ, 1908.

— *Отчетъ* о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1908 годъ, составленный академикомъ Н. П. Кондаковымъ. Спб., 1908.

— *Отчетъ* о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1908 годъ, составленный непремѣннымъ секретаремъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ. Спб., 1908.

— *Пережитое.* Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Спб. Ц. 2 руб. 50 коп.

— *Послѣднія страницы* журналовъ „Метеорологическое Обозрѣніе“ и „Лѣтописи“ магнито-метеорологической обсерваторіи Новороссійскаго университета. Одесса, 1908.

— *Пушкинъ и его современники.* Вып. VIII. Спб., 1908.

— *Римская исторія* по Моммсену. Съ портретомъ Моммсена. Изд. князя А. К. Горчакова. Спб., 1909. Ц. 1 руб.

— *Сборникъ* статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Томъ X. Фабрики, заводы и промышленныя заведенія Уфимской губ. Часть I. Уфа, 1908. Ц. 2 р. 50 коп.

— *Сборникъ* товарищества „Знаніе“ за 1908 годъ. XXV. Спб., 1908. Ц. 1 р.

— *Сборникъ* товарищества „Знаніе“ за 1908 г. XXVI. Спб., 1908. Ц. 1 р.

— *Собраніе трактатовъ* и *конвенцій.* Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. XV. Трактаты съ Франціей, 1822—1906. Спб., 1909.

— *Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ.* Спб., 1908.

— *Статистическія свѣдѣнія* о результатахъ примѣненія закона 2 іюня 1903 г. По порученію отдѣла промышленности м-ва торговли и промышленности. Составилъ В. Е. Варзаръ. Спб., 1908.

— *Сѣверные сборники* издательства „Шиповникъ“. Книга шестая. Спб., 1909. Ц. 1 руб. 10 коп.

— *Труды* госпитальной хирургической клиники проф. С. П. Ѳедорова. (Императорская Военная Академія). Томъ III. Спб., 1909.

— *Adam Paul.* L'Icône et Le Croissant. Paris. Prix. 3 fr. 50 c.

— *Движение на търговията* на България съ чуждитѣ държави. София, 1908.

Kalendarz Mariewicki. Lodz, 1909. Ц. 60 к.

Українська Муза. Поэтична Антологія. Історична Хрестоматія од початку до наших днів. Під редакціею Олекси Коваленка. Київ. 1909 р. Ціна 2 руб.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ ИТАЛІИ

Письмо изъ Рима.

Глухой подземный шумъ, сильный толчокъ — и всѣ злобы сегодняшней Италіи стушевались передъ огромнымъ, небывалымъ бѣдствіемъ. О землетрясеніи въ южной Италіи писалось такъ много, что, казалось бы, всѣ факты должны быть исчерпаны. Но сколько бы ни говорилось о немъ и искреннихъ словъ, и фразъ,—ничьи уста, ничье перо не могло со всей силой нарисовать подлинную и полную картину этого невыразимаго ужаса: нѣтъ словъ и нѣтъ красокъ для такой картины. Безъ риска преувеличенія можно сказать, что еще никогда въ историческую эпоху своего существованія человѣчество не было свидѣтелемъ такого страшнаго разрушенія и такой сумасшедшей массы нелѣпыхъ ужасовъ, какіе породила эта полуминутная усмѣшка подземной стихіи. И раньше содрогалась земная кора, и раньше заливало лавой и засыпало пепломъ цвѣтущіе города: міру знакомы и страшныя сцены войнъ и революцій, и неистовыя опустошенія „черной смерти", и грандіозные пожары и наводненія,—но все это едва можетъ сравниться съ тѣмъ, что̀ пережили Мессина и калабрійское побережье. То, что̀ культура создавала и накопляла вѣками, меньше чѣмъ въ полминуты обратилось въ безформенную, дымящуюся груду мусора, камней и известковой пыли, перемѣшанную съ искалѣченными тѣлами и кусками мяса людей и животныхъ. Страшна сама по себѣ цифра погибшихъ; но еще страшнѣе дѣлается отъ мысли, что тысячи людей умерли подъ развалинами отъ голода и ужаса, что сотни раненыхъ заживо объѣдены одичавшими кошками, что разумъ спасенныхъ перенесъ страшное испытаніе, когда имъ по недѣлѣ и даже по двѣ недѣли пришлось пролежать въ своихъ живыхъ могилахъ, среди разлагающихся труповъ своихъ отцовъ, женъ и дѣтей. Ни одинъ палачъ въ мірѣ не могъ бы придумать тѣхъ пытокъ, какія создала массами подземная стихія. Въ Мессинѣ на девятый день откопали живого человѣка; ущемленный балками за ногу, онъ провисѣлъ эти дни внизъ головой, едва доставая рукой до полу,—провисѣлъ въ атмосферѣ гніющихъ труповъ своихъ близкихъ, которые, быть можетъ, за эти дни умирали медленной смертью. Тамъ же русскіе моряки извлекли на пя-

тый день изъ-подъ обломковъ несчастнаго мужа, прижатаго грудой камней къ трупу жены, сжимавшей его въ своихъ послѣднихъ объятіяхъ. Замираетъ сердце, умъ мутится отъ этихъ разсказовъ,—а это, быть можетъ, лишь блѣдныя картины частичной кончины міра. И это—въ Мессинѣ, которая еще вчера была цвѣтущимъ садомъ, раемъ благоуханнымъ, страною апельсинныхъ рощъ! И это — въ Мессинѣ, бѣлая набережная которой смотрѣлась въ лазурныя воды пролива! Какая безумная, какая жестокая иронія природы!

Уже цѣлый мѣсяцъ газеты всего міра полны описаній южно-итальянской катастрофы. Блѣдно отражая дѣйствительность, эти описанія собственныхъ корреспондентовъ удивительны по своей наивной беззастѣнчивости. Одинъ описываетъ свое путешествіе вбродъ черезъ Мессинскій проливъ, будто бы потерявшій свою судопроходность и обмелѣвшій; другой разсказываетъ о трупахъ, катавшихся по землѣ въ силу подыманія и опусканія почвы; третій оплакиваетъ погрузившуюся въ море классическую Харибду и смытую волной до послѣдняго камня Мессину. А между тѣмъ врядъ ли есть надобность въ сочинительствѣ тамъ, гдѣ сама дѣйствительность превзошла человѣческое воображеніе. Два большихъ разрушенныхъ города, рядъ стертыхъ съ лица земли городковъ и селеній, огромная цифра человѣческихъ жертвъ—развѣ не достаточно всего этого, чтобы направить мысль человѣка на ужасные въ своей простотѣ вопросы: чего же стоитъ жизнь, если одно содроганье незначительной частицы земной коры можетъ обратить городъ живыхъ въ огромное кладбище живыхъ и мертвыхъ? Чего стоитъ человѣческая культура, если плоды ея безсильны противостать голосу подземной стихіи?

И любопытно, какъ различно реагируютъ люди на южно-итальянское событіе. Тѣхъ, кто перенесъ землетрясеніе, можно отличить въ толпѣ другихъ людей. Ихъ глаза полны застывшаго ужаса, ихъ воля подавлена чудовищной силой стихіи. Это—люди, пережившіе кончину міра и еще не проснувшіеся отъ пережитого. Непрочность земного бытія, зависимость его отъ случайной прихоти невидимаго врага, ничтожность свободной воли человѣка—вотъ о чемъ говорятъ больныя, измученныя лица сицилійцевъ и калабрійцевъ, которыхъ сотнями доставляютъ въ римскіе госпитали. Совсѣмъ иное говорятъ тѣ, кому случилось посѣтить Мессину и Реджіо уже послѣ ихъ разрушенія, въ качествѣ добровольцевъ, корреспондентовъ или просто любопытныхъ. Передъ невыразимымъ ужасомъ этихъ картинъ смерти и разрушенія—говорятъ они—всѣ личныя невзгоды и тягости кажутся такими пустяками, и жизнь, какова бы она ни была, представляется такой огромной цѣнностью, что невольно обновляешься. Контрастъ смерти родитъ страстную жажду полной жизни, ужасъ разрушенія

зоветъ къ созиданію. И это понятно: нужно взглянуть въ лицо смерти, чтобы понять истинную цѣну жизни...

Но всего любопытнѣе мнѣ кажется—и въ особенности для насъ, русскихъ, — психологія рядового итальянскаго горожанина, который слѣдилъ за событіями на югѣ лишь по газетамъ да по разсказамъ. Я не помню ни одной корреспонденціи въ русскихъ газетахъ, а также и въ иностранныхъ, которая не начиналась бы съ описанія мрачной тишины и безлюдья итальянскихъ городовъ, въ частности Рима, въ день новаго года,—взамѣнъ обычнаго оживленія. Картина для ансамбля очень подходящая, но, къ сожалѣнію, совершенно не отвѣчающая дѣйствительности, поскольку, по крайней мѣрѣ, это касается столицы Италіи. Трудно представить себѣ другой народъ, который отнесся бы съ такимъ равнодушіемъ къ общенаціональному бѣдствію. По природѣ итальянецъ очень отзывчивъ, но лишь на то, что задѣваетъ его лично и непосредственно. Я не сомнѣваюсь, что землетрясеніе сильно взволновало южное населеніе, которому эта опасность слишкомъ близка. Нѣсколько слабѣе реагировалъ культурный сѣверъ Италіи, эта „европейская“ часть Апеннинскаго полуострова. Что же касается центра, въ частности Рима, то можно только удивляться поразительному равнодушію итальянцевъ къ несчастію, постигшему ихъ южныхъ соотечественниковъ и всю страну. Правда, по улицамъ города разъѣзжали фуры для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ. Студенты въ цвѣтныхъ беретахъ и солдаты-трубачи собирали и до сихъ поръ еще собираютъ скудныя подаянія гражданъ. Правда и то, что парламентъ, обсуждая вопросъ объ ассигнованіи 97 милліоновъ лиръ на возстановленіе разрушенныхъ городовъ и помощь пострадавшему населенію, „прослезился“. Но если вспомнить то одушевленіе, съ которымъ тотъ же парламентъ ассигновалъ прошлой весною 300 милліоновъ на военное дѣло, то нынѣшнія слезы его покажутся слишкомъ малоцѣнными. Итальянецъ любитъ фразу еще больше, чѣмъ французъ. Показной восторгъ, показная печаль, приспущенные флаги, напыщенныя фразы—вотъ безъ чего не можетъ обойтись истый сынъ итальянскаго королевства. Это отнюдь не значитъ, чтобы онъ не былъ способенъ и на искреннее чувство. Напротивъ! Гибель въ Мессинѣ или Реджіо внучатнаго племянника или вагона апельсиновъ можетъ заставить римлянина рыдать какъ малаго ребенка. Но въ то же время у него есть одно прекрасное утѣшенье: Римъ стоитъ прочно и не грозитъ проваломъ. Меня очень удивляло сначала, когда на вопросъ: „какъ же теперь быть? чѣмъ помочь этой массѣ бездомныхъ, нищихъ и раненыхъ?“—римляне спокойно отвѣчали: „вы не безпокойтесь! у насъ въ Римѣ этого не будетъ!“. И это не случайный отвѣтъ! Онъ очень характеренъ для средняго итальянца. Моя квартирная хозяйка, весьма спокойно и раз-

судительно излагавшая свой взглядъ на событія на югѣ, спустя полчаса прибѣжала ко мнѣ въ большомъ волненіи разсказать, что у нея случилось несчастіе... распаялся кофейникъ. Я не хочу этимъ сказать, что у итальянскаго буржуа нѣтъ сердца. Сердце-то есть и очень пылкое,—но есть и правительство: „ужъ оно тамъ, конечно, обо всемъ позаботится!".

Вотъ въ этой-то психологіи и кроется, быть можетъ, ключъ къ пониманію той удивительной неповоротливости и небрежности, которая такъ ярко проявилась въ дѣйствіяхъ прибывшихъ въ Мессину итальянскихъ властей, добровольцевъ и войскъ, и которая съ единодушнымъ негодованіемъ отмѣчена иностранцами. Дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе нелѣпый образъ дѣйствій. Первымъ дѣломъ правительства было послать въ пострадавшія мѣстности какъ можно больше войскъ и объявить осадное положеніе. Въ то время, какъ тысячи полуголыхъ жителей остались безъ куска хлѣба,—къ нимъ, вмѣсто одежды и съѣстныхъ припасовъ, послали еще тысячи ртовъ. Въ теченіе первыхъ дней дѣйствительную помощь пострадавшимъ оказывали только русскіе и англійскіе моряки, въ то время какъ окрестные жители занимались грабежомъ, а итальянскіе солдаты—охраной никому не принадлежащей собственности и разстрѣломъ грабителей и голодныхъ собакъ. Впрочемъ, войска были безсильны помочь въ раскопкахъ, такъ какъ распорядительныя власти, пославъ солдатъ, забыли послать съ ними партію лопатъ, которая была лишь позже доставлена русскимъ кораблемъ. Работы ночью не могли производиться, такъ какъ на итальянскомъ кораблѣ куда-то затерялись факелы. Всюду ощущался недостатокъ въ рабочихъ и въ медицинской помощи, а между тѣмъ въ столицѣ всѣмъ добровольцамъ—рабочимъ, инженерамъ и медикамъ было оффиціально объявлено, что больше ничьей помощи не требуется, и въѣздъ въ пострадавшія мѣстности воспрещенъ; тогда же было распущено нѣсколько готовыхъ въ путь эскадръ, сформированныхъ студентами и Краснымъ Крестомъ. Авторъ этихъ строкъ три дня добивался счастья отправиться въ Сицилію или Калабрію въ качествѣ рабочаго-добровольца. Для этого потребовался цѣлый рядъ рекомендацій, медицинскихъ освидѣтельствованій, спеціальныхъ записей, особыхъ ходатайствъ, пока, наконецъ, по выполненіи всѣхъ формальностей, за нѣсколько часовъ до отъѣзда, римскій муниципалитетъ не объявилъ уже одѣтой по дорожному эскадрѣ, что „людей не нужно, а нужны только съѣстные припасы и перевязочныя средства". А между тѣмъ наканунѣ министръ-президентъ Джіолитти получилъ телеграмму отъ короля: „Присылайте людей! Помощь недостаточна!". А спустя еще нѣсколько дней депутатъ Де-Феличе, однимъ изъ первыхъ побывавшій въ Мессинѣ, громилъ въ парламентѣ правительство, основа-

тельно утверждая, что объявленіе осаднаго положенія и высылка въ Мессину карабинеровъ, вмѣсто добровольцевъ и врачей, помѣшали спасти лишнихъ 20 тысячъ человѣкъ.

О томъ, что итальянское правительство проявило поразительную безпомощность и неразсудительность, писалось такъ много, что это стало избитой темой. Даже въ оффиціальномъ донесеніи русскаго адмирала Литвинова звучитъ далеко не лестная нотка по адресу итальянскихъ властей. Что касается до очевидцевъ, не занимающихъ оффиціальнаго положенія, то ихъ негодованія не сдерживаетъ даже присущій итальянцамъ дешевый патріотизмъ. Напротивъ, съ полнымъ и единодушнымъ восторгомъ отмѣчаются необычайная самоотверженность и находчивость русскихъ моряковъ, прибывшихъ въ Мессину подъ командой Литвинова... Отмѣчая эти факты, итальянская пресса объясняетъ ихъ „отсутствіемъ метода“ въ дѣйствіяхъ своихъ властей и войскъ, въ противоположность русскимъ. Быть можетъ итальянцы не совсѣмъ правы (намъ, послѣ японской войны, лучше это знать!)—но не будемъ ихъ разочаровывать. Повидимому и тутъ дѣло не въ „методѣ“, а въ психологіи. И вотъ интересный единодушный отзывъ свидѣтелей, и русскихъ, и итальянцевъ (конечно—частныхъ лицъ). Русскіе матросы работали въ Мессинѣ съ яркимъ сознаніемъ того, что нужно спасать „живую душу“. Съ этимъ сознаніемъ они, безъ всякихъ указаній и руководства, группами человѣкъ по шести — восьми, и днемъ, и ночью бродили среди развалинъ, прислушиваясь, не раздадутся ли гдѣ-нибудь стоны, не откликнется ли кто-нибудь на окрикъ. И гдѣ бы ни подавала голосъ „живая душа“, будь то въ подвальномъ этажѣ, подъ навѣсами изъ балокъ и мусора, они бросались туда и рыли, пока не извлекали живыхъ изъ могилы. Если это назвать „методомъ“, то методъ итальянцевъ былъ, дѣйствительно, противоположнымъ. Ихъ солдаты были разставлены для охраны собственности, рѣшительно стрѣляли въ грабителей и собакъ, но раскапыванье въ опасныхъ мѣстахъ или не позволялось, или, по крайней мѣрѣ, не поощрялось. Исключеніе дѣлалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было откапывать не „живую душу“, а сундуки частныхъ банковъ и трупы вліятельныхъ особъ. Объ этой своеобразной дисциплинѣ очевидцы разсказываютъ съ глубокимъ возмущеніемъ. Да и изъ газетъ я знаю возмутительный случай, достовѣрность котораго, правда, неопредѣленна, тѣмъ болѣе, что онъ разсказанъ съ патріотическомонархической цѣлью. Писали, что король Викторъ-Эммануилъ, при посѣщеніи Мессины или Реджіо, прошелъ мимо полуразрушеннаго дома, верхній этажъ котораго нависъ надъ нижнимъ и готовъ былъ ежеминутно рухнуть. Между тѣмъ среди обломковъ внизу остался живой человѣкъ, зарытый почти до шеи, который уже три дня про-

велъ въ такомъ положеніи. Этому несчастному какъ-то доставляли пищу, и онъ, „на милостивый окликъ короля, отвѣтилъ, что чувствуетъ себя прекрасно“ (!). Однако отрывать его никто не рѣшался, и король оставилъ его „въ покоѣ“. Похоже на анекдотъ, но я беру его изъ клерикально-монархической газеты, которая въ восторгѣ отъ милости короля и находчиваго отвѣта вѣрноподданнаго. Такихъ случаевъ очевидцы разсказываютъ массу. И опять-таки здѣсь не столько методъ, сколько психологія, такъ какъ и обыватели,—правда, терроризованные до крайней степени — поступали такъ же. Одинъ русскій разсказывалъ мнѣ, что къ нему въ Мессинѣ подошелъ пожилой человѣкъ и со слезами повѣдалъ ему, что вотъ тутъ, въ нижнемъ этажѣ, пятый день заживо погребены его жена и дѣти, что и онъ, и всѣ слышатъ ихъ крики и стоны, а отрывать ихъ невозможно: весь домъ рухнуть можетъ. Разсказъ его подтвердили и другіе. И онъ не бросился на эту живую могилу своихъ дѣтей! И онъ не сталъ разрывать ее руками и зубами! И такихъ, конечно, тысячи, такъ какъ тысячи убѣжали изъ Мессины, оставивъ тамъ родныхъ подъ развалинами; недаромъ спасшихся газеты чистосердечно именуютъ „profughi“ (бѣглецы). Такова психологія обывателя, правда, повторяю, терроризованнаго, такъ какъ ужасъ землетрясенія могутъ понять лишь испытавшіе его. Чрезвычайно характерный разсказъ слышалъ я отъ одного корреспондента о первыхъ дѣйствіяхъ одного римскаго санитарнаго отряда; высадившись на берегъ, вся санитарная эскадра прежде всего... снялась общей группой, какъ слѣдуетъ, въ подобающихъ случаю позахъ, со всѣми значками и повязками на рукавѣ. Это — чисто по-итальянски; недоставало только знаменъ и плакатовъ съ девизами! Кто знаетъ хоть немного средніе итальянскіе классы, тотъ ясно представитъ себѣ эту группу некстати-наивныхъ позёровъ.

Да не заподозрятъ меня въ слащавой мысли объ „истинно-русскихъ“ національныхъ душевныхъ преимуществахъ. Я ихъ не утверждаю и не отрицаю, и дѣло не въ нихъ совсѣмъ. Правда, самоотверженность русскихъ матросовъ, спасающихъ „живую душу“, для нашего народа характерна. Но дѣло не въ ней и не въ пресловутомъ „методѣ“ (Цусима, Портъ-Артуръ и пр.), а именно въ отсутствіи метода. Предоставленные самимъ себѣ, влекомые порывомъ непосредственнаго, яркаго чувства, рискующіе не во имя малопонятныхъ интересовъ и не во имя убійства,—а во имя интересовъ общечеловѣческихъ и во имя спасенія погибающихъ, матросы были, дѣйствительно, героями, оставаясь людьми и сразу сбросивъ съ себя солдатскую привычку держать руки по швамъ и поднимать ихъ лишь по командѣ. И на нихъ смотрѣли, и имъ удивлялись, и имъ апплодируетъ пресса, превознося „русскую дисциплину“. А рядомъ дисциплинированные въ сто

разъ лучше (вѣрнѣе—хуже?) нѣмцы, обидѣвшись на то, что работы производятся безъ системы и городъ не разбитъ на участки,—отплыли обратно „въ полномъ боевомъ порядкѣ". Неужели это не убѣдительно? Я думаю—достаточно убѣдительно, но врядъ ли говоритъ въ пользу нашей „дисциплины", „технической подготовленности" и т. п.

Мнѣ кажется, что этотъ случай съ русскими моряками имѣетъ громадный общій интересъ, а ужъ русскій интересъ — несомнѣнно. Трудно сказать, что̀ было бы, если бы русскія суда не оказались случайно близъ Мессины, а были посланы туда съ опредѣленными полномочіями и предписаніями и съ выработаннымъ въ верхахъ планомъ дѣйствій. Выскажусь откровенно—было бы хуже: „методъ" погубилъ бы дѣло, какъ погубилъ онъ репутацію итальянскихъ властей.

Со дня калабро-сицилійской катастрофы прошелъ уже мѣсяцъ. Газетчики въ Римѣ уже не выкликаютъ сенсаціонныхъ заголовковъ о чудесныхъ спасеніяхъ и безстрашныхъ подвигахъ. Послѣднее чудесное спасеніе произошло на девятнадцатый день, когда изъ-подъ обломковъ собственными руками вырылся юноша, а вслѣдъ за нимъ была спасена его семья; эти несчастные прожили почти три недѣли, питаясь мыломъ и оливковымъ масломъ и утоляя жажду мочей. Это былъ послѣдній отзвукъ ужасной драмы, и затѣмъ все смолкло, кромѣ подземныхъ ударовъ, которые повторяются время отъ времени. Но стоновъ уже нѣтъ: только 80 тысячъ труповъ заражаютъ воздухъ благодатнаго края—и это въ одной только Мессинѣ. Страхъ, рожденный здѣсь, легкой дрожью пробѣжалъ и по сѣверной Италіи, и по восточной Ривьерѣ; небольшое колебаніе почвы произвело панику среди жителей Флоренціи, Генуи, Специи и мелкихъ коммунъ. Сильнѣе задымилась Этна, громче заспорили геологи—но все это лишь отзвуки, которые день ото дня замираютъ. Теперь встаетъ огромный и по практической, и по провинціальной важности вопросъ: возродятся ли погибшіе города? Итальянское правительство и послушный ему парламентъ уже давно отвѣтили на это ясно и категорически: да, возродятся! Двояко мотивируется эта храбрость людей, имѣющихъ резиденцію въ Римѣ. Несомнѣнно, странѣ выгодно и важно имѣть новый городъ на мѣстѣ погибшей Мессины, служившей промышленнымъ центромъ и значительнымъ морскимъ пунктомъ. Съ другой стороны, для большой публики, указывается на традицію, требующую наличности Мессины въ исторіи Италіи. Меньше всего сторонники возрожденія Мессины и Реджіо считаются съ голосомъ подземной стихіи, которая все еще не хочетъ успокоиться. Геологи и архитекторы совмѣстно вырабатываютъ планы домовъ, безопасныхъ отъ землетрясенія, почти съ буквальной точностью воспроизводя то, что говорилось уже давно по подобнымъ же поводамъ. И такимъ обра-

зомъ имѣются на лицо всѣ основанія предполагать, что вновь родятся города на мѣстѣ или вблизи нынѣшнихъ кладбищъ, и тотъ же известнякъ, и тотъ же цементъ пойдутъ на ихъ постройку. Разрушенные муравейники воскреснутъ вновь для новыхъ ужасовъ. Но все же—это дѣло лишь отдаленнаго будущаго; пока же другія заботы ждутъ Италію, и большого труда будетъ стоить ей изолировать источники страшной заразы.

Между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ въ этой странѣ, такъ странно скомбинировавшей дурныя стороны европейской цивилизаціи съ собственной некультурностью. На южной катастрофѣ уже спекулируютъ не одни фотографы, но и политическіе дѣльцы. На разрушеніи городовъ строятся надежды политическихъ спекулянтовъ, всегда готовыхъ подставить другъ другу ножку и подобрать при этомъ оброненный портфель. И, право же, трудно порою сказать, гдѣ кончается чистосердечный патріотизмъ и гдѣ начинаются парламентскія интриги. Такова, должно быть, судьба каждаго человѣческаго муравейника, и немудрено, что земля содрогается время отъ времени...

Мнѣ хотѣлось бы закончить это письмо маленькой картинкой, чрезвычайно отчетливо характеризующей итальянскую психику — не парламентскую, не психику „господъ", которая во всѣхъ странахъ довольно однообразна, а психику народа, той полуграмотной, суевѣрной массы итальянскаго народа, которую еще такъ мало знаютъ въ Россіи. Нужно маленькое предисловіе. Однимъ изъ постоянныхъ доходовъ итальянской казны служитъ такъ называемый „налогъ на дураковъ" или еженедѣльная государственная лоттерея (banco-lotto). Въ надеждѣ выиграть нѣсколько сотъ, или, смотря по аппетиту, тысячъ и даже десятковъ тысячъ лиръ на маленькую ставку, итальянская бѣднота каждую субботу тратитъ свой заработокъ на билеты этой лоттереи, доставляя государству около 40 милліоновъ лиръ ежегоднаго чистаго дохода. Ставки дѣлаются на нумера отъ одного до девяноста, и нѣкоторые излюбленные нумера уже давно имѣютъ свои клички. Такъ, напр., 68 называется „ladri" (разбойники), 88—„nonna" (бабушка) и т. д. Между прочимъ, нумеръ 11 издавна называется „terremoto" (землетрясенье). И вотъ, въ первую субботу послѣ калабро-сицилійской катастрофы мнѣ лично пришлось наблюдать въ одномъ изъ отдѣленій римскаго banco-lotto, что почти всѣ игроки дѣлали на этотъ разъ ставки на 11 (землетрясенье) и 28 (день катастрофы по нов. ст.); нѣкоторые прибавляли еще число 90, означающее „гибель" вообще. Я не зналъ тогда, на что больше негодовать: на грубое ли суевѣріе толпы, на низость ли—правда, наивной—попытки спекулировать на несчастіи ближнихъ, или же на поощряющее это суевѣріе

государство, такъ какъ даже чиновники учрежденія, ведущіе запись нумеровъ, упрощенно говорили вмѣсто цифры „undici“ (одиннадцать) слово: „terremoto“. Теперь я знаю, на кого нужно негодовать! Только на нее, только на эту злую, насмѣшливую судьбу итальянскаго народа. Скажу коротко, что въ числѣ пяти цифръ, выигравшихъ въ эту недѣлю, были цифры 11 и 28, и если до сихъ поръ кто-нибудь изъ несчастныхъ игроковъ колебался въ своемъ суевѣріи, то теперь онъ утвердился въ немъ окончательно и навсегда. Кто знаетъ, какую огромную роль въ жизни итальянскаго народа играютъ азартъ и суевѣріе, тотъ долженъ согласиться, что это нелѣпое совпаденіе, эта некрасивая насмѣшка судьбы обойдется римской бѣднотѣ дороже, чѣмъ... хорошій подземный толчокъ въ родѣ того, который заставилъ недавно жителей Флоренціи нагими выбѣжать ночью на городскія площади, отдѣлавшись, правда, однимъ испугомъ...

Мих. Осоргинъ.

Римъ, 12 (25) января.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1909 г.

Балканскій кризисъ и австрійская политика. — Вопросъ о конституціонной роли Вильгельма II.—Императоръ предъ судомъ общественнаго мнѣнія.—Мечты о прусской избирательной реформѣ.—Французскія дѣла.

Воинственный шумъ на Балканахъ отчасти затихъ, но вопросы, поднятые политикою вѣнскаго кабинета, далеко еще не могутъ считаться рѣшенными. Слишкомъ много разнообразныхъ интересовъ затронуто послѣдними наступательными актами Австро Венгріи: взбудораженъ весь ближній Востокъ, національныя чувства славянскихъ народностей возбуждены до крайности, испорчены отношенія съ Турціею и нарушены формальныя договорныя права великихъ державъ. Превращеніе боснійской оккупаціи въ „аннексію" обошлось чрезвычайно дорого австрійцамъ и въ финансовомъ отношеніи. Одни военные расходы, вызванные усиленіемъ войскъ въ занятыхъ провинціяхъ и приготовленіями на случай войны съ Сербіей и Черногоріей, превышаютъ уже двѣсти милліоновъ кронъ. Бойкотированіе австрійскихъ товаровъ въ турецкихъ владѣніяхъ причиняетъ огромные убытки австрійской торговлѣ; многія промышленныя предпріятія, работающія спеціально или преимущественно на восточный рынокъ, доведены до разоренія; пароходные рейсы къ Леванту перестали служить источникомъ дохода для австрійскаго „Ллойда".

Трудно понять, для чего предпринята вся эта разорительная дипломатическая кампанія, съ которою связалъ свое имя баронъ Эренталь. Думалъ ли министръ поднести императору цѣнный подарокъ къ его юбилею, въ видѣ окончательнаго закрѣпленія фактическихъ австрійскихъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ? Если онъ не понималъ опасности своего рѣшенія и не предвидѣлъ неизбѣжныхъ его послѣдствій, то объясняется ли это простымъ легкомысліемъ или чѣмъ другимъ? Баронъ Эренталь, какъ опытный и свѣдущій дипломатъ, не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ легкомысліи, ни въ невѣжествѣ; напротивъ, съ обычной дипломатической точки зрѣнія, онъ поступалъ вполнѣ разсчетливо и послѣдовательно. Заручившись одобреніемъ и безусловной поддержкою Германіи, онъ считалъ свое дѣло обезпечен-

нымъ при существующемъ международномъ положеніи въ Европѣ; отъ Россіи онъ вообще не ожидалъ протестовъ, въ виду ея давнишняго формальнаго согласія на отдачу Босніи съ Герцеговиною подъ власть Австро-Венгріи; на Балканахъ онъ имѣлъ готоваго соучастника въ болгарскомъ правительствѣ, заинтересованномъ въ признаніи независимости Болгаріи и въ „аннексіи" Восточной Румеліи; Турцію онъ надѣялся удовлетворить очищеніемъ Новобазарскаго округа, а относительно Сербіи и Черногоріи онъ довольствовался соображеніями объ ихъ ничтожествѣ и безсиліи предъ лицомъ могущественной имперіи Габсбурговъ. Казалось, что все было взвѣшено и принято во вниманіе вѣнскимъ кабинетомъ — но упущено изъ виду только одно обстоятельство: дѣло шло не о мертвой территоріи, а о живомъ народѣ, имѣющемъ также право голоса въ вопросѣ о будущей своей судьбѣ. Кромѣ сербской народности, населяющей двѣ турецкія провинціи и два славянскихъ государства — Сербію и Черногорію, на сцену выступилъ и турецкій народъ, пробудившійся къ сознательной политической жизни со времени введенія конституціи. Съ одной стороны, сербы обнаружили наклонность къ рѣшительному сопротивленію, не отступая предъ рискомъ военнаго разгрома, а съ другой стороны турки, пассивность которыхъ въ былое время вошла въ пословицу, оказали на этотъ разъ энергическій и систематическій отпоръ въ формѣ разрыва торговыхъ сношеній. Для дипломатіи до сихъ поръ существуютъ только правительства, съ которыми нужно ладить, а народы, ихъ интересы, ихъ чувства и стремленія, остаются гдѣ-то на заднемъ планѣ, безъ прямого вліянія на ходъ закулисныхъ комбинацій и событій. Между тѣмъ народы не соглашаются уже по прежнему молчать, когда ихъ не спрашиваютъ; они все чаще и сильнѣе вмѣшиваются во внѣшнюю политику, нарушаютъ самые обдуманные дипломатическіе планы и вносятъ элементъ живого національнаго чувства въ такую область, гдѣ до послѣдняго времени не было принято руководствоваться сознательными народными потребностями и желаніями. Баронъ Эренталь дѣйствовалъ по старымъ шаблонамъ и традиціямъ дипломатическаго искусства,—и въ этомъ заключается его ошибка. Демократическій тонъ современной жизни все болѣе прорывается наружу сквозь устарѣлыя формы традиціонной государственности, и для успѣховъ внѣшней политики уже недостаточны тѣ средства, какія практиковались въ эпоху берлинскаго конгресса. Въ этомъ пришлось убѣдиться Австро-Венгріи на дѣлѣ, при попыткѣ осуществленія задуманной ея дипломатами „аннексіи".

Чтобы выпутаться изъ тяжелаго длительнаго кризиса, вѣнскій кабинетъ вынужденъ былъ согласиться не только на значительныя уступки и обѣщанія, но и на крупныя финансовыя жертвы. Предва-

рительный проектъ австро-турецкаго соглашенія, подписанный въ Константинополѣ, изложенъ въ семи параграфахъ, сущность которыхъ заключается въ слѣдующемъ. Боснякамъ-мусульманамъ предоставлено въ теченіе трехъ лѣтъ выселяться въ предѣлы Оттоманской имперіи; населенію обезпечена свобода вѣры и совѣсти; въ мечетяхъ будетъ по прежнему поминаться имя султана въ установленныхъ молебствіяхъ, и мѣстное мусульманское духовенство остается подчиненнымъ шейхъ-уль-исламу. Австро-Венгрія обязывается уплатить Турціи два съ половиною милліона турецкихъ фунтовъ (около 25 милл. рублей) въ вознагражденіе за государственныя земли въ Босніи и Герцеговинѣ; австрійское правительство соглашается, чтобы съ 1 марта пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ Оттоманскую имперію, были повышены съ 11% до 15% съ цѣны, и чтобы установлена была монополія или увеличены ввозныя пошлины на керосинъ, папиросную бумагу, спиртные напитки и игральныя карты. Австро-венгерскія почтовыя учрежденія въ Оттоманской имперіи будутъ упразднены. Австро-Венгрія обѣщаетъ оказать поддержку турецкому правительству на предстоящей конференціи. Султанъ отказывается отъ своихъ верховныхъ правъ на Боснію и Герцеговину въ пользу австро-венгерской монархіи; австро-венгерское правительство въ свою очередь отказывается отъ своихъ правъ и привилегій въ Новобазарскомъ санджакѣ.—Этотъ проектъ соглашенія, одобренный въ принципѣ вѣнскимъ кабинетомъ, подлежитъ еще пересмотру и оцѣнкѣ со стороны венгерскаго министерства; нѣкоторые параграфы уже теперь вызываютъ серьезныя возраженія, — напр. правило о подчиненности боснійскаго мусульманскаго духовенства константинопольскому шейхъ-уль-исламу. Но никто не споритъ уже ни противъ денежнаго вознагражденія, ни противъ другихъ льготъ въ пользу Турціи; допускается и мысль о компенсаціи въ пользу Сербіи и Черногоріи. Опасность войны между австрійцами съ одной стороны и турками и сербами съ другой—можетъ считаться устраненною; уладится вѣроятно и параллельно возникшая распря между Болгаріею и Турціею, такъ какъ и въ этомъ случаѣ споръ вертится около цифръ денежнаго вознагражденія за румелійскую дань и за восточно-румелійскія желѣзныя дороги.

Австро-Венгрія выйдетъ изъ кризиса ослабленною, съ нѣкоторою потерею нравственно-политическаго авторитета, съ разстроеннымъ международнымъ положеніемъ, съ усиленною путаницею внутреннихъ національныхъ отношеній—и единственной формою удовлетворенія для противниковъ и обличителей этой неудачной авантюры явится отставка министра иностранныхъ дѣлъ, барона Эренталя. Очевидно, современный характеръ международной дипломатіи, насколько онъ

воплощается въ дѣятельности вѣнскаго кабинета, не соотвѣтствуетъ жизненнымъ интересамъ народовъ. Корень зла — не въ грѣхахъ и ошибкахъ отдѣльныхъ лицъ, а въ неправильной организаціи, которая безусловно нуждается въ преобразованіи. Сама имперія Габсбурговъ въ ея нынѣшнемъ видѣ есть въ сущности аномалія: это не государство и не союзъ государствъ и не федерація народностей, а конгломератъ областей и территорій, населенныхъ различными и отчасти враждующими между собою племенами, для которыхъ единственнымъ объединяющимъ началомъ должна служить династія. Эта исключительная въ своемъ родѣ династическая имперія преодолѣваетъ всякія трудности своего существованія именно благодаря внутреннему племенному антагонизму, вызывающему и оправдывающему необходимость внѣшней объединяющей власти; не будь этого антагонизма, искусственный династическій характеръ имперіи потерялъ бы свой raison d'être, и мирная федерація племенъ могла бы установиться на прочныхъ демократическихъ основахъ. Насколько поддержаніе этого антагонизма входитъ въ программу австрійскихъ правящихъ круговъ, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ фактовъ. Въ Прагѣ долго устраивались особыя уличныя шествія нѣмецкихъ студентовъ, вызывавшія рѣшительные протесты чешскихъ обывателей. Чѣмъ сильнѣе возмущались чехи, тѣмъ упорнѣе возобновлялись еженедѣльные нѣмецкіе „буммели", сопровождаемые драками и безпорядками. Нѣмцы считали своимъ патріотическимъ долгомъ дѣлать то, что̀ непріятно чехамъ, и въ этомъ отношеніи имѣли на своей сторонѣ мѣстную правительственную власть. Наконецъ, чехи попробовали на одинъ разъ оставить безъ вниманія нѣмецкую процессію—и какъ только нѣмцы убѣдились, что ихъ „буммели" перестали раздражать населеніе, они тотчасъ же сами прекратили свои ненужныя шествія по улицамъ Праги. Дразнить иноплеменниковъ, показывать имъ свое пренебреженіе или неуваженіе, нарочно дѣлать то, что̀ вызываетъ ихъ протесты, — такова политика господствующихъ національностей въ Австро-Венгріи. Итальянскіе обыватели давно добиваются учрежденія своего національнаго университета въ Тріестѣ, и вѣнское правительство послѣ многихъ обѣщаній и проволочекъ рѣшилось наконецъ устроить теперь итальянскій юридическій факультетъ—но не въ Тріестѣ, какъ центрѣ итальянскаго населенія, а въ Вѣнѣ, гдѣ нѣтъ итальянцевъ. Это сдѣлано какъ будто только для того, чтобы не показать вида уступчивости итальянцамъ, и въ результатѣ опять усилилось безплодное, никому ненужное раздраженіе среди представителей такой народности, съ которою Австрія имѣетъ вѣскіе мотивы поддерживать близкія, сочувственныя отношенія. Принципъ равноправности національностей далеко не пользуется еще признаніемъ въ

Австро-Венгріи на практикѣ, и это неравенство особенно ярко выразилось въ способѣ дѣйствій вѣнскаго кабинета относительно сербскаго населенія Босніи и Герцеговины.

Въ Германіи общественное мнѣніе продолжаетъ заниматься вопросомъ о новой конституціонной роли Вильгельма II. Императоръ, повидимому, скромно подчинился единодушной народной волѣ и рѣшилъ воздержаться отъ публичныхъ заявленій и частныхъ разговоровъ на политическія темы, если эти заявленія и разговоры не одобрены предварительно его канцлеромъ. При празднованіи столѣтняго юбилея прусскаго городского самоуправленія, въ ноябрѣ прошлаго года, всѣми замѣчено было, что Вильгельмъ II получилъ текстъ своей рѣчи изъ рукъ князя Бюлова и аккуратно прочиталъ эту рѣчь, прибавивъ въ концѣ только привѣтственную фразу по адресу Берлина. При новогоднемъ пріемѣ командующихъ генераловъ императоръ говорилъ о спеціальныхъ военныхъ дѣлахъ, упомянулъ затѣмъ въ меланхолическомъ тонѣ о непріятныхъ послѣдствіяхъ напечатанія отчета объ его бесѣдахъ въ „Daily Telegraph" и въ заключеніе прочелъ съ своими одобрительными комментаріями статью бывшаго начальника генеральнаго штаба, графа Шлифена, помѣщенную безъ подписи въ январьской книжкѣ журнала „Deutsche Revue". Въ этой статьѣ, рядомъ съ военно-техническими соображеніями о будущей европейской войнѣ, высказываются нѣкоторыя мысли о политическомъ положеніи Германіи, окруженной съ трехъ сторонъ могущественными врагами—Франціей, Англіей и Россіей, и вынужденной, поэтому, быть постоянно на сторожѣ; положеніе это представляется тѣмъ болѣе опаснымъ, что главная союзница Германіи, Австро-Венгрія, умышленно будто бы вовлечена въ сложныя балканскія предпріятія и поглощена внутренними національными раздорами, а Италія фактически сблизилась съ Англіей и Франціею, такъ что на тройственный союзъ полагаться нельзя. Чтеніе этого очерка въ интимномъ военномъ кружкѣ сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ и послужило предметомъ оживленныхъ споровъ въ газетахъ; многіе находили, что императоръ нарушилъ свое обязательство, затронувъ щекотливые вопросы внѣшней политики подъ видомъ изложенія и обсужденія чужихъ взглядовъ. Строгіе блюстители конституціонныхъ началъ не щадили Вильгельма II; другіе заступались за него, и наученный горькимъ опытомъ императоръ отнесся къ этой полемикѣ съ должнымъ вниманіемъ, не выразивъ съ своей стороны никакого чувства обиды или неудовольствія.

Въ сущности эти преувеличенныя заботы о молчаніи императора и о подчиненіи всѣхъ его политическихъ разговоровъ цензурѣ импер-

скаго канцлера проистекаютъ изъ какого-то страннаго конституціоннаго недоразумѣнія или недомыслія. Почему надо бояться словъ, а не дѣйствій? Вильгельмъ II держитъ въ своихъ рукахъ всѣ военныя силы имперіи и имѣетъ законную возможность подготовить и предпринять войну въ каждый данный моментъ, не справляясь съ мнѣніями и желаніями парламента; онъ смѣняетъ и назначаетъ канцлера по своему усмотрѣнію, и въ этихъ чрезмѣрныхъ полномочіяхъ кроется источникъ дѣйствительной грозной опасности для спокойствія и свободнаго внутренняго развитія Германіи. Однако, нѣмецкіе патріоты не принимаютъ мѣръ для устраненія или ограниченія этой опасности; они мирятся съ существующимъ имперскимъ строемъ, въ которомъ руководящая роль принадлежитъ императору, и въ то же время проникаются чувствомъ тревоги, когда этотъ могущественный безотвѣтственный правитель позволяетъ себѣ разсуждать о политикѣ. Какое значеніе можетъ имѣть мнимая отвѣтственность канцлера за слова и дѣйствія императора, когда самъ канцлеръ всецѣло и исключительно зависитъ отъ доброй воли монарха? Князь Бюловъ можетъ быть во всякое время уволенъ въ отставку и замѣненъ какимъ-нибудь подходящимъ придворнымъ сановникомъ или генераломъ; имперскій сеймъ не имѣетъ вліянія на выборъ или указаніе кандидатовъ на этотъ высшій правительственный постъ въ имперіи, и всякій вновь назначенный канцлеръ будетъ по необходимости гораздо болѣе заботиться о расположеніи и довѣріи императора, чѣмъ о сочувствіи парламента. При такихъ условіяхъ имперскій канцлеръ совершенно не годится для приписываемой ему роли отвѣтственнаго совѣтника и руководителя короны; онъ поневолѣ остается только исполнителемъ и царедворцемъ, лишеннымъ иниціативы, постоянно лавирующимъ между придворными сферами и господствующими парламентскими партіями. Канцлеръ не связанъ ни съ какимъ парламентскимъ большинствомъ и можетъ самъ способствовать перемѣнѣ состава этого большинства, какъ это устроилъ Бюловъ своимъ либерально-консервативнымъ „блокомъ", направленнымъ противъ наиболѣе многочисленной и тѣсно сплоченной партіи католическаго центра; благодаря этому канцлерскому „блоку", центръ, бывшій долго оплотомъ консервативнаго большинства, оттѣсненъ къ меньшинству и осужденъ на роль оппозиціи. Канцлеръ представляетъ собою руководящую и направляющую силу государственной власти предъ парламентомъ; но вся его сила исчезаетъ предъ императоромъ, пока онъ остается только его первымъ сановникомъ. Онъ становится силою и авторитетомъ для императора только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ему приходится выступать предъ нимъ въ качествѣ выразителя единодушнаго общественнаго и народнаго мнѣнія. Но и въ этихъ исключительныхъ

случаяхъ отъ Вильгельма II зависѣло бы отклонять совѣты и сообщенія канцлера, или требовать отъ него только такихъ свѣдѣній и совѣтовъ, которые были бы пріятны ему, императору; если онъ этого не дѣлаетъ, а напротивъ, склоняется предъ сообщеннымъ ему народнымъ мнѣніемъ, то это показываетъ, насколько ему присуще чувство личной совѣсти, въ связи съ сознаніемъ политической отвѣтственности предъ страною и народомъ.

Нѣмецкое общество отдаетъ справедливость этимъ благороднымъ личнымъ чувствамъ Вильгельма II, и въ день его пятидесятилѣтія, 27 января (нов. ст.), даже нѣкоторыя изъ оппозиціонныхъ газетъ привѣтствовали его сочувственными статьями; ему ставили въ заслугу именно то, что онъ подчинился голосу общественнаго мнѣнія и что, по его собственнымъ словамъ, онъ хочетъ „жить въ мирѣ съ своимъ народомъ". Но не было недостатка и въ суровыхъ упрекахъ и порицаніяхъ. „Безъ сомнѣнія, — говорится въ одномъ вестфальскомъ органѣ,—это жестокая, трагическая судьба: человѣкъ двадцать лѣтъ посвящалъ свои силы извѣстной работѣ, дѣйствовалъ въ данной области по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія—и потомъ ему даютъ понять, что его способъ работы былъ ошибочный, что его дѣятельность не имѣла успѣха и что его ожиданія не исполнились. Никто не откажетъ въ состраданіи Вильгельму II, испытавшему эту печальную судьбу. Онъ заслуживаетъ состраданія особенно потому, что его лично любятъ, какъ и его семью, и приходится сожалѣть, что его высокія стремленія направлены были на ложный путь". Оппозиція справедливо указывала, что празднованіе его пятидесятилѣтняго юбилея, состоявшееся съ большою пышностью и привлекшее въ Берлинъ всѣхъ союзныхъ германскихъ государей, кромѣ престарѣлаго баварскаго регента, не ознаменовалось никакимъ политическимъ актомъ, никакою амнистіею, никакими льготами или уступками въ пользу народа; празднество, не смотря на простодушное участіе въ немъ значительной части населенія, имѣло чисто-придворный характеръ, и обывателямъ оставалось только равнодушно просматривать длинные газетные списки военныхъ и штатскихъ чиновъ, награжденныхъ по этому случаю орденами. Правда, ордена достались и нѣкоторымъ либеральнымъ парламентскимъ дѣятелямъ, но этимъ не измѣнялось общее положеніе. Быть можетъ, лично Вильгельмъ II по прежнему пользуется симпатіями въ народѣ; но наивная вѣра въ него подорвана и авторитетъ его сильно поколебленъ: онъ самъ какъ будто остался безъ всякой опредѣленной программы.

Либеральныя партіи, робко слѣдующія за правительствомъ въ составѣ парламентскаго блока, играютъ довольно жалкую роль; онѣ неустанно напоминаютъ князю Бюлову о своихъ давнишнихъ требо-

ваніяхъ и ожиданіяхъ, терпѣливо надѣются на будущія реформы и сохраняютъ всю свою энергію для борьбы противъ единственной активной нѣмецкой партіи—соціалъ-демократической. За два дня до юбилея Вильгельма II начались въ прусской палатѣ депутатовъ пренія о реформѣ избирательнаго права. Казалось бы, что по этому вопросу не могло быть существенныхъ разногласій ни среди либеральныхъ группъ, ни между либералами и правительствомъ. Необходимость реформы признана давно и неоднократно провозглашалась въ оффиціальныхъ министерскихъ программахъ. Въ октябрѣ прошлаго года, при открытіи прусскаго сейма, король Вильгельмъ II торжественно произнесъ слѣдующія слова: „Я выражаю свою волю, чтобы постановленія объ избирательномъ правѣ при выборахъ въ палату депутатовъ получили дальнѣйшее органическое развитіе, которое соотвѣтствовало бы хозяйственному развитію, распространенію образованія и политическаго разумѣнія, а также усиленію чувства государственной отвѣтственности. Я усматриваю въ этомъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ современности. Ея значеніе для всей государственной жизни требуетъ обширныхъ предварительныхъ работъ, которыя производятся моимъ правительствомъ съ надлежащею настойчивостью". Четыре мѣсяца спустя, 19 января, при обсужденіи бюджета въ прусской палатѣ депутатовъ, князь Бюловъ заявилъ, что по вопросу объ избирательномъ правѣ онъ, къ сожалѣнію, не можетъ ничего прибавить къ сказанному въ тронной рѣчи, и что приготовительныя работы производятся съ большимъ усердіемъ. Въ палату депутатовъ были внесены три проекта избирательной реформы—свободомыслящими, націоналъ-либералами и поляками. Свободомыслящіе требовали всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, съ закрытой подачей голосовъ; націоналъ-либералы предлагали, сверхъ прямого и тайнаго голосованія, ввести систему множественности голосовъ въ зависимости отъ имущественнаго и образовательнаго ценза, настаивая вмѣстѣ съ тѣмъ на новомъ распредѣленіи избирательныхъ участковъ. Наканунѣ парламентскаго обсужденія этихъ проектовъ, 24 января, соціалъ-демократы устроили въ Берлинѣ рядъ внушительныхъ уличныхъ демонстрацій, въ которыхъ, по отзывамъ газетъ, участвовало около 25 тысячъ рабочихъ. Толпы народа двигались по улицамъ, распѣвая рабочую марсельезу или повторяя возгласы въ честь всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; иногда раздавались крики: „долой Бюлова!". Полиція на этотъ разъ отличалась своею сдержанностью; только улицы, ведущія ко дворцу, были закрыты для демонстрантовъ. Императоръ съ императрицей проѣхался по улицамъ, по обыкновенію, безъ всякихъ исключительныхъ мѣръ предосторожности. Въ разныхъ мѣстахъ столицы и предмѣстій состоялось восемнадцать многолюдныхъ публич-

ныхъ собраній, на которыхъ соціалъ-демократическіе ораторы произносили рѣчи на тему о свободномъ избирательномъ правѣ. На слѣдующій день населеніе успокоилось, и никакихъ демонстрацій не было; пренія въ палатѣ велись вяло и скучно, безъ участія выдающихся прогрессивныхъ дѣятелей. Представители консервативной партіи обмѣнивались любезностями съ ораторами центра, намекая на возможность сближенія, вопреки правительственному „блоку"; націоналъ-либералы возражали центру и консерваторамъ; свободомыслящіе доказывали справедливость своихъ основныхъ положеній. Изъ членовъ правительства присутствовалъ только министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Мольтке; онъ предупредилъ палату въ началѣ засѣданія, что не имѣетъ въ виду участвовать въ преніяхъ, такъ какъ правительство еще не закончило необходимыхъ приготовленій къ выработкѣ проекта новаго избирательнаго закона. Соціалъ-демократы не высказывались, считая, очевидно, излишнимъ обсужденіе проектовъ, не имѣющихъ никакихъ шансовъ успѣха. Въ засѣданіи 26 января пренія были закончены; предложенія свободомыслящихъ и поляковъ были отклонены; важнѣйшій пунктъ требованій націоналъ-либераловъ—о прямомъ избирательномъ правѣ—отвергнутъ большинствомъ 168 противъ 165 голосовъ, т.-е. на сторонѣ противниковъ былъ перевѣсъ только въ три голоса; другое требованіе—о тайной подачѣ голосовъ—также отклонено ничтожнымъ большинствомъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ партія центра голосовала заодно съ либералами и соціалъ-демократами. Отвергнуто и требованіе пересмотра устарѣлаго распредѣленія избирательныхъ участковъ. Весь вопросъ провалился позорнѣйшимъ образомъ при общемъ равнодушіи публики, такъ какъ заранѣе было извѣстно, что правительство остается пока въ сторонѣ и не торопится выступить съ обѣщанной реформою; многіе прогрессивные депутаты даже отсутствовали въ палатѣ при голосованіи.

Оппозиція въ данномъ случаѣ не особенно заботилась о побѣдѣ, которая не имѣла бы практическаго значенія и могла бы причинить непріятность князю Бюлову; либералы предпочитаютъ ждать, чтобы самъ министръ-президентъ взялся за осуществленіе обѣщанія октябрьской тронной рѣчи, а пока они довольствуются выслушиваніемъ успокоительныхъ правительственныхъ разъясненій по поводу разныхъ характерныхъ особенностей прусскаго сословно-бюрократическаго режима. Такъ, изъ рѣчи статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, фонъ-Шёна, депутаты узнали, что на дипломатической службѣ имперіи состоятъ почти исключительно представители дворянскихъ фамилій и что изъ общаго числа 137 дипломатовъ разнаго ранга только девять человѣкъ принадлежатъ къ среднимъ классамъ; но чтобы смягчить впечатлѣніе, произведенное этими цифрами, фонъ-Шёнъ занялся

разборомъ личнаго состава служащихъ по дипломатическому вѣдомству дворянъ, причемъ оказалось, что изъ нихъ только 70—истинно-дворянскаго происхожденія, а 58 дворянъ вышли изъ буржуазной среды. И либеральнымъ нѣмецкимъ газетамъ приходится доказывать, что для дипломатической дѣятельности нужны прежде всего знающіе и талантливые люди, а не только салонные кавалеры, обладающіе подходящею фигурою и внѣшнимъ лоскомъ, какъ утверждалъ статсъ-секретарь фонъ-Шёнъ. Господствующимъ партіямъ — аграріямъ, крупнымъ землевладѣльцамъ и промышленникамъ — живется хорошо и привольно при старомъ избирательномъ законѣ, обезпечивающемъ имъ всегдашнее большинство въ прусскомъ парламентѣ, и доводы разумной справедливости едва ли заставятъ ихъ отказаться отъ занятой позиціи въ пользу безпокойныхъ низшихъ классовъ населенія. А канцлеръ, князь Бюловъ, не станетъ ссориться съ близкими ему консервативными партіями ради удовлетворенія желаній безсильныхъ и разрозненныхъ либерально-прогрессивныхъ группъ. И безъ того онъ возбудилъ неудовольствіе консерваторовъ финансовыми проектами, внесенными въ имперскій сеймъ и направленными къ увеличенію налоговъ на колоссальную сумму въ 500 милліоновъ марокъ въ годъ, съ цѣлью установленія прочнаго равновѣсія въ имперскомъ бюджетѣ; съ наибольшею энергіею возстаютъ эти владычествующія партіи противъ проекта повышенной пошлины съ наслѣдствъ. Правительство ближе заинтересовано въ успѣхѣ своей финансовой программы, чѣмъ въ осуществленіи либеральныхъ предположеній, включаемыхъ иногда въ тронныя рѣчи только для того, чтобы поддерживать хорошее настроеніе „лойяльной“ буржуазіи.

Во Франціи было очень немного министерствъ, которыя такъ долго и прочно оставались бы у власти, какъ министерство Клемансо. Уже третій годъ—съ октября 1906 года—оно управляетъ дѣлами, удачно лавируя между многочисленными затрудненіями внутренней и внѣшней политики; самъ глава кабинета поражаетъ всѣхъ своей неутомимой дѣятельностью, своею находчивостью и остроуміемъ въ парламентской борьбѣ, своею юношескою страстностью, совершенно необычною въ человѣкѣ, достигшемъ 67-лѣтняго возраста. Подобно всѣмъ радикаламъ, занявшимъ отвѣтственные правительственные посты, Клемансо сдѣлался оппортунистомъ и мало-по-малу измѣнилъ и ограничилъ существенныя требованія своихъ прежнихъ республиканскихъ программъ; онъ легко и бодро вступалъ въ самые смѣлые компромиссы и всегда находилъ для нихъ достаточно убѣдительныя и правдоподобныя объясненія. Будучи въ теоріи радикаломъ-соціалистомъ, онъ

на дѣлѣ относится къ рабочему классу не хуже и не лучше любого интеллигентнаго представителя буржуазіи; принципіальный противникъ войны, всякихъ завоеваній и насилій, онъ не съумѣлъ или не стремился избавить Францію отъ тягостной и разорительной марокккской экспедиціи, все болѣе пріобрѣтающей какой-то безнадежный хроническій характеръ. Какъ французскій патріотъ, онъ, за отсутствіемъ другихъ надежныхъ союзниковъ на материкѣ, твердо стоитъ за союзъ съ Россіею, независимо отъ ея политическаго режима, и послѣдовательно способствуетъ снабженію ея правительства капиталами путемъ займовъ на французскомъ рынкѣ. Отвергая въ принципѣ смертную казнь, онъ, вмѣстѣ съ такимъ же радикаломъ, министромъ юстиціи Бріаномъ, рѣшается вновь допустить употребленіе гильотины и склоняетъ къ тому же рѣшенію президента республики Фалльера, только на томъ основаніи, что французское общественное мнѣніе и его высшій органъ — парламентъ — высказываются за примѣненіе смертной казни противъ худшихъ категорій убійцъ. Въ то же время министерство Клемансо-Бріана остается министерствомъ прогрессивныхъ и отчасти радикальныхъ реформъ; оно настойчиво проводитъ и отстаиваетъ весьма важный законопроектъ о подоходномъ налогѣ и выдерживаетъ на этой почвѣ упорную борьбу съ вліятельными буржуазными партіями. Систематическое противодѣйствіе консервативной оппозиціи затрудняетъ каждый шагъ впередъ въ этой серьезной законодательной работѣ, и въ теченіе почти двухлѣтняго обсужденія принято до сихъ поръ немногимъ болѣе половины изъ общаго числа 97 параграфовъ закона.

Французская палата депутатовъ за послѣдніе мѣсяцы удѣляла очень много времени и вниманія иностраннымъ и особенно марокккскимъ дѣламъ, въ которыхъ роль противника и обвинителя правительства неизмѣнно бралъ на себя Жорѐсъ. Рѣзкія нападенія и обличенія даровитаго оратора оставались, однако, безплодными по существу и нерѣдко основывались на произвольныхъ догадкахъ и предположеніяхъ, опровергаемыхъ фактами. Сильный и ядовитый въ критикѣ дѣйствій правительства и его органовъ, Жорѐсъ не предлагаетъ съ своей стороны никакой опредѣленной программы или ограничивается двусмысленными совѣтами сблизиться съ Германіею и уступить ей первенство въ Марокко. Этотъ недостатокъ положительной стороны его рѣчей по внѣшней политикѣ ослабляетъ силу его ударовъ и позволяетъ министрамъ успѣшно отражать нападенія, истинная цѣль которыхъ остается неясною для публики.

Иногда въ палатѣ возбуждаются пренія о Россіи — въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о новомъ русскомъ займѣ. Въ засѣданіи 21 января соціалистъ Руанэ внесъ проектъ резолюціи слѣдующаго

содержанія: „Палата приглашаетъ правительство не разрѣшать выпуска во Франціи цѣнныхъ бумагъ иностранныхъ государствъ безъ предварительнаго сообщенія парламенту о мѣрахъ, принятыхъ для обезпеченія національныхъ интересовъ". Мотивируя свое предложеніе, Руанэ объяснилъ, что французы „не должны доставлять Россіи средства на содержаніе агентовъ-провокаторовъ въ Парижѣ и вообще на поддержку существованія и агоніи современнаго русскаго режима". Значительная часть палаты протестовала противъ этихъ словъ, и президентъ предложилъ оратору не касаться внутреннихъ дѣлъ чужой державы. Руанэ упомянулъ затѣмъ о дѣятельности русскаго правительства въ Персіи, гдѣ оно будто бы защищаетъ самовластіе и жестокости шаха. Министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ, отвѣчая депутату Руанэ, подчеркнулъ единодушіе огромнаго большинства палаты въ отклоненіи неумѣстныхъ намековъ на внутреннія дѣла Россіи. Что касается вопроса о займѣ, то министръ напомнилъ, что французское правительство рѣшило допускать помѣщеніе русскаго займа во Франціи не иначе какъ подъ условіемъ соблюденія конституціонныхъ гарантій, требуемыхъ для дѣйствительности займа. „Въ настоящее время—продолжалъ министръ — русское правительство, въ согласіи съ конституціонной Думою, спрашиваетъ у насъ разрѣшенія выпустить на французскомъ рынкѣ заемъ, представляющій эти гарантіи. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы союзная держава была какъ можно болѣе могущественна; никогда франко-русскій союзъ не былъ тѣснѣе и не примѣнялся съ большею лояльностью во всѣхъ странахъ міра, чѣмъ въ настоящій моментъ". Послѣ дополнительныхъ объясненій министра финансовъ Кальо о финансовой сторонѣ займа, палата большинствомъ 430 противъ 104 голосовъ отвергла проектъ резолюціи Руанэ. Очевидно, для Руанэ и его партіи это шаблонное, крайне поверхностно и кратко мотивированное выступленіе противъ русской политики было лишь исполненіемъ какой-то никому ненужной традиціонной формальности, а вовсе не дѣломъ серьезнаго убѣжденія или сознательной партійной тактики.

ДВА ПИСЬМА М. Г. ЧЕРНЯЕВА

О

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, я случайно попалъ въ сотрудники газеты „Русскій Міръ", во главѣ которой стоялъ тогда генералъ Черняевъ. Эта газета имѣла какой-то странный двойственный характеръ: съ одной стороны, въ ней печатались сумбурныя реакціонныя разсужденія Ростислава Ѳадѣева, а съ другой — она вела горячую и смѣлую борьбу противъ бюрократическаго строя управленія, нападала на произволъ и хищенія самовластнаго чиновничества, отстаивала идею участія народа въ государственныхъ дѣлахъ, насколько это допускалось цензурными условіями, и особенно громила канцелярскій режимъ въ двухъ вѣдомствахъ: военномъ и дипломатическомъ. Рѣзко-оппозиціонныя статьи появлялись тогда только въ „Русскомъ Мірѣ"; правда, онѣ окрашивались иногда тенденціями московскаго славянофильства, но большею частью задѣвали дѣйствительно больныя мѣста нашей государственности.

Изъ личныхъ разговоровъ съ М. Г. Черняевымъ я вынесъ убѣжденіе, что его нападки на бюрократію и на владычество нѣмцевъ мѣтятъ гораздо выше и дальше, чѣмъ думали его союзники и приверженцы. Крайне сдержанный и мягкій по натурѣ, онъ съ истинно-военнымъ прямодушіемъ высказывался о предметахъ и вопросахъ, считавшихся запретными для печати. Возникшее въ 1875 году славянское движеніе было для него дѣломъ не только внѣшней, но и внутренней политики; онъ вѣрилъ въ національный подъемъ Россіи и ожидалъ отъ него самыхъ благотворныхъ послѣдствій для страны,

хотя внутреннее положеніе онъ понималъ довольно плохо. Я принялъ его предложеніе завѣдывать иностраннымъ отдѣломъ въ „Русскомъ Мірѣ“ и сталъ съ увлеченіемъ писать передовыя статьи противъ придворной дипломатіи, пренебрегавшей общественнымъ мнѣніемъ и привыкшей руководствоваться не народными или государственными интересами, а фамильно-династическими соображеніями и комбинаціями.

Къ этому времени относятся приводимыя ниже два письма М. Г. Черняева, представляющія интересъ и для настоящаго времени. Съ этими письмами произошелъ у меня впослѣдствіи любопытный анекдотъ. Въ началѣ 1880 года у меня былъ обыскъ, и по обыкновенію всѣ бумаги и письма, вынутыя изъ ящиковъ письменнаго стола, были приготовлены къ отправкѣ куда слѣдуетъ. Пакетъ съ письмами Черняева обратилъ на себя вниманіе полицейскаго офицера, производившаго обыскъ, и когда онъ началъ съ благоговѣніемъ разсматривать почеркъ популярнаго генерала, я съ ужасомъ вспомнилъ, что въ одномъ изъ писемъ находятся весьма рискованныя строки, которыя могли бы сильно скомпрометировать автора. Между тѣмъ самый фактъ моего знакомства и переписки съ Черняевымъ сразу произвелъ успокоительное впечатлѣніе на жандармовъ, и такъ какъ вообще у меня ничего предосудительнаго не было найдено, то, пошептавшись между собою, они рѣшили оставить всѣ собранныя бумаги и удовольствоваться отмѣткою въ протоколѣ объ отрицательномъ результатѣ обыска.

Первое письмо, безъ даты, касается дипломатической кампаніи 1876 года и представляетъ собою возраженіе противъ мысли о мирномъ способѣ рѣшенія балканскаго кризиса:

„Мнѣ стало какъ-то неловко, когда я прочиталъ сегодня въ передовой статьѣ „Р. М.“ предложеніе о коммиссіи для умиротворенія выведеннаго изъ терпѣнія народа. Возможно ли предлагать по примѣру „Голоса“ новую „коммиссію наблюденія надъ коммиссіею умиротворенія“ („Новое Время“), когда населеніе на ножахъ стоитъ другъ противъ друга, когда уже нѣтъ пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, когда толпа въ Бѣлградѣ разбила стекла въ домѣ австрійскаго посольства, искалѣчивъ при этомъ двухъ австрійцевъ, когда австрійскій чиновникъ всенародно плюнулъ въ глаза русскому народу, за то, что интересы послѣдняго не сходятся съ австрійскими. — Сегодняшняя телеграмма извѣщаетъ, что всѣ австрійскіе фонды разомъ упали, въ виду наступившаго срока для рѣшенія грознаго восточнаго вопроса. Возможно ли, чтобы такой міровой вопросъ былъ устраненъ какой-то коммиссіей, сочиненной въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и поддерживаемой

„Голосомъ“ и „Русскимъ Міромъ“? Намъ, понявшимъ съ перваго раза значеніе герцеговинскаго возстанія, — а понято оно было вслѣдствіе изученія дѣла еще съ 1867 года,—уступать справедливо занятое нами въ печати мѣсто „Новому Времени“, „Пет.“ или „Моск. Вѣд.“, заговорившимъ теперь языкомъ 60-хъ годовъ въ этомъ дѣлѣ, было бы по меньшей мѣрѣ непрактично.

„Событія выяснили уже теперь для всѣхъ то, что было вначалѣ понято только нами; а потому намъ твердо слѣдуетъ держаться указаній самихъ фактовъ. Программа наша должна быть слѣдующая: интересы Австріи совершенно противоположны русскимъ интересамъ и союзъ съ Австріей есть вредная для насъ аномалія. Отвратить событій уже нельзя. Дни Турціи сочтены. Европейскую войну возможно отсрочить только согласивъ Австрію предоставить христіанамъ самимъ попробовать свои силы противъ турокъ. Если турки возьмутъ верхъ, вмѣшательство въ пользу христіанъ для насъ обязательно“.

Второе письмо—изъ Москвы, отъ 11 іюля 1877 г.:

„М. Г.—Съ истиннымъ удовольствіемъ прочиталъ я сегодня передовую статью въ 184 № „Русскаго Міра“ и вполнѣ раздѣляю Ваше мнѣніе, что другой цѣли для настоящей войны, какъ изгнаніе турокъ изъ Европы, быть не можетъ. Въ теченіе почти 150 лѣтъ мы много затѣвали войнъ въ угоду нашимъ сосѣдямъ, въ рукахъ которыхъ были орудіями, безъ всякой для себя пользы. Армія дралась, не зная, за что̀ дерется; народъ выносилъ тягости войны, также не зная ея причины. Каждая война объяснялась: что нѣмецъ, австріякъ или французъ бунтуютъ. Армія до высшихъ чиновъ включительно искала только побѣды, не заботясь объ результатахъ ея. Тогда можно было великодушничать сколько угодно и прекращать военныя дѣйствія когда угодно. Теперь, когда вся Россія и вся армія знаютъ за что̀ борются, уже нельзя великодушничать, хотя бы султанъ не только написалъ письмо, но и самъ лично пріѣхалъ просить мира.

„Мы не можемъ также отступать ни предъ какими дипломатическими угрозами, а только передъ дѣйствительной силой, и то помѣрившись съ ней предварительно. Къ несчастію, съ воцаренія нынѣшней династіи, наша политика сдѣлалась защитницей самаго закорузлаго европейскаго легитимизма, тогда какъ сила наша въ борьбѣ противъ Европы основана на совершенно противоположномъ принципѣ. При существованіи у насъ крѣпостного права мы, конечно, не могли еще говорить съ Европой такъ, какъ можемъ теперь, послѣ освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею. Первымъ шагомъ къ такому разговору будетъ введеніе поземельной собственности въ Болгаріи на

основаніи Положенія 19 февраля. Если кн. Черкасскому удастся осуществить эту мысль, то онъ сдѣлаетъ великое для Россіи дѣло.

„Въ отвѣтъ на Ваше любезное письмо отъ 6-го іюля я прибавлю къ сказанному, что я не довѣряю ни искусству дипломатіи нашей, ни увѣреніямъ Австріи и даже Германіи. Вотъ почему мнѣ кажется, что мы рискуемъ много, когда наступитъ рѣшительная минута, если не опредѣлимъ теперь же ясно, какъ черное на бѣломъ, кто наши враги и кто наши друзья. — Вѣдь сыграли же съ нами штуку въ 53-мъ году. Во всякомъ случаѣ мы недостаточно развили наши военныя средства, чтобы противодѣйствовать случайностямъ.—Мнѣ кажется, что намъ необходимо сосредоточить въ Кіевѣ сильную армію, въ видѣ резерва для Дунайской, но въ сущности для наблюденія за Австріей, и собрать сильный корпусъ въ Астрахани въ видѣ резерва для Кавказа. Тогда мы можемъ спокойно подвигаться къ Константинополю.

„Безъ этихъ заблаговременно принятыхъ предосторожностей я не вѣрю, чтобы мы имѣли въ виду брать Царьградъ.

„Искренно уважающій

М. Черняевъ.

„P. S. Я имѣю свѣдѣнія, что на Дунаѣ происходитъ ожесточенная борьба между дипломатами и военными,—одни тащатъ впередъ, другіе—назадъ. Отъ того, кто перетащитъ, будетъ зависѣть или громадная популярность власти, или упадокъ ея значенія въ народѣ. Послѣднее для меня даже болѣе желательно“.

Мнѣніе Черняева о необходимости энергической политики на ближнемъ Востокѣ раздѣлялось тогда очень многими, даже вовсе не сочувствовавшими его общимъ военно-политическимъ взглядамъ. Казалось, что освобожденіе балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига послужитъ исходной точкой нашего собственнаго освободительнаго движенія и облегчитъ намъ выходъ изъ того состоянія апатіи, которое наступило у насъ послѣ начавшейся ломки прогрессивныхъ реформъ 60-хъ годовъ.

Эти надежды, какъ извѣстно, не оправдались. Событія всколыхнули нашу государственную и общественную жизнь, но не коснулись основъ прежняго политическаго режима. Русско-турецкая война оказалась безплодною именно потому, что не было и не могло быть сознательной и послѣдовательной національной политики при господствѣ случайныхъ и перемѣнчивыхъ придворныхъ вліяній, составляющихъ обычную обстановку бюрократическаго самодержавія.

Нельзя думать объ энергической и предпріимчивой внѣшней политикѣ, когда вся внутренняя жизнь государства идетъ ненормально и когда народъ не обезпеченъ въ своихъ законнѣйшихъ, элементарныхъ правахъ и интересахъ. Въ этомъ отношеніи, не смотря на существованіе Государственной Думы, наши общія условія не измѣнились къ лучшему съ тѣхъ поръ какъ мы впервые соблазнились перспективою радикальнаго рѣшенія турецко-славянскаго вопроса.

Л. Слонимскій.

ОТВѢТЪ ЕЛ. ИВ. АПРѢЛЕВОЙ

по поводу протеста г-жи Маріанны Дювернуа-Віардо.

Въ январьской книжкѣ журнала (стр. 438 и 439) было помѣщено письмо ко мнѣ г-жи Маріанны Дювернуа-Віардо съ ея протестомъ по поводу помѣщенія въ „Русск. Вѣдомостяхъ" писемъ г. Ардову, подписанныхъ ея именемъ, между тѣмъ какъ она никогда ему ничего не писала и даже не слышала его имени. Одно изъ этихъ писемъ и, дѣйствительно, самое важное, было приведено изъ „Русск. Вѣдомостей" и въ „Вѣстникѣ Европы". Исполняя просьбу г-жи Дювернуа-Віардо напечатать ея протестъ, я тогда же выразилъ мысль, что во всемъ этомъ должно было произойти одно недоразумѣніе: г. „Ардовъ", это—псевдонимъ писательницы *Ел. Ив. Апрѣлевой;* еслибы г-жа Дювернуа знала, кому принадлежитъ псевдонимъ, то, вѣроятно, не было бы и протеста съ ея стороны. На мое обращеніе къ г-жѣ Апрѣлевой, она отвѣчала мнѣ нижеслѣдующимъ письмомъ, съ приложеніемъ подлинныхъ документовъ въ оригиналѣ—и теперь вопросъ объ авторѣ тѣхъ писемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

„*Гатчина,* 14-го января 1909 г.—М. Г., возникшее недоразумѣніе я имѣю возможность разъяснить, прилагая въ подлинникѣ три письма ко мнѣ г-жи Маріанны Дювернуа, и мою статью, напечатанную въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ конецъ которой вошли—не цѣлый рядъ писемъ г-жи М. Дювернуа, какъ то сказано въ замѣткѣ [1]), а выдержки всего изъ трехъ имѣющихся у меня отъ нея писемъ.

„Первыя два письма, отъ 6 апрѣля и 5 мая н. ст. 1883 г., были адресованы въ Севастополь, а послѣднее, отъ 18 октября н. ст. того же года—въ Орловскую губернію, но не г-ну Ардову, котораго г-жа Маріанна Дювернуа несомнѣнно не знаетъ, а Еленѣ Ивановнѣ Бларамбергъ—моя фамилія до замужества.

„Выдержки изъ этихъ писемъ, полученныхъ мною въ отвѣтъ на мою просьбу сообщить о ходѣ болѣзни Тургенева, я считала цѣнными для насъ, его соотечественниковъ, и безусловно лестными для семейства Віардо и въ частности для г-жи Маріанны Дювернуа, проявив-

---

[1]) „Avec *plusieurs* autres" (lettres)—сказано въ письмѣ г-жи Дювернуа.—*М. С.*

шей столько сердечности, такое глубокое горе при кончинѣ друга ея семьи...

„Письма касаются исключительно Ив. С. Тургенева въ послѣдніе дни и часы его тяжкихъ, мучительныхъ страданій, ни на кого не набрасываютъ тѣни, а самого автора писемъ рисуютъ въ такомъ симпатичномъ свѣтѣ, что вызванное моими выдержками неудовольствіе я объясняю ея сомнѣніемъ въ подлинности этихъ выдержекъ за подписью неизвѣстнаго г-жѣ Маріаннѣ Дювернуа Ардова, а отрицаніе возможности существованія самыхъ писемъ—давностью лѣтъ.

„Двадцать-пять лѣтъ—значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго можно забыть и письма, которыя писались въ моментъ сильнаго горя, и куда, и кому они были посланы.

„Считаю своимъ долгомъ, послѣ всего вышесказаннаго, ознакомить васъ и съ содержаніемъ моего письма къ г-жѣ Маріаннѣ Дювернуа, отправляемаго мною въ Парижъ по данному мнѣ вами адресу — и прошу васъ принять“ и т. д.—*Е. Ардовъ-Апрѣлева.*

Почеркъ и подпись доставленныхъ мнѣ въ оригиналѣ писемъ г-жи Дювернуа къ г-жѣ Бларамбергъ, въ замужествѣ — Апрѣлевой (псевдонимъ—Ардовъ), при сравненіи ихъ съ почеркомъ и подписью г-жи Дювернуа на послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, отъ 14-го декабря 1908 г., оказались совершенно тожественными, вслѣдствіе чего протестъ г-жи Дювернуа является результатомъ простого недоумѣнія. Ея письма къ г-жѣ Апрѣлевой — не апокрифическія: благодаря имъ, мы имѣемъ единственное и самое подробное описаніе не только послѣдняго дня, но послѣднихъ часовъ жизни Ивана Сергѣевича Тургенева.

М. Стасюлевичъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 февраля 1909.

Общественно-политическая задача момента. — Споръ о классовой основѣ союза 17 октября. — Признаки поворота въ земствѣ. — Предстоящіе земскіе выборы. — Агентъ охраны и революціонеръ-бомбистъ Азефъ.—Арестъ А. А. Лопухина.—Дѣло Алексѣева (Брута). — Урокъ депутату въ городской думѣ. — „Общество улучшенія народнаго труда". — Достойный вниманія приказъ. — О. Іоаннъ Кронштадтскій †. — Ѳ. Н. Плевако †.

Возродившаяся съ 1 января изъ безвременно погибшихъ „Нашей Жизни" и „Товарища", „Наша Газета" дала въ первомъ нумерѣ цѣнную програмную статью. Цѣнность статьи — въ точности, съ которой формулированы основныя задачи момента, и въ опредѣленности отвѣтовъ. Но, считая статью цѣнною, мы отнюдь не раздѣляемъ конечнаго вывода газеты. Напротивъ, онъ намъ представляется глубоко ошибочнымъ отзвукомъ той всепокрывающей партійной исключительности, въ которой лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ наступившаго краха недавнихъ надеждъ.

„Признаемъ ли мы—ставитъ первый вопросъ „Наша Газета"— за политической свободой вполнѣ опредѣленную самоцѣль, — благо, само въ себѣ свой собственный самоцѣнный смыслъ заключающее, или это только средство для воплощенія въ жизнь благъ иныхъ, по своему значенію несравненно болѣе важныхъ?" Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ „безъ колебаній" въ смыслѣ признанія за политической свободой, прежде всего, значенія самоцѣннаго блага. Второй вопросъ: „Желательно ли съ точки зрѣнія неоспоримой пользы для всякой страны воплотить въ своей жизни, разъ это благо самоцѣнное, принципъ политической свободы, и въ виду невозможности достигнуть благъ иныхъ иначе, какъ черезъ свободу и посредствомъ свободы,—желательно ли, чтобы именно этотъ лозунгъ сталъ въ Россіи лозунгомъ, общимъ для всѣхъ прогрессивныхъ партій?" И на этотъ вопросъ газета отвѣчаетъ утвердительно.

Но на третій вопросъ, переносящій первые два изъ плоскости отвлеченнаго мышленія въ плоскость практическихъ дѣйствій, вмѣсто утвердительнаго, данъ отвѣтъ отрицательный. „Наша Газета" справедливо ждетъ укора въ непослѣдовательности и пишетъ: „Почему

же вы—спросятъ насъ—не пытаетесь работать, „забывши на время“ вопросы соціальные, надъ созданіемъ именно такой *единой* партіи изъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ страны съ единымъ лозунгомъ—„политическая свобода“? Сдѣлайте это, и вы несомнѣнно будете вѣрны только-что изложенному вами взгляду на значеніе въ вашихъ глазахъ политической свободы“. „Нѣтъ, мы этого не сдѣлаемъ—объявляетъ газета,—и не сдѣлаемъ потому, что, стоя на классовой точкѣ зрѣнія,—а она является однимъ изъ кардинальнѣйшихъ пунктовъ, опредѣляющихъ всѣ наши общественно-политическія воззрѣнія,—мы не можемъ ни сами „забыть“, хотя бы и „на время“, про вопросы соціальные, ни, тѣмъ болѣе, обращаться съ проповѣдью необходимости такого „забвенія“ (хотя бы, повторяемъ, и „временнаго“) къ тому классу общества, къ которому въ данномъ случаѣ можно смѣло примѣнить слова Лермонтова, сказанныя имъ по другому поводу: „Забыть! Забвенья не далъ Богъ. Да онъ и не взялъ бы забвенья“! Нѣтъ, борьба труда съ капиталомъ, борьба соціальная, не является въ современномъ обществѣ чѣмъ-то такимъ, что̀ зависитъ отъ нашего о ней „забвенія“ или „памятованія“.

Итакъ, политическая свобода—самоцѣнное благо, и политическая свобода должна стать лозунгомъ, общимъ для всей прогрессивной Россіи. Стремиться же къ объединенію прогрессивныхъ элементовъ на почвѣ этого общаго, единаго лозунга—газета отказывается. Конечно, здѣсь есть, мало сказать, непослѣдовательность, здѣсь—непримиримое противорѣчіе партійнаго педантизма. Работать въ цѣляхъ разрѣшенія ею самой признанной общественно-политической задачи момента „Нашей Газетѣ“ мѣшаетъ „классовая точка зрѣнія“, составляющая одинъ изъ „кардинальнѣйшихъ“ пунктовъ, опредѣляющихъ ея общественно-политическія воззрѣнія. Газета не можетъ ни сама забыть, хотя бы „на время“, борьбу труда съ капиталомъ, ни проповѣдывать необходимость такого забвенія.

Сколько въ этомъ явномъ противорѣчіи отвлеченнаго теоретизма и сектантскаго упорства! Въ разгаръ революціоннаго подъема, фанатики классовой точки зрѣнія и соціальной борьбы съ надменностью отмежевывались отъ всѣхъ, кто не раздѣляетъ соціалъ-демократической доктрины. Газеты, выходившія подъ партійнымъ флагомъ, писали каждый день: „Отойдите, господа хорошіе!..“ „Въ одну телѣгу впречь не можно коня и трепетную лань!..“ „Или намъ васъ за собою тащить придется, или вы у насъ въ ногахъ болтаться будете!..“ И тогда эти слова вызывали не одно горькое чувство, но вмѣстѣ съ нимъ улыбку. А теперь?.. Теперь нѣтъ высокомѣрія тона, нѣтъ самоувѣренности, но то же стремленіе къ обособленію и къ теоретической чистотѣ и тѣ же закрывающія глаза програмныя шоры. „Наша Га-

зета", правда, рекомендуетъ „отбросить разъ навсегда восточныя правила, запрещавшія „жиду" ѣсть за однимъ столомъ съ „филистимляниномъ" или члену соціалъ-демократической фракціи во второй Государственной Думѣ пить чай въ квартирѣ Павла Долгорукова". Но далѣе допустимости внѣшняго общенія она не идетъ. Она не считаетъ возможнымъ признать, что человѣкъ можетъ быть въ здравомъ умѣ и не стоять на классовой точкѣ зрѣнія,—искренно желать освобожденія труда изъ-подъ рабства капиталу и не вѣрить въ скорую осуществимость пересозданія производственныхъ отношеній.

Въ ходѣ нашего политическаго развитія, слагавшагося въ вихрѣ революціи, сначала была неудержимая тяга влѣво. И такъ какъ на крайнемъ лѣвомъ полюсѣ стояли соціальные вопросы, то всѣ формировавшіяся политическія партіи считали долгомъ опредѣлить свое отношеніе къ этимъ вопросамъ, и въ опредѣленіи своего отношенія къ нимъ въ большей или меньшей мѣрѣ усвоивали начала соціализма. Въ то время каждая группа ясно обозначала свою границу справа и очень слабо—слѣва. Съ особенной силой это отразилось на программѣ партіи народной свободы, но отражалось и на другихъ программахъ — напр., такой ультра-правой партіи, какою вскорѣ оказалась партія правового порядка. Затѣмъ, насколько призрачнѣе становились предѣлы достигнутыхъ политическихъ завоеваній, настолько естественно стали блѣднѣть въ глазахъ прогрессивныхъ не-соціалистическихъ партій соціальные вопросы, — сказать точнѣе, настолько стала блѣднѣть соціалистическая ихъ обрисовка. И передъ созывомъ третьей Думы наступилъ было моментъ, когда кадеты рѣзко разорвали съ своими „лѣвыми друзьями". На гельсингфорсскомъ съѣздѣ они стали на путь тяготѣнія вправо и держались этого пути въ продолженіе всей первой сессіи третьей Думы. Послѣ лѣтнихъ каникулъ они съ него сошли. Теперь въ кадетскихъ кругахъ нѣтъ стремленія къ обособленію отъ тѣхъ, кому столь же дорогъ лозунгъ: „политическая свобода". Распространено ли это стремленіе въ широкихъ соціалистическихъ кругахъ? Цѣлый рядъ данныхъ говоритъ противъ. Эти круги тоже вступили въ полосу—если не переоцѣнки програмныхъ тезисовъ, то критики ихъ. Они поняли и видятъ неизбѣжную необходимость забыть „на время" про вопросы соціальные. Въ ихъ глазахъ классовая точка зрѣнія перестала быть началомъ и концомъ всѣхъ мыслей и сужденій. То, чего не будетъ „дѣлать" „Наша Газета", сдѣлала уже жизнь. То, что она намѣревается дѣлать, есть попытка вернуть пережитое, если не ушедшее, то уходящее въ прошлое.

Желаніе „Нашей Газеты"—„содѣйствовать побѣдѣ труда". Отсюда она опредѣляетъ свою задачу, „какъ стремленіе понести нашу мысль

и слово именно туда, гдѣ совершается это движеніе (борьба труда съ капиталомъ), гдѣ происходитъ оно непрерывно, не взирая ни на какія репрессіи, — понести, удѣляя особое и преимущественное вниманіе сложившимся и складывающимся организаціямъ трудящихся: ихъ профессіональнымъ союзамъ, кооперативамъ, обществамъ, клубамъ, ихъ представительству въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ". Можно ли „нести мысль" на пользу профессіональныхъ союзовъ, кооперативовъ и клубовъ рабочихъ, когда надо еще добиваться возможности ихъ существованія? Можно ли говорить о представительствѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ „трудящихся"—людей физическаго труда, въ отличіе отъ людей интеллектуальныхъ профессій,—имѣя передъ собой законъ 3 іюня? Можно ли говорить спеціально о ихъ представительствѣ въ учрежденіяхъ общественныхъ, имѣя передъ собой дѣйствующія земское и городовое положенія и октябристскія предположенія о реформѣ органовъ самоуправленія?..

Статья „Нашей Газеты" вызвала оживленную полемику въ печати. Полемика перешла на розыскъ классовыхъ основъ всѣхъ нашихъ политическихъ партій и, въ частности, выдвинула вопросъ о классовой основѣ союза 17 октября. Волею закона 3 іюня искусственно получившій значеніе руководящей въ Думѣ партіи союзъ 17 октября естественно занялъ центральное мѣсто въ общественномъ вниманіи, и такъ какъ внѣ Думы, въ настоящій моментъ, строго говоря, нѣтъ политической партійной жизни, то численный составъ представителей союза въ Думѣ незамѣтно создалъ представленіе о союзѣ, какъ о крупной политической партіи и въ странѣ. По нашему мнѣнію, иллюзорность такого представленія блестяще доказана первыми и вторыми выборами въ Думу. И если такъ, то споръ о классовой основѣ союза 17 октября падаетъ самъ собой. Если же нѣтъ, то въ итогѣ спора приходится признать или общую несостоятельность классовой теоріи, или ея неприложимость къ нашимъ далеко еще не завершившимъ своего образованія партіямъ.

Рѣчь идетъ не объ идейномъ октябризмѣ, т.-е. не о конституціонномъ консерватизмѣ,—ибо пока конституція, правовой строй и гражданская свобода висятъ въ воздухѣ, для идейнаго октябризма нѣтъ почвы, —а о дѣйствительныхъ, реальныхъ октябристахъ. Говорятъ, что они представляютъ собою торгово-промышленный классъ и отчасти классъ землевладѣльцевъ—„не типа пресловутыхъ дикихъ помѣщиковъ", по выраженію „Голоса Москвы". По цензамъ—пожалуй такъ. Но такъ ли по внутренней сути? Г. фонъ-Анрепъ избранъ по Петербургу, какъ крупный домовладѣлецъ. Г. Лерхе—тоже. Г. Половцевъ—по Новгородской губ., г. Родзянко — по Екатеринославской, — какъ землевладѣльцы и т. д. Но кто они по ихъ долгому прошлому? Развѣ не чувствуются въ нихъ,

прежде всего и всего сильнѣе, вчерашніе и позавчерашніе чиновники и офицеры, — чиновники разныхъ типовъ, разныхъ „навыковъ", но и воспитаніемъ, и всей жизнью своей гораздо болѣе близкіе къ „службѣ", чѣмъ къ домовладѣнію или къ землѣ? Классовая теорія оставляетъ внѣ учета самый сильный у насъ, можно сказать, классъ — классъ чиновниковъ. Кто такой нашъ земскій начальникъ, владѣлецъ болотнаго ценза, или земскій начальникъ — поручикъ въ отставкѣ, которому не повезло на службѣ и который пріѣхалъ на отцовскій или женинъ цензъ? Кто такой нашъ крупный акціонеръ, домовладѣлецъ или землевладѣлецъ, въ то же время состоящій или состоявшій на военной или гражданской службѣ, въ большомъ или маломъ рангѣ? Кто такой даже предсѣдатель земской управы—изъ правыхъ земцевъ? Все это чиновники. И среди октябристовъ они — главная масса. О какой же классовой, въ марксистскомъ смыслѣ, основѣ можетъ быть споръ?

Такова одна сторона вопроса. Другая не менѣе ярко свидѣтельствуетъ о неприложимости къ союзу 17 октября классовой теоріи. Союзъ сложился изъ людей, которыми руководилъ, главнымъ образомъ, „испугъ". Это говоритъ не только лѣвая печать,—это признаетъ самъ „Голосъ Москвы". Испугъ — ощущеніе внѣклассовое. Испугъ — ощущеніе, парализующее умъ, волю и заставляющее искать внѣшней защиты и опоры. Октябристы нашли опору въ правительствѣ П. А. Столыпина и этой опорѣ цѣликомъ себя подчинили. Отсюда именно, а никакъ не изъ какихъ-либо классовыхъ интересовъ, и ведетъ начало ихъ „послушаніе" исполнительной власти — послушаніе, кое-въ-чемъ и кое-когда склонное побудировать, но побудировать и умолкнуть. Гдѣ торжествуетъ классовый интересъ—мыслимо ли то сплошное пассивное „послушаніе", которое все собою покрываетъ въ союзѣ 17 октября?

Не рискуя пока дѣлать какихъ-либо выводовъ, не можемъ не отмѣтить того впечатлѣнія, которое оставляютъ извѣстія о послѣдней сессіи губенскихъ земскихъ собраній. Осенняя сессія уѣздныхъ собраній была цѣликомъ посвящена разработкѣ школьной сѣти и плановъ введенія всеобщаго обученія. Уже и это можно было принять за показатель сдвига влѣво въ настроеніи земскихъ сферъ. Но тогда, осенью, еще нельзя было отдаваться впечатлѣнію. Во-первыхъ, слишкомъ было ясно, что интересъ къ народному образованію возникъ въ уѣздныхъ земствахъ не самостоятельно, а по подсказанному указанію извнѣ. Во-вторыхъ, уѣздныя собранія явно торопились, чтобы ассигнованныя казенныя пособія не ушли полностью въ тѣ уѣзды, которые раньше имѣли разработанную школьную сѣть, и боязнь остаться безъ пособія

создала соревнованіе. Въ-третьихъ, опытъ давно засвидѣтельствовалъ, что смѣна земскихъ теченій и настроеній вѣрно отражается въ губернскихъ, а не въ уѣздныхъ собраніяхъ. Въ уѣздахъ рѣдко происходятъ разговоры на общія темы,—тамъ слишкомъ господствуютъ интересы „своей колокольни", тамъ преимущественно ведется земское „дѣло", земская же „политика"—въ губерніяхъ.

Общій тонъ телеграммъ и корреспонденцій, реферирующихъ рѣшенія и постановленія губернскихъ собраній, происходившихъ въ декабрѣ и январѣ, показываетъ, что въ земскихъ сферахъ наступилъ переломъ. Реакція перестала разрушать и начинаетъ возсоздавать разрушенное. Почти вездѣ шла рѣчь объ экономическихъ мѣропріятіяхъ и вообще о мѣрахъ содѣйствія крестьянамъ. Правда, иниціаторами возбужденія этихъ вопросовъ нерѣдко являлись губернаторы. Но въ настроеніи, въ которомъ проходили собранія двухъ предыдущихъ сессій, и губернаторская иниціатива не сдвинула бы „зубровъ" съ разсужденій объ интересахъ крупнаго землевладѣнія. Годъ или два года назадъ они были активно-реакціонны. Теперь вернулись къ своей прежней пассивности въ общественныхъ дѣлахъ—и это уже плюсъ. Весьма характерно „хорошее—по выраженію „Слова" (№ 679),—такъ сказать, почтительное отношеніе теперешнихъ земцевъ къ покойнымъ земскимъ дѣятелямъ". Такъ было въ ярославскомъ, нижегородскомъ и тверскомъ собраніяхъ. Въ нижегородскомъ былъ тепло помянутъ А. В. Баженовъ. Тверское земское собраніе рѣшило повѣсить портреты А. А. Бакунина, П. А. Корсакова и С. Д. Квашнина-Самарина, а имена двухъ послѣднихъ присвоить, сверхъ того, спеціально учреждаемымъ школамъ. Только въ признаніи заслугъ передъ земствомъ выборжца, члена первой Думы А. С. Медвѣдева собраніе разошлось съ коммисіей. Въ бессарабскомъ земскомъ собраніи докладъ о пособіи союзнической „Русской Рѣчи" въ 5.000 р., по соглашенію управы съ предводителемъ, съ молчаливаго согласія собранія, былъ изъятъ изъ разсмотрѣнія.

Корреспондентъ „Слова" изъ Твери (№ 677) приводитъ любопытный перечень вопросовъ, которые были предложены реакціонной управой столь воинствовавшему въ реакціонномъ смыслѣ въ позапрошломъ году собранію. Вотъ часть этого перечня: пересмотръ основаній раскладки губернскаго земскаго сбора, изданіе матеріаловъ для исторіи тверского губернскаго земства, требующее расхода 11.000 руб.; добровольное страхованіе скота и организація ветеринарнаго дѣла въ губерніи и т. п. Тотъ же корреспондентъ воспроизводитъ не менѣе любопытную рѣчь губернатора, г. фонъ-Бюнтинга, сказанную при открытіи собранія. „Губернаторъ высказалъ пожеланіе, чтобы тверское земство обратило серьезное вниманіе на оцѣночныя

въ губерніи работы. Оцѣнка, начатая въ 1899 г., была земствомъ временно пріостановлена. Собранные раньше матеріалы о городскихъ недвижимыхъ имуществахъ лишь отчасти были обработаны, въ большинствѣ же залежались и, быть можетъ, сильно обезцѣнились. Обслѣдованія земельныхъ угодій, лѣсовъ и торгово-промышленныхъ заведеній совсѣмъ не производились. А между тѣмъ никакъ нельзя отрицать важности и необходимости завершенія въ ближайшемъ будущемъ этихъ работъ. Въ интересахъ каждаго жителя знать и видѣть, что онъ несетъ обязанности обложенія въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ остальнымъ населеніемъ губерніи. Въ общемъ, планъ возобновляемыхъ съ 1909 г. работъ, разсчитанныхъ на девять лѣтъ, губернаторъ одобряетъ. И не только одобряетъ, но со своей стороны совѣтуетъ даже земству не ограничиваться на работы только казенными субсидіями, а, по мѣрѣ силъ, оказывать помощь въ этихъ работахъ и самому земству". „Такимъ образомъ, — заканчиваетъ корреспондентъ,—оцѣночно-статистическія работы можно считать уже начатыми вновь въ Тверской губерніи, и, стало быть, статистика, погибшая-было во цвѣтѣ лѣтъ, возстановляется".

Но какъ бы ни полѣвѣли гг. правые земцы, они безсильны освободиться отъ своего органическаго порока—отъ „нѣтчества". Сталъ стихать въ нихъ воинственный пылъ, пришлось приступить къ дѣлу, къ работѣ, и они перестали ѣздить на собранія, а пріѣхавшіе—вернулись къ старой привычкѣ уѣзжать черезъ три-четыре дня. Въ цѣломъ рядѣ губерній собранія держались на минимальномъ кворумѣ. Гдѣ-то цѣлые часы искали и ждали одного нехватавшаго для открытія сессіи гласнаго. Телеграмма изъ Твери отъ 18 января, черезъ восемь дней послѣ начала сессіи (нормальный срокъ 20 дней), гласила: „Вчерашнее засѣданіе губернскаго земскаго собранія состоялось съ большимъ трудомъ. Для кворума разыскивали гласныхъ по городу. Сегодня засѣданіе уже не состоялось".

Все-таки, не на нынѣшній составъ земскихъ собраній можно возлагать надежды. Безъ его измѣненія возвратъ къ прежней земской работѣ невозможенъ. Вѣроятно ли такое измѣненіе впредь до отмѣны дѣйствующаго земскаго положенія? Мы не рѣшимся сказать съ увѣренностью: да, — но и не скажемъ: нѣтъ. Предстоящіе въ 1909 г. выборы въ половинѣ земскихъ губерній легко могутъ и при дѣйствіи выборнаго закона 1890 г. измѣнить физіономію земскаго представительства. Въ этихъ губерніяхъ впервые гласные отъ крестьянъ будутъ выборные. На это мы уже указывали въ одной изъ недавнихъ хроникъ, причемъ указывали также, что вопросъ сводится въ значительной мѣрѣ къ тому, насколько проникнетъ въ сознаніе крестьянства, что волости теперь будутъ выбирать кандидатовъ, изъ кото-

рыхъ не губернаторъ, а сами кандидаты назначатъ представителей въ уѣздныя земскія собранія.

Администрація для противодѣйствія этому уже начала принимать мѣры. Такъ, телеграмма оффиціальнаго петербургскаго телеграфнаго агентства изъ Москвы отъ 15 января оповѣстила, что „губернаторъ обратился съ воззваніемъ къ волостнымъ сходамъ отнестись серьезно къ выборамъ гласныхъ отъ крестьянъ на предстоящее трехлѣтіе, въ виду правъ, дарованныхъ указомъ 5 октября 1906 г.“ А что значитъ на губернаторскомъ языкѣ это воззваніе—поясняетъ рядомъ съ приведенной телеграммой напечатанное въ „Словѣ“ (№ 680) телефонное сообщеніе: „Московскій губернаторъ разослалъ всѣмъ земскимъ начальникамъ Московской губерніи экстренный циркуляръ относительно того, что они должны обратить вниманіе на то, чтобы на предстоящихъ выборахъ земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ въ гласные прошли лица вполнѣ „сознательныя“ и чтобы были избраны лица, дѣйствительно представляющія интересы крестьянъ и умѣющія защищать ихъ“.

Такимъ образомъ, „свободные“ выборы гласныхъ отъ волостей будутъ происходить подъ попечительнымъ окомъ властной руки. Правда, эта рука уже не обладаетъ правомъ сажать подъ арестъ по своему усмотрѣнію крестьянъ „не сознательныхъ“, „не представляющихъ крестьянскіе интересы“ и „не умѣющихъ ихъ защищать“. Но она имѣетъ слишкомъ достаточно власти, чтобы и безъ арестовъ и штрафовъ оказывать воздѣйствіе на волостные сходы. А потому, учитывая вѣроятный результатъ выборовъ, нельзя, само собою разумѣется, не принимать во вниманіе этого привходящаго обстоятельства. Но, принимая его во вниманіе, смотрѣть на дѣло безотрадно тоже не приходится. Какъ-ни-какъ, участвовать въ образованіи состава земскихъ собраній будутъ тѣ самые крестьяне, которые на выборахъ въ Государственную Думу три раза посылали въ подавляющемъ числѣ уполномоченныхъ, по терминологіи московскаго губернатора, „не сознательныхъ“ и „не умѣющихъ защищать“ интересы крестьянъ.

При иныхъ фактическихъ обстоятельствахъ будутъ происходить, надо думать, и выборы отъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ ликвидація дворянскаго землевладѣнія шла ускореннымъ темпомъ. Ряды помѣщиковъ порѣдѣли. И есть полное основаніе ожидать, что примѣненіе ст. 45 земскаго положенія станетъ далеко не единичнымъ явленіемъ. Статья эта опредѣляетъ, что если въ день, назначенный для открытія избирательнаго собранія, къ тремъ часамъ пополудни, избиратели явятся въ собраніе въ числѣ, не превышающемъ двухъ третей числа подлежащихъ избранію гласныхъ, то выборы не производятся, и всѣ прибывшіе признаются гласными безъ баллотировки. При примѣненіи этой статьи, „зубры“, обыкновенно

гораздо болѣе сильные привезенными довѣренностями, нежели акуратностью личной явки, не будутъ имѣть возможности устранить отъ земскаго дѣла поголовно всѣхъ прогрессивныхъ землевладѣльцевъ. Три-четыре такихъ землевладѣльца, вопреки волѣ „зубровъ", легко могутъ оказаться гласными. Въ земскомъ же собраніи, вмѣстѣ съ гласными отъ крестьянъ и отъ второго избирательнаго собранія, они еще легче могутъ оказаться хозяевами положенія.

Во „Внутреннемъ Обозрѣніи" настоящей книги отмѣчено одновременное наложеніе петербургскимъ градоначальникомъ денежныхъ штрафовъ на шесть повременныхъ изданій за сообщеніе извѣстій о „какомъ-то" террористѣ-провокаторѣ. Когда „Внутреннее Обозрѣніе" сдавалось въ печать, имя этого провокатора и обстоятельства, вызвавшія кару, были подъ запретомъ. Когда оно было уже въ печати, въ газетахъ появилось извѣстіе, тоже отмѣченное, о снятіи штрафовъ. Но запретъ публично говорить о томъ, что вызвало исключительную сенсацію въ обществѣ, сохранялъ силу еще нѣсколько дней. Теперь запретъ упалъ. Теперь вездѣ и всюду только и рѣчи, что объ Азефѣ. По поводу Азефа внесены два запроса въ Думу. Разоблаченія, первоначально явившіяся изъ иностранной прессы, каждый день раскрываютъ все новыя и новыя подробности. Мы не будемъ ихъ повторять. Мы остановимся только на существѣ дѣла.

Евно Азефъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, былъ агентомъ охраны. Это установлено и опубликовано центральнымъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Это признано и правительствомъ. Азефъ, въ теченіе тѣхъ же самыхъ многихъ лѣтъ, былъ однимъ изъ руководителей революціоннаго террора и, какъ таковой, организаторомъ и участникомъ цѣлаго ряда террористическихъ убійствъ. Это съ фактическими доказательствами утверждаютъ соціалисты-революціонеры и этого не отвергаютъ органы политическаго сыска. Былъ ли онъ провокаторомъ? Пользовалось ли правительство его услугами именно какъ провокатора? Вотъ собственно два вопроса, вокругъ которыхъ сейчасъ ведется споръ.

Конечно, Азефъ не могъ не быть провокаторомъ. Какъ членъ боевой дружины, какъ руководитель террора и какъ агентъ сыска въ то же время, онъ ничего иного не дѣлалъ и не могъ дѣлать, какъ провоцировать террористическіе акты. Чтобы утверждать это, не нужно обладать никакими документальными данными. Уголовная провокація есть подстрекательство къ совершенію преступленія того, въ комъ предполагается намѣреніе преступленіе совершить. Провокаторъ—уговоромъ, устраненіемъ препятствій и облегченіемъ способовъ

обращенія умысла въ наказуемую форму посягательства—подготовляетъ преступленіе, чтобы въ опредѣленный моментъ, путемъ доноса, совершеніе преступнаго акта остановить. Именно такъ поступалъ Азефъ, — въ этомъ была его задача, за это онъ получалъ деньги, — и никакъ иначе выполнять свою задачу онъ не могъ. Какія же возможны сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ провокаторомъ?

На второй вопросъ раздается отрицательный отвѣтъ. Правительство съ брезгливостью отвергаетъ всякія подозрѣнія насчетъ провокаціи, какъ системы борьбы съ терроромъ. „Категорически, твердо и прямо говорю—заявлялъ въ Думѣ по поводу запроса о виленскомъ охранномъ отдѣленіи бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Макаровъ,—что съ точки зрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ то, что̀ называется провокаціей, министерствомъ признается безусловно беззаконнымъ. Провокаціонные пріемы представляются недопустимыми. Они являются преступленіемъ противъ нравственнаго чувства всякаго порядочнаго человѣка. Они отвлекаютъ охрану отъ той серьезной задачи, которую она преслѣдуетъ,—отъ борьбы съ революціей,—и развращаютъ ее. Эту точку зрѣнія министерство внутреннихъ дѣлъ постоянно проводитъ во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, у меня на это есть доказательства“. Тѣ же мысли высказывалъ въ совѣтѣ министровъ 21-го января П. А. Столыпинъ,—если вѣрно передаетъ его слова г. Львовъ („Рѣчь“, № 22): „Правительство считаетъ своимъ долгомъ категорически подтвердить, что самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ провокацію и, гдѣ бы таковая ни обнаружилась, будетъ строго ее преслѣдовать. Провокація, въ нашихъ условіяхъ, если и можетъ имѣть мѣсто, то лишь какъ самостоятельное проявленіе дѣйствій низшихъ агентовъ правительства, неправильно толкующихъ свою миссію, ложно полагающихъ, что этимъ они выкажутъ усердное служеніе“.

Мы не имѣемъ основаній не вѣрить въ искренность заявленій гг. Столыпина и Макарова. Но въ ихъ словахъ намъ ясно слышны принципы, которыхъ держится центральная власть въ лицѣ ея высшихъ представителей—и не слышно точнаго отраженія дѣйствительнаго положенія дѣла. Вѣримъ также вполнѣ, что непосредственно занимаются провокаціей лишь низшіе агенты правительства—рядовые работники сыска,—хотя подъ низшими агентами должно, въ такомъ случаѣ, разумѣть и начальниковъ мѣстныхъ жандармскихъ управленій, что̀ подтверждаетъ дѣло осужденнаго за провокацію подполковника Заварницкаго. Но одинаково ли съ министромъ и его товарищемъ смотрятъ тѣ, такъ сказать, средніе агенты, которые стоятъ при дѣлѣ вплотную, нанимаютъ Азефовъ, платятъ имъ деньги, получаютъ отъ нихъ донесенія? Зачѣмъ имъ Азефы, если не для провокаціи?

Слишкомъ наивно думать, что Азефы могутъ быть полезны, если они въ революціонныхъ кругахъ будутъ только молча слушать и сторониться отъ всякихъ дѣйствій. Тогда революціонеры ихъ выгонятъ. А каждое ихъ дѣйствіе—провокація.

Въ связи съ дѣломъ Азефа, 19-го января арестованъ бывшій директоръ департамента полиціи, А. А. Лопухинъ. Оффиціальное по этому поводу сообщеніе гласитъ: „Согласно опубликованнымъ въ заграничной прессѣ даннымъ, инженеръ Евно Азефъ, состоявшій членомъ тайнаго сообщества, именующагося „партіей соціалистовъ-революціонеровъ", и доставлявшій розыскнымъ органамъ полиціи свѣдѣнія о преступныхъ замыслахъ означенной группы, уличенъ членами послѣдней въ сношеніяхъ съ полиціей, причемъ въ этомъ разоблаченіи дѣятельности Азефа принялъ участіе бывшій директоръ департамента полиціи, отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Лопухинъ. Произведеннымъ по сему поводу разслѣдованіемъ выяснено, что Лопухинъ дѣйствительно доставилъ названной революціонной партіи доказательства противъ Азефа, извѣстныя Лопухину исключительно по прежней службѣ его въ означенной должности, причемъ упомянутое дѣяніе его имѣло прямымъ послѣдствіемъ исключеніе Азефа изъ „партіи" и прекращеніе для него возможности предупреждать полицію о преступныхъ планахъ сообщества, ставящаго своею цѣлью совершеніе террористическихъ актовъ первостепенной важности. Собранный по сему предмету матеріалъ послужилъ основаніемъ къ возбужденію предварительнаго слѣдствія, къ коему Лопухинъ, послѣ произведеннаго у него обыска, привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и заключенъ подъ стражу".

Сообщеніе не договариваетъ главнаго: въ чемъ именно, по какимъ статьямъ уголовнаго кодекса, предъявлено обвиненіе А. А. Лопухину. Въ газетахъ писали, что будто бы его обвиняютъ по ст. 102 угол. ул., т.-е. за участіе въ сообществѣ, составившемся съ цѣлью насильственнаго ниспроверженія существующаго государственнаго строя. Можно ли считать признакомъ участія въ такомъ сообществѣ доставленіе революціонной партіи доказательствъ противъ Азефа, хотя бы и извѣстныхъ обвиняемому по его прежней службѣ? Для всякаго, мало-мальски разбирающагося въ вопросахъ юриспруденціи, совершенно очевидно, что нельзя. Въ дѣяніи А. А. Лопухина нѣтъ другого правонарушенія, кромѣ разглашенія служебной тайны, что въ дѣйствующемъ уложеніи предусмотрѣно ст. 419, а въ уголовномъ уложеніи 1903 г.—ст. 653. И такъ какъ наказаніе за это дѣяніе не влечетъ праволишеній, то А. А. Лопухинъ предварительному заключенію не подлежитъ.

Одновременно съ обыскомъ у А. А. Лопухина, производился въ

Петербургѣ обыскъ у цѣлаго ряда лицъ. Между другими былъ обысканъ прис. пов. Бибиковъ. Мотивы обыска у него не опубликованы; имѣлъ ли этотъ обыскъ какую-нибудь связь съ дѣломъ Азефа, или случайно совпалъ во времени съ обыскомъ у А. А. Лопухина—неизвѣстно. Ничего преступнаго у г. Бибикова не найдено, и онъ оставленъ на свободѣ. Намъ не хотѣлось бы дѣлать сопоставленія, но оно напрашивается само собой. Г. Бибиковъ—бывшій прокуроръ минскаго окружного суда, имя котораго тѣсно связано съ отставкой бывшаго минскаго губернатора, г. Курлова. Съ января нынѣшняго года, г. Курловъ—товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціей,—высшій руководитель охраны, охранной политики и обысковъ. А. г. Бибиковъ—частный человѣкъ, присяжный повѣренный...

Разоблаченія объ Азефѣ и арестъ Лопухина отвлекли вниманіе отъ другихъ злобъ дня. Совершенно незамѣтно проходилъ процессъ бывшаго нижегородскаго губернатора, бар. Фредерикса. Сразу замолкли толки о дѣлѣ генерала Алексѣева, сказать точнѣе — о дѣлѣ публициста Брута.

Правая печать, съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ, и правыя организаціи встрѣтили обвинительный приговоръ ген. Алексѣева рѣзкимъ осужденіемъ. Г. Пуришкевичъ дѣлалъ въ „русскомъ собраніи“ „громовой“ докладъ по поводу приговора и подалъ мысль о покрытіи пожертвованіями наложеннаго судомъ на осужденнаго штрафа въ десять тысячъ рублей. Разсказываютъ, что эта сумма уже съ избыткомъ собрана. Лѣвая печать отнеслась къ приговору сдержанно. Мы тоже не вынесли впечатлѣнія, что осужденъ за взяточничество невинный.

Это, однако, не мѣшаетъ намъ признавать, что процессъ имѣлъ не столько характеръ уголовнаго разбирательства въ собственномъ смыслѣ слова, сколько тяжбы, — тяжбы, въ которой громко звучала нота мщенія со стороны морского министерства противъ разоблачителя Брута, въ лицѣ „бывшаго штабъ-офицера по стратегической части главнаго морского штаба“ Алексѣева. Вмѣстѣ съ правыми возмущаемся всѣмъ тѣмъ, что вскрылъ процессъ, и искренно желаемъ, чтобы порядки, глубоко вошедшіе въ нѣдра морского министерства, были подвергнуты яркому освѣщенію лучами свѣта. Мы признаемъ также большую общественную заслугу г. Алексѣева.

Центральный эпизодъ процесса — оглашеніе копіи письма г. Рудницкаго,—онъ же взяткодатель и онъ же доносчикъ. Въ письмѣ оказались псевдонимы трехъ чиновъ морского министерства, съ которыми г. Рудницкій имѣлъ „дѣловыя“ отношенія. Г. Рудницкій назвалъ имена, скрытыя псевдонимами, при закрытыхъ дверяхъ. Любопытно и харак-

терно, что стоило только г. Рудницкому сказать, что показаніе его по поводу письма будетъ „неудобно“ для морского вѣдомства, и двери вѣдомственнаго военно-морского суда были немедленно закрыты. Въ результатѣ процесса новый морской министръ издалъ приказъ объ образованіи слѣдственной коммиссіи, въ виду необходимости „подвергнуть тщательной провѣркѣ, въ слѣдственномъ порядкѣ, появившіяся въ послѣднее время въ повременной печати указанія на совершеніе чинами нѣкоторыхъ учрежденій морского вѣдомства злоупотребленій по службѣ“. При этомъ, желая, повидимому, поставить себя внѣ какихъ бы то ни было нареканій, адмиралъ Воеводскій, въ отступленіе отъ правилъ военно-морского судебнаго устава, предложилъ коммиссіи, „если по даннымъ слѣдствія представятся законныя основанія къ возбужденію противъ кого-либо изъ чиновъ морского вѣдомства уголовнаго преслѣдованія“, привлекать таковыхъ чиновъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, не испрашивая предварительнаго его, министра, на то согласія.

Въ „Словѣ“ (№ 671) напечатана заимствованная изъ „Южнаго Края“ сценка, разыгравшаяся въ засѣданіи курской городской думы. Помѣщаемъ разсказъ „Слова“ цѣликомъ.

„Думскіе хозяева—друзья г. Гучкова справа—набрались такой смѣлости въ законодательной палатѣ Петербурга, что и явившись домой, по случаю каникулъ, чувствуютъ себя на общественной аренѣ весьма свободными. Однако, въ городскихъ думахъ даже право-октябристскаго состава ихъ особенно не почитаютъ. Такой казусъ приключился съ курскимъ депутатомъ черной марки, г. Сушковымъ.

„Увлекшись „законодательствомъ“, при обсужденіи въ городской думѣ смѣты расходовъ и доходовъ, гласный этотъ, по привычкѣ, очевидно привитой фракціей, пришелъ въ ражъ и, желая показать свое превосходство, какъ законодателя, передъ членомъ управы г. Сапуновымъ, принялся поучать его.

„— Позвольте-съ, — возвышеннымъ голосомъ заявляетъ г. Сушковъ—вы ничего не понимаете!

„Въ залѣ поднялся страшный шумъ, раздались крики, что г. Сушковъ оскорбилъ г. Сапунова и долженъ извиниться; нѣкоторые гласные начали покидать залъ.

„Но тутъ выступилъ „оскорбленный“ членъ управы и разъяснилъ недоразумѣніе.

„— Господа!—заявилъ онъ гласнымъ.—Я совершенно не оскорбленъ словами Сушкова... Это будетъ очень низко...

„Г. Сушковъ, взбѣшенный заявленіемъ г. Сапунова, быстро выхо-

дитъ изъ зала, бормоча что-то на ходу по адресу думы и, можетъ быть, вспоминая свою петербургскую „волю“...“

Часто приходится слышать сравненіе третьей Государственной Думы съ земскими собраніями и городскими думами. Это сравненіе не вполнѣ справедливо и въ отношеніи содержанія дѣятельности нашего государственнаго представительства, образованнаго по закону 3 іюня. Въ отношеніи же внѣшней обстановки и внѣшнихъ условій, оно прямо несправедливо. Зайдите въ залъ засѣданія земскаго собранія или городской думы послѣдняго уѣзднаго города. Развѣ тамъ происходитъ ничѣмъ не стѣсняющееся гулянье гласныхъ? Тамъ не мѣшаютъ говорить ораторамъ, тамъ не кричатъ, не стучатъ кулаками, не топаютъ ногами. Тамъ дѣйствительно считается недопустимымъ оскорбленіемъ сказать оппоненту, что онъ ничего не понимаетъ. А въ Государственной Думѣ? Да тутъ это одинъ изъ самыхъ мягкихъ пріемовъ возраженія. Тутъ говорятъ другъ другу: „негодяй!“ „пошелъ вонъ!“ Тутъ употребляютъ въ репликахъ такія циничныя выраженія, про которыя газетные отчеты говорятъ, что опускаютъ ихъ „изъ уваженія къ читателямъ“. Если сравнивать, то какъ ни стыдно, но для сравненія Государственной Думы надо идти на сельскій сходъ или на собраніе ремесленнаго общества—и то былого времени.

Побилъ рекордъ неприличія въ Думѣ октябристъ, г. Половцевъ. Это именно изъ его устъ вышло въ засѣданіи 21 января неповторяемое въ печати выраженіе. Предсѣдательствовавшій, октябристъ бар. Мейендорфъ, не только не предложилъ удалить его, но даже не сдѣлалъ ему замѣчанія. Онъ ограничился угрозой, что самъ уйдетъ изъ засѣданія, „если еще одинъ такой крикъ раздастся“. На слѣдующій день опять разыгрался скандалъ. Говорилъ Ѳ. И. Родичевъ. По обычаю, справа его безпрестанно перебивали, предсѣдатель, Н. А. Хомяковъ—разъ десять останавливалъ. Послѣ того какъ онъ былъ остановленъ въ послѣдній разъ требованіемъ не касаться рѣчей, сказанныхъ въ другомъ засѣданіи, П. Н. Милюковъ замѣтилъ съ мѣста: „это продолженіе тѣхъ же преній“. Н. А. Хомяковъ потребовалъ, чтобы г. Милюковъ извинился, и сказалъ: „я не могу предсѣдательствовать въ собраніи“... „Да и не умѣете предсѣдательствовать“—прервалъ его съ мѣста кадетъ, г. Волковъ. Немедленно Н. А. Хомяковъ внесъ предложеніе объ удаленіи г. Волкова. Большинство Думы предложеніе приняло. Вмѣстѣ съ г. Волковымъ удалилась почти вся оппозиція.

Конечно, уважительное отношеніе къ предсѣдателю есть основная обязанность каждаго члена собранія. Конечно, предсѣдатель не только имѣетъ право, но обязанъ ограждать достоинство своей власти руководить преніями. Но такая же его обязанность—быть неуязвимо кор-

ректнымъ. Въ инцидентѣ съ г. Волковымъ Н. А. Хомяковъ корректнымъ до конца не остался. Пока онъ излагалъ свое предложеніе и пока ему апплодировали и кричали: „браво!"—г. Волковъ разговаривалъ съ П. Н. Милюковымъ. Н. А. Хомяковъ, очевидно, это замѣтилъ и вызвалъ г. Волкова для объясненій передъ Думой слѣдующей фразой: „*Послѣ данныхъ вамъ инструкцій*, будьте добры объясниться". Г. Волковъ на это отвѣтилъ: „Я заявляю, что никакихъ инструкцій не получалъ, и откуда предсѣдатель усмотрѣлъ это, мнѣ неизвѣстно". Н. А. Хомяковъ вынужденъ былъ промолчать.

Въ 1881 г. въ Петербургѣ было образовано „Общество улучшенія народнаго труда въ память Царя-Освободителя Александра II". Громкому названію вполнѣ соотвѣтствовали широта задачъ и имена учредителей. Общество предполагало распространить свою дѣятельность на всю Россію, и цѣлью его образованія были, между прочимъ, поставлены: устройство сельско-хозяйственныхъ складовъ, товариществъ, артелей, разнаго рода хозяйственныхъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній, музеевъ, образцовыхъ садовъ, фермъ и т. д. Въ числѣ учредителей были статсъ-секретари К. П. Побѣдоносцевъ, Островскій и Марковъ, сенаторъ Гедеоновъ и другія не менѣе чиновныя лица.

Мы живо помнимъ, съ какимъ шумомъ начинавшаяся тогда реакція привѣтствовала учрежденіе общества. Шуму было не меньше, чѣмъ спустя тринадцать лѣтъ, при образованіи попечительства о работныхъ домахъ и о трудовой помощи. Общество создавалось въ прямой противовѣсъ „вреднымъ ученіямъ соціализма и коммунизма". Отъ него наивно ожидалось если не разрѣшеніе соціальнаго вопроса, то могущественное противодѣйствіе развитію у насъ борьбы труда съ капиталомъ. Тогда реакція мечтала оградить Россію непроницаемой стѣной отъ соціализма—стѣной запретовъ и каръ и „улучшеніемъ народнаго труда". Органамъ самоуправленія и въ 1881 г., и много позже, настойчиво рекомендовалось вступать въ общество и нести ему свои пожертвованія. Для земскихъ собраній ассигнованіе пособій обществу улучшенія народнаго труда было средствомъ огражденія себя отъ губернаторскихъ протестовъ и вообще отъ тормазовъ, подобно ассигнованіямъ на археологію и на архивныя коммиссіи. И собранія—нѣкоторыя, реакціонныя, съ готовностью, большинство—скрѣпя сердце,—несли пожертвованія.

Шли годы—общество ничѣмъ себя не проявляло. Кое-гдѣ въ земствѣ возникали было разговоры на тему, что интересно было бы узнать, на что ушли или идутъ земскія деньги. Но всегда дѣло на разговорахъ кончалось. Въ прошломъ году ярославское губернское

земское собраніе — первое, кажется, — не ограничилось разговорами. Оно внесло въ свое время въ кассу общества тысячу рублей и поручило губернскому предводителю дворянства, кн. И. А. Куракину, выяснить вопросъ о положеніи дѣлъ въ обществѣ. На одномъ изъ засѣданій послѣдней сессіи кн. Куракинъ доложилъ объ исполненіи порученія. Сущность его доклада заимствуемъ изъ корреспонденціи „Новой Руси" (№ 22).

„Обществомъ—передаетъ корреспондентъ слова кн. Куракина—въ теченіе свыше чѣмъ 25-лѣтняго существованія — израсходовано: на покупку предметовъ обзаведенія 225 руб. 85 коп., на содержаніе личнаго состава комитета учредителей—43.480 руб. 89 коп., почтовые расходы—8.711 руб. 93 коп., канцелярскіе и хозяйственные расходы—29.558 руб. 12½ коп., типографскіе расходы—5.812 руб. 35 коп., на покупку бумаги—5.875 руб. 15 коп., на наемъ помѣщеній—19.368 р. 45 коп. и на разныя надобности — 1.332 руб. 64 коп., а всего 145.512 руб. 91½ коп." На выполненіе же своихъ задачъ общество не истратило ни одной копѣйки. Оно до сихъ поръ еще не приступало къ дѣятельности!

Болѣе яркаго денежнаго отчета намъ никогда не доводилось ни читать, ни видѣть. Канцелярія съѣла 145 тысячъ рублей и абсолютно ничего не сдѣлала! Она исписала бумаги почти на шесть тысячъ рублей, и чтобы бумага гуляла по свѣту — истратила на почтовыя марки почти девять тысячъ! Этимъ она противодѣйствовала „вреднымъ ученіямъ соціализма и коммунизма"!.. „Съ горькимъ смѣхомъ—пишетъ корреспондентъ — встрѣтило возмущенное до глубины души земское собраніе докладъ кн. Куракина"... „Въ начавшихся затѣмъ преніяхъ гл. Крыловъ заявилъ, что дѣятельность общества „настолько обширна", что губернскому земскому собранію лучше, отступившись отъ внесенной 1.000 руб., отказаться отъ всякаго участія въ немъ. Гл. Ошанинъ, называя дѣятельность общества „ужасной", считалъ нужнымъ не только не выбирать въ общество своего представителя, но постараться, чтобы самое наименованіе ярославскаго земства не значилось въ обществѣ, считая это участіе позорнымъ для земства".

Кн. Куракинъ быть представителемъ отъ земства въ обществѣ рѣшительно отказался.

Существуетъ ли общество и поднесь? Продолжаетъ ли оно столь же полезно „дѣйствовать", какъ „дѣйствовало" четверть вѣка? Покупаетъ ли оно бумагу и почтовыя марки, нанимаетъ ли помѣщеніе, тратится ли на хозяйственные расходы? По докладу кн. Куракина и по рѣшенію ярославскаго собранія —„представителя въ общество не избирать"—выходитъ, что какъ будто бы и существуетъ.

Въ той же газетѣ („Новая Русь", № 19) перепечатанъ изъ „Сѣверокавказской Газеты" заслуживающій вниманія приказъ начальника ставропольскаго гарнизона, генералъ-маіора Левицкаго, отъ 2 января 1909 года. Приказъ состоитъ изъ двухъ частей. Одна вызвана статьей „Сѣверокавказской Газеты" подъ заглавіемъ: „Что мнѣ законъ, мнѣ судьи знакомы"; другая—статьей подъ заглавіемъ: „Входъ воспрещается".

Въ первой статьѣ, по словамъ приказа, „выражено намѣренное преступное нежеланіе понимать и считаться съ военными обычаями и военной честью, не одинаковою съ гражданскою, и вмѣстѣ съ тѣмъ допущено возбуждающее направленіе противъ военнаго сословія и военнаго суда". И за это „возбуждающее направленіе" и „нежеланіе понимать и считаться съ военными обычаями и честью" — пишетъ ген. Левицкій — „мною привлеченъ къ законной отвѣтственности виновный писатель этой статьи на основаніи п. 2 ст. 1034/4 улож. о наказ.". Во второй статьѣ, значится въ приказѣ, „допущены выраженія противъ военной дисциплины и воинскихъ законовъ и самый характеръ статьи преступный въ томъ, что въ ней передаются подлинныя выраженія нижняго чина, въ которыхъ видно глумленіе надъ принятыми въ военномъ вѣдомствѣ порядками и допущенъ разговоръ отъ лица нижняго чина въ формѣ агитаціи о равноправіи, свободѣ слова, собраній и неприкосновенности личности". А посему резолюція: „авторъ привлеченъ къ законной отвѣтственности по 129 ст. угол. уложенія".

Не правда ли хорошо положеніе печати, когда „начальникъ гарнизона" (?) можетъ сажать на скамью подсудимыхъ авторовъ газетныхъ статей по такимъ *юридическимъ* основаніямъ? По счастью, не ген. Левицкій будетъ ихъ отправлять въ тюрьму или въ исправительный домъ. На это его власть не распространяется. Но вотъ на что она распространяется — на воспитаніе подчиненныхъ ему воинскихъ чиновъ. А въ какомъ духѣ онъ ведетъ ихъ воспитаніе, ярко обнаруживаетъ тотъ же самый приказъ. „Граждане — утверждаетъ ген. Левицкій, проводя свою собственную теорію права обороны,—не имѣютъ права чѣмъ-либо оскорблять и прикасаться къ офицеру, даже во время и послѣ совершенія преступленія противъ личности"... „Каждое непрошенное (!) вмѣшательство гражданъ въ предупрежденіе проступка или преступленія обыкновенно оканчивается дѣйствіемъ оружія со стороны офицера". „Въ дѣлѣ братьевъ Коваленскихъ, если бы скандалъ ограничился только избіеніемъ виновнаго шоффера и не вмѣшалась бы въ это дѣло публика, то виновный офицеръ за фактъ драки былъ бы позорно выгнанъ изъ офицерской среды, но вмѣшательство публики и оскорбленіе офицера сдѣлало то, что виновный

офицеръ заслуживалъ очень слабаго наказанія, или полнаго помилованія Государемъ Императоромъ. Протестъ противъ такого суда могутъ оспаривать люди, не понимающіе военныхъ нравовъ и обычаевъ".

Для ген. Левицкаго не существуетъ ни общихъ, ни военныхъ законовъ. Для него существуютъ только „военные нравы и обычаи",— вѣрнѣе, свое собственное, никѣмъ не авторизированное, ихъ пониманіе. Къ чему ведутъ такіе приказы? Къ побѣдѣ на войнѣ?—Какое печальное, ужасное заблужденіе!..

Не въ текущей хроникѣ, конечно, умѣстно говорить о значеніи, которое имѣлъ въ русской жизни покойный о. Іоаннъ Кронштадтскій. Здѣсь можно отмѣтить только самый фактъ его смерти и сказать, что его значеніе не исчерпывалось жизнью религіозной, но захватывало собою и жизнь общественную. Къ нему влекли людей всѣхъ классовъ и всѣхъ положеній горячая искренняя вѣра, которою онъ былъ проникнутъ, отзывчивость къ горю, умѣнье давать успокоеніе, умѣнье молиться и учить молитвѣ, безграничная сердечная доброта. Его общественная популярность была еще недавно колоссально велика. Она поколебалась нѣсколько въ тотъ моментъ, когда насъ всѣхъ охватила политика. О. Іоаннъ не остался въ сторонѣ отъ политики. Онъ тоже отдался ей, и его политическими идеалами оказались идеалы „союза русскаго народа". Въ послѣдніе годы онъ не разъ обнаруживалъ рѣзкую нетерпимость, особенно ярко выразившуюся въ его отношеніи къ Л. Н. Толстому.

Уже съ подточеннымъ болѣзнью здоровьемъ вступилъ въ Государственную Думу знаменитый московскій адвокатъ Ѳ. Н. Плевако. Въ Думѣ онъ говорилъ только одинъ, если не ошибаемся, разъ. Но, все-таки, оставилъ по себѣ память рѣчью о „тогѣ мужа" и о „рубашкѣ ребенка". Память же о немъ, какъ о судебномъ ораторѣ — великомъ мастерѣ судебнаго краснорѣчія — останется въ адвокатской средѣ навѣки.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи таковаго на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

II.—Отъ Комитета по устройству Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ С.-Петервургѣ.

Состоявшійся въ іюнѣ 1908 г. въ Петербургѣ всероссійскій съѣздъ представителей повременной печати постановилъ въ ознаменованіе 80-лѣтія Л. Н. Толстого открыть повсемѣстный сборъ для устройства *Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ*. Въ домѣ этомъ, въ зависимости отъ собранныхъ средствъ, предполагается помѣстить, кромѣ Музея, и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія имени великаго писателя русской земли.

СОСТАВЪ КОМИТЕТА: Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, Д. С. Мережковскій, Г. В. Плехановъ, Л. З. Слонимскій, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ.

Пожертвованія принимаются у всѣхъ членовъ Комитета, а также въ редакціяхъ петербургскихъ газетъ: „Рѣчь“, „Слово“, „Современное Слово“, „Правда Жизни“, „Наша Газета“ и журналовъ: „Современный Міръ“, „Русское Богатство“ и „Вѣстникъ Европы“.

Въ Москвѣ — въ редакціи журнала „Русская Мысль“.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1909 годъ

на политическую, общественную и литературную газету

„СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“

Вступая въ новый годъ изданія, «Сѣверный Курьеръ», вѣрный традиціямъ стараго «Сѣвернаго Края», главной своей задачей ставитъ попрежнему служеніе нуждамъ и интересамъ населенія Сѣвернаго края.

Рядомъ съ этимъ «Сѣверный Курьеръ» имѣетъ служить выясненію очередныхъ общихъ вопросовъ государственнаго, правового, культурнаго и экономическаго строительства, крестьянскаго, земельнаго, рабочаго вопросовъ и другихъ коренныхъ и неотложныхъ задачъ современности.

Въ корреспондентскую сѣть «Сѣвернаго Курьера» включаются уѣздные города и крупные сельскіе пункты Ярославской, Вологодской, Архангельской, Костромской, Олонецкой, Новгородской, Владимірской, Вятской и Тверской губерній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На 12 мѣсяцевъ 7 р., на 6 мѣсяцевъ 4 р., на 3 мѣсяца 2 р. 20 к., на 1 мѣсяцъ 75 к.

При подпискѣ на годичный срокъ допускается разсрочка: въ моментъ подписки—3 р., 1 апрѣля—2 р. и 1 іюня—2 р. Для крестьянъ, вол. правленій, служащихъ въ нихъ, рабочихъ, народныхъ учителей, народныхъ сельскихъ библіотекъ и низшаго сельскаго духовенства плата уменьшенная: на 12 мѣсяцевъ 6 р.; на 6 мѣсяцевъ 3 р. 25 коп.; на 3 мѣсяца 1 р. 70 коп.; на 1 мѣсяцъ 60 коп.

При подпискѣ на годичный срокъ допускается разсрочка: въ моментъ подписки — 2 р. 60 к., 1 апрѣля 1 р. 70 к. и 1 іюня— 1 р. 70 коп.

Денежную, простую и заказную корреспонденцію адресовать такъ: Ярославль. Въ контору редакціи газеты «Сѣверный Курьеръ».

Редакторъ Д. В. Аѳонскій. Издатель Д. С. Ушаковъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

Январь—Февраль, 1909.

Книга первая. — Январь.

стр.

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ.—Фототипія.

Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ гр. Д. А. Милютину.—1882—1884 гг.—Сообщ. Д. А. КОРСАКОВЪ 5

Отрывки изъ воспоминаній.—А. Ѳ. КОНИ. 42

Споръ объ основахъ конституціоннаго права.—М. М. КОВАЛЕВСКАГО . . 81

Флора и Евлогій.—Быль IX-го вѣка.—СЕРГѢЯ ОЛЬДЕНБУРГА 100

Сосѣдка.—Разсказъ.—И. СУРГУЧЕВА. 108

Памяти В. Д. Спасовича.—I-IV.—Проф. М. П. ЧУБИНСКАГО 146

Ник. Ив. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I.—I-III.—В. И. СЕМЕВСКАГО 166

Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости.—I-III.—НИКОЛАЯ МОРОЗОВА. . 196

Взглядъ на прошлое „Вѣстника Европы“ (1866—1908).—К. К. АРСЕНЬЕВА. 216

Аграрный вопросъ въ третьей Думѣ.—А. С. ПОСНИКОВА 233

Причины и цѣли новѣйшаго славянскаго движенія.—А. Л. ПОГОДИНА. . . 249

Молодыя дѣвушки.—Романъ В. Маргерита.—„Jeunes filles“, par Victor Margueritte.—I-V.—Съ франц. О. Ч. 266

Національная идея и ея новѣйшія извращенія.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. . . 297

„Пѣсня пѣсней“. Романъ Г. Зудермана.—Hermann Sudermann, „Das Hohe Lied“. Часть первая: I-VII.—Съ нѣм. З. В. 312

Сумерки.—Стих. А. ѲЕДОРОВА 339

Хроника.—На современную тему.—Проф. ИВ. ХР. ОЗЕРОВА 341

Внутреннее Обозрѣніе.—Общій характеръ положенія.—Разладъ между формой и содержаніемъ.—Серьозная ошибка думскаго большинства.—Неудачныя историческія ссылки. — Статистика смертныхъ казней.—Поучительный процессъ.—Крайности „мѣстнаго законодательства“.—Эксперты и думскія коммиссіи. — Предѣлы власти предсѣдателя Думы. — Н. В. Муравьевъ †. 353

Литературное Обозрѣніе.—I. I. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. 2-й: Девятнадцатый вѣкъ.—II. А. А. Николаевъ. Теорія и практика кооперации. — М. Слобожанинъ. Смотръ кооперативнымъ силамъ. — III. А. И. Чупровъ. По поводу указа 9 ноября 1906 г. — В. В. — IV. Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1906 г.—Д. Р.—V. Проф. Стороженко. Очеркъ исторіи западно-европейской литературы.—Л. Ш.—Новыя книги и брошюры . . 371

Иностранное Обозрѣніе.—Главныя событія истекшаго года.—Австрійскія предпріятія на Балканскомъ полуостровѣ.—Парламентскія рѣчи по внѣшней политикѣ. — Отношенія между Австро-Венгріей и Италіею. — Князь Бюловъ и русская политика. — Циркулярная нота по балканскому вопросу.—Рѣчь А. П. Извольскаго въ Госуд. Думѣ.—Турецкій парламентъ. 386

Китайская императрица Цзи-Си.—В. В. КОРСАКОВА. 401

Первый Всероссійскій женскій съѣздъ.— З. С. МИРОВИЧЪ 411

Изъ Художественной Хроники.—Конкурсъ и Академія.—Ив. Л. 416

Порто-франко во Владивостокѣ.—МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО 423

Письмо Г-жи Маріанны Дюверруа-Віардо.—М. М. СТАСЮЛЕВИЧА. . . . 438

Изъ Общественной Хроники. — Общества обывателей и избирателей въ Петербургѣ. — Цѣль и задачи ихъ образованія. — Положеніе городского хозяйства.—Коммиссіи.—Общества и предстоящіе городскіе выборы.—Одна изъ нуждъ средней школы. — Рѣчь вологодскаго вице-губернатора.—Два приговора—двѣ мѣрки.—Курьезъ.—Графъ Е. А. Саліасъ †. 440

Извѣщенія.—I-II. 458

Объявленія 460

Библіографическій Листокъ.

Книга вторая. — Февраль.

Двѣ англійскія гелиогравюры: Вл. С. Соловьевъ и Ч. Дарвинъ.
„Дни свободы“ въ Севастополѣ.—КН. С. УРУСОВА 461
Памяти В. Д. Спасовича.—V-VIII.—Проф. М. П. ЧУБИНСКАГО 484
Душа собаки.—К. С. БАРАНЦЕВИЧА 513
Пушкинъ и гр. Е. К. Воронцова (1824).—М. О. ГЕРШЕНЗОНА 530
Ник. Ив. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I.—IV-VII.—В. И. СЕМЕВСКАГО 548
Походъ.—Разсказъ.—МОРСКОГО 581
Коалиціи общественныхъ силъ.—А. ДЖИВЕЛЕГОВА 609
На мельницѣ.—С. СЕМЕНОВА 621
Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости.—IV-VI.—НИКОЛАЯ МОРОЗОВА . 630
С. Ю. Витте и К. П. Побѣдоносцевъ о современномъ положеніи православной церкви.—КАМЕНЕВА 651
Панъ.—Стих. АНАТОЛІЯ ДОБРОХОТОВА 692
Молодыя дѣвушки. — Романъ В. Маргерита. — „Jeunes filles“, par V. Margueritte.—VI-XIII.—Съ франц. О. Ч. 693
На закатѣ.—Изъ Поля Верлена.—ЗИНАИДЫ Ц. 723
Чего проситъ деревня?—С. АНИКИНА 724
Въ мастерской часовщика.—Стих. МИХАИЛА ГАЛЬПЕРИНА 741
„Пѣсня пѣсней“. — Романъ Г. Зудермана. — Herman Sudermann, „Das Hohe Lied“.—VIII-XIII.—Съ нѣмецк. З. В. 743
Февраль.—Стих. П. С. СОЛОВЬЕВОЙ 780
Чарлзъ Дарвинъ. — 12 февраля (н. с.) 1809 г. — 12 февраля 1909 г.— К. А. ТИМИРЯЗЕВА 781
Хроника.—Памяти Ивана Егоровича Забѣлина.—А. ПРѢСНЯКОВА 805
Землеустроительный тупикъ.—Ѳ. Ѳ. 812
Внутреннее Обозрѣніе. — Продленіе чрезвычайной охраны въ Петербургѣ. — Кому она нужна и полезна? — Рѣчь П. А. Столыпина при открытіи съѣзда должностныхъ лицъ. — Новое примѣненіе статьи 87-ой основныхъ законовъ.—Различія и сходства. — Смертная казнь безъ суда.— Что такое безпартійность?—Новая эволюція октябризма. 821
Провинціальное Обозрѣніе.—П. ЖИЛКИНА 839
Литературное Обозрѣніе. — I. Д. Г. Коноваловъ. Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Ч. I, вып. 1.—А. Л. ПОГОДИНА.— II. Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—06 гг. Обзоры по районамъ: Б. Б. Веселовскаго, В. С. Голубева, В. Г. Громана, А. Е. Лосицкаго, П. П. Маслова, С. Н. Прокоповича, Д. И. Рихтера, А. М. Рыкачева, Н. В. Чернышева. Ч. 1 и 2.—В. В.—III. А. В. Пѣшехоновъ. Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей.—М. И. ФРИДМАНА.— IV. Проф. Э. Д. Гриммъ. Революція 1848 года во Франціи. Ч. I.— Подготовка революціи 1848 года во Франціи. Часть II.—Февральская революція. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.—И. БОРОЗДИНА.—V. В. Герье. „Францискъ, апостолъ нищеты и любви“.—Л. КАРСАВИНА. — Новыя книги и брошюры 848
Землетрясеніе въ Италіи.—Письмо изъ Рима.—МИХ. ОСОРГИНА . . . 866
Иностранное Обозрѣніе.—Балканскій кризисъ и австрійская политика. — Вопросъ о конституціонной роли Вильгельма II.—Императоръ предъ судомъ общественнаго мнѣнія. — Мечты о прусской избирательной реформѣ.—Французскія дѣла 875
Два письма М. Г. Черняева о восточномъ вопросѣ.—Л. З. СЛОНИМСКАГО . 887
Отвѣтъ Ел. Ив. Апрѣлевой. — По поводу протеста г-жи Маріанны Дювернуа-Віардо.—М. М. СТАСЮЛЕВИЧА 892
Изъ Общественной Хроники. — Общественно-политическая задача момента. — Споръ о классовой основѣ союза 17 октября.—Признаки поворота въ земствѣ.—Предстоящіе земскіе выборы.—Агентъ охраны и революціонеръ-бомбистъ Азефъ. — Арестъ А. А. Лопухина. — Дѣло Алексѣева (Брута). — Урокъ депутату въ городской думѣ. — „Общество улучшенія народнаго труда“. — Достойный вниманія приказъ. — О. Іоаннъ Кронштадтскій.—Ѳ. Н. Плевако †. 894
Извѣщенія.—I-II. 912
Объявленія 914

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. С. Пругавинъ. Въ казематахъ. Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ. Шлиссельбургъ. Суздальская тюрьма, Петропавловская крѣпость. Съ портретами и рисунками. Ц. 1 рубль.

А. С. Пругавину принадлежатъ большія заслуги по изслѣдованію и оглашенію того, что происходило еще недавно въ русскихъ государственныхъ и монастырскихъ тюрьмахъ. Многое было сдѣлано имъ въ этомъ отношеніи еще тогда, когда чрезвычайно трудной и даже небезопасной была открытая разработка подобныхъ темъ. Очерки, вошедшіе въ составъ настоящей книги, всѣ пересмотрѣны и отчасти дополнены авторомъ. „Мы полагаемъ" — говоритъ А. С. Пругавинъ, — „что именно теперь, когда реакціонныя партіи пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы возвратить и удержать порядки, царившіе у насъ при старомъ режимѣ, будетъ полезно воскресить въ памяти читателей тѣ условія, среди которыхъ протекала культурная, религіозная и политическая жизнь общества и народа въ старой Россіи, при полномъ господствѣ бюрократическаго строя". Это совершенно вѣрно: книга А. С. Пругавина появилась въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати. Помимо ея практическаго значенія, она представляетъ и большой ретроспективный интересъ. Тѣ факты, которыхъ она касается, должны занять выдающееся мѣсто въ исторіи Россіи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ та часть книги, гдѣ идетъ рѣчь о Суздальской монастырской тюрьмѣ. Что-нибудь аналогичное можно найти, въ XIX вѣкѣ, развѣ въ Испаніи, пока въ ней господствовалъ, до тридцатыхъ годовъ, старый реакціонно-инквизиціонный режимъ.

В. Бузескулъ, профессоръ Харьковскаго университета. Исторія аѳинской демократіи. Спб., 1909. Ц. 2 руб. 50 коп.

Профессоръ Бузескулъ давно уже работаетъ въ той области, которой посвящено его новое сочиненіе. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ выпустилъ въ свѣтъ превосходную книгу о Периклѣ; нѣсколько позже появилась его монографія объ „Аѳинской политіи Аристотеля", недавно изданъ обширный трудъ: „Введеніе въ исторію Греціи", увѣнчанный преміею отъ Академіи Наукъ. Теперь онъ даетъ полное изображеніе судебъ аѳинской демократіи, начиная съ паденія царской власти (въ VIII в. до Р. Х.) до Херонейской битвы и конца независимости Эллады. Предназначая эту книгу не столько для спеціалистовъ, сколько для болѣе обширныхъ круговъ—для студентовъ, для стремящихся къ самообразованію, для интересующихся исторіей, въ особенности исторіей политическихъ формъ,—авторъ, по его словамъ, избѣгалъ вдаваться въ мелкія подробности, касаться запутанныхъ вопросовъ и выставлять рискованныя гипотезы. При изложеніи исторіи аѳинской демократіи онъ „имѣлъ въ виду не только самый строй и учрежденія, но и среду, воззрѣнія, настроенія"; онъ часто пользовался, поэтому, Аристофаномъ и Еврипидомъ. Появленіе [illegible] проф. Бузескула тѣмъ болѣе своевременно, что въ послѣдніе годы на Западѣ вышло нѣсколько капитальныхъ трудовъ по греческой исторіи—Бузольта, Белоха, Мейера, Пельманна, Бурхгардта,—на русскій языкъ, большею частью, не переведенныхъ или переведенныхъ только отчасти.

Римская исторія по Моммсену. Съ портретомъ Моммсена. Изд. князя А. К. Горчакова. Спб., 1909. Ц. 1 рубль.

Сокращенное изложеніе знаменитаго труда не даетъ, конечно, полнаго понятія объ особенностяхъ Моммсена, какъ историка—мыслителя и художника. Пропущены, напримѣръ, такія характерныя страницы, какъ посвященныя въ „Römische Geschichte" всесторонней, далеко не безпристрастной, но чрезвычайно яркой обрисовкѣ Цицерона. Тѣмъ не менѣе трудъ, совершенный по иниціативѣ кн. А. К. Горчакова, нельзя назвать излишнимъ. Онъ можетъ быть прочитанъ не безъ пользы всѣми тѣми, для кого недоступно или непосильно знакомство, въ подлинникѣ или въ переводѣ, съ обширнымъ сочиненіемъ Моммсена.

Проф. А. Яроцкій. Идеализмъ, какъ физіологическій факторъ. Юрьевъ, 1908.

Книга проф. Яроцкаго посвящена развитію очень важной темы — о вліяніи высшихъ сторонъ душевной жизни на теченіе болѣзненныхъ процессовъ. По убѣжденію автора, душевный подъемъ распространяетъ свое дѣйствіе на всю область внутреннихъ болѣзней. Отъ самого больного зависитъ пустить въ ходъ этотъ могучій факторъ; близкія къ нему лица могутъ способствовать той же цѣли, вліяя на идеалистическія стороны душевной его жизни (подъ идеализмомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ о немъ проф. Яроцкій, разумѣется не міросозерцаніе, противоположное матеріалистическому, а душевное состояніе: стремленіе къ идеалу). Понятно, какой интересъ представляетъ основная мысль автора, особенно въ переживаемое нами время, благопріятствующее тяжелымъ заболѣваніямъ на почвѣ разныхъ аномалій психической жизни.

Борисъ Веселовскій. Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Томъ второй. Спб., 1909. Цѣна за оба тома 12 рублей.

Этимъ томомъ оканчивается обширный трудъ, предпринятый г. Веселовскимъ. Въ какой степени онъ является безпристрастнымъ и исчерпывающимъ свою задачу—объ этомъ существуютъ различныя мнѣнія: они нашли отголосокъ въ преніяхъ, происходившихъ недавно, по поводу доклада г. Веселовскаго, въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что сводка громаднаго матеріала, сдѣланная г. Веселовскимъ, можетъ облегчить знакомство съ прошлымъ нашего земства и подготовить настоящую его исторію. Второй томъ обнимаетъ собою экономическія мѣропріятія земствъ, продовольственное дѣло, ветеринарію и страхованіе скота, взаимное земское страхованіе отъ огня, дорожное дѣло, земскую почту и земскіе телефоны.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1909 г.

(Сорокъ-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ** подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**

при ближайшемъ участіи:

М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ прежнихъ отдѣловъ, журналъ будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, періодическіе обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ. Мемуары и воспоминанія, помѣщаемые въ журналѣ, будутъ время отъ времени сопровождаться снимками съ портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненными преимущественно англійской геліогравюрой Rembrandt Intaglio (всего предполагается до 20 снимковъ въ годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28; въ Городской Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

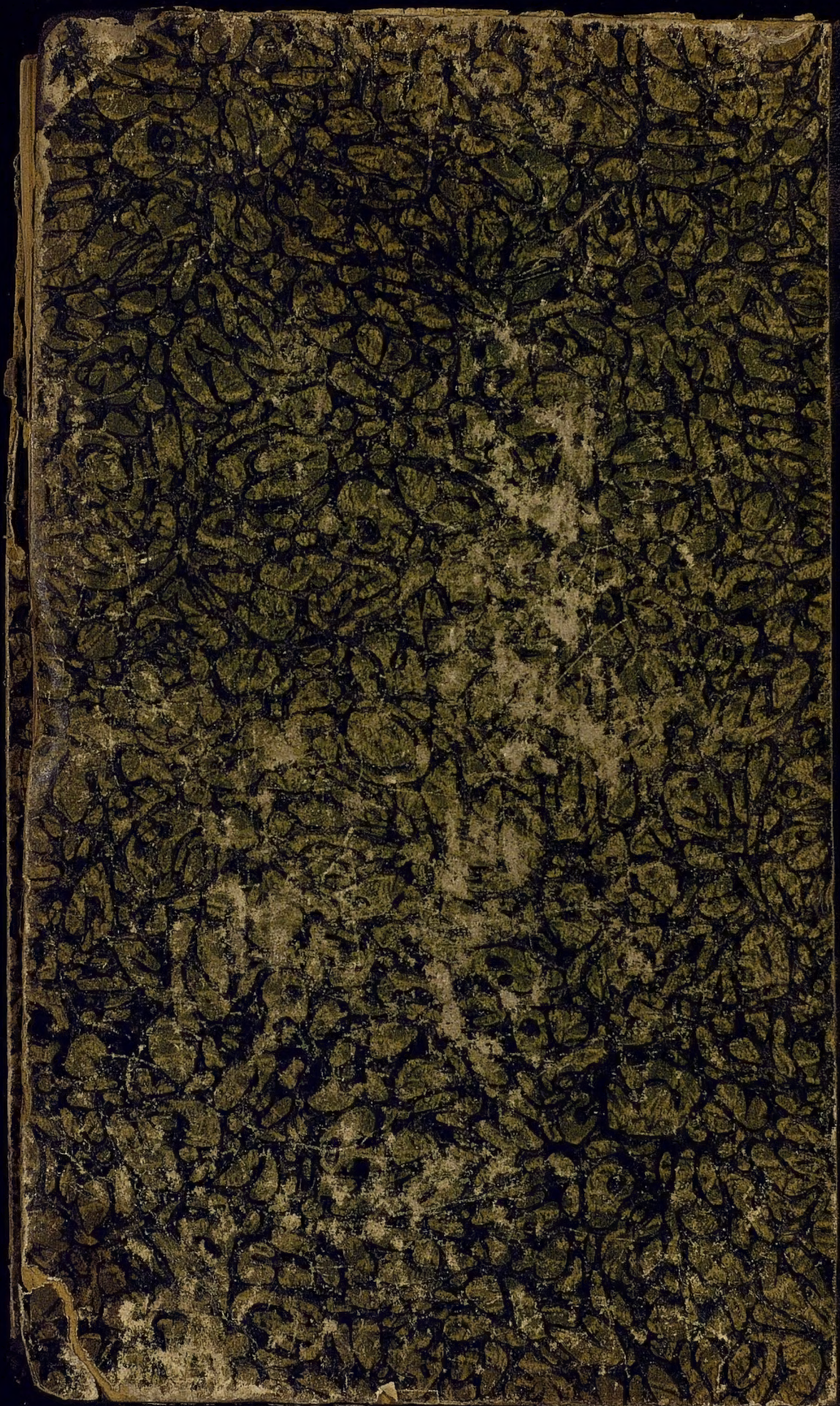
Заявленія о подпискѣ принимаются также по телефону:

въ Спб. № 74 — 51, въ Москвѣ № 57 — 86.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Знаменская, 34.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Пет. Стор., Кронверкская ул., 21.

ГОРОДСКАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Загородный просп., 14.